This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855270 4

Digitized by Google

1193

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

11935

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

1849 ГОДА.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1849.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770741A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 28-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 5. Мартъ. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

ЧУДОДѢЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

[illegible] затѣйливо-убранномъ всею роскошью свѣтскихъ причуд [illegible] большомъ кабинетѣ, лежалъ на полу, навзничь, прекрасный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати. Должно было полагать, что сильный обморокъ засталъ его въ минуту сбора дѣлать визиты. На немъ былъ щегольской утренній костюмъ, шляпа на головѣ; но перчатки, тросточка, фуляръ, разбросаны были по паркету. Мертвенная блѣдность покрывала его лицо; казалось, что послѣ долгаго конвульсивнаго припадка, изломанные, истомленные его члены раскинулись на вѣчный покой и уже охладѣли; но никто не заботился подать ему помощь, не смотря на то, что въ залѣ два человѣка собирали на столъ завтракъ; а въ комнатѣ рядомъ, которая была спальней, подлѣ столика, со всѣми туалетными вещами и вещицами, сидѣлъ въ утреннемъ шелковомъ сюр-

PERL. JAN 21 1935

Digitized by Google

тукѣ, хотя не молодой человѣкъ, но молодой еще мужчина, смотрѣлъ въ зеркальце, расчесывалъ бакенбарды, и, пригладивъ ихъ, повязывалъ платкомъ, чтобы они прилегли ровнѣе къ лицу. Кончивъ свою прическу и подумавъ немного, на вопросъ человѣка: «Что извольте надѣть», — онъ отдалъ приказъ и вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ на полу распростертый молодой человѣкъ. Посмотрѣвъ на него преспокойно, безъ малѣйшаго содроганія души, онъ присѣлъ къ письменному столику, взялъ перо, обмакнулъ въ чернила, подумалъ, положилъ его осторожно, чтобъ не замарало прекрасной шитой шелками покрышки стола, взглянулъ въ большое стѣнное зеркало, развязалъ повязку бакенбардъ и сталъ приласкивать ихъ рукой.

Между тѣмъ молодой человѣкъ лежалъ, не оказывая ни малѣйшаго признака жизни.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ.

Совершенно непонятная картина; но иначе и быть не могло.

— Ты, братецъ, умеръ, или еще нѣтъ? — сказалъ наконецъ молодой мужчина.

Какъ будто галваническій токъ пробѣжалъ по членамъ молодаго человѣка, онъ встрепенулся, покатился по полу и конвульсивно застукалъ ногами; потомъ вдругъ вскочилъ съ полу, бросился къ молодому мужчинѣ, обхватилъ его и повисъ на шеѣ.

— Сдѣлай одолженіе, нельзя ли избавить отъ этихъ объятій!... Ты съ-ума сошелъ, Даяновъ!....

— Не могу! — вскричалъ молодой человѣкъ.

— Оставь пожалуйста, что за шутки! — проговорилъ сердито молодой мужчина, освобождаясь отъ насильственныхъ объятій.

— Шутки? Ты думаешь, что это шутки? — вскричалъ снова молодой человѣкъ, вскочивъ на ноги. — Ты, душа моя, не знаешь сердца человѣческаго, ты принимаешь

Digitized by Google

это за шутки? *Она* даетъ балъ — это шутка? а? Да говори Ранѣевъ! Ну? шутка, или серьезное это дѣло? — Софи даетъ балъ! Уууу!

И съ этимъ возгласомъ молодой человѣкъ бросился на маленькій диванъ и заколотилъ ногами; потомъ уперся въ золоченую ручку — ручка затрещала.

— Ты совсѣмъ съ-ума сошелъ! — сказалъ съ досадой Ранѣевъ.

— Не могу! — вскричалъ Даяновъ.

— Что тебѣ сдѣлала моя мебель?

— Мѣшаетъ!....

И онъ толкнулъ еще разъ ногой въ ручку, и ручка отлетѣла.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! — сказалъ Ранѣевъ, — тебя надо связать.

— Свяжи пожалуйста, душа моя!....Ухъ! гадкая Софи!.. даетъ балъ!.... Это что-нибудь да значитъ!.... Чтожъ это значитъ? а? Ранѣевъ? Это чортъ знаетъ, что значитъ! Это — конецъ всему!

И Даяновъ взвизгнулъ, перекинулся, застукалъ ногами, схватилъ шитую подушку изъ-подъ головы, бросилъ ее, какъ говорится, къ чорту; подушка ударилась въ тумбу съ мраморной вазой; ваза слетѣла на полъ, разбилась въ дребезги.

— Ты съ-ума сошелъ! — проговорилъ опять, пожавъ плечами, Ранѣевъ.

— Я люблю ее! — вскричалъ Даяновъ, вскочивъ и забарабанивъ обѣими руками по столу; — люблю, люблю, люблю, люблю, люблю! Не могу жить безъ нея, не могу, не могу, не могу! Ну, никакъ не могу! Чтожъ дѣлать: это ужъ рѣшеное дѣло!

— Въ тебѣ, другъ мой, не любовь поселилась, а чортъ; посмотри, ты на себя не похожъ.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, — проговорилъ Даяновъ, вставъ и смотря въ зеркало: — знаешь сколько ночей я не спалъ?

— Я тебѣ совѣтовалъ бы, мой милый, разсѣять свою любовь, хоть путешествіемъ.

— Разсѣять?.... Чтожъ это какое-нибудь сѣмя разсѣять? Изъ этого что-нибудь выростетъ? а? да говори же!

— Твоя Софи кокетничаетъ съ тобою, какъ и съ другими, — вотъ и все.

— Тсъ, молчать!

— Нечего молчать; я тебѣ серьезно говорю.

— Тсъ! молчать!.... Со мной кокетничаетъ? она? Я за ней не волочился, я прямо сказалъ ей послѣ смерти ея дрянаго мизантропа мужа, что я ее люблю, что я хочу только одного — жениться на ней. Хочу одну ее — понимаешь?

— И она очень умно отвѣчала тебѣ, что не намѣрена выходить замужъ; подразумѣвая: за тебя; потому что ты еще ребенокъ: она старше тебя по крайней мѣрѣ пятью годами.

— Ни, ни, ни! Она сказала: ни за кого!.... А разсчеты: старше, моложе — тьфу!

— А между тѣмъ пріятно держать подлѣ себя на сворѣ такого хорошенькаго мальчика.

— Послушай ты, дядя, я тебѣ дамъ такого мальчика!....

— И надо прибавить еще взбалмошнаго шалуна, — продолжалъ Ранѣевъ, не обращая вниманія на дружескую тукманку по спинѣ. — Она очень умно просидѣла скромно дома въ продолженіе слишкомъ года интересной вдовой.... Чего же больше.

— Ахъ, душа моя! Это было счастливѣйшее мое время! — вскричалъ Даяновъ.

— Помилуй, ты каждый день бѣсился отъ ревности и также, какъ сегодня, катался по полу.

Digitized by Google

— Ревность! Нисколько не ревность! Мнѣ просто надоѣлъ этотъ проклятый Замшинъ: только что разговоримся о чемъ-нибудь съ сердечнымъ изліяніемъ, какъ нарочно чортъ его принесетъ! Не понимаю, какъ можетъ умная женщина позволять заниматься собою дураку.... и выносить его бесѣду?.... Только что онъ придетъ, я тотчасъ же ухожу, и бѣшусь на Софи.

— А ты ведешь съ ней умныя бесѣды?

— Очень натурально, что говорю не о какихъ-нибудь пошлостяхъ, не комплименты; а говорю обо всемъ, высказываю свои задушевныя понятія и не наговорюсь съ ней; а этотъ дуракъ....

— Постой. А объ ней самой и о своихъ чувствахъ не говоришь?

— Нелѣпость какая!

— Такъ ты, мой милый, въ мильонъ разъ скучнѣе для нея, нежели Замшинъ. Я увѣренъ, что слушая его, она отдыхаетъ отъ твоего глубокомыслія.

— Брррр! — вскричалъ Даяновъ, швырнувъ ногой лежавшую на полу свою шляпу, — не понимаю! Чортъ знаетъ, не понимаю!.... Вдругъ балъ!.... Присылаетъ ко мнѣ пригласительный билетъ на балъ!.... Мнѣ, билетъ!.... Я послѣ того у нея не былъ.... Не могъ быть, не хочу быть!

— И хорошо дѣлаешь.

— Хорошо, хорошо! это хорошо стоитъ мнѣ....

— Пойдемъ-ко лучше завтракать, — я поподчую тебя перигорскимъ пирогомъ, — сказалъ Ранѣевъ, выходя въ залу. Чего же стоитъ это тебѣ?

— Стоитъ мнѣ.... по крайней мѣрѣ десять лѣтъ жизни! — продолжалъ Даяновъ, отрѣзавъ пирога и бросая въ ротъ огромному брусбарту, который ластился около него.

— Помилуй, любезный другъ! Кормить собаку перигорскимъ пирогомъ!

Digitized by Google

— Да чтожъ дѣлать душа моя, если она ѣстъ не хуже меня?

— Я тебя подчую, а не собаку.

— Да это все равно, кто бы ни съѣлъ, не о томъ дѣло! я непремѣнно поѣду на балъ!.... Мы поѣдемъ вмѣстѣ.... я къ тебѣ заѣду ввечеру.... Прощай!

И Даяновъ, нахлобучивъ шляпу, торопливо бросился къ двери.

— Прощай! — сказалъ и Ранѣевъ, — очень жаль, что не попробовалъ перигорскаго пирога!

Кончивъ свой завтракъ, онъ одѣлся въ утренній костюмъ, посмотрѣлъ въ записную книжку визитовъ, подумалъ, — и поѣхалъ платить свѣтскіе долги: провелъ одинъ день, какъ другой, а ввечеру возвратился домой, чтобъ надѣть вечерній костюмъ и ѣхать на балъ въ Малинской.

Только что онъ засѣлъ совершать свой туалетъ предъ зеркаломъ, какъ вдругъ послышались почти въ одно время: стукъ экипажа у подъѣзда, стукъ дверей въ передней и въ залѣ, звонкій голосъ: баринъ дома? и скорые шаги по залѣ и кабинету.

— Гдѣжъ баринъ?—повторилъ тотъ же голосъ у дверей спальни, — и Даяновъ торопливо вошелъ по-англійски въ комнату, кинулъ шляпу и перчатки, вслѣдъ за ними бросился самъ на диванъ и, ни слова не говоря, въ то же мгновеніе захрапѣлъ.

— Умаялся, мой милый, — сказалъ Ранѣевъ, расправляя и устроивая локоны волосъ, завитыхъ на Кузнецкомъ мосту.

Но не успѣлъ еще онъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, съ бакенбардами и подбородкомъ, какъ Даяновъ очнулся и крикнулъ: чтожъ ты, готовъ?

— Нѣтъ, не готовъ, — отвѣчалъ Ранѣевъ; но Даяновъ уже не слыхалъ отвѣта.

Digitized by Google

Чрезъ нѣсколько минутъ, когда Ранѣевъ повязывалъ уже хитрымъ узломъ шейный платокъ, молодой человѣкъ, какъ будто кто толкнулъ его подъ бока, снова открылъ глаза и крикнулъ:

— Чтожъ, ты готовъ?

— Нѣтъ, не готовъ, — отвѣчалъ Ранѣевъ, медленно и тщательно расправляя узелъ.

Даяновъ вскочилъ, протеръ глаза, крикнулъ:

— Мочи нѣтъ! Иванъ, пошелъ, вели подавать коляску! Я самъ буду одѣвать барина!

— Ну-ну-ну-ну, не безпокойся! — сказалъ Ранѣевъ, ограждая себя отъ заботливости Даянова, который протянулъ было уже руки къ узлу шейнаго платка.

— Ты мучитель! Ты кунктаторъ — вскричалъ Даяновъ, — ты уморишь меня!..

— Послушай, милый мой, ты такимъ измятымъ и поѣдешь на балъ?

— Ну-ну-ну-ну, одѣвайся, примазывайся, приглаживайся скорѣй!.... Эй!.... Подавай ему шубу!—крикнулъ вмѣсто отвѣта Даяновъ.

— Это невозможно! Посмотри на себя, ты какъ мертвецъ, весь какъ изтерзанный....

— Да, да, изтерзанный, ну, чортъ бы далъ, изтерзанный, такъ изтерзанный, это значитъ, что меня изтерзали!

— Я съ тобой въ такомъ видѣ не поѣду.

— Такъ ты бы, душа моя, давно сказалъ: за чѣмъ же я ждалъ?

И Даяновъ схватилъ свою шляпу, надѣлъ на голову, вздернулъ кое-какъ перчатки, — и выбѣжалъ.

— Хмъ! Чудакъ! — проговорилъ Ранѣевъ, присѣвъ снова къ столику и осматриваясь.

Digitized by Google

II.

Зала и гостиныя были уже полнехоньки, когда Дяновъ пріѣхалъ на балъ. Ему надо пробиться къ хозяйкѣ дома сквозь толпу знакомыхъ и молодежи. Всѣ его знали, всѣ любили, со всѣми онъ былъ пріятель, у всѣхъ что-нибудь перебилъ и переломалъ во время своихъ припадковъ отчаянія или восторговъ. Только что рпнулся онъ въ толпу, его еще болѣе сжали дружескія встрѣчи; но сквозь пожатія руки и изліянія радости и дружбы онъ проходилъ, не обращая ни на кого вниманія, искалъ глазами Софи Малинской, очаровательной хозяйки, еще очаровательнѣе — молоденькой, богатой вдовы, на которой такъ бы вотъ и женился каждый любитель красоты и доходовъ, упрочивающихъ состояніе, удовлетворяющихъ самолюбіе и заимодавцевъ, дающихъ извѣстность и возможность, полагаясь на сто тысячь дохода, дѣлать милліонъ долгу.

Сбросивъ съ себя *смирную* одежду по мужѣ, о которомъ можно было тосковать только по привычкѣ къ тоскѣ и грусти, которую онъ наводилъ собою, Софія Малинская въ первый разъ, послѣ двухъ лѣтъ, явилась въ самомъ скромномъ, неизысканномъ бальномъ нарядѣ; но, въ бѣломъ газѣ и въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, она казалась невѣстой.

Молодость, свѣжесть и нѣжность лица, слегка отуманеннаго грустнымъ выраженіемъ, томный взоръ, поющій голосъ, взволновали всѣхъ латниковъ бала, — и они толпою бросились вызываться на право танцовать съ нею.

Но взоръ ея блуждалъ: кого-то искалъ въ толпѣ, — и не находилъ.

— Я уже дала слово на первую кадриль, — отвѣчала она всѣмъ смутясь: — на вторую, на третью, на четвертую, если вамъ угодно.

И очередь шести кавалеровъ отмѣтила она на бальной своей табличкѣ. Но кавалеръ первой кадрили не являлся. Всѣ желали знать его: но онъ остался для всѣхъ тайною.

Digitized by Google

Софи не танцовала первой кадрили. Рада бы была отказаться и отъ всѣхъ прочихъ, такъ возмутило ее что-то; но кавалеръ на вторую кадриль уже на-сторожѣ, — готовъ по первому мановенію смычка подбѣжать къ ней.

Въ эту минуту она вспыхнула. Къ ней подошелъ Даяновъ. Лицо его было блѣдно; встряхнувъ свои локоны и откинувъ ихъ рукой назадъ, съ разсѣяннымъ взоромъ онъ проговорилъ ей:

— Вы ужъ ангажированы?

— Первой кадрили я не танцовала, — отвѣчала она: — кавалеръ, котораго я сама хотѣла пригласить на первую кадриль, не поторопился воспользоваться моею предупредительностію.

— Хмъ, еслибъ подобный счастливецъ предвидѣлъ этотъ балъ, онъ вѣрно самъ бы предупредилъ свое счастіе.... Но я думаю, счетъ кадрилей ни сколько не зависѣлъ отъ музыки....

— Я дала слово М-г Замшину танцовать слѣдующую; а это уже слѣдующая.

— Замшину? во всякомъ случаѣ вы танцуете съ нимъ первую кадриль!.... Которую же я могу танцовать съ вами? пятую, десятую, сотую, чтобъ заключить балъ?

Малинская безпокойно взглянула на Даянова; но чтобъ скрыть свои чувства, она склонила взоръ на табличку и проговорила: *седьмую.*

Даяновъ поклонился сухо; снова встряхнулъ, отбросилъ назадъ длинные локоны, посмотрѣлъ безъ вниманія на стороны, — и отошелъ.

Музыка заиграла. Замшинъ подбѣжалъ къ Софи, — и она встала на мѣсто; но взоръ ея преслѣдовалъ Даянова, который разсѣянно ходилъ по залѣ и уклонялся отъ бесѣдъ съ знакомыми.

Это былъ прекрасный молодой человѣкъ, красавецъ собой, уменъ, образованъ; но немилосердо изнѣженъ лю-

Digitized by Google

бовью и ласками родныхъ и знакомыхъ. Съ малолѣтства всѣ женщины ухаживали за нимъ, лелѣяли его, какъ нянюшки, и заразили его женскою раздражительностію и причудливостію. Отъ малѣйшихъ противорѣчій онъ приходилъ въ отчаяніе, въ изступленіе до безумія; но это изступленіе такъ было незлобиво, странно, похоже на ребячество, что каждый готовъ былъ унять его лаской, ухаживаньемъ, — и гладить по головкѣ, приговаривая: пай дитя!

Съ Софи Малинской онъ почти вмѣстѣ взросъ, — и страстно ее любилъ. Ему было шестнадцать лѣтъ, ей около двадцати: она вышла замужъ по разсчетамъ родныхъ. Онъ плакалъ; разстался съ отчаяніемъ и вступилъ въ военную службу. Но едва узналъ онъ, что Софи овдовѣла, бросилъ службу, прискакалъ въ Москву, умолялъ ее выйдти за него замужъ. Софи грустно ему отвѣчала, что она ни за кого не пойдетъ замужъ.

Не менѣе страстное чувство взаимности таилось и въ ней; но она зависѣла отъ мнѣній своихъ родныхъ и значенія своего въ свѣтѣ.

Когда она объявила своему старому дядѣ и теткѣ о предложеніи, сдѣланномъ ей Даяновымъ:

— Чтобъ ты пошла за молокососа? стыдись сударыня — прикрикнули они.

И она въ самомъ дѣлѣ покраснѣла, вспомнивъ, что Даяновъ гораздо моложе ея. Но чѣмъ же было ей успокоить страстное сердце Даянова какъ не рѣшительностію ни за кого не выходить замужъ?

Любя его, она въ самомъ дѣлѣ рѣшилась не выходить уже замужъ; но Даяновъ, выслушавъ горькій отвѣтъ, сказалъ: и я не женюсь ни на комъ!

Прошло около двухъ лѣтъ ея вдовства, являлась тьма искателей ея руки, — она всѣмъ отказывала.

Но старый дядя и тетка, которымъ отецъ и мать ея передали на руки родительскую власть надъ нею, строго и рѣшительно объявили, что ей необходимо выйдти замужъ,

Digitized by Google

пристроить себя. Они и всѣ родные приняли участіе въ богатомъ, хотя и совершенно пустомъ Замшинѣ. Понимая главную причину ея отказовъ, заботливая эта родня, копія съ эмигрантовъ прошедшаго столѣтія, строгая на сохраненіе приличій, но не строгая на нравы, безъ большихъ церемоній нашептала ей средство, какъ поступить въ удовлетвореніе ума и сердца: «любовь, моя милая, не можетъ тебѣ мѣшать выходить замужъ, твой jeune premier останется при тебѣ,» говорили ей тетушки.

Это снисходительное правило привело ее въ ужасъ. Софи рѣшилась исполнить желаніе родныхъ.

— Оно иначе и не могло быть, — сказалъ ей ласково старый дядя, нюхая табакъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшилась объясниться съ Даяновымъ, и просить забыть ее, но никакъ не могла рѣшиться исполнить этого; а между тѣмъ, также, во исполненіе желанія родныхъ, она принуждена была дать балъ.

Пригласительный билетъ Даянову, надписанный ея собственною рукою, привелъ его въ совершенное отчаяніе. Она желала, чтобъ онъ спросилъ ее, что значитъ этотъ балъ, хотѣла сказать ему: прости навсегда; но онъ не являлся къ ней, какъ будто предчувствуя, что отъ этого зависитъ его участь.

Почти увѣренная, что Даяновъ сердится на нее, она однако же надѣялась, что онъ непремѣнно пріѣдетъ на балъ. Первую кадриль хотѣла она танцовать съ нимъ; но рѣшительность на разлуку въ ней исчезла. А когда она замѣтила на лицѣ его отчаяніе, какъ будто предугадывающее: *прости*, — ей хотѣлось, вмѣсто прости, сказать ему: люби меня, не оставляй меня ни въ какомъ случаѣ! Что бы со мной ни было, сердце мое неразлучно съ тобою!

Отойдя отъ нея, Даяновъ бродилъ по комнатамъ. Отдалялся, или отворачивался отъ всѣхъ, заговаривающихъ съ нимъ, и только что не бранилъ останавливающихъ его пріятелей, между тѣмъ какъ многимъ была большая нужда

Digitized by Google

до него. Иному хотѣлось знать, отъ чего онъ не танцуетъ, другой желалъ знать его мнѣніе о какой-нибудь Чусовой или Кубасовой.

Въ первый разъ всѣ эти бальные хлопоты, заботы, восхищенія и упоенія показались Даянову глупы, нелѣпы, всѣ эти бальные маріонетки и офиціанты смѣшны до сожалѣнія. Онъ посматривалъ только завистливымъ окомъ на Ранѣева, который, молча, спокойно, наблюдательно ходилъ между волнующимися душами и смущалъ всѣхъ своимъ приближеніемъ и пытливымъ взглядомъ. Казалось, что онъ, какъ Данте, зналъ всю подноготную каждой тѣни, — и отъ него пряталась и обольстительная улыбка и заманчивый взоръ каждой свѣтской грѣшницы, умолкала болтливость и опадала умная наружность съ пустыхъ головъ, какъ парикъ съ лысой головы.

— Ты, мой милый, ѣхалъ бы лучше домой, — сказалъ онъ, проходя мимо Даянова.

— Одну кадриль, и уѣду къ чорту, — отвѣчалъ Даяновъ. — Фу, мочи нѣтъ! — проговорилъ онъ самъ себѣ, шатаясь, какъ опьянѣлый. Онъ чувствовалъ, что голова его кружится, во всемъ жаръ, утомленіе, слабость; невольно искалъ онъ прохладнаго темнаго угла, — и безсознательно удаляясь отъ толпы и отъ свѣта, вошелъ въ полуосвѣщенную комнату китайскимъ фонаремъ. Здѣсь за колоннами и штофными занавѣсами былъ альковъ хозяйки. У окна, на возвышеніи съ балюстрадою, какъ въ бесѣдкѣ, стояло глубокое кресло, въ видѣ раковины Амфитриты, обнесенное густымъ плющемъ.

Этотъ пріютъ отдыха заманилъ къ себѣ молодаго человѣка. Онъ бросился на него и ресорная раковина закачалась какъ на волнахъ. Даянову хорошо было; пуховыя подушки обняли его, утомленные члены, какъ убаюканные, раскинулись съ нѣгой. Но вотъ колебаніе волнъ все тише и тише; утихаетъ и волненіе крови; въ воображеніи проносится мечта за мечтой, душа какъ будто ожидаетъ изъ отдаленія чуднаго призрака; онъ ближе, ближе.... Это она!....

Digitized by Google

Молодой человѣкъ сладостно засыпаетъ, ему снится, что онъ плаваетъ съ Софи въ звукахъ *безконечной* кадрили,— и мысль о безконечности покоитъ его душу.

III.

Между тѣмъ вальсы, польки, кадрили смѣняютъ другъ друга. Оркестръ готовится уже начать кадриль, *седьмую* кадриль, — чередъ Даяцова танцовать съ Софи. Гдѣжъ онъ? Малинская смотритъ кругомъ, выжидаетъ его. Онъ былъ всегда такъ предупредителенъ, всегда сторожилъ ея взоръ: можетъ ли быть, чтобъ, вызвавшись самъ, онъ забылъ слово, уѣхалъ?....

Оркестръ грянулъ дикими, хаотическими аккордами, изъ которыхъ вдругъ образуются плавные, стройные, живые звуки контрданса; всѣ стали на мѣста. Напрасно Малинская ждетъ своего кавалера, цѣлая толпа предлагаетъ ей замѣнить его на выборъ. Но она тревожно ощипываетъ листики цвѣтовъ букета, колеблется, ея силы какъ будто истощились.

— Pardon, messieurs, —говоритъ она, — я еще чувствую утомленіе.... Минуту отдыха! И она обходитъ комнаты съ насильственнымъ, притворнымъ вниманіемъ къ гостямъ, съ принужденною заботливостію, всѣмъ ли весело, не скучаетъ ли кто-нибудь, забытый привѣтливостію хозяйки. И между тѣмъ неспокойный взоръ ея чего-то ищетъ. Она пробѣгаетъ буфетъ, — осматриваетъ кругомъ, спрашиваетъ стаканъ воды, сердце замираетъ въ ней, — и она снова идетъ по заламъ Но ее ждутъ. Съ болѣзненнымъ чувствомъ страданія подаетъ она невнимательно руку первому кавалеру. Это Замшинъ. Лихорадочное содроганіе пробѣгаетъ по ней.

— Я не надѣялся быть такъ счастливъ сегодня.... Это вторая кадриль, — началъ онъ, пылая довольствіемъ.

— Нѣтъ, это *седьмая* — роковое число для меня, — проговорила Малинская.

Digitized by Google

— Роковое? Но рокъ къ вамъ благосклоненъ и готовитъ вамъ счастіе. Еслибъ эта кадриль рѣшила и мою участь.... Еслибъ я смѣлъ высказать также откровенно вамъ, какъ дядюшкѣ вашему....

— О, сдѣлайте одолженіе, не высказывайте ничего сегодня, — торопливо прервала Малинская: — я такъ утомлена, что ни на что не въ состояніи обращать вниманія.

— Еслибъ вы знали, какъ томность идетъ вамъ къ лицу.... — продолжалъ Замшинъ. — Такъ вы позволите мнѣ завтра сказать вамъ то, что я желалъ бы сказать теперь же?.... Нетерпѣніе.... вамъ понятно это чувство.

— Нѣтъ, непонятно, я привыкла къ терпѣнію, и не должна отвыкать отъ него, — отвѣчала сухо Малинская, отдалясь отъ своего кавалера къ дамѣ, которая стояла подлѣ, завела съ ней разговоръ и продолжала его до окончанія кадрили.

— Мой первый визитъ завтра будетъ къ вамъ, — сказалъ Замшинъ, откланиваясь ей.

Въ безмолвномъ движеніи Малинской не было ни отвѣта, ни привѣта; но Замшинъ понялъ его за изъявленіе удовольствія принять его.

Остальные часы бала казались для Малинской мучительной вѣчностью. Къ счастію еще, что въ угоду старыхъ обычаевъ и преклонныхъ лѣтъ старика дяди и тетокъ, балъ продолжался не до разсвѣта.

Проводивъ гостей, истомленная насильственнымъ проявленіемъ любезности, улыбающагося лица и свѣтлаго, ничѣмъ не омраченнаго взора, когда на сердцѣ слезы, она какъ полусонная вошла за занавѣсъ алькова и бросилась въ постель во всемъ платьѣ.

Вошедшая горничная долго стояла подлѣ нея безмолвно; наконецъ спросила: угодно вамъ раздѣваться?

— Ахъ, какъ я устала! — проговорила Малинская: — сними вѣнокъ, разшнуруй меня!

Digitized by Google

Освободившись изъ рукавовъ, нужно было небольшое движеніе, чтобъ все, обнимающее чудный станъ ея, опало какъ пѣна.

— Ступай, Маша, и не буди меня завтра, покуда я сама не проснусь и не позвоню.

— Слушаю, — сказала горничная дѣвушка, выходя изъ-за занавѣси, чтобъ потушить фонарь, зажечь лампадку и опустить занавѣсы оконъ.

Свѣтъ опущеннаго фонаря ударилъ на кресла за грильяжемъ; взоръ горничной, привыкшій осматривать кругомъ, нѣтъ ли чего-нибудь убрать, остановился на креслахъ.

— Что это такое? — сказала она про себя, всматриваясь, и по первому впечатлѣнію испуга ей что-то причудилось страшное, она готова была вскрикнуть; но замѣтивъ красивую ногу въ лаковомъ сапогѣ, Маша одумалась, перевела духъ и, лукаво усмѣхнувшись, покачала головой и тихонько вышла.

Есть о чемъ подумать женщинѣ съ содроганіемъ сердца, когда рѣшается судьба ея, когда ей предстоитъ жить или не жить, быть живымъ существомъ, которымъ движетъ любовь, или механическимъ, которымъ движетъ заведенная пружина. Для Малинской будущность казалась уже могилой всѣхъ сладостныхъ чувствъ, всѣхъ способностей быть доброй по сердцу, умной по уму.

Но она рѣшилась покориться равнодушію ко всему; въ сердцѣ накопились слезы; но она не дозволила выкатиться ни одной слезинкѣ, — изсушила въ груди жаркимъ дыханіемъ.

Вдругъ послышался ей глубокій вздохъ.

Она вздрогнула, прислушалась — все тихо.

— Чей это вздохъ долетѣлъ до меня? — подумала она, и слезы брызнули изъ глазъ ея; напрасны были усилія удержать ихъ.

Грудь ея облегчилась, воображеніе успокоилось, — она заснула.

Digitized by Google

IV.

У старика Ивана Даниловича, дяди Малинской, утро начиналось рано. Охраняя здоровье свое по правилу: «вставай рано, ѣшь мало, дѣлай больше движенія,» онъ вставалъ въ опредѣленный часъ и до завтрака въ 11 часовъ въ хорошую погоду, прогуливался пѣшкомъ; а въ худую прохаживался по комнатамъ, понюхивая табакъ и обрывая завялые листки цвѣтовъ и деревъ, которыми были уставлены зала и гостиныя. Въ девять часовъ утра его можно было уже застать въ этомъ занятіи, въ причесанномъ парикѣ, въ очкахъ, во фракѣ со звѣздой, въ штанахъ и въ *плисовыхъ* сапогахъ. Встарину ношеніе плисовыхъ сапогъ составляло право только значительныхъ особъ въ преклонныя лѣта, которыя сами по себѣ даютъ уже привиллегію на нѣкоторыя привычки и причуды.

На другой день, послѣ бала у племянницы, Иванъ Даниловичь одѣлся, какъ слѣдуетъ, посмотрѣлъ въ окно, — погода ясная; но какъ будто не вѣря самой природѣ, онъ надѣлъ очки, долго смотрѣлъ на барометръ и повторялъ: *ясная погода;* потомъ поколотилъ, задумавшись, по золотой табакеркѣ, понюхалъ табачку, и сказалъ снова, посмотрѣвъ на барометръ:

— Барометръ поднялся со вчерашняго дня! ясная погода.... Эй, малый!.... Кто тамъ?.... на дворѣ не вѣтрено?....

— Никакъ нѣтъ-съ,—погода ясная,—отвѣчалъ малый

— Оно иначе и быть не могло, — сказалъ Иванъ Даниловичь, — да нѣтъ ли вѣтра?....

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-то, смотри.

— Сильная оттепель-съ!

— Оттепель? Скажи пожалуйста, вдругъ послѣ 20 градусовъ морозу!.... Такъ приготовь мнѣ легонькую шубку. Надо пользоваться хорошимъ временемъ, — продолжалъ старикъ разговаривать самъ съ собою. Кстати я заѣду къ Сонѣ....

Digitized by Google

Ей нездоровилось вчера на балу.... Да надо узнать, что̀ и какъ она уладилась съ Замшинымъ.... Умная бабенка, нечего сказать, умная бабенка!....

Почтенная половина Ивана Даниловича, тетушка Малинской, Марья Львовна, прервала его бесѣду съ самимъ собою.

— Я вчера совершенно задохлась, изнемогла.... Что это такое.... Это право *толкунъ*, а не балъ!.... Вы ужъ идете *взять воздуху*? — сказала она частію по-Русски, а частію по-Французски, всматриваясь вовсе слипающимися глазами.

— Хочу зайдти къ Сонѣ, что̀ она и какъ она, послѣ бала, — отвѣчалъ Иванъ Даниловичь, понюхавъ табаку, — кажется, уладилась съ Замшинымъ.... Этотъ молокососъ Дяновъ, кажется, не былъ вчера? Очень хорошо сдѣлалъ.

— Былъ!.... Но не долго.

— Я не видалъ.

— Представь себѣ: онъ даже не подошелъ ко мнѣ!.... Однакожъ это добрый знакъ. Соня, кажется, выдала ему вчера рѣшительную отставку; я сама видѣла, какъ онъ было подлетѣлъ къ ней; но принужденъ былъ повернуть на одной ножкѣ назадъ, — кажется, тотчасъ же и уѣхалъ. Соня почти весь вечеръ танцовала съ Замшинымъ.

— Оно иначе и не могло быть: умная бабенка, нечего сказать. Я зайду къ ней поговорить окончательно.

— Я также, можетъ быть, заѣду, мнѣ также необходимо *взять воздуху*.

Камердинеръ принесъ между тѣмъ сюртукъ на мѣху, соболью шапку и теплые сапоги. Иванъ Даниловичь облачился и отправился въ сопровожденіи двухъ ливрейныхъ слугъ въ треугольныхъ шляпахъ на Тверской бульваръ; протащился отъ Тверскихъ воротъ къ Никитскимъ, сѣлъ снова въ карету и поѣхалъ къ племянницѣ.

Сохраняя полное право свое входить къ ней безъ спросу и безъ докладу въ каждое время и въ каждый часъ,

Digitized by Google

онъ не почелъ нужнымъ спросить, встала она или еще почиваетъ, — и войдя въ переднюю, сталъ разоблачаться.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ, увидя на вѣшалкѣ щегольскую медвѣжью шубу.

— Никого-съ, — отвѣчалъ слуга, только что очнувшійся и прибѣжавшій встрѣчать дядюшку барыни.

— Какъ никого? Чьяжъ это шуба?

— Не могу знать-съ....

— Дуракъ! Какъ не можешь знать! Ктожъ входитъ безъ докладу къ Софьѣ Александровнѣ?

— Тутъ былъ Иванъ.... такъ вѣрно онъ докладывалъ....

— Такъ пошелъ кликни Ивана.

Покуда явился Иванъ, Иванъ Даниловичъ подошелъ къ шубѣ, вынулъ очки, надѣлъ и сталъ разсматривать шубу, что называется по волоску.

— Вѣрно докторъ.... Можетъ быть, она нездорова, — продолжалъ онъ, открывъ табакерку и нюхая табакъ, разговаривать самъ съ собою: — славная медвѣжья шуба.... медвѣжья шуба въ теплынь такую! просто жара на дворѣ....

Вошедшій Иванъ выправился у дверей, уставилъ глаза на Ивана Даниловича, и трепетно ожидалъ его вопроса.

— А! Кто здѣсь? Докторъ, можетъ быть? — спросилъ онъ, обратясь къ слугѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, никого нѣтъ, — отвѣчалъ Иванъ.

— Какъ никого? Чьяжъ это шуба?

— Это вѣрно вчера Сергѣй Павловичъ изволили забыть; это ихъ шуба-съ.

— Какой Сергѣй Павловичъ?

— Господинъ Даяновъ-съ.

— Что-о? Какъ вчера забыли? Забыть шубу? Въ морозъ съ балу уѣхать безъ шубы? Забыть шубу?.... Да онъ съ-ума, что ли, сошелъ, а?

Digitized by Google

— Не могу знать-съ! — отвѣчалъ Иванъ, вытаращивъ глаза.

— Съ-ума сошелъ! Оно иначе и не могло быть! — сказалъ Иванъ Даниловичь, пожавъ плечами и посматривая на шубу; потомъ, понюхавъ табаку и покачавъ головою, онъ вошелъ въ залу.

— Здѣсь еще, кажется, сонное царство, — проговорилъ онъ, проходя по комнатамъ и не встрѣчая никого.—Спать до полудня!....

Двери въ спальню были не совсѣмъ притворены. Иванъ Даниловичь безъ церемоніи вошелъ, и подойдя къ занавѣси, проговорилъ въ полголоса:

— Стыдно, сударыня, спать по сію пору! Ты настоящая соня!

— Ахъ, дядюшка, извините, я сейчасъ одѣнусь! — раздался томный, нѣжный голосъ Малинской за занавѣсью.

— То-то; полдень, кажется, пора быть на ногахъ.

— Мнѣ не такъ здоровится, дядюшка, такое изнеможеніе силъ....

— А, вотъ видишь, оно иначе и быть не могло; много танцовала.

И Иванъ Даниловичь отошелъ отъ занавѣси, остановился посреди комнаты, постукалъ по золотой табакеркѣ, взялъ щепотку табаку, поднесъ къ носу, и вдругъ рука его опустилась, а глаза уставились на грильяжъ. Тамъ кто-то протяжно зѣвнулъ, какъ зѣваютъ послѣ сладкаго сна, приподнялся, протираетъ глаза.

Иванъ Даниловичь остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Это что такое? — проговорилъ онъ, смотря на Данова, который также, вглядываясь въ Ивана Даниловича слипавшимися глазами, наконецъ узналъ его, и вскочивъ съ кресель, крикнулъ:

— Ахъ, Иванъ Даниловичь, извините. Я такъ заспался, такъ усталъ, что....

Digitized by Google

И Даяновъ сталъ снова протирать глаза.

— Да, да, да! — сказалъ Иванъ Даниловичь — оно иначе и не могло быть, иначе и не могло быть, мой милый.

— Боже мой, что это такое значитъ? — раздалось восклицаніе Малинской за занавѣсью.

— Это значитъ, моя милая.... Да вотъ вы потолкуйте теперь между собою ... а я здѣсь лишній.

Иванъ Даниловичь, поклонясь остолбенѣвшему Даянову, вышелъ и, покрякивая, потащился по комнатамъ къ выходу.

Въ залѣ встрѣтилъ онъ жену свою, пріѣхавшую также навѣстить племянницу послѣ бала.

— Постой, постой, душа моя, пойдемъ, не мѣшай дѣлу. Соня объясняется съ Сергѣемъ Павловичемъ Даяновымъ.

— Что это значитъ? Что за объясненіе? — вскричала Марья Львовна.

— Необходимое объясненіе; оно иначе и не могло быть. Пойдемъ.

— Но я останусь, подожду, чѣмъ кончится это объясненіе.

— Извѣстно чѣмъ. Но вмѣшиваться въ ихъ дѣла не должно.... пойдемъ.

— Странно! Я не понимаю.

— Пойдемъ, я растолкую тебѣ.

— Ты, братецъ, со сна лжешь! — крикнулъ Иванъ Даниловичь на Ивана, въ передней: — говоришь, что Сергѣй Павловичь забылъ свою шубу: онъ и не думалъ забывать!.... Дуракъ ты!

— Да я не могу знать.... Гришка былъ при шубахъ.

— То-то, Гришка! Всѣ вы сонные!

Иванъ Даниловичь съ Марьей Львовной вышли уже на крыльцо; но карету ихъ предупредилъ подъѣхавшій въ щегольскихъ санкахъ Замшинъ.

Digitized by Google

— Иванъ Даниловичь, Марья Львовна! — крикнулъ онъ, выскочивъ изъ саней.

— Куда? Къ Сонѣ? — спросилъ Иванъ Даниловичь.

— Она дома?

— Дома; но она *занята*, — отвѣчалъ Иванъ Даниловичь.

— Занята?

— Занята, и не можетъ васъ принять. До свиданія.

— Хмъ! — пробормоталъ Замшинъ, приказавая кучеру подавать сани.

V.

Было уже около часа по-полудни; но Ранѣевъ послѣ бала покоился еще въ постели. Не смотря на то, что онъ не танцовалъ, балы утомляли его болѣе, нежели танцующихъ.

Стукъ и громогласное восклицаніе: баринъ дома? разбудили его. Не успѣлъ онъ позвонить, какъ дверь внезапно отворилась и Даяновъ влетѣлъ, гаркнулъ: Ура! поздравь меня, душа моя! — бросился на него, задавилъ, задушилъ, такъ что перепуганный Ранѣевъ вообразилъ, что онъ помѣшался и крикнулъ: Эй! кто тамъ!

— Эй! баринъ зоветъ! — крикнулъ и Даяновъ, соскочивъ съ постели. — Послушай, — продолжалъ онъ: — какъ братецъ пишутся свадебные билеты? Кажется, просто: Такой-то и такая-то просятъ покорнѣйше пожаловать на свадьбу, тогда-то.... такъ?

Ранѣевъ взглянулъ на него съ увѣренностію въ истинѣ своего заключенія, и вмѣсто отвѣта крикнулъ опять: Эй! кто тамъ!....

— Литографировать или напечатать, какъ ты думаешь? — продолжалъ Даяновъ, присѣвъ къ столу и схвативъ листъ почтовой бумаги и перо. — Фу, чортъ знаетъ, что!.... вскрикивалъ онъ и писалъ снова.

Digitized by Google

Перемаравъ нѣсколько листковъ бумаги, Даяновъ сложилъ наконецъ одинъ, и сказавъ: до свиданія, я только [redacted]жу въ литографію, — выбѣжалъ опрометью.

Надѣвъ халатъ, Ранѣевъ присѣлъ къ столу, взялъ гребенку, сталъ спокойно расчесывать волосы: но измаранные и недописанные Даяновымъ листки обратили его вниманіе. Онъ взялъ одинъ изъ нихъ и прочиталъ нечетко написанное: «Софья Павловна и Сергѣй Александровичъ Даяновы просятъ....» На другомъ написано было яснѣе: «Сергѣй Павловичъ и Софья Даяновна Александровы просятъ покорнѣйше пожаловать къ нимъ на свадьбу, въ домъ....» Ранѣевъ вздохнулъ, покачалъ головою, взялся снова за гребень, и всматриваясь въ зеркало, замѣтилъ сѣдой волосъ и, вырывая его, еще разъ вздохнулъ и покачалъ головою.

VI.

На другой день, передъ обѣдомъ, Ранѣевъ, собираясь на уху въ клубъ, сидѣлъ у себя въ креслахъ-розвальняхъ, въ шелковомъ сюртукѣ, въ шитой шапочкѣ, курилъ трубку и читалъ какого-то *Пичишно*. Вдругъ двери стукнули, раздался звучный голосъ Даянова. Онъ вбѣжалъ въ комнату, вскрикнулъ: душа моя! бросился въ ноги къ Ранѣеву, обнялъ его колѣна и запѣлъ скороговоркой, рыдающимъ голосомъ:

Знаешь, что говоритъ,
Что она говоритъ?
Милый другъ, говоритъ,
Счастье — Glück, говоритъ,
Да не вдругъ, говоритъ.
По тебѣ, говоритъ,
Тятъ-да-лятъ, говоритъ,
И корабль, говоритъ;
Да нельзя, говоритъ:
Теперь постъ, говоритъ,

Digitized by Google

Сядь въ малъ-постъ, говоритъ,
И ступай, говоритъ,
Въ Петербургъ, говоритъ....
Какъ Ликургъ говоритъ,
Какъ Солонъ говоритъ,
Какъ Драконъ говоритъ,
Говоритъ, говоритъ,
Говоритъ и говоритъ!

Повторивъ *говоритъ* тысячу разъ, Дяновъ вцѣпился себѣ въ волосы, бросился навзничь, прокатился по полу, вскочилъ и исчезъ какъ привидѣніе.

Съ изумленіемъ выпучивъ глаза, покачавъ головою и погладивъ подбородокъ, Ранѣевъ вздохнулъ, всталъ и прошелся задумчиво по комнатѣ. Потомъ проговорилъ: онъ не хорошъ!—Поставилъ трубку, позвонилъ въ колокольчикъ, и смотрясь въ зеркало, сказалъ вошедшему слугѣ: фракъ!

Новомодный фракъ-журавель, съ закругленными полами въ родѣ кургузыхъ крыльевъ, тотчасъ же былъ поданъ, и Ранѣевъ, торопясь куда-то медленно, надушилъ платокъ духами, поправился и покрасовался снова передъ зеркаломъ, и вышелъ въ переднюю, гдѣ мальчикъ держалъ уже на-готовѣ шубу и шляпу.

Накинувъ шубу, онъ надѣлъ шляпу; но подумавъ, скинулъ, потребовалъ шапочку съ собольей обложкой, и наконецъ отправился.

— Къ доктору! — сказалъ было онъ, садясь въ сани; но подумавъ, прибавилъ: теперь я его не застану дома.... Ступай въ клубъ!

Въ клубѣ, какъ извѣстно, уха была янтарная, каждой порціей можно было накормить голодную семью; собраніе членовъ и гостей было на отборъ, бесѣда была такъ умна и пріятна, что стоило бы, по выраженію нѣкоего Егора Дмитріевича, напечатать въ гозетахъ; Ранѣевъ увлекся. Разсуждая о современныхъ событіяхъ, онъ привязался къ поговоркѣ Ивана Даниловича, дяди Малинской, *оно иначе и быть не могло*, и сталъ доказывать, что оно могло быть иначе.

Digitized by Google

— Да позвольте,—сказалъ Иванъ Даниловичь,—ктожъ споритъ противъ этого? Я совершенно согласенъ съ вами; оно иначе и не могло быть.

— *Рѣшительно* такъ, — началъ съ своей поговорки другой заслуженый членъ;—но доложу вамъ, что воскресни Наполеонъ, дѣла *рѣшительно* приняли бы другой оборотъ.

— *Не знаю, не знаю,* — началъ, въ свою очередь и съ своей поговорки; третій изъ собесѣдниковъ, — во-первыхъ, это несбыточное предположеніе; а во-вторыхъ, если бы онъ и воскресъ, то что бы онъ сдѣлалъ при настоящемъ направленіи умовъ? *не знаю.*

— Помилуйте! что бы сдѣлалъ съ этой способностью электризировать, возбуждать духъ, повелѣвать, — возразилъ четвертый участникъ бесѣды. — Напримѣръ, въ сраженіи при Пирамидахъ въ Египтѣ: Soldats! songez que ces quarante pyramides vous contemplent! — а? каково? сорокъ пирамидъ смотрятъ на васъ, солдаты! — и побѣда была рѣшена! Вотъ полководецъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, стыдно было бы робѣть Французамъ, когда на нихъ смотрѣли не сорокъ вѣковъ, а сорокъ пирамидъ, — сказалъ Рашевъ, взглянувъ на часы и взявъ шляпу.

Покуда завязался споръ и доказательства, что въ Египтѣ всего только три пирамиды, на которыя стоитъ смотрѣть, и которыя могли смотрѣть на храбрость Французовъ, Рашевъ отправился къ доктору.

— Ѳедоръ Ивановичь, — сказалъ онъ, входя къ нему въ кабинетъ, и обнимая его, — я очень радъ, что засталъ васъ дома. — Поѣдемте пожалуйста къ нашему общему пріятелю, Сергѣю Павловичу.

— Что такое? — спросилъ Ѳедоръ Ивановичь.

— Молодой человѣкъ совершенно помѣшался.

— Какъ помѣшался?

— Ну вѣдь вы знаете, что онъ влюбленъ, или, лучше сказать, воображаетъ, что влюбленъ въ Малинскую?

Digitized by Google

— Ну, знаю.

— Ну, разумѣется, что она приласкала его, какъ хорошенькаго мальчика; а онъ вообразилъ, что имѣетъ уже право ее ревновать.... Глупо!.... я ему говорилъ; но вѣдь что жъ вы прикажете дѣлать!

— Ничего не дѣлать, пусть его чудеситъ.

— Гмъ! Малинская выходитъ, кажется, замужъ за Замшина, а Даяновъ просто взбѣсился; я за него боюсь....

— Э, полноте, просто дуритъ, — сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Какая дурь; онъ меня и вчера и сегодня перепугалъ; надо видѣть его: онъ въ совершенномъ помѣшательствѣ.... съѣздимте къ нему вмѣстѣ.

— Пожалуй, да чтожъ изъ этого будетъ?

— Я полагаю, что ему надобно отворить кровь....

— Э, еще зелено и молодо, обойдется и безъ этого.

— Да, хорошо вамъ такъ судить; но надо его видѣть, — сказалъ серьезно Ранѣевъ, — поѣдемте.

— Поѣдемъ.

И Ранѣевъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ поѣхали къ Даянову. Онъ нанималъ прекрасный флигель дома, комнаты были убраны роскошно; но по убранству никакъ не льзя было предположить, чтобъ въ нихъ жилъ молодой человѣкъ. Это были покои самой прихотливой, причудливой, изнѣженной свѣтской женщины. Пуховая мебель — диваны, кресла, розетки, покрыты были цвѣтнымъ бархатомъ. Въ залѣ стоялъ ройяль Бирта; на немъ куча нотъ для пѣнія, всѣ лучшія Итальянскія оперы, всѣ новѣйшія музыкальныя произведенія для игры. Окна убраны шелковыми занавѣсами, съ густой бахрамой изъ синели. Въ гостиной великолѣпное трюмо; полы устланы коврами; на подзеркальникахъ въ фарфоровыхъ вазахъ цвѣты;

Digitized by Google

на столикахъ, на полочкахъ, разныя вещицы, шкатулки, флакончики, цвѣтнички; на диванѣ шитыя шелками подушки, въ ногахъ подушки на колесахъ. На столѣ, подлѣ креселъ на ресорахъ, нѣсколько великолѣпныхъ изданій, нѣсколько книгъ въ богатыхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ.

Яковъ, камердинеръ Даянова, котораго онъ звалъ не иначе какъ мистеръ Джемсъ, сидѣлъ въ своей комнатѣ близъ передней, нахлобучась, не въ добромъ расположеніи духа, кивалъ головой и моргалъ глазомъ, когда звякнулъ колокольчикъ.

— Кто это такой? Не баринъ ли воротился? — сказалъ онъ, вставая и отворяя двери.

— Сергѣй Павловичъ дома? — спросилъ Ранѣевъ, входя и сбрасывая съ себя шубу.

— Сергѣй Павловичъ? — повторилъ Яковъ, — ужъ еслибъ были они дома, такъ вѣрно изволили бы теперь почивать, если не на диванѣ — голова на креслахъ, а ноги на столъ, такъ на полу бы; а не на полу, такъ на моей бы постелѣ: у тебя, говоритъ, тутъ какъ-то ловчее.

— Ты что-то съ просонковъ бредишь, — сказалъ Ранѣевъ: — гдѣжъ баринъ?

— Я, сударь, и говорю, что еслибъ были дома, такъ изволили бъ почивать; а то, Богъ ихъ знаетъ, вдругъ, взяли да и поѣхали въ Петербургъ.

— Какъ въ Петербургъ?

— Ей-Богу, сударь, въ Петербургъ. Вотъ сейчасъ.... Я ихъ проводилъ въ контору дилижансовую.

— Что это значитъ?

— Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчалъ, вздохнувъ и покачавъ головою Яковъ, — кто ихъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось? Вы изволите знать сами, что они долго не думаютъ. Вчера ночь не ночевали дома; а поутру прибѣжали

Digitized by Google

домой, начали меня обнимать, задушили было, ей-Богу; поздравь, говоритъ меня, я женюсь; ступай, говоритъ, сейчасъ за портнымъ. Я и поѣхалъ, привезъ Француза ....Господи, думаю, баринъ женится!... Вотъ и заказалъ ему рублей на тысячу, и все какъ слѣдуетъ; и ввечеру ничего; изволилъ почивать на постелѣ, спокойно. А сегодня поутру получилъ какую-то записку, вскочилъ, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, и вдругъ поскакалъ куда-то. Воротился часа въ четыре совсѣмъ не свой, крикнулъ: чемоданъ! укладывай! а самъ растянулся на диванѣ и заголосилъ: говоритъ—говоритъ—говоритъ—говоритъ.... Вы сами изволите знать, какой Сергѣй Павловичь торопливый. Я только что сталъ укладывать; а онъ крикнулъ: ну? готово? прибѣжалъ, оттолкнулъ меня, да и началъ самъ комкать въ чемоданъ; набилъ чѣмъ попало, и велѣлъ ѣхать съ собой въ контору дилижансовую; а тамъ ужъ ждутъ. Вскочилъ въ карету, только я его и видѣлъ.

Ранѣевъ покачалъ головою и уставилъ вопросительно глаза на Ѳедора Ивановича.

— Не догонять же его, — сказалъ Ѳедоръ Ивановичь.

— Гдѣжъ сударь, догонять, — сказалъ, Яковъ, — они поѣхали по экстрѣ.

— Такъ стало быть можно и намъ отправляться?

— Поѣдемте, — отвѣчалъ Ранѣевъ.

VII.

Между тѣмъ, какъ Дьяновъ ѣхалъ въ Петербургъ, занявъ два мѣста въ каретѣ, спалъ всю дорогу, по какой-то особенной способности убаюкиваться тряской и дребежжащимъ стукомъ почтоваго экипажа, и просыпался только тогда, когда кондукторъ будилъ вопросомъ: не угодно ли выйдти, покушать? — изъ Петербурга, въ дилижансѣ 6-го заведенія ѣхалъ въ Москву департаментскій чиновникъ Сысой Павловичь Дьяковъ. Для благозвучія однакоже, онъ такъ

Digitized by Google

произносилъ свое имя при рекомендаціяхъ, что тутіе на ухо звали его Сергѣемъ Павловичемъ, а всѣ прочіе, кто Самсономъ Павловичемъ, кто Созонтомъ Павловичемъ. Всѣ эти три имени Сысой Павловичь предпочиталъ своему собственному, и не отрекался отъ нихъ даже въ оффиціальныхъ случаяхъ, и при подписи, въ которой онъ такъ хитро вытягивалъ второе С, что, по навыку къ обычному имени Сергѣй, никто иначе и не читалъ; хотя по наружности онъ и походилъ болѣе на Сысоя, нежели на Сергѣя.

Отправляясь въ первый разъ въ Москву, по зимнему безснѣжному пути и колотя, въ лѣтнемъ экипажѣ, онъ никакъ не могъ уснуть въ продолженіе первой ночи, и вѣрно произнесъ бы на каждый толчекъ по крайней мѣрѣ по одному проклятію, еслибъ цѣль путешествія не занимала его до того, что онъ громко разговаривалъ самъ съ собою; потому что спутника не было, и онъ спокойно развалился, закутавшись въ медвѣжью шубу, на двухъ мѣстахъ передняго кузова.

— Этотъ старый хрѣнъ Иванъ Карповичь — штучка, — говорилъ онъ, — ловкую сдѣлку придумалъ: и мнѣ выгодно и кстати, да и ему будетъ стоить тысячи двѣ вмѣсто тысячь двадцати.... Хорошенькая, говоритъ.... сорокъ тысячь наличными.... да на придачу двадцать душъ изъ трехъ-сотъ, если выиграетъ.... можно поработать!.... Посмотримъ, что за хорошенькая красавица, семнадцати лѣтъ.... Кромѣ того съ пудъ серебра въ приданое.... Хмъ! счастье, что попалъ на меня, что не подвернулся Фадинъ — все бы сгребъ, а дѣла бы не сдѣлалъ.... все бы пропилъ, пустилъ бы жену по міру.... ей-Богу!.... славно бы тогда Иванъ Карповичь опёкъ свою хорошенькую свояченицу!.... ужъ именно упёкъ бы! Плутъ, старый песъ!.... и дѣло-то.... ого!.... счастье его, что попало на мои руки.... Божится, что хоть завтра женись, и все будетъ вѣрно, сполна.... ну, а если не такъ, такъ мы и дѣлу повернемъ оглобли.... А если все какъ слѣдуетъ, такъ я медлить не буду.... женюсь да и вся не долга!....

Бесѣдуя такимъ образомъ самъ съ собою, Сысой Павловичь посматривалъ на себя въ зеркало, вставленное въ пе-

Digitized by Google

редней стѣнкѣ дилижанса; но зеркало отражало только воротникъ медвѣжьей шубы, сквозь ущелье котораго свѣтились два глаза въ родѣ волчьихъ.

Запасшись на дорогу, для экономіи, булками, сыромъ, колбасой бутылкой Россійскаго производства рому, да бутылкой крымской мадеры, Сысой Павловичь не выходилъ изъ кареты; но на вторую ночь изнеможеніе одолѣло, сонъ клонитъ, а заснуть нѣтъ возможности. Дилижансъ на колесахъ, по колоти, такъ встряхивалъ и пахталъ всю внутренность, что Сысой Павловичь, добравшись около полуночи до станціи, выскочилъ изъ кареты, вошелъ въ гостинницу и повалился въ передней комнатѣ на диванъ.

Въ то же самое время на станцію пріѣхалъ и мальпостъ, отправлявшійся въ Петербургъ. Изъ него вышелъ также медвѣдь; качаясь добрался до буфета гостинницы, и крикнулъ: чаю! чаю скорѣй!

Въ передней комнатѣ диванъ былъ занятъ! онъ прошелъ въ другую комнату и свалился на диванъ, какъ подстрѣленный.

На улицѣ ямщики возились около дилижансовъ во тьмѣ кромѣшной; никому не приходилъ въ голову фонарь: наметавъ руку, они дѣлали свое дѣло ощупью, какъ слѣпые, но не хуже зрячихъ.

Не прошло десяти минутъ, лошади въ почтовую карету были уже запряжены; торопливый кондукторъ забѣжалъ въ харчевню подкрѣпить силы рюмкой ерофеичу, и потомъ бросился къ каретѣ: готово? — Готово, садитесь, — отвѣчали ямщики, пристегивая возжи.

— Э! медвѣдя-то нѣтъ! — сказалъ кондукторъ, заглянувъ въ переднюю карету. И онъ побѣжалъ въ гостинницу.

— Готово! извольте садиться! — крикнулъ онъ, толкнувъ Сысоя Павловича, — пожалуйте, готово!

— Ахъ, чортъ! — проворчалъ сквозь сонъ Дьяковъ, приподнимаясь съ дивана и потягиваясь, фу, — какъ славно было я заснулъ!

Digitized by Google

— Сдѣлайте одолженіе, извольте садиться, — повторилъ кондукторъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!

И Сысой Павловичь добрелъ до кареты; кондукторъ помогъ ему ввалиться въ нее, захлопнулъ дверцы, вскочилъ на свое мѣсто, крикнулъ: пошелъ! И почтовая карета помчалась, не смотря на темноту.

Разоспавшись на станціи, Сысой Павловичь не чувствовалъ уже ни тряски, ни толчковъ, и проспалъ до восхода солнца. Утро было безподобное; но морозъ ужасный; прозрачный воздухъ былъ наполненъ иглами.

— Фу, озябъ! — проговорилъ Сысой Павловичь, встрепенувшись отъ холода и опуская руку въ боковой карманъ. Шарилъ - шарилъ — пусто.

— Ахъ, канальство!.... гдѣжъ бутылка-то?.... ахъ мошенники! вѣрно украли!

Ощупалъ другой карманъ, и тотъ пустъ. — Ахъ бездѣльники! и колбасу украли!.... Стой! — заревѣлъ онъ, высунувшись въ окно.

— Стой!.... что такое? — спросилъ кондукторъ.

— Помилуйте, что это такое, это ни на что не похоже!.... обокрали все что у меня было въ карманахъ!.... бутылку украли.... *сакъ* украли....

— Пошелъ! — крикнулъ кондукторъ, вскочивъ на свое мѣсто.

— Я буду жаловатся! я жаловаться буду! — твердилъ Сысой Павловичь; но стукъ колесъ заглушалъ его угрозы — Я буду жаловаться! — повторилъ онъ по пріѣздѣ на станцію.

— У насъ никогда пропажъ не случается; а вы вѣрно забыли на станціи сами, — отвѣчалъ кондукторъ.

— Извини, любезный, это ни сколько не вѣрно; потому что я съ собой не бралъ въ гостинницу, и за чѣмъ мнѣ брать?

Digitized by Google

— Какъ за чѣмъ? всѣ господа пассажиры такъ дѣлаютъ: покушаютъ на станціи, да опять уложатъ; по-ночи вы вѣрно запомнили.

— Я запомнилъ! — мошенники! повторялъ Сысой Павловичь, во всю дорогу, въ забывчивости шаря въ мѣшкахъ и ощупывая пустоту. — Голодныя собаки! гдѣ я теперь достану рому?.... Это просто умрешь: безъ рому пить гадкій чай!.... помои!.... до самой Москвы! да еще и въ Москвѣ такого привознаго рому на корабляхъ не достанешь!....

Мелькнувшая мысль, что, женившись, онъ тотчасъ же заведетъ дорожную шкатулку, съ фляжками привознаго на корабляхъ рому, мадеры-тенерифа и ликера, успокоила Сысоя Павловича. Къ ночи маль-постъ съ экстрапочтой пріѣхалъ въ Москву. Вещи выгрузили въ контору.

— Гдѣ же мнѣ тутъ остановиться покуда? — спросилъ онъ у чиновника, — нѣтъ ли гостинницы поближе, да не такъ дорогой?

— Въ гостинницѣ Серапина, и прекрасно и не такъ дорого, извощикъ васъ отвезетъ туда.

— Такъ въ гостинницу Серапина.

Сторожъ озаботился нанять извощика, который подлѣ воротъ конторы, приплясывая на морозѣ, кричалъ каждому проходящему: подавать что ль? вынесъ чемоданъ Сысоя Павловича въ сани, и Сысой Павловичь отправился въ гостинницу Серапина.

— Вотъ, говорятъ, что вся Москва въ садахъ, — размышлялъ онъ дорогой, посматривая на стороны въ ущелье медвѣжьяго воротника, — гдѣжъ она въ садахъ? вся улица сплошная ... Говорили, что въ Москвѣ всѣ дома одно-этажные, — а это что?.... разъ, два, три.... пять.... семь этажей!.... Какъ лгутъ!.... А гдѣ тутъ Кремль?

— Кремъ? не знаю, батюшка, такого я не знаю, — отвѣчалъ извощикъ.

— Какъ же ты, дурачина, не знаешь гдѣ Кремль?

Digitized by Google

— Да гдѣжъ ихъ всѣхъ знать-то, бютюшка: ихъ тутъ такая гибель живетъ....

— Кого ихъ!

— Да Нѣмцевъ-то.

— Ахъ ты, уродина, нешто я тебя объ Нѣмцахъ спрашиваю?

— Да вижу, что вы изволите спрашивать; да не знаю еще батюшка, недавно еще я въ извозѣ-то.

Темнота, морозъ и невѣжество извощика, помѣшали Сысою Павловичу собрать горячія свѣдѣнія о Москвѣ. Пріѣхавъ въ гостинницу Серапина, онъ занялъ номеръ подешевлѣ, въ верхнемъ этажѣ, и утомившись съ дороги, прозябнувъ и проголодавшись, потребовалъ чаю, выпилъ съ ромомъ, замѣтивъ, что ромъ не корабельный, и тотчасъ же легъ спать.

Во время уже ночи почувствовалъ онъ страшную зубную боль. Къ утру безбожнымъ образомъ раздуло ему всю щеку. Боль не унималась; часъ отъ часу хуже: ни пить, ни ѣсть, ни рта разинуть. Сысой Павловичь въ отчаяніи возопилъ зычнымъ голосомъ:

— Господи! что я буду теперь дѣлать?.... мочи нѣтъ!.... Эй! кто тутъ! собаки! черти!....

Высунувшись въ коридоръ, онъ насилу докликался человѣка, выбранилъ его москалемъ, послалъ, чтобъ привезъ поскорѣе зубнаго врача, схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ.

— Господи, да здѣсь просто погребъ!.... холодъ смертельный, — вскрикнулъ Сысой Павловичь, подбѣжавъ къ чемодану и разстегивая ремни, — я весь распростужусь!.... Вотъ и насморкъ.... дохнуть нельзя!.... проклятая Москва! Говорятъ, что прекрасный здоровый климатъ: вотъ-те и здоровый климатъ!.... Ну, чтожъ ты?.... чортъ!.... да это не тотъ ключь! ахъ, пьяница Карпъ!

Digitized by Google

И Сысой Павловичь шваркнулъ ключь объ полъ, схватился за щеку, приподнялъ отъ ужасной боли одну ногу, какъ сонный журавль, стиснулъ зубы, закрылъ глаза, и замолкъ.

Въ этомъ положеніи засталъ его зубной врачь; заставилъ разинуть ротъ, пощупалъ опухоль снаружи, и рѣшилъ, что надо прежде разогнать флюсъ, а потомъ выдернуть больной зубъ.

— Да долго ли же это все продолжится?

— Недѣлю, а можетъ быть и двѣ, вамъ нельзя никуда выѣзжать.

— Помилуйте, я пріѣхалъ всего на недѣлю, у меня дѣла! что я буду дѣлать!

— Ну, я постараюсь васъ скорѣе успокоить: пришлю вамъ сейчасъ же Американскія капли отъ зубовъ и papier Fayard отъ флюса.

— Сдѣлайте милость, я вамъ буду благодаренъ.

— Сейчасъ, сейчасъ; человѣкъ вашъ отправится со мной.... Какая скверная погода.... должна быть ужасная дорога.... — началъ было зубной врачь, въ ожиданіи извѣстнаго заключенія визита; но видя, что больной имѣетъ обыкновеніе платить не за визиты, а за вылечку, — поклонился и вышелъ.

Присутствіе зубнаго врача имѣетъ всегда какое-то непостижимое вліяніе на больные зубы; какъ будто чувствуя близость клещей, они притихнутъ, ни гугу; но только что онъ за двери—и пошла снова возня, ни чѣмъ не уймешь. Такъ случилось и съ Сысоемъ Павловичемъ. Пославъ слугу за каплями и пластыремъ, онъ принялся снова отпирать замокъ чемодана; но ключь вертится, не задѣвая язычка, зубы разболѣлись.

— Пьфу! — крикнулъ Сысой Павловичь, рванувъ съ досады крышу чемодана; чемоданъ свободно открылся; а Сысой Павловичь, отскочилъ отъ него, замычалъ какъ волъ и замоталъ головой.

Digitized by Google

Когда боль поунялась, онъ снова подошелъ къ чемодану, взглянулъ въ него и всплеснулъ руками.

Чемоданъ былъ набитъ бѣльемъ и платьемъ какъ тюфякъ. Все свалено, скомкано, смято, перетасовано.

— Пьяница! дьяволъ! — вскричалъ Сысой Павловичь, вытягивая за штрипку панталоны, которые извивались змѣемъ между скомканными жилетами, полотенцами, салфетками. — Господи, что это? чего онъ мнѣ тутъ набилъ!.... ни одной рубашки.... ни одного платка.... и фрака нѣтъ!.... Какое-то истасканное пальто! фу!.... и халата нѣтъ!.... Ахъ, мерзавецъ, демонъ, каналья, разбойникъ, зюзя!.... Что я теперь буду дѣлать? да это на смѣхъ! это чортъ меня понесъ въ Москву! Это демонъ Иванъ Карповичь на смѣхъ подбилъ меня жениться на какой-нибудь вѣдьмѣ!.... И портфеля нѣтъ! а въ портфелѣ-то письмо!.... Съ чѣмъ я поѣду?.... какъ я поѣду.... куда я поѣду.... чортъ знаетъ, съ этой гадкой рожей.... Ой-ой-ой-ой!.... дуракъ этотъ по сю пору нейдетъ съ каплями ... Ухъ! батюшки мои:.... Ахъ, Господи, да въ портфель положилъ я и деньги ... Эй! человѣкъ! кто тутъ!..., свиньи! никого не докличешься!.... проклятая Москва! ... Надо написать скорѣй.... Дмитрію Ивановичу.... Онъ обокралъ меня!.... что я буду теперь дѣлать?.... Ну, москаль! куда ты цѣлой день проходилъ?

— Да не близко отсюда-съ, — отвѣчалъ человѣкъ.

— Ну, гдѣжъ лекарство?

— Да они не дали-съ, спросили деньги; а я сказалъ, что вы не изволили давать.

— Живодеръ! деньги! какъ будто бы ему не отдали! сколько надо?....

— За капли три рубля серебромъ, да за пластырь два рубля серебромъ, всего пять рублей.

— Что—о? пять рублей серебромъ? чтобъ онъ провалился сквозь землю!.... Клещь! чтобъ я ему далъ пять рублей серебромъ! —крикнулъ Сысой Павловичь, расходясь по

Digitized by Google

комнатѣ. — Поди, принеси мнѣ скорѣй почтовой бумаги и чернилъ!.... Фу, не чѣмъ сморкнуть!.... мерзавецъ салфетокъ наклалъ вмѣсто носовыхъ платковъ!.... Что мнѣ теперь дѣлать! Вотъ тебѣ и женидьба!.... Извольте посмотрѣть какой красавецъ!.... да это я самъ бы на себя плюнулъ... И денегъ въ бумажникѣ только пятьдесятъ рублей серебромъ.... надо писать скорѣй....

И Сысой Павловичь присѣлъ было къ столу, на который человѣкъ поставилъ чернилицу и положилъ почтовую бумагу.

— Погоди, не уходи, я сейчасъ напишу письмо; отнесешь на почту.... Фу! мочи нѣтъ!.... животное! пять рублей серебромъ!.... нѣтъ ни малѣйшаго участія къ человѣчеству!.... Куда?

— Да мнѣ надо сходить въ 5-й номеръ, чай баринъ всталъ уже, такъ подать одѣваться, — отвѣчалъ человѣкъ.

— Стой!.... Бѣги скорѣй къ этому собакѣ.... да гдѣжъ мнѣ размѣнять пятьдесятъ рублей?

— Пожалуйте, я размѣняю въ лавочкѣ.

— Что-о? а у васъ тутъ нѣтъ пяти рублей серебромъ? поставите въ счетъ, или я какъ размѣняю отдамъ.

— Хозяинъ денегъ не даетъ.

— На! — сказалъ Сысой Павловичь, недовѣрчиво отдавая бумажку, — бѣгомъ, скорѣй размѣняй!.... какъ можно скорѣй, потому что мнѣ сію минуту нужны деньги.

— Сейчасъ размѣняю.

— То-то, да прошу не брать какой-нибудь старой монеты, или дрянныхъ бумажекъ.... ты принеси три красненькихъ, да шесть трехрублевыхъ, да два рубля мелочью..... Слышишь?

— Хорошо какъ есть, — сказалъ человѣкъ, взявъ бумажку.

— Такъ пятирублевыхъ; только новенькихъ.

Digitized by Google

Человѣкъ вышелъ, боль поутихла, Сысой Павловичь присѣлъ къ столу, взялъ перо и началъ самъ себѣ диктовать письмо.

— Любезнѣйшій другъ Дмитрій Ивановичь.... Дмитрій Ивановичь.... я въ ужаснѣйшихъ обстоятельствахъ.... обстоятельствахъ.... Бестія Карпъ, чортъ знаетъ.... что сдѣлалъ со мною.... со мною.... представь себѣ.... онъ чортъ знаетъ чего наклалъ мнѣ въ чемоданъ.... въ чемоданъ.... Фу! это ужасъ!

Вскочивъ съ мѣста и походивъ по комнатѣ, Сысой Павловичь, сталъ было продолжать письмо; но вдругъ бросилъ перо.

— Да что тутъ писать!.... тутъ надо самому ѣхать назадъ!.... когда получишь отвѣтъ?.... время отпуска выйдетъ; а я безъ денегъ и безъ платья.... на долго ли полтораста рублей!.... Вотъ тебѣ и невѣста, и сорокъ тысячь приданаго!.... Не судьба, и кончено!.... Поди разсчитывай, порадуйся впередъ!.... да и я-то дуракъ: пришло же въ голову согласиться на глупое предложеніе!.... подлое предложеніе! просто мошенничество! располагать судьбой дѣвушки для собственной выгоды, благо есть право!.... Старый плутъ!.... постой, братъ, я тебя проучу, я втяну тебя въ пятьдесятъ!....

Сысой Павловичь продолжалъ безъ умолку бранить какого-то Чугасова; но зубамъ не было легче, щеку разнесло до нельзя. Цѣлую недѣлю промучался онъ какъ еретикъ въ лапахъ инквизиціи; наконецъ боль пріутихла; но Сысой Павловичь разсчиталъ по пальцамъ, что безъ порядочнаго платья и безъ рекомендательнаго письма ему нельзя явиться къ невѣстѣ; а безъ денегъ нельзя оставаться въ Москвѣ.

— Чтобъ она провалилась, Москва! не хочу и смотрѣть на нее!.... Москаль! гдѣ тутъ контора дилижансовъ?

— Да здѣсь же въ домѣ: контора перваго заведенія.

— Узнай, есть ли мѣсто на завтрашній день?

Digitized by Google

Оказалось, что одинъ изъ записавшихся пассажировъ, на настоящее число, уступаетъ свое мѣсто, и что на цѣлую недѣлю всѣ мѣста заняты впередъ.

— Чегожъ мнѣ ждать здѣсь до завтра? провались она, Москва! — подумалъ Сысой Павловичь: — когдажъ ѣдетъ дилижансъ?

— Ровно въ 4 часа; если прикажете, я скажу, чтобъ васъ записали; а между тѣмъ надо послать дворника, взять билетъ для выѣзда.

— Хорошо, записывай, ѣду!.... Однакожъ досадно, что не удалось взглянуть хоть на Кремль: говорятъ, что удивительная архитектура въ восточномъ вкусѣ.... Да еще Ивана Великаго и Сухареву башню, говорятъ, стоитъ посмотрѣть: на Сухаревой башнѣ какой-то шатеръ.... Можетъ быть, еще успѣю съѣздить.... первый часъ. Право съѣзжу....

Но и это намѣреніе Сысоя Павловича осмотрѣть наскоро достопримѣчательности Москвы рушилось. Онъ выглянулъ въ окно на улицу, — мятель такая, что свѣта Божьяго не видать.

— Ну, не судьба! — сказалъ онъ, принявшись укладывать *чортъ знаетъ что*, по его выраженію, въ чемоданъ. — Экой пьяница, бестія Карпъ! Смотрите пожалуйста: какія-то паволочки.... двѣ дюжины! полотенцы какія-то, не мои!.... вѣрно все краденое.... Ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ меня обобралъ и ушелъ!.... Вотъ тебѣ и приданое!.... да будь я не я, если мнѣ этотъ старый сычь Чугасовъ не поплатится!

Разсуждая самъ съ собой и побранивая то Карпа, то Ивана Карповича, то Москву, Сысой Павловичь перекусилъ на дорогу, взялъ съ собой бутылку рому, и когда доложили, что дилижансъ готовъ:

— Прощай, матушка Москва! — сказалъ онъ, садясь въ карету на полозьяхъ, гдѣ его спутникъ, какой-то Англичанинъ, засунувъ руки въ карманы пальто и надвинувъ

Digitized by Google

на глаза круглую шляпу, сидѣлъ уже, прижавшись въ уголъ. Зимній дилижансъ покатился плавно, быстро.

— Вотъ это дѣло другое, — подумалъ Сысой Павловичь, и спокойная ѣзда стала его убаюкивать.

Но въ продолженіе всей дороги, погода была ужасная. Приподнявъ огромный воротникъ медвѣжьей шубы, Сысой Павловичь какъ будто утонулъ въ немъ, и молчалъ, проклиная мысленно несчастную свою поѣздку въ Москву. Разговоръ съ сосѣдомъ не завязался бы и въ прекрасную лѣтнюю погоду. Англичанинъ съёжился отъ холода; но казалось, что онъ привыкъ къ холоду по убѣжденію, что все въ мірѣ холодно, даже самое солнце, и что *тепло* зависитъ отъ нашихъ понятій и воображенія. При этихъ положеніяхъ, онъ, безъ сомнѣнія, представлялъ себѣ морозъ не хуже Русскаго мужика, который, по колѣно въ снѣгу, топочетъ ногами, похлопываетъ рукавицами и приговариваетъ: «Ну, какъ жаритъ!»

Посматривая искоса на медвѣжью шубу, Англичанинъ, казалось, думалъ: странный человѣкъ! для чего онъ воображаетъ, что ему холодно? ... Этимъ Русскимъ медвѣдямъ, во столько лѣтъ существованія на морозѣ, кажется, можно бы было уже привыкнуть къ нему!

Прочіе спутники Сысоя Павловича также были вѣроятно иностранцы, или что-нибудь въ родѣ иностранцевъ; потому что ни одинъ изъ нихъ по-Русски не говорилъ, кромѣ похожаго по объему и бородѣ на Русскаго купца; но и тотъ, почесывая голову, поглаживая бороду и покрякивая, произносилъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ: «*дэкъ таго*!» Но его удивительно какъ понимали всѣ слуги въ гостинницахъ: мигомъ являлся передъ нимъ подносъ съ графинчикомъ и рюмкой, или съ полной порціей чаю.

Покрякивая, онъ пилъ то или другое, молча расплачивался и садился въ дилижансъ съ какимъ-то Нѣмцемъ, который, сжавшись въ самомъ углу кареты, ѣхалъ что называется подъ прикрытіемъ своего тучнаго спутника.

Digitized by Google

Трое томительныхъ сутокъ прошли. Въ семь часовъ вечера, дилижансъ подъѣзжалъ къ заставѣ. Изъ оконъ видны были уже по обѣ стороны огни на безконечное пространство.

— Слава Тебѣ, Господи! вотъ, почти и дома! — сказалъ Сысой Павловичь, и ему пришла охота побесѣдовать и раздѣлить свое удовольствіе съ спутникомъ.

— Вы ѣдете въ Петербургъ?

— Ого, Петербурга, — проговорилъ Англичанинъ, кивая головой.

— Изъ Москвы?

— Моску, Моску.

— А въ Москву-то откуда вы пріѣхали?

— Ого!

— Вотъ они Гвардейскіе-то тріумфальные ворота, — продолжалъ Сысой Павловичь, воображая, что каждый иностранецъ понимаетъ все, что ему говорятъ по-Русски, а только самъ не умѣетъ говорить.

Вскорѣ дилижансъ пріѣхалъ въ контору. Только что вылѣзъ Сысой Павловичь изъ кареты, толпа извощиковъ окружила его.

— Баринъ, не довезти ли куда? Прикажете подавать? ась?

— Подавай, — сказалъ Дьяковъ, — сейчасъ только снимутъ чемоданъ.

— Извольте баринъ, извольте садиться, — крикнула снова толпа извощиковъ.

Сысой Павловичь сѣлъ на первые санки, извощикъ положилъ чемоданъ передъ собой, и, чмокнувъ, двинулся впередъ, управляя лошадью, какъ будто черезъ брустверъ.

— Куда ѣхать? ась?

— На Сѣнную.

— На Сѣнную? эхъ ты!

Digitized by Google

— Подгоняй скорѣй! — повторялъ Сысой Павловичъ, торопясь добраться до дому, согрѣться, отдохнуть, распечь пьяницу Карпа, и разсказать свои приключенія своему сослуживцу и другу, Дмитрію Ивановичу.

— Далеко, баринъ, лёгко ли, на Сѣнную! — отвѣчалъ извощикъ, погоняя истомленную лошаденку.

— Помилуй, куда ты меня везешь? — спросилъ Сысой Павловичъ, выглядывая изъ воротника шубы. — Чортъ знаетъ, я съ роду не бывалъ въ этихъ улицахъ.

— Да ужъ будьте спокойны баринъ, преставлю.

— Ну, скоро ли? пошелъ скорѣй!

— Да вотъ ужъ и Смоленскій рынокъ.

— Какой Смоленскій рынокъ?

— А какъ же, вотъ это Смоленскій рынокъ, а вотъ и Сѣнная.... Кудажъ тутъ ѣхать-то?

— Это Сѣнная? что ты врешь.

— Сѣнная, баринъ....

— Совсѣмъ не туда завезъ меня! чортъ знаетъ куда завезъ меня! вѣрно на Каменный островъ!

— На Каменный мостъ?.... Эхъ баринъ! если къ Каменному мосту, такъ такъ бы вы и говорили!

— Чортъ! я тебѣ говорю на Сѣнную!

— Да вотъ же Сѣнная. Какая жъ еще Сѣнная? Развѣ на Рогожскую Сѣнную? такъ такъ бы вы и говорили.... Легко ли околесили мы.... Ахъ Ты, Господи! — сказалъ извощикъ, остановясь.

— На Сѣнной, въ Конный переулокъ, понимаешь, остолопина?

— Развѣ въ Конную, а то какой тутъ Конный переулокъ!

— Я тебѣ говорю: на Сѣнную! — вскричалъ Сысой Павловичъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ ужъ, Богъ васъ, сударь, знаетъ.

— Ну, чтожъ ты сталъ?

— Да кудажъ ѣхать-то, баринъ?....

— Дуракъ! Пошелъ на Проспектъ! оттуда я самъ найду дорогу!

— Нѣтъ ужъ, Богъ васъ знаетъ, что кататься-то понапрасну, — сказалъ извощикъ, не двигаясь съ мѣста, — сдѣлайте милость отпустите меня.... лошаденка изтомилась....

— Ахъ, бестія! мошенникъ, уродъ! чтожъ, я сяду посереди улицы? Завезъ меня чортъ знаетъ куда! на Петербургскую сторону, да и ѣхать не хочетъ!

— Гдѣ ужъ намъ на питерскую сторону.... далеко! и на своей-то сторонѣ дороги не знаемъ.... не цѣлую ночь плутать!

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ осломъ! — проговорилъ про себя Сысой Павловичь, осматриваясь кругомъ, — чортъ знаетъ куда меня завезъ!

— Да кудажъ завезти-то, баринъ; сказали на Сѣнную, вотъ она и Сѣнная.

— Врешь!

— Ну, какъ угодно, вы, Богъ васъ знаетъ....

И извощикъ слѣзъ съ облучка и сложилъ чемоданъ на тротуаръ.

— Чтожъ, ты поѣдешь? — прикрикнулъ грозно Сысой Павловичь. — Пошелъ на Проспектъ!

— Не знаю, баринъ, что вы говорите, — отвѣчалъ извощикъ, приплясывая на морозѣ и похлопывая рукавицами.

— Ахъ мошенникъ, пьяница!.... Возьми чемоданъ и садись, или я тебя убью!

— За чтожъ убивать: тотъ убьетъ, другой убьетъ, про запасъ души-то нѣтъ.

— Постой же, каналья!

Digitized by Google

Сысой Павловичь вышелъ изъ себя, вскочилъ съ саней, бросился къ извощику; а извощикъ отъ него, обѣжалъ на другую сторону саней, вскочилъ на облучокъ, переноясалъ лошаденку кнутомъ, и поминай какъ звали.

— Ахъ разбойникъ! Что я буду дѣлать теперь? — проговорилъ Сысой Павловичь, смотря ему въ слѣдъ, — что я буду дѣлать, одинъ, середи улицы, съ чемоданомъ, чортъ знаетъ гдѣ!.... Это Сѣнная!

Послышался скрипъ саней. Отправлявшійся на ночлегъ ванька шелъ шажкомъ, размахивая руками.

— Извощикъ! — крикнулъ Сысой Павловичь.

— Куда, баринъ?

— На Сѣнную.

Извощикъ подошелъ, молча, подивился на медвѣжью шубу и лежащій на тротуарѣ чемоданъ, проговорилъ про себя: эка! и побѣжалъ къ лошаденкѣ, продолжавшей свой путь.

— Ну, чтожъ ты? что возьмешь?

— Съ Сѣнной-то на Сѣнную? ѣхать-то далеко, баринъ, пѣшкомъ-то ближе; а намъ пора ко дворамъ, — отвѣчалъ извощикъ, сѣлъ на облучокъ и хлопнулъ по коню.

— Господи, Ты, Боже мой! да что это такое со мной дѣлается? — вскричалъ Сысой Павловичь въ отчаяніи: — черти что ли надо мной забавляются?.... Ахъ, проклятый старый демонъ! каково женилъ меня! а?.... каково женилъ!....

— Ѣхать, что ли, баринъ? — крикнулъ вдругъ откуда ни возьмись другой ванька.

Сысой Павловичь вздрогнулъ.

— Что возьмешь? — проговорилъ онъ, дрожа уже и отъ холода и отъ страха.

— Да куда?

— На Сѣнную, въ Конный переулокъ.

Digitized by Google

— Не знаю тутъ Коннаго переулка, — отвѣчалъ извощикъ, подумавъ, — тутъ, баринъ, Коннаго переулка нѣтъ.... Развѣ къ Неопалимой Купинѣ?....

— Съ ума сошелъ, что ли, я? брежу, что ли? — во снѣ, что ли, мнѣ это все мерещится? — проговорилъ про себя Сысой Павловичь.

— Чтожъ, баринъ, садитесь, — сказалъ извощикъ.

— Кудажъ я поѣду? это должно быть какос-нибудь предмѣстье, и эти демоны не знаютъ Петербурга.... Не близко ли здѣсь Грязная улѣца.... добраться хоть къ Петру Васильевичу, — думалъ Сысой Павловичь. — Грязную знаешь?

— Грязную?.... стало быть на Болотѣ? — подумалъ извощикъ: — полтинничекъ.

— Ну, вези! возьми мой чемоданъ, — сказалъ Сысой Павловичь, садясь въ санп; — да скорѣе ступай!

Извощикъ уложилъ чемоданъ въ ноги, и помчался. Выѣхалъ на Пречистенку, съ Пречистенки на Моховую, — своротилъ къ Каменному мосту, и поднялся на него.

Между тѣмъ тучи разогнало, яркій мѣсяцъ освѣтилъ весь Кремль.

— Это что за мостъ! — спросилъ Сысой Павловичь, выглянувъ изъ воротника и невольно обративъ взоръ налѣво, съ изумленіемъ.

Озаренный Кремль на темной полосѣ мрака и тучь казался необъятнымъ волшебнымъ зданіемъ. Золотой гребень его, золотые куполы и главы Соборовъ, горѣли фосфорическимъ, ярко мерцающимъ свѣтомъ, зубчатыя, бѣлокаменныя высокія стѣны и надъ ними Иванъ Великій и стрѣльчатыя башни, точно какъ вылитыя изъ серебра, и все это на вышинѣ, какъ будто подъ самымъ небомъ.... и длинная полоса набережной, и вдали въ полумракѣ громады за громадами зданій....

Digitized by Google

— Стой! — вскричалъ Сысой Павловичь, пораженный до ужаса, — это что такое?

— Что, батюшка, что такое? — спросилъ и извощикъ.

— Что это тамъ?

— Гдѣ, батюшка?

— Что это за зданія? Куда ты меня привезъ?....

— Это Каменный мостъ, батюшка,—отвѣчалъ извощикъ.

— Это какая же сторона Петербурга? Кронштатъ, что ли?

— Замоскворѣчье, батюшка; до Болота тутъ ужъ не далеко.

— Какъ Замоскворѣчье?.... а это, спрашиваю я тебя, что? — повторилъ Сысой Павловичь, указывая на Кремль.

— Кое мѣсто, батюшка? тамъ пойдетъ набережная, а вотъ влѣво-то отъ Кремля Неглинная.

— Господи, Боже мой, что онъ мнѣ говоритъ! да мы гдѣ?

— Да это Каменный мостъ, батюшка; вамъ на Москворѣцкій что ли ѣхать?

— Господи, Боже мой.... Это Москва? — проговорилъ Сысой Павловичь, дрожа отъ изумленія, — да это сонъ мнѣ грезится!.... Это Москва?

И Сысой Павловичь перекрестился.

Извощикъ также смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, какъ на пьянаго, или полоумнаго.

— Да вы не здѣшній вѣрно, батюшка?.... вамъ куда надо было ѣхать-то?

— Это не Петербургъ? — продолжалъ допрашивать Сысой Павловичь, не вѣря ни глазамъ своимъ, ни тому, что онъ посреди улицы, зябнетъ на морозѣ и не знаетъ что дѣлать съ собой.

— Чтожъ, батюшка, ѣхать чтоль, или ужъ отпустите меня? — сказалъ извощикъ.

Digitized by Google

— Постой! — проговорилъ Сысой Павловичь, котораго бросило уже въ жаръ. — Фу!.... да это не можетъ быть!.... Господи, что это такое?....

— Кто жъ это васъ, батюшка, привезъ вмѣсто Питера то сюда? — спросилъ извощикъ съ участіемъ.

— Чортъ привезъ! — отвѣчалъ Сысой Павловичь, не постигая самъ, какимъ образомъ онъ попалъ снова въ Москву.

— Вы, стало быть, Нѣмецъ или Французъ,—сказалъ извощикъ, — сами не знали куда ѣхать; а наняли-то вѣрно Московскаго подводчика: вотъ онъ васъ и привезъ въ Москву; а деньги то, собака, чай взялъ до Питера?

— Да, — проговорилъ Сысой Павловичь, не слушая этого разсужденія. — Гдѣ мнѣ тутъ остановиться? далеко ли гостинница Серапина?

— Царапина? — не знаю!.... а! это вѣрно въ Охотномъ ряду!.... Шора, Шора!.... такъ, такъ, Шора.... знаю; извольте, свезу; только ужъ рубликъ серебромъ.

— Ступай, вези куда-нибудь! — проговорилъ Сысой Павловичь, продолжая въ недоумѣніи разсуждать самъ съ собою. — Какимъ же это образомъ?.... да нѣтъ, не можетъ быть!.... я выѣхалъ изъ Москвы.... я это очень помню.... Развѣ по ошибкѣ записали не въ Петербургъ, а въ Москву?.... Да нѣтъ, Англичанинъ ѣхалъ со мною въ Петербургъ же.... стало быть и онъ въ дуракахъ!.... Это славно! — и Сысой Павловичь, у котораго перепутались мысли, забывъ о своей бѣдѣ, разхохотался на чужую. — Вотъ, я думаю, тоже покатался по этой проклятой Москвѣ, отыскивая Петербургскую сторону!....

Извощикъ привезъ Сысоя Павловича въ гостинницу Лондонъ. Занявъ номеръ, онъ считалъ себя совершенно счастливѣйшимъ человѣкомъ, покуда пилъ чай, проголодавшись и прозябнувъ въ тщетныхъ поискахъ Коннаго переулка близъ Сѣнной. Утомясь отъ дороги, онъ даже заснулъ съ безотчетнымъ довольствіемъ въ душѣ. Но на утро,

Digitized by Google

проснувшись, онъ подумалъ о своемъ положеніи и пришелъ въ отчаяніе.

— Еслибъ, по крайней мѣрѣ, портфель съ деньгами былъ со мной и письмо, — разсуждалъ онъ самъ съ собой — я бы ужъ, во что ни стало, заказалъ бы платье и отправился бы, по крайней мѣрѣ, въ домъ.... узналъ бы, что за невѣста такая.... а то вотъ, поди, пьфу!.... пьяница!... Еслибъ, по крайней мѣрѣ я зналъ адресъ.... какъ бишь его?.... Коняевъ, кажется?.... написалъ бы къ нему, что вотъ что со мной случилось.... Да нѣтъ, не ловко! еще подумали бы, что я чортъ знаетъ кто!.... Черезъ такого мерзавца лишиться такого случая!.... Право, это все какое-то колдовство!... Изъ Петербурга, кажется, я выѣхалъ какъ слѣдуетъ, пріѣхалъ въ Москву.... остановился въ гостинницѣ Серапина.... это все я помню.... потомъ разболѣлись страшно зубы.... Э! постой-ка!.... вѣрно этотъ бестія коновалъ далъ мнѣ опіумъ отъ зубовъ!.... вѣрно опіумъ!.... а извѣстное дѣло, что такое опіумъ! отъ него помѣшаться можно!.... Не удивительно, что и у меня помутились мысли.... Вѣрно мнѣ снилось, что будто я поѣхалъ въ Петербургъ.... что искалъ свою квартиру.... что будто вижу Кремль.... Господи! что это за удивительная вещь чудилась!.... Высочайшая гора, а на ней великолѣпнѣйшій какой-то замокъ съ башнями, весь какъ кованый изъ золота и серебра; а солнце такъ и играетъ, такъ и играетъ на немъ!.... Какъ наяву вижу, не разстался бы, ей-Богу!... Зубы однакожъ, слава Богу, прошли....

Разсуждая самъ съ собою и удивляясь чудному дѣйствію опіума, Сысой Павловичъ открылъ свой чемоданъ, разобралъ, осмотрѣлъ вещи....

— Точно! чортъ знаетъ чего наклалъ въ него, каналья!.... Ахъ, батюшки, въ бумажникѣ только два рубля серебромъ!.... Кудажъ это я дѣвалъ деньги?.... Ахъ, Боже мой, да я послалъ ихъ размѣнять! Эй! кто тутъ?

— Что прикажете? — спросилъ половой.

Digitized by Google

— Тебѣ я далъ размѣнять пятьдесятъ рублей серебромъ: чтожъ ты?

— Мнѣ? никакъ-нѣтъ-съ, — отвѣчалъ человѣкъ.

— Какъ нѣтъ? а вчера?.... да.... въ самомъ дѣлѣ тутъ былъ другой.... гдѣ же тотъ.... такой смуглый?

— Не могу знать, кого вы посылали.

— Да.... постой!.... точно: я посылалъ размѣнять до полученія лекарства.... именно!.... Кудажъ это я растратилъ деньги?.... ничего не помню!.... совершенно ничего не помню, какъ дуракъ!.... Опіумъ отбилъ у меня память!....

И Сысой Павловичъ, убѣдившись, что зубной лекарь прописалъ ему опіумъ, и что отъ опіума онъ былъ въ бреду, задумался наконецъ, что ему дѣлать безъ денегъ, и рѣшился продать свои часы, какъ ни жалко было ему разстаться съ такою необходимою аттестаціею достоинства.

— Что будешь дѣлать! — думалъ онъ, — надо какъ-нибудь добраться до-дому!.... Впередъ наука!.... да я этого не подарю этому старому хрену, Ивану Карповичу!.... да еще вотъ что: если хочетъ выиграть дѣло, такъ пусть-ко изволитъ выписать опекаемую-то свою въ Петербургъ!.... Ей же все равно ѣхать въ Петербургъ до свадьбы или послѣ свадьбы: я вѣдь жить въ этой окаянной Москвѣ не буду!.... я и смотрѣть на нее не хочу! Эка диковинка Кремль, да Сухарева башня!

Рѣшивъ утвердительно не оставаться ни одной минуты въ Москвѣ, Сысой Павловичъ поручилъ половому отыскать покупщика часовъ.

Извѣстное дѣло, что когда что-нибудь *сбывается* съ рукъ по необходимости, за покупщиками это дѣло не станетъ. На *дешево* у всѣхъ глаза какъ-то особенно зарятся. Иной такъ бы вотъ всю вселенную и закупилъ.—Да чтожъ ты съ ней будешь дѣлать? — Помилуй, братецъ, какъ не купить вселенную: свѣтъ-то солнечный я буду продавать: даромъ ни кому ни луча!.... да и воздухъ-то: кому угодно

Digitized by Google

попользоваться воздухомъ — плати; а не то сиди дома. Видишь, все къ даровому привыкли! нѣтъ, мечта!.... да и мало ли статей во вселенной, съ которыхъ можно получать огромный доходъ — надо знать только хозяйственную часть à fond!....

За золотые часы, которые Сысою Павловичу подарилъ кто-то въ знакъ памяти, онъ получилъ не болѣе пятнадцати рублей серебромъ, какъ разъ на *мѣсто снаружи*, и — раздосадованный снова за такую обиду, тотчасъ же записался въ конторѣ дилижансовъ 6-го заведенія, и отправился въ Петербургъ, съ твердымъ зарокомъ не произносить даже имени Москвы. Но, садясь на первой станціи на свое *мѣсто снаружи*, измѣнилъ слову.

— Смотри ты, ямщикъ, — крикнулъ онъ, — ступай по дорогѣ въ Петербургъ, не повороти на Москву!

И эту предосторожность онъ повторялъ на каждой станціи; потому что, размышляя о всемъ случившемся съ нимъ, онъ не совсѣмъ утвердительно складывалъ вину на опіумъ; но полагалъ также, что, можетъ быть, во время мятели съ какой-нибудь станціи дилижансъ поѣхалъ вмѣсто Петербурга назадъ и воротился въ Москву.

— Да такого грѣха съ роду съ нами не случалось! — говорили на его слова и ямщики и кондукторы.

— А какимъ же образомъ я ѣхалъ въ Петербургъ, а очутился опять въ Москвѣ?

— Не знаемъ, — отвѣчали ямщики, качая головою; — а когда это было, въ какомъ заведеніи вы ѣхали?

— Дни три тому назадъ; въ 4-мъ заведеніи.

— Не знаемъ; такого грѣха у насъ съ роду не случалось.

На послѣдней станціи къ Петербургу, точно такая же бесѣда Дьякова съ ямщиками, завязавшаяся въ слѣдствіе обычнаго напоминанія, чтобъ не сбиться съ дороги и не воротиться въ Москву, была прервана проѣздомъ почтовой кареты съ экстрой.

Digitized by Google

— Скорѣй лошадей! — крикнулъ кондукторъ, въ формешномъ сюртукѣ съ петлицами, и съ трубой въ рукахъ.

— Кондукторъ! отвори, братецъ, мочи нѣтъ! судороги въ ногахъ.... я пройдусь, — сказалъ, высунувшись изъ кареты, какой-то пожилой человѣкъ, писклявымъ голоскомъ, въ шубѣ, въ сюртукѣ на мѣху и бархатной поизношенной шапкѣ.

— Это, братецъ, удивительная вещь,—продолжалъ онъ, вылѣзая изъ кареты, при помощи кондуктора,—удивительная вещь, какъ судорога сводитъ мнѣ ногу.... Нѣтъ, это Божеское наказанье, батенька, ѣздить въ вашихъ каретахъ.... Еслибъ по крайней мѣрѣ человѣкъ былъ со мной.... я бы имѣлъ всѣ удобства расположиться какъ мнѣ угодно.... да возможно ли за человѣка платить столько же, сколько за себя.... двадцать пять рублей серебромъ!....

— Чей это знакомый голосъ? — подумалъ Сысой Павловичь, вылѣзая въ то же время изъ дилижанса, — ба, ба, ба! да это Иванъ Карповичь!

— Ба, ба, ба! — вскричалъ и старичекъ, узнавъ Сысоя Павловича. — Сергѣй Павловичь!.... какъ это, какимъ образомъ, а я думалъ васъ застать въ Москвѣ! Обнимите, обнимите меня!.... Ну, что, сдержалъ я слово? Какова Маша?.... Слава Богу, слава Богу, я сердечно радъ!.... я получилъ отъ пея письмо.... только что сажусь въ карету, а мнѣ и подаютъ.... Какъ она благодаритъ меня за васъ!.... Охъ, судорога! Пойдемте-ко, пойдемте, я пройдусь.... такая досада, человѣка не взялъ съ собой, а со мной сидитъ какая-то Русская печка — и духота страшная и поворотиться нельзя.... Ну, слава Богу, что дѣло ваше рѣшилось и скоро и по сердцу.... теперь, по крайней мѣрѣ, я положусь на васъ, какъ на свойственника....

— Иванъ Карповичь, я васъ не понимаю, — проговорилъ наконецъ Сысой Павловичь, едва успѣвая, въ своей медвѣжьей шубѣ, слѣдовать за старичкомъ, который, разминая ноги, тащилъ его за руку. — Я васъ не понимаю, съ чѣмъ вы меня поздравляете?

Digitized by Google

— Какъ съ чѣмъ, батенька?.... я полагаю, что ужъ это дѣло рѣшеное.... Вы понравились; развѣ вамъ не понравилась Маша? по крайней мѣрѣ она благодарила уже меня за доставляемое ей счастіе....

— Вы, Иванъ Карповичъ, вѣрно шутите надо мной, — сказалъ съ сердцемъ Дьяковъ, — вы никакого такого письма насчетъ меня не могли получить, потому что....

— Пожалуйте! извольте садиться! — крикнулъ кондукторъ почтовой кареты къ старичку.

— Я не получалъ? позвольте.... оно, кажется, у меня въ бумажникѣ.... это чтожъ такое значитъ....

— Извольте садиться! — повторилъ кондукторъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!.... я вамъ покажу.... это стало быть....

— Пожалуйте! ждать некогда!

— Сейчасъ, мой другъ.... Вы не вѣрите?... гдѣ тутъ оно?....

— Не вѣрю, Иванъ Карповичъ....

— Позвольте!....

— Извольте садиться! я ждать не могу! — повторилъ еще разъ кондукторъ, садясь на свое мѣсто, — пошелъ!

Ямщикъ дернулъ лошадей.

— Постой! что это такое! — вскричалъ старичекъ, бросясь къ каретѣ.

— Я ждать не могу, я долженъ пріѣхать въ назначенное время; мы и то запоздали за вами въ Петербургѣ.

— Да это ни на что не похоже! — проговорилъ старичекъ, держа въ рукахъ развернутый бумажникъ, и влѣзая въ карету.

— Пошелъ! — крикнулъ кондукторъ, не давъ ему поворотиться на мѣстѣ и захлопнувъ карету.

Карета умчалась.

Digitized by Google

— Эготъ старый хрычь меня надуваетъ! — подумалъ Сысой Павловичь,—оставилъ какъ на мели!.... Что онъ мнѣ разсказывалъ? поздравлялъ съ конченнымъ дѣломъ.... Получилъ насчетъ меня отъ Машеньки письмо.... съ-ума что ли онъ сошелъ?.... Не понимаю! — Да, право, я ни чего не понимаю!.... Откуда взялся Иванъ Карповичь.... наговорилъ какую-то нелѣпицу ... Право, мнѣ это все мерещется!.... Это должно быть дѣйствіе опіума, или меня самъ лѣшій обошелъ!....

Въ этомъ полномъ недоумѣніи, Сысой Павловичь не чувствовалъ, какъ сѣлъ въ дилижансъ, не догадался, что пріѣхалъ въ Петербургъ, и, выходя изъ кареты, спросилъ у кондуктора:

— Смотри, братъ, на ту ли станцію мы пріѣхали? не назадъ ли воротились?

IX.

Между тѣмъ, какъ Сысой Павловичь разрѣшалъ свои недоумѣнія въ Петербургѣ, разсказывалъ свои приключенія своему сослуживцу и другу, Дмитрію Ивановичу, распекалъ, не принимая никакого оправданія, Карпа за то, что онъ укралъ у него бѣлье и платье, и наклалъ чортъ знаетъ чего въ чемоданъ, — мы обратимся къ забытому нами на станціи, Сергѣю Павловичу Даянову.

Читатели могутъ догадаться, что Софья Александровна Малинская, и въ слѣдствіе любви, и въ слѣдствіе приключенія послѣ бала, и въ слѣдствіе объясненій съ Даяновымъ, рѣшилась отдать ему свою руку и не медлить свадьбой въ тихомолку. Даяновъ, въ восторгѣ, въ упоеніи, вскричалъ: «Душка! Софи! сейчасъ же ѣдемъ въ церковь!» — и не утерпѣлъ: бросился на диванъ, толкнулъ ногой мраморный пьедесталъ съ фарфоровымъ цвѣтникомъ, запѣлъ: умираю! и, обхвативъ свою Софи, обнялъ такъ крѣпко, что она вскрикнула, и вообразила, что онъ сошелъ съ ума.

Digitized by Google

Малинская, какъ свѣтская дама, подумала однакоже о сохраненіи приличія: на другой же день Даяновъ получилъ отъ нея записку слѣдующаго содержанія:

«Serge, по случаю наступающаго поста, свадьба наша не можетъ быть прежде двухъ мѣсяцевъ. Ты можешь понять, какъ неловко будетъ мое положеніе во все это время въ отношеніи родныхъ и знакомыхъ. Желая избѣжать оскорбительныхъ сужденій, взоровъ и намековъ, я рѣшилась на короткую разлуку; я сію же минуту ѣду на нѣсколько дней въ подмосковную къ тетушкѣ, а потомъ прямо въ Петербургъ, гдѣ остановлюсь у Каменевыхъ, моихъ искреннѣйшихъ друзей. Посылаю тебѣ на имя ихъ письмо, и приказываю сѣсть въ маль-постъ и отвезти его прямо къ нимъ. Они тебя примутъ какъ роднаго. Къ 20 числу я сама непремѣнно пріѣду въ Петербургъ, и надѣюсь застать тебя уже тамъ. Твоя С.»

Нетерпѣливый Даяновъ, получивъ записку, съ отчаянія запѣлъ, на ладъ Мятлева —*говоритъ-говоритъ*, и поскакалъ, какъ мы видѣли, въ Петербургъ.

Онъ крѣпко спалъ на диванѣ, когда кондукторъ дилижанса, на́-скоро закусивъ въ харчевнѣ печенки, разбудилъ его докладомъ, что лошади готовы. Даяновъ потянулся, зѣвнулъ, всталъ, дошелъ шатаясь до дилижанса, и его помчали обратно въ Москву.

Гибкій, почти безъ костей, какъ стерлядь, онъ не чувствовалъ тряски; въ медвѣжьей шубѣ, не помышляя о холодѣ, какъ Англичанинъ, спутникъ Дьякова, онъ не чувствовалъ и мороза. Его ни что видимое не развлекало, не соблазняло, и онъ спалъ младенческимъ сномъ, безъ сновидѣній и призраковъ; сонный выходилъ на станціяхъ въ гостинницы, спрашивалъ чаю, пилъ, погруженный въ дремоту, и такимъ образомъ доѣхалъ до самой конторы дилижансовъ 6-го заведенія.

Было уже около полуночи.

— Чаю! — вскричалъ онъ, входя въ контору и завалясь на диванъ.

Digitized by Google

— Здѣсь контора, — сказалъ ему письмоводитель.

— Контора?.... чтожъ такое? здѣсь нельзя спать?

— Нельзя-съ; здѣсь недалеко есть гостинница.

— А! такъ мы пріѣхали? — спросилъ Даяновъ: — какъ же мнѣ добраться куда-нибудь спать?....

— Если вамъ угодно остановиться въ Лондонѣ — близехонько.

— Хорошо, хорошо, и прекрасно! тамъ можно спать?

— Хмъ! конечно-съ, — отвѣчалъ письмоводитель съ улыбкой, смотря на сонную, умильную наружность Даянова, которая вызывала на угодливость. — Васъ довезутъ туда въ дилижансѣ.

— Хорошо, хорошо!

И Даяновъ сѣлъ снова въ карету; его привезли въ Лондонъ.

— Ну, гдѣ тутъ у васъ спятъ? — сказалъ онъ, входя въ сѣни и на лѣстницу.

— Номеръ прикажете? получше, или средственный?

— Не получше, а самый лучшій.

— Пожалуйте; вотъ 3-й номеръ; отличный-съ.

— Ну, кто мнѣ будетъ служить?.... ты?

— Я-съ.

— Ну, тащи шубу.... ну! снимай шапку.... гдѣ тутъ спятъ?

— Пожалуйте-съ, вотъ спальня.

— Ну, раздѣвай!....

И Даяновъ протянулъ обѣ руки. Человѣкъ стянулъ съ него верхнее платье, и какъ соннаго ребенка раздѣлъ уже въ постелѣ.

— Къ завтрему чтобъ все было вычищено, приготовлено.... въ чемоданѣ бѣлье и платье.... слышишь?.. Ну, чтожъ ты?

Digitized by Google

— Что прикажете?

— Убирайся со свѣчкой?

— Я думалъ, что вы сами изволите потушить.

— Дуракъ! ты видишь, что я сплю.

Произнося эти слова, Даяновъ въ самомъ дѣлѣ уже спалъ.

Человѣкъ взялъ свѣчку, и вышелъ на цыпочкахъ.

По обычаю, а тѣмъ болѣе съ дороги, Даяновъ проспалъ до полудня. Проснувшись, тотчасъ же хватился шелковаго своего сюртука и шитой ермолки.

— Ну, чтожъ ты? — сказалъ онъ, позвонивъ, вошедшему слугѣ, — гдѣ утренній сюртукъ?

— Чемоданъ запертъ, — сказалъ человѣкъ, — пожалуйте ключь.

— Ключь?.... посмотри въ пальто.

— Въ пальто ни чего нѣтъ кромѣ бумажника-съ, — отвѣчалъ человѣкъ, вынувъ бумажникъ и положивъ на столикъ передъ Даяновымъ.

— Ну, въ жилетѣ.

— Въ жилетѣ только часы-съ, да вотъ деньги....

— Ну, въ панталонахъ.

— Тутъ только кошелекъ-съ....

— Ну, такъ въ чемоданѣ.

— Какъ же въ чемоданѣ-съ.... приговорилъ человѣкъ, ухмыляясь.

— Ну, такъ чортъ его знаетъ, куда положилъ мистеръ Джемсъ.... отворяй безъ ключа.

— Развѣ призвать слесаря?

— Ты дуракъ я вижу, тебя еще надо учить отворять безъ ключа!

— Къ чемужъ, сударь, ломать, когда можно открыть не ломая. Сломать-то я сломаю, а починить-то не возьмусь; послѣ все равно надо будетъ призывать слесаря.

Digitized by Google

— Ты очень уменъ, я вижу; а ктожъ будетъ ждать, покуда ты пойдешь за слесаремъ, покуда приведешь, покуда онъ откроетъ — я буду ждать?

— Да какъ же быть-съ?

— Какъ же быть «in si barbara sciagura!» — затянулъ Даяновъ, какъ отчаянная Семирамида въ операхъ Россини, и вскочивъ съ постели, началъ рвать крышку на чемоданѣ; но напрасно.

— Ah!.... Cruda Sorte! ножъ подай, ножъ подай!.... подай, подай! — вскричалъ онъ на-распѣвъ, вытащилъ изъ бумажника перочинный ножикъ, принялся рѣзать чемоданъ, переломилъ, плюнулъ, швырнулъ ногой чемоданъ со стула, бросился въ постель и запѣлъ:

По тебѣ, говоритъ,
Тамъ-да-тамъ, говоритъ,
И корабль, говоритъ;
Да нельзя, говоритъ,
Чортъ бы далъ, говоритъ....
Говоритъ, говоритъ....

Потомъ свернулъ на арію изъ оперы Паера «Sargino:» ah! Sophia! mio caro bene!»

Между тѣмъ, человѣкъ, смотрѣвшій съ жалостью на порчу чемодана, побѣжалъ и привелъ слесаря, который въ одинъ мигъ отперъ замокъ.

— Извольте, сударь, — сказалъ слуга, — вынувъ изъ чемодана изношенный, полосатый, изъ бумажнаго кашемиру, халатъ на ватѣ, и распяливъ его передъ Даяновымъ.

— Это.... was ist das?—спросилъ Даяновъ, взглянувъ на халатъ.

— Халатъ-съ.

— Чей-съ?

— Вашъ-съ, изъ чемодана.

— Мой халатъ?.... мой халатъ? о, скотина мистеръ Джемсъ, мистеръ Джемсъ!.... и Даяновъ перекувыркнулся на постелѣ, забарабанилъ ногами, и захохоталъ безъ умолку.

Digitized by Google

Человѣкъ усталъ держать надъ нимъ халатъ.

— Надо, сударь, за чаемъ идти, — сказалъ онъ.

— Ой! умру! — вскрикнулъ наконецъ Даяновъ, — прочь халатъ мистеръ Джемса!.... умру! пошелъ подавай чай, пошелъ приведи карету четверней съ человѣкомъ, который бы зналъ адресы, пошелъ приготовь мнѣ бриться, давай одѣваться, призови цирюльника, подай чистое бѣлье, маршъ! — Дурь и блажь Даянова такъ была мила и забавна, онъ такъ умѣлъ даже этой дурью располагать къ себѣ всѣхъ, и очаровывать, что слуга, получивъ сто различныхъ приказаній, бросился, согласно приказу, исполнять ихъ въ одно и то же время.

Надѣвъ вмѣсто шелковаго халата медвѣжью шубу и вмѣсто остроносыхъ туфель теплые сапоги свои, Даяновъ прихлѣбнулъ чаю, взглянулъ на халатъ, снова разхохотался, вскочилъ, сдернулъ его съ креселъ, вымелъ ногой въ переднюю, потомъ подошелъ къ чемодану, открылъ его и сталъ перебирать и пересматривать вещи. Вытаращивъ глаза на толстое бѣлье, онъ началъ по одиначкѣ швырять вонъ рубашки, платки, носки, полотенцы, манишки, воротнички, и прочія вещи, повторяя: это мистеръ Джемса, и это мистеръ Джемса, и это мистеръ Джемса.

— Карета, сударь, готова, и цирюльникъ пришелъ.

— На, пиль, лови, бери себѣ!.... на, вотъ тебѣ, пропей! да пошелъ, чтобъ мнѣ сейчасъ же привезли изъ какого-нибудь Французскаго магазина бѣлья.... Ну, чтожъ ты?

Даяновъ поворотилъ человѣка, который началъ было подбирать разметанное бѣлье, лицомъ къ дверямъ, далъ подзатыльникъ и вытолкнулъ.

Подойдя снова къ чемодану, Даяновъ взялъ портфель, посмотрѣлъ на него, открылъ....

— Это что за письмо?.... ахъ, это письмо Софи къ Каменевымъ.... а я было и забылъ про него.... хорошо, что мистеръ Джемсъ догадался положить....

Digitized by Google

Ah! Sophia! mio caro bene....

— Дрянь! право!....

Теперь постъ, говоритъ,
Сядь въ маль-постъ, говоритъ,
Поѣзжай, говоритъ,
Въ Петербургъ, говоритъ....

И жди ее вотъ тутъ, въ медвѣжьей шубѣ!

Изъ Французскаго магазина принесли бѣлье, и Даяновъ, накупивъ всего, что нужно и не нужно, сталъ одѣваться; на платье, которое человѣкъ вынулъ изъ чемодана и подалъ, онъ не обратилъ вниманія — оно ему было впору, потому ли что не обратилъ вниманія, или потому, что въ наше время все въ пору, что не жметъ.

Садясь въ карету, Даяновъ взглянулъ на адресъ письма и крикнулъ: въ Конюшенную!.... въ домъ Каменева!

Даяновъ съ роду не обращалъ вниманія на окружающіе предметы; его занималъ всегда какой-нибудь одинъ предметъ, или ничего. Смотря на него, можно было подумать, что вокругъ него безсвѣтный хаосъ, и онъ видитъ посреди этого хаоса только тѣ предметы, на которые бросало свѣтъ его воображеніе: живя въ Москвѣ онъ не видалъ Москвы; отправляясь куда-нибудь, онъ ощущалъ въ себѣ только чувство торопливости. Душа его, какъ будто перелетѣвъ уже на мѣсто, нетерпѣливо поджидала тѣло.

Когда пріѣхали въ Старую Конюшенную, человѣкъ соскочилъ съ козелъ подлѣ будки и спросилъ: гдѣ тутъ домъ Каменева?

— Не знаю, — отвѣчалъ будочникъ, — у насъ нѣтъ такого.

— Развѣ Канеева, — сказалъ дворникъ, стоявшій у воротъ; — Канеева, вотъ онъ, съ подъѣздомъ.

— Стой! — крикнулъ человѣкъ кучеру, и пріотворивъ дверцы кареты, доложилъ, что дома Каменева здѣсь нѣтъ; а есть Канеева.

Digitized by Google

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ; чтожъ это я вообразилъ Каменева, — сказалъ Даяновъ, вынувъ письмо изъ боковаго кармана и взглянувъ на адресъ: — ступай къ подъѣзду!

— Прикажете доложить?

— Разумѣется!.... Доложи: Сергѣй Павловичь Даяновъ, по порученію. На, возьми билетъ; а то переврешь фамилію.

— Пожалуйте, приказали просить, — сказалъ человѣкъ, возвратясь и отворяя дверцы кареты.

Даяновъ выпрыгнулъ, вбѣжалъ на крыльцо, сбросилъ въ передней шубу, поправилъ передъ зеркаломъ волосы и вошелъ въ залу.

Изъ дверей гостиной выглянуло что-то милепькое и скрылось, какъ видѣніе. Даяновъ замѣтилъ только чудный, гибкій станъ, большіе черные глаза и густые локоны, оттѣнявшіе необыкновенную бѣлизну и свѣжесть лица.

Вскорѣ вошелъ степенной наружности, внушающей въ каждаго довѣрчивое и пріятное чувство, хозяинъ, и привѣтливо предложилъ Даянову войдти въ гостиную.

— Мнѣ поручено вручить вамъ это письмо, — сказалъ Даяновъ; — въ немъ, безъ сомнѣнія, между прочимъ, заключается и просьба не отказать мнѣ въ вашемъ расположеніи.

— Вѣроятно, это какой-нибудь художникъ, — подумалъ хозяинъ, принимая письмо, прося гостя садиться и окинувъ его взоромъ. Принявъ сначала свѣтскую его ловкость за современную *безчинность*, онъ однакоже былъ пораженъ его живой, улыбающейся наружностію.

Покуда Канеевъ пробѣгалъ письмо съ увеличивающимся удивленіемъ, взоръ Даянова ускользнулъ уже за драпированный сводъ дверей въ слѣдующую комнату.

— Чудо! вотъ картина! прелесть! вотъ бы срисовать! — готовъ былъ онъ вскрикнуть такъ, чтобъ всѣ живописцы въ мірѣ сбѣжались съ палитрами и кистями

Digitized by Google

Въ картинѣ, которая представлялась его глазамъ, казалось, ни чего не было чуднаго: та же дѣвушка, которая, при входѣ его въ залу, выглянула изъ гостиной, сидѣла подлѣ окна за полисадникомъ плюща, сидѣла съ работой въ рукахъ, и болѣше ничего; но очаровательное личико, освѣщенно солнечнымъ лучемъ, такъ рисовалось на пунцовой занавѣси, что три кисти вдругъ могли только схватить красоту лица, положеніе и свѣтъ — кисти Рафаэля, Брюлова и Айвазовскаго.

— Боже мой, какъ я радъ, какъ я радъ! — проговорилъ хозяинъ, подходя къ Даянову и взявъ его за руку; — позвольте мнѣ прочесть письмо женѣ и познакомить васъ съ нею и племянницей.

И Канеевъ, пожавъ Даянову руку, вышелъ въ другую комнату.

— Машенька, — сказалъ онъ, — поди сюда.... Варвара Петровна!....

— Что такое, мой другъ? — спросила дама, сидѣвшая подлѣ дивана, вставая и выходя за мужемъ въ камишную.

— Податель этого письма женихъ Машеньки, если только ей угодно будетъ согласиться на волю и предложеніе опекуна, Ивана Карповича.

— Что такое, дядюшка? — спросила дѣвушка, вспыхнувъ, — этотъ молодой человѣкъ?....

— А ты ужъ его видѣла?

— Разумѣется, видѣла.

— Читай пожалуйста; ты шутишь, что ли? какого жениха прислалъ Иванъ Карповичъ?

— Читй, Машенька.

Дѣвушка, разгорѣвшись, начала читать въ полголоса письмо:

«Любезнѣйшій Ѳедоръ Григорьевичь! Я, по милости Божіей, обрѣтаюсь здоровъ и благополученъ, чего и вамъ же-

Digitized by Google

лаю, а равнымъ образомъ и добрѣйшей Варварѣ Петровнѣ. Дѣло мое поступило въ Сенатъ, но еще хода не приняло. Ходатайство по дѣлу свело меня съ прекраснѣйшимъ человѣкомъ, Сергѣемъ Павловичемъ Дьяковымъ....

— Не Дьяковымъ, а Даяновымъ, — перервалъ Канеевъ.

— Посмотрите, дядюшка: Дьяковымъ.

— Но вотъ билетъ: С. П. Даяновъ.

— Такъ это описка. «Человѣкомъ съ отличными качествами и благороднѣйшей душой. Я его полюбилъ какъ роднаго. Такъ какъ судьба нашей сиротки, Маши, всегда у меня въ головѣ, а равнымъ образомъ и желаніе, чтобъ она вышла замужъ за человѣка достойнаго; то мнѣ и приходило на мысль, познакомясь съ Сергѣемъ Павловичемъ, что вотъ бы была счастливѣйшая чета. Онъ, не смотря на небольшой чинъ, имѣетъ на службѣ значительное вліяніе, какъ по уму, а равнымъ образомъ и по свѣдѣніямъ своимъ; и не сомнительно, въ скоромъ времени, достигнетъ высшихъ степеней. Хотя наружность его и не такова, чтобъ съ перваго разу могла понравиться, равнымъ образомъ, хотя онъ и не изъ числа свѣтскихъ любезниковъ; но полагаю, что, по благоразумію своему, Маша прекрасныя свойства, а равнымъ образомъ душевныя качества, предпочитаетъ красотѣ лица. Чего ради, я узнавъ въ пріятныхъ бесѣдахъ съ Сергѣемъ Павловичемъ о его неотлагаемомъ, а равнымъ образомъ и благоразумномъ намѣреніи жениться на доброй дѣвушкѣ, съ небольшимъ состояньицемъ, равнымъ его средствамъ, сказалъ ему, что есть у меня прекраснѣйшая для него невѣста, и описалъ Машу въ такихъ краскахъ, что онъ заочно влюбился въ нее безъ памяти, и просилъ быть его ходатаемъ для полученія ея руки, а равнымъ образомъ и сердца. Полагая таковый случай счастіемъ для Маши, а равнымъ образомъ и для насъ всѣхъ неизреченнымъ удовольствіемъ, я безъ отлагательства предложилъ ему ѣхать въ Москву; а равнымъ образомъ, снабдилъ его къ вамъ рекомендаціею, увѣренный, что при Божіей помощи союзъ Маши съ нимъ совершится не отлагательно. А такъ какъ

Digitized by Google

у него въ Москвѣ родныхъ, а равнымъ образомъ и знакомыхъ не имѣется, то полагаю, вы предложите ему остановиться у васъ въ домѣ. Для компаніи вашей онъ пріятнѣйшій человѣкъ, какъ въ отношеніи свѣдѣній политическихъ, равнымъ образомъ и для партіи преферанса добрѣйшей Варвары Петровны. Касательно же Маши, я увѣренъ, что она съ нимъ не разстанется.

P. S. Я бы совѣтовалъ поторопить этимъ дѣломъ, понеже онъ не можетъ пробыть въ Москвѣ болѣе двухъ недѣль, съ проѣздомъ: на его рукахъ всѣ департаментскія дѣла.»

— Ну, Машенька, что скажешь? Если, какъ пишетъ Иванъ Карповичъ, качества его также хороши, какъ наружность, то, что ты скажешь?

— Это все рѣшитъ тетенька, — отвѣчала Машенька, покраснѣвъ.

Добрѣйшая Варвара Петровна поцѣловала ее.

— А вотъ и тетенька его увидитъ. Выйди, душа моя. Я, однакоже, затрудняюсь, ловко ли предложить молодому, незнакомому человѣку остановиться въ домѣ?

— Но, это, смотря, — сказала Варвара Петровна.

— Извините, — сказалъ Канеевъ, выходя въ гостиную.

Дяяновъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на отличнаго коня, котораго объѣзжали по двору.

— Чудная лошадь! — повторилъ онъ, — что за стать!

— Да, надо отдать справедливость, — началъ было хозяинъ, съ чувствомъ довольствія; но въ слѣдъ за нимъ вышла Варвара Петровна съ Машенькой.

Свѣтскій, ловкій поклонъ и открытая свѣтлая наружность, поразили Варвару Петровну. Машенька не знала на чемъ остановить свой взоръ, такъ возмутились въ ней всѣ чувства.

Варвара Петровна именно была добрѣйшая. Привѣтливый взоръ ея былъ проникнутъ добродушіемъ.

Digitized by Google

— Моя жена и племянница, — сказалъ Канеевъ; — прошу васъ быть съ нами безъ излишнихъ церемоній, и полюбить насъ. Первая встрѣча, кажется, вѣрнѣе всего рѣшаетъ взаимное расположеніе людей, — прибавилъ онъ, какъ будто убѣдившись уже по наружности гостя въ его взаимномъ расположеніи.

— О, это совершенная правда, — отвѣчалъ Даяновъ, взглянувъ на Машеньку.

— Вы на такое короткое время пріѣхали къ намъ, — сказала Варвара Петровна.

— Это совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Если бы обстоятельства зависѣли отъ насъ, мы бы васъ задержали.

Даяновъ умильно поклонился.

Канееву съ перваго взгляда необыкновенно какъ понравился молодой человѣкъ; онъ не вытерпѣлъ и забылъ о предполагаемыхъ затрудненіяхъ насчетъ предложенія гостю остановиться у него въ домѣ.

— Сергѣй Павловичъ, вы гдѣ остановились? — спросилъ онъ его, не давъ еще завязаться даже разговору.

— Въ гостинницѣ Лондонъ.

— Такъ позвольте мнѣ послать за вашими вещами; надѣюсь, что вы не отвергнете ни моихъ хлѣба-соли, ни моего угла.

— Но.... ваше вниманіе и радушіе меня смущаютъ, — сказалъ Даяновъ.

— Пожалуйста, не смущайтесь; который номеръ вы заняли? у васъ тамъ человѣкъ?

— Только одинъ чемоданъ; я на-легкѣ; но позвольте мнѣ....

— Ничего не позволяю. Это все сдѣлается просто: мой человѣкъ поѣдетъ, расплатится и привезетъ вашъ багажъ.

Digitized by Google

— Ну, какъ угодно, нечего дѣлать: ваше насиліе такъ обязательно, — проговорилъ Даяновъ, вскочивъ съ мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ слѣдъ за хозяиномъ, который вышелъ въ залу отдать приказаніе.

— Какъ я люблю Вирта, — сказалъ Даяновъ, возвращаясь на мѣсто, остановясь подлѣ рояля и ударивъ пальцемъ по нѣсколькимъ клавишамъ, — роскошный тонъ!

— Вотъ у меня музыкантша, — сказала Варвара Петровна, взглянувъ на Машеньку, которой взоры преслѣдовали всѣ движенія Даянова.

— О, я люблю музыку, — сказала она.

— Какъ я люблю, — сказалъ и Даяновъ, бросивъ лѣвую руку на клавиши; и она, пропрыгала, пробѣжала по нимъ, какъ бѣлка по спицамъ колеса.

— Ахъ, какъ вы играете! — вскричала Машенька, вскочивъ съ мѣста и подбѣжавъ къ роялю.

— Какъ вы должны играть! — отвѣчалъ Даяновъ, взявъ нѣсколько аккордовъ.

— Ахъ, это С-мольная соната Бетховена!

— Вы ее играете?

— Это любимая моя соната.

— И моя.... Это, кажется, Гензельтъ, въ четыре руки?

— Его фантазія.

— Его тотчасъ можно узнать.... Садитесь, попробуемте, — сказалъ Даяновъ, положивъ шляпу, сбросивъ перчатки и садясь за пьяно.

По какому-то взаимному, увлекающему сочувствію къ музыкѣ, Машенька, ни сколько не затрудняясь, также сѣла и начала примо.

Звуки дисканта какъ будто перекатились струей, раздробились въ брызги, басы зарокотали.

— Браво, и концертъ готовъ! — сказалъ Канеевъ, входя въ гостиную и обнявъ жену, которая стояла уже

Digitized by Google

подлѣ рояля и болѣе смотрѣла на играющихъ, нежели слушала согласное исполненіе блестящей фантазіи.

— Ахъ, какъ вы играете! — сказала она, когда Даяновъ, вставъ со стула и откинувъ блестящіе свои локоны, взглянулъ на пылавшее лицо Машеньки и на волнующуюся довольствіемъ ея грудь, и произнесъ: charmant, mademoiselle!

— Какъ съ вами легко играть, — сказала Машенька, — съ учителемъ я всегда дѣлаю ошибки; не знаю почему.

— Я думаю потому, что учители читаютъ ноты только глазами, безъ *сочувствія*, — отвѣчалъ Даяновъ.

— Право, вы у насъ съ перваго мгновенія какъ свой, — сказалъ съ чувствомъ Канеевъ, взявъ Даянова за обѣ руки.

Вошедшій человѣкъ доложилъ, что кушать подано; Даяновъ, взглянувъ признательно на хозяина, подалъ руку Варварѣ Петровнѣ и повелъ ее къ столу.

Никто не ѣлъ съ такимъ осязаніемъ довольствія и не возбуждалъ примѣромъ своимъ аппетита въ другихъ, какъ Даяновъ. Порывистыя, живыя движенія, пылкое, летучее воображеніе, заводящее чувства каждаго какъ будто на выставку причудливыхъ произведеній мысли, невольно одушевляли всѣхъ собесѣдниковъ: хохотъ, острыя слова, тарабара — и время летѣло, никто его не чувствовалъ. Отъ разговора и анекдотовъ о путешествующихъ музыкальныхъ извѣстностяхъ, Даяновъ кстати перескочилъ на Арабскую породу коней, съ Арабской на Англійскую, и самъ не замѣтилъ, когда успѣли отобѣдать, какимъ образомъ очутился онъ на конюшнѣ Канеева, а наконецъ на знаменитой кобылѣ хозяина, муштруя ее по двору.

— Браво, браво, Сергѣй Павловичъ! о, да какой вы ѣздокъ! — кричалъ Канеевъ, ходя въ слѣдъ за нимъ, съ арапникомъ, искусно похлопывая, чтобъ возбудить всю энергію роскошнаго своего коня. — Какова моя голубушка Терпсихора? а? именно Терпсихора! какъ пляшетъ-то, а?

Варвара Петровна и Машенька стояли у окна и смотрѣли на молодецкую ѣзду Даянова.

Digitized by Google

— Тетенька, онъ простудится въ одномъ сюртукѣ! — проговорила Машенька съ какимъ-то уже правомъ на заботливое участіе о гостѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказала и Варвара Петровна, и вмѣстѣ съ Машенькой, въ порывѣ участія, онѣ выбѣжали на крыльцо уговаривать наѣздника, чтобъ онъ надѣлъ хоть теплое пальто Ѳедора Григорьевича.

— Ай-ай-ай, что вы это? зачѣмъ вы вышли?—вскричалъ Даяновъ въ свою очередь, соскочивъ съ коня на лету и бросясь къ нимъ,—въ однихъ платьяхъ: какъ это можно!

И онъ протолкалъ и Варвару Петровну и Машеньку въ комнату.

— Браво! — повторялъ Ѳедоръ Григорьевичь, цѣлуя въ чело свою Терпсихору, которая остановилась передъ крыльцомъ, какъ вкопаная.

— Что теперь за ѣзда, въ такой холодъ! — сказала Варвара Петровна,—давайте лучше играть въ преферансъ,—вы играете въ преферансъ?

— Во что угодно, — отвѣчалъ Даяновъ, взявъ съ поставленнаго уже ломбернаго стола колоду картъ, и раскинулъ ее какъ хвостъ павлина по столу.

— Ахъ какъ это мило! — вскричала Машенька.

— Загадайте карту.

— Ну, загадала.

— Положите ее подъ низъ.

— Положила.

— Разъ-два-три! червонный король.

— Ахъ, Боже мой, какимъ же образомъ вы вдругъ отгадали? — спросила съ удивленіемъ Машенька.

— Да вы сами положили ее подъ низъ колоды.

— Ха, ха, ха, ха!

Нахохотавшись на такое безхитростное мороченье, хозяинъ, хозяйка и Даяновъ пресерьезно начали игру. Ма-

Digitized by Google

шенька присѣла къ столу, и имѣя право восхищаться своимъ будущимъ, не сводила съ него глазъ.

— Вы играете? — шепталъ онъ ей.

— Я понимаю игру.

— Скажите на счастье, въ чемъ играть?

— Въ червяхъ.

— Въ червяхъ, — повторилъ Даяновъ.

День шелъ невидимо. Игра еще не кончилась. Машенька, какъ будто грустя изъ ревности, что онъ занялся игрой и забылъ ее, присѣла за фортепьяно и запѣла арію изъ «Didone abbandonnata: oh non lasciarmi».... и едва произнесла эти первыя слова аріи, Даяновъ не вытерпѣлъ, запѣлъ: «nò, nò, bell'idol mio!»

— Боже мой, вы и поете?

— Немножко.

Даяновъ очаровалъ всѣхъ и самъ очаровался Машенькой. О Софи — никто ни слова, и онъ ни слова. Когда Ѳедоръ Григорьевичъ проводилъ его въ назначенныя ему комнаты на антресоляхъ, онъ, по обычаю, бросился на диванъ, скатился на коверъ, и растянувшись на полу, запѣлъ: «Di piacer mi balza il cor!».... своротилъ на «O gioja! momento!» потомъ на «Qual speranza arriva al cor!» потомъ на «Mille sospiri e lagrime....» и на двадцать арій вдругъ.

— Ну, Маша, поздравляю! — сказала Варвара Петровна Машенькѣ, — я такого человѣка еще и не видывала.

Машенька бросилась къ ней на шею.

— Я сегодня же напишу Ивану Карповичу, буду благодарить его за участіе во мнѣ.

— Напиши, душа моя!.... Я не понимаю даже, какимъ образомъ онъ не усвоилъ такого жениха для своей Людмиллы.... Ѳедоръ Григорьевичъ, слышишь, что я говорю?

— Что, другъ мой.

Digitized by Google

— Я понять не могу, что за причина, что Иванъ Карповичъ не высваталъ Сергѣя Павловича за свою прекрасную Людмиллу?

— Хмъ! въ самомъ дѣлѣ странно!....

— Вѣрно, потому только, что онъ не имѣетъ состоянія?

— Вотъ прекрасно! у него имѣнье въ Калужской и Тамбовской губерніяхъ и свой конскій заводъ: наемный кучеръ, Иванъ, говорилъ, что онъ изъ его деревни, и помнитъ его маленькаго.

— Неужели?

— Да; это просто непостижимо; если вѣрить вполнѣ рекомендаціи Ивана Карповича, что молодой человѣкъ безъ изъяна — счастіе Маши: наружность, умъ образованность....

— Ахъ, чудо, чудо, дядюшка! — произнесла, едва дыша отъ радостнаго чувства, Машенька, приклонивъ голову къ плечу Канеева и цѣлуя его руку.

— О, въ него не трудно влюбиться, и ты за этимъ не постоишь.... такъ ли?.... но право, я боюсь, нѣтъ ли какого-нибудь изъяна....

— Ахъ нѣтъ, и не говорите объ этомъ!.... все равно, я за него выйду замужъ!....

— Ну, можетъ быть судьба, — сказалъ Канеевъ, поцѣловавъ Машеньку, — можетъ быть и твое счастье: во всякомъ случаѣ ты стоишь его, будь онъ весь совершенство.

— О, они стоютъ другъ друга, — прибавила Варвара Петровна.

Машенька молча цѣловала руку то у добраго дяди, то у доброй тетки своей.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЕ.

Живые, нѣжные привѣты,
Великолѣпныя мечты
Приносятъ юноши-поэты
Вамъ, совершенство красоты!
Ихъ пѣсни звучны и прекрасны,
Сердца ихъ пылки, — но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бредъ влюбленной головы,
Не милы вамъ! Инаго міра
Жизнь и поэзію любя,
Вы имъ доступнаго кумира
Не сотворили изъ себя.
Они должны стоять предъ вами,
Безмолвны, тихи, смущены,
И безтѣлесными мечтами,
Какъ страхомъ Божіимъ, полны.

Н. Языковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 6. Мартъ. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

ЧУДОДѢЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

На другой день, Даяновъ, беззаботно проснувшись, озаботился только о своемъ туалетѣ. Онъ не привыкъ носить ежедневно одни и тѣже — фракъ, пальто, жилетъ и всѣ прочее.

Когда человѣкъ подалъ ему платье, — это что такое? спросилъ онъ, — это все вчерашнее?... нѣтъ, пусть провѣтрится; достань мнѣ что нибудь-другое изъ чемодана.

— Прикажете фракъ подать? — спросилъ человѣкъ, разбирая чемоданъ.

— Нѣтъ, фракъ спасибо: достань мой сѣренькой сертучокъ à la Napoleon.

— Тутъ нѣтъ сѣренькаго; тутъ одно только старое пальто на ватѣ.

Digitized by Google

— Только? ну это значитъ: «довольно, больше ничего не нужно», сказалъ мистеръ Джемсъ, отправляя барина въ дорогу; это значитъ, что баринъ долженъ заказывать новое платье.... Вотъ тебѣ, Борисъ, рубль серебромъ на чай, рубль серебромъ на сахаръ.... а кофе ты пьешь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну такъ рубль серебромъ на водку; а все остальное на извощика: ступай сію минуту, привези мнѣ самаго лучшаго моднаго портнаго, и вели ему захватить съ собой готоваго на мой ростъ платья.... видишь меня?

— Вижу-съ, — отвѣчалъ человѣкъ, цѣлуя руку у Даянова.

— Ну, штукъ пять-сотъ пальто, сотни двѣ жилетовъ, да по крайней мѣрѣ сотню панталонъ, чтобъ было изъ чего выбрать пары три платья, — понимаешь?

— Понимаю-съ; я вѣдь портняжному ремеслу учился; я съ васъ прикину мѣрочку.

— И прекрасно, прикинь; да ступай скорѣй; покуда всѣ встанутъ, чтобъ платье было здѣсь.

— Да господа ужъ встали; ждутъ васъ чай кушать.

— Э? — давай одѣваться!

И Даяновъ, забывъ, что надѣваетъ все вчерашнее, живо одѣлся и сбѣжалъ внизъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ бросился къ нему съ распростертыми объятіями. У Варвары Петровны и Машеньки онъ поцѣловалъ руку.

Вообще утро, съ 9 или 10 часовъ до двухъ, самая трудная вещь для препровожденія времени, въ свѣтѣ, свободномъ отъ дѣлъ и должностей. Люди особенные, родившіеся не на пользу, а только на показъ себя прочимъ обыкновеннымъ людямъ, преимущественно зѣваютъ во все это время, и вопреки пословицѣ, что «утро вечера мудренѣе», считаютъ утро преглупою вещью, годною только на пополненіе безсонной

Digitized by Google

ночи, или на исправленіе самыхъ пошлыхъ житейскихъ нуждъ.

Но Канеевы были не особенные люди; Ѳедоръ Григорьевичъ занимался дѣлами по своему имѣнью, а Варвара Петровна занималась хозяйствомъ и рукодѣльемъ. Машенька также не сидѣла сложивши ручки, обычнымъ истуканчикомъ гостиныхъ. Она была perpetuum mobile, а не заводилась, какъ многія машинки, только на время пріема гостей, или выѣзда съ визитами, на гулянье или на балъ.

— Сдѣлайте одолженіе, не нарушайте для меня вашихъ обычныхъ утреннихъ занятій, — сказалъ Даяновъ, замѣтивъ, что его хотятъ занимать какъ гостя, — и мнѣ позвольте заняться часа два: я буду писать письма.

— А, это другое дѣло,— сказалъ Канеевъ;—ню у насъ нѣтъ опредѣленныхъ и спѣшныхъ занятій: жена для препровожденія времени хозяйничаетъ, Машенька беретъ уроки музыки, я читаю газеты.

Отправясь къ себѣ на верхъ, Даяновъ присѣлъ къ письменному столику, на которомъ были всѣ принадлежности свѣтской канцеляріи, и сверхъ того стояла уже ваза съ огромнымъ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— I fiori! — затянулъ Даяновъ, — откуда это цвѣты?

— Изъ барышниной ранжереи, — отвѣчалъ Борисъ, который успѣлъ уже привезти съ собою портнаго съ запасомъ готоваго платья.

— А, платье! ну!

Тяни долой!
Скинь сапоги!
Ой-ой, ой-ой,
Не рви ноги!

запѣлъ Даяновъ, раздѣваясь и примѣривая платье.

Выбравъ нѣсколько паръ новаго платья, онъ схватилъ листъ бумаги, перо и началъ чертить:

«Душа моя, Ранѣевъ, какъ ты видишь, я уже въ Петербургѣ. Ты этого не ожидалъ? и я также.... Ну, что еще

Digitized by Google

тебѣ писать, душа моя.... Тебѣ, кажется, я говорилъ, что Софи моя? а если не говорилъ, такъ это преудивительная вещь: я не проспалъ ее, а выспалъ. Ликуй, душа моя! одно только досадно, что она слишкомъ смотритъ на своихъ индѣйскихъ пѣтуховъ и куръ, которымъ не понутру, что она за меня выходитъ. Я за это съ ней побранюсь: я не люблю, чтобъ она на кого-нибудь смотрѣла кромѣ меня. А ты все-таки пріѣдешь сюда ко мнѣ на свадьбу; а если не пріѣдешь, такъ я не женюсь на Софи, и ты будешь причиной моего несчастія.... Пріѣзжай непремѣнно! Я здѣсь остановился, по рекомендаціи Софи, у Канеевыхъ.... Что за люди! какая у нихъ племянница! какъ играетъ, какъ поетъ, что за прелесть, что за очарованіе — съ ума схожу отъ нея; пустъ извинитъ Софи!.... вольно было посылать меня на свою голову въ Петербургъ....» Чу!..

Di piacer mi balza il cor!

И Даяновъ вскочилъ съ мѣста, услышавъ голосъ Машеньки.

— Di piacer, di piacer mi balza il cor! — и онъ полетѣлъ внизъ, пробрался тихонько въ гостиную и всталъ за стуломъ Машеньки.

— Ахъ, это вы? — сказала она, вздрогнувъ, — пропоемте что-нибудь вмѣстѣ.

— Давайте.

Между тѣмъ человѣкъ доложилъ Варварѣ Петровнѣ, которая сидѣла въ другой комнатѣ, что пріѣхалъ Иванъ Даниловичъ. Она велѣла просить его къ себѣ.

Извѣстный уже намъ Иванъ Даниловичъ, старый дядя Малинской, прошелъ, едва дотрогиваясь до паркета, мимо поющихъ, во вторую гостиную.

— Скажите, пожалуйста, Варвара Петровна, — началъ онъ, садясь въ кресла подлѣ нея, — кто это поетъ вмѣстѣ съ M-lle Marie?

— Вамъ можно сказать, — отвѣчала улыбнувшись Варвара Петровна; — это ея суженый.... Сергѣй Павловичъ Дяновъ.... Необыкновенный молодой человѣкъ!

Digitized by Google

— Даяновъ? — проговорилъ, нахмуривъ брови, Иванъ Даниловичь.

— Съ состояніемъ, съ необыкновенными достоинствами, и, признаться, это будетъ счастье Маши, если она выйдетъ за него замужъ, — продолжала Барвара Петровна, не отводя глазъ отъ своей работы.

— А!... очень радъ, сердечно радъ!.... Эго дѣло, стало быть давно тянется?

— О, нѣтъ еще.

— Куда поѣхалъ Ѳедоръ Григорьевичь?

— Онъ мнѣ не сказалъ; онъ скоро, я думаю, воротится.

— Да.... ну, прощайте Варвара Петровна.

— Кудажъ вы?

— Мнѣ надо еще побывать у племянницы, которая ѣдетъ сегодня въ Петербургъ.... я заѣхалъ только навѣстить васъ.

И Иванъ Даниловичь, поклонясь, прошелъ снова тихонько мимо Даянова и Машеньки, и отправился въ домъ Малинской. На дворѣ, передъ подъѣздомъ, стоялъ уже дормезъ, около котораго хлопотали люди, укладывая вещи, увязывая, и укрѣпляя ремнями и скобами дорожные ящики.

— Софья Александровна дома? — спросилъ Иванъ Даниловичь, проходя переднюю, и не ожидая отвѣта. — Ого-го, у тебя все уложено, Софи?.... стало быть ты не на время ѣдешь? — сказалъ онъ Малинской, которая укладывала кой-что въ дорожную шкатулку.

— Я не знаю, дядюшка, долго ли я пробуду въ Петербургѣ; и потому отправляю вещи въ деревню.

— Но я удивляюсь, къ чему же ты такъ заторопилась?.... Да скажи, пожалуйста, ты мнѣ шутя сказала, что рѣшилась выйдти замужъ за Сергѣя Павловича Даянова?

— Подобными вещами трудно шутить: я рѣшилась, дядюшка

Digitized by Google

— Хмъ !.... онъ также, стало быть, ѣдетъ въ Петербургъ ?

— Я думаю, что онъ ужъ въ Петербургѣ.

— Да ты почему же это такъ полагаешь ?

— Онъ будетъ тамъ меня ожидать.

— Странно !....

— Чтожъ тутъ страннаго, дядюшка? — сказала, затронувшись, Малинская,—кажется, рѣшившись выйдти за него, я могу уже считать его женихомъ, и быть свободной въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ, на сколько позволяетъ приличіе.

— Конечно; но я не въ томъ смыслѣ говорю: странно; мнѣ то кажется странно, что не можетъ же онъ въ одно и то же время быть и въ Москвѣ и въ Петербургѣ; не можетъ же онъ въ одно и то же время жениться и на тебѣ и на другой....

— Это что такое ? — проговорила, вспыхнувъ, Малинская, — я васъ не понимаю.

— А еще менѣе понимаю я Сергѣя Павловича Даянова.

— Какія-нибудь сплетни !.... но, дядюшка, теперь уже поздо.... я рѣшилась, и не намѣрена принимать болѣе ни совѣтовъ, ни навѣтовъ.

— Я, другъ мой, ни сколько и ничего не совѣтую тебѣ; а тѣмъ болѣе пріѣхалъ не съ навѣтами; но нельзя же мнѣ не удивляться: ты говоришь, что Сергѣй Павловичъ въ Петербургѣ; а я его сію же минуту видѣлъ въ Москвѣ; ты говоришь, что онъ женится на тебѣ; а Варвара Петровна Канеева говоритъ, что онъ женится на ея родственницѣ....

— Дядюшка ! — вскричала, поблѣднѣвъ, пораженная Малинская, въ недоумѣніи, вѣрить ей или нѣтъ словамъ дяди, который любилъ ее, но не жаловалъ Даянова, — и вы это говорите правду ?

— Я бы самъ, мой другъ, желалъ не вѣрить тому, что такъ явно нарушаетъ твое спокойствіе; но кажется, я не во

Digitized by Google

снѣ былъ сейчасъ у Канеевыхъ, не въ бреду видѣлъ Сергѣя Павловича Даянова, распѣвающимъ дуэтъ съ M-lle Magie.

— Я сейчасъ же къ нему пошлю.... здѣсь онъ или нѣтъ! — проговорила дрожащимъ голосомъ Малинская, вынимая изъ шкатулки бумагу и карандашъ.

— Пошли, пошли, сдѣлай милость, — сказалъ Иванъ Даниловичь, — я буду ждать этого извѣстія.

Малинская написала: «я готова была уже ѣхать въ Петербургъ; но мнѣ сказали, что вы еще въ Москвѣ; и потому, до отъѣзда я желала бы видѣться съ вами.»

Позвонивъ и отдавая записку человѣку, она приказала ему ѣхать сію же минуту верхомъ и вручить Сергѣю Павловичу Даянову.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи разрѣшенія недоумѣнія, отъ котораго содрогалась душа, Малинская, склонивъ голову на руку, не въ состояніи была произнести слова къ дядѣ, который, покрякивая, ходилъ медленно по комнатѣ.

— Что? — вскричала она, когда вошелъ воротившійся человѣкъ, — это отвѣтъ? онъ здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ, ихъ здѣсь нѣтъ, они въ Петербургѣ, — отвѣчалъ человѣкъ, положивъ записку на столъ.

Малинская перевела стѣснившееся дыханіе.

Иванъ Даниловичь остановился среди комнаты и пожалъ плечами.

— Ты у кого спрашивалъ?

— У ихъ камердинера. Вотъ ужъ съ недѣлю, какъ они изволили уѣхать.

— Быть не можетъ! — вскричалъ Иванъ Даниловичь.

— Скорѣе лошадей въ карету! — проговорила Малинская торопливо. — Извините, дядюшка, мнѣ еще надо укладываться....

— Поѣзжай, моя милая, желаю тебѣ благополучнаго пути! — сказалъ Иванъ Даниловичь, оскорбясь извиненіемъ племянницы.

Digitized by Google

Пожавъ плечами, онъ вышелъ.

Взволнованныя чувства Малинской не успокоились; она едва въ состояніи была перенести время ожиданія, когда ей скажутъ: готово!

Почти бѣгомъ она бросилась къ каретѣ, и открывъ окна, не могла надышаться свѣжимъ воздухомъ, который оживлялъ ее.

За тройные прогоны, обыкновенныя почтовыя лошади обращались повсюду въ курьерскихъ; на третій день, поутру, ея карета примчалась къ подъѣзду Каменевыхъ.

— Софи! — вскричала вся семья съ удивленіемъ, обнимая ее, — какимъ чудомъ? такъ неожиданно!

— Какъ неожиданно?.... Вы не знали, что я пріѣду?— спросила дрожащимъ голосомъ Малинская,—вы не получали моего письма? никого здѣсь не было?....

— Нѣтъ, не получали? черезъ кого же?.... что съ тобой, Софи?

— Ахъ.... дайте успокоиться, — едва проговорила Малинская, и ее довели до дивана почти безъ чувствъ.

Очнувшись, она посмотрѣла болѣзненнымъ взоромъ вокругъ себя. Каменевъ, жена его и двѣ свояченицы стояли подлѣ нея.

— Милый другъ, тебя утомила дорога, — сказала нѣжно Каменева.

— Ça passera, — прибавила съ свѣтскимъ участіемъ одна изъ свояченицъ.

— Я совершенно изнемогла.... Такъ вы не получали письма?.... Это удивительно!.... Я писала къ вамъ, что я ѣду провести съ вами зиму.... мнѣ невыносима Москва!....

— Какая неисправность почтъ!

— Я не по почтѣ писала, а чрезъ одного знакомаго.... Вѣрно.... съ нимъ что-нибудь случилось въ дорогѣ....

Digitized by Google

— Ахъ какъ ты утомилась!.... ты вѣрно худо спала ночи? лягъ въ постель, другъ мой.

— Ахъ да, я лягу, — отвѣчала тихо Малинская.

XI.

Между тѣмъ Даяновъ тонулъ въ потокахъ очаровательнаго голоса Машеньки. Машенька обходится съ нимъ со всею свободою движеній сердца. Ихъ оставляютъ наединѣ. Канеевъ и жена его ухаживаютъ за нимъ, какъ за роднымъ милымъ сыномъ. Ему такъ хорошо, какъ никогда не было. О Софи — никто ни слова. Онъ почти забылъ о ней; иногда только, проснувшись, и какъ будто нечаянно вспомнивъ о ней, онъ проговоритъ; «чтожъ это значитъ, она не ѣдетъ? ни сама, ни письма!.... Прислала меня сюда какъ будто на испытаніе!.... Дрянь Сонька!.... влюблюсь въ Машеньку, такъ и будетъ знать!.... tu vedi in me la vittima! vittima, vittima! vitti-i-a-o-u-ma!.... Скучно! я не могу, я не въ состояніи не таять передъ этой огненной душкой! o! Maria! Maria!.... mi manca la voce!... no, crudel, tu non m'amasti! no crudel!....»

И повторяя: no crudel, Даяновъ сбѣгалъ въ низъ, и въ продолженіе всего дня, если вспоминалъ о Софи, то съ какою-то боязнью, чтобъ она вдругъ не пріѣхала во время пѣнія и не помѣшала дослушать арію или допѣть дуэтъ.

Чувства растутъ не по днямъ, а по часамъ. На четвертый, или, пятый день, ввечеру, Даяновъ и Машенька сидѣли вдвоемъ подлѣ фортепьянъ. Канеевыхъ не было дома; они оставили ихъ привыкать другъ къ другу. Слушая волшебную фантазію Шуберта *Erl-König*, Даяновъ, облокотясь на рояль и запустивъ руку въ волоса, слушалъ и впивался взорами въ Машеньку.

— Чудо! чудо!—повторялъ онъ,—чудо!— и вдругъ, забывшись, внѣ себя, изступленно схватилъ руку Машеньки, ужалилъ горячимъ поцѣлуемъ; а она, проникнутая быстрымъ ядомъ, какъ умирающая, припала головкой къ его груди.

Digitized by Google

— Marie! — вскричалъ Даяновъ, обнявъ ее, и вдругъ съ испугомъ отскочилъ.

— Боже мой! — проговорилъ онъ, какъ пробужденный отъ очаровательнаго сна, схватясь за голову и заходивъ по комнатѣ скорыми шагами.

Машенька приклонилась къ роялю; она вся сгорѣла, волненіе ея духа, казалось, сообщилось струнамъ. Вздохнувъ, она приподняла взоръ на Даянова, и какъ будто желая снова вызвать его къ блаженству, стала продолжать фантазію.

— Ахъ, перестаньте! — вскричалъ Даяновъ, бросясь на кушетку, — я умру!

— Что съ вами? — проговорила съ испугомъ Машенька, подбѣжавъ къ нему.

— Боже мой, да вѣдь этого нельзя выносить! — сказалъ Даяновъ, задыхаясь; — нѣтъ, надо освѣжиться!

И онъ вскочилъ, выбѣжалъ изъ гостиной въ переднюю, спросилъ пальто и шляпу, и вышелъ на улицу.

— Подавать, чтоль? — крикнулъ проѣзжавшій извощикъ.

— А, вотъ кстати; подавай!

— Куда, баринъ?

— Куда же ѣхать? — спросилъ самъ себя и Даяновъ, — а! поѣду куплю нотъ для Мари.... Ступай на Невскій проспектъ въ музыкальный магазинъ!....

Извощикъ пріударилъ коня, также разсуждая самъ съ собой: — съ музыкой.... гдѣ варганы играютъ.... стало быть это къ Печкину?.... а можетъ во Французскій, къ Шевели.... баринъ-то что-то не по-Русски бормочетъ.... Да вамъ, батюшка, во Французскій?

— Разумѣется, — отвѣчалъ Даяновъ, напѣвая какую-то Итальянскую арію.

— Знаю, знаю.

И извощикъ помчалъ Даянова Арбатомъ, своротилъ на Кисловку, потомъ Гаванскимъ переулкомъ черезъ Тверскую, и остановился подлѣ подъѣзда ресторація Шевалье.

Digitized by Google

Безъ вниманія соскочилъ Даяновъ съ саней, и вбѣжалъ въ ресторацію.

— Даяновъ! — крикнулъ, столкнувшись съ нимъ, мужчина средняго роста, съ усами и козлиной бородкой,— гдѣ ты пропадаешь?

— А! скатина Чаровъ! — крикнулъ и Даяновъ въ отвѣтъ, проходя мимо и бросивъ шляпу на фортепьяны,— фу, какъ я озябъ!

— Ахъ ууродъ! какъ я радъ! какъ кстати: а я заѣхалъ сюда — никого нѣтъ, не съ кѣмъ выпить бутылку кремань.... одному, братецъ, скучно.

— Эй! qui est lá? — крикнулъ Даяновъ, присѣвъ къ фортепьянамъ и взявъ аккордъ, — послушай! — продолжалъ онъ по-Французски, къ вошедшему человѣку во фракѣ:— Rosellen — Trois réveries.... есть?

— Tout de suite monsieur.

— Что братецъ, за охота пить тебѣ это глупое вино!— сказалъ Чаровъ, — выпьемъ лучше кремань или клико. Ей! клико!.... поиграй-ко, поиграй!....

— Что за скверные фортепьянишки!—сказалъ Даяновъ, не слушая Чарова.

Человѣкъ внесъ на подносѣ откупоренную бутылку рейнвейна, съ зелеными рюмками, а на другомъ бутылку шампанскаго, и поставилъ на столъ.

— Это что такое? — вскричалъ Даяновъ.

— Vin du Rhin, Risenalt.

— Это что такое? — повторилъ Даяновъ, — уставивъ глаза на человѣка.

— Настоящій ризенальтъ, — отвѣчалъ Французъ.

Даяновъ принужденно захохоталъ: — Фу! здѣсь что такое? здѣсь не музыкальный магазинъ?....

— Музыкальный магазинъ? ты mon cher, пьянъ!.... нашелъ музыкальный магазинъ! — продолжалъ Чаровъ, —

Digitized by Google

въ музыкальномъ магазинѣ спросилъ музыкальнаго вина!.... Ты пьянъ, Даяновъ!

— Пьянъ, уродъ! въ самомъ дѣлѣ голова идетъ кругомъ,—отвѣчалъ Даяновъ, и встанъ со стула, онъ перебрался къ дивану, и повалился на него.

— Сыру! — проговорилъ равнодушно Чаровъ, наливая шампанское въ стаканы, — а эту дрянь возьми!.... я ему не позволю портить желудка кислятиной!.... Пей, mon cher, на!... а потомъ поѣдемъ ко мнѣ, я тебя познакомлю съ моей женой ...

— Молчи! умру если захохочу! — вскричалъ Даяновъ.

— Ей-ей повезу къ женѣ.... у меня теперь жена en forme, mon cher.... Послушай, говорятъ, что и ты женишься?

— Говорятъ-говорятъ, говорятъ-говорятъ, что ты уродъ, говорятъ!... проговорилъ нараспѣвъ Даяновъ, и онъ вскочилъ, облокотился на столъ, и сжалъ себѣ голову.

— Не твое, врешь, mon cher, не твое; укралъ у меня,— сказалъ Чаровъ, подвигая стаканъ къ Даянову, — пей!

Посмотрѣвъ на стаканъ, Даяновъ взялъ его и выпилъ залпомъ.

— Браво!.... ну, за здоровье твоей невѣсты!.... Жена хорошее дѣло; а вдова Клико лучше, mon cher....

Даяновъ посмотрѣлъ вокругъ себя мутными взорами и повалился снова на диванъ.

— Скаатина! онъ спитъ, — сказалъ Чаровъ, допивъ вино, вставая съ мѣста и выходя вонъ.

Даяновъ терпѣть не могъ шампанскаго; оно не веселило его, не возбуждало; но напротивъ, дѣйствовало какъ антидотъ противъ его нервической живости и отягощало голову.

Ранѣевъ, имѣвшій обыкновеніе заѣзжать изъ театра къ Шевалье — съѣсть телячью котлетку и выпить рюмку лафиту, былъ такъ пораженъ, узнавъ, въ растянувшемся на диванѣ молодомъ человѣкѣ, Даянова, что сѣлъ подлѣ него, пожалъ плечами, долго о чемъ-то думалъ и совсѣмъ забылъ о своей котлеткѣ и рюмкѣ лафиту,

Digitized by Google

— Даяновъ! — проговорилъ онъ къ нему тихо, прикоснувшись рукою, — Даяновъ!.... поѣдемъ!.... на что это похоже здѣсь спать!.... Даяновъ!

— Неужели? пріѣхала? — проговорилъ сквозь сонъ Даяновъ, повертываясь.

— Да, да, да! пріѣхала! — сказалъ Ранѣевъ, вставай!

— Ахъ, Боже мой, какъ же мнѣ быть-то?.... я не могу вытащить головы.... она завязла!....

— Поѣдемъ!.... онъ бредитъ.... Даяновъ, поѣдемъ!

— Пой, пой Marie.... я слышу и безъ головы.... это ничего.... проговорилъ Даяновъ.

— Несчастье, просто несчастье! — произнесъ Ранѣевъ, про себя; — Даяновъ!

— Я слышу, слышу, я пою.... горло у меня цѣло.... не мѣшай.... — сказалъ Даяновъ, котораго Ранѣевъ потянулъ за руку и потомъ приподнялъ съ дивана.

— Поѣдемъ! —

Открывъ глаза, Даяновъ устремилъ взоръ на Ранеева.

— На, надѣнь шляпу! поѣдемъ!

— Поѣдемъ, — произнесъ онъ, и поднявшись на ноги, послушно пошелъ за Ранѣевымъ, который вывелъ его изъ ресторація, посадилъ съ собой въ сани, и придерживая, повезъ на его квартиру.

Подъѣхавъ къ воротамъ дома, Ранеевъ разбудилъ Якова, и съ помощію его довелъ своего сонnаго пріятеля до спальни, отдалъ съ рукъ на руки, и поѣхалъ, сказавъ, что завтра рано пріѣдетъ навѣстить его.

— Господи, Боже мой, нездоровъ что ли онъ воротился изъ Петербурга! — твердилъ Яковъ, раздѣвая Даянова и укладывая въ постель. — Нездоровы, что ли, вы, сударь?

Но Даяновъ не отозвался.

Digitized by Google

XII.

Иванъ Карповичъ Чугасовъ, котораго мы видѣли мелькомъ на станціи, при встрѣчѣ съ Сысоемъ Павловичемъ Дьяковымъ, благополучно пріѣхалъ въ Москву. Это былъ человѣкъ осьмнадцатаго столѣтія со всею жесткостію понятій и со всею мягкостію словъ. Это былъ второй томъ Филиппа Савича, о которомъ мы докладывали въ 3-й части «Приключеній почерпнутыхъ изъ моря житейскаго.» Онъ былъ воплощенная тягота, не хуже какого-нибудь стараго чорта въ очкахъ, который, въ наказаніе грѣшныхъ поэтовъ и прозаиковъ сего свѣта на томъ свѣтѣ, будетъ учить ихъ снова грамотѣ и заставлять читать хрестоматію, напечатанную бисернымъ шрифтомъ для порчи глазъ и для подготовленія ихъ къ ношенію очковъ.

Пріѣхавъ въ Москву, въ контору отправленій мальпостовъ и брикъ, онъ послалъ къ Ѳедору Григорьевичу Канееву, съ увѣдомленіемъ о своемъ пріѣздѣ и за каретой. Очень терпѣливо высидѣлъ онъ все время ожиданія въ конторѣ, молча, насупивъ брови, что-то обдумывая; и когда экипажъ пріѣхалъ, велѣлъ осторожно вынесть свой чемоданъ и, понюхавъ табаку, отправился.

Его ждали съ нетерпѣніемъ. Машенька сидѣла, грустно склонивъ головку, подлѣ рояля, и смотрѣла на пустой стулъ для Secundo; въ глазкахъ ея свѣтились какъ будто алмазныя привѣски. Варвара Петровна сидѣла на обычномъ своемъ мѣстѣ, на диванѣ, но безъ работы; сложивъ руки, она задумалась и молчала. Ѳедоръ Григорьевичъ, также молча, ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки назадъ, и повторялъ почти про себя:

— Странно, непонятно!.... не разрѣшитъ ли Иванъ Карповичъ, что значитъ этотъ поступокъ!.... Это не онъ ли?

При этихъ словахъ Машенька вскакивала, выбѣгала въ залу, прислушивалась: не подъѣхалъ ли кто-нибудь къ подъѣзду, не вышелъ ли кто-нибудь въ переднюю; но мечта! никого нѣтъ.

Digitized by Google

Это повторялось нѣсколько разъ; наконецъ кто-то въ самомъ дѣлѣ подъѣхалъ къ крыльцу, въ передней засуетились.

Это Иванъ Карповичъ.

— Иванъ Карповичъ! — вскричали всѣ въ одинъ голосъ — Канеевъ, жена его и Машенька, выбѣжавъ въ залу на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, ну, здравствуйте; здравствуйте Ѳедоръ Григорьевичь, Варвара Петровна, здравствуйте! — повторялъ Иванъ Карповичь, обнимая всѣхъ довольно сухо, безъ малѣйшаго проявленія радости на лицѣ.

— Мы васъ никакъ не ожидали!

— Здравствуйте!.... не ожидали?.... да гдѣжъ? это случайно.... Милочка не такъ здорова.... Сестра пишетъ, чтобъ непремѣнно пріѣхалъ на свадьбу Вѣрочки.... нечего дѣлать.... поѣхалъ.... Кстати же.... но объ этомъ послѣ....

— Пойдемте же обѣдать.... а мы только что хотѣли садиться за столъ.... съ дороги, я думаю, вамъ хочется кушать.

— Нѣтъ еще.... я утомился не много, — отвѣчалъ Иванъ Карповичь, садясь на диванъ, и не заботясь объ аппетитѣ прочихъ. — Ну, какъ вы?.... Машенька похорошѣла.... похорошѣла, очень похорошѣла.... во всей формѣ стала невѣстой....

— А я только что сбирался писать къ вамъ, Иванъ Карповичь, — сказалъ Канеевъ, — во-первыхъ, отвѣчать на письмо.... вы, я думаю, получили Машенькино?

— Да, да, да, объ этомъ надо посерьезнѣе поговорить, — отвѣчалъ сухо Иванъ Карповичь, поправивъ очки и всматриваясь въ Машеньку. — Ты, моя милая, чтожъ такъ дико смотришь на меня? съ чѣмъ бы сравнить.... какъ будто разборчивая невѣста....

— Это что такое, Иванъ Карповичь? кажется, не для чего быть ей разборчивой невѣстой, — сказала въ защиту

Digitized by Google

Машеньки, Варвара Петровна, замѣтивъ какое-то скрытое неудовольствіе въ словахъ и выраженіи Ивана Карповича.

— Не для чего?.... хмъ! отъ чего же не для чего?.... пользуясь вашими совѣтами, Варвара Петровна, она, я думаю, не должна гнушаться и моими....

— Очень натурально; но къ чемужъ это напоминаніе?

— Такъ, только къ слову; но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.... Что, какова у васъ стоитъ погода?

— Хороша, очень хороша, — отвѣчалъ Канесвъ, затронутый словами Ивана Карповича, и желая скорѣе разрѣшить недоумѣніе. — Мы получили отъ васъ, Иванъ Карповичь, письмо чрезъ одного молодаго человѣка, Сергѣя Павловича....

— Да, да, да, именно; но теперь, я думаю, не время продолжать объ этомъ разговоръ.... мы поговоримъ объ этомъ послѣ.... теперь можно обѣдать ... за чѣмъ разстроивать аппетитъ....

И Иванъ Карповичь всталъ, подалъ руку Варварѣ Петровнѣ, у которой кипѣло на сердцѣ. Во время обѣда онъ, съ нахмуреннымъ челомъ, говорилъ о посторонних предметахъ и почти не смотрѣлъ на Машеньку.

Не дотрогиваясь ни до чего, Машенька сидѣла за столомъ, опустивъ глаза въ землю, какъ виноватая; но не постигала въ чемъ ея вина.

Нетерпѣливо желала бы она скорѣй принять наказаніе, чтобъ только избавиться отъ тягостнаго чувства невѣдѣнія своей вины.

Послѣ обѣда Варвара Петровна долго не вытерпѣла.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Карповичь, вы какъ будто въ претензіи на насъ и явно сердитесь на Машеньку.... за что это?

— Я сердитъ на Машеньку? ... хмъ, мнѣ сердиться на дѣвочку!.... она благодаритъ меня за счастіе, предлагаемое ей.... Не нравится то, что я предлагаю — передъ ней!....

Digitized by Google

— Что вы это говорите? Я васъ совершенно не понимаю? она дѣйствительно благодарила васъ отъ сердца, но.... молодой человѣкъ, котораго вы рекомендовали и который доставилъ намъ письмо отъ васъ....

— Вамъ не понравился?.... или, лучше сказать, не по ней, не стоитъ ея!

— Помилуйте, напротивъ, и ей и намъ понравился, какъ нельзя болѣе; но онъ вдругъ исчезъ, и вотъ третій день мы не имѣемъ объ немъ ни какого свѣдѣнія.

— Хмъ! онъ теперь ужъ въ Петербургѣ, Варвара Петровна.

— Въ Петербургѣ? что это значитъ?

— Да, я его встрѣтилъ, и понялъ изъ словъ его сдѣланный ему пріемъ!

— Я не знаю, какой же еще нужно сдѣлать пріемъ ближайшему родному? мы приняли, обласкали его, какъ сына....

— Полноте, сударыня, Варвара Петровна! я понимаю свѣтскіе обороты: вы очень, очень ловко уклонились и отъ моего предложенія и отъ предложенія человѣка, который не нравится.

— Повѣрьте же искренности нашей: Маша въ него влюбилась безъ ума; онъ также, казалось, безъ памяти отъ нея; во все время они вмѣстѣ играли въ четыре руки и пѣли.

— И пѣли? ого-го, онъ поетъ! это новость! нѣтъ, ужъ извините: развѣ свиститъ хорошо — такъ; а пѣть онъ не поетъ; что же касается до игры — въ-четверомъ въ вистъ-преферансъ — играетъ; это дѣло другое.

— Вы вѣрно шутите, Иванъ Карповичъ, — сказалъ Канеевъ.

— Нѣтъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, не я, а можетъ быть Варвара Петровна не такъ выразилась; она ошиблась.

Digitized by Google

— Ну такъ мы васъ не понимаемъ; тутъ есть какое-то недоумѣніе....

— Да, да, да, именно: хэ, хэ, хэ, хэ! вы скажете наконецъ, что Сергѣй Павловичъ виртуозъ! первый теноръ Неаполитанской труппы!....

— Странно!.... Да-съ, онъ въ самомъ дѣлѣ виртуозъ, но какой труппы, не знаю! — проговорила съ сердцемъ Варвара Петровна, — вы, кажется, рекомендовали намъ человѣка, котораго сами не знаете!

— Хэ, хэ хэ, — продолжалъ Иванъ Карповичъ, — вотъ дѣловую бумагу написать онъ виртуозъ: это я знаю; а чтобъ на чемъ-нибудь другомъ игралъ, кромѣ ломбернаго стола, — этого не знаю; это для меня новость.

— Иванъ Карповичъ, мы съ вами не шутимъ; вы можете спросить и у Машеньки, чѣмъ они занимались въ продолженіе четырехъ дней.... Но право смѣшно, о чемъ мы завели споръ!.... оставимъ его достоинства въ сторонѣ: намъ одно непонятно, что послѣ нашего пріема, послѣ дозволенной короткости съ Машенькой, онъ вдругъ скрылся, очутился въ Петербургѣ, а между тѣмъ оставилъ свой чемоданъ у насъ.

— Что-о? — произнесъ Иванъ Карповичъ.

— Да, Иванъ Карповичъ, это слишкомъ непостижимо для насъ, — сказалъ Ѳедоръ Григорьевичъ, — мы дѣйствительно пришли отъ него въ восторгъ: живой, умный, милый человѣкъ, красавецъ собой....

— Нѣтъ, ужъ вы шутите, Ѳедоръ Григорьевичъ и Варвара Петровна, — перервалъ Иванъ Карповичъ, — вы меня дурачите.

— Помилуйте, Иванъ Карповичъ, съ чего вы это берете?

— Ха, ха, ха, ха, Сергѣй Павловичъ красавецъ!

— О красотѣ у каждаго свои понятія; для васъ онъ не красавецъ; а намъ показался красавцемъ — чтожъ дѣлать, — сказала Варвара Петровна. И признаюсь вамъ, я мало видала людей съ такой пріятной наружностью.

Digitized by Google

— Хэ, хэ, хэ, хэ! Что онъ не уродъ — это правда; но ужъ такъ выхвалять человѣка, показавши ему двери — признаюсь, это слишкомъ свѣтски, это слишкомъ, черезъчуръ прилично!.... все имѣетъ границы!

— Именно все имѣетъ границы, Иванъ Карповичъ; ваше недовѣріе также должно имѣть границы: мы приняли рекомендованнаго вами человѣка, какъ жениха, въ полномъ смыслѣ какъ жениха; съ первой минуты появленія его въ домѣ, предоставили ему все право свободы сблизиться съ Машенькой. Видя явно, что они нравились другъ другу, мы ожидали отъ него хоть только намека о желаніи получить руку Машеньки — мы бы съ радостію предупредили его своимъ согласіемъ.... Но этого мало: я такъ увѣрилась, что это дѣло рѣшеное, что на вопросъ Ивана Даниловича Шамилова: «кто такой молодой человѣкъ, который поетъ съ Машенькой» — просто отвѣчала, что это ея женихъ.

Иванъ Карповичъ пожалъ плечами.

— Не понимаю! — сказалъ онъ.

— Наружныя его достоинства въ самомъ дѣлѣ очаровали насъ; но въ его достоинствахъ внутреннихъ мы теперь слишкомъ не увѣрены; потому что подобный поступокъ.... я не знаю на что походитъ!....

— Можетъ быть и внутреннія достоинства его прекрасны, душа моя, — сказалъ Ѳедоръ Григорьевичъ, — но при нихъ можно имѣть какой-нибудь *невинный* порокъ, страсть къ чему-нибудь, въ которой человѣкъ не помнитъ самъ что дѣлаетъ.

— Извините, извините, батенька, Ѳедоръ Григорьевичъ, я бы не рекомендовалъ вамъ человѣка съ какой-нибудь страстью, отбивающею память!.... Можетъ быть, онъ здѣсь пріобрѣлъ подобную страсть — въ этомъ не ручаюсь. Позвольте васъ спросить, какимъ же образомъ онъ уѣхалъ отъ васъ внезапно?.... Надо же быть какой-нибудь причинѣ?

— Причина эта и заключается, кажется, въ немъ самомъ, а намъ неизвѣстна.

Digitized by Google

— Но вѣдь надо же знать всѣ обстоятельства... какъ, что.... вы могли его принять какъ нельзя лучше; но вѣдь главный пріемъ для его цѣли зависѣлъ не вполнѣ отъ васъ....

— Это вы говорите насчетъ Машеньки? о, посмотрите на нее, какъ она убита!

— Да, да, да; но все-таки онъ долженъ былъ уѣхать: какимъ же образомъ и послѣ чего онъ уѣхалъ?....

— Слишкомъ непонятно: это случилось въ отсутствіе наше; но за сердце Машеньки я ручаюсь какъ за свое. Третьяго дня мы съ мужемъ поѣхали къ тетушкѣ; Машенька осталась дома. Считая дѣло почти рѣшеннымъ, мы предоставили ихъ другъ другу, съ полной вѣрой въ благородство Сергѣя Павловича. Когда я возвратилась домой, Машенька съ безпокойствомъ мнѣ сказала, что онъ, жалуясь на боль головы, ушелъ куда-то, и по сіе время не возвращался.... Проходитъ ночь — нѣтъ его, проходитъ день — нѣтъ; мы пришли въ ужасъ.

— Я хотѣлъ ѣхать сдѣлать справку въ полиціи, — сказалъ Ѳедоръ Григорьевичь, — и только вашъ пріѣздъ задержалъ меня....

— Н—да! тутъ, я вижу, есть недоумѣніе; но только съ вашей стороны: Машѣ должна быть лучше извѣстна причина....

— Полноте пожалуйста, Иванъ Карповичь! это досадно слушать! — проговорила, вспыхнувъ, Варвара Петровна.

— Хмъ! дѣвушка такая тонкая штука, что ее не раскусишь.... повѣрьте, что такъ!

— Я вамъ ручаюсь за ея чувства, какъ за свои собственныя!

— Я также, — прибавилъ Ѳедоръ Григорьевичь.

— Ручайтесь, ручайтесь; но ужъ это такъ: я по глазамъ Маши узналъ, что у ней совѣсть не чиста.

— Вы меня приводите въ отчаяніе, вы разрываете мнѣ сердце, Иванъ Карповичь!....

Digitized by Google

— Да ужъ что говорить!

— Позвольте, положимъ, что онъ объявилъ Машенькѣ желаніе свое на ней жениться, и она отвергла его предложеніе, — для чего же вдругъ бѣжать изъ дому? бросить свой чемоданъ, уѣхать, не поблагодаривъ по крайней мѣрѣ за наше вниманіе.

— Ого-го! такъ вы плохо знаете, что такое любовь! Въ этого маленькаго демона — Машу, можно безъ памяти влюбиться, сударыня, Варвара Петровна; а если она вздумала сперва потѣшиться, свести съ ума, а потомъ очень мило сказать: убирайтесь отъ меня! то неудивительно, что человѣкъ пришелъ въ отчаяніе и забылъ обо всемъ на свѣтѣ.... до чемодана ли ему. Теперь я понялъ его слова при встрѣчѣ: «вы смѣетесь надо мной, Иванъ Карповичъ, вы не могли получить такого письма насчетъ меня отъ этой дѣвушки».... теперь я понялъ!.... о, да какая она штука! въ эти лѣта!....

— Боже мой, что это такое? — проговорила Варвара Петровна, совершенно изтомленная напрасными усиліями увѣрить Ивана Карповича въ истинѣ своихъ словъ.

— Все можетъ быть, другъ мой, ни за что ручаться нельзя, — сказалъ Ѳедоръ Григорьевичъ; — сколько я постигаю живой, пылкой характеръ этого молодаго человѣка — онъ могъ не такъ понять Машеньку: одно какое нибудь неосторожное слово могло его вывести изъ себя и заставить сдѣлать глупость.

— Ну, признаюсь вамъ,—сказалъ Иванъ Карповичъ, — такой безумной любви я не ожидаю отъ Сергѣя Павловича: онъ слишкомъ положителенъ; но чѣмъ чортъ не шутитъ!.... что Машенька также не могла въ него влюбиться безъ памяти — въ этомъ я совершенно увѣренъ.

— Она въ него влюблена безъ памяти! — вскрикнула Варвара Петровна.

— Позвольте, позвольте; если это такъ, то дѣло не совсѣмъ ушло.... мы ее испытаемъ, испытаемъ ее: позовите ее сюда.

Digitized by Google

Варвара Петровна сама бросилась за Машенькой, и сказала ей, что Сергѣй Павловичь Даяновъ уѣхалъ въ Петербургъ.

— Чтожъ это значитъ? проговорила она, — что это значитъ, тетушка?

— Не понимаю; Иванъ Карповичь предполагаетъ, что ты причиной этому.

— Я? Боже мой! какимъ же образомъ я?

— Пойдемъ къ нему, онъ увѣряетъ, что ты отвергла предложеніе Даянова.

— Я? отвергла? но дѣлалъ ли онъ мнѣ предложеніе? что мнѣ было отвергать?

— Ахъ, ужъ и не говори пожалуйста; пойдемъ.

— Машенька, — сказалъ Иванъ Карповичь, смотря испытательно и пристально ей въ глаза, — между тобой и Сергѣемъ Павловичемъ произошло какое-то недоумѣніе.... Но мы поправимъ это дѣло.... По словамъ Варвары Петровны тебѣ онъ нравится: такъ ли?

Машенька вспыхнула и приклонилась къ плечу тетки.

— О, очень нравится, повѣрьте мнѣ, — отвѣчала за нее Варвара Петровна.

— Позвольте, за чѣмъ за нее отвѣчать; я хочу слышать собственныя ея слова!.... Не прячь своего личика, моя милая....

— Тетенька имѣла все право говорить за меня, — отвѣчала скромно Машенька.

— Но мнѣ этого не довольно; ты просто отвѣчай мнѣ: угодно ли тебѣ идти замужъ за предлагаемаго мною жениха: человѣка умнаго, степеннаго, хотя и не красавца; въ замужествѣ не красота главное.... угодно ли?

— За кого, Иванъ Карповичь? — спросила Машенька, устремивъ на него испуганные взоры.

— Хмъ! за кого? я тебѣ, моя милая, не десять человѣкъ предлагалъ на выборъ; а одного....

Digitized by Google

— Желаю! — проговорила торопливо Машенька.

— Этого мнѣ мало: это желаніе довольно холодно; какъ-то не рѣшительно; на немъ я не могу основываться, чтобъ писать Сергѣю Павловичу о твоемъ твердомъ согласіи отдать ему свою руку....

— Ахъ нѣтъ, Иванъ Карповичъ, я считаю это своимъ счастьемъ!....

— Я не понимаю, что такое: нѣтъ.

— Я хотѣла сказать, что я желаю этого.

— Желаешь этого; то есть чего? отдать свою руку Сергѣю Павловичу?

— Да.

— Да; ну, посмотри-ка мнѣ въ глаза?.... такъ ты желаешь, чтобъ я его вызвалъ сюда, порѣшить дѣло безъ малѣйшаго отлагательства?

— Желаю, — повторила Машенька.

— Ахъ какой мучитель! — проговорила про себя Варвара Петровна.

— Да, — продолжалъ Иванъ Карповичъ, — ну отъ чего же у васъ произошла размолвка? а? отъ чего онъ вдругъ уѣхалъ?

— Не знаю, ей-Богу не знаю!

— Не знаешь!.... Хэ, хэ, хэ, хэ! Какъ же это ты не знаешь? Вѣдь вы и пѣли вмѣстѣ.... стало быть, вышелъ же какой-нибудь разладъ?

Машенька вздохнула.

— Нѣтъ, — произнесла она тихо.

— Такъ онъ и поетъ? и на фортепьянахъ играетъ?

— И какъ еще! — сказала Варвара Петровна, — божусь вамъ, — какъ виртуозъ.

— Каково!.... скажите пожалуйста!

— Какой отличный ѣздокъ верхомъ! — прибавилъ Ѳедоръ Григорьевичъ, — вы представить себѣ не можете: вы

Digitized by Google

знаете мою Терпсихору: съ ней справиться не легко; но подъ-нимъ какъ шелковая!

— Не ужели? каковъ! скажите пожалуйста! да онъ прескрытный человѣкъ! я ничего этого и не зналъ: думалъ, просто хорошій человѣкъ, дѣльный чиновникъ....

Пріѣхавшіе гости нарушили разговоръ; вечеръ прошелъ въ игрѣ въ преферансъ. Съ дороги, Иванъ Карповичь рано легъ спать, на другой день поутру онъ приласкалъ Машеньку.

— Спой-ка, спой что-нибудь, — сказалъ онъ ей, — спой, что вы вмѣстѣ пѣли.... я сейчасъ буду писать къ нему, такъ кстати и напишу, что ты поешь.

— Мы много пѣли; вотъ этотъ маленькій дуэтъ изъ Нормы.

— Дуэтъ? что ты говоришь!

— Представьте себѣ, онъ всѣ аріи изъ лучшихъ Итальянскихъ оперъ знаетъ наизустъ!

— Неужели? да вы мнѣ говорите такія новости, что я просто смотрю на васъ дуракомъ, — сказалъ Иванъ Карповичь, съ изумленіемъ. — Я этого въ немъ и не подозрѣвалъ!.... ну, счастье Машеньки! и прекрасная парочка: у него хорошее мѣсто, а у Машеньки капиталецъ, да я выиграю дѣло, отдѣлю 20 душъ — будетъ чѣмъ жить.

— Имѣя самъ до тысячи душъ, я думаю, онъ мало нуждается въ Машенькиномъ капиталецѣ, — проговорилась, не утерпѣвъ, Варвара Петровна.

— А конный-то заводъ, въ Тамбовской губерніи? ежегоднаго доходу около двадцати пяти тысячь, — прибавилъ Ѳедоръ Григорьевичь.

— Какъ? что такое? — проговорилъ Иванъ Карповичь на обѣ эти новости, — не можетъ быть!

— Онъ мнѣ самъ такъ сказалъ; а кучеръ мой, Иванъ, говоритъ, что при отцѣ Сергѣя Павловича, это былъ первый заводъ.

— Хмъ! скажите пожалуйста! — пробормоталъ Иванъ Карповичь, вставая съ мѣста съ какимъ-то безпокойнымъ

Digitized by Google

чувствомъ, и прохаживаясь по комнатѣ, — онъ ужасно какой странный и скрытный человѣкъ!.... разумѣется, что.... плѣнясь Машей по моимъ разсказамъ, онъ готовъ бы былъ жениться на ней.... но при такомъ независимомъ состояніи люди капризны.... и....и....и если затронули его самолюбіе.... то.... трудно, можетъ быть, и очень трудно заманить снова.

— Повѣрьте, что его самолюбіе никто изъ насъ и ни чѣмъ не затронулъ, — сказала Варвара Петровна — но если это только была одна причуда....

— Не знаю, не знаю, — перервалъ Иванъ Карповичъ, — я, вотъ, къ нему буду сейчасъ писать, я съ своей стороны употреблю все....

И онъ тотчасъ же пошелъ къ себѣ на верхъ, написалъ письмо къ Сысою Павловичу Дьякову, отправилъ его по экстра-почтѣ, поговорилъ что-то самъ съ собой, и потомъ заторопился сборами въ подмосковную къ сестрѣ.

— Чтожъ вы такъ заторопились, Иванъ Карповичъ, вы хотѣли завтра ѣхать, а сегодня сдѣлать нѣкоторые визиты и посвятить день намъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, надо ѣхать; чрезъ нѣсколько дней я ворочусь, — сказалъ Иванъ Карповичъ; — Милочка и сестра ждутъ меня; я имъ писалъ, что сегодня буду....

И не мѣшкая ни мало Иванъ Карповичъ отправился въ помѣстье сестры.

XIII.

Сестра Ивана Карповича, Антонина Карповна, жила въ своемъ имѣніи, близъ Москвы. Она была замужемъ за военнымъ генераломъ, и лишась мужа, убитаго въ Турецкую компанію, отказалась отъ свѣта и почти не выѣзжала изъ своей деревни. Семейство ея составляли: сынъ, который пошелъ по стопамъ храбраго отца, и дочь Вѣрочка — дѣвушка съ добрымъ сердцемъ и милыми качествами. Антонина Карповна воспитала ее сама, и можно сказать, возродилась въ ней; но съ болѣе очаровательной наружностью,

Digitized by Google

съ болѣе блестящими достоинствами, которыя совершенствуетъ время и развивающаяся образованность въ духѣ. Тихая, спокойная жизнь ихъ нарушилась переселеніемъ подъ кровъ Антонины Карповны ея племянницы Людмиллы, дочери Ивана Карповича. Это было воплощенное въ дѣвическій образъ наказаніе Божіе. Ее приготовляли для вступленія въ свѣтъ нѣсколько гуверпантокъ по курсу модъ. Изъ Закона Божія она знала только Французское изданіе Библіи illustrée; изъ языковъ самый лучшій въ свѣтѣ языкъ; по части хозяйственной изучила право хозяйничать въ домѣ и кричать на всѣхъ, по части обязанностей женщины, она знала главную: плѣнять мужчинъ. Сверхъ того знала, что существуетъ необходимость выходить дѣвушкѣ замужъ, и что только посредствомъ этого, она можетъ вполнѣ пользоваться жизнію по прихоти, связать собою по рукамъ и по ногамъ какого угодно мужа, дѣлать, посѣщать и точить балы, накалывать въ сотню наколку, цѣплять въ двѣ сотни чепчикъ, въ три шляпку, въ четыре платье, въ пять манто, въ тысячу салопъ, въ двѣ шубу, въ три карету, и т. д.

Приготовясь такимъ образомъ къ вступленію въ свѣтъ, она вскорѣ пріобрѣла способность располагать по произволу и своимъ здоровьемъ. Она цвѣла здоровьемъ только на балу и при мужчинахъ, которыхъ признавала стоющими вниманія. Для всѣхъ прочихъ ей нездоровилось, а для домашнихъ она была всегда больна. Разумѣется, подобное распоряженіе здоровьемъ требовало со всѣхъ сторонъ вниманія и ухода. Переселясь по смерти матери, по необходимости, къ тетушкѣ, она, во-первыхъ, пришла въ ужасъ отъ провинціальнаго тона и ея *tante* и ея *кузины*. Потомъ нашла, что тетушка глупа, а кузина, хоть и не совсѣмъ дура, но подражаетъ глупымъ манерамъ своей матери.

Антонина Карповна и Вѣрочка приняли ее радушно, привѣтливо, ухаживали за ней, какъ за гостьей; но скоро увидѣли, что этимъ уходамъ не будетъ конца, что она вѣчная гостья, для которой будничный порядокъ дома надо совершенно оставить, и завести постоянный праздничный.

Digitized by Google

Антонина Карповна привыкла вставать рано, обѣдать въ часъ, — Людмилла къ этому времени только просыпалась. Послѣ обѣда Антонина Карповна любила отдохнуть, и все въ домѣ наблюдало тишину; а Людмилла, возненавидя съ перваго же дня эту тишину, начала, именно въ это время, изучать этюды на фортепьянахъ и повторять гаммы. Кромѣ струнъ, во всемъ домѣ, даже въ дѣвичей, сотрясались у всѣхъ нервы. Въ комнатахъ тепло, — Людмилла чувствуетъ угаръ и жалуется на головную боль; вымоютъ въ субботу по старому обычаю полы, — она твердитъ цѣлую недѣлю, что отъ сырости вся распростудилась. Русскій столъ для Людмиллы — ужасъ! одного не ѣстъ, другаго не любитъ, третьяго терпѣть не можетъ, а все вообще то гадко, то неопрятно.

Когда пріѣхалъ съ сыномъ Антонины Карповны товарищъ его, штабъ-ротмистръ гвардіи, Людмилла вдругъ было выздоровѣла; но вскорѣ занемогла еще болѣе. Не смотря на ея цвѣтущее здоровье и любезность, штабъ-ротмистръ влюбился въ Вѣрочку.

Замѣтивъ явное предпочтеніе кузинѣ, Людмилла, какъ образованная superfine дѣвушка, знала, что простая досада никуда не годится, и слѣдуя правилу: «если мнѣ ничего, такъ и другому не доставайся!» тотчасъ же обдумала планъ и вдругъ стала оказывать отдаленіе и пренебреженіе къ штабъ-ротмистру, и въ то же время обольщать дружескимъ, страстнымъ чувствомъ, довѣрчивую душу Вѣрочки. Какъ будто избѣгая преслѣдованій штабъ-ротмистра, разговоровъ съ нимъ и случая всегда оставаться наединѣ, она подстрекала его самолюбіе, а между тѣмъ внушала въ кузину подозрѣніе намеками о коварствѣ мужчинъ. Но Антонина Карповна тотчасъ поняла эти замыслы и подкопы подъ счастіе ея дочери, приняла мѣры, осторожно загородила собой Вѣрочку и ея жениха, и обратила все озлобленіе Людмиллы на себя.

— Послушай, душа моя, — сказала она ей, — твое нездоровье довольно причудливо; тебѣ надо объ немъ поза-

Digitized by Google

ботиться, лечиться положительно; иначе, милая моя, что изъ тебя будетъ: ты ни для себя, ни для другихъ.

— Съ чего жъ вы это взяли, ma tante, что я больна? — спросила Людмилла, — удивляюсь!

— Не удивляйся, милая; я вижу, очень вижу.... и сострадательную о тебѣ; ты существенно больна; замѣть сама: ты ищешь на каждомъ шагу случая, чтобъ раздражаться и гнѣваться.... Съ подобнымъ недугомъ, ты просидишь вѣкъ въ дѣвкахъ; я совѣтую тебѣ подумать о себѣ.

— Здѣсь конечно я просидѣла бы вѣкъ *въ дѣвкахъ*! — отвѣчала вспыльчиво Людьмилла, — особенно, еслибъ....

— Еслибъ у меня было много своихъ дочерей — дѣвокъ? кажется, я тебя поняла?.... Поди же въ свою комнату, душа моя; у тебя вѣрно опять раздраженіе нервовъ; а вѣдь это заразительная болѣзнь.... я боюсь, что и сама раздражусь.... Поди!

— Пойду! — отвѣчала фыркнувъ Людмилла.

Между тѣмъ Антонина Карповна писала уже къ брату, чтобъ онъ непремѣнно пріѣхалъ, оставивъ на время свои дѣла, что пріѣздъ его необходимъ, во-первыхъ, по случаю разстроеннаго здоровья Людмиллы, а во-вторыхъ для очень важной причины, которую она лично объявитъ.

На другой день послѣ разговора Антонины Карповны съ Людмиллой объ ея здоровьѣ, и совѣта сидѣть въ своей комнатѣ явился почти неожиданно Иванъ Карповичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, ну, здравствуйте! Здравствуй сестра, здравствуй Вѣрочка!.... а Милочка моя? гдѣжъ Милочка?

— Она въ своей комнатѣ, не такъ здорова, по обычаю, — отвѣчала Антонина Карповна.

— Нездорова? гдѣжъ она?

— Пойдемте къ ней, — сказала Вѣрочка, ведя дядю за руку. — Людмилла, Людмилла, — дядюшка пріѣхалъ!

Digitized by Google

Но Людмилла не отозвалась и не пошевелѣнулась съ мѣста, чтобъ встрѣтить отца.

Онъ засталъ ее въ слезахъ.

— Что это? Милочка? ты нездорова, душа моя? о чемъ ты плачешь?

— Здѣсь въ домѣ я умру! — проговорила она.

— Скажи, скажи, что съ тобой?....

— Что говорить!.... я не могу говорить! — отвѣчала Людмилла, взглянувъ на Вѣрочку изкоса, такъ что она поняла, что ей неприлично оставаться и слушать жалобы кузины.

— Говори, душа моя, что съ тобой сдѣлалось?

— Нѣтъ ужъ терпѣнья! — начала Людмилла, когда Вѣрочка вышла, — не говорю уже, что я здѣсь вмѣсто дѣвки: подай то, подай другое.... Явился въ домъ женихъ, и мнѣ просто житья нѣтъ!.... Ко мнѣ ревнуютъ, боятся, чтобъ я не отбила его!.... и для того, поминутно твердятъ мнѣ, что я больна, чтобъ я легла въ постель, чтобъ не выходила изъ комнаты.... Этого я не въ состояніи переносить!.... я совершенно разстроена!

Иванъ Карповичь вытаращилъ глаза и покачалъ головою.

— Я умру, если вы меня не избавите отсюда!

— Ну, ну, ну, успокойся.... избавлю, избавлю: сегодня же ты поѣдешь со мной въ Москву; а тамъ.... Богъ дастъ.... успокойся только, не плачь....

Недовольный, нахмуренный, вышелъ Иванъ Карповичь къ сестрѣ. Она также начала было высказываться; но Иванъ Карповичь повторялъ: да, да, хорошо, хорошо, я избавлю васъ отъ нея.

— Я слышала жалобы на меня, — сказала Антонина Карповна, — она не посовѣстилась говорить въ слухъ недостойныя клеветы на тетку; но оправдываться мнѣ было бы глупо, и ты можешь вѣрить и не вѣрить мнѣ, можешь даже

770741A Google

сердиться на меня.... время лучше всякаго оправданія оправдываетъ правыхъ.

— Сердиться! хмъ! къ чему же сердиться: это все бы конечно прошло со временемъ; но я беру ее съ собою теперь, совершенно по другому случаю.

— Такъ оставимъ же объ этомъ и говорить.... Что твои дѣла?

— Мои? надѣюсь на успѣхъ.

— Только еще все надѣешься? ....боюсь я, что ты протягаешь послѣднее по этой тяжбѣ....

— Сдѣлай одолженіе, оставь свою боязнь!

— Но вѣдь надо имѣть совѣсть, братецъ: отвергать кровное родство, воспользоваться правами сиротъ, потому только что у нихъ нѣтъ ясныхъ доказательствъ!

— Мы этотъ разговоръ также можемъ оставить, — сказалъ Иванъ Карповичъ, и прекративъ разговоръ, который затрогивалъ его за живое, онъ велѣлъ дочери сбираться ѣхать съ нимъ въ Москву.

Людмилла вдругъ выздоровѣла; но оставляя домъ тетки, какое-то неудовлетворенное чувство досады томило ее. Казалось, что ей хотѣлось всѣхъ перекусать, а потомъ уѣхать. Садясь въ карету съ отцомъ, она оборотилась и плюнула.

Иванъ Карповичъ привезъ ее въ домъ къ старымъ своимъ знакомымъ, Деменовымъ, и просилъ ихъ пріютить на самое короткое время.

— Да долго ли же я буду, папа, жить по чужимъ людямъ? — спросила его Людмилла.

— Потерпи, Милочка, недолго: Богъ дастъ, выйдешь скоро замужъ.

— Выдайте меня хоть замужъ; да скоро ли же это?

— Потерпи, потерпи; это скоро рѣшится.... Вотъ видишь, у меня есть на примѣтѣ....

— Все только на примѣтѣ!....

Digitized by Google

— Нельзя же вдругъ. Вотъ, я ожидаю его изъ Петербурга: молодъ еще, хорошъ собою, тысяча душъ.... образованнѣйшій человѣкъ!.... Поетъ, на фортепьянахъ играетъ, какъ виртуозъ.... Его сватали было, между нами сказать, за Машеньку.... она въ него влюбилась безъ памяти; но онъ отказался....

— Очень неудивительно: какой же порядочный человѣкъ возьметъ бѣдненькую дѣвочку, безъ всякой свѣтской образованности. Когда жъ онъ пріѣдетъ?

— На дняхъ я жду его.

— Пожалуйста, папа, поскорѣй; я готова Богъ знаетъ за кого выйдти замужъ, только чтобъ не зависѣть отъ чужихъ людей; а къ тетушкѣ я больше ужъ ни за что не поѣду!.... Я не знаю, за что она меня терпѣть не можетъ; вдругъ вздумала пророчить мнѣ, что я никогда замужъ не выйду!....

— Это съ чего же?

— А я почему знаю; разумѣется съ чего: вдругъ стала увѣрять меня, что я больна, что мнѣ надо лечиться.... на кого это не подѣйствуетъ?.... Боялась, чтобъ этотъ дуракъ Костецкой не влюбился въ меня.... И ему, я думаю, также нашептали про меня Богъ знаетъ чего.... чтобъ отвлечь.... отъ меня; потому что замѣтили, что онъ меня предпочитаетъ....

— Это удивительно! — проговорилъ Иванъ Карповичь, — бѣдная моя Милочка! въ самомъ дѣлѣ это ужасно.... ну, да потерпи не много.... это ужъ мое дѣло.

Не надѣясь на одно письмо, Иванъ Карповичь написалъ по экстра-почтѣ другое письмо къ Сысою Павловичу, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней нетерпѣливо ожидалъ его пріѣзда у Ѳедора Григорьевича Канеева, боясь выѣхать изъ дома, даже навѣстить дочь. Томительное это нетерпѣніе раздѣляли съ нимъ и Машенька и Людмилла. Машенька допрашивала его устами Варвары Петровны:

Digitized by Google

— Вы надѣетесь, что Сергѣй Павловичь пріѣдетъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.

— Скоро ли же пріѣдетъ мой женихъ, папа? — допрашивала его и Людмилла.

— Надѣюсь, надѣюсь, Милочка, скоро; потерпи!....

XIV.

Въ продолженіе этого времени, Сысой Павловичь, не успѣвъ еще разрѣшить всѣхъ недоумѣній насчетъ своей поѣздки въ Москву, успѣлъ уже получить отъ начальства замѣчаніе съ такимъ жесткимъ эпитетомъ, что надо было имѣть волчью натуру, чтобъ проглотить его.

Возвратясь изъ-за стеклянныхъ дверей, Сысой Павловичь отеръ лицо платкомъ и сѣлъ подлѣ своего стола, блѣдный какъ тѣнь. Вокругъ него, противъ обычая, настала какая-то тишина и дѣятельность. Товарищи его, уткнувъ носъ въ текущія дѣла, отирали также лицо платками, въ ожиданіи, не позовутъ ли еще кого-нибудь на аудіенцію.

Сысой Павловичь сидѣлъ неподвижно, безмолвно, и вздыхалъ какъ больной удушьемъ.

Въ первый еще разъ въ жизни пришла ему благочестивая, пріобрѣтенная собственнымъ опытомъ, мысль о суетѣ мірской, и вѣра, что несть добра ни въ кривизнѣ души, ни въ любостяжаніи. Онъ уже смиренно начиналъ убѣждаться, что вполнѣ стоитъ постигнувшей его грозы; но въ эту минуту благочестія ему подали письмо.

— Отъ Ивана Карповича! — подумалъ онъ, взглянувъ на почеркъ конверта, — Поздно! мечта!.... надо же быть такому несчастью!.... еслибъ успѣлъ жениться.... и горя бы мало.... что мнѣ тогда служба.... Чортъ знаетъ, какъ это все случилось!.... тутъ, на почтѣ перемѣнили чемоданъ.... тутъ, проклятый зубной лекарь уморилъ было опіумомъ ... тутъ, чортъ меня дернулъ дать копію....

Digitized by Google

Сопровождая глубокими вздохами свои разсужденія, Сысой Павловичь развернулъ между тѣмъ письмо, началъ читать и лицо его вдругъ разгорѣлось, глаза заморгали, какъ у опьянѣвшаго. Нѣсколько разъ повторялъ онъ на выдержку нѣкоторыя строки, про себя: «я васъ, любезнѣйшій мой, полюбилъ какъ сына.... а равнымъ образомъ.... у меня на душѣ.... что дѣло съ Канеевыми не сошлось.... но я увидѣлъ лично, что при вашихъ достоинствахъ эта дѣвица не по васъ.... а равнымъ образомъ и состояніе ея ничтожное.... но такъ какъ у меня на душѣ обѣщаніе, данное вамъ.... то прошу васъ, немедля ни мало, пріѣхать въ Москву.... я лично устрою.... у ней 200 душъ, 50 тысячъ денегъ, да по наслѣдію достанется еще 300....

— Ѣду! — проговорилъ вслухъ Сысой Павловичь, такъ что всѣ обратили на него вниманіе, — подаю въ отставку!

— Подаешь въ отставку? — спросилъ его одинъ чиновникъ.

— Подаю!.... этого нельзя переносить!....

— Послушай, братъ, ты не говори до времени, что подаешь въ отставку....

— Да мнѣ все равно!

— Сдѣлай одолженіе! если подаешь, такъ я похлопочу, чтобъ мнѣ получить твое мѣсто....

— Некогда мнѣ ждать! я сейчасъ же подаю и ѣду!

— Сдѣлай милость, хоть нѣсколько дней подожди!

— Ни за что! нѣтъ, братъ, спасибо!

И Сысой Павловичь тотчасъ же написалъ и подалъ просьбу объ отставкѣ.

— И очень хорошо дѣлаете, — сказали ему за стеклянными дверями, — прощайте, можете отправляться на всѣ четыре стороны.

Сысой Павловичь поклонился, и не мѣшкая отправился въ Москву, озаботясь самъ объ укладкѣ своего имущества въ чемоданъ, и принявъ всѣ мѣры противъ простуды зубовъ.

Digitized by Google

На четвертый день, безъ малѣйшихъ приключеній, онъ прибылъ въ Москву, остановился, по совѣту Ивана Карповича, въ гостиницѣ Дрезденъ, тотчасъ же послалъ къ нему нарочнаго съ запиской, и едва успѣлъ пообѣдать, какъ въ дверяхъ номера послышался голосъ Ивана Карповича.

— Гдѣ, гдѣ тутъ мой любезнѣйшій Сергѣй Павловичь, гдѣ онъ? Здравствуйте, здравствуйте, почтеннѣйшій мой!.... Здравствуйте!.... съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ васъ!.... Ну, здравствуйте, какъ радъ, что вы пріѣхали. Вы не повѣрите, какъ мнѣ и досадно и совѣстно было за неудачный вашъ первый пріѣздъ сюда.... Но все къ лучшему. Повѣрите ли, я думалъ, что вы и на меня разсердились.

— Помилуйте, Иванъ Карповичь, за чтожъ мнѣ на васъ сердиться, — проговорилъ Сысой Павловичь.

— То-то; ну да теперь я увѣренъ, что и вы меня любите, и одинъ разъ положившись на мое слово, не обманетесь во мнѣ.... Съ Канеевыми я поссорился за васъ, и радъ, что дѣло разошлось: Машу такъ избаловала въ мое отсутствіе ея тетка, что я самъ отказался отъ нея; но за то у меня есть другая невѣста.... Старушку, старушку, батенька, приготовилъ для васъ! жену удивительную! за нее ужъ я могу отвѣчать какъ за себя, даже въ томъ, что она въ васъ безъ памяти влюблена....

— Да какимъ же образомъ, Иванъ Карповичь?—спросилъ Сысой Павловичь, который не зналъ уже, какъ встрѣчать свое счастье.

— А! вотъ видите ли! какимъ образомъ! влюблена, батенька!.... По слухамъ влюбилась.... по однимъ разсказамъ объ васъ.... Видите ли какой я сватъ?.... а?.... Но вѣдь чтобъ и хорошо говорить объ человѣкѣ, надо имѣть право; стало быть, въ васъ столько прекрасныхъ достоинствъ, которыя нравятся всѣмъ... да!

Сысою Павловичу оставалось только кланяться за всю доброту и нѣжности Ивана Карповича; но онъ пріосанился.

— Одѣвайтесь-ко, одѣвайтесь скорѣй!

Digitized by Google

— Неужели теперь же? Ктожъ такая, Иванъ Карповичь, эта невѣста, старушка? можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ должна будетъ скоро поступить въ архивъ? — сказалъ Сысой Павловичь, отпустивъ департаментскую остроту.

— Да, да, да, не бойтесь, дѣвушка чудо; я имѣю право поручиться.... Одѣвайтесь-ко, одѣвайтесь скорѣй, терять время нечего; насъ ждутъ. Ни, ни, ни, мундирнаго фрака не нужно! къ чему это!

— Да какъ же?....

— Ну, ну, ну!.... партикулярный фракъ.

— У меня нѣтъ партикулярнаго фрака, Иванъ Карповичь.... меня обокрали; мнѣ еще надо заказывать платье.

— Ну такъ! Я вѣдь знаю васъ: вы не заботитесь о наружности; хотите удивлять все скрытыми, сударь, талантами; но когда же теперь заказывать?.... поѣдемъ къ моему портному, на Кузнецкій мостъ; тамъ покуда возьмете готовое платье.... Насъ ждутъ.... Поѣдемте; я уже беру васъ вполнѣ на свое попеченіе.

И Иванъ Карповичь, взявъ Сысоя Павловича на свое попеченіе, повезъ сперва къ Tailleur de Paris, гдѣ одѣли его въ модный фракъ; потомъ, въ магазинъ Юнкера, гдѣ снарядили его въ новую шляпу и въ желтыя перчатки; потомъ въ Salon, гдѣ его завили; а наконецъ, какъ говорится, разфуфыреннаго, повезъ къ невѣстѣ.

Иванъ Карповичь зналъ, что Людмилла не Машенька, тотчасъ скажетъ: фи! и не будетъ отыскивать подъ поношенной и отсталой одеждой внутреннихъ достоинствъ. Надо также сказать, что онъ предувѣдомилъ уже Деменовыхъ, что привезетъ къ нимъ одного пріѣзжаго изъ Петербурга, прекраснѣйшаго человѣка, помѣщика тысячи душъ, и просилъ ихъ принять его какъ можно порадушнѣе, — потому что, — прибавилъ онъ, — вы, можетъ быть, понимаете?....

Въ сравненіи съ Далиновымъ, Дьяковъ былъ просто *гадость*, какъ выражаются иногда про себя и между со-

Digitized by Google

бою многія невѣсты; но безъ сравненія съ кѣмъ нибудь, во всякомъ случаѣ онъ былъ — такъ, ничего.

— Что? дома? — спросилъ Иванъ Карповичъ, войдя въ переднюю.

— Дома-съ, — отвѣчалъ слуга.

Въ гостиную вышла однако же только одна хозяйка, которой Иванъ Карповичъ и представилъ Сысоя Павловича.

Госпожа Деменова была женщина среднихъ лѣтъ, нельзя сказать чтобъ очень отвратительна, но тѣлесное ея благосостояніе черезъ-чуръ выхлынуло изъ границъ. Она заняла Сысоя Павловича очень любезными разспросами о томъ, о семъ, давно ли изъ Петербурга, что Петербургъ?

— Покорно благодарю, — отвѣчалъ Сысой Павловичъ, слѣдуя модному отвѣту на вопросъ о здоровьѣ.

Поглядывая между тѣмъ на Ивана Карповича вопросительнымъ взоромъ: это-то невѣста? ну, Русская печь! подумалъ Сысой Павловичъ; но вдругъ появилась въ дверяхъ Людмилла, пышно разряженная, съ сладостнымъ, обаятельнымъ выраженіемъ лица.

Сысой Павловичъ не усидѣлъ на мѣстѣ подлѣ хозяйки, всталъ, поклонился и оробѣлъ; она представилась ему такимъ великолѣпнымъ существомъ, что страшно было при ней сдѣлать какое-нибудь движеніе. Людмилла была очень не дурна собою; но въ ней было именно то, отъ чего не свѣтскіе люди робѣютъ, а всѣ свѣтскіе люди, кромѣ жениховъ, очень любятъ: поджигающій дерзкій взглядъ, церемонная безцеремонность, порывъ вмѣсто обдуманности, значительные звуки вмѣсто словъ, отборныя выраженія вмѣсто смысла.

— Сергѣй Павловичъ Дьяковъ..... Моя дочь, — сказалъ Иванъ Карповичъ, взявъ его за руку и потомъ усаживая.

Сердце Ивана Карповича взыграло отъ довольствія, смотря на свою Милочку, на ея пышный нарядъ, не много подрумяненное личико, а главное, на цѣну, которую она умѣла себѣ придавать. Замѣтивъ, что она посмотрѣла на

Digitized by Google

Сысоя Павловича изкоса, а Сысой Павловичь онѣмѣлъ какъ рыба, пренеловко ворочалъ шляпу въ рукахъ, а еще неловчѣе присѣлъ на кончикѣ стула, Иванъ Карповичь завелъ тотчасъ же общій разговоръ объ Итальянской оперѣ; но этотъ разговоръ не привился къ Сысою Павловичу; Иванъ Карповичь долженъ былъ спуститься на разговоръ о погодѣ. Этотъ предметъ тотчасъ вызвалъ всѣхъ на арену, и пошли сужденія о различіи климатовъ Петербургскаго и Московскаго. Сысой Павловичь заговорилъ какъ метеорологъ, и перешелъ, какъ опытный натуралистъ, къ Невской водѣ, утверждая, что она очень здорова, и что совершенно неправда, будто она дѣйствуетъ непріязненно на всѣхъ пріѣзжихъ. Заговорилъ было и о томъ, что и геморой просто выдумка иностранныхъ докторовъ, и что такой болѣзни совершенно не существуетъ; но Иванъ Карповичь, страдавшій, издавна этой мнимою болѣзнью, почелъ долгомъ прервать разговоръ объ ней восклицаніемъ: — о, да вы ужасный вольнодумецъ, Сергѣй Павловичь!....

Это восклицаніе какъ будто подняло Сысоя Павловича въ мнѣніи Людмиллы. — Кудажъ вы папа? крикнула она, замѣтивъ, что отецъ смотритъ на часы.

— Никуда, душа моя; я только хочу повѣрить часы по вашимъ, — отвѣчалъ онъ, выходя въ другую комнату и понявъ этотъ вопросъ, какъ добрый знакъ. Людмилла выбѣжала въ слѣдъ за нимъ.

— Ну что? вотъ тебѣ и женихъ.... нравится тебѣ, Милочка?

— Это тотъ самый, про котораго вы говорили? у него тысяча душъ, вы говорите? — спросила вмѣсто отвѣта Людмилла.

— Тотъ самый.

— Ну чтожъ, я пойду за него.... только какой онъ скучный, папа!

— Ну-ну-ну, нельзя же на первый разъ немножко не сконфузиться, особенно передъ невѣстой.... Пойдемъ, пой-

Digitized by Google

демъ, займись имъ.... Какъ онъ поетъ и играетъ на фортепьянахъ, сказывали мнѣ Канеевы.

— Какая жалость, что здѣсь скверныя фортепьяны, а то я заставила бы его сыграть и спѣть что-нибудь.

— Ну-ну-ну, неловко же съ перваго раза.

— Папа, пожалуйста кончите это все скорѣе! — шепнула Людмилла, входя въ слѣдъ за отцомъ въ гостиную.

— А гдѣжъ? — спросилъ у хозяйки Иванъ Карповичь, не видя Сысоя Павловича.

— Онъ уѣхалъ, — отвѣчала Деменова.

— Уѣхалъ? неужели?

— Сказалъ, что ему надо еще сдѣлать нѣсколько визитовъ.

— Нѣсколько визитовъ?.... проговорилъ Иванъ Карповичь безпокойно, — да, да, да, и мнѣ надо съѣздить до обѣда.... прощайте.

— Когдажъ онъ опять пріѣдетъ? — спросила опять Людмилла.

— А вотъ, вотъ, я думаю, завтра.

— Какъ это скучно ждать!

— Чтожъ дѣлать, Милочка.

И Иванъ Карповичь, не медля ни мало, поѣхалъ въ Дрезденъ.

Но номеръ Сысоя Павловича былъ запертъ.

— Да точно ли нѣтъ его дома? — спросилъ Иванъ Карповичь, — можетъ быть, онъ не сказывается?

Удостовѣрившись, что дѣйствительно Дьяковъ еще не возвращался домой, Иванъ Карповичь проѣхалъ по улицамъ, и снова пріѣхалъ въ Дрезденъ.

Сысоя Павловича все-таки не было дома. Сдѣлавъ еще курсъ на Кузнецкій мостъ, воротился — нѣтъ!

— Что это значитъ?....

Послѣ обѣда, ввечеру, — все нѣтъ какъ нѣтъ!

Digitized by Google

.... Наконецъ часу въ одиннадцатомъ Сысой Павловичь былъ уже у себя, въ халатѣ, готовился лечь спать.

— Сысой Павловичь, гдѣ это вы были? — вскричалъ Иванъ Карповичь, вбѣгая къ нему.

— Ахъ, Иванъ Карповичь, извините.

— Чтожъ это вы уѣхали не сказавшись?

— Да такъ, надо было съѣздить кой-куда; хотѣлось посмотрѣть Кремль; а тамъ встрѣтился одинъ сослуживецъ просилъ къ себѣ, я и просидѣлъ у него....

— Ахъ, батенька, я думалъ что вы пропали.... Ну-съ, что же.... какъ вамъ нравится невѣста? а?....

Сысой Павловичь потеръ себя лице, взялъ за губу, вытянулъ ее, и не зналъ что отвѣчать.

— Не забудьте, батенька, что я вѣдь васъ представлялъ какъ жениха.... и это сдѣлало нѣкоторое впечатлѣніе.... вы очень понравились.... ну, вы сами видѣли.... 250 душъ приданаго, тысячь пятьдесятъ наличныхъ; да достанется въ наслѣдіе 300 душъ.... этимъ, я думаю, и при тысячѣ душахъ шутить нельзя.

— Оно конечно, Иванъ Карповичь....

— Да что же?....

— Да вѣдь ей дѣйствительно пора поступить въ архивъ....

— Какъ? что такое?....

— Да какъ же.... это вѣдь, знаете ли что такое.... такая дѣвушка....

— Что сударь?

— Да я готовъ жениться.... оно конечно приданое не шутка.... да ужъ черезъ-чуръ толста.... и не взрачна ...

— Моя дочь толста и не взрачна!....

— Какъ ваша дочь, Иванъ Карповичь?

— Да какъ же, за кого жъ вы ее приняли? Я, батенька, васъ такъ полюбилъ, что самъ рѣшился быть сватомъ, отдать за васъ единственную дочь, а съ ней и все мое состояніе.

Digitized by Google

— А я, Иванъ Карповичь, извините меня, думалъ....

— Что?

— Что вотъ эта, какъ вы называли ее.... Настасья Алексѣевна ...

— Ха, ха, ха, ха!.... вотъ прекрасное *кипроко*! неужели вы думали?....

— Ей-Богу, я перепугался.

— Ну-съ, а дочь моя вамъ нравится?....

Сысой Павловичь снова замялся; взялъ за губу, и вытянулъ ее.

— Вы право, шутите, Иванъ Карповичь, проговорилъ онъ

— Я? шучу? съ чегожъ вы это взяли, Сысой Павловичь?

— Да какъ же?....

— Ну-съ?

— Могу ли я думать....

— Что, батенька?

— Что за меня....

— Да вы, батенька, чудакъ; вы вѣрно шутите надо мной!....

— Помилуйте, Иванъ Карповичь, я не шучу.

— Стало быть, вамъ не угодно?

— Помилуйте, Иванъ Карповичь....

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Я готовъ....

— Ну-съ, въ чемъ же еще дѣло?....

— Да вотъ видите ли, Иванъ Карповичь, — сказалъ Сысой Павловичь, не зная что говорить, — къ невѣстѣ нельзя ѣхать безъ подарка....

— Ахъ, батенька, чтожъ тутъ задумываться ... подарите corbeille de noces..., и кончено.

— Да! носъ! — подумалъ Сысой Карповичь, — у меня, вотъ что, денегъ нѣтъ съ собой, Иванъ Карповичь.

Digitized by Google

— Ахъ, батенька, такъ-такъ бы вы и сказали, безъ церемоній!—вскрикнулъ обрадованный и успокоенный Иванъ Карповичь, — къ чему было дѣлать околесицу. Сколько вамъ нужно? рублей пятьсотъ серебромъ, довольно?....

Дьяковъ смутился отъ неожиданнаго предложенія такой огромной суммы.

— Мало? ну возьмите тысячу, двухъ будетъ покуда; къ чему вдругъ слишкомъ издерживаться: къ свадьбѣ дѣло другое.... Вотъ у меня съ собой рублей двѣсти, а осемьсотъ — я завтра вамъ привезу.... кстати у меня есть сестрины деньги.... Ну, до свиданія ... обнимите же меня.... Странный человѣкъ! церемонился со мной!....

— Да я, Иванъ Карповичь, — началъ было Сысой Павловичь.... извините....

— Ну, что за извиненія между своими!.... прощайте, утро вечера мудренѣе.

— Экой какой добрѣйшій человѣкъ, — подумалъ Сысой Павловичь, пересчитывая пачку бумажекъ, — двѣсти рублей серебромъ.... это составитъ.... семьсотъ рублей.... да еще осемьсотъ серебромъ.... славная штучка!.... это что называется наличныя, а не буки!.... три тысячи пятьсотъ рублей ... а какъ всѣ пятьдесять сполна получу.... сколько жъ это будетъ на серебро?.... экая досада! ни чернилъ, ни карандаша нѣтъ!.... Не серебромъ ли еще пятьдесятъ тысячь?.... право не помню, какъ онъ мнѣ сказалъ?.... просто пятьдесятъ тысячь, или серебромъ пятьдесятъ?.... да вѣрно серебромъ: ктожъ теперь считаетъ на ассигнаціи.... Пятьдесятъ тысячь серебромъ! ого-го!

И Сысой Павловичь привелъ мысленно эту сумму въ сотенныя бумажки, потомъ размѣнялъ въ пятидесяти-рублевыя, потомъ на двадцати-пяти-рублевыя, потомъ обратилъ въ ассигнаціи, потомъ въ четвертаки, и припомнивъ, что каждый четвертакъ ходилъ лѣтъ за пять тому назадъ не 87½ коп., а рубль двадцать пять копѣекъ, глубоко вздохнулъ.

Digitized by Google

— Хмъ! скажите пожалуйста, я теряю ровно семьдесятъ пять тысячъ, асигнаціями! — проговорилъ онъ, — и за что! за что я теряю семьдесятъ пять тысячъ рублей!... вѣдь это капиталъ! Господи Боже мой, это просто несчастье!....

Сысоя Павловича такъ растревожила эта потеря, что онъ до разсвѣта ворочался съ боку на бокъ, заснулъ въ совершенномъ бреду, и ему чудилось во снѣ, будто бы онъ носится съ огромнымъ тюкомъ бумажекъ по департаменту изъ угла въ уголъ. «Что это такое у васъ, Сысой Павловичъ?» допрашиваютъ его товарищи. — Ничего-съ, отвѣчаетъ онъ, это старыя дѣла-съ. — «Такъ извольте сдать ихъ въ архивъ,» — говоритъ ему архиваріусъ. — Никакъ нѣтъ-съ, это дѣла къ докладу. — «Такъ извольте докладывать.» — Никакъ надо нѣтъ-съ, еще навести справку.... Вдругъ зоветъ директоръ. — «Ну-съ? готово?» — Сію минуту-съ, отвѣчаетъ Сысой Павловичъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — «А это что?» — Это чемоданъ-съ.... отвѣчаетъ онъ, дрожащимъ голосомъ, — Карпъ-съ, чортъ знаетъ чего наклалъ въ него-съ! — «А! такъ вы чемоданами занимаетесь! Хорошо!» — Никакъ нѣтъ-съ, хотѣлъ проговорить Сысой Павловичъ, и очнулся. Въ рукахъ его были двѣ подушки, которыя онъ обхватилъ во снѣ вмѣсто тюка бумажекъ.

Фу! — произнесъ онъ, протирая глаза и осматриваясь кругомъ; но успокоившись, онъ задумался уже о невѣстѣ, и вздрогнулъ: встревоженнымъ его чувствамъ показалось что-то страшно жениться. — Чортъ знаетъ, — продолжалъ онъ, одѣваясь, разговаривать самъ съ собою, — надо опять туда ѣхать.... Не ловко какъ-то, скука смертельная сидѣть, не знаешь о чемъ слово сказать, все это такой аристократическій кругъ, особенныя во всемъ манеры.... Людмилла Ивановна славная штучка.... только, какъ-то.... какъ будто все, не знаешь какъ и взяться за нее.... Предосадная вещь!.... а кто бы подумалъ, а?

И съ этимъ словомъ Сысой Павловичъ подошелъ къ зеркалу и сталъ охорашиваться. Всмотрѣвшись въ себя, онъ нашелъ въ чертахъ своихъ что-то очень замѣчательное, чего

Digitized by Google

прежде и не подозрѣвалъ въ себѣ. Сдѣлавъ серьезную мину, онъ увидѣлъ въ ней особеннаго рода достоинство, внушающее во всѣхъ уваженіе; потомъ, разширивъ уста, въ видѣ улыбающихся, и выпучивъ глаза, въ видѣ страстнаго взора, Сысой Павловичь понялъ, что подобнымъ выраженіемъ его лица не возможно не очароваться.

Это изслѣдованіе самого себя въ зеркало продолжалось до пріѣзда Ивана Карповича.

— Здравствуйте, здравствуйте, батенька, ну, здравствуйте.... извольте-ко получать счетомъ.... Между нами теперь будутъ свои счеты: вамъ понадобятся деньги — есть, возьмете у меня; мнѣ понадобятся — возьму у васъ.... вотъ, ровно осемьсотъ серебромъ; понадобится еще — скажите мнѣ безъ церемоній.

— Очень хорошо-съ, — проговорилъ Сысой Павловичь, у котораго дрожали руки отъ тяжести сторублевыхъ ассигнацій, которыя передавалъ ему счетомъ Иванъ Карповичь. — Какъ вы думаете, Иванъ Карповичь, что бы купить въ подарокъ Людмиллѣ Инановнѣ?....

— Въ подарокъ.... да.... оно не лишнее во всякомъ случаѣ.... женщины любятъ это.... нельзя же не приласкать невѣсту....

— Надо подарить шаль, я думаю.

— Не мѣшаетъ конечно; но хорошая турецкая шаль не дешева.... это ужъ когда получите деньги.... за шаль надо заплатить тысячь десять.... теперь покуда подарите фермуарчикъ, серьги брилліантовыя.... поѣдемте къ Фульду, мы вмѣстѣ купимъ что-нибудь хорошенькое.

У Фульда много вещей, которыя понравятся всякой невѣстѣ.

У Дьякова разбѣжались глаза. Удовольствіе покупать, когда нѣтъ заботы о деньгахъ и нечего ихъ жалѣть — самое человѣческое удовольствіе. Дьяковъ все бы закупилъ; однакоже Иванъ Карповичь воздержалъ его отъ порыва къ рас-

Digitized by Google

точительности, и на первый разъ онъ издержалъ только рублей осемьсотъ серебромъ, и явился къ невѣстѣ съ богатымъ фермуаромъ и серьгами.

— Ну, надо отдать честь вкусу Сысоя Павловича, — сказалъ Иванъ Карповичь, когда онъ вручилъ Людмиллѣ бархатный ящичекъ.

— Ахъ какая прелесть!—вскричала она, и ея довольно сухой и равнодушный взглядъ при встрѣчѣ жениха вдругъ обратился въ нѣжный и полный сознанія ума, достоинствъ и любезности Сысоя Павловича.

Вручивъ задатокъ будущей угодливости, и такъ сказать, закупивъ богатымъ подаркомъ чувства Людмиллы, Дьяковъ и самъ какъ будто развязался. Откуда взялась смѣлость, языкъ какъ будто раскачался и загудѣлъ о прелестяхъ Петербурга, о театрѣ.

— Ахъ какъ онъ милъ, папа, — сказала Людмилла отцу, — въ первый разъ онъ мнѣ показался букой.

— Ну вотъ видишь, постой еще, таковъ ли онъ.... онъ преоригиналъ.

— Я люблю оригиналовъ.

— Ну, и прекрасно, другъ другу нравитесь и безподобно! благослови васъ Богъ; ну, мнѣ надо съѣздить, — сказалъ Иванъ Карповичь, — прощайте, прощайте покуда.

Оставшись наединѣ съ невѣстой, Сысой Павловичь какъ будто очнулся отъ похмѣлья: ему опять стало страшно; но на этотъ разъ сама Людмилла его развязала снова. Онъ осмѣлился поцѣловать руку, и видя, что за великолѣпную невѣсту можно взяться просто, еще разъ хотѣлъ было поцѣловать руку, но Людмилла пребольно хлопнула его по рукѣ.

— C'est un peu trop! — проговорила хозяйка, въ другой комнатѣ, воображая, что это раздался пламенный поцѣлуй жениха и невѣсты.

Надо сказать, что Иванъ Карповичь, тотчасъ же по пріѣздѣ Дьякова, переѣхалъ отъ Канеевыхъ къ одному ста-

Digitized by Google

рому пріятелю, сказавъ, что опять ѣдетъ къ сестрѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ не являлся уже въ домъ. Ему было какъ будто совѣстно; однакоже онъ собирался побывать у Ѳедора Григорьевича и Варвары Петровны, и готовился сплести имъ исторію: что хотя Сысой Павловичь Дьяковъ и пріѣхалъ въ Москву, но рѣшительно, не объявляя причины, отказывается отъ Машеньки; и что поразилъ его сугубо, какъ этимъ отреченіемъ, такъ равнымъ образомъ и неожиданною просьбою руки Милочки, и т. д.

Собираясь еще съ духомъ объявить Канеевымъ эту неожиданную, горестную, а равнымъ образомъ и радостную для родительскаго сердца новость, Иванъ Карповичь вдругъ столкнулся съ Ѳедоромъ Григорьевичемъ въ Голландскомъ магазинѣ, гдѣ тотъ и другой, къ несчастію, брали нюхательный табакъ *Pane*.

— Иванъ Карповичь! — вскричалъ Ѳедоръ Григорьевичь, — а я хотѣлъ послать къ вамъ записку, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ Сергѣя Павловича изъ Петербурга.... да не зналъ куда адресовать....

— Да, да, пріѣхалъ.... — проговорилъ торопливо, смутясь и откашливаясь, Иванъ Карповичь, — да.... чтожъ....

— Ну, слава Богу, дѣло почти кончено, — продолжалъ Ѳедоръ Григорьевичь, — тотчасъ же просилъ руку Машеньки, и мы разумѣется, не долго разсуждали.... Поѣдемте, поѣдемте скорѣй ко мнѣ; Машенька съ ума сходила отъ горя, а теперь съ ума сходитъ отъ радости.... Какъ она вамъ обязана!.... поѣдемте....

— Нѣтъ.... не могу теперь, не могу, батенька, — проговорилъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Карповичь, потирая себѣ лобъ.

— Что съ вами!

— Маленькій вертижъ.... извините.... я теперь поѣду.... я пріѣду къ вамъ.... мы поговоримъ насчетъ всего этого.... поговоримъ.... прощайте.... здѣсь не мѣсто распространяться....

Digitized by Google

Ѳедоръ Григорьевичь посмотрѣлъ съ удивленіемъ въ слѣдъ Ивану Карповичу, который, пожавъ ему руку, торопливо вышелъ изъ магазина.

— Что съ нимъ сдѣлалось? — подумалъ онъ.

Пораженный Иванъ Карповичь тотчасъ же поѣхалъ въ Дрезденъ, къ Дьякову; но не засталъ его дома.

— Ахъ, подлый человѣкъ! ахъ, мерзавецъ! — повторялъ онъ, стоя подлѣ запертыхъ дверей номера, — можно ли это было ожидать?.... Можно ли это было ожидать! и здѣсь и тамъ и вездѣ.... и на Машенькѣ и на Милочкѣ.... женится.... сватается въ одно и то же время.... а я въ дуракахъ!... тысячу рублей серебромъ далъ.... тысячу!.... Ахъ, Боже мой, Боже мой, что я буду теперь дѣлать?.... Онъ тамъ, онъ вѣрно тамъ; я его выведу на чистую воду.... я его выведу....

И Иванъ Карповичь бросился съ этими словами по коридору къ выходу.

— Ахъ, Иванъ Карповичь! это вы? — вскричалъ Сысой Павловичь, входя на лѣстницу и увидѣвъ Ивана Карповича, который съ разстерзаннымъ духомъ, остановился на верху, нюхалъ табакъ и, казалось, обдумывалъ, что ему дѣлать въ такомъ казусѣ.

— А! очень радъ, очень радъ, батенька! — проговорилъ Иванъ Карповичь.

— Мое почтеніе; а я былъ на Кузнецкомъ мосту, Иванъ Карповичь.... милости просимъ.... Я былъ на Кузнецкомъ мосту, — продолжалъ Сысой Павловичь, запыхавшись, отворяя дверь и прося войдти Ивана Карповича.

— Да, да, да, на Кузнецкомъ мосту....

— На Кузнецкомъ мосту, — продолжалъ Сысой Павловичь, развязывая что-то завернутое въ бумагу, — извольте-ко посмотрѣть какую штучку купилъ я для Людмиллы Ивановны....

— Да, да, да.... штучку, для Людмилы Ивановны.... штучку.... для Людмиллы Ивановны....

Digitized by Google

— Ей-Богу, чудную штучку!.... Какова шаль?.... у Татарина купилъ....

— У Татарина?.... для Людмиллы Ивановны? — повторилъ Иванъ Карповичъ, ходя по комнатѣ, и едва переводя духъ.

— Семьсотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями.... Дешево, Иванъ Карповичъ? онъ говоритъ, что такая шаль прежде стоила пять тысячъ..

— Да-да-да, такъ! А позвольте васъ спросить, батенька, что вы купили для Марьи Алексѣевны?

— Для какой Марьи Алексѣевны?

— Какъ, сударь, какой? я полагаю, что вамъ очень и очень извѣстно, кто такая Марья Алексѣевна, и не у меня вамъ объ этомъ спрашивать.

— Марья Алексѣевна? ахъ, Марья Алексѣевна! Марья Алексѣевна, ваша родственница, на которой вы предлагали....

— Та-та-та-та, наконецъ попали, — перервалъ Иванъ Карповичъ, — съ которой вы разыгрываете.... да распѣваете.... именно....

— Я?

— Да-съ.

— Что я разыгрываю? что вы это, Иванъ Карповичъ!

— Да, да, да, да! сдѣлайте одолженіе, не для чего скрывать свои великіе таланты, батенька, не для чего скрывать!.... мнѣ все извѣстно.

— Помилуйте, Иванъ Карповичъ, что вы это; какіе таланты я скрываю?.... кто это вамъ сказалъ такую нелѣпицу про меня? я вашей родственницы, Марьи Алексѣевны, и въ глаза еще не видалъ.

— Какъ, сударь? это что такое?.... вы меня, батенька, хотите дурачить!....

— Помилуйте, Иванъ Карповичъ, съ чего это вы взяли.... клянусь вамъ Богомъ, я знать не знаю....

Digitized by Google

— Полноте, милостивый государь, это ужъ слишкомъ!.... я хотя вамъ и предлагалъ дальную мою родственницу, которая живетъ у Канеевыхъ; но вы сами отъ нея отказались....

— Я? я отказывался? что вы это Иванъ Карповичь, и не думалъ! вы сами мнѣ сказали....

— Что, что, что я сказалъ?.... я сказалъ, потому что вы отреклись сами. Полюбивъ васъ, я сдѣлалъ вамъ гораздо выгоднѣйшее предложеніе; а теперь вы вдругъ увѣряете, что не отказывались, возобновляете дѣло.... ѣдете въ домъ, даете слово жениться.... это Богъ знаетъ что! это безчестно!

— Помилуйте, Иванъ Карповичь, — сказалъ, совершенно сбитый съ толку и не понимая ничего, Сысой Павловичь, — я далъ слово жениться по вашему предложенію....

— А если такъ, такъ нечего и говорить, милостивый государь!.... насчетъ занятыхъ вами у меня денегъ, тысячи рублей серебромъ, да употребленныхъ на окопировку вашу.... мы сосчитаемся.... онѣ вычтутся изъ приданаго....

Поклонившись сухо, Иванъ Карповичь вышелъ.

— Что онъ это? за что онъ на меня разсердился? — проговорилъ Сысой Павловичь, остолбенѣвъ отъ удивленія. — Это какая-нибудь штука.... онъ вѣрно хочетъ отдѣлаться отъ меня.... онъ хочетъ отдѣлаться отъ меня!.... выдумалъ, что будто я разыгрывалъ какую-то роль съ его родственницей.... а я ее и въ глаза не видалъ!.... Это придирка, это привязка.... я понимаю.... онъ хочетъ отдѣлаться отъ меня!.... мошенникъ, старый хрычь!.... вѣрно другаго жениха пріискалъ!.... Ахъ ты, Господи! что я буду теперь дѣлать?....

И Сысой Павловичь началъ въ отчаяніи ходить по комнатѣ.

— Чтожъ, баринъ? — раздался вдругъ голосъ изъ пріотворившихся дверей.

Сысой Павловичь вздрогнулъ, взглянувъ на бритую, высунувшуюся голову, въ шитой золотомъ ермолкѣ.

Digitized by Google

— Что тебѣ?

— Шаль-то, баринъ, купили, велѣли придти....

— Ну?

— Съ васъ слѣдуетъ получить пятьдесятъ рублей, баринъ.

— Не надо мнѣ шали! возьми назадъ!

— Назадъ, баринъ, намъ не надо: извольте носить на здоровье.

— И мнѣ не надо! и гроша не дамъ.

— Шаль тысячная, баринъ; а мы отдали за семьсотъ пятьдесятъ....

— И гроша не дамъ!

— Съ барина не грошъ и слѣдуетъ, а пятьдесятъ рублей.

— И гроша не дамъ, возьми назадъ!

— Не хорошо, баринъ; нечестно баринъ, — сказалъ Татаринъ.

— Ну, чортъ васъ возьми и съ Москвой-то вашей! обманщики, плуты!

— Нѣтъ, баринъ, напрасно; шаль хорошая, мы съ васъ дешево взяли.

— Все у васъ тутъ дешево! ... бери назадъ эту дрянь!

— Не приходится, баринъ; вы купили, а мы деньги получимъ.

— Возьми назадъ, я уступаю пятьдесятъ рублей.

— Какъ можно, баринъ, намъ нельзя дать и половину цѣны, за поношенную шаль!

— Ахъ, свиное ухо! нешто я носилъ ее?

— Это ужъ я не знаю, баринъ; а въ лавкѣ мы ношеныхъ шалей не держимъ; ктожъ купитъ ношеную шаль!

— Ахъ, мошенникъ!.... я износилъ ее! донесъ изъ лавки до дому и износилъ!

Digitized by Google

— Этого ужъ я не знаю, баринъ; хозяинъ не возьметъ назадъ; если баринъ вымѣнять хочетъ на халатъ, такъ извольте, баринъ, я вымѣняю.

— Убирайся ты, шлыкъ!

— У меня, баринъ, хорошіе халаты....

— Вонъ!

— Пожалуйте, баринъ, деньги, я и пойду.

— Уу! — заревѣлъ какъ быкъ Сысой Павловичь, схвативъ себя за голову.

— Охэ! уйду, уйду! — вскрикнулъ испугавшійся Татаринъ и выбѣжалъ вонъ.

XV.

Обратимся теперь къ нашему другу и пріятелю Даянову.

Вы помните, что Ранѣевъ привезъ его совершенно безчувственнаго на квартиру и сдалъ съ рукъ на руки мистеръ Джемсу, который уложилъ его въ постель.

Очнувшись часу въ десятомъ утра, онъ закурныкалъ, по обычаю, какую-то Итальянскую арію, осмотрѣлся, и вдругъ вскочилъ и вскричалъ во все горло:

— Эй! кто тутъ?

— Вотъ, проснулся, — сказалъ Ранѣевъ, сидѣвшій уже въ залѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, котораго онъ снова привезъ, для освидѣтельствованія Даянова.

— Сейчасъ, сударь, — отозвался въ то же время Яковъ изъ передней, бросившись со всѣхъ ногъ въ спальню нетерпѣливаго своего барина.

— Гдѣ я? — крикнулъ Даяновъ, уставивъ на него глаза, — а?.... гдѣ я?

— Какъ гдѣ, сударь? — началъ было Яковъ.

— Какъ гдѣ! ну, гдѣ? ну, говори!

— Да гдѣжъ сударь.... хотѣлъ было отвѣчать снова Яковъ; но Даяновъ повалился поперегъ постели, схватилъ

Digitized by Google

подушку, шваркнулъ, затопалъ ногами, вскочилъ крикнулъ: да чтожъ, это сонъ, что ли? — и началъ метать все, что попало подъ руку.

— Сонъ что ли? это сонъ что ли?

— Баринъ, что вы это дѣлаете!

— Даяновъ, душа моя, что съ тобой! — сказалъ Ранѣевъ, вбѣжавъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ въ комнату.

— Сергѣй Павловичь! — проговорилъ и Ѳедоръ Ивановичь, удерживая его.

— Ранѣевъ, душа моя! — вскрикнулъ Даяновъ, бросившись къ нему на шею.

— Ой! онъ меня задушитъ! Ѳедоръ Ивановичь!

— Сергѣй Павловичь! успокойтесь, что съ вами!

— Фу! — вскричалъ Даяновъ, оттолкнулъ отъ себя Ранѣева, кинулся на постель, свернулся какъ угорь, уткнулъ голову въ подушки и замолкъ.

Яковъ стоялъ надъ нимъ въ ужасѣ.

Ранѣевъ и Ѳедоръ Ивановичь, постоявъ подлѣ постели, вышли въ залу.

— Мнѣ кажется, что онъ просто, по обычаю, дуритъ, — сказалъ Ѳедоръ Ивановичь.

— Какая же это дурь, — проговорилъ съ безпокойствомъ Ранѣевъ, — я право боюсь, что онъ съ этой дурью проломитъ кому-нибудь голову!

— Мистеръ Джемсъ! — вскричалъ вдругъ Даяновъ, выглянувъ изъ подушки, — былъ здѣсь кто-нибудь отъ Софьи Александровны Малинской?

— Приходилъ человѣкъ съ запиской, да я сказалъ, что вы уѣхали....

— Я уѣхалъ! куда? куда я уѣхалъ?.... это кто? Я? кудажъ я уѣхалъ?.... это ужасъ!....

И Даяновъ сгребъ одѣяло, накинулъ на себя какъ Римскій палліумъ, и пошелъ шагать по комнатамъ. — Фу,

Digitized by Google

Господи, какая тоска! — продолжалъ онъ, раскинувшись на креслахъ.

— Любезный другъ, — началъ заботливо Ранѣевъ, — подходя къ нему, — ты бы....

— Да поди, братецъ! — крикнулъ Даяновъ, толкнувъ ногою Ранеева, — скажи ему, скоту, что я здѣсь!

— Ты чудакъ, убьешь! — проговорилъ Ранеевъ, отходя отъ него.

— Ну, пошелъ разсуждать!.... это невозможно переносить! это чортъ знаетъ что такое, — сказалъ Даяновъ, вскочивъ съ креселъ и уходя въ спальню. — Ну! мистеръ Джемсъ!

— Что прикажете?

— Ты дуракъ!

Яковъ молчалъ въ ожиданіи поясненія на это вступленіе.

— Ты для чего не оставилъ записки?

— Да человѣкъ сказалъ, что Софья Александровна сейчасъ ѣдетъ въ Петербургъ, лошади уже готовы; такъ я и думалъ, что сами тамъ съ ней увидитесь.

— Одѣваться! — вскричалъ Даяновъ, — ну, живо!

— Что изволите надѣть? — спросилъ Яковъ, кинувшись со всѣхъ ногъ и вдругъ пріостановясь.

— Что, что, что, что! чортъ тебя возьми, что! пальто на ноги, штаны на плеча!.... ну! Дуракъ, спрашиваетъ что изволю надѣвать, какъ будто я ѣду съ визитомъ, на балъ, на обѣдъ, въ театръ, въ концертъ, во дворецъ, представляться! ... Ну, тяни, застегивай!.... пальто! пьфу! галстукъ, жилетъ, деньги!.... шапку! шубу!....

— Да медвѣжью-то шубу куда изволили дѣвать-съ, Богъ ее знаетъ.... соболью прикажете?

— Ну!

И съ этимъ словомъ Даяновъ торопливо выбѣжалъ изъ дому, и исчезъ.

Digitized by Google

— Что съ нимъ дѣлать? — сказалъ Ранеевъ, пожимая плечами.

— Ничего, — отвѣчалъ Ѳедоръ Ивановичъ, — чтожъ съ нимъ дѣлать?

— Да онъ кажется....

— Не безпокойтесь. Онъ просто чудодѣй.

— Это, ей-Богу, Богъ знаетъ что! — ворчалъ между тѣмъ Яковъ, провожая Ранѣева и Ѳедора Ивановича. — Чемоданъ Богъ знаетъ гдѣ, медвѣжья шуба Богъ знаетъ гдѣ!.... Вѣрно въ дилижансовой конторѣ такъ и остались.... а сказать не сказалъ.... еще пропадутъ.... Ахъ ты, Господи! а теплые-то сапоги гдѣ?....

Не успѣлъ Яковъ кончить допросовъ самому себѣ, какъ колокольчикъ, стукъ въ дверь и голосъ барина, раздались въ одно время.

— На! — крикнулъ Даяновъ въ передней, бросивъ въ лицо Якову листъ бумаги и вынимая деньги, — на! бѣгомъ! возьми извощика! почтовыхъ лошадей!

Не снимая ни шубы, ни фуражки, онъ вошелъ въ комнату и началъ ходить взадъ и впередъ, то по залѣ, то по гостиной; присѣлъ къ роялю, провелъ пальцемъ взадъ и впередъ по клавишамъ ...

— Весь разстроенъ!.... чортъ знаетъ, и я разстроенъ! ... бурда въ головѣ!.... Дрянь Сонька!.... Фу, дуракъ, какъ онъ долго!.... мочи нѣтъ! заснешь! ...

И у Даянова въ самомъ дѣлѣ глаза стали слипаться. Но мистеръ Джемсъ привыкъ быстро исполнять приказанія и причуды барина. Звукъ бубенчиковъ раздался у подъѣзда; запыхавшійся и прозябшій Яковъ вбѣжалъ въ комнату.

— Готова тройка-съ!

Даяновъ, очнувшись, вскочилъ со стула и побѣжалъ вонъ; вскочилъ въ кибитку, крикнулъ: пошелъ! — бубенчики звякнули въ ладъ, тройка почтовыхъ помчалась.

— Господи Боже мой, гдѣ жъ онъ дѣвалъ чемоданъ-то? и шубу-то медвѣжью?.... и теплые-то сапоги?.... уѣхалъ

Digitized by Google

безъ теплыхъ!.... да и подико-сь теперь въ собольей-то шубѣ!.... медвѣжью-то чай потерялъ....

Покачивая головою и посматривая на слѣдъ полозовъ, Яковъ долго еще стоялъ задумавшись; но вздрогнулъ отъ холода, и какъ будто очнувшись, вошелъ въ домъ.

Между тѣмъ Даяновъ не ѣхалъ а летѣлъ въ Петербургъ.

— Цѣлковый на водку! — повторялъ онъ сквозь сонъ, растянувшись на сѣнѣ, въ почтовой кибиткѣ.

Такъ какъ онъ ѣхалъ не для путевыхъ впечатлѣній, и чувствовалъ только тяготу времени; то мы не будемъ останавливаться до самаго Петербурга, даже до самой Конюшенной. Мы не можемъ сказать, что думалъ Даяновъ обо всемъ случившемся съ нимъ. Кажется, онъ ничего не думалъ, какъ о глупомъ снѣ. Мысли его постоянно были устремлены впередъ, душа волновалась только отъ нетерпѣнія, волненіе утихало съ забывчивостію сна; а сонъ Даянова былъ такъ крѣпокъ, какъ сонъ Геркулеса: полчища пигмеевъ, какого бы роду они ни были, могли ходить по немъ, какъ по Сфинксу Мемфисскому.

— Гдѣ, баринъ, остановитесь? — спросилъ ямщикъ, въѣзжая въ заставу.

— Ступай въ Конюшенную!

— Вотъ и Конюшенная.

— Ну, гдѣ тутъ домъ Канеевыхъ?....

— А вотъ спросимъ у будочника.

— Чтожъ это такое все мерещется мнѣ? — продолжалъ про себя Даяновъ, — Машенька, M-lle Marie.... qual speranza arriva al cor.... да, можетъ быть!.... стой!....

— Да я и то стою, баринъ; да вотъ говоритъ, что тутъ Коняева дома нѣту...

— Вретъ онъ!....

— Да нѣту же, тутъ нѣту, — повторилъ будочникъ

— Ѳедора Григорьевича Канеева.

Digitized by Google

— Да нѣту, нѣту.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ! пошелъ дальше!.... погоди! я выѣзу....

— Сергѣй Павловичь, сударь! — вскричалъ человѣкъ въ ливреѣ, стоявшій у воротъ огромнаго дома.

— А! Василій! — гдѣ Софья Александровна?

— А вотъ сударь здѣсь, пожалуйте.... Какъ ваше здоровье, Сергѣй Павловичь; а барыня все не такъ здорова....

— Не здорова? гдѣ? здѣсь? сюда?.... Куда же?....

— Пожалуйте.

Даяновъ влетѣлъ на лѣстницу, въ переднюю, сбросилъ шубу, пробѣжалъ чрезъ пустынную залу въ греческомъ вкусѣ, чрезъ комнату въ помпейскомъ вкусѣ, — дальше дверь затворена; но онъ не остановился, — вскрикнулъ: Софи! и съ размаху сѣлъ передъ Малинской на полу, обнялъ ея ноги, приклонилъ голову къ колѣну, и — ни слова больше, точно какъ заснулъ.

Испуганная неожиданостью, смущенная, Малинская выронила изъ рукъ книгу, хотѣла встать, но не могла. Всѣ члены ея дрожали.

— Софи! радость моя! — вскрикнулъ снова Даяновъ, какъ будто очнувшись и уставивъ на нее глаза. — О! душка!

Изступленные поцѣлуи его посыпались на колѣна Малинской.

— Милостивый государь! оставьте меня! — проговорила она наконецъ, отдернувъ руку и съ усиліемъ приподнявшись съ мѣста.

— Софи!

— Сдѣлайте милость оставьте меня въ покоѣ!

— Софи? — повторилъ Даяновъ съ изумленіемъ, вопросительнымъ голосомъ.

Digitized by Google

— Что вамъ угодно? — сказала Малинская, пріостановясь, какъ будто для полученія рѣшительнаго и послѣдняго отвѣта.

— Что мнѣ угодно? — повторилъ и Даяновъ, запрокинувъ голову на диванъ.

— Да-съ! я не знаю за чѣмъ вамъ было пріѣзжать....

Малинская не договорила, желая сохранить свое достоинство; но сердце не воздержалось:

— Поторопитесь назадъ въ Москву.... тамъ ждетъ васъ.... M-lle Канеева!

— Въ Москву? Канеева? Marie Канеева? чудная дѣвочка! — проговорилъ Даяновъ, смотря неподвижнымъ взоромъ на Малинскую; тяжелая дремота, казалось, одолѣвала его.

— Чего жъ вы хотите, милостивый государь, отъ меня?

— Ничего, — отвѣчалъ Даяновъ спокойно, зѣвая и перекатывая голову по дивану.

Разгорѣвшееся лицо Малинской поблѣднѣло. Она бросилась вонъ изъ комнаты.

— Adieu, madame! — сказалъ Даяновъ, приподнимаясь съ полу и потягиваясь.

Осмотрѣвъ комнату кругомъ и какъ будто не находя въ ней удобнаго мѣста прилечь, онъ пошелъ вонъ.

— Фу, какъ хочется спать! — прогогорилъ онъ, зѣвая въ передней, когда Василій подалъ ему шубу.

— Вы гдѣ, сударь, Сергѣй Павловичь, остановитесь?— спросилъ его Василій.

— Гдѣ?.... послушай, какимъ же образомъ.... это стало быть не Канеевыхъ домъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Каменевыхъ; Канеевыхъ я знаю въ Москвѣ-съ, въ Старой Конюшенной ... Ѳедора Григорьевича Канеева домъ, въ Кривомъ переулкѣ.

— Хмъ! странно!.... въ Москвѣ?—проговорилъ Даяновъ, опустясь на лавку и снова зѣвая.

Digitized by Google

— Такъ точно-съ!.... Ѳедора Григорьевича Канеева, если изволите знать; я съ старымъ бариномъ часто ѣзжалъ въ домъ-съ.

— Какъ же, братецъ, это такъ? — продолжалъ Даяновъ, прилегая къ деревянной стѣнкѣ лавки и закидывая голову, — фу, какъ хочется спать!....

— Утомились-съ съ дороги-съ, — сказалъ Василій.

— Въ Москвѣ, ты говоришь?.... какъ же это я былъ у нихъ въ Петербургѣ?....

— Никакъ нѣтъ-съ, въ Москвѣ.

— Ну, чортъ ее знаетъ, въ Москвѣ, такъ въ Москвѣ....

— Какъ же-съ, я знаю и Варвару Петровну и Марью Алексѣевну....

Огонь вспыхнулъ въ глазахъ Даянова, онъ уставилъ ихъ на Василья; мысли его, казалось, были уже далеко, а силы изнемогли; зѣвая, онъ однако же привсталъ, и шатаясь пошелъ къ дверямъ.

Василій, поддерживая его, свелъ съ крыльца, какъ опьянѣвшаго.

У подъѣзда стояла карета, изъ которой выпрыгнули двѣ дамы, посмотрѣли на Даянова и вбѣжали на лѣстницу, оглядываясь. Василій довелъ его почти соннаго до повозки, и подсадилъ въ нее.

— Куда жъ ѣхать? — спросилъ ямщикъ.

— Сергѣй Павловичъ, куда прикажете ѣхать? — спросилъ и Василій.

— А? — вскричалъ Даяновъ, открывъ мутные глаза.

— Куда прикажете ѣхать, сударь?

— Въ Москву, — проговорилъ Даяновъ, раскинувшись на сѣнѣ кибитки.

— Какъ въ Москву? назадъ то есть? — спросилъ извощикъ.

— А Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчалъ Василій, — стало быть назадъ.

Digitized by Google

— Какъ назадъ? не кормя то есть? какъ это можно; ты спроси дѣльнымъ образомъ, куда ѣхать.

— Сергѣй Павловичь, а Сергѣй Павловичь!....

— Ну! — вскричалъ Даяновъ, — чтожъ ты всталъ? пошелъ! тройные прогоны и рубль серебромъ на водку!

— Накладно лошадкамъ-то!.... Эхъ, да баринъ-то такой.... нечего дѣлать! — сказалъ ямщикъ, пріударивъ по конямъ.

Даяновъ почти всю дорогу ѣхалъ, платя двойные и тройные прогоны за курьерскую ѣзду, и потому ямщикъ не долго разсуждалъ и не затруднился оборотить на тѣхъ же коняхъ.

Пріѣхавъ въ Ижору, ямщикъ разбудилъ Даянова; полусонный, шатаясь, вошелъ онъ къ смотрителю и повалился на какое-то дряхлое канапе. Почти полуспящему, ему предложили, покуда будутъ запрягать лошадей, выкушать чайку. Онъ выпилъ безъ вниманія стаканъ, спросилъ: готово? — и его повезли далѣе.

У него точно какъ будто отшибло память; безотчетно смотрѣлъ онъ вокругъ себя, или забывался безмятежнымъ сномъ, не чувствуя мороза; лице его горѣло, воздухъ нагрѣвался вокругъ него отъ жаркаго дыханія.

И вотъ, и 600 верстъ, и 6° 12′ сѣв. широты, и 25 станцій, и 100 казармъ шоссе, остались позади; а впереди, подъ ночнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, опять блестятъ огни безконечной Москвы.

Было уже около часу по полуночи.

— Кудажъ баринъ везти? — спросилъ ямщикъ, при въѣздѣ въ заставу.

— Москва? — спросилъ Даяновъ.

— Москва.

— Гдѣжъ тутъ Конюшенная?

— Въ Конюшенную? ладно.

Digitized by Google

Своротивъ съ Тверской по Садовой, съ Садовой по Арбату, съ Арбата въ Денежный переулокъ, ямщикъ остановился и снова спросилъ:

— Гдѣжъ, баринъ, въ Конюшенной-то?

— Москва? — спросилъ Даяновъ въ полусонъѣ.

— Москва, Конюшенная.

— Гдѣжъ тутъ Конюшенная?

— Да вотъ она, Конюшенная, пріѣхали.

— А гдѣжъ домъ Канеевыхъ?

— Канеевыхъ? а Богъ его знаетъ, вотъ спросимъ у будки.

— Въ Кривой переулокъ ступай прямо; а потомъ налѣво, а потомъ прямо, вотъ и Кривой переулокъ, — отвѣчалъ будочникъ.

Пріѣхавъ въ Кривой переулокъ, ямщикъ съ трудомъ допытался, гдѣ домъ Канеевыхъ; но нашелъ добраго человѣка, который показалъ. Остановясь подлѣ воротъ дома, онъ постучался.

— Кто? — подалъ наконецъ голосъ дворникъ.

— Барина привезъ, — отвѣчалъ ямщикъ, — отворяй!

— Барина? какого барина?

— Изъ Питера.

— Изъ Питера? — повторилъ дворникъ, отворяя ворота, — Иванъ Карповичь?

— А кто его знаетъ, — отвѣчалъ ямщикъ, подъѣзжая къ крыльцу. — Пріѣхали, ваше благородіе.

— А? — проговорилъ Даяновъ.

— Пріѣхали.

— Ну, тащи!—сказалъ Даяновъ, протянувъ обѣ руки. Онъ вылѣзъ изъ повозки, пошелъ на крыльцо; а между тѣмъ дворникъ далъ знать въ передней. Неспавшіе еще люди бросились встрѣчать гостя.

Digitized by Google

— Сергѣй Павловичъ, батюшка! — прошепталъ радостно Борисъ, кланяясь и снимая шубу съ Даянова. — Слава Богу, пріѣхали сударь; а мы-то объ васъ какъ безпокоились!....

— А! Борисъ, — крикнулъ Даяновъ.

— Господа легли ужъ почивать.... пожалуйте въ антресоли.... Не прикажете ли чего съ дороги покушать, такъ я скажу повару....

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Даяновъ, — раздѣвай меня!

— Да чайку бы; я въ дѣвичей прикажу.....

— Нѣтъ!.... усталъ! спать!

Борисъ съ трудомъ раздѣлъ Даянова; онъ растянулся на постелѣ, раскинулся съ какой-то негой всѣхъ чувствъ, и тотчасъ же заснулъ.

Съ позаранку, въ нижнихъ инстанціяхъ, съ обоихъ концовъ дома, поднялся уже говоръ въ полголоса, который быстро дошелъ до Машеньки.

Никогда пробужденіе ея не было привѣтствовано такимъ радостнымъ чувствомъ, какъ въ это утро.

Докладъ о пріѣздѣ Сергѣя Павловича поторопилъ и хозяевъ подняться раньше обыкновеннаго.

Собравшись въ залу пить чай, и Ѳедоръ Петровичь и Варвара Петровна, въ ожиданіи пробужденія гостя, разговаривали между собою шепотомъ, какъ будто боясь его разбудить, и поминутно допрашивали, то того, то другаго изъ входящихъ людей: что, еще не вставалъ?

Лицо Машеньки пылало. Варвара Петровна также разгорѣлась подлѣ самовара. Ѳедору Григорьевичу хотѣлось пойдти самому разбудить и прежде всѣхъ обнять Сергѣя Павловича; но жена и племянница удерживали его, повторяя:

— Не мѣшайте ему,. онъ усталъ съ дороги: вѣдь онъ пріѣхалъ на перекладныхъ.

Такъ прошло почти до полудня; наконецъ Даяновъ проснулся, окинулъ глазами комнату. Всѣ предметы какъ будто напомнили ему лучшія минуты его жизни. Онъ сво-

Digitized by Google

бодно вздохнулъ, взоръ прояснился, на истомленномъ лицѣ ожилъ румянецъ.

— O gioja! o momento! — запѣлъ онъ и позвонилъ въ колокольчикъ.

Борисъ стерегъ уже минуту его пробужденія въ ближайшей комнатѣ.

— Я, кажется, заспался, Борисъ,— сказалъ Даяновъ,— давай скорѣй одѣваться.

— Господа давно уже ждутъ васъ къ чаю.... Какъ обрадовались-то они, какъ узнали, что вы изволили пріѣхать!.... а барышня-то, барышня, Господи!

— Давай-давай-давай скорѣй! скорѣй-скорѣй-скорѣй давай ... Бо-о-о-о-о-рисъ, скорѣй давай, давай скорѣй!

И Даяновъ тянулъ эту арію, покуда продолжалось его облаченье.

Торопливо, какъ будто ни въ чемъ не бывало, съ беззаботной, веселой наружностію сбѣжалъ онъ внизъ.

— Сергѣй Павловичь! — вскричали въ одинъ голосъ Ѳедоръ Григорьевичь и Варвара Петровна, встрѣчая его. Машенька не промолвила ни слова; но взоръ ея горѣлъ свѣтло, смотря на него.

Обнявъ съ порывистымъ чувствомъ радости Ѳедора Григорьевича, онъ разцѣловалъ руки Варвары Петровны и Машеньки.

— Боже мой, мы не вѣримъ глазамъ, вы ли это? — сказала Варвара Петровна.

— Я ли? въ самомъ дѣлѣ я ли? — произнесъ Даяновъ, какъ будто очнувшись, заходивъ по комнатѣ и разглаживая разгорѣвшееся лицо.

— Ну, пейте, пейте чай.

— Не хочется, не могу!....

— Ну полноте, успокойтесь; недоумѣнія, я думаю, кончены, вамъ на насъ не за что сердиться....

Digitized by Google

— Я? на васъ сердился? мнѣ на васъ сердиться?.... да это чтожъ бы такое было? — вскрикнулъ Даяновъ, вдругъ остановясь,—какую я подалъ причину? изъ чего вы могли это заключить?.... я разсердился?.... Варвара Петровна!.... на васъ?....

И онъ порывисто сѣлъ на стулъ подлѣ Варвары Петровны, такъ что она какъ виноватая смутилась отъ его вопросительнаго быстраго взора.

— Ну, оставимте, перестанемте объ этомъ говорить.... что за объясненія, — сказалъ Ѳедоръ Петровичь, между тѣмъ какъ Машенька, испугавшись объясненій, вышла въ другую комнату, и взволнованная духомъ, не помня себя, какъ въ бреду, сѣла за фортепьяно, и потоки волнующихся, переливающихся, дробящихся въ пѣну, звуковъ, какъ будто обдали Даянова.

— Чудо! чудо! — вскричалъ онъ, вскочилъ съ мѣста и бросился въ гостиную, къ роялю.

Машенька вздрогнула, остановилась; сердце ея замерло.

— О, Боже мой, вы убили меня! чтожъ вы не продолжаете?

— Вы не любите этой фантазіи? — трепетно произнесла Машенька.

— Это откуда? это что такое?.... какая фантазія?....

— Вамъ она не нравится....

— Мнѣ? мнѣ не нравится? я не помню, что это вы играли? я въ первый разъ слышу это....

Машенька боялась произнести названіе фантазіи: Erl-König.

— Это ваша? да играйте же! повторите! — проговорилъ Даяновъ умоляющимъ голосомъ, схвативъ руку Машеньки.

— Какъ онъ утомленъ съ дороги и встревоженъ; не можетъ придти въ себя, — говорила между тѣмъ Варвара Петровна мужу.

Digitized by Google

— Онъ безъ памяти влюбленъ въ Машу, — отвѣчалъ Ѳедоръ Петровичь,—онъ совершенно растерянъ, и я думаю, затрудняется, какъ приступить къ объясненію. Это такая странная, страшная минута. Я теперь совершенно понимаю, отъ чего онъ вдругъ уѣхалъ; я помню по себѣ: я былъ точно въ такой же нерѣшительности, и готовъ былъ уѣхать отъ тебя....

— Ты?

— Увѣряю.

— Хороши мужчины! я этой трусости и не понимаю.

— Она понятна только тому, кому легче отказаться самому отъ счастія, нежели получить отказъ.

— Да; ну, такъ я сама ему помогу, — сказала Варвара Петровна; — но куда дѣвался Иванъ Карповичь? при немъ это бы лучше было рѣшить.

— Богъ его знаетъ, куда онъ запропалъ; а надо сейчасъ же послать его увѣдомить о пріѣздѣ Сергѣя Павловича.... скоро ли найдешь его: онъ кочуетъ теперь по Москвѣ.

Въ Даяновѣ, беззаботныя, увлекающіяся чувства, взлелѣянныя на живыхъ впечатлѣніяхъ настоящей минуты, какъ на снахъ, мгновенно ожили подлѣ дѣвушки, съ которой такъ быстро сроднило его двойное очарованіе: простодушная, плѣнительная красота и любовь къ музыкѣ. Въ самыхъ страстныхъ влеченіяхъ своихъ, отъ малѣйшихъ непріятностей онъ готовъ былъ очнуться какъ отъ страшнаго сна, и считать все минувшимъ сномъ. Напротивъ, отъ впечатлѣній пріятныхъ, ему не хотѣлось пробуждаться: онъ готовъ былъ продлить сладкій сонъ не только до полудня, на цѣлыя сутки, но на цѣлую вѣчность, обратить всю жизнь въ чарующія грезы. Счастіе во плоти для него было невыносимо, тяжело. Но Машенька такъ походила на очаровательное видѣніе, что Даяновъ, казалось, боялся отвести отъ нея взоры, отвлечь вниманіе, пріостановить разговоръ съ нею, устать слушать ея игру, устать самому играть, чтобъ она не исчезла и не оставила его на жертву какому-то тяжкому воспоминанію.

Digitized by Google

Ему дали полную свободу заниматься только ею одной. Такъ прошло нѣсколько дней. Но «пора же лѣмъ-нибудь рѣшить», подумала Варвара Петровна.

— Сергѣй Павловичь, — сказала она ему, оставшись съ нимъ наединѣ, — и вы и мы въ такомъ положеніи, что не мѣшаетъ объясниться.

— Объясниться? — повторилъ Даяновъ, смутясь нѣсколько, мгновенно; но вдругъ вспыхнулъ: — нѣтъ, Варвара Петровна, я никому не обязанъ отдавать отчета ни въ своихъ чувствахъ, ни въ поступкахъ!.... Мало ли какія бываютъ отношенія; но.... обстоятельства ихъ нарушаютъ и каждый свободенъ располагать самъ собою.... я совершенно свободенъ!

— Хмъ! но странно же.... — проговорила Варвара Петровна, съ удивленіемъ и не понимая словъ Даянова. — Мы, по крайней мѣрѣ, полагали....

— Да мало ли что можно полагать, — прервалъ Даяновъ; — я также предполагалъ одно, а выходитъ другое.

— Я васъ не понимаю, Сергѣй Павловичь!

— О, Боже мой, да это не стоитъ того, чтобъ и понимать! не требуйте отъ меня объясненій: не могу, не могу, и не могу говорить объ этомъ!...

И Даяновъ вскочилъ со стула и началъ ходить тревожно по комнатѣ, потирая лобъ и взбивая густые свои локоны.

— Сергѣй Павловичь! — произнесла рѣшительно, смущенная и затронутая до глубины души Варвара Петровна, — во всякомъ случаѣ это должно рѣшить....

Даяновъ махнулъ рукой, бросился вонъ изъ комнаты; но вдругъ воротился, сѣлъ подлѣ Варвары Петровны.

— Рѣшить, говорите вы?.... о, Боже мой, вы меня не понимаете!.... я самъ себя не понимаю! мнѣ остается одно: спросить васъ, могу ли я надѣяться, что мое предложеніе не будетъ отвергнуто?....

Digitized by Google

— Сдѣлайте одолженіе скажите, въ чемъ состоитъ это предложеніе?.... кажется, вы ни по чему не могли предполагать, чтобъ васъ отвергнули....

— Что, это не насмѣшка? — проговорилъ Даяновъ, во всѣхъ членахъ котораго начинало уже проявляться изступленное движеніе, — вы меня не убьете отказомъ?....

И онъ ухватился за ручки креселъ и, казалось, готовился ихъ выломить.

— Что вы это говорите, Сергѣй Павловичъ,—произнесла съ участіемъ Варвара Петровна, взявъ его за руку, — вамъ бояться въ чемъ-нибудь отказа? объясните намѣреніе ваше, и я даю вамъ слово впередъ....

— Варвара Петровна! душенька! миленькая! — вскрикнулъ Даяновъ, обхвативъ ее и осыпая поцѣлуями плечо.

— Вы безумный! — вскрикнула Варвара Петровна, вспыхнувъ и оттолкнувъ его.

— Отдайте мнѣ Машеньку! я умру безъ нея! — проговорилъ Даяновъ, впившись въ руку Варвары Петровны.

— Боже мой, вы чудакъ! — сказала она, переведя взволнованный духъ, глубокимъ вздохомъ. — Вы, кажется, давно могли понять наше согласіе.... кажется, и чувства Машеньки для васъ уже не тайна....

— Такъ она моя? она моя? — вскрикнулъ Даяновъ.

— Я думаю, что въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, — отвѣчала Варвара Петровна.

— Повторите же это при ней; при ней повторите — я не вѣрю, — сказалъ Даяновъ, заходивъ по комнатѣ; потомъ сѣлъ, закрылъ руками лицо, свѣсилъ голову.

Между тѣмъ Варвара Петровна вышла, и возвратилась съ Машенькой.

— Машенька, — сказала она, — Сергѣй Павловичъ желаетъ получить твою руку.... мы согласны, отъ тебя зависитъ....

Digitized by Google

Она остановилась.

Машенька молчала, въ ней трепетали всѣ жилки.

— Марья Алексѣевна! — вскричалъ вдругъ Даяновъ, вскочилъ съ мѣста и остановилъ на ней пылающій взоръ.

— Тетушка, отвѣчайте за меня, — проговорила Машенька тихо.

— Я уже отвѣчала.

— Моя? — вскрикнулъ снова Даяновъ, — моя! моя! моя! — повторилъ онъ, схвативъ Машеньку на руки, какъ ребенка, и побѣжалъ съ ней по комнатамъ, повторяя: моя!

— О, какой вы безумный! — повторяла Варвара Петровна, расхохотавшись. — Ахъ, какъ досадно, что Ѳедора Григорьевича нѣтъ дома!

XVI.

Обратимся въ Петербургъ.

Вы помните двухъ дамъ, которыя встрѣтили Даянова у подъѣзда, когда его, разбитаго душой и тѣломъ, полусоннаго, Василій, человѣкъ Малинской, сводилъ подъ руку съ лѣстницы?

Эти двѣ дамы были *кузины* Каменевой; обѣ молоденькія свѣтскія вѣтренницы, которыя видѣли жизнь съ правой еще только стороны, у которыхъ на сердцѣ еще ничего не было, что бы потемняло взоръ, помрачало думы; онѣ еще улыбались на все, смѣялись добродушно надъ чужимъ горемъ; въ нихъ душа еще весело припрыгивала, какъ ребенокъ, и тянулась къ каждой новой игрушкѣ. Для нихъ все еще было игрушкой.

Вспорхнувъ на лѣстницу, сбросивъ салопы, онѣ стремглавъ пробѣжали черезъ всѣ комнаты, въ уборную къ Малинской.

Обѣ онѣ неслись съ какою-то новостью, съ какимъ-то неотлагаемымъ вопросомъ; каждой необходимо было высказаться первой; но одна была скора на ногу, другая на языкъ.

Digitized by Google

— Софи! — вскричала было предупредившая, вбѣжавъ уже къ Малинской.

— Что это за молодой человѣкъ, который вышелъ отсюда? — перебила ее другая, еще въ дверяхъ.

— Хорошенькій собой....

— Но вѣрно больной; твой Василій велъ его подъ руки....

— Кажется, пріѣхалъ на почтовыхъ....

— Тройка стоитъ у воротъ.... онъ къ тебѣ пріѣзжалъ?

Во время этихъ разсѣянныхъ вопросовъ, Малинская успѣла придти въ себя, чтобъ скрыть все, что происходило у нея на душѣ.

— Это тотъ самый, котораго просила я предувѣдомить васъ о моемъ пріѣздѣ; но.... онъ былъ боленъ, — отвѣчала она.

— Чтожъ это онъ, больной, вздумалъ дѣлать тебѣ визитъ?

— Его и къ тебѣ привели подъ руки?

— Право я не замѣтила.... я должна была и сама извиниться, что нездорова,— проговорила Малинская, взявшись за голову и почти скатившись на подушку дивана.

— Ты опять чувствуешь себя не такъ хорошо?

— Ахъ, да, я совсѣмъ больна.

— Ты, Софи, вѣрно простудилась Ты бравируешь непривычку къ здѣшнему климату: какъ можно ходить гулять въ легонькомъ манто!

— Ахъ полно пожалуйста, въ шубѣ гораздо скорѣе можно простудиться. Я никогда не надѣваю шубы, когда иду прогуливаться, — возразила другая.

— Чтожъ, мы ѣдемъ къ мадамъ Paltinine?

— Ахъ нѣтъ, не могу, — отвѣчала Малинская.

— Ну такъ мы скажемъ ей, что ты нездорова.

Digitized by Google

— Пожалуйста скажите; я не могу.

— Да ты что чувствуешь?

— Право не знаю сама, что со мною дѣлается.... какое-то разстройство нервовъ, — отвѣчала Малинская, тяготясь и разспросами и присутствіемъ двухъ счастливыхъ, совершенно беззаботныхъ, безпечныхъ существъ, которыя не въ состояніи были ни понять ее, ни разсѣять.

— Поѣзжайте, — прибавила она, — васъ вѣрно давно ждутъ.

— Нѣтъ, мы еще посидимъ съ тобой. Право, какъ жаль, что ты не ѣдешь. Тамъ будетъ огромное общество.

— Знаешь что, Софи, мнѣ хочется сшить себѣ такую же простенькую черную *пардессю*, на ватѣ, какъ у тебя.... Это очень мило, поутру, у себя дома ... только я думаю сшить изъ зеленаго бархату, съ пуговками, и въ три ряда черныя кружева: я точно такую видѣла сейчасъ готовую; но мнѣ не понравилось мелкое кружево....

— Острые концы? — спросила другая.

— Ахъ нѣтъ, закругленные.... и къ этому легонькій чепчикъ, также обшитый кругомъ кружевомъ.... Ну, поѣдемъ.

— Ахъ Боже мой, мнѣ такъ какъ-то хорошо, что и ѣхать не хочется.... Здѣсь только немножко жарко.... Я не удивляюсь, ma chère, какъ не болѣть головѣ.... я бы не вынесла такой жары.

— Право, какъ досадно, Софи, что ты не ѣдешь!

Малинская тяжело вздохнула, не отвѣчая ни слова.

— Ну поѣдемъ!—проговорила, зѣвнувъ, кузина, которой по собственному вкусу нравилось все простенькое на другихъ, и которая ужасно какъ совѣстилась надѣть что-нибудь простенькое на себя.

— Поѣдемъ, — отвѣчала ей другая, не имѣвшая собственнаго вкуса, и управлявшаяся вкусами своихъ модистокъ.

— Такъ мы скажемъ, что ты нездорова, никакъ не можешь пріѣхать.

Digitized by Google

— Да пожалуйста.

— Въ самомъ дѣлѣ, когда чувствуешь себя нездоровой, непріятно гдѣ-нибудь быть; не правда ли?

— Конечно, — отвѣчала Малинская.

— Я сегодня не такъ ингересна, — сказала первая, взглянувъ на себя въ зеркало, — и если тамъ не будетъ Mr le comte....etc, то я сяду въ преферансъ.

— Нѣтъ, я не сяду.

— О, неужели? это отъ чего? peut-être qu'on vous a joué un tour?

— Ну, поѣдемъ.

— Поѣдемъ.

— Adieu, chère; будь же здорова. Мадамъ Paltinine будетъ очень въ досадѣ, что це пріѣхала къ ней la belle de Moscou.

— Ну, оставайся же дома, тѣмъ лучше для насъ: на насъ Петербургскихъ при тебѣ никто и смотрѣть не хочетъ.

Малинская еще глубже вздохнула, посмотрѣвъ съ горестной улыбкой на истомившихъ ее двухъ кузинъ.

Когда онѣ наконецъ вышли, она велѣла позвать Василья.

— Гдѣ остановился Сергѣй Павловичь Даяновъ?—спросила она его.

— Они не останювились-съ, они приказали ѣхать назадъ въ Москву.

— Какъ въ Москву?

— Такъ точно-съ, какъ пріѣхали на почтовыхъ, такъ и назадъ поѣхали на тѣхъ же лошадяхъ, не кормя....спросили только: гдѣ тутъ домъ Канеева; а я сказалъ, что Канеевы въ Москвѣ,—какъ въ Москвѣ? изволили они сказать,—въ Москвѣ, сударь, я это уже вѣрно знаю, я служилъ у Ѳедора Григорьевича.... —такъ пошелъ въ Москву! сказали они, и поѣхали.

Digitized by Google

— Хорошо,—проговорила Малинская, давъ знакъ, чтобъ человѣкъ вышелъ.

— Боже мой, что я сдѣлала! — вскрикнула она, вскочивъ съ дивана и метаясь по комнатѣ,—онъ даже не знаетъ, гдѣ живутъ Канеевы!....Это все умыслы дяди! онъ хочетъ меня развести съ нимъ!....

Она снова бросилась на диванъ, чувства въ ней замерли; но по блѣдному лицу катились крупныя слезы.

XVII.

Между тѣмъ, Даяновъ совершенно забылъ все подлѣ Машеньки. Присутствіе Софи всегда волновало его, въ ней было что-то раздражительное для его чувствъ; напротивъ, мелодическая природа Машеньки успокоивала, какъ будто усыпляла разнѣжившуюся душу. Но иногда, безмолвно слушая голосъ Машеньки, онъ, казалось, упивался имъ, сладостная дремота одолѣвала его, во взорахъ темнѣло-темнѣло, и вдругъ посреди мрака появлялось видѣніе — облачный ликъ Софи. Даяновъ вздрагивалъ, и переломивъ съ какимъ-то напряженнымъ чувствомъ въ себѣ дремоту, вскрикивалъ: еще, еще повторите! — прилегалъ какъ больной, къ плечу Машеньки, — гармоническій переливъ созвучій, страстно выраженное чувство въ голосѣ, живой, пламенный взглядъ, заглушали, сжигали мгновенное воспоминаніе.

— Marie, Marie, Marie! — начиналъ шептать Даяновъ, и отрывая отъ клавишей ея ручку, какъ бѣленькаго кролика, который бѣгалъ съ подружкой своей въ перегонку, онъ, казалось, хотѣлъ замучить ее поцѣлуями.

Онъ имѣлъ полное на это право, какъ обрученный уже женихъ, и какъ женихъ, обезумѣвшій отъ любви, онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, не чувствовалъ, кромѣ своей невѣсты.

Варвара Петровна, не имѣя собственныхъ дѣтей, любила Машеньку какъ дочь свою, радовалась ея счастію, хлопотала уже о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, наслаждалась

Digitized by Google

въ душѣ страстностію молодыхъ людей, и не отвлекала ихъ другъ отъ друга, какъ Сіамскихъ близнецовъ, какъ будто изъ опасенія, чтобъ не оборвать таинственную связь сростившихся ихъ душъ.

Ѳедоръ Григорьевичь не менѣе ея былъ снисходителенъ, и зная, какъ дорого для любви каждое мгновеніе, занимался въ своемъ кабинетѣ дѣлами, или тихо бесѣдовалъ съ женою. Иногда только, прохаживаясь по комнатамъ, онъ удивлялся вслухъ, что не ѣдетъ Иванъ Карповичь.

— Что это значитъ, куда онъ дѣвался?

Даяновъ не обращалъ на этотъ вопросъ вниманія, въ полной увѣренности, что онъ до него не относится, не заботился даже спросить, что за Иванъ Карповичь, о которомъ такъ часто припоминали съ какимъ-то недоумѣніемъ и Ѳедоръ Григорьевичь и Варвара Петровна.

— Удивительно, чтожъ это значитъ, что онъ не ѣдетъ?— спросила наконецъ съ безпокойствомъ Варвара Петровна.

— Не понимаю! — отвѣчалъ Ѳедоръ Григорьевичь.

— Неловко же безъ него назначить день свадьбы.

— Конечно.

— Не болѣнъ ли онъ?

— Нѣтъ, вѣрно дѣла: тяжба свела его съ ума.

— И подѣломъ.

— Встрѣтясь со мной въ Голландскомъ магазинѣ, онъ былъ совершенно какъ-будто растерянъ, куда-то торопился, не выслушалъ меня, пробормоталъ только, что ему теперь некогда, но что сейчасъ же самъ пріѣдетъ.... и вотъ, который день ...

— Пошли пожалуйста къ нему. Да гдѣжъ онъ? у сестры?

— Вѣроятно; а можетъ быть у своего повѣреннаго Чарукина; я поѣду самъ къ нему.

— Поѣзжай пожалуйста.

Ѳедоръ Григорьевичь отправился къ Чарукину, и обрадовался, заставъ у подъѣзда экипажъ Ивана Карповича;

Digitized by Google

но только что онъ въ двери, Иванъ Карповичь на встрѣчу ему.

— Иванъ Карповичь! — вскричалъ Ѳедоръ Григорьевичь, — чтожъ это вы? что съ вами сдѣлалось?

— Что сдѣлалось!.... вещь обыкновенная въ свѣтѣ!.... отвѣчалъ встревоженный и смущенный Иванъ Карповичь. — Я, сударь, не виноватъ! — продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ, — отъ васъ мнѣ скрываться нечего.... виноватъ ли я, что этотъ проклятый Сергѣй Павловичь влюбился въ мою Милочку!.... сдѣлайте одолженіе возьмите его себѣ.... мнѣ чортъ съ нимъ! мошенникъ! голякъ! онъ и васъ надулъ!.... и вы и я повѣрили ему какъ дураки!.... а теперь, батенька, что ни говори дочери, она и слышать не хочетъ:— «иду замужъ за него, или умру», да и только.... Чтожъ прикажете мнѣ дѣлать? что? какъ? какимъ образомъ, какими средствами усовѣстить безразсудную дѣвку!.... Представьте себѣ мое положеніе!.... выдать дочь, чортъ знаетъ за кого! о, да что тутъ говорить! Прощайте Ѳедоръ Григорьевичь!.... я заѣду къ вамъ посовѣтоваться, переговорить.... здѣсь не мѣсто!

И Иванъ Карповичь побѣжалъ садиться въ карету.

Ѳедоръ Григорьевичь долго стоялъ съ изумленіемъ, смотря въ слѣдъ Ивану Карповичу, и какъ-будто убѣдясь, что онъ рехнулся, поѣхалъ съ этой новостью домой.

— Представь себѣ, мой другъ, — сказалъ онъ, входя къ женѣ, — сію минуту я видѣлъ Ивана Карповича, въ совершенномъ отчаяніи, убитаго душой и тѣломъ, что Сергѣй Павловичь свелъ съ ума его дочь....

— Что, что такое? — спросила съ удивленіемъ Варвара Петровна.

— Я тебѣ повторяю, что Иванъ Карповичь встрѣтилъ меня проклятіями Сергѣя Павловича, отчаяніемъ, что онъ долженъ согласиться на бракъ его съ влюбленной Милочкой....

— Помилуй, что это значитъ?

— Не понимаю; онъ вѣрно съ ума сошелъ!

Digitized by Google

— Сергѣй Павловичь, Сергѣй Павловичь! — крикнула Варвара Петровна.

— Что вамъ угодно? — отозвался Даяновъ изъ третьей комнаты.

— Ахъ, душа моя, ты неосторожно дѣлаешь, — сказалъ Ѳедоръ Григорьевичь, — особенно при Машенькѣ!.... Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ что-нибудь было....

— Ти-ли-ри, ти-ли-ри, ти-ли-ри!.... что вамъ угодно?— повторилъ Даяновъ, проплясавъ съ Машенькой польку до комнаты Варвары Петровны.

Варвара Петровна также спохватилась.

— Машенька, вели, другъ мой, подавать завтракъ, — сказала она, — да приготовь сама кильки.... пожалуйста....

— Сейчасъ, тетенька, — отвѣчала Машенька, вывернувшись изъ рукъ своего кавалера.

— Ни-ни-ни, я самъ имъ приготовлю.... никто такъ не приготовитъ, какъ я!.... крикнулъ Даяновъ, бросившись въ слѣдъ за Машенькой.

— Сергѣй Павловичь, Сергѣй Павловичь! — крикнула снова Варвара Петровна.

— Ну-съ?

— Подите сюда

— Что прикажете, чего изволите, что угодно?

— Вы знаете Милочку?....

— Какъ не знать, не только знаю, но и люблю.

— И любите?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Хмъ! я слышала, что и она отъ васъ безъ памяти....

— Неужели?

— Да, Иванъ Карповичь однакоже въ отчаяніи отъ этого, — проговорила Варвара Петровна, съ недоумѣніемъ, едва воздерживая волнующее уже ее чувство негодованія.

Digitized by Google

— Иванъ Карповичь? Иванъ Карповичь? а что это за Иванъ Карповичь? мой соперникъ?.... такъ я этого Ивана Карповича изъ вертикальнаго положенія приведу въ горизонтальное!.... Кто это такой Иванъ Карповичь?

— Сергѣй Павловичь, странно мнѣ это слышать! — сказала Варвара Петровна, вспыхнувъ,—къ чему эти шутки?

— Шутки? я не шучу, ей-ей не шучу, Варвара Петровна: я его убью!....

— Можетъ быть за то, что онъ не согласился на вашъ союзъ съ своей дочерью!....

— Это чтожъ за исторія такая?—спросилъ Даяновъ, садясь подлѣ Варвары Петровны, — я объ этомъ до сихъ поръ и не зналъ.... отецъ?

— Да, я думаю, вамъ извѣстенъ Иванъ Карповичь Чугасовъ, родитель Людмиллы Ивановны!....

— Иванъ Карповичь? Чугасовъ? ни Чугасова, ни Пегасова, ни Ивана Карповича, ни Карпа Ивановича — не знаю и не вѣдаю! ну, просто не знаю, не вѣдаю, женсепа, женсепа и женсепа! и Людмиллы Чугасовой не знаю, а знаю только Людмиллу Жуковскаго:

Гдѣ ты милый? что съ тобою,
Съ чужеземною красою!

— Да скажите пожалуйста, Варвара Петровна: для чего это? что это? что за Карпъ Ивановичь?

Ѳедоръ Григорьевичь и Варвара Петровна взглянули другъ на друга съ недоумѣніемъ; прибѣжавшая Машенька посмотрѣла на всѣхъ съ какою-то боязнью.

— Сергѣй Павловичь,—началъ Ѳедоръ Григорьевичь,— для насъ это все непонятно....

— Что такое непонятно? — перервалъ Даяновъ.

— Что вы не знаете Ивана Карповича.

— Что я не знаю Ивана Карповича Чубасина? а вамъ нужно, чтобъ я зналъ его? такъ пожалуйте его сюда; если

Digitized by Google

онъ порядочный человѣкъ, я готовъ съ нимъ познакомиться; да баллада-то его къ чему мнѣ? его баллада-то, Людмилла, поэзія-то? и съ ней мнѣ знакомиться?

И Варвара Петровна и Ѳедоръ Григорьевичь, осыпанные и быстрыми взглядами и вопросами Даянова, совершенно растерялись и не знали что говорить.

— Сергѣй Павловичь, васъ какой-то человѣкъ ждетъ въ передней, — проговорила Машенька, не понимая смысла разговора, съ какимъ-то желаніемъ отвлечь отъ него Даянова.

— Человѣкъ? какой? Иванъ Карповичь?

— Не знаю, — отвѣчала Машенька.

— Какой же человѣкъ? — сказалъ Даяновъ, вскочивъ съ мѣста и выходя изъ комнаты.

— Отъ Софьи Александровны Малинской человѣкъ къ вамъ, сударь, — сказалъ Борисъ, встрѣтивъ Даянова въ залѣ.

— Софьи Александровны? гдѣ онъ? — вскрикнулъ онъ, бросясь въ переднюю.... — ба, ба, ба! Василій, это ты?

— Софья Александровна приказала просить какъ можно васъ къ себѣ, Сергѣй Павловичь, — сказалъ Василій. — Онѣ, сударь, не такъ здоровы; прислали карету. Я было къ вамъ на квартиру; а Яковъ говоритъ, что вы не пріѣзжали еще; такъ я ужъ по догадкѣ, такъ какъ вы изволили сказать, ѣхавши изъ Петербурга, чтобъ ямщикъ ѣхалъ прямо къ господину Канееву Ѳедору Григорьевичу, такъ ужъ я такъ и думалъ, не остановились ли вы здѣсь....

— Софи! — произнесъ въ совершенномъ разсѣяніи мыслей Даяновъ, смотря въ глаза Василью и безъ вниманія слушая его слова,—гдѣжъ она? подай.... что бишь.... гдѣ она?.... — продолжалъ онъ, осматриваясь кругомъ.

— Онѣ у себя-съ.... сію минуту пріѣхали только изъ Петербурга, и тотчасъ же послали къ вамъ....

— Да, да, да, сейчасъ!.... гдѣжъ она? шапка!....

— Шубу прикажете? — спросилъ Борисъ

— Да-да-да, шубу!

Digitized by Google

Борисъ подалъ шубу; Василій бросился подавать карету, подсадилъ подъ руки торопливо сбѣжавшаго съ крыльца Даянова, крикнулъ: домой! — карета понеслась.

Какое-то нетерпѣливое, изступленное, пробудившееся чувство взволновало всю душу Даянова.

— Софи! — повторялъ онъ въ каретѣ, и выскакивая изъ кареты, когда подъѣхали къ крыльцу и дверцы отворились.

Сбросивъ на полъ шубу, онъ пронесся бѣгомъ черезъ рядъ комнатъ.

— Serge! — вскрикнула Малинская, встрѣчая его, — Segre! прости меня! ты встревоженъ, сядемъ....

Даяновъ безмолвно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Serge! прости меня! я тебя упрекала несправедливо.... я не могла перенести.... мнѣ сказали....

Малинская схватила руку Даянова, хотѣла поцѣловать, но блескъ золотаго кольца какъ будто брызнулъ въ нее жгучими искрами.

— Что это? — проговорила она трепещущимъ голосомъ, схвативъ снова руку его обѣими руками, — чье кольцо?

— Софи! — вскрикнулъ Даяновъ, вскинувъ руки, чтобъ обнять ее.

Малинская оттолкнула его отъ себя. Онъ опрокинулся на диванъ, забилъ судорожно руками и ногами, скатился съ дивана — и окостенѣлъ на полу какъ трупъ.

— Подите.... — проговорила Малинская дрожащимъ голосомъ, выходя въ залу, первому попавшемуся на встрѣчу человѣку, — подите.... Г. Даянову сдѣлалось дурно.... отвезите его домой....

И она прошла мимо лежавшаго на полу Даянова въ свою спальню.

На другой день, поутру, онъ лежалъ уже у себя въ домѣ на постелѣ, какъ мертвецъ. Подлѣ него сидѣли Ѳедоръ Ивановичъ и Ранѣевъ; а Яковъ стоялъ сложа руки и смотрѣлъ на него, качая головой.

А. Вельтманъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 7. Апрѣль. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

27-ое МАРТА

ВЪ КРЕМЛѢ.

Царь въ Кремлѣ передъ святыней,
И народъ вокругъ Него,
Оживленною твердыней,
Собрался на торжество.

Что же движетъ эти волны?
Здѣсь нашъ духъ и наша кровь:
Всѣ единымъ чувствомъ полны,
Всѣхъ въ одно сплела любовь.

Digitized by Google

Западъ! въ буряхъ и въ покоѣ
Ты поглядывай сюда:
Это зрѣлище живое
Неизмѣнно никогда.

Здѣсь союзъ Царя съ народомъ,
Русской жизни добрый плодъ:
Вашимъ бранямъ и невзгодамъ
Предпоставленный оплотъ.

Отъ чего, лишь только вспыхнетъ
Ваша вѣчная война,
Какъ потомъ помалу тихнетъ,
Силой тайной смирена?

Отъ чего же, слово бранно
Выставляя на показъ
Противъ Руси, постоянно
Ненавидите вы насъ?

Отъ того, что мы спокойны,
Что любовь у насъ въ крови,
Что мы тѣмъ всегда достойны
Царской вѣры и любви.

Отъ того, что Царь нашъ твёрдый,
Противъ вашихъ буйныхъ силъ
Постоянно съ вами гордый,
Шагу вамъ не уступилъ.

Digitized by Google

Четверть ста почти настала,
Какъ Россіей правитъ Онъ,
Какъ Его не колебала
Переходчивость времёнъ.

Похристосоваться нынѣ
Съ православною Москвой,
Поклониться въ ней святынѣ,
Царь пріѣхалъ всей Семьей!

Съ нимъ подруга дней — Царица,
Мать семейной красоты,
Чадъ прекрасныхъ вереница
И четыре въ нихъ четы.

Съ нимъ и первенецъ Державы,
Кто, для добрыхъ въ жизни дѣлъ,
Въ колыбели древней славы,
Дни счастливые узрѣлъ.

Съ нимъ и гостья — Ангелъ ясной,
Наша Русская краса:
У Нея въ душѣ прекрасной,
Что во взорахъ, небеса.

Ужь давно, толпою тѣсной,
Кремль такъ звучно не шумѣлъ;
Долго колоколъ воскресной
Тѣмъ весельемъ не гудѣлъ,

Digitized by Google

Какъ теперь, полночнымъ звономъ,
Отъ земли и до небесъ,
Намъ и дальнимъ милліонамъ
Загудитъ: Христосъ воскресъ!

Да воскреснетъ ОНЪ межъ нами
Вѣрой, правдой, чистотой,
И небесными дарами
Надѣлитъ Царя съ Семьей.

Марта 27-го,
1849.

Digitized by Google

Х. В. ГУФЕЛАНДЪ.

Очеркъ христіанской жизни и смерти его, составленный А. С. Стурдзою.

Писать біографію Гуфеланда въ такое время, когда въ отчизнѣ его частный человѣкъ сталъ такъ малъ, а все производится движеніемъ толпы и бурными порывами мнѣній, повидимому, есть трудъ неблагодарный и безплодный: біографъ его подобенъ человѣку, собирающему сухой, отдѣленный отъ ствола листъ и занимающемуся очеркомъ его и обрисованіемъ, тогда какъ самое дерево, колеблемое бурею, потрясено до корней и безпрерывно усыпаетъ окружающую его почву новыми, печальными останками. Добро бы еще, когда бы писатель сталъ шевелить неостывшій пепелъ какого-нибудь извѣстнаго крамольника, или таинственными разсказами воскрешать мертвыхъ, съ намѣреніемъ позорить живыхъ: задача дѣписателя была бы менѣе трудна; она бы возбудила минутныя пренія и на мигъ послужила пищею или для праздности или для злорадства. Но рѣшаясь собрать нѣкоторыя отдѣльныя черты жизни христіанской, трудолюбивой и мирной, — можно ли полагаться на одобреніе большинства? Какъ осмѣлиться обратить рѣчь къ большинству читателей? Они почти всѣ слишкомъ заняты самими собою и будущимъ, искомымъ здѣсь — на землѣ; только не многіе оглядываются назадъ, и еще мѣньшіе устремляютъ взоръ въ небеса. Никогда не писали такъ много и никогда такъ мало не читали, какъ въ наше время.

Digitized by Google

Приливъ образованности мірской уноситъ все, и наука, подобно далеко-выступившей изъ береговъ своихъ рѣкѣ, чѣмъ болѣе расширяется, тѣмъ болѣе теряетъ глубины. *

Въ политическомъ кругу еще встрѣчаются властолюбцы, но ужъ почти не видно людей, плѣненныхъ славою. Каждый стремится обнять и осязать предметъ своихъ исканій; но слава есть идеалъ, тогда какъ власть опредѣляется слѣдствіями существенными.... Въ обширной сферѣ человѣческихъ знаній трудъ дѣлится до безконечности; соразмѣрно тому умаляется и человѣкъ частный. Много есть изслѣдователей, занимающихся объясненіемъ таинствъ природы; но сочли бы потерянным временемъ — искать премудрости, заключающейся *въ согласіи способностей нашей души съ Творцомъ ея.* Въ наше время измѣнился и самый энтузіазмъ: онъ уже не имѣетъ своего прежняго полета, своего восходящаго стремленія; онъ постоянно тяготѣетъ къ землѣ и привязывается къ замысловатымъ, но тлѣннымъ выдумкамъ обширной промышленности, подчиненной, въ свою очередь, разсчетамъ и проискамъ всемірнаго торжничества.

При такихъ обстоятельствахъ, къ чему служатъ воспоминанія? Мы живемъ во время переходное, изъ котораго Божественный Промыслъ несомнѣнно извлечетъ наше благо и свою славу; но, ожидая сего, къ чему говорить о быломъ толпѣ странниковъ, которые спѣшатъ.... сами не зная куда? Благочестивое воспоминаніе о человѣкѣ, *иже пройде благодѣтельствуя*, можетъ ли привлечь вниманіе и плѣнить мысль среди столькихъ памятниковъ исчезнувшаго величія, подлѣ сихъ огромныхъ знаменитостей, не пережившихъ однако же настоящаго дня?

Эти печальныя размышленія исторгли было у меня перо; но меня подкрѣпила иная, исключительно нашему вѣку сродная, истина.

Употребивъ во зло всѣ умозрѣнія, мы наконецъ отвергли ихъ или оставляемъ въ небреженіи. Теперь мы признаемъ важность однихъ только фактовъ. Они одни допускаются еще въ области мышленія.

---

* Лейбницъ не могъ бы явиться въ нашъ вѣкъ. Удивительная всеобщность его генія не устояла бы противъ безконечнаго раздробленія умственныхъ трудовъ. Ѳеодицея и дифференціальное исчисленіе не произойдутъ болѣе изъ одной головы. Теперь сколько мы видимъ людей, цѣлая жизнь которыхъ ждивается на монографію одного насѣкомаго!....

Digitized by Google

Вотъ почему съ точностію разсказать жизнь такого человѣка, каковъ былъ Гуфеландъ, значитъ, по крайней мѣрѣ, обнаружить фактъ, для современниковъ его неопровержимый; значитъ, говорить языкомъ для всѣхъ понятнымъ; значитъ, пробудить нѣкоторыя не безполезныя впечатлѣнія въ слушателѣ, предпочитающемъ факты идеямъ. И это-то, кромѣ побужденій собственно-личныхъ, обязало меня воскресить въ моихъ воспоминаніяхъ наставленія, полезныя для меня и моихъ читателей. Какъ бы ни было ограничено число ихъ, я представлю ихъ *факты*, совершенные въ теченіе семидесяти-пятилѣтія во славу Того, Кто чрезъ область тьмы ведетъ Своихъ избранныхъ къ свѣтлой обители вѣдѣнія и совершенства.

Христоферъ Вильгельмъ Гуфеландъ родился въ Лангенсальцѣ, въ Саксоніи, 12-го Августа 1762. Отецъ его занимался медициною и дѣлами милосердія ревностно и успѣшно. Семилѣтняя война оканчивалась. Европа, колеблемая внутри разтлѣніемъ нравовъ и нечестіемъ системъ, уподоблялась зданію, въ основаніи котораго скрытъ пороховой магазинъ, тогда какъ вершина еще поднимается къ небу за минуту до роковаго разраженія. Тѣмъ не менѣе *религіозныя преданія очага и жизни семейной*, которыя и донынѣ служатъ послѣднимъ якоремъ для обурсваемой Германіи, эти преданія въ то время свято хранимы были подъ мирнымъ кровомъ семействъ, наперекоръ пагубнымъ заблужденіямъ науки и уклоненіямъ отъ истины мѣстныхъ властей. Гуфеландъ родился въ нѣдрѣ фамиліи, глубоко христіанской. Заря Нѣмецкой литературы занялась надъ его колыбелью, и блескъ ея простерся до могилы его. Клопштокъ шелъ по слѣдамъ Мильтона и Данте; Лессингъ изрывалъ и усыпалъ цвѣтами бездну сомнѣнія; Виландъ, Гердеръ, Шиллеръ и Гёте были близкими предшественниками и современниками Гуфеланда. Смерть его можетъ означить предѣлъ того періода времени, блескъ котораго былъ ослѣпителенъ, но кратокъ. Время собранія плодовъ такъ же ли будетъ обильно, какъ время цвѣтѣнія?

Не останавливаясь долго на подробностяхъ первоначальнаго воспитанія Гуфеланда, я разскажу здѣсь только слѣ-

Digitized by Google

шанное изъ собственныхъ его устъ. Наставникъ его отрочества, по имени Рестель, былъ человѣкъ благочестивый, но серьезный, даже тяжелый и слишкомъ строгій. Онъ часто упрекалъ маленькаго Вильгельма его тупостью и невѣжествомъ: «изъ тебя ничего не выйдетъ,» — говорилъ онъ ему, — и дитя не только повиновалось этому суровому учителю, но и вѣрило словамъ, которыя смиряли гордость его, не подавляя его генія. Воспоминая о быломъ, Гуфеландъ, при закатѣ жизни, исполненный дней и подвиговъ, еще живо выражалъ свою признательность старинному наставнику своему: «ему я обязанъ тѣмъ, что я теперь, — говорилъ онъ съ тихою улыбкой: онъ подавилъ мое тщеславіе и трудною стезею привелъ меня къ цѣли.»

Молодой Гуфеландъ *въ строгомъ смыслѣ* изучалъ языки Греческій и Латинскій, какъ это еще водилось тогда. Учитель передалъ ему Греческій выговоръ по Рейхлинской методѣ, такъ близкой къ обыкновенному, еще живущему въ устахъ потомковъ Перикла и Леонида, Греческому языку. Однажды я слышалъ, какъ онъ громко читалъ Евангеліе отъ Іоанна, и былъ очарованъ пріятностію и благозвучіемъ его выговора, котораго бы не одобрилъ Эразмъ съ многочисленными своими послѣдователями. Гуфеландъ помнилъ также и наказанія, по совѣту Соломона неоднократно имъ въ дѣтствѣ претерпѣнныя. Онъ одобрялъ въ воспитаніи кроткія мѣры, но не исключая и тѣлесныхъ наказаній, какъ послѣдняго и законнаго средства. Не терпѣлъ онъ этихъ общеупотребительныхъ умствованій, которыя возбуждаютъ только гордость дѣтей, внушая имъ омерзеніе къ наказанію, а не раскаяніе въ проступкѣ, подведенномъ подъ ложное понятіе о чести. Однажды молодые люди обсуживали въ присутствіи Гуфеланда этотъ важный вопросъ. Старецъ посовѣтовалъ имъ остерегаться заносчивыхъ мнѣній, и заключилъ рѣчь такими словами: «впрочемъ я не думаю, друзья мои, чтобы братъ мой и я были дурно воспитаны потому только, что нашимъ родителямъ и наставникамъ не разъ случалось справедливо наказывать насъ.»

Digitized by Google

Въ Веймарѣ, въ домѣ отца, сдѣлавшагося медикомъ Герцогини Амаліи, провелъ Гуфеландъ первые годы своей юности. Начавъ въ Іенѣ изученіе медицины, онъ окончилъ его въ Гетингенѣ, и въ 1783 г. тамошнимъ знаменитымъ Университетомъ удостоенъ степени доктора. Идя по слѣдамъ Боергава и Галлера, Гоффмана и Блуменбаха, сей молодой человѣкъ всегда смотрѣлъ на свое призваніе съ точки зрѣнія религіозной. Благочестіе искреннее, кроткое и терпѣливое, окрыляло его геній, одушевляло его ревность, питало его постоянство. Отъ того и успѣхи его въ любимомъ искусствѣ были изумительны. Съ первыхъ же лѣтъ своего трудолюбиваго поприща, онъ уже возъимѣлъ идею Макробіотики — творенія, снискавшаго такую извѣстность — и никогда не оставлялъ ея. Онъ занимался ежедневно по утрамъ, послѣ молитвеннаго съ Богомъ собесѣдованія. Въ эти-то спокойныя минуты онъ трудился надъ сочиненіемъ, любимымъ предметомъ цѣлой его жизни, и предавался въ тишинѣ размышленіямъ и изслѣдованіямъ о таинствахъ человѣческой жизни. Извѣстно, сколько принесли добра мудрыя его правила объ искусствѣ продолжить ее. Ни одна книга не показывала яснѣе тѣсной связи между врачеваніемъ тѣла и цѣльбою души, и отношеній долголѣтія къ воздержанію.

Въ 1793 г. извѣстность молодаго Гуфеланда доставила ему профессорскую каѳедру въ Іенскомъ Университетѣ.

Какъ ни молодъ былъ Гуфеландъ, но онъ никогда не отступалъ отъ правилъ жизни, имъ же самимъ предписанныхъ. Хотя и одаренный нѣжною чувствительностію, онъ впрочемъ не увлекался ею; одна только страсть всегда обладала имъ: это любовь къ человѣчеству.

Призванный къ публичному преподаванію, онъ съ жаромъ обработывалъ свою науку и скоро постигъ искусство — быть занимательнымъ для своихъ слушателей. Множество ихъ стало стекаться на краснорѣчивыя его чтенія. Добросовѣстная обработка, ясность, простота — вотъ чѣмъ молодой профессоръ плѣнялъ учениковъ своихъ.

Врагъ парадокса и системъ исключительныхъ, Гуфеландъ никогда не увлекался потокомъ скоропроходящихъ

Digitized by Google

теорій. Онъ не употреблялъ ни одной изъ приманокъ, какими обыкновенно прельщаютъ юношество, и всегда преподавалъ ученіе, достаточно утвержденное опытомъ. Эклектикъ въ медицинѣ, онъ постоянно старался охранять своихъ слушателей отъ тѣхъ смѣлыхъ системъ, гдѣ забываютъ, что въ медицинѣ каждая ошибка есть вопросъ о жизни и смерти подобныхъ намъ, и что отъ сего часто зависитъ здоровье цѣлаго поколѣнія. Съ такими неизмѣнными, какъ истина, началами Гуфеландъ не могъ избѣжать борьбы съ бывшими въ ходу мнѣніями:

Il combattit l'erreur, sans regarder le nombre.

Онъ съ ложью ратовалъ, враговъ не исчисляя.

Но онъ отстаивалъ правду съ такимъ самоотреченіемъ, что самые жестокіе противники находили его недоступнымъ ни для какого огорченія, неспособнымъ язвить, чуждымъ зложелательства, послушнымъ голосу опыта, но непреклоннымъ въ борьбѣ съ софизмами, даже самыми благовидными.

Не будучи медикомъ, я не могу здѣсь очертить тѣхъ споровъ, какіе онъ выдерживалъ. Сильнѣйшій же изъ нихъ былъ, безъ сомнѣнія, споръ, возбужденный системою Бровна (Brown), чрезвычайное распространеніе которой обуяло самые могучіе умы, и *прельстило* — употреблю выраженіе Евангельское — *даже избранныхъ*. Весь ученый свѣтъ сталъ Бровніанскимъ; студенты толпами оставляли старыя школы и становились подъ знамя новаго ученія. Неизчисленныя немощи нашей природы, подведенныя подъ двѣ категоріи, должны были, какъ говорили, подвергнуться истязаніямъ сего новаго Прокрустова ложа. Пускай бы еще система Бровна ограничивалась кругомъ и скамьями школъ; но она овладѣла госпиталями, пріобрѣла, во вредъ больнымъ, силу закона: заблужденіе въ одно и то же время и обольщало и губило. Тогда-то Гуфеландъ выступилъ противъ него со всею силою крѣпкаго убѣжденія. Онъ боролся съ Бровніанцами оружіемъ науки, и предсказалъ, что всеобщее увлеченіе не будетъ продолжительно. Однако Иппократъ южной Германіи, возстановитель врачебной науки въ Падуѣ, знаме-

Digitized by Google

нитый Петръ Франкъ не устоялъ: онъ принялъ ученіе Бровна. Но къ счастію, въ своихъ курсахъ клиники онъ неоднажды признавался своимъ слушателямъ, что любимая его теорія должна молчать передъ опытомъ. Примѣръ Франка не подѣйствовалъ на умъ Гуфеланда: истину онъ предпочелъ авторитету великаго имени. И тридцать лѣтъ спустя, когда Гуфеландъ въ преклонномъ возрастѣ посѣтилъ Вѣну, — Франкъ, еще старѣйшій годами и достигшій предѣла своего поприща, съ радостію принялъ его, пилъ его здоровье за обѣдомъ, и въ присутствіи лучшихъ столичныхъ медиковъ признался, что нѣкогда — въ вопросѣ Бровніанскомъ — онъ, Франкъ, заблуждался, тогда какъ его гость и собратъ одинъ не принялъ ученія опаснаго и ложнаго. Такое благородное признаніе было пріятнымъ удовлетвореніемъ для Гуфеланда: оно послужило наградою скромному его постоянству. Никогда не искалъ онъ славы, и однакожъ слава встрѣчалась съ нимъ на каждомъ шагу.

Въ 1800 году Гуфеландъ былъ вызванъ въ Берлинъ, отклонивъ отъ себя приглашеніе — прибыть въ Россію. Гораздо позже, въ царствованіе Императора Александра, Франкъ принялъ вызовъ Русскаго Правительства, и много способствовалъ къ утвержденію медицинскихъ наукъ въ этой обширной Имперіи, гдѣ пребываніе его составило эпоху и принесло плоды.

Лейбмедикъ Короля Прусскаго, Гуфеландъ всецѣло обрекся судьбѣ, превратностямъ и славѣ своего новаго отечества. Такое чувство снискало ему безпредѣльную довѣренность Короля и Королевы Луизы, этой всѣми любимой и уважаемой Государыни, одно имя которой пробуждаетъ столько великихъ воспоминаній. Ибо она была предметомъ уваженія цѣлой Европы и предметомъ непріязни ея завоевателя. Гуфеландъ видѣлъ рожденіе Принцовъ и Принцесъ Королевскаго дома; онъ заботился о физическомъ ихъ воспитаніи; онъ, послѣ неудачъ 1806 года, сопровождалъ Короля въ Кенигсбергъ, съ радостію участвуя въ судьбѣ добродѣтельнаго монарха и съ большою ревностію служа злополучію. Живя въ старой Пруссіи, въ этихъ сѣверныхъ

Digitized by Google

пескахъ, оплодотворенныхъ человѣческимъ трудомъ, Гуфеландъ произвелъ много успѣшныхъ леченій. И гораздо позже онъ любилъ воспоминать о молодомъ Евреѣ, котораго излечилъ отъ падучей болѣзни, предписавъ ему постоянное употребленіе морскихъ ваннъ. Молодой человѣкъ, спустя 10 лѣтъ, встрѣтя его въ Берлинѣ, трогательно выразилъ ему свою благодарность. Въ Кенигсбергѣ же произведено было подъ его руководствомъ магнетическое леченіе, чудесное именно тѣмъ, что уничтожило болѣзнь безъ всякаго чуда. Одна простая женщина страдала недугомъ, извѣстнымъ подъ именемъ фотофобіи (свѣтобоязни). Раздражимость глазъ была такова, что бѣдная женщина, принужденная скрываться въ погребѣ отъ лучей солнечныхъ, при малѣйшемъ ихъ блескѣ, испытывала жестокія страданія. Тщетно употребляли извѣстныя средства для побѣжденія упорной болѣзни. Гуфеландъ и профессоръ Клуге рѣшились прибѣгнуть къ магнетизму. Больная, — мало того, что не вѣрила дѣйствительности средства, — смѣялась еще надъ пріемами своихъ благодѣтелей. Шесть недѣль постояннаго пользованія не оказали никакого видимаго облегченія. Тѣмъ не менѣе Гуфеландъ рѣшился продолжать его еще три недѣли, и предъ истеченіемъ срока больная была излечена до того, что могла выносить полный свѣтъ.

Столь полный успѣхъ окончательно убѣдилъ Гуфеланда въ роковой дѣятельности животнаго магнетизма, какъ силы цѣлебной; и онъ не разъ упоминалъ о ней въ своемъ знаменитомъ журналѣ практической медицины, но не скрывая важныхъ невыгодъ и опасностей, сопряженныхъ съ магнетическимъ леченіемъ. Подлинно, употребленіе животнаго магнетизма въ извѣстныхъ болѣзняхъ раздражаетъ и разстроиваетъ нервную систему больныхъ, искушаетъ любопытство врача, поглощаетъ много времени его, наконецъ, очень часто оканчивается жестокими кризисами, худшими, чѣмъ недугъ, имъ пользуемый, и проявляетъ какія-то странныя нравственныя вліянія, близкія къ чародѣйству.

Съ 1795 г. Гуфеландъ сталъ издавать упомянутый нами ученый журналъ, и продолжалъ его непрерывно до

Digitized by Google

самой смерти. Длинный рядъ сего драгоцѣннаго періодическаго изданія представляетъ перечень успѣховъ и заблужденій врачебной науки въ теченіе 40 лѣтъ, — науки, долженствующей быть вмѣстѣ и добродѣтелью и искусствомъ, посвященнымъ на облегченіе человѣческихъ немощей, при руководствѣ опыта и религіи. Издатель постоянно шелъ путемъ просвѣщеннаго и добросовѣстнаго эклектизма; онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ наблюденія людей самыхъ способныхъ; онъ неутомимо боролся съ исключительными системами, распространявшимися во вредъ общественнаго здоровья; онъ поочередно возставалъ противъ обычаевъ и ложныхъ преданій, неблагопріятныхъ для развитія дѣтскаго возраста и продолженія жизни человѣческой, и не разъ удавалось ему произвести полезныя улучшенія въ быту семейномъ, военномъ и народномъ. Въ такомъ духѣ мудрости и пламенной любви написалъ онъ *Макробіотику*, переведенную потомъ на всѣ языки, — книгу подъ заглавіемъ: *Совѣты матерямъ о первыхъ годахъ физическаго воспитанія дѣтей*, — *Характеристику минеральныхъ водъ Германіи* и множество другихъ, равно Богомъ благословенныхъ сочиненій. Но при сихъ трудахъ практически полезныхъ, Гуфеландъ не покидалъ и высшихъ областей науки. Трудолюбиво и постоянно собиралъ онъ точныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія о движеніи народонаселенія. Его разсужденіе: *О числительномъ равенствѣ раждающихся обоего пола*, объемлетъ всѣ прежнія наблюденія, открываетъ бытіе непреложнаго закона, по коему раждается человѣчество, подкрѣпляетъ естественное право, осуждающее многоженство, рѣшеніемъ важнымъ, ибо оно утверждено *на фактахъ*, и заранѣе опровергаетъ всѣ софизмы ложной философіи.*

Будучи нѣжнымъ и попечительнымъ отцомъ, Гуфеландъ, по собственному опыту, написалъ книгу объ умственномъ

* Многолѣтнія наблюденія Гуфеланда обнаружили вполнѣ согласіе единоженства съ самою природою; ибо онъ доказалъ статистически, что, круглымъ числомъ и на большихъ пространствахъ, рожденіе дѣтей мужескаго пола относится къ рожденію дѣтей женскаго, какъ 26 къ 25.

Digitized by Google

воспитаніи женщинъ. Любя во всемъ развитіе и успѣхъ, но всегда остерегаясь суемудрія и лицемѣрства, онъ счастливо, съ кротостью и твердостью, выдержалъ важные споры. Чуждый желчи и злости, послушный же голосу истины, Гуфеландъ по очереди обезоружилъ всѣхъ противниковъ, ибо сердце его никогда не знало вражды. Лѣтописи науки упомянутъ о многихъ повинныхъ, какія приносили ему сотоварищи, послѣ продолжительныхъ изслѣдованій, въ которыхъ Гуфеландъ никогда не помнилъ личныхъ обидъ.

Подъ конецъ жизни, онъ счелъ себя обязаннымъ возстать противъ мистическихъ бредней нѣкоторыхъ медиковъ и противъ преобладанія гомеопатіи. Онъ показалъ опасность сихъ отвлеченныхъ ученій, которыя, подъ предлогомъ излеченія всѣхъ тѣлесныхъ нѣмощей, посредствомъ таинственныхъ вліяній души, стремятся только къ отрицанію благотворныхъ силъ, какими Создатель надѣлилъ естественныя произведенія по мѣрѣ нашихъ недуговъ и нуждъ. Знаменательныя и строгія слова, ввѣренныя Гуфеландомъ бумагѣ объ этомъ трудномъ вопросѣ, доказали, что въ немъ чуждое изувѣрства благочестіе умѣло подчинить науку Св. Вѣрѣ, впрочемъ не отвергая наставленій опыта въ законныхъ сго предѣлахъ, и не отрекаясь отъ свободнаго употребленія умственныхъ способностей.

Что же до гомеопатіи, возбудившей столько пристрастныхъ споровъ, Гуфеландъ объявилъ себя противъ нея, какъ системы новой и исключительной. Онъ напомнилъ понятія древней медицины о гомеопатическихъ свойствахъ извѣстныхъ лекарствъ, и для убѣжденія въ недостаточности новаго ученія отсылалъ послѣдователей Ганемана къ одру больныхъ. Дѣйствительно, кто изъ современныхъ намъ совѣстливыхъ гомеопатовъ отказался бы, ради системы, отъ великихъ пособій искусства наканунѣ кризиса, когда грозящее воспаленіе запрещаетъ ему играть жизнію ближняго, прикованнаго къ одру страданій?

Наконецъ явилось послѣднее ученое твореніе Гуфеланда, надъ коимъ онъ трудился въ послѣдніе два года своей жизни. Оно долженствовало быть окончательнымъ выводомъ и пло-

Digitized by Google

домъ 55-лѣтнихъ изученій, размышленій и благотворительной дѣятельности.

Глубоко проникнутый высокимъ назначеніемъ нашей земной жизни, относя все къ причинѣ конечной, и всегда идя какъ бы предъ лицемъ Бога, Гуфеландъ смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на посланіе свыше, въ коемъ онъ долженъ дать отчетъ. Въ семъ-то духѣ вѣрности и помазанія написалъ онъ свою собственную исторію. Эта автобіографія найдена въ бумагахъ покойника, всецѣло писанная его рукою. Желательно, чтобы она скорѣе была напечатана. По тому же побужденію, онъ за два мѣсяца до послѣдняго часа выдалъ въ свѣтъ свое *Enchiridion medicum*, или Руководство къ Медицинѣ, *основанное на полувѣковой опытности*, какъ онъ самъ озаглавилъ это твореніе. Показывая его по выходѣ изъ печати, онъ сказалъ мнѣ: «Вотъ мое послѣднее сочиненіе,» сдѣлавъ удареніе на словѣ: *послѣднее!* При сихъ торжественныхъ словахъ поразителенъ былъ звукъ его голоса, и его чело, увѣнчанное сѣдыми волосами, какъ бы сіяло кроткимъ вдохновеніемъ.

Не мнѣ судить о достоинствѣ этого руководства, излагающаго всѣ физическія немощи человѣка, ихъ симптомы и способъ ихъ леченія, съ такою ясностію и сжатостію, что ученые доселѣ не надивятся ему.

Едва прошло 6 мѣсяцевъ по опубликованіи сей книги, какъ уже приступили къ 3-му изданію.

Доселѣ мы видѣли въ Гуфеландѣ только медика и ученаго. Попытаемся теперь представить его человѣкомъ государственнымъ, частнымъ человѣкомъ и христіаниномъ.

Король поставилъ его начальникомъ медицинскаго департамента, въ качествѣ государственнаго совѣтника при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Не смотря на слабость зрѣнія и шаткое здоровье, Гуфеландъ посвятилъ обязанностямъ своего мѣста всѣ познанія просвѣщеннаго ума, всю теплоту души любящей. Не слѣдя за ежедневнымъ ходомъ текущихъ дѣлъ, онъ участвовалъ силою ума и своею опытностію во всѣхъ мѣрахъ усовершенствованія. Ревностный ходатай заслуги, не желая ничего

Digitized by Google

себѣ и постоянно имѣя въ виду общее благо, Гуфеландъ много потрудился для успѣха въ преподаваніи наукъ, для подкрѣпленія здраваго ученія и для возникавшей тогда славы недавно-основаннаго Берлинскаго Университета. Посредничество Гуфеланда отовсюду привлекло туда способныхъ профессоровъ, и онъ самъ, сколько позволяли силы, не переставалъ читать лекцій. Мирная и непримѣтная дѣятельность этого человѣка подобилась тѣмъ цѣлебнымъ водамъ, которыя онъ такъ превосходно описалъ, — тѣмъ чудеснымъ, скромно-заключеннымъ въ глубинѣ долинъ, источникамъ, изъ которыхъ многіе черпаютъ здоровье и забвеніе своихъ немощей.

Непосвященный въ таинства политическаго и общественнаго устройства Пруссіи, я долженъ только удивляться благотворнымъ его послѣдствіямъ: тому союзу частей самыхъ разнородныхъ, какой все болѣе проявляется, — этому порядку въ финансахъ, въ судѣ и расправѣ, — этой великой системѣ національной защиты посредствомъ ландверовъ и арміи, всегда молодой и обновляющейся, — этой неутомимой заботливости, которая слѣдитъ за воспитаніемъ дѣтей въ большихъ городахъ и въ самыхъ ничтожныхъ деревушкахъ, — этой отчетливой строгости, господствующей при испытаніяхъ лекарей, богослововъ, законниковъ, военныхъ и всѣхъ орудій правительства. Посему-то я не войду въ большія подробности о трудахъ Гуфеланда, какъ дѣятеля государственнаго. Скажу только, что постоянство его и пламенная ревность никогда не хладѣла, и что онъ съумѣлъ внести свою дѣятельность въ кругъ своихъ обязанностей, не оставаясь однакожъ чуждымъ общихъ интересовъ своего отечества, Европы и Христіанства. Какъ частный человѣкъ, Гуфеландъ не однажды давалъ волю благороднымъ сочувствіямъ, въ немъ пробуждавшимся при наблюденіи быстраго теченія происшествій. Вотъ одинъ замѣчательный примѣръ:

Въ 1826 году, Греція, возставшая противъ Ислама, недалека была отъ гибели. Послѣ четырехлѣтней отчаянной борьбы, силы этой горсти христіанъ, повидимому, истощились, и ихъ надежды исчезали. Вокругъ же нихъ, вмѣсто

Digitized by Google

состраданія и помощи, слышались только вопли партій; одни сулили утѣсненнымъ безсмертную славу, другіе налагали на нихъ проклятіе. Во Франціи, въ Россіи собирали милостыню для жертвы всегубительствъ; Англія оставалась равнодушною, а соболѣзновавшая Германія еще ничего не предпринимала. Тогда-то Гуфеландъ возвысилъ голосъ: онъ потребовалъ у согражданъ помощи для угнетенныхъ о Христѣ братій. Вызовъ старца былъ услышанъ и принятъ съ восторгомъ всею Германіею. Денежныя приношенія присылались Гуфеланду отовсюду, ибо онъ первый имѣлъ мужество высказать общее сочувствіе. Потрясеніе, сообщенное умамъ, было сильно и продолжительно; въ главныхъ городахъ Германіи стали собирать милостыню для облегченія несчастныхъ христіанъ Востока. Гуфеландъ, изъ тишины своего кабинета, поддерживалъ порывъ всеобщаго милосердія, и собранныя пособія время отъ времени пересылались къ Г. Эйнару, прославившемуся дѣятельною привязанностію къ Грекамъ. «Благія мысли приходятъ свыше, сказалъ мнѣ однажды Гуфеландъ, описывая этотъ эпизодъ своей жизни: какъ-то утромъ оканчивая обычное чтеніе журналовъ, я почувствовалъ, что мое сердце уязвлено бѣдствіями нашихъ восточныхъ братьевъ, и сказалъ себѣ: нѣтъ, нельзя долѣе оставаться безстрастнымъ зрителемъ такихъ бѣдствій. Это былъ лучь свѣта. Я представилъ мой проэктъ Королю, Графу Бернсторфу. Намѣреніе мое, совершенно чуждое политики, одобрено — и въ тотъ же день я напечаталъ въ журналахъ мое воззваніе. Богъ благословилъ его, — и мы собрали сумму въ 50,000 талеровъ» *.

Гуфеландъ мало былъ знакомъ съ Графомъ Каподистріей; тѣмъ не менѣе, любилъ его по тому инстинкту благородныхъ душъ, который располагаетъ ихъ къ сочувствію

* По окончаніи сего братскаго подвига, получили еще нѣсколько запоздавшихъ приношеній, доходившихъ до 3,000 талеровъ. Гуфеландъ предложилъ — основать изъ нихъ стипендію для содержанія въ Берлинскомъ Университетѣ какого-нибудь бѣднаго Греческаго юноши. Такимъ образомъ, по заповѣди Іисуса Христа, и одна крупица не была потеряна.

Digitized by Google

со всѣмъ, что велико. Онъ умомъ и сердцемъ своимъ слѣдилъ каждый шагъ великодушнаго гражданина, шедшаго тернистымъ путемъ — къ мученической смерти. Онъ оплакалъ смерть его и взялъ перо для защиты его памяти. Ругательства и клеветы, какими старались омрачить ее, приводили старца въ негодованіе. Онъ желалъ имѣть всѣ необходимыя историческія и мѣстныя свѣдѣнія, дабы дать жизнь и голосъ своему внутреннему убѣжденію.

Часто любилъ онъ воспоминать о великихъ дѣлахъ Каподистріи, любилъ говорить объ истой сановитости, о томъ презрѣніи богатствъ и наслажденій жизни, которыя рѣзко отражались въ жизни президента-мученика. Въ свою очередь, я любилъ бесѣдовать съ Гуфеландомъ о малоизвѣстныхъ подробностяхъ этой прекрасной жизни, 30 лѣтъ бывшей непрерывнымъ подвигомъ самоотреченія. Мы умственно взирали на Каподистрію, въ пору строгой юности всецѣло преданнаго благу своей родины; потомъ, при внезапномъ крушеніи любимѣйшихъ надеждъ — призваннаго на службу великой Имперіи и великосердому Царю, куда влекло религіозно-политическое убѣжденіе. Мы видѣли его участникомъ въ великой борьбѣ противъ военнаго деспотизма Наполеона, всегда на высшихъ степеняхъ, человѣкомъ государственнымъ — въ лагеряхъ, сосредоточеннымъ въ себѣ отшельникомъ — при дворахъ, искуснымъ и дальновиднымъ политикомъ — въ столкновеніи страстей и выгодъ. Наконецъ мы всматривались въ него, довершавшаго на землѣ послѣдній, заданный ему урокъ, — слишкомъ ясновидящаго, чтобы обманываться касательно опасностей и сѣтей, его ожидавшихъ, но заранѣе рѣшившагося на борьбу и смерть — изъ любви къ дѣлу правому, и не искавшаго себѣ иной награды, кромѣ благодарности злосчастнаго народа, исхищаемаго имъ изъ когтей безначалія. Мы удивлялись ему, одинокому и мужественному, среди крамолъ самыхъ противоположныхъ, стоящему на грудѣ развалинъ, одною рукою пишущему краснорѣчивыя апологіи въ Лондонскую конференцію — по дѣлу Греческаго народа, а другою отклоняющему отъ себя предложенный ему народнымъ

Digitized by Google

конгрессомъ ежегодный на содержаніе окладъ. Мы любовались имъ, когда онъ сильно обличалъ опасность временнаго правительства Греціи и требовалъ для нея распространенія границъ, такъ потребныхъ для ея безопасности. Мы удивлялись этому же самому человѣку, занятому основаніемъ сиротскихъ пріютовъ — безъ всякихъ общественныхъ издержекъ, — бросающему въ изрытую неоплатными долгами бездну послѣдніе остатки своего скуднаго состоянія, и готовому пожертвовать жизнію, чуть замѣтилъ онъ, что отраженіе Іюльской революціи хочетъ поколебать землю его родины, въ то самое время, какъ насильственный разрывъ обнаружился между Бельгіей и Нидерландами.

Такъ-то, даже въ сей примрачной жизни, взаимно понимаютъ себя души избранныя, при всемъ различіи своихъ призваній и судебъ! Что же будетъ, когда онѣ достигнутъ предѣла своихъ общихъ пожертвованій, обѣтовъ и усилій?

Гуфеландъ всегда любилъ тишину частной жизни; тѣмъ не менѣе, подчиняясь превратностямъ нашего тревожнаго времени, онъ вездѣ раздѣлялъ участь любимаго Государя. Событія 1813 года забросили его въ лагерь. При всемъ нежеланіи видѣть своего единственнаго сына военнымъ, Гуфеландъ однакожъ позволилъ ему стать подъ знамена освободителей отчизны; но, уплативъ этотъ священный долгъ, онъ склонилъ сына отказаться отъ военной службы.

Непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, но не навязывавшій ихъ другимъ, Гуфеландъ показалъ твердость правилъ и характера въ обстоятельствѣ жизни, достойномъ разсказа. Король, желая дать ему новое доказательство своего благоволенія, приказалъ приготовить дворянскую грамоту для него и его потомковъ. Другой бы обрадовался случаю — округлить свою фамилію привлекательною частицею *фонъ*. Не такъ поступилъ Гуфеландъ. Какъ ни многаго стоило ему — отказаться отъ чести, исходившей отъ престола и предложенной ему такъ милостиво, — тѣмъ не менѣе онъ почтительно объявилъ, что не можетъ ее принять, не нарушивъ своихъ правилъ, и поспѣшилъ письменно представить

Digitized by Google

Его Величеству причины своего отказа, повидимому такъ страннаго. Чуждый мѣщанской спѣси, — писалъ онъ, — равно какъ и любочестія дворянскаго, я желаю, по моему религіозному убѣжденію, остаться тѣмъ, что я есмь.

Отецъ семерыхъ дѣтей, Гуфеландъ постоянно являлъ имъ примѣръ христіанскихъ добродѣтелей. Благодарность къ Богу, забвеніе обидъ, кроткое, по заповѣди, безмятежіе нрава, отвращеніе отъ всего, отзывающагося лицемѣріемъ и тщеславною набожностію, наконецъ, совершенная точность въ исполненіи малѣйшихъ обязанностей—таковы главныя черты его, какъ христіанина. И всѣ эти черты возвышались достолюбезнымъ смиреніемъ, которое для душевной красоты то же, что грація и стыдливость для красоты тѣлесной. Провидѣніе провело Гуфеланда черезъ горнило глубокихъ скорбей. Сердце, уязвленное въ самыхъ нѣжныхъ привязанностяхъ, онъ отдалъ Богу, и успѣшно боролся съ врожденнымъ расположеніемъ къ меланхоліи. Однакожъ потеря глаза въ зрѣломъ возрастѣ и среди трудовъ славныхъ, ожиданіе совершенной слѣпоты, казавшейся — по предвѣщанію науки — неизбѣжною, частыя біенія сердца и крайняя раздражительность нервной системы, — все, повидимому, усиливало эту борьбу. Тѣмъ не менѣе, при помощи занятій, молитвы и ежедневнаго размышленія о словѣ Божіемъ, онъ побѣдилъ всѣхъ враговъ внутренняго мира души своей. Никогда человѣкъ не полагался менѣе его на собственныя силы и не старался полнѣе покорить свою волю благодати Спасителя.

Всегда готовый умереть, всегда удивленный продолженіемъ жизни и всегда внимательный къ выполненію своего земнаго продназначенія, Гуфеландъ съ признательностію смотрѣлъ на приближеніе полувѣковаго юбилея своего, со времени полученія докторства.

Трогательна торжественность, съ какою Нѣмцы обыкновенно празднуютъ такія эпохи общественной и частной жизни своихъ Государей, пастырей, ученыхъ, начальниковъ. Но юбилей Гуфеланда тронулъ всѣ сердца, занялъ всѣ умы.

Digitized by Google

Задолго до 24-го Іюля 1833 г., многочисленные ученики его, разсѣянные по лицу Европы отъ устьевъ Эльбы до Чернаго моря и долинъ Кавказскихъ, согласились выбить въ честь его медаль и высказать ему единодушную признательность. Докторъ Саксъ издалъ брошюру съ единственною цѣлію — напомнить своимъ товарищамъ приближеніе этого счастливаго событія.

Король и августѣйшая фамилія его присоединились ко всеобщему и добровольному порыву публичнаго уваженія. Подробности праздника были въ свое время обнародованы. Гуфеландъ провелъ этотъ день въ деревнѣ, среди семейства, окруженный дѣтьми и внуками, тогда какъ факультеты, академіи, ученыя общества суетились, и поздравленія, дипломы, Латинскіе стихи, частныя письма отовсюду присылались въ Берлинъ. Геттингенскій Университетъ торжествовалъ этотъ день по сугубому праву: ибо онъ въ 1787 г. удостоилъ Гуфеланда степени доктора. И что же, тогда какъ всѣ сіи изъявленія радости и уваженія были расточаемы ему, — достолюбезный старецъ, предметъ такихъ почестей, говорилъ своимъ приснымъ: «право, друзья мои, это ужъ слишкомъ. Не могу убѣдиться, что всѣ эти изъявленія относятся ко мнѣ. Мнѣ кажется, я не стою того.» Таковы именно были его слова, отпечатлѣнныя искреннимъ смиреніемъ его сердца.

Около того же времени одинъ изъ родныхъ спросилъ Гуфеланда: какъ онъ думаетъ о своихъ заслугахъ медицинѣ? Мудрый старецъ отвѣчалъ ему съ замѣчательнымъ простодушіемъ: «Обозрѣвъ мысленно свои труды, я нахожу, что имѣлъ счастіе достигнуть нѣкоторыхъ полезныхъ успѣховъ для науки по слѣдующимъ четыремъ ея отраслямъ: по части *патогеніи* (или ученія о зачатіи болѣзней); по *макробіотикѣ* (или искусству продлить человѣческую жизнь); по изслѣдованію *свойствъ минеральныхъ водъ моего отечества*, и наконецъ по тому, что я назвалъ *физіатрикою* — приложеніе лечебныхъ средствъ природы къ искусственному излеченію болѣзней.» Такъ самъ онъ опредѣлилъ свою уче-

Digitized by Google

ную дѣятельность съ тихимъ самосознаніемъ наблюдательнаго ума. И однакожъ, сколько предметовъ можно прибавить къ этому скромному перечню? Его правила о воспитаніи, его напряженныя усилія объ устроеніи въ Германіи домовъ для мертвыхъ тѣлъ и предупрежденіи несчастныхъ случаевъ, его настойчивость о повсемѣстномъ употребленіи публичныхъ бань; его изслѣдованія коровьей оспы, внушеніе тенія, открывшее ему, что это предохранительное средство, при всей пользѣ своей, ограничивается извѣстнымъ временемъ; наконецъ, долгая и искусная борьба съ ложными системами и неугомонною толпою приверженцевъ ихъ. Мало того, — онъ основалъ медицинское общество, извѣстное подъ его именемъ. Проникнутый живымъ состраданіемъ къ тѣмъ изъ сотоварищей, которые отъ лѣтъ и недуговъ приходили въ бѣдность, онъ возъимѣлъ счастливую мысль учредить вспомогательную кассу для облегченія нуждъ ихъ. Это богоугодное учрежденіе, также названное его именемъ, поддерживается добровольными приношеніями. Не задолго до смерти, Гуфеландъ присоединилъ къ нему вспомогательный вкладъ для бѣдныхъ лекарскихъ вдовъ. На это дѣло онъ положилъ 3,000 Прусскихъ талеровъ, изъ собственной суммы, полученной отъ перваго изданія его послѣдняго труда. Все земное поприще этого человѣка состояло изъ дѣлъ истины и добра.

Гуфеландъ родился поэтомъ и музыкантомъ. Не зная нотъ, онъ игралъ съ памяти всѣ мелодіи, его поразившія, и писалъ стихи, полные граціи, по вдохновенію вѣры, дружбы, сердечной скорби и надежды безсмертной. Никогда не имѣлъ онъ времени развить эти небесные дары: ибо его призваніе и немощи человѣчества поглощали его; только въ минуты отдыха смѣлъ онъ предаваться игрѣ воображенія.

Эти легкія произведенія, — гдѣ человѣкъ высказываетъ чувства задушевныя, — эти проблески воображенія граціознаго и богатаго, коего не могли заглушить строгія размышленія и работа часто сухая, — принадлежатъ семейству Гуфеланда. Оно найдетъ въ нихъ слѣды многихъ со-

Digitized by Google

бытій его жизни и отголосокъ тѣхъ семейныхъ бесѣдъ, гдѣ оракулъ медицины очаровывалъ своимъ добродушіемъ, пріятностію своего разговора и богатствомъ своихъ воспоминаній.

Хотя и любилъ лучше слушать, чѣмъ говорить, и никогда не думалъ править разговоромъ, — однакожъ въ домашнемъ кругу Гуфеландъ говорилъ иногда о прошломъ. Тамъ-то внималъ я разсказамъ его о частыхъ путешествіяхъ по Германіи, — о пребываніи въ Швеціи, величавые очерки которой отпечатлѣлись въ памяти его, — о прекрасныхъ берегахъ Рейна, гдѣ жилъ онъ въ бурное время Французской революціи, — о плодоносныхъ равнинахъ Ломбардіи, орошаемыхъ и охраняемыхъ Альпами; наконецъ о Голландіи, которую онъ посѣтилъ въ 1810 г. по приглашенію Луи Бонапарте, нуждавшагося во врачебномъ искусствѣ его. По особенному стеченію обстоятельствъ, Гуфеландъ, приглашенный дать свое мнѣніе о болѣзни Государя-данника великой Имперіи, долженъ былъ присутствовать при кончинѣ сего минутнаго государства и видѣть отреченіе и бѣгство главы государственной. Годъ замѣчательный, бывшій апогеемъ величія Наполеонова и эпохою ранней смерти Королевы Луизы; отсутствовавшій тогда Гуфеландъ не имѣлъ утѣшенія облегчать предсмертныя ея страданія.

По мѣрѣ приближенія къ концу земнаго странствія, Гуфеландъ усугублялъ ревность къ изученію, терпѣніе въ скорбяхъ и глубокую благодарность къ Богу. Возношеніе души и дѣйствіе благодати сдѣлались обычною его мыслію. Долгія изслѣдованія стали утомлять его; но его острый умъ не переставалъ проявляться въ общественныхъ сношеніяхъ; никогда еще живость и быстрота ума не соединялась совершеннѣе съ невозмутимою кротостію. Разговоръ его отзывался приличіемъ и ясностію сочиненій его; не гонялся за выраженіемъ, онъ всегда употреблялъ самое простое, и во всю жизнь не зналъ желанія блистать, производить эффектъ. Рѣчь его походила на свѣтлый источникъ, невозмутимый въ своемъ теченіи и постоянно отражающій небесную лазурь.

Digitized by Google

Гуфеландъ былъ высокаго роста, ходилъ медленно, держался прямо, приподнявъ голову: его чело, гдѣ сіяло спокойное и глубокое разумѣніе, было обыкновенно обращено къ небу.

Os homini sublime dedit, coelum que tueri
Iussit, et erectos ad sidera tollere vultus.

Въ первомъ пріемѣ его было что-то важное и принужденное; но едва произносилъ онъ нѣсколько словъ, — какъ уже плѣнялъ своего слушателя. Звукъ его голоса былъ тихъ и пріятенъ; онъ выражался граціозно и Нѣмецкій его выговоръ не отзывался горловыми напѣвами, такъ часто терзающими непривычное ухо. Кромѣ вѣрности и обилія идей, въ обращеніи Гуфеланда слышалась мелодія души, которой нельзя было наслушаться, ибо она шла къ сердцу. Голубые его глаза выражали кроткую задумчивость, а улыбка его была благосклонна и привлекательна. Непонятно было, какъ этотъ почти потухшій взоръ бросалъ иногда молнію ума и покоился на васъ, проницая васъ. Съ давняго времени лишенный живыхъ наслажденій картинами природы, Гуфеландъ замѣнялъ ихъ игрою воображенія, несостарѣвшагося и чистаго, какъ чувства его и нравы. Я думаю, что у постели больныхъ онъ получилъ *второе зрѣніе* — силу прозрѣнія, побѣждавшую слабость его органовъ. При изученіи его, яснѣе открывались силы души, тѣмъ болѣе общительной, чѣмъ сосредоточеннѣй была она, и тѣмъ болѣе могучей, что она не поддавалась власти минутныхъ впечатлѣній. Отвѣтъ мысли оживлялъ и разцвѣчивалъ обычную блѣдность лица Гуфеландова. Во всю долгую жизнь гнѣвъ и ненависть ни разу не отразились въ немъ. Такое признаніе вырвалось у Гуфеланда на смертномъ одрѣ.

Не смотря на упадокъ тѣлесныхъ силъ, старецъ любилъ перемогать, какъ самъ говорилъ, лѣность тѣлесную. Какъ-то разъ онъ сказалъ мнѣ: «часто при пробужденіи, я чувствую искушеніе остаться въ постели и ничего не дѣлать, но это дурная наклонность; какъ скоро одолѣваю ее, мой день приноситъ плоды, и тѣлесная слабость исчезаетъ при занятіяхъ.»

Digitized by Google

Задолго до смерти, Гуфеландъ составилъ завѣщаніе. Выраженіе послѣдней его воли окончательно показываетъ, каковъ онъ былъ до послѣдняго вздоха. Предсмертная его болѣзнь продолжалась 26 дней и была тяжела. Господь бросилъ золото въ горнило; въ послѣдній разъ отяготѣлъ Онъ отеческой рукой на вѣрномъ рабѣ своемъ. Въ 74-лѣтнемъ возрастѣ Гуфеландъ подвергся операціи (разрѣзу мочеваго пузыря). Тотъ, кто всегда сочувствовалъ страданіямъ собратій, въ свою очередь перенесъ терзаніе плоти. Во все время послѣдняго испытанія, ни одинъ изъ многочисленныхъ его сотоварищей, тѣснившихся около постели его, не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго знака нетерпѣливости или ропота на крестъ свой.

Онъ умеръ, окруженный родными, послѣ сна — предвѣстника покоя праведныхъ. Эта прекрасная старческая голова, увѣнчанная ореоломъ бѣлыхъ волосъ и означенная таинственною печатію смерти, сохранила выраженіе кроткаго величія, оживлявшаго ее во время жизни.

Немедленно открыли завѣщаніе для исполненія во всей точности послѣднихъ распоряженій покойнаго. Дѣйствительно, ничто не было забыто. «Пусть мое погребеніе, — писалъ, — будетъ просто, какъ проста была моя жизнь. Да не погребаютъ моего тѣла, пока не увидятъ несомнѣнныхъ признаковъ смерти. Прошу моихъ дѣтей, мою жену и всѣхъ любезныхъ сердцу моему — въ слезахъ о нашемъ разлученіи утѣшаться небесною мыслію, что ихъ отецъ, ихъ другъ, живъ и находится въ тѣсномъ единеніи съ ними, перешедъ только изъ области видимой въ невидимую, — наконецъ, что онъ возвратился къ нашему общему Отцу, въ наше вѣчное отечество, гдѣ мы всѣ нѣкогда соединимся.

«Желаю, чтобы при опусканіи тѣла моего въ могилу пѣли стихъ: *Іисусъ мое упованіе, моя надежда.*

«На моей могилѣ да поставятъ камень, прислоненный къ стѣнѣ кладбищной. Вотъ рисунокъ и надпись. Крестъ черный, чугунный поставить на верху.»

Digitized by Google

Избранная Гуфеландомъ эпитафія расположена такъ: на верхней части креста: «*Азъ есмь истина и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ, сказалъ Господь.*» Гораздо ниже съ двухъ сторонъ средокрестія:

Любовь.	Любовь.
Свѣтъ.	Вѣра.
Жизнь.	Надежда.

У подножія знаменія Спасителева эти Павловы слова: novi autem, cui credidi *. Потомъ имя и фамилія съ числами рожденія и смерти:

Христофоръ Вильгельмъ Гуфеландъ, родившійся 12-го Августа 1762, умершій 25 Августа 1836.

Всѣ эти благочестивыя распоряженія, разумѣется, были исполнены со всею точностію.

Но знаменитый покойникъ не могъ ни предвидѣть, ни запретить того стеченія людей всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній, какое навсегда сопровождаетъ останки правителей и героевъ, и какое въ продолженіе трехъ дней тѣснилось около гроба, привѣтствуя его слезами и усыпая букетами цвѣтовъ. Молодыя сироты открывали погребальное шествіе, толпа провожатыхъ была велика, но почтительна и молчалива; служитель Евангелія произнесъ на могилѣ слова, полныя вѣры, истины и помазанія.

Мы за благо признали закончить эти неполныя воспоминанія — приводомъ отъ слова до слова трогательнаго поученія, обращеннаго Гуфеландомъ къ его дѣтямъ въ актѣ, заключающемъ выраженіе послѣднихъ его распоряженій.

Послѣ распредѣленія и надѣленія всѣхъ своихъ друзей и домашнихъ, онъ такъ оканчиваетъ свое завѣщаніе:

«Но вотъ драгоцѣннѣйшее всѣхъ благъ земныхъ, мои любезныя дѣти: любите другъ друга, и не допускайте, чтобы недовѣрчивость, несогласіе и распря возникли когда-

* *Вѣмъ бо, Ему же вѣровахъ.* 2 Тим. I, 12. Тѣ самыя, кои твердилъ Боссюетъ за минуту до смерти.

Digitized by Google

нибудь среди васъ. Будьте тверды вѣрою въ Бога, въ слово Его и въ Іисуса Христа, Его Сына.

«Живите въ Бозѣ и все, что ни дѣлаете, дѣлайте для Него. Онъ да будетъ всегда присущъ вашей мысли и вашему сердцу; всегда берегитесь склонности ко грѣху. Молитесь и трудитесь, предавая все прочее Провидѣнію Божію, бодрствующему надъ вами.

«Такъ жилъ отецъ вашъ; такою вѣрою, сквозь горести и битвы житейскія, Богъ провелъ его къ желанному предѣлу. Благодаря этой вѣрѣ, теперь — на закатѣ дней — можетъ онъ съ радостнымъ упованіемъ смотрѣть на вѣчность, его ожидающую.

«По вашей вѣрѣ я признаю васъ моими дѣтьми, и только ею вы достойно почтете мою память. И такъ оставляю васъ съ крѣпкимъ упованіемъ: встрѣтить васъ горѣ — предъ престоломъ Божіимъ.»

Добавленіе.

Желающимъ имѣть полный обзоръ сочиненій Гуфеланда, мы — какъ на лучшее руководство, можемъ указать на занимательную брошюру Доктора Августина, изданную въ Потсдамѣ, подъ заглавіемъ: Chr. W. Hufeland's Leben und Wirken. Кромѣ самыхъ точныхъ научныхъ понятій, въ этой біографіи есть драгоцѣнныя подробности, каковы: надгробная рѣчь, произнесенная Г. Пелкманномъ, и статья Епископа Ейлерта, посвященная памяти Гуфеланда и написанная рукою мастера. Вотъ переводъ двухъ писемъ, написанныхъ Гуфеландомъ послѣ юбилея. Одно адресовано къ сотоварищамъ его въ Пруссіи; въ другомъ выражена благодарность тѣмъ, которые вблизи или издалека участвовали въ торжествѣ.

Циркуляръ къ врачамъ Прусскимъ.

«Мои достопочтенные друзья и товарищи! Вамъ угодно было день моего юбилея ознаменовать изъявленіями благосклонности столь общей, столь почетной для меня и тор-

Digitized by Google

жеству столь мало свойственной, что мое сердце проникнуто умиленіемъ и радостію; и словъ недостаетъ выразить. Съ чувствомъ усладительнымъ вижу себя на концѣ поприща окруженнымъ доказательствами одобренія и признательности, которыя мнѣ высказываются людьми заслуженными, межъ коими съ удовольствіемъ усматриваю множество моихъ учениковъ. Всегда всего болѣе желалъ я, для преуспѣянія нашего искусства, видѣть между врачами дружбу товарищей, и всегда всячески старался заслужить такое чувство отъ нихъ. Отъ того лучшимъ вознагражденіемъ моихъ усилій было настоящее изъявленіе ихъ благосклонной привязанности. Но вы, господа, усугубили мою радость, когда ваша дружба ознаменовала сей день дѣлами благотворительности, плодомъ чувства благороднаго и образованнаго. Вы вспомнили мою любимую мысль о вспомоществованіи бѣднымъ врачамъ. Вы это осуществили самымъ благороднымъ образомъ, и благодаря вамъ — частный праздникъ сталъ исходною точкою дѣла благотворительнаго и человѣколюбиваго, которое продолжится въ будущемъ. Вы почтили воспроизведеніемъ моего образа на мраморѣ и бронзѣ; но благоволите, господа, сохранить его въ вашихъ сердцахъ: это будетъ для моего сердца прекраснѣйшимъ торжествомъ. Почтите меня и на остатокъ моихъ дней вашею дружбою, и вѣрьте, что она будетъ счастіемъ и утѣшеніемъ моей старости.»

Берлинъ, 18-го Августа 1833. Подп. Гуфеландъ.

Въ то же время появился въ журналахъ слѣдующій адресъ, подъ заглавіемъ: «Моя благодарность.»

«Какъ выразить чувство, исполнившее мою душу, при видѣ участія и благосклонности, проявившихся отвсюду — вблизи и издалека — по случаю юбилея, опредѣлившаго 50-лѣтніе мои труды? какъ поблагодарить за избытокъ почестей и внимательности, далеко превышающій мою заслугу? Хотѣлъ бы я высказать глубокое умиленіе и благодарность, нечуждую смущенія при мысли о такомъ избыткѣ любви и уваженія надъ моею заслугою. По правдѣ и отъ

Digitized by Google

сердца громко объявляю здѣсь, что я не сознаю въ себѣ ничего достойнаго тѣхъ отличій, какія оказываютъ мнѣ. Сдѣланное мною слѣлано во исполненіе моихъ обязанностей, и я не могу признать оное удовлетворительнымъ. И если я задумалъ, высказалъ и осуществилъ что-либо новое и полезное, то снова подобаетъ (я это глубоко чувствую) не мнѣ, а Тому, Кто ввѣрилъ мнѣ такіе дары. Потому и преклоняюсь нынѣ предъ милосердымъ Богомъ, даровавшимъ мнѣ полувѣковую, почти непрестанную дѣятельность, укрѣпившимъ меня необходимою силою и здоровьемъ, благоволившимъ поставить меня на сродное мнѣ, приличное поприще, и излить на мои слова и дѣйствія ту дѣйственную благодать, безъ коей нѣтъ ни благословенія, ни успѣха. Ему одному подобаетъ честь и слава! Я долженъ также возблагодарить Его и прославить за то, что въ теченіе 32 лѣтъ пользуюсь милостями Государя, благосклоннаго ко мнѣ, какъ и ко всему народу своему, и вполнѣ обезпечившаго мою тихую старость. На концѣ поприща, я долженъ еще, мои любезные друзья и соотечественники, торжественно увѣрить васъ въ томъ, что ваша любовь ко мнѣ милѣе для меня всѣхъ почетныхъ отличій. Она — лучшее украшеніе настоящаго дня, самая пріятная награда моимъ трудамъ; она радуетъ мое сердце и вливаетъ въ него довольство. Сохраните ко мнѣ это чувство: пусть оно осчастливитъ малый остатокъ дней моихъ и сопровождаетъ меня до минуты, въ которую успокоюсь отъ земныхъ трудовъ. *Гуфеландъ.*»

Съ Франц. Диктіадисъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЯ ПРО ИЛЬЮ ВОЛГОВИЧА.

(Вольный переводъ съ Богемскаго.)

Ужъ покрылась земля ночнымъ сумракомъ,
Въ небѣ звѣздочки загорѣлися,
И съ прогулки домой дѣти малыя
Къ матерямъ своимъ воротилися;
Лишь одно дитя — молодой Илья,
Сынъ честной вдовы Марѳы Андреевны,
Не пришелъ домой къ своей матери.
Залегла кручина въ сердце вѣщее
Молодой вдовы Марѳы Андреевны,
Знать недоброе сердце почуяло.
Вотъ зоветъ она въ страхѣ, въ горести,
Вѣрныхъ слугъ своихъ и прислужниковъ,
И ведетъ имъ такую рѣчь:
«Ой, вы слуги мои, слуги вѣрные!
Вы зажгите свѣчи воску яраго,
И подите вы въ разны стороны,
И ищите вездѣ, и спрошайте у всѣхъ,
Не видалъ ли кто моего Ильи,
Моего сынка ненаглядnаго.
Кто найдетъ его, приведетъ ко мнѣ,
Тому дамъ въ награду сто рублей,
Дамъ въ придачу шубу соболиную.»
Получивъ приказъ, слуги вѣрные
Разошлись поспѣшно по городу,
Исходили его изъ конца въ конецъ,
Въ поле чистое путь направили,
Поперегъ и вдоль его избѣгали,
Въ темный лѣсъ пошли, — никого не нашли,
Долго кликали, — недокликались,
И домой безъ Ильи воротилися.

Digitized by Google

Вотъ идетъ сама, закручинившись,
Молода̀ вдова Марѳа Андреевна,
Съ двумя слугами по городу,
Воздыхаючи, будто пташечка,
Будто горлица одинокая.
Вотъ идетъ она, горемычная,
Изъ воротъ идетъ въ поле чистое,
Переходитъ его до большой рѣки,
До широкой рѣки — Волги-матушки;
На крутомъ берегу становится,
Сама плачетъ — разливается.

Не цвѣточикъ бѣлѣетъ подъ кустикомъ:
То сорочка лежитъ полотняная,
Та ль сорочка ея сына милаго!
Какъ возго̀воритъ Марѳа Андреевна,
Горючьми слезами обливаяся:
«Ты дитя мое безталанное;
Мое дитятко неналядное!
Не всегда ли я, мое дитятко,
Зарекала тебѣ крѣпко на̀ крѣпко:
Не ходи ты, дитя, ко Волгѣ-рѣкѣ,
Не купайся въ ней — унесетъ тебя,
Унесетъ тебя на дно къ себѣ;
Вѣдь завистлива Волга-матушка:
Не родилось у ней молодцовъ-сыновей,
А родились у ней только дочери,
Одни дочери — волны быстрыя;
Вотъ и крадетъ она чужихъ сыновей,
Выдаетъ за нихъ своихъ дочерей,
Сердце матери горемъ сокрушаючи!»

Да не слышитъ, не видитъ молодой Илья,
Какъ тоскуетъ мать его родимая,
Горемычная вдова, Марѳа Андреевна!
Онъ гуляетъ себѣ веселехонекъ
Подъ рѣкой внизу, подъ зеленой волной,
Въ золотомъ дворцѣ Волги-матушки.
Онъ смотритъ кругомъ, не насмотрится,

Digitized by Google

И на всѣ чудеса не надивуется:
Потолки и стѣны тамъ хрустальные,
Изумрудами и алмазами
Будто звѣздами поусыпаны;
А полы-то изъ чистаго золота,
Изукрашены цвѣтами серебряными.
Вотъ выходитъ Илья изъ воротъ дворца;
Онъ выходитъ въ садъ Волги-матушки;
Тамъ не яблоки цвѣтутъ, не смородина,
А деревья какія-то чудесныя,
Да кусты еще того чудеснѣе;
Кто не видѣлъ ихъ, — не представитъ себѣ.
Кто увидитъ ихъ, — не повѣритъ очамъ:
На деревьяхъ кругомъ, вмѣсто яблоковъ,
Дорогія висятъ все жемчужины;
А кусты-то всѣ корольковые,
Съ изумрудными все листочками,
Съ бирюзовыми все цвѣточками,
И блестятъ они какъ облитые
Яркой радугой семицвѣтною.
Вотъ и ночь пришла. Молодой Илья
На постельку легъ изъ рѣчной травы
Моху мягкаго, что̀ лебяжій пухъ.
Вдругъ не гусли поютъ, не гудокъ загудѣлъ,
Заиграла музыка диковинная:
Будто стѣны всѣ кругомъ съ потолкомъ
Въ струны звонкія обратилися,
И всѣ дочки Волги-матушки,
Дочки рѣзвыя — струйки быстрыя,
Прибѣжали къ нимъ, заиграли на нихъ,
И запѣли надъ нимъ пѣсню чудную;
И отъ пѣсни той дрема сладкая,
Золотые сны навѣваючи,
Она мо̀лодца подернула.
Какъ проснется онъ, какъ захочетъ онъ
Поѣсть, испить, позабавиться:
Ему пищею — рыбки вкусныя,
А питьемъ ему — янтарный медъ,

Digitized by Google

А въ забаву, въ утѣху дѣтскую,
Нанесетъ ему Волга-матушка
Разныхъ дивъ рѣчныхъ, цвѣтныхъ раковинъ,
Изъ далекаго моря синяго.

Такъ живетъ себѣ во хрустальномъ дворцѣ,
Подъ рѣчной волной, молодой Илья,
Илья Волговичь по прозвищу;
И живетъ онъ тамъ ужъ не годъ, не два,
А ровнешенько двѣнадцать лѣтъ.
Возмужалъ, окрѣпъ онъ въ двѣнадцать лѣтъ,
И почуялъ свою силу богатырскую.
Но прискучило ему, одинокому,
Безъ товарищей и безъ сверстниковъ;
Захотѣлось ему на людей посмотрѣть,
На людей посмотрѣть и себя показать,
И онъ молвилъ такъ Волгѣ-матушкѣ:
«Гой, ты Волга-рѣка, мать названая!
Отпусти ты меня, добра молодца,
Погулять на верхъ, на зеленый лугъ,
Полетать на немъ вольной пташкою:
Подышу я тамъ свѣжимъ воздухомъ,
Полюбуюсь тамъ краснымъ солнышкомъ,
Да порадуюсь на другихъ людей.
Мнѣ прискучило во дворцѣ твоемъ,
Мнѣ давнымъ давно опостылили
Яства сладкія, игры дѣтскія,
Да и дочки твои бѣлогрудыя.
Дай коня ты мнѣ черногриваго,
Дай мнѣ лукъ тугой, да булатный мечъ,
Дай доспѣхи мнѣ богатырскіе,
Да колчанъ со стрѣлами каленными,
И, какъ мать сынка, снаряди меня
Въ путь-дороженьку далекую.»

Но ни слова въ отвѣтъ ему Волга-рѣка,
Будто рѣчи его не разслышала:
Не хотѣлось ей отпустить его.

Digitized by Google

И разгнѣвался добрый мо̀лодецъ,
Разгорѣлась въ немъ кровь богатырская,
И промолвилъ онъ слово грозное:
«Слушай, Волга-рѣка, не гнѣви меня!
Не вскормить тебѣ волка сѣраго,
Не взлелѣять орла сизокрылаго!
Коль не пустишь меня вольной волею,
Разобью въ конецъ твой хрустальный дворецъ,
Поломаю деревья диковинныя,
Лишь осколки оставлю да щепочки,
И насильно уйду на зеленый лугъ!»
И, промолвивъ, рукою могучею
Какъ ударитъ въ сердцахъ Илья Волговичь
По широкому столу, по хрустальному,
Въ мелки дребезги разлетѣлся столъ,
Будто искрами весь разсыпался.
Испугалась тогда Волга-матушка,
И всѣ дочки ея разбѣжалися.
Снарядила она въ путь дороженьку
Своего сынка нареченнаго,
И простилася съ нимъ, съ горькимъ ропотомъ,
Волны черныя воздымаючи,
Корабли въ сердцахъ разбиваючи.

Какъ увидѣлъ себя Илья Волговичь
На зеленомъ лугу, на муравчатомъ,
Какъ дохнулъ онъ впервой свѣжимъ воздухомъ,
Такъ сердечко въ немъ и запрыгало,
Такъ по жилкамъ всѣмъ какъ огонь пробѣжалъ.
Видитъ мо̀лодецъ — ходитъ по лугу,
Травку щиплючи, богатырскій конь;
Грива черная до земли виситъ,
Очи ясныя какъ огни горятъ.
На конѣ сѣдельце черкасское,
У сѣдельца виситъ броня крѣпкая,
Дорогая броня, вся серебряная,
Съ золотою насѣчкой, съ разводами,
И булатный мечь, и лукъ тугой,
И колчанъ со стрѣлами каленными.

Digitized by Google

Одѣвается Илья Волговичъ
Въ тѣ доспѣхи богатырскіе:
Грудь широкую, молодецкую,
Покрываетъ броней и кольчугою,
А шеломомъ златымъ кудри русыя;
Опоясалъ станъ булатнымъ мечемъ,
Заложилъ за плеча лукъ со стрѣлами,
И садясь на коня черногриваго,
Поклонился рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
За подарки ея драгоцѣнные,
Струйкамъ-дочкамъ ея рукой махнулъ,
И стрѣлой полетѣлъ въ поле чистое.

Вотъ и вспомнилъ тогда Илья Волговичъ
Про свою родимую матушку,
Про богатую вдову, Марѳу Андреевну;
Захотѣлось ему повидаться съ ней,
Повидаться съ ней, поклониться ей,
И сказать ей слово привѣтливое.
И пріѣхалъ онъ къ тому городу,
Гдѣ жила она одинокая,
И не можетъ узнать своей родины:
Измѣнилося все на святой Руси, —
Знать недоброе съ нею подѣялось:
Тамъ, гдѣ городъ стоялъ, гдѣ домъ матери, —
Груды камней лежатъ почернѣлыя,
Да столбы торчатъ обгорѣлые.
Гдѣ сады красовались тѣнистые, —
Тамъ разросся бурьянъ со крапивою;
Гдѣ гулялъ-ликовалъ православный народъ, —
Тамъ лишь змѣи шипятъ полосатыя.
Закручинился младъ Илья Волговичъ,
И промолвилъ слово печальное:
«Ой ты городъ большой, моя родина!
Ты повѣдай мнѣ, добрый городъ мой,
Какой недругъ злой разорилъ тебя,
Сокрушилъ твои стѣны крѣпкія,
Попалилъ огнемъ храмы Божіи,

Digitized by Google

И хоромы твои величавыя,
И родимый домъ моей матушки,
Той разумной вдовы, Марѳы Андреевны?
Гдѣ, скажи мнѣ, твой православный народъ,
И гдѣ матушка моя родимая?»
И въ отвѣтъ ему голосъ невѣдомый
Изъ развалинъ сказалъ вѣсть недобрую:
«Охъ, свирѣпый врагъ, супостатъ лихой
Разорилъ меня, сокрушилъ меня:
Гордый ханъ Угадай со своей ордой
Налетѣлъ на меня безпощадной грозой,
И мечемъ порубилъ, и огнемъ попалилъ
Всѣ домы мои, стѣны крѣпкія,
Храмы Божіи, златоверхіе,
И весь добрый мой, православный народъ,
И родимую твою матушку,
Ту богатую вдову, Марѳу Андреевну!
Но послушай еще, что затѣялъ врагъ:
Онъ затѣялъ, злодѣй, все низовье спалить,
Онъ затѣялъ еще всю въ конецъ разорить
Нашу родину — Русь православную!»
Какъ болѣло тогда, надрывалося
Сердце молодца отъ вѣсти той!
Двѣ слезинки изъ глазъ его канули:
И одна была въ память городу,
А другая была въ память матери.
И на полдень, вздохнувъ, обратился онъ,
И помчался опять въ поле чистое.

Не орелъ летитъ по поднебесью —
Скачетъ молодецъ на лихомъ конѣ;
Скачетъ онъ черезъ долъ, черезъ темный боръ,
По высокимъ горамъ, по широкимъ рѣкамъ;
Видитъ села кругомъ разоренныя,
Городовъ пепелища печальныя,
Видитъ трупы, повсюду гніющіе, —
И по нимъ свой путъ держитъ на полдень.
Скачетъ далѣ младъ Илья Волговичь,

Digitized by Google

Скачетъ день и ночь безъ устали,
И увидѣлъ онъ на четвертый день
Поле чистое; на томъ на̀ полѣ,
Будто озеро пораскинулось —
И блеститъ оно, и горитъ оно
При лучахъ золотыхъ зари утренней:
То двухъ ратей броня вороненая,
И блеститъ, и горитъ на солнышкѣ.
И одна-то изъ нихъ, небольшая рать,
Наша Русская, православная;
А другая рать несмѣтная —
То поганая рать Татарская;
И кипитъ межъ ними кровавый бой, —
И густымъ столбомъ вьется пыль кругомъ,
И щиты о щиты, и мечи объ мечи
И звучатъ, и трещатъ, ударяяся;
Стономъ стонетъ земля, колыхаяся....
Но слабѣетъ рать православная:
Будто волны, орда окаянная
На нее набѣгаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пріуныли сердца Русскихъ витязей!
Не стрѣла пролетѣла громовая
Сквозь ряды Татаръ супротивные:
То ударилъ на нихъ Илья Волговичь,
Распалясь богатырской отвагою;
Гдѣ стрѣлу метнетъ, гдѣ мечемъ махнетъ, —
Такъ и валится Татара̀ поганая,
Какъ отъ вѣтра порой осенній листъ,
Какъ трава подъ косой заостреною!
И побилъ онъ ихъ, потопталъ конемъ,
Да ни мало, ни много: двѣ тысячи!
Вдругъ на встрѣчу ему богатырь летитъ,
Молодой Багадурь, Угадаевъ зять;
Вотъ столкнулись они, какъ скала со скалой;
Вотъ вступаютъ они въ одиночный бой....
Какъ взмахнутъ мечами булатными, —
Только искры дождемъ съ брони сыплются....
Да ни тотъ, ни другой не шелохнется.

Digitized by Google

Темный боръ гудитъ отъ ударовъ мечей,
Пѣна клубомъ валитъ съ богатырскихъ коней
И земля дрожитъ подъ копытами!
Красно солнышко во полудне стоитъ,
А у витязей бой сильнѣй кипитъ;
Распаляется Илья Волговичь,
Распаляется Угадаевъ зять.
Вотъ собралъ подъ конецъ силу-мочь свою
Молодой Багадуръ и ударилъ Илью, —
И упалъ подъ нимъ черногривый конь,
Да и самъ Багадуръ, подъ мечемъ Ильи,
Наземь палъ съ коня, не шелохнется,
Какъ утесъ вѣковой, отъ горы родной
Громомъ Божіимъ разбитъ на́-полы.

Да и съ нимъ бѣда приключилася,
Съ молодымъ Ильею Волговичемъ:
Вѣдь не конь подъ нимъ черногривый палъ, —
А рѣчной песокъ разсыпался;
Вѣдь не острый мечь изъ руки скользнулъ, —
Щука-рыба скользнула проворная;
Шлемъ и щитъ его, броня крѣпкая —
Обратились всѣ въ черепахъ рѣчныхъ;
Стрѣлы острыя, закаленыя —
Стали рыбками серебристыми:
Такъ разсыпались передъ нимъ во прахъ
Всѣ подарки рѣки Волги-матушки!
И остался младъ Илья Волговичь
Одинокъ, безъ коня, безъ оружія,
Посреди враговъ многочисленныхъ!

Вотъ сбѣжались Татары большой толпой,
И со всѣхъ сторонъ окруживъ его,
Полонили они добра молодца,
И къ царю привели, къ хану грозному,
Къ Угадаю тому Угадаевичу.
И велѣлъ его ханъ, горемычнаго,
Запереть въ тюрьму подземную,

Digitized by Google

И за шею цѣпями желѣзными
Къ двумъ столбамъ приковать крѣпко на̀ крѣпю;
И велѣлъ потомъ лютой мукою
Изнурять его тѣло бѣлое, —
За Татаръ своихъ, побитыхъ имъ,
Да за зятя своего любимаго.
И на первый день его мучили, —
Твер до вынесъ Илья муку страшную;
На второй день опять его мучили, —
Да не дрогнулъ Илья и отъ муки той.
Вотъ на третій день самъ ханъ пришелъ,
И другихъ съ собой палачей привелъ,
И такую рѣчь онъ къ Ильѣ повелъ:
— «Добрый молодецъ, Илья Волговичь!
Коли хочешь ты быть со мной заодно,
Коли примешь нашу вѣру Татарскую, —
Дамъ награду тебѣ я великую,
Дамъ почетъ тебѣ и высокій санъ,
Своей милостью тебя пожалую,
И отдамъ за тебя дочь любимую,
Молодую Кончану Угадаевну.
Коль откажешься, заупрямишься
Ты исполнить мою волю царскую, —
Ужъ тогда тебѣ, добрый мо̀лодецъ,
Не сносить своей буйной головушки:
Я отдамъ тебя въ муку лютую,
Изорву въ куски тѣло бѣлое,
Разниму его по суставчикамъ,
И голоднымъ псамъ на съѣденіе
Размечу по полю широкому.»

И смутился душой Илья Волговичь,
И впервой тогда онъ извѣдалъ страхъ.
Онъ ни слова царю не сказалъ въ отвѣтъ;
Лишь молитву послалъ ко Всевышнему,
Съ теплой вѣрой молитву усердную:
«Ты Создатель мой! Ты заступникъ мой!
Ниспошли Ты мнѣ избавленіе

Digitized by Google

Изъ Татарскихъ рукъ, невѣрныхъ рукъ,
И спаси отъ конечной погибели
Мою душу грѣшную, недостойную!»
И услышалъ Господь то моленіе,
И послалъ Онъ ему избавленіе:
Вдругъ ударилъ громъ сокрушительный
Въ ту тюрьму, гдѣ сидѣлъ Илья Волговичь,
И убилъ на повалъ палачей его,
Оглушилъ самого хана грознаго,
И разбилъ кандалы — цѣпи тяжкія, —
И одинъ невредимъ и свободенъ сталъ
Чудомъ Божіимъ Илья Волговичь.
И воспрянулъ добрый мо̀лодецъ,
Вырвалъ мечь отъ бедра Угадаева,
Распласталъ мечемъ врага на́-полы,
Быстро вскинулся на коня его, —
И назадъ, на сторонку родимую,
Полетѣлъ стрѣлою пернатою.
Какъ увидѣлъ онъ землю Русскую,
Свою родину православную, —
Соскочилъ съ коня и на землю палъ,
И молитву принесъ благодарную
Онъ Заступнику милосердому
За чудесное свое избавленіе.

Ѳ. Миллеръ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 3. Апрѣль. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРЕПИСКА.

Иванъ Петровичь! Пришлите мнѣ, ради Бога, книгъ. Скука страшная! Эта скука ледянымъ гнётомъ тяготѣетъ у меня на душѣ. Не знаю, что дѣлать.... Бываютъ же такія ужасныя минуты, когда человѣку все противно! На дняхъ принесли мнѣ горшокъ розъ. Пышно начали онѣ развертываться на солнцѣ; всѣ были свѣжи и прекрасны; какъ вдругъ, одна изъ нихъ, при самомъ разцвѣтѣ, Богъ знаетъ отъ чего, побѣднѣла, завяла и спала со стебля. Силы жизненной, что ли, у ней недостало, или отъ другой какой причины, — не умѣю разгадать! Боюсь только, и со мной не сдѣлалось бы того же.

Прощайте; заходите къ намъ, на досугѣ.

Digitized by Google

Что дѣлать! Я самъ боленъ тою же болѣзнію; у меня у самого душа, какъ деревянная.... Не безпокойтесь, это скоро пройдетъ, особенно у васъ.... Вотъ, одѣнутся деревья, зазеленѣютъ луга.... Теперь весна похожа на осень, а тамъ ясные дни, теплый воздухъ произведутъ на васъ благодатное вліяніе. Берегите прекрасное души вашей, не давайте ему вянуть отъ жизненнаго холода.... Сегодня не могу быть у васъ. Посылаю вамъ нѣсколько книгъ.

Преданный вамъ ***въ.

Благодарю за книги. Шекспиръ заставилъ трепетать меня. Счастливъ тотъ, кому дано разгадать тайну человѣческаго сердца! Завидую генію, который, силою волшебной власти, самыя страданія превращаетъ во что-то прекрасное и благородное.... Передъ такимъ могуществомъ исчезаешь въ своемъ ничтожествѣ! Глупыя, мелкія огорченія терзаютъ мое сердце, какъ будто оно создано для нихъ! Безсильная возвыситься надъ омутомъ пошлости, я съ ужасомъ вижу, какъ лучшіе цвѣты сердца гибнутъ. Пусть бы еще посрывала ихъ буря, пѣтъ! черви подъѣдаютъ! Грустно! — Прощайте, до свиданія!

Въ вашемъ письмѣ есть что-то, похожее на желаніе славы.... Полноте! не обременяйте вашу душу этимъ новымъ бременемъ. «Я буду жить въ потомствѣ!» слова, конечно, громкія и завлекательныя; но, Богъ знаетъ, утѣшатъ ли они насъ за гробомъ, а для этой жизни, право, не стоитъ много хлопотать.... Зачѣмъ гнаться за далекимъ и невѣрнымъ призракомъ? — Сегодня вечеромъ зайду къ вамъ и, можетъ быть, мнѣ удастся поговорить съ вами. До свиданія!

Что за вечеръ былъ вчера! тихо, ясно, звѣздъ на небѣ безъ счета. Мы долго гуляли по набережной; около меня раздавались разсказы о префернсѣ, и изрѣдка равнодушныя восклицанія: «какая прекрасная погода!» Мнѣ хотѣлось

Digitized by Google

утонуть взоромъ и мыслію въ бездонной лазури небесъ,— а я должна была отвѣчать, со всевозможной любезностію, на глупѣйшіе вопросы. Какъ желала я встрѣчи съ вами! Мнѣ хотѣлось сказать вамъ только два слова: «какъ хорошо!» но васъ не было!....

Здоровы ли вы? Разные мелочные недосуги по службѣ мѣшаютъ мнѣ васъ видѣть.... Проклинаю ихъ! — Посылаю вамъ «Утреннюю Зарю». Прочтите «Медвѣдя» съ особеннымъ вниманіемъ. Что сказать вамъ? Грустно что-то.... Раздавшаяся ли подъ окномъ моимъ Русская пѣсня навела на меня эту грусть, или она тайный душевный порывъ? — не знаю. Я судорожно схватился за перо.... Писать къ вамъ услади-тельно, а надежда на вашу доброту заставляетъ меня забы-вать, что пишу нескладно и неинтересно. Простите душе-вно-больному!

Да сохранитъ васъ Богъ отъ необъяснимыхъ болѣзней души! Наблюдайте внимательнѣе за ея порывами, иначе, и вправду можно занемочь. — Сейчасъ видѣла самую здо-ровую душу въ мірѣ, Глафиру Николаевну П.... Вѣчно-цвѣ-тущая и веселая, она засыпала меня городскими новостями, оглушила своимъ звонкимъ смѣхомъ. Это депо вѣстей и пе-ресказовъ. Въ душѣ у нея нѣтъ, кажется, ни малѣйшаго уголка ни для чего возвышеннаго; ей, какъ она сама говоритъ, и грустно никогда не бываетъ.... Мнѣ страшно, Иванъ Пе-тровичь! что, если во мнѣ самой таится будущая барыня или дама, погруженная, съ ногъ до головы, въ визиты и наряды, и невидящая ничего, кромѣ ихъ, въ жизни? Сильна пошлость, Иванъ Петровичь! Могуча она.... Охватитъ она мою душу своимъ всеобъемлющимъ холодомъ, увлечетъ меня въ мутныя волны свои, и поглотитъ все мое святое и пре-красное! Страшно!....

Какъ вамъ не стыдно имѣть такъ мало вѣры въ свою душу и свой умъ! Чего вы боитесь? Вашихъ силъ станетъ

Digitized by Google

и не на такую борьбу.... Мнѣ кажется, вы слишкомъ много думаете о будущемъ: такъ, пожалуй, настоящее ускользнетъ отъ васъ, и вы съ сожалѣніемъ оглянетесь на него уже тогда, когда оно сдѣлается воспоминаніемъ. Часто счастіе бываетъ у насъ подъ рукою, а мы ищемъ его, Богъ знаетъ, гдѣ.... Не разсердитесь ли вы, если я скажу вамъ: будьте женщиной въ высшемъ значеніи слова; не ссорьтесь съ головою, но не забывайте и сердца.... 3-й N Библіот. для Чт. можете продержать до понедѣльника.

Преданный вамъ *** въ.

Вы вчера ушли отъ насъ, недовольный и раздосадованный. Мнѣ тяжела мысль, что я неумышленно какъ-нибудь огорчила васъ. Что съ вами? Въ душѣ у меня вы найдете искреннее участіе. — Сегодня мнѣ необыкновенно грустно. Небо мутно; передъ окномъ грязь да старые домы; дали не видно; тѣсно, душно! — Убѣжала бы теперь въ страну, гдѣ свѣтитъ солнце, шумятъ деревья, разцвѣтаютъ цвѣты!.... Пожалѣйте обо мнѣ, Иванъ Петровичь! все окружающее меня такъ далеко отъ сочувствія съ безумной душой моей.... О, дайте мнѣ широкое поле, темный лѣсъ, свѣтлую рѣку, съ отразившимися въ ней небесами: упоенная красотами природы, убаюканная ея пѣснями, я бросилась бы съ восторгомъ въ ея божественныя объятія, и, можетъ быть, сладко, сладко бы уснула!

На ваше поэтическое желаніе посылаю вамъ двѣ Нѣмецкія книги; въ нихъ много говорится о природѣ. Я замѣтилъ, что Нѣмцы вамъ по душѣ, съ своими мечтательными взглядами и своею сладенькою фантазіей. На дняхъ вы сказали, что читаете ихъ съ особеннымъ, тихимъ удовольствіемъ. Да и вчера вы такъ снисходительно, — если не сказать внимательно, — слушали этого картофельнаго инженерика, Гартена, который преслѣдовалъ васъ и словами, и взглядами. — Простите меня, что я нарушилъ

Digitized by Google

ваше пріятное расположеніе духа, моей неумѣстной хандрой. Есть минуты, въ которыя человѣку все измѣняетъ....

Къ чему тутъ Гартенъ? какое онъ можетъ имѣть отношеніе къ моей грусти и моей любви къ Нѣмецкой литературѣ? за что вы на него нападаете? — Это добренькій и умненькій мальчикъ; отъ его словъ вѣетъ на меня всею свѣжестью неразочарованной души; это натура не глубокая, но свѣтлая. — Полноте! къ чему отравлять подобными капризами отрадныя минуты нашей дружбы? — Приходите скорѣе къ намъ, мы сегодня дома.

Развѣ я виноватъ, что вы сдѣлали изъ меня ребенка? Я завидую всему, что̀ къ вамъ приближается.... я одинъ далекъ отъ васъ — непризнанный и непонимаемый! Могу ли я быть спокоенъ? Я каждую минуту страшусь потерять васъ.... я страдаю глубоко. Ненавидящій притворство, я долженъ притворствовать передъ всѣми, а болѣе всѣхъ передъ вами.... Вчера я задыхался отъ счастія васъ видѣть, а долженъ былъ смотрѣть на васъ холодно и безстрастно.... Сжальтесь надо мною, это ужасно! Мнѣ совѣстно и страшно, когда вы говорите и обращаетесь со мною съ благородною увѣренностью, и не подозрѣваете, что я готовъ каждую минуту измѣнить вамъ и себѣ!....

Я плакала, читая письмо ваше: оно было похоронною пѣснію нашей святой дружбѣ.... Прощайте, Богъ съ вами! Вы усмотрѣли въ вашемъ сердцѣ только возможность любви, и испугались ея: вы разочли, что она вамъ вмѣстѣ съ отрадою принесетъ много и грустнаго, а вы скорѣй готовы отказаться отъ счастія, чѣмъ купить его страданіями души и болью сердца.... Ваше состояніе есть состояніе ребенка, которому показываютъ горькое лекарство и кусокъ сахару.... Простите мнѣ, о, простите бѣдной женщинѣ, которая, думая погрѣться у огня, охвачена пламенемъ!....

Digitized by Google

Мнѣ были горьки — не ваши укоры, не ваше стараніе унизить меня и представить безхарактернымъ и недостойнымъ святаго чувства, а вашъ глубокій эгоизмъ.... Вы ошибаетесь, я не боюсь любви, не бѣгу отъ нея, я ношу ее глубоко въ сердцѣ.... я готовъ броситься въ неизмѣримый океанъ ея и погибнуть.... но никогда недостало бы у меня жестокаго эгоизма увлечь васъ съ собою.... А вы.... что же вы хотѣли изъ меня сдѣлать, разсыпая передо мной сокровища вашей души? Неужели вы думали, что я не посмѣю любить васъ? И какое право имѣли вы думать это? Выкинули мнѣ слово дружбы, и жестоко имъ воспользовались.... Кончаю, не хочу ни обвинять, ни оправдываться, слишкомъ грустно, слишкомъ тяжело то и другое! Прощайте! желаю вамъ всего прекраснаго.

Благодарю васъ; вы дали мнѣ спасительный, хотя жестокій урокъ. Вы правы, я поступила безумно.... намъ слѣдовало бы заключить условія.... Въ самомъ дѣлѣ, что такое была для меня эта необходимая потребность передавать вамъ движенія души? эта безконечная и сладкая мысль о васъ, какъ вѣчность, охватившая всю жизнь мою? это безотчетное счастіе въ вашемъ присутствіи, эта свѣтлая къ вамъ довѣрчивость? Все это была только дружба, — оскорбительная дружба.... Прочь ее! не надо ее! давайте намъ любви по формѣ, съ объясненіями, со вздохами, съ комплиментами, въ родѣ слѣдующихъ: «какіе у васъ прекрасные глаза!» или «эта роза—вы!» И вправду, какъ смѣетъ женщина говорить мужчинѣ прямо и свободно о страданьяхъ души? какъ смѣетъ не краснѣть отъ каждаго его взгляда, не потуплять глазъ отъ каждаго его слова? Это ужасно, возмутительно! Грянемъ же на нее всѣми оскорбленіями ни на чемъ не основанной ревности и намѣреніемъ обнять и разцѣловать ее, безъ церемоніи, какъ скоро останемся съ нею наединѣ.

Digitized by Google

Благодарю Бога за наше вчерашнее свиданье! Оно дало намъ увѣриться, что въ жизни есть точно высокое, святое счастіе, есть минуты, за которыя мало цѣлыхъ годовъ страданія... Благодарю васъ! Вамъ я обязанъ всѣмъ святымъ и прекраснымъ въ моей жизни. Я чувствую, какъ ваше присутствіе возвышаетъ и облагораживаетъ все существо мое....

ѲЕДОРЪ СЕМЕНЫЧЬ АЛЕКСАНДРУ ДМИТРІЕВИЧУ.

Любезный другъ! Надѣюсь, что ты придешь ко мнѣ сегодня вечеромъ перекинуть въ картишки.... А я сейчасъ отъ Ивана Петровича: онъ хандритъ на-пропалую. Скажу тебѣ новость: тайна его разсѣянности открыта — онъ влюбленъ въ ***ну, и ужъ межъ ними куры-муры.... Въ beau-monde, братецъ, лѣзетъ. Это открыла намъ вчера Варвара Михайловна. «Третьяго дня, — говоритъ она, — иду изъ лавокъ, попадается мнѣ мальчишка ***хъ съ письмомъ. Спрашиваю его: куда ты, Ѳедюша? — Къ Ивану Петровичу, съ письмомъ. — Отъ кого? — Отъ барышни-съ. — Я такъ, говоритъ она, и ахнула, — славно-молъ, славно.... знай нашихъ! Бѣдная Мавра Александровна! ничего не знаетъ, а вѣдь все на нее падетъ».... Теперь, любезный другъ, я постараюсь слѣдить за нимъ, вѣдь такой.... боюсь, не случилось бы чего. Прощай, до свиданія.

Остаюсь преданный тебѣ *** ъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА ЛИЗАВЕТѢ ИВАНОВНѢ.

Милая Лизавета Ивановна! Зная любовь вашу къ Маврѣ Александровнѣ, спѣшу васъ увѣдомить о непріятномъ для нея открытіи: вообразите, Ида Николаевна завела любовную переписку съ Иваномъ Петровичемъ.... Вотъ, нынѣшнія дѣвушки! Бѣдная старушка еще ничего не знаетъ; но Варвара Михайловна хочетъ объявить ей объ этомъ завтра вечеромъ, по дружбѣ.... по крайней мѣрѣ, возьмутъ предосторожности.... Будете ли вы сегодня дома? Я бы къ вамъ на вечерокъ. Остаюсь навсегда готовая къ услугамъ Марья *** на.

Digitized by Google

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА МАРЬѢ АНТОНОВНѢ.

Любезная Марья Антоновна! Ахъ, какую непріятную новость описали вы мнѣ! Не могу придти въ себя отъ удивленія.... Можно ли бы этого ожидать отъ Иды Ивановны! Сегодня же разскажу Аннѣ Петровнѣ; она приметъ въ этомъ искреннее участіе.... Бѣдная Мавра Александровна! падѣлаетъ ей племянница неудовольствій! вѣдь все на нее падетъ.... Благодарю васъ, любезнѣйшая Марья Антоновна, за намѣреніе пріѣхать вечеромъ; къ сожалѣнію, меня не будетъ дома, поѣду вечеромъ къ Аннѣ Александровнѣ, и предупрежу Варвару Михайловну: я не меньше ея привязана къ этому семейству. Прощайте, любезнѣйшая Марья Антоновна, остаюсь навсегда преданная вамъ

Лизавета *** а.

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Вотъ какая странная сцена случилась сегодня со мною: незадолго до обѣда, Таня позвала меня, съ таинственностью, къ тетушкѣ, и провожая, щепнула у дверей тетушкиной комнаты: «тетенька что-то сердиты-съ.» Не смотря на это, я вошла въ комнату безтрепетно, съ обычнымъ моимъ равнодушіемъ. Тетушка сидѣла въ своихъ большихъ креслахъ, отъ которыхъ еще не были отодвинуты два стула, на которыхъ, за пять минутъ предъ тѣмъ, помѣщались Лизавета Ивановна и Марья Антоновна. Тетушка при моемъ появленіи видимо старалась принять позу, какъ можно грознѣе и величественнѣе.... Я въ нерѣшимости остановилась посреди комнаты. «Пожалуйте сюда,» сказала тетушка. Я подошла. Тетушка устремила на меня одинъ изъ своихъ самыхъ проницательныхъ взглядовъ; голова ея тряслась отъ удерживаемаго гнѣва; глаза раскрылись во всю ихъ величину; ноздри раздувались. Мнѣ стало непріятно, и я рѣшилась произнести, чтобъ прекратить этотъ безмолвный допросъ: что вамъ угодно?

Digitized by Google

— Мнѣ угодно знать, сударыня, правда ли, что вы завели переписку съ этимъ (тутъ она дала вамъ такое странное прозвище, что щеки мои вспыхнули негодованіемъ) Иваномъ Петровичемъ?

— Правда, — отвѣчала я. — Тетушка была совершенно поражена этимъ отвѣтомъ. — Ахъ! безстыдница! вскричала она, — еще и сознается! — Это удивило меня. — Чтожъ тутъ дурнаго? — сказала я.

— Боже мой! Боже мой! — закричала тетушка, — вотъ, до чего я дожила, вотъ вѣкъ! — что дурнаго!? завести въ моемъ домѣ любовную переписку — этого только недоставало! Да знаете ли вы, сударыня, что вы срамите вашего отца, не говорю уже о васъ самихъ — вамъ по дѣломъ! Пусть весь городъ указываетъ на васъ пальцами, пусть дѣвицы бѣгаютъ васъ, какъ чумы; но я, но бѣдный братъ! опозорить себя до такой степени!» — Тетушка умолкла, и въ страшномъ волненіи металась въ креслахъ: она была вся гнѣвъ: шелковое платье ея укоризненно шумѣло, оборки на чепцѣ трепетали, даже малиновыя ленты (мнѣ показалось) приняли какой-то огненный отливъ.... старая моська проснулась, вытаращила на меня глаза и заворчала.... Мнѣ вдругъ стало страшно; какой-то непріятный холодъ пробѣжалъ по мнѣ.

— Кто носилъ ваши письма? — спросила наконецъ тетушка. — Я поняла ея мысль и отвѣчала: — Тотъ, кто носилъ ихъ, не виноватъ, потому что до сихъ поръ вы не отдавали вашимъ людямъ приказанія не слушаться меня.

— Да, конечно, теперь ужъ вы заставите меня принять свои мѣры.... Безстыдница!.... прибавила тетушка, выразительно качая головой, — что ежели бы жива была покойная мать твоя! — ты бы уморила ее, да и меня сведешь преждевременно въ могилу своимъ поведеніемъ....

— Тетушка! вѣрьте, что я никогда не сдѣлаю ничего такого, что могло бы оскорбить память моей матери. Я

Digitized by Google

знаю, что въ подобномъ случаѣ, она не такъ бы обращалась со мной....

— Какъ! вы смѣете еще говорить мнѣ дерзости! вотъ, до чего дожила я! видно, за грѣхи Господь наказываетъ! Боже мой! мнѣ дурно, голова кружится.... Танька, спирту! Я бросилась было за спиртомъ, но тетушка завизжала: «Прочь! оставьте меня! вы рѣшились уморить меня.... прочь!»

Я пришла къ себѣ въ комнату въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Мнѣ тяжело и неловко; я знаю, что гнѣвъ тетушки пройдетъ, но все непріятно, когда такъ сердятся.... Прощайте, мой добрый другъ; не огорчайтесь этими вѣстями.... Мѣра непріятностей зависитъ отъ того, какъ мы будемъ принимать ихъ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Еслибъ вы знали, что со мной дѣлаютъ эти люди, называемые знакомыми и пріятелями! какими невыносимо-мелкими, нестерпимо-глупыми оскорбленіями осыпаютъ они меня, подъ видомъ безцеремоннаго обращенія и дружескаго участія.... Зачѣмъ позволено такъ мучить человѣка? Дома, въ гостяхъ, на улицѣ, — всюду осаждаютъ сожалѣніями, уговорами, пріятельскими шутками; со всѣхъ сторонъ брызгаютъ грязью на мою святыню.... И нѣтъ выхода изъ этого омута! Но и тутъ звуки вашего имени обдаютъ меня какою-то горькой отрадой. Съ восторженною жадностію ловлю я эти незабвенные звуки. Простите ли вы меня? пожалѣете ли обо мнѣ?

ѲЕДОСЬЯ ПЕТРОВНА АВДОТЬѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Почтеннѣйшая Авдотья Николаевна! Слухи насчетъ неприличнаго поведенія Иды Николаевны, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе распространяются; вчера я разговорилась съ Евфросиньей Петровной, — вообразите, ужъ и она знаетъ о томъ, что, — помните? — я вамъ говорила?.... Какая безнравственность въ молоденькой дѣвушкѣ! Пожалуйста уда-

Digitized by Google

ляйте отъ нея вашу Геничку: дурной примѣръ заразителенъ.... Это я вамъ пишу по дружбѣ, почтеннѣйшая кумушка моя, Авдотья Николаевна, съ которою пребуду навсегда, готовая къ услугамъ

Ѳедосья Н—а.

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Сейчасъ отошла отъ раскрытаго окна; южный вѣтеръ освѣжилъ мнѣ взволнованную тоскою грудь и пылающія щеки. Вѣтви цвѣтущей жимолости съ легкимъ ропотомъ наклоняются къ окну, будто просятся въ комнату. — Хорошъ этотъ міръ, жаль только, что счастья въ немъ нѣтъ! Не знаю отъ чего, мнѣ что-то очень грустно.... Не могу удержаться отъ рыданій. Слезы мѣшаютъ писать.... да и въ состояніи ли эти глупыя чернила и перо выразить всю горечь отравленной души моей? Прощайте.... дай Богъ вамъ счастья! Благодарю васъ за все, за все! — за благородство чувствъ, за святость любви.

Ваша Ида.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ ИДѢ.

Въ грусти, какъ и во всемъ, у насъ симпатія! Когда я васъ увижу? Прощальный тонъ вашего письма навелъ на меня тоску! Вы обо всемъ горюете прежде времени.... Простите! я самъ не знаю, что пишу: мысли въ страшномъ безпорядкѣ. Вы тверже, выше меня! Стыжусь, что я безсиленъ, что, какъ дитя, закрываю глаза передъ несчастьемъ.

Вашъ ***въ.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ ИДѢ.

Пишу, и на глазахъ навертываются слезы! Сегодня я получилъ опредѣленіе къ должности въ ***. Невыразимо тяжело. По всѣмъ правиламъ разсудка, я долженъ бы радоваться.... Видно, чувство и разсудокъ — два родные брата, только такіе, какъ Каинъ и Авель.... Могу ли васъ сегодня видѣть?

Digitized by Google

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Наконецъ-то мы пришли къ горькой истинѣ, — къ сознанію нашего безсилія въ напрасной и тяжелой борьбѣ.... Вотъ, вы все бранили меня, что я заглядываю впередъ, что пугаюсь призраковъ, созданныхъ моимъ воображеніемъ! Я послушалась васъ, и предалась всей душой чуднымъ мечтамъ о счастіи, прекраснѣйшимъ, благороднѣйшимъ надеждамъ.... Мнѣ, и въ самомъ дѣлѣ, показалось, что я возношусь на небо блаженства ... и вотъ, я на землѣ, обезсилена, сокрушена паденіемъ. Вамъ тяжело было вчера говорить объ вашемъ скоромъ отъѣздѣ.... при этомъ вы такъ упорно и странно смотрѣли мнѣ въ глаза ... вы непремѣнно хотѣли видѣть дѣйствіе вашихъ словъ? Ну что жъ? Вы видѣли, что я побѣднѣла, что я окаменѣла.... Довольны ли вы? О, мой другъ, ужели правда, что любовь есть глубочайшій эгоизмъ?.... Но, что объ этомъ. И такъ, — разлука необходима? какъ знать? можетъ быть, даже полезна.... Не утѣшайте меня будущимъ, — я не вѣрю ему. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, кто знаетъ, что у насъ будетъ въ сердцѣ? Можетъ быть, холодъ, насмѣшка надъ всѣмъ, во что теперь такъ восторженно вѣримъ.... Что же дѣлать, Боже мой? Неужели вправду разстаться? Завтра я цѣлое утро дома и одна, — приходите; хочу наглядѣться на васъ.... а тамъ обѣщаю быть твердой и благоразумной.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ИДѢ.

Напрасно я взялъ перо, чтобъ сказать вамъ что-нибудь отрадное: въ душѣ одно только глубокое, непроходимое горе. Страдаю за васъ и за себя. Я ѣду, — ѣду черезъ два дня! Въ этомъ письмѣ въ послѣдній разъ пишу: до свиданья! Во мнѣ происходитъ глухая борьба.... Зачѣмъ я ѣду? — неужели это неизбѣжный приговоръ судьбы? И вы сами сказали мнѣ: — поѣзжайте! И вы противъ меня! И вы заодно съ разсудкомъ! — Вечеромъ побываю у васъ. До свиданья! тысячу разъ готовъ повторить это слово....

Digitized by Google

ИДА ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ.

Время покажетъ, должны ли мы благодарить наше благоразуміе, или горько укорять себя за недостатокъ силы и смѣлости.... Путь начатъ, — не отступать же! — идите смѣло! Вашему уму, вашимъ способностямъ предстоитъ широкое поле дѣятельности; вамъ, можетъ быть, нѣкогда будетъ оглянуться назадъ.... Идите, — васъ сопровождаетъ моя молитва, мое жаркое желаніе вамъ счастія! — *Ида.*

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЬ ИДѢ.

Лошади у крыльца.... ѣду — должно ѣхать! Я плачу, какъ дитя.... Прощайте, будьте счастливы! не забывайте меня! Я, — я весь вашъ! *** въ.

Хорошенькая, черноглазая Надина сидѣла на диванѣ съ своимъ женихомъ. Маменька ея была занята чѣмъ-то по хозяйству, папенька былъ у должности. Должность свою онъ любитъ не меньше жены и дочери, — своей единственной дочери, — да нельзя и не любить ему должности: она его мать и кормилица; по ея милости, онъ ни въ чемъ не нуждается; по ея милости, у его Прасковьи Александровны и прекрасный салопъ, и около трехъ дюжинъ чепцовъ, и платьевъ и капотовъ несчетное множество; благодаря ей же, и Наденька его одѣта, какъ куколка, и воспитана не хуже кого другаго: и по-Французски, и на фортепьяно. Посмотрите, какъ она мила, какъ граціозно закинула назадъ головку, какъ лукаво смотритъ на своего жениха.

— На что это похоже, Иванъ Петровичь, цѣлый день не быть! Это ни на что не похоже! Этакъ развѣ дѣлаютъ женихи?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что не могъ, что хворалъ, развѣ вы не вѣрите мнѣ? — отвѣчалъ Иванъ Петровичь, — увы, тотъ самый Иванъ Петровичь, переписку котораго съ Идой вы имѣли благосклонность пробѣжать.

Digitized by Google

— Не вѣрю; не такъ же вы хворали, чтобъ цѣлый день пролежать, а письма — экая важность! можно было и отложить.

— Невозможно.

— У васъ все невозможно! — Она надула губки.

— Надина! полноте, дайте ручку!

— Подите, противный! — Она улыбнулась. — Право, мнѣ кажется, вы не любите меня.

— Не грѣхъ ли вамъ....

— Ну, скажите, — перебила она ласково и вкрадчиво, — вы никого больше меня не любили?

Онъ молчалъ.

— Скажите, прошу васъ, скажите всю правду.

— Что за вопросъ! развѣ я не люблю васъ, развѣ вы....

— Нѣтъ, нѣтъ! вы мнѣ скажите, любили ли вы кого-нибудь *больше*, чѣмъ меня....

— А вы!

— Я? — я — другое дѣло, когда мнѣ любить?

— Право?....

Наденька вспыхнула. — Нѣтъ, — продолжала она, — вы скажите мнѣ, не вертитесь.

Брови Ивана Петровича слегка нахмурились, минуты двѣ онъ молчалъ, будто что припоминая; потомъ проговорилъ тихо, но отрывисто: любилъ!

На лицѣ Наденьки выразилось непріятное чувство: — Такъ-то, вотъ вы каковы! — Она готова была заплакать.

— Вотъ, вы и разсердились, за то, что я сказалъ правду.... Зачѣмъ вамъ было спрашивать? Вы непремѣнно хотѣли, чтобъ я солгалъ! чтожъ? Вамъ было бы легче отъ этого? — Ну да, я любилъ сильнѣе, потому что былъ моложе, глупѣе.... да и притомъ это было давно; это прошло ужъ.... (онъ подавилъ невольный вздохъ). Теперь я

Digitized by Google

никого не полюблю, теперь вы для меня единственная женщина. — Онъ поцѣловалъ у ней руку. Лице дѣвушки прояснѣло.

— Да, да, толкуйте,—заговорила она полусерьёзно, полушутливо. — Ахъ, что̀ это: вѣрно цвѣты отъ madame Рей? И она бросилась, къ вошедшей съ картономъ дѣвушкѣ. Вслѣдъ за дѣвушкой вошла и Прасковья Александровна.

— Что это за мерзавецъ этотъ Ѳедька! — негодовала она, — куда ни пошли, точно за сто верстъ, не дождешься. А, здравствуйте Иванъ Петровичъ. Что̀ это, цвѣты? Посмотри-ка, Наденька, да выбери себѣ гирлянду получше.

Пусть ихъ выбираютъ цвѣты; я воспользуюсь этимъ временемъ и скажу нѣсколько словъ объ Иванѣ Петровичѣ. Отуманенный и грустный, оставилъ онъ губернскій городъ, гдѣ жила Ида. Тоска и любовь душили его. Всю дорогу носился передъ нимъ милый образъ, съ глубокимъ, нѣжнымъ взоромъ, съ этой, ей только свойственной улыбкой, которая на ея устахъ была печальнѣй всякихъ слезъ. Онъ понималъ, какъ много должна любить женщина, чтобъ найдти силу, съ убитымъ, разтерзаннымъ сердцемъ, улыбнуться милому, при послѣднемъ: прощай. Долго грустилъ Иванъ Петровичь; но не вѣкъ же тосковать, не вѣкъ же любить. Увлеченный временемъ и обстоятельствами, онъ пришелъ въ себя, началъ понемногу разставаться съ мечтами и надеждами любви, началъ замѣнять ихъ мечтами и надеждами службы. По какому-то странному затмѣнію они не продолжали болѣе своей переписки; отчего? ни тотъ, ни другой не дали бы въ этомъ отчета. Сперва разлука оглушила ихъ, потомъ отвлекли разныя мелочныя, непредвидѣнныя препятствія. Усталое сердце требовало отдыха. И вотъ, онъ отдыхалъ долго, долго, а неугомонная память все еще тревожила его, подъ часъ, картинами прошедшаго. Въ одинъ «прекрасный вечеръ», зимній впрочемъ, онъ познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ, и былъ представленъ его супругѣ и дочери. Хорошенькая Наденька приглянулась ему; одиночество начинало надоѣдать. Невѣста была хоть куда,

Digitized by Google

съ хорошимъ приданымъ и съ хорошенькимъ личикомъ. Поговаривали, что она влюблена въ какого-то улана; но уланъ уѣхалъ; а къ Ивану Петровичу она чудо-какъ внимательна. Иванъ Петровичъ и не замѣтилъ, какъ очутился женихомъ.

Невѣста его все еще перебирала гирлянды изъ розъ и померанцовыхъ цвѣтовъ, а онъ стоялъ, нахмурившись, у окна, и, казалось, обратилъ вниманіе на борьбу двухъ мальчишекъ, слѣдя взоромъ за ихъ безплодными усиліями повалить другъ друга на землю. Между тѣмъ въ душѣ его пробуждалось какое-то странное, давно-замолкшее чувство, и, будто заживо погребенное, билось и просилось на волю. Какъ давно никто не напоминалъ ему о быломъ; какъ давно оно не проносилось передъ нимъ свѣтлымъ облакомъ! Неужели же обаяніе не прошло? неужели женщина могла сдѣлать такое глубокое, безотвязное впечатлѣніе? Гдѣ-то она теперь? Что съ ней? можетъ быть, давно забыла его; можетъ быть, замужемъ.... Шесть лѣтъ прошло послѣ ихъ послѣдняго свиданія, — это былъ такой же ясный, сентябрскій день.... Ахъ, эта Наденька! Пришло же въ голову будить подобныя воспоминанія.

— Что вы тутъ гримасничаете? — сказала Наденька, подходя къ нему, — ужъ не разсердились ли? Какой злой! Я пошутила. Посмотрите, хорошо ли? — И она примѣрила къ своей головкѣ вѣнчальный вѣнокъ. Онъ заглядѣлся на эту головку; улыбнулся безпечно и весело, и воспоминанія его притихли и замолкли.

Прошло около года послѣ женидьбы Ивана Петровича. Въ одно утро, онъ что-то усердно писалъ въ своемъ кабинетѣ. Вошла Надежда Николаевна, въ шляпкѣ и мантильѣ.

— Прощай, Иванъ Петровичъ; вотъ ключи отъ шкапа; я не обѣдаю дома, — Магіе звала меня.

— Какъ, опять? Вѣдь ты вчера была тамъ; что за дружба такая? Я, просто, тебя не вижу.

Digitized by Google

— Вотъ прекрасно! Что же мнѣ сидѣть да слушать скрипъ твоего пера? очень весело!

— Я кончилъ. Не ѣзди сегодня.

— Какіе капризы! Что же, мнѣ цѣлый день глядѣть на васъ? Нѣтъ ужъ, покорно благодарю, это мнѣ и въ дѣвушкахъ надоѣло. Скажите, ради Бога, ужъ я не могу выѣхать къ моей пріятельницѣ!

— Не ѣзди, прошу тебя, — сказалъ онъ, съ какой-то странной настойчивостью.

— Да ты съ ума сошелъ! — закричала Надежда Николаевна, — помѣшался ты что ли? Неужели я послушаю тебя?

— А Вольскій будетъ тамъ? — И голосъ его какъ будто дрожалъ.

— Это что значитъ? Ужъ не подозрѣваешь ли ты меня? Этого только недоставало! Ахъ, ты безсовѣстный! Развѣ я подала тебѣ поводъ? Вотъ бы маменька послушала! Господи! что я за несчастная такая? — Она собиралась разлиться слезами, — Иванъ Петровичъ предупредилъ грозу.

— Ну, полно, не сердись, душа моя; я пошутилъ, — сказалъ онъ.

— Это что за глупыя шутки! Прошу впередъ не шутить такъ. Ты бы лучше подальше пряталъ свою любовную переписку.... И она швырнула ему подъ носъ пучокъ писемъ Иды. — Какія у нихъ были тамъ нѣжности!

Она величало вышла изъ комнаты.

Тихо и грустно взялъ онъ эти письма. Развернулъ одно и прочиталъ, потомъ другое — и такъ всѣ. — Слава Богу, что уцѣлѣло хоть одно свѣтлое воспоминаніе, — сказалъ онъ со вздохомъ, — и долго бы просидѣлъ, съ опущенной на руки головою, еслибъ вошедшій слуга не подалъ ему пакета, примолвя: — съ городской почты. Не глядя на подпись, онъ распечаталъ и прочиталъ слѣдующее:

Digitized by Google

«Обстоятельства непредвидѣнныя занесли меня сюда; если въ душѣ у васъ сохранилось желаніе меня видѣть, то завтра я цѣлый вечеръ, съ 8-ми часовъ, дома и одна. *Ида.*» (Слѣдовало названіе улицы и дома.)

Въ 8-мь часовъ вечера, онъ мчался по гремучей мостовой, а ему казалось, что невидимая, неодолимая сила влекла его. Наконецъ пролетка его остановилась у подъѣзда довольно угрюмаго, каменнаго дома. Въ прихожей встрѣтилъ его знакомый слуга.

— А, здравствуй, Никифоръ.

— Здравствуйте, батюшка Иванъ Петровичъ! Здоровы ли? Какъ изволите поживать?

— Здоровъ.... А гдѣ Ида Николаевна?

— А вотъ, сударь, извольте идти прямо; *они* въ *зеленой*, *я* думаю, сидятъ.

Иванъ Петровичъ пошелъ по анфиладѣ большихъ, слабо освѣщенныхъ комнатъ, въ концѣ которыхъ замѣтилъ стройную фигуру молодой дѣвушки. Ида Николаевна шла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, мой другъ, — сказала она тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, подавая ему руку.

— Боже мой! проговорилъ онъ. — И оба замолчали. Имъ было тяжело и неловко.

— Вы очень перемѣнились.... начала она.

— А вы, напротивъ, нисколько — все тѣ же! Удивительно!....

— Разница только та, что теперь мнѣ 23 года, а когда мы разстались, я была очень молода.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Тетушка получила въ наслѣдство, послѣ своей сестры, этотъ домъ, и надумала здѣсь жить, а тотъ, что въ *** продали.

Digitized by Google

— Продали? кому же?

— Не знаю, право, забыла фамилію, помѣщикъ какой-то....

— Продали! — повторилъ онъ машинально.

— Да, тотъ домъ, въ которомъ, помните — бывало намъ такъ хорошо!

Онъ съ усиліемъ провелъ рукой по лицу.

— А теперь?

— Теперь ужъ не будетъ такъ хорошо; теперь тяжело и грустно.... по крайней мѣрѣ, мнѣ.... — Она хотѣла улыбнуться, но слезы закапали у ней изъ глазъ на темное платье. Онъ взглянулъ на нее съ невыразимою нѣжностью, сѣлъ возлѣ, и судорожно прильнулъ губами къ ея рукѣ. Когда онъ поднялъ голову, слезы все еще катились у ней по щекамъ. — О, не плачь, — сказалъ онъ, склонясь къ ея плечу, — не плачь, мой ангелъ! Слезы тяжелы, говорятъ, и мертвецамъ.... каково же мнѣ, живому?.... И всѣ черты его дышали такимъ глубокимъ горемъ, что Ида затрепетала, взглянувъ на него.

— Нѣтъ, вѣдь это такъ, — сказала она кротко и нѣжно, — женщины плачутъ легко.... чѣмъ тутъ огорчаться? — Она съ улыбкою посмотрѣла ему въ лице.... Полно объ этомъ! Скажите, лучше, какъ вы поживаете? какъ вы здѣсь устроились?

— Устроился.... женился.... — проговорилъ онъ едва слышно.

— Что вы?.... И разгорѣвшееся отъ слезъ и волненія лице ея вдругъ стало блѣдно, какъ ея батистовый воротникъ. — Ну что жъ! — сказала она, помолчавъ и склоняя голову, — дай Богъ вамъ счастья! Счастливы ли вы?

— Нѣтъ....

— Ну, такъ *она* счастлива?

— Нѣтъ....

— Боже мой, какъ это грустно!

Digitized by Google

Прошло около часа, въ отрывистомъ, грустномъ разговорѣ.... Вошелъ слуга.

— Ида Николаевна, — сказалъ онъ, — тетенька скоро пріѣдутъ.

— Пусть ее пріѣдетъ, — отвѣчала она, — мнѣ все равно....

— Ахъ, нѣтъ! — сказалъ Иванъ Петровичь, взявшись за шляпу,—какъ можно! она разсердится.... да и мнѣ пора.

— Если такъ, — прощайте!

— Неужели это въ послѣдній?

— Не знаю; Графиня Б. предлагаетъ мнѣ ѣхать за границу; вчера еще я медлила принять это предложеніе....

— А теперь?

— Теперь приму его съ благодарностью.

Онъ стоялъ передъ ней, съ полными слезъ глазами. Ида взяла его за руку и проводила до дверей....

Онъ выѣхалъ.... и вся жизнь показалася ему тяжелымъ, безотраднымъ сномъ, отъ котораго онъ не имѣлъ власти освободиться....

Прошло около двухъ лѣтъ. Въ одинъ зимній вечеръ, Иванъ Петровичь лежалъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ; сигарка уже давно погасла, не догорѣвъ до половины, а онъ не замѣчалъ этого, и продолжалъ втягивать изъ нея воздухъ. По всему было видно, что онъ задумался крѣпко; задумался до такой степени, что даже лице его приняло какое-то безжизненное выраженіе, — точно душа оставила его, точно улетѣла за тридевять земель. Пробило 9-ть; этотъ звукъ вывелъ его изъ забытья. Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе, будто желая разомъ прогнать безотвязныя мысли.

— Иванъ! одѣваться!

— Все приготовлено, сударь, — отвѣчалъ голосъ изъ смежной комнаты.

Digitized by Google

Иванъ Петровичь принялся лѣниво за свой туалетъ: надѣлъ черный фракъ, натянулъ желтыя перчатки, устроилъ прическу. — Ужъ эти мнѣ модные вечера! — ворчалъ онъ, — тащись туда, — вѣчно одно и то же.... Гдѣ-то тутъ мой голубой флакопъ съ одеколономъ? — Иванъ! гдѣ голубой флаконъ?

— Еще покойница барыня разбили его, разсердиться какъ-то изволили, схватили — да и объ полъ! Развѣ вы забыли, сударь?

— Я бы желалъ забыть все на свѣтѣ.... Поди-ка почисти мнѣ спину щеткой.

Иванъ явился, вооруженный щеткой, строгимъ взоромъ оглядѣлъ своего барина, примолвя: «Лошадь-то готова давно.»

— Сейчасъ ѣду, — шубу!

Черезъ 10 минутъ, Иванъ Петровичь всходилъ на высокую лѣстницу довольно ярко-освѣщеннаго дома. На него пахнуло амброй; мелькнуло нѣсколько темныхъ и свѣтлыхъ платьевъ, модныхъ фраковъ и желтыхъ перчатокъ. Онъ откашлянулся, поправилъ волосы, и свободно пошелъ по свѣтлымъ комнатамъ, отыскивать хозяйку. — Все тѣ же неизбѣжныя лица, — думалъ онъ, раскланиваясь, по дорогѣ, съ знакомыми, — вонъ Анна Петровна, съ дочерьми; вонъ Лизавета Ивановна; вотъ, Катерина Михайловна — здравствуйте, Катерина Михайловна!

— Здравствуйте, Иванъ Петровичь!

— Вонъ.... кто же это, въ бѣломъ платьѣ, стоитъ сюда спиной? Здѣшнихъ я знаю со всѣхъ сторонъ; это незнакомая турнюра, и очень не дурная.... Въ это время, дама въ бѣломъ платьѣ обернулась въ профиль.... Боже! Ида! — чуть не закричалъ онъ, — и струсилъ, да, струсилъ.... голосъ у него замеръ, губы побѣднѣли. Въ это время хозяйка подошла къ нему.

— А, Иванъ Петровичь! Вы насъ совсѣмъ забыли, отъ чего это?

— Я.... былъ боленъ.

— Больны? и серьезно?

— Ѣздилъ за городъ....

Digitized by Google

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ и отошла, не сказавъ ни слова. Онъ скоро собрался съ духомъ, хоть сердце у него все еще билось, какъ у юноши. Наконецъ, Ида замѣтила его. Спокойно и тихо было лице ея. Когда гости занялись разсматриваніемъ какой-то знаменитой картины, купленной хозяиномъ съ аукціона, она, безъ малѣйшаго смущенія, подошла къ нему:

— Здравствуйте, Иванъ Петровичь! Вотъ, мы и опять увидѣлись.

— Давно ли вы возвратились изъ-за границы, Ида Николаевна? — сказалъ онъ наконецъ спокойнымъ голосомъ.

— Мѣсяца два....

— Набрались тамъ новыхъ думъ и чувствъ?

— Да, я много передумала это время; много видѣла новаго и прекраснаго. Это путешествіе освѣжило меня.

— Я радъ за васъ.

— Вы еще не перестали принимать участія въ моихъ радостяхъ и печаляхъ?

— А вы готовы усомниться въ этомъ — Богъ съ вами!

— Мой добрый другъ! — Она незамѣтно пожала ему руку.

Онъ вздрогнулъ.

— Какъ ваши дѣла? — продолжала она. — Не здѣсь ли ваша жена — познакомьте меня съ ней.

— Она умерла. (Минутное молчаніе.)

— О чемъ вы задумались? — спросилъ онъ ее.

— Какъ странно.... Вообразите, — и голосъ ея задрожалъ въ свою очередь, — я до сихъ поръ не сказала вамъ, что я замужемъ....

— Идочка! — сказалъ въ это время высокій, черноволосый мужчина, отдѣляясь отъ толпы, — посмотри, какъ хорошъ этотъ отблескъ лучей заходящаго солнца, какъ живо это море — онъ указалъ на картину — не правда ли, chère amie, это напоминаетъ благословенный югъ?

Ю. Жадовская.

Ярославль. 1847.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ.

РУССКІЕ НА ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

Путь отъ Иркутска до острова Ситхи.

Проѣхавъ все пространство Европейской Россіи, простирающееся отъ Москвы до Екатеринбурга, и всю Западную Сибирь — страны, представляющія много любопытнаго, но уже довольно хорошо извѣстныя нашимъ Русскимъ путешественникамъ и промышленникамъ, я приближался къ Иркутску, первому торговому въ Сибири городу.

Въ 8 верстахъ отъ Иркутска стоитъ монастырь св. Иннокентія чудотворца, гдѣ всѣ проѣзжающіе непремѣнно останавливаются на поклоненіе мощамъ этого угодника, почивающимъ въ великолѣпной ракѣ. — Сибиряки твердо увѣрены, что если при проѣздѣ мимо монастыря не отслужить молебна преподобному чудотворцу, то на пути непремѣнно случится какое-нибудь несчастіе. По повѣрьямъ тамошнихъ жителей, угодникъ Божій милостію своею предохраняетъ городъ отъ всѣхъ недуговъ, заразительныхъ болѣзней и сильныхъ пожаровъ, — и дѣйствительно, до сихъ поръ еще не слышно было, чтобъ случались въ той сторонѣ когда-либо такія событія, которыя на землѣ почитаются казнями небесными.

Иркутскъ построенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему климату, покрываютъ ее исковерканнымъ льдомъ не ранѣе Января мѣсяца; а бываютъ годы, что во всю зиму переправляются черезъ Ангару на плашкаутахъ. Берега ея утесисты; по ней встрѣчается много крутыхъ поворотовъ и пороговъ, однако при искусномъ и привычномъ управленіи

Digitized by Google

суда проходятъ благополучно. Прорываясь сквозь озеро Байкалъ и впадая въ рѣку Енисей, Ангара облегчаетъ сообщеніе съ Кяхтою и служитъ источникомъ обогащенія Иркутскому купечеству. По ней отправляются суда, нагруженныя шерстяными, пушными и металлическими товарами въ Кяхту, или обратно изъ Кяхты, съ чаями, съѣстными припасами, особливо скотскимъ мясомъ, которое въ большомъ изобиліи находится за Байкаломъ, гдѣ скотоводство въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; равнымъ образомъ, не маловажную статью торговли составляетъ привозимая, тоже черезъ Ангару, рыба, добываемая въ озерѣ Байкалѣ, въ особенности омули.

Иркутскъ есть складочный средоточный городъ всей Сибири; отсюда развозятся въ большомъ количествѣ какъ туземныя, такъ и Европейскія произведенія во всѣ окружныя мѣста. При наступленіи весны, все оживляется необыкновенною дѣятельностью: товары отправляются въ Якутскъ, Охотскъ, Камчатку и въ Россійско-Американскія колоніи. Главные товары суть: табакъ черкасскій, мука, крупа разнаго сорта, вино, порохъ и различные товары, выдѣлываемые на фабрикахъ и заводахъ — предметы, необходимые для Восточной Сибири, ибо въ отдаленныхъ восточныхъ городахъ того края нѣтъ никакихъ произведеній растительныхъ, тѣмъ болѣе мануфактурныхъ.

Всѣ товары укладываются въ сумы, ящики и фляги, такъ чтобъ въ каждомъ мѣстѣ было не болѣе 2½ пудовъ вѣсу, для удобнаго навьючиванья лошадей во время переправки чрезъ Охотскую дорогу; потомъ защиваютъ эти мѣста въ *лавтаки* или сыромятныя кожи, для предохраненія отъ подмочекъ при переходѣ каравана въ бродъ.

Иркутскъ производитъ также значительную торговлю съ Бурятами или Братскими, которые живутъ большими улусами въ окружности этого города и занимаются хлѣбопашествомъ, звѣриною ловлею и частію скотоводствомъ. Изъ нихъ есть значительные богачи, и многіе жалованы отъ Россійскаго Императора кафтанами, саблями и медалями.

Digitized by Google

Народъ этотъ сильно привязанъ къ черкасскому табаку и къ вину. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣскольку женъ, кои живутъ отдѣльно, каждая въ своей юртѣ. Мужъ навѣщаетъ ихъ по очереди, живетъ у каждой по нѣскольку недѣль, потомъ переходитъ къ другой, и такъ проводитъ все свободное отъ занятій время; зимою же отправляется на звѣриную ловлю въ пространныя Сибирскія степи или лѣса. По окончаніи лова они съѣзжаются въ Иркутскъ для продажи или вымѣна своихъ промысловъ.

При проѣздѣ въ какое-нибудь мѣсто, останавливаясь на постояломъ дворѣ, или находясь въ лавкѣ, Бурятъ непремѣнно старается что-нибудь украсть. Если, во время кражи, его поймаетъ кто-нибудь изъ Русскихъ, то можетъ бить сколько душѣ угодно. Бурятъ терпѣливо выдержитъ всю боевую операцію, — но если напомнятъ ему про полицію и погрозятъ отправить туда, онъ начнетъ кланяться, просить, умолять, чтобъ его продолжали бить, лишь бы только не отправляли въ такое страшное мѣсто. — За то и Буряты не остаются у Русскихъ въ долгу: попади къ нимъ Русскій въ улусъ въ позднее время, — они ограбятъ его совершенно до послѣдней нитки, безъ всякой жалости.

Въ половинѣ Мая вся дорога изъ Иркутска покрывается обозами съ товарами, вплоть до селенія Качуги, расположеннаго на самомъ берегу рѣки Лены. Тутъ стоитъ множество разной формы судовъ, лодокъ, плозковъ, которые съ виду похожи на барки, но только гораздо мѣньшаго объема. Всѣ эти суда нагружаются пришедшими изъ Иркутска товарами, и чрезъ пространство 2500 верстъ, внизъ по Ленѣ, плывутъ къ Якутску цѣлый мѣсяцъ, а въ обратный путь, слишкомъ 2 мѣсяца тянутся лошадьми и народомъ, съ величайшимъ трудомъ.

Лена — одна изъ величайшихъ рѣкъ въ Россіи. Во время плаванія по ней, тѣло какъ будто погружается въ сонъ и чувствуетъ какую-то особенную склонность къ бездѣйствію. Берега этой рѣки болѣе низменны и ровны; теченіе тихое, спокойное; по пути не встрѣчается ни кру-

Digitized by Google

тыхъ поворотовъ, ни пороговъ. Время отъ времени представляются взорамъ гигантскіе утесы; въ грозномъ безмолвіи смотрятся они въ зеркало спокойныхъ водъ.... вокругъ все дико, пустынно, самобытно.... ни звука, ни слѣда человѣческаго.

Лена вскрывается въ Маѣ и несетъ огромные льды свои въ Ледовитое море; при разлитіи она возвышается почти до 3-хъ саженей, затопляетъ низменныя мѣста и образуетъ родъ озеръ.

Жители разселены небольшими селеніями по обѣимъ сторонамъ Лены, отстоящими одно отъ другаго на довольно большое разстояніе, и вообще очень нуждаются въ продовольствіи. Въ иные годы имъ недостаетъ даже хлѣба и другихъ произрастеній: причиною тому климатъ и почва, неблагодарная къ трудамъ земледѣльца. — По большой части они пользуются привозимыми на торговыхъ судахъ какъ хлѣбомъ, такъ и другими товарами, которые вымѣниваютъ на пушные промыслы, слюду, кедровые орѣхи и холстъ, довольно грубый и годный болѣе для упаковки.

Скотоводство по берегамъ Лены очень въ плохомъ состояніи; за то большое изобиліе въ рыбѣ: тамъ стерлядь живая, въ $\frac{3}{4}$ арш., стоитъ 25 коп. асс. или одну пачушку черкасскаго табаку.

Самая главная промышленность береговыхъ жителей Лены состоитъ въ звѣриной ловлѣ, особливо бѣлокъ, за которыми они уходятъ далеко отъ своихъ селеній въ лѣсъ, живутъ тамъ, начиная отъ Покрова до самой весны, и изрѣдка навѣщаютъ свои семейства, гдѣ, запасшись провизіей, снова уходятъ въ лѣсные шалаши. Большимъ пособіемъ при ловлѣ бѣлокъ служатъ имъ собаки, которыя очень хорошо пріучены къ этой охотѣ, по духу слышатъ, гдѣ находится бѣлка, и если завидятъ ее на деревѣ, то, не упуская изъ виду, лаютъ до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ хозяинъ и не убьетъ винтовкою маленькаго звѣрка. При счастливой ловлѣ охотникъ добываетъ въ недѣлю болѣе 100 бѣлокъ.

Digitized by Google

Вообще есть замѣчаніе у тамошнихъ жителей, что если большой урожай кедровыхъ орѣховъ, то въ этотъ годъ будетъ много бѣлокъ. Лучшія по Ленѣ бѣлки, отличающіяся какъ чернымъ цвѣтомъ, такъ пухомъ и величиною, добываются въ Олекмѣ и продаются тамъ отъ 25 до 40 коп. асс. за шкуру.

Добываніе слюды считается у жителей Лены важнымъ промысломъ, но рѣдкіе занимаются отысканіемъ ея: они твердо увѣрены, что этотъ кладъ не всякому дается, а только попадается на счастливаго. Если кто изъ туземцевъ рѣшается на этотъ промыселъ, то надѣваетъ на себя чистое бѣлье, и, не говоря никому о своемъ намѣреніи, отправляется въ путь. — Когда по особымъ признакамъ удастся ему найдти слюду, онъ старается одинъ, безъ помощи другихъ, воспользоваться этимъ кладомъ; но часто одному представляется большой трудъ въ разбиваніи скалы, заключающей въ себѣ слюду; въ такомъ смучаѣ, промышленникъ собираетъ партію товарищей и дѣлитъ добычу съ своими сотрудниками.

По обѣимъ сторонамъ Лены ростутъ въ изобиліи кедровые орѣхи. — Тамошніе жители въ концѣ лѣта собираютъ кедровыя шишки, сушатъ ихъ, кладутъ въ мѣшокъ и колотятъ до тѣхъ поръ, пока орѣхи не вывалятся изъ гнѣздъ, потомъ провѣваютъ ихъ, чтобъ отдѣлить отъ шелухи. Въ урожайные годы, кедровые орѣхи продаются не дороже двухъ руб. за пудъ; большое количество ихъ закупаютъ въ Иркутскъ, гдѣ выжимаютъ изъ нихъ масло.

Во время плаванія по рѣкѣ Ленѣ, безпрестанно представляются взорамъ дикіе живописные виды, которымъ эта величественная рѣка еще болѣе придаетъ красоты. Но вотъ, вдали уже виденъ низменный берегъ, заставленный судами, пришедшими изъ Иркутска съ разными товарами. Это городъ Якутскъ. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу Лены, имѣетъ 9 церквей, гостинный дворъ, довольно хорошо выстроенный, и свѣчной заводъ — вотъ все, что можно ска-

Digitized by Google

зать про этотъ городъ; такъ въ немъ скучно, однообразно. За то въ Іюнѣ мѣсяцѣ, при открытіи ярмарки, этотъ тихій, отдаленный городъ оживляется, дѣлается многолюднымъ, шумнымъ, дѣятельнымъ. Въ Якутскъ собираются торговцы изъ окружныхъ и дальнихъ мѣстъ; тутъ бываетъ также складка мамонтовой кости.

Въ Якутскъ собираются Якуты и Тунгусы и ведутъ съ Русскими значительную торговлю. Оба эти народа исповѣдуютъ христіанскую вѣру и ужасно робки, особливо Тунгусы. — Когда послѣднимъ, при переправѣ на оленяхъ изъ одной долины въ другую для жительства, попадается на встрѣчу кто-нибудъ изъ Русскихъ проѣзжихъ, они останавливаются всѣмъ своимъ рогатымъ караваномъ, снимаютъ свои клинообразныя шапки и почтительно кланяются проѣзжему.

Какъ странно бываетъ тогда смотрѣть на эту полудикую, смиренную толпу, тихо пробирающуюся по дикопустыннымъ мѣстамъ!

Въ лѣтнее время Тунгусы ведутъ кочевую жизнь, переѣзжая съ одного мѣста на другое. Это дѣлаютъ они собственно для прокормленія оленей и для собиранія ягодъ, въ запасъ на зимнее время. Переселеніе съ одного мѣста на другое не представляетъ для нихъ большаго труда. Походныя юрты ихъ дѣлаются изъ бересты и походятъ на вертикально стоящій растянутый колпакъ. Во время переходовъ Тунгусы свертываютъ ихъ въ трубку, навьючиваютъ на оленей, сами съ женами и дѣтьми садятся тоже на оленей и тянутся длиннымъ караваномъ на новое жилище, которое также оставляютъ какъ и прежнее.

Тунгусы и Якуты очень хорошо приготовляютъ бересту: они варятъ ее, сшиваютъ лошадиными волосами и выдѣлываютъ разную посуду. Мнѣ неоднократно случалось плавать въ Тунгусскихъ *веткахъ*, въ которыхъ они ловятъ рыбу. Это плоскоовальныя, остроконечныя съ обѣихъ сторонъ, берестяныя лодки, крѣпко переплетенныя внутри дранками; онѣ очень скоры и легки на ходу и подымаютъ 4 человѣка, если имѣютъ въ длину 5 арш., а въ ширину 1 ар.

Digitized by Google

При первомъ снѣгѣ Тунгусы удаляются на зимнее жилье, гдѣ у нихъ довольно хорошо устроены бревенчатыя юрты, обсыпанныя землей и довольно теплыя. Въ это время олени ихъ питаются подснѣжныхъ кормомъ и древеснымъ мхомъ; Тунгусы же употребляютъ въ пищу оленье молоко, мясо, сушеную рыбу и ягоды. Они не занимаются хлѣбопашествомъ и не имѣютъ нужды въ этомъ промыслѣ. Все богатство ихъ состоитъ въ оленяхъ, которыхъ у зажиточнаго хозяина насчитывается иногда головъ до 200.

Главная промышленность Тунгусовъ заключается въ ловлѣ соболей, лисицъ, куницъ, медвѣдей, зайцевъ и бурундуковъ; они привозятъ шкуры въ Якутскъ и частію въ Охотскѣ, и продаютъ тамъ очень дешево. Хорошій, выходный, довольно темный соболь, за который у насъ можно взять 100 руб., продается по 25 руб. Вообще всѣ пушные промыслы покупаются или вымѣниваются у Тунгусовъ очень выгодно.

Тунгусъ робокъ съ человѣкомъ, но посмотрите, какъ онъ смѣлъ и отваженъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ. Вооруженный одною винтовкою или ножемъ, и не приглашая въ товарищи никого, чтобъ не дѣлить добычи, Тунгусъ одинъ идетъ на неровный бой и одолѣваетъ великана. Рѣдкій изъ нихъ дѣлается жертвою свирѣпости лютаго звѣря. Тунгусъ управляется съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ; онъ встрѣчаетъ его, какъ незваннаго гостя въ этомъ дремучемъ пространствѣ, которое тянется отъ Якутска до Охотска, и въ которомъ, какъ хозяинъ на своемъ дворѣ, онъ никогда не заблудится, какъ бы далеко ни зашелъ.

Якуты очень сходны съ Тунгусами какъ по лицу, такъ и по одѣянію, но въ отношеніи образа жизни весьма различествуютъ другъ отъ друга. Якуты живутъ разсѣянными малыми селеніями въ окружности Якутска, постоянно на одномъ мѣстѣ, занимаются скотоводствомъ, имѣютъ большіе табуны лошадей, возятъ вьюками товаръ изъ Якутска въ Охотскъ, и приготовляютъ коровье масло, которое въ большомъ количествѣ продаютъ въ Якутскѣ; тамъ его топятъ,

Digitized by Google

наливаютъ въ берестяные *тунтаи* (формою совершенно сходные съ ранцемъ), не болѣе 2½ пуд. въ каждый, для удобности перевозки вьючнымъ транспортомъ, и отправляютъ въ Охотскъ и другія мѣста. — Въ нынѣшнее время Якуты стали пріучаться къ хлѣбопашеству; но жаль, что тамошній климатъ не позволяетъ совершенно созрѣвать хлѣбу. Якуты собираютъ его еще не доспѣвшій, сушатъ, толкутъ и добываютъ муку въ самомъ маломъ количествѣ.

Любимая пища Якутовъ — масло, конское мясо и кумысъ, который дѣлаютъ изъ коровьяго или кобыльяго молока. Между Якутами особенный почетъ отдается тому, кто больше съѣстъ или выпьетъ. Во время ихъ пирушекъ выискиваются такіе, что съѣдаютъ по 30 фун. коровьяго масла, или выпиваютъ по ведру кумысу, и притомъ съ такимъ проворствомъ, которое всякому, небывшему очевиднымъ свидѣтелемъ столь необыкновенной вмѣстимости и дѣятельности желудка, покажется невѣроятнымъ. Якуты съ самаго малолѣтняго возраста пріучаются курить табакъ, и въ высшей степени охотники играть въ карты и въ кости Нерѣдко случается, что Якутъ проигрываетъ табуны лошадей, скота, и преспокойно идетъ къ кому-нибудь въ работники, разживается, и потомъ снова все проигрываетъ. Якуты не жалуются на эту страсть: она сдѣлалась для нихъ такою же потребностью, какъ воздухъ или пища.

Весною Якуты собираются въ Якутскъ на подряды для доставленія туда товаровъ; здѣсь заключаютъ съ ними контракты или условія, потому что на чести съ Якутомъ не возможно имѣть никакого дѣла: онъ непремѣнно обманетъ или обокрадетъ, въ особенности во время перевозки товаровъ черезъ Охотскую трудную и неудобную дорогу, гдѣ иногда дѣйствительно случается, что пропадаютъ мѣста съ товарами и вмѣстѣ съ конемъ.

Въ началѣ Мая начинается отправленіе товаровъ изъ Якутска въ Охотскъ; масло и свѣчи, какъ собственныя произведенія Якутска, составляютъ первый транспортъ; потомъ слѣдуютъ привозимые на судахъ по Ленѣ: черкасскій та-

Digitized by Google

бакъ, винный спиртъ, порохъ, мука, крупа и разные шелковые, бумажные, льняные, шерстяные и металлическіе товары; иные изъ нихъ укупориваютъ, другіе упаковываютъ, потомъ укладываютъ въ лодки и перевозятъ на противоположный берегъ Якутску; отсюда уже верхомъ, караванами, съ запасной провизіей, отправляются въ мѣсячный путь до самаго Охотска.

Какую оживленную картину представляетъ тогда этотъ берегъ, какъ будто внезапно пробудившійся отъ глубокаго сна, въ который былъ погруженъ въ продолженіе цѣлыхъ одиннадцати мѣсяцевъ. Бѣлѣющіяся палатки, разложенные вокругъ нихъ огни, смѣшенный гулъ голосовъ, топотъ и ржаніе коней, оживляютъ на время эти пустынныя мѣста. Съ разсвѣтомъ дня все приходитъ въ движеніе; минутные гости, посѣтивъ на краткое время печальный Якутскъ, уже спѣшатъ или въ Охотскъ, или въ Камчатку, или далѣе — въ Россійско-Американскія колоніи, снимаютъ палатки, вьючатъ лошадей, и чтобъ онѣ не разбѣгались, связываютъ ихъ гусемъ, по 12-ти въ рядъ; на переднюю садится Якутъ. Но ни что не удерживаетъ полудикихъ животныхъ: забывъ прошлогоднюю ношу и чувствуя на себѣ тяжесть, онѣ хотятъ освободиться отъ нея, отрываются одна отъ другой, сбрасываютъ вьюки и разбѣгаются въ разныя стороны. Вотъ тутъ-то Якутъ выказываетъ всю свою ловкость: стремглавъ несется онъ по долинамъ, по кустарникамъ, перепрыгиваетъ черезъ овраги, ловитъ бѣшеныхъ животныхъ, отыскиваетъ разбросанные вьюки, и снова приведя все въ порядокъ, спокойно продолжаетъ путь. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока лошади не умучатся въ дорогѣ.

А что сказать о пассажирахъ? Это страдальцы въ полномъ смыслѣ слова. Особенно нельзя безъ жалости смотрѣть на тѣхъ, которымъ еще въ первый разъ приходится ѣхать верхомъ. Тутъ начинаютъ они сильно раскаяваться въ своей рѣшимости. Пѣшкомъ идти препятствуютъ болота и рѣки, а объ ѣздѣ на телѣгѣ и думать нечего.

До Алдана дорога еще хороша; тутъ мало болотъ и рѣкъ; по большой части встрѣчаются обширные луга, за-

Digitized by Google

ставленные стогами сѣна, которое Якуты запасаютъ на зимнее время своимъ лошадямъ, да кой-гдѣ Якутскія юрты съ женами и дѣтьми, потому что сами Якуты въ лѣтнее время бываютъ въ разбродѣ по разнымъ занятіямъ, и оставляютъ въ юртахъ однѣхъ только женъ и дѣтей. Послѣднія, завидѣвъ еще издали приближающійся къ нимъ большой караванъ съ людьми, покидаютъ юрты, бѣгутъ въ лѣсъ, и издали посматриваютъ, что будутъ дѣлать проѣзжающіе. Звать убѣгающую Якутку было бы совершенно напрасно; этимъ только болѣе можно навести на нее страха. Случается, что нѣкоторые изъ опытныхъ пассажировъ, бывавшихъ уже и прежде въ этихъ мѣстахъ, преспокойно входятъ въ оставленныя жилища, располагаются тамъ какъ имъ угодно, слазятъ въ подземный погребъ, гдѣ хранятся ягоды, молоко, кумысъ, и доставъ тамъ себѣ чего нужно, безъ опасенія продолжаютъ путь.

Эта робость у жителей юртъ произошла болѣе отъ того, что съ соловареннаго Охотскаго завода въ прежнее время много разъ бѣгивали преступники, которые останавливали иногда караваны и дѣлали значительные грабежи и неистовства въ юртахъ; поэтому-то жители этихъ мѣстъ, при видѣ проѣзжихъ, и до сихъ поръ думаютъ, не бѣглые ли это? Впрочемъ, теперь побѣги эти прекращены, и караваны, идущіе по Охотской дорогѣ, не встрѣчаютъ болѣе никакой опасности.

При наступленіи вечера караванъ останавливается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода и хорошее кормовище для лошадей; пассажиры раскидываютъ палатки, разводятъ кругомъ огни и стараются какъ можно болѣе дымить, для уничтоженія комаровъ, которыхъ такое множество по всей дорогѣ, что безъ сѣтки на головѣ невозможно пробыть на одномъ мѣстѣ. — Въ этомъ отношеніи нельзя не позавидовать Якутамъ: они не носятъ сѣтокъ, не устроиваютъ палатокъ, спятъ почти полунагіе, подъ открытымъ небомъ, и комары не дотрогиваются до нихъ, какъ будто знаютъ, что земляки ихъ сильно пропитаны дымомъ.

Digitized by Google

Какъ радостно во время долгаго пустыннаго переѣзда встрѣтить какое-нибудь жилое селеніе. Первое, попадающееся по пути къ Охотску, есть небольшое селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Алдана, при устьѣ рѣки Маи; въ немъ живутъ сосланные изъ разныхъ городовъ скопцы. При этомъ селеніи пассажиры переправляются на правый берегъ Алдана.

Тутъ дорога совершенно измѣняетъ видъ свой: то ѣдешь извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лѣсъ, поросшій кустарникомъ, или черезъ болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по брюхо; то взбираешься на длинный косогоръ или на крутую каменистую гору, и пролагаешь путь по снѣжной вершинѣ; то спускаешься прямо въ рѣку; то подымаешься на распавшуюся скалу, гдѣ съ осторожностью пробирается по острому камешнику безподковный конь; то вдругъ встрѣчаешь лѣсъ, обгорѣлый отъ жару, который въ Іюлѣ мѣсяцѣ доходитъ здѣсь иногда до чрезвычайности и очень много способствуетъ переправкѣ каравана. Не дай Богъ быть застигнуту на дорогѣ продолжительными дождями. Въ это время болота дѣлаются непроходимыми, рѣки разливаются; черезъ нихъ уже не возможно переходить въ бродъ, а перевозовъ нѣтъ. Караванъ поневолѣ долженъ ждать, пока перестанутъ дожди и опадутъ рѣки, встрѣчающіяся на пути очень часто, особливо Бѣлая рѣка, которая течетъ извилистыми протоками и которую приходится переѣзжать болѣе нежели въ 30-ти разныхъ мѣстахъ.

Правительствомъ было обращено вниманіе на устройство Охотской дороги, но въ этомъ отношеніи не возможно ожидать успѣха, именно по причинѣ высокаго разлитія водъ въ дурное время года; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены черезъ болоты бревенчатые мосты, но и тѣ всѣ переломаны водою. Теперь можно посудить, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ переправка товаровъ въ Охотскъ. Въ это время караванъ теряетъ совершенно свой прежній оживленный видъ. Пассажиры, разбитые, усталые, ждутъ не дождутся

Digitized by Google

вожделѣннаго прибытія въ Охотскъ; кони ихъ, за мѣсяцъ до того бодрые, неукротимые, превращаются теперь какъ бы въ движущіяся тѣни, и едва въ состояніи держать 5-ти-пудовую тяжесть. Хорошо, если въ транспортѣ бываетъ много заводныхъ лошадей, могущихъ служить въ замѣну усталымъ; сильно изнуренную лошадь оставляютъ тогда для поправки въ какой-нибудь луговинѣ, на произволъ судьбы; въ обратномъ пути Якутъ непремѣнно найдетъ ее, какъ будто по духу чуя, гдѣ гуляетъ его конь.

По переправѣ черезъ Становой хребетъ, встрѣчается, неподалеку отъ рѣки Охоты, другое небольшое селеніе, въ которомъ живетъ станціонный смотритель и есть перевозъ на лѣвую сторону рѣки Охоты. Отсюда до Охотска остается 200 верстъ и дорога становится гораздо лучше, въ сравненіи съ Алданской.

Еще на разстояніи 10-ти верстъ отъ Охотска слышенъ по лѣсу глухой ревъ волны, ударяющейся объ высокія морскія скалы и разсыпающейся дробью по отлогой лайдѣ Охотскаго порта. Въ лѣсу чувствуется уже дыханіе свѣжаго морскаго воздуха и вдали чуть виднѣются мачты стоящихъ на рѣкѣ Охотѣ казенныхъ судовъ. — Если транспортъ успѣетъ придти къ берегу въ то время, когда вода идетъ съ моря на приливъ, то онъ сейчасъ же переправляется черезъ рѣку въ портъ; когда же вода идетъ на убыль, то довольно опасно пускаться по широкому разливу рѣки, потому что послѣдняя, впадая въ море, можетъ, при быстрой убыли воды, — легко унести въ него и переправляющихся ней.

Въ прежніе годы Охотскій портъ былъ устроенъ на лѣвомъ берегу рѣки Охоты, въ 30 верстахъ отъ устья; но такъ какъ берега этой рѣки бо́льшею частію низменны и ровны, то при сильномъ разлитіи воды она затопляла строенія жителей. Въ отстраненіе этого неудобства, портъ перенесли на отлогій мысъ, находящійся между моремъ и дугообразнымъ устьемъ рѣки Охоты. Но и это мѣсто также оказывается невыгоднымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Digitized by Google

1) Прямо съ открытаго моря дуютъ жестокіе вѣтры и въ зимнее время заносятъ весь портъ снѣжною вьюгой;

2) Жители крайне нуждаются въ водѣ, ибо отъ всегдашнихъ приливовъ съ моря соленой воды въ рѣку, вода въ послѣдней дѣлается негодною къ употребленію, и они принуждены ѣздить за нею вверхъ по Охотѣ, къ старому порту что составляетъ 30 верстъ разстоянія. Хотя въ городѣ и есть колодезь, устроенный казною на избранномъ мѣстѣ, но въ зимнее время онъ замерзаетъ отъ сильныхъ морозовъ.

Охотскій портъ служитъ защитою съ восточной стороны Сибири. Въ немъ находится приморское управленіе, 2 батареи съ огромными пушками, привезенными на кругосвѣтныхъ казенныхъ судахъ, 1 церковь, 13 лавокъ, и не болѣе 100 жилыхъ деревянныхъ домовъ. Прежде здѣсь былъ устроенъ казенный соловаренный заводъ, но такъ какъ отъ близости рѣки Охоты соленая морская вода разжижалась на довольно большое пространство, чрезъ что въ заводѣ добывалось очень мало соли, то его и перенесли въ Ину, верстахъ въ 60 отъ Охотска.

Охотскій флотъ состоитъ изъ 4-хъ бриговъ и 2-хъ ботовъ, которые стоятъ въ рѣкѣ, а на зимнее время, по случаю замерзанія послѣдней, вытаскиваются на берегъ.

Большое затрудненіе встрѣчается при проводѣ судовъ съ моря въ рѣку, или изъ рѣки въ море, потому что между моремъ и устьемъ Охоты протянулся дресвяный рифъ поперегъ всего пролива, и безпрестанно измѣняетъ свою глубину отъ наносимой неровною волною дресвы. Кромѣ самыхъ сильныхъ приливовъ, вода рѣдко поднимается до 12 футовъ на самомъ рифу, чрезъ который проходятъ суда, но и то съ помощію искуснаго и опытнаго лоцмана; случается же иногда, что нѣкоторые самонадѣянные судовые командиры, не узнавъ настоящей глубины на форватерѣ, и безъ помощи лоцмана, рѣшаются пройти рифъ и задѣваютъ за него судномъ, такъ, что безъ выгрузки не возможно бываетъ стянуться съ рифа; между тѣмъ огромная волна ко-

Digitized by Google

лотитъ судно о грунтъ съ такою силою, что отъ удара падаетъ рангоутъ, въ суднѣ дѣлается значительная течь, и когда вытащатъ его, то оно требуетъ большихъ починокъ, или, въ противномъ случаѣ, становится неспособнымъ къ плаванію. Въ это самое время выбрасываютъ въ катера находящійся въ суднѣ грузъ, что̀ сопряжено съ величайшею опасностью и не рѣдко съ погибелью въ мутныхъ волнахъ Охотскаго моря.

Россійско-Американская Компанія имѣла въ Охотскѣ, на самомъ мысу, факторію для складки своихъ товаровъ; но всѣ эти неудобства, какъ въ отправленіи пушныхъ промысловъ черезъ Охотскую дорогу, такъ и въ худомъ проходѣ большихъ ея судовъ чрезъ форватеръ, заставили ее перенести факторію въ Аянъ.

Жители Охотска не занимаются ни скотоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ; они пользуются привознымъ хлѣбомъ, а скотъ пригоняется къ нимъ изъ Якутска. Главная промышленность ихъ состоитъ въ рыбной и звѣриной ловлѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ открывается здѣсь ярмарка. Отсюда товары отправляются во всѣ окружныя мѣста и острова Охотскаго моря, гдѣ ихъ продаютъ или вымѣниваютъ на пушные промыслы, оленью кожу и моржевой зубъ. Теперь Охотскимъ купцамъ не выгодно посылать товары въ Камчатку, потому что торговыя Сѣверо-Американскія суда стали посѣщать этотъ край, и сверхъ того Россійско-Американская Компанія открыла въ Петропавловскѣ свой магазинъ.

Всѣ товары Охотскіе торговцы развозятъ, за хорошую плату, на казенныхъ судахъ, находящихся при Охотскомъ портѣ; собственныхъ же судовъ не имѣютъ, изъ опасенія, что ихъ разобьетъ въ морѣ. Но сколько выгодъ могло бы пріобрѣсти Охотское купечество, еслибъ составило между собою компанію и завело свои суда, которыя могли бы ходить чрезъ Восточный и Атлантическій океаны въ Европу, нагружаться Европейскими товарами, или, смотря по выгодности, брать нѣкоторые товары съ острововъ означенныхъ океановъ и привозить ихъ въ предѣлы Охотскаго

Digitized by Google

моря; тогда открылись бы для нихъ несравненно изобильнѣйшіе источники богатства, нежели при теперешней торговлѣ, ограничивающейся только окружностями Охотскаго моря. Въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ препятствій; кромѣ того, и Правительство оказало бы съ своей стороны пособіе въ такомъ предпріятіи, которое неминуемо послужило бы къ распространенію Русской промышленности въ отдаленныхъ моряхъ.

Я означу здѣсь небольшую выписку цѣнъ товарамъ въ Охотскѣ, именно:

Мука ржаная	отъ 8 до 10	руб.	пудъ.
Крупа гречневая	— 12 — 14	—	
Сукно семирублевое	18	—	арш.
Простой шерстяной 2 р. платокъ	8	—	
Пудъ мѣди въ чайникахъ или кубикахъ	— 120 — 130	—	
Пудъ желѣзныхъ гвоздей	— 40 — 50	—	
—— черкасскаго табаку	— 50 — 55	—	
—— коровьяго масла....	— 25 — 30	—	

Соображаясь съ этими цѣнами, существующими въ Охотскѣ, можно судить, какъ должны онѣ возвыситься въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Охотску, гдѣ жители занимаются единственно звѣриною и рыбною ловлею, и совершенно не имѣютъ никакихъ мануфактурныхъ заведеній.

Отъѣздъ изъ Охотска.

Наконецъ, простившись съ берегами твердой земли, надлежало пуститься въ открытое море. Мнѣ предстояло плаваніе на Россійско-Американскомъ суднѣ къ острову Ситхѣ, съ заходомъ въ Петропавловскій портъ. Признаюсь, я не безъ страха вступилъ на бригъ, который видѣлъ внутри еще въ первый разъ. Въ грозномъ величіи разстилалось передо мною Охотское море, — и я съ грустію смотрѣлъ на эту обширную, влажную могилу, отъ которой одна слабая доска

Digitized by Google

будетъ отдѣлять меня. — Насталъ день отплытія; выкатили якорь; отдали паруса, сдѣлали семивыстрѣльный салютъ крѣпости, и мы поплыли по огромнымъ, зыбкимъ хребтамъ пѣнящихся волнъ. День былъ ясный. Дулъ попутный вѣтеръ. Съ каждымъ часомъ мы удалялись отъ земли на 8 миль, и къ вечеру уже чуть были видны высокіе берега Морекана, которые издали казались какъ будто густымъ облакомъ, потомъ совершенно исчезли на горизонтѣ.

Взошла луна; вѣтеръ затихъ и едва едва надувалъ паруса: море было свѣтло, спокойно, тихо; въ серебристыхъ волнахъ игралъ китъ: то съ шумомъ онъ проносился по нимъ, выпуская высокій фонтанъ, то какъ будто съ лѣностію ныряль, выказывалъ свой гигантскій хвостъ, и надолго уходилъ въ глубину морскую. Но эта картина природы магическимъ очарованіемъ своимъ не привлекала моихъ взоровъ; меня мучила тошнота, которая бываетъ почти у всѣхъ, кто въ первый только разъ пускается въ море; особливо усиливается она, когда поминаютъ при томъ про ромъ, масло и сахаръ.

Миновалось три дня по отплытіи нашемъ изъ Охотска — и робость моя исчезла, тошнота прошла, во мнѣ явилось желаніе увидать поскорѣе берега Камчатки.

Во все время плаванія по Охотскому морю, мы не встрѣтили штормовъ или продолжительно-противныхъ вѣтровъ; въ противномъ случаѣ намъ бы пришлось плыть до Камчатки недѣли три, а можетъ быть и болѣе. Вѣтры большею частію были попутные, и погода благопріятствовала успѣшному ходу нашего судна.

На 8 день нашего плаванія мы увидѣли непрерывную цѣпь горъ съ снѣжными вершинами, представляющимися издали въ видѣ бѣлыхъ палатокъ раскинутаго лагеря. То были берега Камчатки.

Обогнувъ мысъ Лопатку, мы стали приближаться къ Петропавловскому порту, гдѣ встрѣтили съ Авачи противный вѣтеръ, который потомъ утихъ, и за нимъ послѣдовалъ штиль. Находясь кругомъ въ берегахъ и не имѣя возможности

Digitized by Google

лавировать, мы принуждены были, въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра, бросить якорь на большомъ рейдѣ, чтобъ теченіемъ ие прибило судна къ берегу. Цѣпь загремѣла и гулъ протяжно прокатился по высокимъ горамъ. Время было довольно темное; кой-гдѣ въ сторонѣ видѣнъ былъ свѣтъ отъ горящихъ сопокъ; вокругъ царствовала глубокая тишина, и это торжественное молчаніе ночи изрѣдка нарушалось или паденіемъ камня, сорвавшагося со скалы и глухо ударявшагося объ воду, или воемъ голоднаго волка, повторявшимся въ ущельяхъ горъ, и потомъ снова все погружалось въ мертвый сонъ.

Штиль продолжался во всю ночь. На отдаленномъ горизонтѣ начинала заниматься заря. Мы извѣстили жителей Петропавловска о своемъ прибытіи, сдѣлавъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, и требовали лоцмана съ катеромъ для буксировки судна. Немного времени спустя, явился лоцманъ съ 2-мя катерами, которые повели судно въ гавань.

Мы прошли песчаный мысъ. Первымъ встрѣтившимся намъ предметомъ была батарея, сдѣланная изъ земли, въ родѣ вала съ окнами, изъ коихъ выглядывали четыре мѣдныя пушки; потомъ взошли въ круглую спокойную гавань, и стали на якорь въ глубинѣ 8 саженей. По правую сторону гавани расположено было 80 домовъ, возвышалась одна церковь, стоялъ ботъ для разныхъ посылокъ, и весь берегъ былъ усѣянъ собаками, кои служатъ жителямъ Камчатки вмѣсто лошадей—вотъ Петропавловская крѣпость.

Лѣтомъ невозможно попасть въ Камчатку сухимъ путемъ, по причинѣ большихъ рѣкъ, а зимою нельзя пристать судномъ, потому что берега Охотскаго моря обмерзаютъ надалекое пространство довольно толстымъ льдомъ, и притомъ, въ зимнее время сообщеніе между Охотскомъ и Камчаткою дѣлается очень затруднительнымъ.

Но нужда научила жителей сихъ странъ переѣзжать такое большое пространство на собакахъ, запряженныхъ въ нарту. Нарта ни что иное, какъ длинныя сани, шириною въ 1 арш., съ широкими. тонкими полозьями; онѣ очень легки.

Digitized by Google

и не тонуть въ глубокомъ снѣгу. 13-ть собакъ везутъ въ нарть 30 пуд. грузу и по хорошей дорогѣ перебѣгаютъ въ сутки 150 верстъ. Не охотно и съ весьма позволяютъ онѣ впрягать себя въ нарту. Ихъ впрягаютъ цугомъ въ 6-ть паръ, тринадцатая, передовая, показываетъ заднимъ собакамъ дорогу, знаетъ команду направо и налѣво, предвѣщаетъ ураганъ, даетъ знать путешественнику, чтобы онъ заранѣе отыскивалъ въ горахъ удобное мѣсто, гдѣ бы могъ укрыться дня на 3 или болѣе, если не хочетъ быть занесенъ снѣгомъ. Хорошая передовая собака чувствуетъ въ который день начнется ураганъ и ни за что не дастся запрягаться въ нарту, какъ будто предупреждая тѣмъ ѣздока, чтобъ онъ не отправлялся въ опасный путь.

При переѣздѣ чрезъ какую-нибудь снѣжную долину не возможно сидѣть прямо лицомъ къ собакамъ, потому что отъ быстраго бѣга онѣ дѣлаютъ ногами вьюгу, и притомъ, отъ нихъ довольно дурно пахнетъ. Если собаки замѣтятъ, что изъ нихъ какая-нибудь худо везетъ, то вся свора останавливается, зачинаетъ съ лѣнивицей драку и перепутывается въ ременной упряжи, изъ которой собакъ надобно выпутывать по крайней мѣрѣ ½ часа; если же замѣчаніе въ лѣности вторично падетъ на ту же собаку, то во время корма, когда даютъ собакамъ запасную сушеную рыбу, онѣ отнимаютъ ее у виновницы.

Жители Петропавловска ѣздятъ по всему Камчатскому полуострову, ведутъ значительную торговлю съ Камчадалами Корякми, и выменниваютъ у нихъ пушные промыслы, которые, по величинѣ шкуръ, по ихъ цвѣту, длинной, ровной, густой и шелковистой шерсти, считаются лучшими по сравненію съ добываемыми во всѣхъ странахъ земнаго шара.

Преимущественно находятся здѣсь соболи, лисицы всѣхъ сортовъ, песцы, куницы, тарабаганы, зайцы, россомахи, медвѣди, волки; попадаются также выдры и бобры. Всѣ эти промыслы выменниваются очень выгодно, такъ что лучшая пара собакъ, за которую въ нашихъ мѣстахъ надо дать 500 р., обходится въ 80 руб. Самые нужные для меня то-

Digitized by Google

вары: суть: черкасскій табакъ, чай, сахаръ, патока, порохъ, свинецъ, сукно, ситецъ, миткаль, холстъ, мѣдная и желѣзная посуда, оружіе и разныя галантерейныя вещи, которыми Коряки переторговываютъ съ Чукчами изъ своего барыша.

Здѣсь былъ нѣкогда для Охотскаго купечества самый лучшій сбытъ товаровъ, такъ что послѣднихъ не доставало на годичные расходы Петропавловскаго порта, и жители крайне нуждались въ разныхъ домашнихъ потребностяхъ. Но Россійско-Американская компанія, открыла въ Петропавловскѣ магазинъ, наняла тамошняго купца въ коммиссіонеры, снабдила его всѣми нужными товарами на 200 т. руб., и наложила на нихъ, разумѣется не безъ собственной же выгоды, самыя умѣренныя цѣны, по сравненію съ тѣми, которыми пользовались Охотскіе торговцы, — чрезъ что отстранила ихъ отъ ввоза товаровъ, не предоставлявшаго уже и имъ самимъ ни какихъ выгодъ.

Главная промышленность жителей Петропавловска состоитъ въ звѣриной ловлѣ и въ переторжкѣ у дальнихъ Камчадаловъ пушныхъ промысловъ, которые продаютъ они пріѣзжимъ купцамъ.

Мѣстность, почва и суровый климатъ не позволяютъ жителямъ заниматься хлѣбопашествомъ. Въ Нижне-Камчатскѣ бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣвы, но весьма въ маломъ количествѣ. Скотоводство въ Петропавловскѣ въ бѣдномъ состояніи: пудъ свѣжаго мяса стоитъ тамъ 25 руб.; за то въ рыбѣ такое изобиліе, что ее можно брать руками близъ береговъ; въ лѣтнее время собаки, по мелкимъ мѣстамъ, всегда ловятъ рыбу сами, — а на зиму имъ ее запасаютъ. Здѣсь также множество разной дичи; домашнихъ же птицъ не разводятъ, потому что ихъ рвутъ собаки. — Въ Петропавловскѣ находится приморское управленіе и мѣстопребываніе главнаго начальства.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября бригъ нашъ выпелъ изъ Петропавловска, и направилъ путь чрезъ Восточный океанъ къ острову Ситхи.

Когда отдѣлились мы на довольно далекое пространство отъ береговъ, вѣтеръ началъ свѣжѣть, и бригъ нашъ

Digitized by Google

несся по волнамъ, подобно легкой чайкѣ. На разстояніи 100 миль вѣтръ часъ отъ часу становился свирѣпѣе; мы убрали верхніе паруса, взяли по рифу у марселей, и къ ночи принуждены были привести судно въ дрейфъ. Горизонтъ стемнѣлъ кругомъ и тучи быстро закрывали свѣтлое небо; гигантскія волны Восточнаго океана безпрестанно увеличивались; морскіе разбойники — предвѣстники бури, съ крикомъ летали вкругъ нашего брига. Закрапалъ дождь, сверкнула молнія и глухой громъ прокатился по густымъ облакамъ. На палубѣ было смирно; по временамъ слышалась команда вахтеннаго штурмана, который беззаботно стоялъ у рулеваго и посматривалъ на компасъ. Съ полуночи сдѣлался совершенный штормъ; съ однимъ среднимъ парусомъ бригъ нашъ утопалъ въ волнахъ, которыя были величиною до 6 саж.; вздымая бѣлые хребты свои, онѣ разсыпались у борта брига; на палубѣ невозможно было стоять, не держась за что-нибудь надежное отъ сильной качки; временемъ воду черпало бортомъ; каждая снасть издавала свой звукъ отъ жестокаго вѣтра; море сердито шумѣло, какъ будто силилось задавить волнами ничтожную точку, которая осмѣлилась вступить въ борьбу съ грозною, всеразрушающею стихіею.

Три дня мы штормовали въ открытомъ океанѣ; на четвертый день съ полудни пошелъ крупный дождь, сильнѣе прежняго; волны по немногу стали опадать и вѣтеръ перемѣнился почти въ штиль. Мучительная качка продолжалась цѣлыя сутки отъ безвѣтрія.

Наконецъ, горизонтъ сталъ мало по малу очищаться, небо прояснилось, подулъ легкій вѣтерокъ. — Тутъ мы увидѣли съ правой стороны большое 3-хъ-мачтовое судно, изъ средины котораго безпрестанно показывался огонь и густой черный дымъ; чрезъ нѣсколько времени оно было почти въ полуверстѣ отъ насъ; на немъ развѣвался Американскій флагъ. Это было перемаранное и закоптѣлое отъ дыму китоловное судно, съ нѣсколькими ялботами.

Мнѣ неоднократно случалось видѣть китовую ловлю во время моего плаванія по Восточному океану, гдѣ киты во-

Digitized by Google

дятся въ большомъ количествѣ, начиная отъ самаго сѣвернаго тропика до Берингова пролива, по широтѣ, — и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки до Японскихъ острововъ. Все это пространство усѣяно множествомъ китобойныхъ судовъ разныхъ націй, кромѣ Русскихъ. — Вотъ какъ происходитъ китовая ловля.

Китъ, по своей наружной формѣ, болѣе походитъ на рыбу, но принадлежитъ къ породѣ млекопитающихъ, — имѣетъ мягкія губы и сосцы и дѣтей своихъ питаетъ молокомъ. Онъ не можетъ быть долгое время въ водѣ безъ присутствія воздуха, и хотя глубоко ныряетъ, но опять выплываетъ на поверхность, выпускаетъ изъ себя фонтаномъ поглощенную воду, и снова запасается свѣжимъ воздухомъ.

Въ это время, когда стоитъ тихая погода, киты играютъ на поверхности моря. Въ китоловномъ промыслѣ киты раздѣляются на два сорта: одни выпускаютъ изъ верхнихъ ноздрей по одному фонтану, а другіе по два; этихъто послѣднихъ и стараются ловить китоловы, потому что изъ нихъ получаютъ самый лучшій жиръ, извѣстный подъ именемъ спермацета.

Вообще китоловныя суда бываютъ трехъ-мачтовыя, между гротовою и фаровою мачтами устроивается въ нихъ кирпичная печь, въ которую вмазанъ котелъ для топки жира. Вокругъ бортовъ судна, на боканцахъ, вѣшаются ялботы, конхъ на каждомъ суднѣ бываетъ не менѣе 10-ти, всегда въ готовности и со всѣми принадлежностями для ловли. Въ каждомъ ялботѣ находится кокусовая веревка, длиною до 800 саж., толщиною въ палецъ; она очень крѣпка и не тонетъ на водѣ. Однимъ концомъ привязываютъ ее за харпунъ: это ровная, прямая, 3-хъ-аршинная палка, у которой на концѣ прикрѣплена острая съ обѣихъ сторонъ желѣзная стрѣлка. Когда харпунъ бросаютъ въ кита, эта стрѣлка глубоко уходитъ въ тѣло, и при вытаскиваніи изъ него назадъ, принимаетъ положеніе костылька, такъ что ее ни какъ невозможно вытащить, не разрѣзавъ того мѣста, гдѣ она находится.

Digitized by Google

На судне стоятъ часовые съ зрительными трубками, и едва замѣтятъ вдалекѣ фонтанъ, тотчасъ даютъ знать вахтенному. Въ одно мгновеніе на водѣ является ялботовъ до 6-ти, готовыхъ къ отплытію. На каждомъ ялботѣ находится шесть человѣкъ ловкихъ и проворныхъ матросовъ; изъ нихъ четверо гребцовъ, одинъ на кормѣ правитъ длиннымъ гребкомъ для скорыхъ поворотовъ, и шестой, самый важный, съ харпуномъ.

Все спущенные на воду ялботы съ легкостію ласточки пускаются въ то мѣсто, откуда видѣнъ фонтанъ; между тѣмъ за ними слѣдуетъ судно и ни на минуту не теряетъ ихъ изъ виду.

Когда ялботы подплывутъ на близкое разстояніе къ страшному животному, тогда каждый харпунщикъ старается кинуть харпунъ въ заднюю часть кита, ближе къ хвосту, и если кто-нибудь изъ нихъ удачно попадетъ, то всѣ ялботы съ неимовѣрною быстротою отплываютъ въ противоположное направленіе отъ кита. Животное, почувствовавъ рану, глубоко погружается въ море, потомъ вдругъ почти все выказывается на поверхности, начинаетъ метаться въ разныя стороны, широко раскидывая волны и быстро пускается вдоль океана.

Въ это время выпускается изъ ялбота веревка, привязанная за харпунъ, и самъ ялботъ слѣдуетъ за китомъ; лишь только китъ вздумаетъ отдохнуть, тогда опять собираютъ выпущенную веревку про запасъ на то время, когда китъ снова погрузится въ воду.

Горе тому ялботу, который не успѣетъ во время отвернуться отъ кита: однимъ легкимъ ударомъ хвоста животное превратитъ его въ щепки, и матросамъ предстанетъ неминуемая смерть, если не подоспѣютъ къ нимъ на помощь товарищи съ ближайшихъ ялботовъ.

Эта борьба громаднаго животнаго съ человѣкомъ — существомъ слабымъ и безсильнымъ, и вмѣстѣ столь могущественнымъ въ соединеніи съ подобными себѣ, — продолжается иногда по цѣлымъ суткамъ, и какъ китъ ни увертывайся, онъ ни за что не избѣгнетъ предназначеннаго ему жребія.

Digitized by Google

Когда животное совершенно утомится и до того обезсилѣетъ, что уже не въ состояніи погружаться въ море, тогда подплываетъ къ нему судно, ложится въ дрейфъ и начинается операція. Къ гротовому марсу привѣшиваютъ огромные тали съ гакомъ, которымъ задѣваютъ за мертваго кита и съ борта судна рѣжутъ жиръ въ видѣ лентъ, нарочно сдѣланными для того ножами. Обрѣзавъ его совсѣмъ, выбираютъ кости, которыя у китолововъ употребляются вмѣсто дровъ для топки жири.

При счастливой и удачной ловлѣ китовъ, судно, величиною въ 300 тоннъ, наливается жиромъ не болѣе какъ въ 10 мѣсяцевъ. Всѣ китоловные промышленники, при распродажѣ груза, получаютъ изъ него часть въ свою пользу, начиная съ самого командира и до послѣдняго матроса.

Самый лучшій ловъ бываетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, потому что въ это время появляются сельди, за которыми гоняются киты, употребляющіе ихъ въ пищу.

Кромѣ человѣка, китъ имѣетъ у себя еще другихъ непріятелей: это морскія свинки или касатки. Онѣ нападаютъ на него стадами и острыми зубами своими наносятъ ему раны, отъ которыхъ китъ непремѣнно умираетъ, потому что соленая морская вода постепенно ихъ разъѣдаетъ, и онѣ, вмѣсто того чтобъ заживать, съ продолженіемъ времени увеличиваются все болѣе и болѣе.

Во время нашего перехода изъ Камчатки въ Ситху, намъ по пути много встрѣчалось китоловныхъ судовъ, по большой части Американскихъ. Послѣднія заходятъ иногда и въ Ситху, для разныхъ поправокъ на суднѣ или для того, чтобъ налиться свѣжею водою; но ни одно изъ нихъ не смѣетъ производить тамъ торговли съ дикими: въ противномъ случаѣ его оконфискуютъ.

А. Марковъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦІИ.

(Первыя четыре строфы этихъ стиховъ сочинены въ 1846 году. Ихъ авторъ не извѣстенъ. Переводя эти пророческія четыре строфы, я прибавилъ къ нимъ пятую. Будетъ ли она пророчествомъ? Мы уже видѣли народный бунтъ, изгнаніе Короля и его семейства; видѣли порывающійся воскреснуть терроризмъ 1793 года, котораго *тѣнь* явилась въ Національномъ Собраніи подъ страшнымъ именемъ *Горы*; и наконецъ видѣли уже и *тѣнь Наполеона*, торжествующаго надъ безначаліемъ: все это быстрое повтореніе многолѣтняго прошлаго совершилось менѣе, нежели въ годъ.... повторится ли остальное?)

1789.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый,
Сынъ Франціи, Дофинъ.
Младенцемъ Королева
Любуясь, говоритъ:
Онъ Франціи надежда,
Рости, мое дитя.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *ура!*
«*Наслѣдуетъ престолъ онъ*,
«*Когда умретъ отецъ!*»

Digitized by Google

И лѣтъ проходитъ мало....
Сынъ Франціи, Дофинъ,
Избитый умираетъ
У Симона въ когтяхъ....
А мать на гильотинѣ
Всей Франціи въ виду,
Ругательной рукою
Подъ ножъ кладетъ палачъ.

1812.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый;
И честь ему отдать
Сѣдые гренадеры
Становятся во фрунтъ:
Ему завоевала
Полсвѣта храбрость ихъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *ура!*
«*Онъ будетъ Императоръ,*
Когда умретъ отецъ».
И лѣтъ прошло не много....
Дней новыхъ Прометей,
Угаснулъ Императоръ
Въ неволѣ, на скалѣ,
А сынъ, томимый прошлымъ
Величіемъ отца
И сномъ временъ чудесныхъ,
Исчахъ въ тоскѣ души.

1830.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ, Людовика
Святаго милый внукъ.

Digitized by Google

Еще лилися слезы
На гробъ его отца,
Когда онъ *Богоданнымъ*
Отъ всѣхъ былъ нарѣченъ.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *ура!*
«*Наслѣдуетъ престолъ онъ,*
«*Когда умретъ Король!*»
И лѣтъ проходитъ мало....
Въ изгнаніи Король;
Въ изгнаньи Людовика
Святаго милый внукъ,
Ему съ клейнодомъ *права*
Осталося одно:
Надежды трость, чтобъ тверже
Идти дорогой бѣдъ.

1846.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Дитя.... его бѣдъ прадѣдъ
Филиппъ Egalité,
И весело играетъ
Дитя на мѣстѣ томъ,
Гдѣ весело играли
Предмѣстники его.
Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *ура!*
«*Наслѣдуетъ престолъ онъ,*
«*Когда умретъ Король!*»
Дитя, не вѣрь ихъ крику:
Встрѣчаетъ крикомъ черни
И ходъ къ коронованью,
И ходъ на эшафотъ;
Не вѣрь тому, что̀ крадетъ
Здѣсь воръ и точитъ моль....
Вѣрь Богу одному.

Digitized by Google

18 . .

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Народъ самодержавный;
Имъ созданный Король
И имъ же сокрушенный
Сказалъ вѣнцу: прости
Близъ мѣста, гдѣ на плаху
Взведенъ былъ Людовикъ.
Сломивъ рѣшетку сада,
«*Ура!* кричитъ толпа,
«*Разрушены заграды*
«Теперь *твое — мое!*»
И дней проходитъ мало....
Въ оковахъ царь-народъ;
На тѣнь Горы ступила
Наполеона тѣнь.
Что далѣ?.... Богъ не дремлетъ!
Въ одинъ, мы зрѣли, годъ
Свершилося полвѣка!
Онъ близко — день суда.

Жуковскій.

1849, 6 (18) Февраля.
Баденъ.

Digitized by Google

ЧАТЫРДАХЪ.

(Съ Польскаго.)

Челомъ къ стопѣ твоей священной
Я припадаю, Чатырдахъ,
Великій минаретъ вселенной,
Горъ неприступный Падишахъ!
Принявъ изъ Божьей длани силу,
Главой взлетѣлъ ты въ горній край;
И тамъ подобно Гавріилу
Ты стережешь Господень рай.
Какъ перлы льды твои сіяютъ;
Плащемъ тебѣ — твой лѣсъ дремучь;
Узоры молній обвиваютъ
Твою чалму ихъ черныхъ тучь.
Встаютъ ли бури, непогоды,
Грохочетъ ли въ долинахъ громъ,
Мятутся ль подъ тобой народы
И лютый бой кипитъ кругомъ —
Спокоенъ ты; не замѣчаешь
Мірскихъ волненій и тревогъ,
И лишь тому горѣ внимаешь,
Что говоритъ природѣ Богъ.

Н. Берегъ.

Москва.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДУХОВИДЕЦЪ И ДОГОВОРЪ СЪ ПРИВИДѢНІЕМЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ДИККЕНСА.

ГЛАВА I.

Даръ дается.

Всѣ это говорятъ, и я никакъ не буду утверждать, чтобы то, что говорятъ всѣ, было потому именно и истинно: эти «всѣ,» вѣроятно, столь же часто бываютъ правы, какъ и не правы. Кому неизвѣстно, по опыту, какъ часто эти *всѣ* заблуждались и сколько времени стоило иногда доказать, какъ велико было это заблужденіе; теперь *никто* уже не вѣритъ въ непогрѣшительность всѣхъ. Можетъ, конечно, случиться, что всѣ иногда скажутъ и дѣло: «однакоже это «еще не правило» — какъ выражается въ балладѣ Духъ Скрòджинса.

Но страшное слово: *духъ*, обращаетъ меня къ цѣли.

Всѣ говорятъ, что человѣкъ, о которомъ я намѣренъ разсказать, былъ духовидецъ, и въ этомъ случаѣ довѣренность, которую я имѣю къ общему голосу, заставляетъ и меня утверждать, что это правда.

Кто бы, глядя на блѣдныя, впалыя щеки этого человѣка, на его ввалившіеся, пылающіе глаза, на его станъ, окутанный въ черную одежду, короче, на всю эту фигуру, невыразимо страшную, при всей соразмѣрности и стройности членовъ, — кто бы, глядя на его сѣдые волосы, какъ мохъ на скалѣ, о которую разбиваются ревущія и кипящія волны, кто бы, увидѣвъ предъ собой это движущееся привидѣніе, не принялъ его за духовидца?

Digitized by Google

А эти пріемы, на которыхъ лежала печать какой-то безмолвной, мрачной, глубокой скрытности, вѣчно одинокой и никогда не проясняющейся думы; а эти искаженныя черты лица, когда онъ обращался мыслію къ событіямъ и временамъ давно-минувшимъ и, казалось, прислушивался въ думѣ своей, къ шепоту эха отчужденной своей жизни — кто бы не сказалъ, только по этимъ примѣтамъ, что онъ не духовидецъ?

А его голосъ и протяжная рѣчь, эти глубокіе, какъ будто изъ могилы выходящіе звуки, которые онъ часто воздерживалъ, сопротивляясь порывамъ собственной души своей?....

А мрачное жилище его, похожее и на библіотеку и на лабораторію, въ которомъ онъ въ зимнюю ночь, одинъ, окруженъ своими снадобьями, солями и кислотами, снарядами и книгами.... лампа подъ колпакомъ, похожая на огромнаго жука, и тѣнь ея, рисующаяся на стѣнѣ неподвижно, среди множества призраковъ, которые, при колеблющемся пламени, возвышались около него, отражаясь отъ различныхъ предметовъ, и въ то же время фантомы отраженій свѣта отъ наполненныхъ жидкостями стеклянныхъ сосудовъ, движущіеся, какъ будто существа живыя, и знающіе, что хозяину ихъ дана власть разлагать ихъ и разрѣшать въ огонь и пары.... Кто бы, видя, какъ онъ, окончивъ свое дѣло, качается на стулѣ передъ ржавой плитой камина и краснымъ пламенемъ, и шевелитъ тонкими своими губами, какъ будто разговаривая, а между тѣмъ безмолвенъ какъ смерть, — кто бы, смотря на все это, не сказалъ, что и этотъ человѣкъ и самая даже комната въ сообществѣ съ духами?

Жилище его было уединенно и похоже на пещеру — старый отдѣльный флигель какого-то древняго училища. Когда-то оно было величественно, стояло на открытомъ мѣстѣ, а теперь это что-то такое фантастическое, закопченное дымомъ, временемъ и непогодой; сжатое со всѣхъ сторонъ разросшимся огромнымъ городомъ, и заваленное, какъ старый колодезь, камнемъ и кирпичами. Узкіе остроконечные верхи этого жилища торчатъ какъ будто во рву, образованномъ сосѣдними зданіями, которыя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ выросли

Digitized by Google

надъ его тяжелыми трубами. Подлѣ него стояли старыя деревья, закоптѣвшія отъ дыму; подъ ихъ навѣсомъ древнее зданіе какъ будто присѣло отъ усталости или ненастной погоды. Передъ нимъ разстилались лужайки, на порыжѣвшей землѣ которыхъ росло что-то похожее на траву. Внутри строенія былъ дворъ, на который не вступала ни чья нога, даже изъ любопытства, взглянуть, что тамъ за трущоба. На одномъ изъ выступовъ стѣнъ были вдѣланы солнечные часы: но прошло уже болѣе ста лѣтъ, какъ ни одинъ лучь солнца не падалъ на нихъ; и какъ будто въ вознагражденіе небреженія со стороны солнца, лежалъ тамъ снѣгъ въ продолженіе цѣлыхъ недѣль, даже въ то время когда нигдѣ уже его не было, да бушевалъ вѣтеръ, затихнувшій уже во всѣхъ прочихъ мѣстахъ.

Эта обитель во внутренности своей, въ сердцѣ, то есть въ комнатѣ и у очага, — мрачная, разрушенная, съ источенными червемъ потолочными балками, и дубовымъ поломъ вокругъ камина, — была прочно построена, и подавленная сосѣдними зданіями города, далека отъ вліяній вѣка и обычаевъ, спокойна, и въ то же время оглушаема эхомъ то отдаленныхъ голосовъ, то стукомъ дверей. Это эхо ходило, грохотало по переходамъ и пустымъ покоямъ, до тѣхъ поръ, покуда не задыхалось въ густомъ воздухѣ подземныхъ склѣповъ, гдѣ стояли разрушенныя гробницы Нормандцевъ.

Посмотрѣли ли бы вы на него, когда онъ сидитъ, въ сумерки, въ мертвую зимнюю пору, въ своемъ жилищѣ, куда врывался пронзительный и рѣзкій вѣтеръ.

Солнце, подернутое тучами, уже зашло; уже смерклось, но очерки предметовъ еще не совсѣмъ исчезли. Сидѣвшіе у огня начинали уже видѣть въ его угольяхъ дикіе образы и всѣ призраки пробуждающагося воображенія. Пѣшеходцы на улицахъ, прикрываясь воротниками, торопились по домамъ, чтобъ укрыться отъ непогоды; а тѣ, которымъ дулъ на встрѣчу вѣтеръ, принуждены были останавливаться гдѣнибудь за угломъ, чтобъ укрыться отъ мятели и снѣга, который кололъ лицо и забивалъ глаза; окна въ домахъ были крѣпко на крѣпко затворены. Яркосвѣтящійся газъ начиналъ

Digitized by Google

уже мерцать и среди шумныхъ, и среди тихихъ улицъ города, которыя до того времени были темны. Безпріютные пѣшеходы, смотря съ ужасомъ вдоль улицъ, заглядывали въ то же время въ нижніе этажи на пылавшіе въ кухняхъ огни, и сильнѣе раздражали свой голодъ, вдыхая въ себя запахъ на цѣлыя мили отстоявшихъ отъ нихъ кушаньевъ....

И между тѣмъ, какъ какой-нибудь пѣшеходъ, прозябшій отъ рѣзкаго холода и усталый, вперялъ взоры въ сумрачную пустоту окрестности, которой воздухъ свистѣлъ и содрогался отъ порывовъ вѣтра, — мореходцевъ заносило, затирало ледяными глыбами, которыя ворочало изъ стороны на сторону грозно воющими волнами океана. Маяки стояли одинокіе, на стражѣ, на вершинахъ скалъ и мысовъ; а морскія птицы, застигнутыя ночью, ударяясь объ стѣны фаналовъ, падали мертвыя у ихъ подножій.

Въ окрестныхъ деревняхъ догоралъ уже послѣдній свѣтъ потухающаго дня на окружномъ горизонтѣ, и деревья, тѣснясь другъ къ другу куполообразными своими вершинами, все болѣе и болѣе темнѣли и становились черными. Въ паркахъ и лѣсахъ, и высокая и влажная трава папоротника, и мшистый дёрнъ, и груды напавшихъ листьевъ, и остовы сухихъ вѣтвей — все исчезало въ массѣ непроницаемаго мрака. Туманъ подымался съ прудовъ, озеръ и рѣкъ. Заблестѣлъ огонекъ и въ старинныхъ палатахъ, и въ окнахъ деревенскихъ домиковъ, и веселилъ взоръ путника. Крылья мельницы стояли неподвижны; и каретникъ, и кузнецъ, заперли свои мастерскія; шлагбаумы на шоссѣ были опущены, плугъ и борона остались одни среди полей: земледѣльцы съ своими животными разошлись по домамъ; звонъ колокольный въ церквахъ отзывался уже протяжными звуками, и калитка кладбища замкнулась на время ночи.

Вездѣ сумерки освобождали мракъ изъ заточенія, въ которомъ онъ былъ запертъ въ продолженіе цѣлаго дня: такъ что они оба, соединясь другъ съ другомъ, помогали одинъ другому, какъ духи, которые сходятся на смотръ. Притулившись, стояли они по угламъ комнатъ, бросая грозные взгляды въ

Digitized by Google

полуотворенныя двери, а въ нежилыхъ покояхъ были они уже полные хозяева, мелькая и по потолкамъ, и по стѣнамъ, и по полу, межъ тѣмъ какъ огонь уже догоралъ, и только по временамъ, вдругъ вспыхивая, померкалъ, какъ убѣгающій приливъ волнъ. Тѣни, передразнивая въ искаженныхъ и фантастическихъ формахъ образы предметовъ домашняго быта, превращали какую-нибудь нянюшку въ пожирающее человѣка чудовище; деревяннаго коня — въ уродливое страшилище, такъ что и ребенокъ, изумленный, полуиспуганный и полудовольный, не узналъ въ нихъ даже самого себя; добродушныя щипцы, лежащія на очагѣ, по ихъ милости превращались въ подбоченившагося великана съ разставленными ногами который, кажется, такъ и хотѣлъ попробовать Англійской крови, и измолоть человѣческія кости мелко на мелко.

Эти же тѣни, напротивъ того, въ воображеніи людей взрослыхъ возбуждали другія мысли и представляли имъ другіе образы: онѣ, вырываясь изъ темныхъ угловъ своихъ, казались имъ призраками временъ минувшихъ, выходцами изъ гробовъ, гдѣ бывшіе предметы могли быть, но не были, гдѣ наши благія, но неисполненныя предположенія, представлявшіеся намъ случаи сдѣлать какое-либо добро.... смутно блуждаютъ....

Посмотрѣли бы вы на него въ это время дня!

Когда онъ, какъ уже было сказано, смотритъ, бывало, неподвижно на огонь, а тѣни, при вспышкѣ и потуханіи пламени, мелькаютъ туда и сюда; когда онъ не обращаетъ на нихъ вниманія неподвижными своими глазами, и вперяетъ взоръ съ мрачною думою на уголья....

Когда голоса ночи, съ освобожденіемъ тѣней, становились звучнѣе и на заклинанія сумерекъ выщли изъ убѣжищъ своихъ, — все, казалось, вокругъ него, призывало къ большему еще безмолвію. Но когда вѣтеръ шумѣлъ въ каминѣ, то тихо шелестя, то громко завывая въ сѣняхъ; когда старыя деревья такъ раскачивались, что сварливая, старая ворона, пробуждаясь отъ сна, жаловалась на это безпокойство, сонливымъ и удушливымъ карканьемъ; когда дребезжало

Digitized by Google

окно, и ржавый флюгеръ на башнѣ начиналъ визжать, и висѣвшій подъ нимъ колоколъ напоминалъ, что прошло еще четверть часа; а огонь въ каминѣ, затрещавъ, совершенно потухъ, — посмотрѣли бы вы на него, каковъ онъ былъ въ это время, особливо когда, кто-то стукнувъ въ дверь, пробудилъ его отъ мечтаній и размышленій.

— Кто тамъ? проговорилъ онъ: — войди! Никто, казалось не наклонился надъ спинкой его стула, ни чье лицо не глядѣло ему изъ-за плеча, ни чья тихая поступь не прикасалась къ половицѣ; а между тѣмъ онъ поднялъ голову, вскочилъ съ испугомъ, и что-то проговорилъ. Въ комнатѣ его не было даже зеркала, въ которомъ могъ бы на мгновеніе отразиться его собственный образъ; а между тѣмъ, что-то таинственное вошло, и снова ушло.

— Всенижайше прошу у васъ прощенія, г. профессоръ, — проговорилъ какой-то краснощекій, суетливый мужчина, который, чтобы пройдти съ подносомъ кушанья, придерживалъ ногою растворенную дверь; но, войдя тихо и осторожно, снова притворилъ ее. — Боюсь, что уже поздно, — продолжалъ онъ, — и ужъ ночи таки прошло довольно.... Мистриссъ Вилльямъ все относило вѣтромъ отъ дому....

— Вѣтромъ?—Ахъ, да! я слышалъ, какъ онъ гудѣлъ.

— Да, вѣтромъ, сударь.... чудо еще какъ она пришла домой. Боже ты милостивый! И правду сказать, что ужъ былъ вѣтеръ, г. Редлау; — вотъ ужъ такъ вѣтеръ!

Поставивъ между тѣмъ блюдо съ кушаньемъ, онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы зажечь лампу и разостлать на столъ скатерть. Но оставивъ на минуту эти занятія, онъ началъ подкладывать въ каминъ дровъ, и потомъ снова принялся за прежнее свое дѣло. Отъ зажженной лампы и яркаго огонька, вспыхнувшаго подъ дѣятельной рукой его, впечатлѣніе, какое производила сперва комната, совершенно измѣнилось, и такъ быстро, что это веселое измѣненіе, какъ будто произошло отъ появленія расторопнаго человѣка съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ.

Digitized by Google

— Мистриссъ Вѝлльямъ безпрестанно подвергается, сударь, непріятностямъ отъ непріязненныхъ ей стихій. Она не такъ создана, чтобы справляться съ ними.

— Неужели? произнесъ отрывисто, но съ добродушіемъ мистеръ Редлау.

— Да, сударь, мистриссъ Вѝлльямъ какъ-то не умѣетъ сохранять равновѣсія, ходя по землѣ; вотъ, напримѣръ, въ прошлое воскресенье было очень грязно и скользко, а ее позвали на чай съ ея младшей свояченицей. Мистриссъ Вѝлльямъ такъ радовалась своему красивому наряду, и вѣрно опрятно и чистенько дошла бы къ добрымъ людямъ, если бы только умѣла на ходу сохранять равновѣсіе.... Мистриссъ Вѝлльямъ теряетъ иногда равновѣсіе даже просто отъ воздуха: разъ какъ-то ей случилось быть на Пекгамерской ярмаркѣ; тамъ уговорилъ ее одинъ изъ добрыхъ знакомыхъ покачаться на качеляхъ, — такъ чтожъ, сударь, вѣдь и это движеніе подѣйствовало на нее не хуже качки на пароходѣ! Да и самый огонь — такъ сказать, говоря иносказательно— выводитъ мистриссъ Вѝлльямъ изъ равновѣсія: однажды выкинуло изъ трубы въ домѣ ея матушки, — что же, сударь: она, въ ночной кофточкѣ, пробѣжала миль около двухъ! Наконецъ, мистриссъ Вѝлльямъ теряетъ равновѣсіе и на водѣ, какъ случилось на Ба̀ттерси, подъ быками моста, когда гребцомъ на лодкѣ былъ ея маленькій племянникъ Карлуша Свѝджеръ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, который ничего не смыслитъ въ искусствѣ управлять весломъ. Такъ вотъ они стихіи-то. Я однако держусь того мнѣнія, что стихіи вызываютъ мистриссъ Вѝлльямъ на бой только для того, чтобъ закалить твердость ея характера.

Когда эта рѣчь остановилась, въ ожиданіи отвѣта, то въ томъ же тонѣ, какъ и прежде, послѣдовалъ звукъ: да!

— Да господинъ профессоръ, истинно та̀къ! — началъ снова Свѝджеръ, продолжая свой приготовительный разговоръ, и останавливаясь всякій разъ, когда кончалъ о чемъ-нибудь рѣчь, — все это на своемъ мѣстѣ, мистеръ; все это идетъ

Digitized by Google

къ моей рѣчи, г. профессоръ. Вѣдь какая же гибель на свѣтѣ нашихъ братьевъ Свѝджеровъ!

— Перцу!

— Да; вѣдь это мой отецъ, мистеръ, заслуженный смотритель и управитель въ этомъ заведеніи; онъ уже осьмидесяти семи лѣтъ! Вотъ вамъ Свѝджеръ!

— Ложку!... Все правда, Вѝлльямъ, — послѣдовалъ спокойный и отрывистый отвѣтъ, когда словоохотливый Свиджеръ остановился.

— Такъ, мистеръ, — продолжалъ онъ, — сущая правда, все это идетъ къ моей рѣчи. Вы можете его нѣкоторымъ образомъ считать родоначальникомт родословнаго дерева!

— Хлѣба!

— Потомъ, доходите вы по порядку, къ его преемнику по должности, къ моей недостойной особѣ.

— Соли!

— И мистриссъ Вѝлльямъ, четѣ Свѝджеровъ.

— Ножикъ и вилку!

— Потомъ, доходите вы до всѣхъ моихъ братьевъ и ихъ семействъ — Свѝджеровъ, мужа и жены, мальчиковъ и дѣвочекъ.... Ну и такъ далѣе, до двоюродныхъ братьевъ, дядей, тётокъ и родственниковъ въ такомъ-то и такомъ-то колѣнѣ, а ни въ какомъ колѣнѣ, до тѣхъ, которые стали свояками, до тѣхъ, которые переженились и народили Свѝджеровъ.... Свѝджеры....

— Стаканъ!

— Свѝджеры могли бы, взявшись за руки, образовать такую цѣпь, которою можно было бы окружить всю Англію.

Не добившись отъ задумчиваго профессора ни отвѣта, ни привѣта на длинную свою рѣчь, Вѝлльямъ Свѝджеръ подошелъ къ нему и стукнулъ нѣсколько разъ по столу графиномъ, чтобъ возбудить его вниманіе; потомъ продолжалъ, какъ будто нуждаясь въ мнѣніи г. профессора о столь важномъ предметѣ.

Digitized by Google

— Да, мистеръ, это все идетъ къ моей рѣчи, мы съ мистриссъ Вѝлльямъ часто говаривали: много есть Свѝджеровъ и безъ нашего содѣйствія, говаривали мы.

— Масла!

— И въ самомъ дѣлѣ, мистеръ, отецъ мой....

— Уксусу!

— Онъ одинъ требуетъ для себя столько заботъ, какъ цѣлое семейство; и уже, право, очень хорошо, что у насъ нѣтъ дѣтей; хоть это моей женѣ не много и не по сердцу.... Что, не угодно ли вамъ, мистеръ, курицы и протертаго картофеля? Мистриссъ Вѝлльямъ сказала, что черезъ десять минутъ будетъ готово....

— Хорошо, хорошо! — отвѣчалъ Редлау, какъ будто просьшаясь и тихо ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мистриссъ Вѝлльямъ, трудится-трудится, — продолжалъ смотритель, нагрѣвая на огнѣ тарелку и смотрясь въ нее съ самодовольствіемъ.

Мистеръ Редлау остановился, и на лицѣ его изобразилось участіе.

— Все это идетъ къ моей рѣчи.... Она дѣлаетъ свое дѣло. Въ груди мистриссъ Вѝлльямъ столько материнскаго чувства, что ей нужно осуществить его....

— Чтò же она дѣлаетъ?

— Ахъ, мистеръ профессоръ, да вѣдь ей мало того, что она ухаживаетъ какъ мать за молодыми господами, которые сходятся со всего свѣта слушать ваши лекціи.... Чудное дѣло, кàкъ нагрѣвается эта каменная посуда, и въ такую непогоду.... Тутъ онъ перевернулъ тарелку и сталъ дуть себѣ на пальцы.

— Ну, такъ что жъ? — сказалъ Редлау.

— Такъ все вѣдь это идетъ къ мой рѣчи, мистеръ, — отвѣчалъ Вѝлльямъ, говоря черезъ плечо и обрадовавшись, что можетъ наконецъ отвѣчать, — она такъ пришлась по своему мѣсту, мистеръ профессоръ, и ни одинъ изъ нашихъ студентовъ не смотритъ иначе на мистриссъ Вѝлльямъ

Digitized by Google

какъ только съ этой стороны. Цѣлый Божій день, во все время курса, всѣ они одинъ послѣ другаго, то и дѣло, что заглядываютъ въ нашу комнату, и каждый изъ нихъ найдется что̀ ей сказать, или что̀ у нея спросить — и всѣ они, какъ я замѣтилъ, говоря о ней между собою, называютъ ее не иначе какъ Свиджъ, — да и всегда была моя рѣчь, я всегда говаривалъ: пусть лучше добросердечно и добродушно коверкаютъ имя, нежели церемонятся съ человѣкомъ, ни мало объ немъ не заботясь.... Къ чему служатъ имена? Не къ тому ли, чтобы ими называть людей? Ну, а если мистриссъ Вѝлльямъ извѣстна подъ другимъ именемъ, которое лучше, чѣмъ имя ея.... то есть я намекаю на свойства мистриссъ Вѝлльямъ и на ея сердце — такъ мнѣ и нѣтъ никакой нужды до ея имени; хотя по настоящему и зовутъ ее Свѝджеръ.... И пусть себѣ даютъ ей какое угодно имя: Свѝджъ, Вѝджъ, *Бриджъ*, Брѝкъ, — да Господи ты мой, пожалуй по мнѣ зови ее, коли хотятъ, *мостомъ*, Лондонскимъ мостомъ *, Блакъ-фрейэрсъ, Чельзи, Пѝтни Ватерло или Гаммерсмитъ или Сѐспеншенъ-*бриджъ*, или какъ себѣ хотятъ иначе....

Въ заключеніе этой торжественной рѣчи, Вѝлльямъ торопливо поставилъ на столъ тарелку, потому что она ужасно какъ раскалилась. Въ это самое мгновеніе вошелъ въ комнату предметъ его похвалъ, неся другой подносъ съ купаньемъ и фонарь, а за нею шелъ какой-то почтенный сѣдой старичекъ.

Мистриссъ Вѝлльямъ была, подъ пару мужу своему, добродушная и простая женщина; на лоснящихся щекахъ ея отражался веселый румяный отблескъ отъ краснаго форменнаго кафтана ея супруга. У Вѝлльяма свѣтлорусые волосы стояли по всему черепу горою, и какъ будто напрягали глаза его къ верху; а у мистриссъ Вѝлльямъ темнорусые волосà были причесаны тщательно; приглаженная головка спрятана подъ чистенькій чепецъ, и такъ тщательно

* Здѣсь игра словъ въ значеніи слова *bridge* (мостъ).

Digitized by Google

какъ только себѣ вообразить можно. На мистеръ Вѝлльямѣ штаны хлопали по щиколоткамъ, какъ будто не въ ихъ, сѣровато-желѣзнаго цвѣта, натурѣ было держаться на ногахъ спокойно, безъ оглядки на стороны; а на мистриссъ Вѝлльямъ платье съ цвѣточками, красными и бѣлыми, какъ ея милое личико — сидѣло въ такомъ строгомъ порядкѣ, что даже сильный вѣтеръ не смѣлъ разстроивать ни одной изъ его складокъ; тогда какъ мужнинъ кафтанъ уподоблялся мѣшку, ея корсетъ походилъ на латы; но и кто бы осмѣлился нанести такому милому, добродушному созданію какую-нибудь непріятность, внушить страхъ, или нарушить стыдливость, миръ, покой и сонъ невиннаго младенца.

— Вотъ, всегда исправна Милли, — сказалъ ей мужъ, принимая изъ рукъ ея подносъ. — Онъ сегодня еще угрюмѣе, — шепнулъ онъ своей женѣ; — еще похожѣе на привидѣніе.

Безъ малѣйшаго шума, спокойно, Милли поставила принесенныя ею блюда на столъ; между тѣмъ какъ мужъ ея, со всей стукотней и бѣганьемъ взадъ и впередъ, не успѣлъ ничего болѣе сдѣлать, какъ подать на столъ миску кашицы.

— Что̀ это такое у старика-то подъ мышкой?—спросилъ Редлау, садясь за одинокую свою трапезу.

— Амела, г. профессоръ, — отвѣчала Милли ласковымъ голосомъ своимъ.

— Все это идетъ къ моей рѣчи, мистеръ, — перебилъ ее Вѝлльямъ, подойдя къ столу, — ягоды амелы поспѣли къ настоящему времени года.

— Масла!.... Одинъ день Рождества уходитъ, другой приходитъ, — заговорилъ про себя съ грустнымъ чувствомъ химикъ. — Нѣсколькими цифрами больше къ увеличивающейся суммѣ воспоминаній, надъ которой мы, къ нашему страданію, трудимся и трудимся.... а смерть все сотретъ.... Филиппъ! — сказалъ онъ, прервавъ свои размышленія и обращаясь къ старику, стоявшему въ сторонѣ, съ зеленымъ пучкомъ, отъ котораго мистриссъ Вѝлльямъ, отдѣляя вѣтки, обрѣзывала ихъ ножницами, и украшала комнату.

Digitized by Google

— Покорнѣйшій вашъ слуга, г. профессоръ! — сказалъ старикъ, смотря съ участіемъ на занятіе невѣстки. — Я бы уже давно засвидѣтельствовалъ вамъ свое почтеніе, но знаю вашъ нравъ, мистеръ Редлау — и говорю это съ самодовольствіемъ — я такъ и ждалъ, что вы сами заговорите со мною. Дай Богъ вамъ счастія съ наступившимъ днемъ Рождества Христова и съ наступающимъ Новымъ годомъ; желаю отъ души, чтобы еще много, много разъ ихъ встрѣчали.... Я вотъ видѣлъ ихъ уже таки довольно; и потому-то беру на себя смѣлость пожелать вамъ того же. Мнѣ уже семьдесятъ осемь!

— А много ли изъ нихъ было у тебя веселыхъ и счастливыхъ? — спросилъ Редлау.

— Какъ же, мистеръ, было таки довольно.

— Что, я думаю, потерпѣла его память отъ старости лѣтъ? Да и нельзя быть иначе! — сказалъ Редлау въ полголоса, обращаясь къ сыну.

— Ни на сколько, мистеръ профессоръ, — отвѣчалъ Вильльямъ, — это совершенно уже идетъ къ моей рѣчи. Ни у кого я не знаю такой памяти, какъ у моего батюшки. Это самый удивительный человѣкъ на свѣтѣ: онъ и не знаетъ, что̀ значитъ забывать. Это уже я часто замѣчалъ моей женѣ, и вы можете мнѣ повѣрить.

Стараясь всегда быть вѣжливымъ и не противорѣчить правдѣ, Свиджеръ подтвердилъ слова свои съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, какъ будто въ нихъ не было ни на волосъ неправды, и какъ будто все, что онъ говорилъ, было совершенно непритворно и согласно съ его мнѣніемъ.

Химикъ отодвинулъ отъ себя тарелку, всталъ изъ-за стола, подошелъ къ старику, и, казалось, всматривался на него съ большимъ вниманіемъ.

— Тебѣ вѣрно памятны всѣ эти годы, эти многіе годы, которые приходили и уходили — сказалъ, онъ ему, трепля его по плечу, — ну, не такъ ли?

Digitized by Google

— Ахъ много, много ихъ было! — проговорилъ Филиппъ, какъ будто очнувшись изъ забытья, — мнѣ ужь семьдесятъ осемь!

— И счастливые и веселые — а ты самъ-то былъ ли счастливъ и веселъ? — спросилъ химикъ тихимъ голосомъ, — былъ ли счастливъ и веселъ, старикъ?

— Я вотъ былъ какой, не больше, — отвѣчалъ старикъ, показавъ рукой не много выше колѣна и обративъ голову къ профессору; — помню, какъ эти ягоды увидѣлъ я въ первый разъ. Тогда былъ холодный, но свѣтлый день, и я былъ на дворѣ. Вотъ и говоритъ мнѣ кто-то — да, матушка говорила.... это ужъ такъ вѣрно, какъ вы теперь здѣсь стоите; только не припомню почтеннаго ея лица, потому что она была больна и умерла о Рождествѣ.... Такъ вотъ она и говоритъ мнѣ, что это птичій кормъ, а мальчикъ-то, то есть я-то, вы меня понимаете, — и думаетъ самъ про себя: ужъ не отъ того ли у птицъ глаза-то такіе красивые какъ красная ягода, которой они зимой питаются? Я все помню; а мнѣ уже семьдесятъ осемь!

— Такъ веселъ и счастливъ! — сказалъ задумчиво и со вздохомъ Редлау, устремивъ черные глаза свои съ улыбкою участія на старика, — такъ ты былъ веселъ и счастливъ, и ты хорошо это помнишь?

— Ну какъ же не хорошо! очень хорошо! — повторилъ старикъ, вникнувъ въ послѣднія слова. Да я помню и время, какъ учился еще, годъ за годомъ; помню и всѣ радости; я былъ тогда, мистеръ Редлау, сильный парень, и повѣрите ли, въ игрѣ въ лапту никто на десять миль въ окружности не могъ со мною сравняться.... Гдѣ сынъ мой Вилльямъ? Не правда ли Вилльямъ, вѣдь никто на десять миль въ окружности не могъ со мною сравняться въ игрѣ въ лапту?

— Это совершенно идетъ къ моей рѣчи, батюшка, — отвѣчалъ тотчасъ же и съ величайшимъ уваженіемъ сынъ его, — вы изо всей фамиліи Свиджеровъ Свиджеръ!

— Господи ты Боже мой! — снова началъ старикъ, качая головою, и взглянувъ опять на амелу, — и его мать, и

Digitized by Google

я.... сынъ-то мой Вилльямъ вѣдь младшій.... мы бывало сиживали съ ними, съ мальчиками и дѣвочками, иные ужъ были на ногахъ, другіе у груди; а ягоды-то эти и въ половину не были такъ красны и свѣжи какъ ихъ веселыя личики!.... Многихъ уже и нѣтъ.... *Она* умерла прежде всѣхъ, а сынъ мой Джорджъ — нашъ старшій, которымъ я утѣшался какъ ни однимъ изъ нихъ — высоко сталъ, да низко упалъ.... но я ихъ всѣхъ вотъ такъ и вижу, какъ взгляну на эти ягоды, и живыми и здоровыми.... какими были.... и *его*-то я вижу, благодаря Бога, еще невиннымъ!.... Славный это даръ для меня: вѣдь ужъ семьдесять осемь лѣтъ!

Испытующій взглядъ Редлау, устремленный на старика, мало по малу, поникъ.

— А какъ дѣла пошли худо, стали поступать со мною нечестно, вотъ я тогда и вступилъ сюда смотрителемъ, — продолжалъ старикъ, — этому будетъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ — гдѣ сынъ мой Вилльямъ? Вѣдь такъ? прошло ужъ болѣе пятидесяти, Вилльямъ?

— Это и моя рѣчь, батюшка, — отозвался Вилльямъ торопливо и съ такимъ же уваженіемъ какъ и прежде, — совершенно такъ, дважды такъ, и какъ разъ составляетъ дважды пятьдесятъ, то есть сто!

— Въ то время было куда хорошо,— началъ снова старикъ, радуясь своей темѣ и своему въ ней познанію,— куда хорошо, что одинъ изъ ученыхъ господъ, которые пеклись о нашемъ заведеніи, во времена королевы Елисаветы, въ своей духовной такъ много для насъ выговорилъ; а именно, чтобы покупали ежегодно амелу для украшенія объ Рождествѣ вѣтвями ея стѣнъ и оконъ. Въ этомъ было что-то наше родное, радующее; а такъ какъ мы пришли тогда изъ чужи, какъ разъ къ Рождеству, то и почувствовали особенное расположеніе къ его портрету, что̀ виситъ вонъ тамъ, гдѣ была большая зала нашей рефекторій, покуда Совѣтъ не обратилъ ее въ ежегодную биржу.... Преважный господинъ съ бородкой, съ брыжжами вокругъ шеи, а внизу, подъ картиной подпись старинными буквами: *Гос-*

Digitized by Google

поди, соблюди память мою вѣчно-юною; но вы вѣдь видѣли его, мистеръ Редлау.

— Знаю, Филиппъ, портретъ тамъ и виситъ.

— Да, точно; онъ второй съ правой стороны, надъ панелями. Но, я хотѣлъ сказать, что онъ-то и былъ причиною тому, что я сохранилъ свѣжую память: его я долженъ за это благодарить; потому что когда я ежегодно обхожу кругомъ всѣ комнаты этого зданія (что я дѣлаю и теперь) и украшаю пустыя эти покои зелеными вѣтвями и ягодами амелы, тогда зацвѣтаетъ вновь и пустая и старая моя память. Одинъ годъ ведетъ за собой другой, и идутъ годъ за годомъ, и мнѣ уже думается, что день Рождества нашего Господа есть день рожденія всего того, что когда-либо срослось съ моимъ сердцемъ, что меня томило и что даровало мнѣ благоденствіе.... и вотъ ужъ понабралось порядочно всего такого; вотъ ужъ мнѣ семьдесятъ осемь.

— Доволенъ и счастливъ! — проговорилъ про себя Редлау.

Вдругъ (странное дѣло!) въ комнатѣ стало дѣлаться все темнѣе и темнѣе.

— Такъ вотъ видите ли, мистеръ, — продолжалъ старикъ, котораго здоровыя и отъ зимняго воздуха зарумянившіяся щеки, въ продолженіе его рѣчи, еще сильнѣе раскраснѣлись, а голубые глаза заблистали, — мнѣ дѣла-то съ три короба, чтобъ содержать въ надлежащей чести теперешній праздникъ.... Ба! да гдѣ же моя смиренница?.... Во весь мой вѣкъ охота до болтовни была главнымъ моимъ недостаткомъ; а вѣдь нужно еще осмотрѣть, пообойдти цѣлую половину дома, если только стужа носъ не отморозитъ, вѣтеръ не собьетъ съ ногъ, а тьма не проглотитъ....

Мистрисъ Вилльямъ, съ милымъ, ласковымъ своимъ личикомъ, подошла къ старику и взяла уже его за руку, прежде нежели онъ успѣлъ окончить рѣчь.

— Ну, мое сердце, пойдемъ же, — сказалъ старикъ, — а не то мистеръ Редлау сядетъ за столъ, когда кушанья

Digitized by Google

его будутъ такъ холодны, какъ зима на дворѣ. Надѣюсь, мистеръ, вы извините меня, что я вамъ помѣшалъ — желаю вамъ доброй ночи, и снова веселаго....

— Постой-ка, побудь еще,— сказалъ Редлау, садясь за столъ; и судя по выраженію его лица, больше для того, чтобы успокоить стараго смотрителя, нежели по напоминанію о томъ аппетита.

— Посвяти мнѣ, Филиппъ, еще хоть минутку. А ты, Вильямъ, хотѣлъ еще что-то разсказать мнѣ въ похвалу твоей превосходной жены: ей, конечно, будетъ пріятно слышать, какъ ты хвалишь ее. — Ну, что же?

— Оно все такъ, и приходится къ дѣлу, мистеръ, какъ вы изволите видѣть, — отвѣчалъ Свиджеръ, съ мгновеннымъ замѣшательствомъ, взглянувъ на жену свою, — но мистриссъ Вильямъ что-то на меня смотритъ....

— Но вѣдь ты ужъ конечно не боишься взгляда жены своей?

— О, конечно, нѣтъ, мистеръ, — снова началъ Свиджеръ, — это все идетъ къ моей рѣчи, и взглядъ же былъ не таковъ, чтобъ его испугаться, и онъ вѣрно былъ бы не такъ ласковъ, если бы въ немъ было что-нибудь такое; но я терпѣть не могу, когда.... Милли, да ты понимаешь меня — ну, знаешь, внизу, въ домѣ....

Вильямъ стоялъ за стуломъ; потомъ сталъ ходить кругомъ по комнатѣ, прикасаясь то къ той, то къ другой вещи, безо всякой особенной цѣли, и показывая своей женѣ то взорами, то таинственно качая головой, то указывая пальцемъ на Редлау, какъ будто стараясь принудить ее, чтобъ она съ нимъ заговорила.

— Ты понимаешь меня, моя милая, — продолжалъ Вильямъ, — внизу, въ домѣ. Скажи же, моя милая, мнѣ нельзя же самому а ты, въ сравненіи со мной, говоришь какъ книга. Внизу, въ домѣ — понимаешь меня, моя милая.... Студентъ....

Digitized by Google

— Студентъ? — повторилъ, выпрямившись, Редлау.

— Такъ какъ я и говорю, — вскричалъ Вилльямъ съ удареніемъ, выражавшимъ полное согласіе. Если бы не было внизу, въ домѣ, бѣднаго студента, то какимъ же образомъ вы бы услышали объ этомъ отъ мистриссъ Вилльямъ? — Ну же, милая женка, ну же, радость моя—въ домѣ—ну, знаешь....

— Ахъ, я и не знала, — сказала Милли съ спокойной откровенностью, безъ малѣйшей торопливости и замѣшательства, — я и не знала, что Вилльямъ ужъ кое-что разсказалъ объ этомъ; а то я бы и не пришла. Я не подала ему на это никакого повода. Это одинъ больной молодой господинъ, и очень бѣдный, и я, право, боюсь, онъ ужъ такъ плохъ, что едва ли ему можно будетъ на нынѣшніе праздничные дни идти домой; а живетъ-то онъ: нѣтъ ни души знакомой; въ бѣдной для такого знатнаго барина комнаткѣ, внизу, въ Ерусалимскомъ зданіи. Вотъ и все, мистеръ.

— Отчего же я никогда и ничего о немъ не слыхалъ? — сказалъ химикъ, вскакивая. — Зачѣмъ же онъ меня не увѣдомилъ о своемъ положеніи?.... Болѣнъ?.... Подайте-ко мнѣ мою шляпу и плащь!.... Бѣденъ!.... въ какомъ домѣ? какой нумеръ?

— О, вы туда не должны ходить, сударь, — сказала Милли, покинувъ руку своего свёкра, съ выраженіемъ рѣшимости на своемъ миловидномъ личикѣ и съ умоляющимъ видомъ, сложивъ руки предъ профессоромъ.

— Какъ? не долженъ идти?

— Да, о Боже мой! —проговорила Милли, покачавъ головою, какъ будто въ знакъ явной и понятной невозможности, — нельзя объ этомъ и подумать!

— Что ты этимъ хочешь сказать? почемужъ нельзя?

— Ну, вотъ, видите, мистеръ,—сказалъ Вилльямъ Свиджеръ утвердительно и съ увѣренностію, — все это идетъ къ моей рѣчи, — ужъ повѣрьте мнѣ, что этотъ молодой баринъ никому, одинакаго съ нимъ пола, не открылъ бы сво-

Digitized by Google

его положенія; и если мистриссъ Вилльямъ заслужила его довѣренность, то на это были свои причины. Всѣ вѣдь удостоиваютъ мистриссъ Вилльямъ своей довѣренности, всѣ на нее полагаются. Никакой мужчина, мистеръ, ничего бы отъ него не выпыталъ; ну, а женщина, и такая женщина какъ мистриссъ Вилльямъ — подумайте сами....

— Умно и деликатно то, что̀ ты говоришь, Вилльямъ— возразилъ ему Редлау, смотря изъ-за плеча на выражающее рѣшимость личико Милли. Приложивъ палецъ къ губамъ, онъ потихоньку сунулъ ей въ руку кошелекъ.

— О, Бога ради, не надо этого, — вскричала Милли, отдавая ему кошелекъ, — все часъ отъ часу хуже! Мнѣ бы и во снѣ не пригрезилось взять его!

И у нея, какъ у замужней женщины, были столь твердыя и постоянныя правила, которыя она никогда не упускала изъ вида, что она, не смотря на нѣкоторую раздражительность, съ какою отвергла предлагаемый подарокъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, замѣшательства, вскорѣ послѣ того стала подбирать на полу, упавшіе изъ ея фартучка вѣтки амелы, когда она обрѣзывала ихъ ножницами.

Поднявшись изъ наклоненнаго своего положенія и видя, что Редлау смотрѣлъ на нее съ сомнѣніемъ и изумленнымъ взоромъ, снова повторила она то же самое, и начала снова подбирать амелу.

— По правдѣ говорю вамъ, мистеръ, нельзя этого сдѣлать! онъ говорилъ, что ни за что на свѣтѣ не согласится ни дать вамъ о себѣ знать, ни взять отъ васъ какое бы то ни было вспоможеніе, не смотря на то, что онъ вашъ слушатель. Я отъ васъ этого не утаила, вполнѣ полагаясь на вашу честность и скромность.

— Да почему же онъ сказалъ это?

— На это, по правдѣ, я ничего не могу доложить вамъ, мистеръ, — отвѣчала Милли, подумавъ немного, — потому что у меня нѣтъ на это столько хитрости, между тѣмъ какъ мнѣ бы хотѣлось быть ему полезной, — и я

Digitized by Google

ужъ все у него прибрала и убрала, и привела въ порядокъ, и за то мнѣ было таки довольно работки.... Знаю я только то, что онъ бѣденъ и одинокъ, и, какъ полагаю, нѣкоторымъ образомъ даже и позабытъ вами. Да что это какъ темно?

Комната между тѣмъ становилась все темнѣе и темнѣе, и за стуломъ химика образовывались густые пары и тѣни.

— Что же вы еще знаете объ немъ?—спросилъ Редлау.

— Онъ имѣетъ намѣреніе жениться при первой возможности, — сказала Милли.—Кажется, и учится для того, чтобы пробить себѣ дорогу въ свѣтъ. Я за нимъ долго наблюдала: онъ занимается ревностно и самоотверженно.... Однако какъ здѣсь темно!

— И холоднѣе стало, — сказалъ старикъ, потирая руки. — Въ комнатѣ холодно и жутко. Гдѣ мой сынъ Вильямъ? Вильямъ, другъ мой, поправь лампу, да пошевели уголья.

Голосокъ Милли опять зазвенѣлъ, какъ тихая музыка.

— Вчера, послѣ обѣда, онъ поговорилъ со мной, заснулъ, да такъ безпокойно, и началъ бредить о какомъ-то покойникѣ, о какой-то несправедливости, большой несправедливости, которой и забыть нельзя.... Его ли обидѣли, другаго ли кого—не знаю, только что вѣрно обидѣлъ не онъ.

— Короче сказать,— шепнулъ Вилльямъ на ухо Редлау, — мистриссъ Вильямъ, г. Редлау, жена моя, сама ни за что не разскажетъ вамъ объ этомъ, просто: она здѣсь хоть годъ со днемъ; а сдѣлала для него все, что могла. Видитъ Богъ — все что могла! Въ домѣ все по прежнему; батюшка удовольствованъ и успокоенъ; ни гдѣ ни пылинки, ни пятнышка, а не угодно ли вамъ заплатить фунтовъ пятьсотъ чистоганомъ,—мистриссъ Вильямъ будетъ передъ вами, какъ листъ передъ травой. А вѣдь мистриссъ Вильямъ и туда и сюда, и вверхъ и внизъ, и такъ и эдакъ; просто ухаживаетъ за нимъ, какъ мать.

Digitized by Google

Въ комнатѣ становилось темнѣе и холоднѣе; паръ и тѣни, подымавшіеся за креслами, густѣли болѣе и болѣе.

— Это еще не все; мистриссъ Вилльямъ идетъ нынѣшней ночью домой, вотъ часа за два, и находитъ твореньице, которое болѣе походитъ на дикаго звѣрка, чѣмъ на ребенка: сидитъ себѣ на порогѣ и дрожитъ отъ холода. Что же: мистриссъ Вилльямъ беретъ его съ собой, чтобъ обогрѣть и накормить, ухаживаетъ за нимъ: вся фланель и весь нашъ рождественскій запасъ ушли на ребенка. Ежели онъ только теперь познакомился съ теплomъ, такъ очень коротко: сидитъ себѣ въ старомъ каминѣ и глядитъ — не моргнетъ на насъ своими дикими глазами. Должно быть сидитъ, — прибавилъ Вилльямъ, помолчавъ, — дверь-то мы не заперли.

— Да благословитъ Богъ за это добрую Милли, — сказалъ химикъ, — и васъ также, Филиппъ, и васъ, Вилльямъ. Я подумаю, что нужно дѣлать. Мнѣ хочется взглянуть на этого студента. Не хочу васъ болѣе удерживать. Покойной ночи!

— Благодарю васъ, сэръ, отъ души благодарю, — сказалъ старикъ, — и за мышку, и за моего сына Вилльяма, и за самого себя. Гдѣ мой сынъ Вилльямъ? Вилльямъ, возми фонарь и ступай впередъ по этимъ длиннымъ, темнымъ корридорамъ, какъ въ прошлый годъ и въ запрошлый годъ. Ха-ха-ха! у меня хорошая память, хоть мнѣ осемьдесятъ семь! «Господи, сохрани память мою вѣчно-юною!» Славная молитва, г. Редлау, молитва того ученаго господина съ острой бородкой и въ жабо, что̀ второй въ ряду, виситъ надъ панелью. Тамъ собиралась наша рефекторія, пока Совѣтъ не перемѣстилъ ее.... Господи сохрани память мою вѣчно-юною! прекрасно и благочестиво, сэръ! Amen! Amen!

Когда они ушли и тихо, осторожно притворили дверь, которая все таки пробудила рядъ громкихъ и перекатныхъ, какъ выстрѣлы, звуковъ, въ комнатѣ стало еще темнѣе.

Digitized by Google

Редлау остался одинъ на своемъ креслѣ, и погрузился въ думы. Еще недавно свѣжо-зеленѣвшая вѣтвь амелы вдругъ поблекла на стѣнѣ и распалась сухими, мертвыми прутиками.

Пары или тѣни, сгустившіеся за нимъ въ непроницаемый мракъ, медленно и постепенно стали принимать образъ.... или лучше сказать, какою-то сверхъестественною, чудесною, непостижимою для человѣческаго ума силою, выдвинулся изъ мрака образъ самого химика. Призрачный и холодный, съ блѣднымъ лицомъ и руками, но съ совершеннымъ подобіемъ съ Редлау, съ его блестящими глазами, съ его сѣдѣющими волосами, въ темной его одеждѣ, этотъ образъ выступилъ изъ мрака недвижно, безъ шума. Химикъ, облокотясь на ручку креселъ, сидѣлъ, поникнувъ, передъ огнемъ. Точно также облокотился и призракъ на спинку креселъ, подлѣ Редлау, и глядѣлъ туда же, такой же блѣдный, съ тѣмъ же выраженіемъ лица.

Это было что-то знакомое, бывалое, уже приходившее и уходившее: это былъ страшный сожитель обители духовидца.

Нѣсколько мгновеній оба они не обращали вниманія другъ на друга. Гдѣ-то вдали слышались напѣвы сочельника. Редлау пробудился отъ думы и сталъ прислушиваться къ музыкѣ; призракъ также слушалъ.

Наконецъ Редлау заговорилъ, но не оборачиваясь, не поднимая головы:

— Опять здѣсь!!

— Опять здѣсь! — повторилъ двойникъ.

— Я вижу тебя въ огнѣ, — сказалъ духовидецъ, — слышу тебя въ музыкѣ, въ вѣтрѣ, въ мертвой тишинѣ ночи.

Двойникъ кивнулъ утвердительно головой.

— За чѣмъ ты приходишь пугать меня?

— Прихожу, потому что зовутъ,—отвѣчалъ двойникъ.

— Нѣтъ. Приходишь незванный!—воскликнулъ химикъ.

— Пожалуй и незванный, — отвѣчалъ призракъ. Я здѣсь — и довольно этого.

Digitized by Google

До сихъ поръ огонь камина освѣщалъ лица обоихъ, ежели можно назвать лицомъ страшный обликъ, стоявшій за креслами; до сихъ поръ оба глядѣли на огонь и не видѣли другъ друга. Вдругъ духовидецъ быстро обернулся и пристально взглянулъ на духа; также быстро придвинулся къ креслу и призракъ и продолжалъ глядѣть на Редлау.

Стало быть, могутъ смотрѣть другъ на друга: человѣкъ, наказанный тяжкимъ присутствіемъ своего двойника, и этотъ двойникъ, его второе я. Страшный глазъ-на-глазъ, ежели вспомнимъ, что сцена разыгрывается въ уединенномъ, отдаленномъ флигелѣ запустѣлаго зданія, въ зимнюю ночь, при громкомъ завываніи вѣтра, который, Богъ вѣсть откуда и куда, несется въ своемъ таинственномъ, съ сотворенія міра неразгаданномъ полетѣ, и при безчисленныхъ милліонахъ звѣздъ, блестящихъ въ вѣчномъ пространствѣ, передъ которымъ наша земля — пылинка, а ея сѣдая древность — минуты, считаемыя ребенкомъ.

— Посмотри на меня,—сказалъ призракъ. — Это я, съ самаго дѣтства сирый, безпомощный и бѣдный, я, человѣкъ трудившійся и страдавшій; до тѣхъ поръ трудившійся и страдавшій, покуда не вынесъ на своихъ плечахъ знанія изъ рудника, въ которомъ оно было погребено, покуда не соорудилъ изъ этого знанія прочныхъ ступеней, чтобы успокоить на нихъ усталыя ноги и пойдти выше.

— Этотъ человѣкъ — я! — сказалъ химикъ.

— Не охраняли меня, —продолжалъ призракъ, — ни самоотверженная любовь матери, ни совѣтъ отца. Чужой замѣнилъ ребенку отца, и ребенокъ сталъ скоро чуждъ сердцу матери. Мои родители были, сказать помягче, такого рода люди, которыхъ заботы непродолжительны и въ которыхъ чувство долга замираетъ очень скоро. Это — птицы, которымъ весною нужно вывести птенцовъ, а тамъ добрая ли, не добрая ли доля выпала птенчикамъ, погибли ли птенчики, все же на сторонѣ родившихъ полное право и на заслугу и на сожалѣніе.

Digitized by Google

Онъ замолчалъ и, казалось, хотѣлъ принудить Редлау къ отвѣту и взглядомъ и тономъ рѣчи и улыбкой.

— Это я, — продолжалъ двойникъ, — я, нашедшій себѣ друга въ моемъ стремленіи. Я старался изучить его, снискалъ его дружбу, сблизился съ нимъ. Мы работали вмѣстѣ, бокъ-о-бокъ. Все довѣріе, вся любовь, неуспѣвшая проблеснуть и выразиться въ моей ранней юности, вылилась на него.

— Не вся, — сказалъ Редлау глухимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не вся, — повторилъ призракъ. — У меня была сестра.

Духовидецъ опустилъ голову на руки и отвѣчалъ: Была!

Призракъ злобно улыбнулся, пододвинулся ближе къ кресламъ и, положивъ подбородокъ на сложенныя руки, устремивъ на Редлау пытливые, огненные взоры, продолжалъ:

— Она сіяла лучами отраднаго свѣта, отраднаго, какъ пламя до тѣхъ поръ чуждаго мнѣ семейнаго очага. Какъ молода была она, какъ хороша, какъ достойна любви! Я ввелъ ее подъ мою первую бѣдную кровлю, и бѣдная кровля озолотилась ея присутствіемъ. Она вступила въ мракъ моей жизни и освѣтила его. Она у меня передъ глазами.

— Я также ее вижу въ огнѣ, слышу ее въ музыкѣ, въ вѣтрѣ, въ мертвой тишинѣ ночи, — сказалъ духовидецъ.

— Любилъ онъ ее, твой другъ? — спросилъ призракъ, подражая задумчивому голосу Редлау. — Кажется, любилъ. Навѣрное, любилъ. Скажу больше, она любила его, хотя и менѣе, не такъ тревожно, не такъ пылко, съ измѣримой глубиной болѣе раздѣленнаго чувства.

— Не пробуждай во мнѣ этихъ воспоминаній,—сказалъ химикъ, протянувъ впередъ руку.—Позволь мнѣ вырвать ихъ изъ моей памяти.

Призракъ не шевельнулся и, не сводя съ лица Редлау жгучихъ глазъ, продолжалъ:

— Сонъ, подобный ихъ сну, овладѣлъ и моей жизнію.

Digitized by Google

— Да.

— Любовь, подобная ихъ любви, — продолжалъ призракъ, переломила и мою, менѣе духовную природу, вкралась и въ мое сердце. Я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ приковать къ моей судьбѣ предметъ этой любви обѣщаніемъ или просьбой, я слишкомъ любилъ, чтобы отважиться на подобную попытку. Но я сталъ трудиться сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и каждый шагъ впередъ приближалъ меня къ цѣли. Я трудился безъ устали въ послѣдніе промежутки тогдашней дѣятельности; моя сестра, моя нѣжная подруга, дѣлила со мною минуты отдыха передъ огнемъ камелька. Близокъ былъ роковой день и — какіе свѣтлые образы видѣлъ я въ будущемъ!

— Я видѣлъ ихъ сейчасъ въ огнѣ, — прошепталъ Редлау. — Они проносятся передо мной въ музыкѣ, въ вѣтрѣ, въ мертвой тишинѣ ночи, въ первыхъ мгновеніяхъ возраждающагося года.

— Это были образы моей семейной жизни въ будущемъ, образы, соединявшіе меня съ дѣвушкой, съ вѣнцомъ моихъ трудовъ. Образы свадьбы моей сестры съ вѣрнымъ моимъ другомъ, почти на тѣхъ же условіяхъ, потому что онъ долженъ былъ получить наслѣдство, а мы нѣтъ; образы нашего зрѣлаго мужества, полнаго счастія, образы, раскидывавшіеся длинными золотыми цѣпями, опутывавшіе насъ и нашихъ дѣтей блестящими вязями, — говорилъ призракъ.

— Образы обманчивые, — продолжалъ духовидецъ. — Мой жребій — только слишкомъ хорошо ихъ помнить.

— Обманчивые, — повторилъ призракъ, не измѣняя строгаго выраженія лица и продолжая глядѣть на Редлау неподвижными глазами. — Потому что мой другъ, котораго сердцу я довѣрялъ, какъ своему, прошелъ разрушительной кометой между мной и моимъ солнцемъ, между мной и центромъ системы моихъ надеждъ и бореній, и разбилъ хрупкое зданіе моей мечты. Моя сестра, вдвойнѣ дорогая, вдвойнѣ преданная, вдвойнѣ любящая, дожила до моей славы,

Digitized by Google

до пріобрѣтеннаго мною громкаго имени, къ чему я такъ стремился; но истощился источникъ этого тщеславія, и она....

— Умерла, — перебилъ химикъ. — Умерла, нѣжная и благочестивая, какъ всегда; умерла тихо, съ одною мыслію о братѣ. Миръ ея душѣ!

Призракъ, молча, наблюдалъ за Редлау.

— Памятливъ я, — сказалъ духовидецъ, — слишкомъ памятливъ: годы прошли и ничего не осталось отъ этой дѣтской, давно угасшей любви, кромѣ смутныхъ воспоминаній, а я гляжу на это чувство, какъ на любовь брата или сына. Часто раздумываю я о томъ, какими путями склонилось къ нему ея сердце, нѣкогда полное участія ко мнѣ. Но все это — пустыя мысли. Несчастіе — рану, нанесенную любимой и довѣренной рукою, ни чѣмъ незамѣнимую потерю — переживаютъ въ нашей памяти грезы!

— По этому, — сказалъ призракъ, — я ношу съ собою повсюду и мое горе и нанесенную мнѣ обиду; по этому я самъ себя терзаю; по этому воспоминаніе давитъ меня, какъ проклятіе; и желалъ бы я забыть и мое горе и мою обиду, если бы могъ.

— Злой духъ, — воскликнулъ химикъ, протягивая судорожно сжатую руку къ горлу своего двойника, — зачѣмъ постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ эта насмѣшка?

— Тише! — крикнулъ страшнымъ голосомъ призракъ; — только наложи на меня руку, и ты трупъ!

Редлау удержалъ протянутую руку, какъ будто окованный этими словами, окаменѣлъ и смотрѣлъ во всѣ глаза на привидѣніе. Двойникъ тихо отодвинулся и поднялъ съ угрозою палецъ. Тонкая улыбка пробѣжала по его тоскливому лицу и вся его мрачная физіогномія выразила торжество.

— Желалъ бы я забыть мое горе и мою обиду, если бы могъ, — повторилъ духъ, — желалъ бы я забыть мое горе и мою обиду, если бы могъ!

Digitized by Google

— Злобный мой демонъ! — отвѣчалъ духовидецъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ, — твое постоянное нашептываніе отравитъ всю мою жизнь.

— Это эхо, — сказалъ призракъ.

— Ежели это эхо моихъ мыслей, какъ я теперь и думаю, — сказалъ духовидецъ, — за что же я долженъ такъ страдать? это не произвольныя мысли; я ихъ обращаю на самого себя. У всѣхъ людей свое горе, у большей части свои обиды. На ступеняхъ жизни стоятъ и неблагодарность и черная зависть и самолюбіе: кто же изъ людей не желалъ бы забыть свое горе и свои обиды?

— И въ самомъ дѣлѣ, кто бы не желалъ забыть ихъ и сдѣлаться счастливѣе? — спросилъ призракъ.

— Эта цѣпь годовъ, сохранившихся въ нашей памяти, — продолжалъ Редлау, — зачѣмъ не все вызываетъ она изъ нашей души? Есть ли человѣкъ, въ которомъ воспоминанія не разбудили бы или горе или страданія? Что такое воспоминанія старика, который былъ здѣсь сегодня ночью? Цѣпь горя и страданія!

— Но простыя души, — сказалъ призракъ съ злобной улыбкой на своемъ ледяномъ лицѣ, — души необразованныя, обыденныя, чувствуютъ и понимаютъ не такъ, какъ люди съ высшимъ образованіемъ, съ глубокими мыслями.

— Искуситель! — отвѣчалъ Редлау, — искуситель! — повторилъ онъ опять, — твоего ледянаго взора,.... твоей мрачной рѣчи боюсь я невыразимо, и черное предчувствіе большаго несчастія ложится мнѣ на душу при разговорѣ съ тобою. Искуситель! я снова слышу эхо души моей.

— Прими это за доказательство моей власти, — сказалъ духъ. — Выслушай мое предложеніе: позабудь испытанныя тобою горе, обиды и страданія.

— Позабыть ихъ? — повторилъ Редлау.

— Я имѣю власть уничтожать память объ этихъ страданіяхъ: останутся слабые, незамѣтные слѣды, да и тѣ скоро совсѣмъ исчезнутъ, — отвѣчалъ призракъ. — Скажи, хочешь ли ты этого?

Digitized by Google

— Стой! — крикнулъ духовидецъ, съ ужасомъ отдергивая уже протянутую руку. — Я тебѣ не довѣряю и сомнѣваюсь въ тебѣ. Необъяснимая боязнь, которую ты мнѣ внушаешь, возрастаетъ до такого безъименнаго страха, что я его не могу вынести. Я не утрачу ни одного радостнаго воспоминанія, ни одного чувства, благотворнаго для меня или для другихъ; но что я потеряю, ежели ты получишь мое согласіе? Что должно умереть въ моей памяти?

— Ни одно знаніе, ни малѣйшая привязанность къ наукѣ не погибнетъ. Но вся тѣсная цѣпь ощущеній и мыслей, связанныхъ такъ или иначе съ изгоняемыми воспоминаніями, вся эта цѣпь исчезнетъ изъ твоей памяти.

— Не ужели такъ много этихъ ощущеній и мыслей? — спросилъ духовидецъ, пристально смотря на призракъ.

— Онѣ обыкновенно повторялись въ огнѣ, въ музыкѣ, въ мертвой тишинѣ ночи, въ первыхъ мгновеніяхъ возраждающагося года, — гнѣвно отвѣчалъ призракъ.

— И больше ничего?

Призракъ молчалъ.

Но послѣ краткихъ минутъ этого молчанія подвинулся къ камину и снова сталъ недвижимъ.

—Рѣшайся, — сказалъ онъ, — пока есть случай.

— Одну минуту! Я призываю небо въ свидѣтели, — сказалъ Редлау, обуреваемый различными ощущеніями,—что никогда во мнѣ не было ненависти къ людямъ, никогда я не бранилъ ихъ, никогда не отказывалъ въ участіи, никогда не былъ жестокъ къ окружающимъ меня. Ежели я въ моемъ уединеніи старался разобрать, что было и должно было быть, отчасти и то, что есть, — слѣдствія этихъ изысканій были пагубны для меня, а не для другихъ. Но ежели бы въ моемъ тѣлѣ былъ ядъ, а въ рукахъ извѣстное противоядіе; то не ужели же я не долженъ бы былъ къ нему прибѣгнуть? А теперь, когда въ душѣ моей ядъ и я могу уничтожить его при помощи этого страшнаго призрака, — ужели я не долженъ уничтожать его?

Digitized by Google

— Отвѣчай, — сказалъ призракъ, рѣшился ли ты?

— Еще минуту!— отвѣчалъ Редлау.—*Я бы забылъ, если бы могъ*! Мнѣ ли одному принадлежитъ эта мысль, или переходитъ она отъ тысячи людей къ тысячѣ людей изъ родовъ въ роды? Память каждаго человѣка хранитъ и горе и обиды. Моя память подобна памяти другихъ людей; но другіе не имѣютъ возможности выбирать. Да! я заключаю условіе! Да! я хочу позабыть мои горе, мое обиды, мои страданія!

— Отвѣчай, — сказалъ призракъ,—рѣшился ли ты?

— Рѣшился!

— По рукамъ, дѣло кончено! Слушай же, человѣкъ: покидаемый мною отнынѣ, переданный тебѣ даръ ты будешь сообщать другимъ людямъ, куда бы ты ни пошелъ. Не открывая, какой властью облекаешь ты посредствомъ этой грани твоей памяти тѣхъ, съ которыми сблизишься, ты будешь уничтожать въ нихъ тѣ же воспоминанія, которыя уничтожилъ въ себѣ самомъ. Мудрость твоя показала тебѣ, что воспоминанія горя, обидъ и страданій достались на долю всѣмъ людямъ, и что безъ этихъ воспоминаній люди были бы счастливѣе. Хорошо! будь же съ этой минуты благодѣтелемъ людей, освобождай ихъ отъ этихъ мыслей и невольно собирай благословенія за это освобожденіе. Твоя воля неразрывно соединена и связана съ распространеніемъ этой свободы. Ступай! ты пріобрѣлъ богатство; будь же ростовщикомъ!

Въ продолженіе этой рѣчи, двойникъ держалъ надъ Редлау свои безкровныя руки, будто произнося страшныя заклинанія, и глаза его постепенно приближались къ Редлау, такъ что онъ могъ видѣть, какъ эти глаза противорѣчили ужасной улыбкѣ, разлитой по лицу двойника, и глядѣли съ неизмѣнной, холодной яростью. Призракъ растаялъ и исчезъ.

Редлау стоялъ, какъ прикованный къ мѣсту, его душа была переполнена страхомъ и удивленіемъ, и казалось ему, что печальное, постепенно замирающее эхо доноситъ до него слова: «Въ тѣхъ, съ которыми сблизишься, ты будешь

Digitized by Google

уничтожать тѣ же воспоминанія, какія уничтожилъ въ самомъ себѣ.» Въ это мгновеніе его слухъ былъ пораженъ рѣзкимъ крикомъ. Этотъ крикъ, казалось, выходившій не изъ корридоровъ, а изъ другой части стараго зданія, походилъ на призывъ человѣка, потерявшаго въ темнотѣ дорогу.

Редлау взглянулъ самъ на себя, какъ будто желая удостовѣриться въ своемъ тождествѣ съ самимъ собою, и отвѣчалъ также крикомъ, дикимъ и громкимъ.... Ему самому было страшно; онъ самъ какъ будто заблудился.

Крикъ повторился еще разъ и очень близко. Редлау схватилъ лампу и поднялъ толстый занавѣсъ, отдѣлявшій его комнату отъ химическаго театра, въ которомъ онъ обыкновенно читалъ лекціи. Аудиторія, ежедневно наполненная пылкими юношами, которыхъ лица мгновенно оживлялись на высокомъ амфитеатрѣ, при входѣ профессора, казалась теперь Редлау пустымъ, населеннымъ призраками мѣстомъ, которое зіяло передъ нимъ, какъ образъ смерти.

— Эй! — крикнулъ онъ, — эй! сюда! на огонь!— Въ ту самую минуту, какъ онъ одной рукой придерживалъ занавѣсъ, а другой приподнималъ лампу, стараясь проникнуть темноту своимъ взглядомъ, позади него что-то прыгнуло, какъ дикая кошка, и забилось въ уголъ.

— Что это такое? — произнесъ Редлау.

Онъ и тогда спросилъ бы — «что это такое?» когда бы, какъ теперь, разглядѣлъ вполнѣ прижавшееся въ уголъ существо.

Изъ-подъ груды лохмотьевъ высунулось маленькое чудовище, по виду и по росту—ребенокъ, но по своимъ судорожно сжатымъ кулаченкамъ похожее на злаго старика. Лицо, округленное и улаженное какими-нибудь шестью годами, было обезображено и искажено страданіями цѣлой жизни. Глаза свѣтились, но не блескомъ юности; ноги прекрасныя въ своемъ дѣтскомъ, нѣжномъ очертаніи, но отвратительныя на взглядъ — загрязненныя, окровавленныя. Маленькій дикарь, маленькое чудовище, ребенокъ, никогда

Digitized by Google

не бывшій ребенкомъ, это существо могло со временемъ принять образъ человѣка, но жить и умереть должно было, какъ звѣрь.

Увидя, что его примѣтили, мальчикъ, вѣроятно привыкшій, какъ звѣрь, къ нападкамъ и побоямъ, забился въ самый уголъ и протянулъ руку, чтобы отвратить ударъ.

— Не троньте меня, — сказалъ онъ: — я укушу.

Было время, и недавно было, когда подобное зрѣлище глубоко поразило бы сердце химика; но теперь онъ холодно, равнодушно спросилъ только мальчика, будто не ясно припоминая что-то, — что онъ здѣсь дѣлаетъ и откуда пришелъ?

— Гдѣ мистриссъ? — спросилъ мальчикъ. — Я ищу мистриссъ.

— Какую?

— Ну, мистриссъ, вотъ что принесла меня и посадила къ большому огню. Она долго не приходила, я за ней пошелъ, да и заблудился. Мнѣ васъ не нужно: я хочу мистриссъ.

И онъ сдѣлалъ такой неожиданный скачокъ, что глухой топотъ его босыхъ ногъ послышался уже подлѣ занавѣси, когда Редлау поймалъ его за лохмотья.

— Ну, пустите меня! — завизжалъ ребенокъ, оборачиваясь, изгибаясь и оскаливая зубы. — Пустите меня! я вамъ ничего не сдѣлалъ. Пустите къ мистриссъ!

— Здѣсь не дорога; можно пройдти ближе,— сказалъ Редлау, удерживая ребенка и напрягая всѣ усилія, чтобы припомнить что-то; — какъ тебя зовутъ?

— Ни какъ.

— Гдѣ ты живешь?

— Живешь? что такое — живешь?

Мальчикъ отбросилъ нависшіе на глаза волосы, посмотрѣлъ на Редлау; но потомъ ухватился ему за ноги, потащилъ его и закричалъ во все горло: Пустите меня! я хочу найдти мистриссъ!

Digitized by Google

Химикъ подвелъ его къ двери.—Сюда!—сказалъ онъ, продолжая взглядываться въ мальчика и постепенно смягчаясь, вѣроятно противъ воли.—Я провожу тебя къ ней.

Острые глаза ребенка какъ будто повернулись въ головѣ, обѣжали всю комнату и остановились на столѣ, на которомъ были остатки ужина.

— Дай мнѣ что-нибудь оттуда, — сказалъ онъ съ жаднымъ взглядомъ.

И не дожидаясь позволенія, прыгнулъ къ столу, какъ маленькій хищный звѣрь, схватилъ хлѣбъ и мясо, прижалъ все это вмѣстѣ съ лохмотьями къ груди, и сказалъ:

— Ну, теперь веди къ мистриссъ.

Химикомъ снова овладѣло тяжкое чувство. Онъ хотѣлъ проводить мальчика и строго слѣдить, за нимъ; но едва вышелъ въ двери, вдругъ вздрогнулъ и остановился.

«Переданный тебѣ даръ ты будешь сообщать другимъ людямъ, куда бы ты не пошелъ.»

Эти слова призрака принеслись какъ будто по вѣтру и вѣтеръ пахнулъ холодомъ на Редлау.

— Я не пойду туда нынѣшней ночью, — сказалъ онъ тоскливо,—я никуда не пойду нынѣшней ночью!.... Мальчикъ! ступай по этому длинному крытому ходу, выйдешь большой темной дверью въ садъ и увидишь въ окнѣ огонекъ.

— Огонекъ мистриссъ? — спросилъ мальчикъ.

Редлау кивнулъ головой и босыя ноги отпрыгнули отъ него. Редлау попелъ съ своей лампой назадъ, поспѣшно заперъ дверь и опустился въ кресла, какъ человѣкъ, боящійся самого себя.

Теперь онъ дѣйствительно былъ одинъ. Одинъ и одинокъ!

(*Прод. въ слѣд. N*)

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ АВГУСТА ГАУСМАНА.

(Статья III.)

КАНТОНЪ.

Вступивъ на берегъ, посреди оглушительнаго шума танкасъ, передъ вами, на востокъ, возвышается Англійская факторія. Эта факторія состоитъ изъ длиннаго ряда домовъ; маленькій *дебаркадеръ*.*, осѣненный группою растущихъ надъ нимъ деревъ, ведетъ ко входу, котораго одна сторона служитъ амбаромъ. Замѣчательнѣйшими изъ строеній Англійской факторіи считаются: домъ консула, домъ «Жардина, Матесона и компаніи», главнѣйшій изъ торговыхъ Англійскихъ домовъ въ Китаѣ, и *Хонгъ* богатаго Гу-куа. Эта факторія замѣняетъ, на время, разграбленную въ 1841 году, и истребленную пожаромъ въ 1842. На мѣстѣ стараго пожарища воздвигается новая факторія; но эти работы, занимающія нѣсколько сотъ Китайскихъ рукъ, тихо подвигаются, и не разъ были совершенно остановлены: по улицамъ Кантона являлись угрожающія объявленія, которыя наводили ужасъ на работниковъ. Однакоже теперь можно полагать, что дѣло скоро придетъ къ концу. Не извѣстно, будутъ ли эти новыя постройки долговѣчнѣе прежнихъ: судьба предшествовавшихъ, сожженныхъ и разграбленныхъ четыре раза въ продолженіе 20 лѣтъ, не подаетъ большой надежды. Предсказываютъ опять неминуемый поджогъ при первомъ значительномъ переворотѣ торговли, и его сдѣлаютъ тѣ же самые работники, которымъ иностранцы доставляютъ пропитаніе. Заработка составляетъ единственное отношеніе ту-

---

* Мѣсто выгрузки и склада товаровъ, — депо, складочный магазинъ.

Digitized by Google

земныхъ ремесленниковъ съ Англійскими купцами; безъ этого отношенія Китайскіе работники смотрятъ на иностранцевъ какъ на враговъ.

Узкая улица, направленная къ больницѣ протестантской миссіи, отдѣляетъ Англійскую воздвигаемую факторію отъ Американской. Американская въ настоящее время превосходнѣе и удобнѣе прочихъ. Она состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ обширныхъ зданій, подведенныхъ подъ одну крышу; пространный и красивый фасадъ ея отличается отъ всѣхъ окрестныхъ Китайскихъ строеній. Онъ представляетъ пять большихъ воротъ, ведущихъ въ длинные переходы, обставленные жилыми домами, лавками и конторами. Эти переходы тянутся во всю длину факторіи до параллельной улицы, на которую выходитъ противоположная сторона зданія. Большая часть наемщиковъ занимаютъ обширныя, удобныя и хорошо меблированныя квартиры. Крыши домовъ выходятъ террасами на набережную; во время вечерней прохлады выходятъ на нихъ подышать воздухомъ и полюбоваться окрестнымъ оживленнымъ видомъ. Домъ консула Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ другихъ своимъ фасадомъ, осѣненнымъ большими растущими передъ нимъ деревьями. Прекрасная площадь отдѣляетъ эту факторію отъ парка, называемаго *Американскимъ садомъ*, по срединѣ котораго воздымается мачта съ развѣвающимся флагомъ. На вершинѣ ея былъ прежде флюгеръ, обращавшійся на всѣ стороны. Всѣ бѣды, всѣ болѣзни приписывались суевѣріемъ Китайцевъ этому флюгеру; и наконецъ въ Маѣ 1844 года, на него было формальное возстаніе жителей. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, убитый Китаецъ и три раненыхъ заключили возмущеніе, вынудившее Американцевъ на благоразумную рѣшительность снять своей флюгеръ; и все пришло въ порядокъ. Кромѣ *Американскаго сада*, обнесеннаго стѣнами, прорѣзаннаго аллеями, украшеннаго цвѣтами и разнородными деревьями, иностранцы не имѣютъ въ Кантонѣ никакого другаго гульбища; и потому каждый вечеръ собирается тамъ многочисленное общество.

Digitized by Google

За Американской факторіей, направляясь къ западу, выйдешь на широкую улицу, или, лучше сказать, на площадь, постоянное сборище Китайскихъ зѣвакъ: торговцевъ съѣстными припасами, гадальщиковъ, починивающихъ поношенное платье и брадобрѣевъ. Прохожіе останавливаются тамъ обыкновенно для прочтенія красныхъ афишъ, налѣпленныхъ на стѣну обширнаго строенія, самой замѣчательной Китайской архитектуры. Эта площадь примыкаетъ одной стороной къ дебаркадеру, а другой къ большому переходу, называемому Англичанами Old-china-street. При входѣ въ него, родъ часовни, посвященной какому-то охраняющему божеству. Old-china-street вымощена плитами; по обѣ стороны прекрасныя лавки, съ различными рѣдкостями, множествомъ вещей лаковыхъ и фарфоровыхъ, утварью и произведеніями Китайской живописи. Эти лавки устроены единственно для удовлетворенія путешественниковъ; владѣтели-продавцы стоятъ обыкновенно у входа и почтительно приглашаютъ посѣтителей войдти. Дома ихъ одноэтажные; всѣ устроены и расположены одинаково. Вывѣски написаны на Англійскомъ языкѣ, на небольшихъ четырехъугольныхъ доскахъ, наклонно прибитыхъ надъ дверьми. Переходъ Old-china-street не покрытъ никакимъ навѣсомъ. Только на нѣкоторыхъ разстояніяхъ, отъ одного жилища къ другому, переброшены доски, на которыхъ гнѣздятся ночные стражи.

Французская факторія слѣдуетъ за Old-china-street. Она представляетъ собраніе незначительныхъ строеній, въ которыхъ живутъ большею частію одни *Парси*. Эти жилища построены въ два этажа, на Европейскую стать. Нижній ярусъ представленъ въ распоряженіе Китайскихъ слугъ, которые все свободное отъ необходимыхъ занятій время проводятъ во снѣ, растянувшись на своихъ лодкахъ. Французскій консулъ имѣетъ свое пребываніе въ этой факторіи, гдѣ провели мы болѣе шести мѣсяцевъ. Такъ же, какъ и въ Макао, *comprador* или маркитантъ доставлялъ намъ харчи за умѣренную цѣну; но съѣстные припасы въ Кантонѣ превосходнѣе, нежели въ Макао.

Digitized by Google

За Французской факторіей или French-hong, слѣдуетъ переходъ, называемый New-china-street, параллельно Old-china-street. Лавки этого перехода богаче и щеголеватѣе, нежели лавки Old-china-street. Далѣе вступаешь въ Danich-hong (факторію Датскую), которая не чѣмъ не разнится отъ Французской; во многихъ домахъ балконы, уставленные цвѣтами, соединяются со стѣной, которая находится противъ зданія. Обратясь опять къ French-hong и слѣдуя по переходу, который открывается передъ нимъ, достигнешь до гостинницы Викентія — единственнаго пріюта иностранцевъ въ Кантонѣ. Эта гостинница выходитъ на заливъ, гдѣ стоятъ суда разной величины. Тутъ кончается сторона факторій. Она числится въ предмѣстьяхъ Кантона, занимающихъ обширное пространство, къ западу отъ города, куда мы наконецъ входимъ.

Кантонъ, называемый въ Китайскомъ просторѣчіи Сангчіенъ, считается главнымъ мѣстомъ области Куангъ-тунгъ, поверхность которой равняется половинѣ Франціи. Городъ стоитъ въ Куангъ-чу-фу, одной части этой области, къ которой причислено 15 уѣздовъ. Западная часть Кантона прилежитъ къ уѣзду Нан-хай, а восточная къ уѣзду Пуан-ю. Такое подраздѣленіе большихъ Китайскихъ городовъ къ разнымъ уѣздамъ, почти безъ исключеній.

Городъ почти четвероугольный, обведенъ оградой, и раздѣленъ другой стѣною, параллельной рѣкѣ, на двѣ неравныя части. Обширнѣйшая часть, лежащая къ сѣверу, называется старымъ или Татарскимъ городомъ, въ который до сихъ поръ не было доступа иностранцамъ. * Другая, составляющая новый, или Китайскій городъ, открыта для иностранцевъ, не смотря на то, что на нихъ смотрятъ не слишкомъ благосклонно. Въ окружной стѣнѣ продѣлано двѣнадцать большихъ воротъ и четверо во внутренней стѣнѣ, ведущихъ изъ Татарскаго города въ Новый.

---

* Но кажется, что новымъ указомъ Императора входъ въ него наконецъ открытъ.

Digitized by Google

Вся окружность города составляетъ около девяти верстъ.

Каменная работа стѣнъ состоитъ изъ рыхлаго краснаго песчаника и кирпича. Къ сѣверу возвышаются на холмахъ укрѣпленія, которыя господствуютъ надъ всѣмъ городомъ. Въ той же сторонѣ и въ близкомъ разстояніи отъ ограды, расположены четыре укрѣпленія, которыми завладѣли Англичане, 25 Мая 1841 года.

Когда Китайцы ограбили всѣ факторіи и тщетно пытались зажечь брандерами стоявшія близъ Кантона Англійскія суда, уполномоченный Елліотъ и коммодоръ Флемингъ Сенгаусъ отдали приказаніе стоявшей въ Вампу Англійской эскадрѣ взять направленіе на главное мѣсто областное. 24 Мая пароходъ Аталанта поднялъ отрядъ войска для высадки передъ фасомъ факторій. *Стимеръ* Немезида принялъ на бортъ: уполномоченнаго Англійскимъ правительствомъ коммодора, Генералъ-Маіора Гугъ-Гоугъ, командующаго войсками, главный штабъ и полкъ пѣхоты; сверхъ того буксировано 20 лодокъ, нагруженныхъ войскомъ, разнымъ оружіемъ и пушками. Эта грозная флотилія медленно поравнялась съ Кантономъ, и только къ ночи пристала къ Тзинкъ-пу, точкѣ, признанной удобнѣйшей, на сѣверо-западъ отъ Кантона. Войска вступили на берегъ, 25 въ утро. Между тѣмъ эскадра подъ командою капитана Варрена овладѣла островками — Folies francaise et hollandaise, — укрѣпленными и снабженными орудіями. Такимъ образомъ городъ былъ обложенъ съ сѣвера и съ юга — на главныхъ его пунктахъ.

Отрядъ, посланный для взятія приступомъ сѣверныхъ холмовъ, состоялъ изъ 2,395 человѣкъ, изъ которыхъ было 811 матросовъ. Съ великимъ трудомъ перенесены были орудія черезъ болотистыя поля, засѣянныя рисомъ, до необходимаго разстоянія отъ непріятеля. Наконецъ можно было выставить въ атаку двѣ колонны, одну противъ укрѣпленія на сѣверо-западной оконечности, другую противъ двухъ, которыя отстоятъ нѣсколько на востокъ. Эти послѣднія, не смотря на то, что находились далѣе, были снесены прежде, потому что приступъ къ нимъ менѣе затруднителенъ. Ки-

Digitized by Google

тайскія войска по своему обычаю защищались весьма слабо. Черезъ полчаса времени, четыре укрѣпленія были во власти Англичанъ, и непріятельская армія бѣжала въ безпорядкѣ.

Однакожъ Китайцы не прекращали сильный огонь съ высоты городскихъ стѣнъ. Англійскія войска, овладѣвшія, тотчасъ по взятіи холмовъ, укрѣпленнымъ лагеремъ, расположеннымъ въ близкомъ разстояніи, выбились изъ силъ и не были въ состояніи въ тотъ же день атаковать Кантонъ. Потому Генералъ Гугъ-Гоугъ отложилъ приступъ до слѣдующаго дня. Но 26 Мая большая часть артиллеріи не подоспѣла.

Въ 10 часовъ Китайцы выкинули бѣлый флагъ на городской стѣнѣ и просили Генерала о переговорахъ, который согласился на конференцію только съ главнокомандующимъ и внѣ города. Былъ назначенъ часъ, но никто не явился. Въ это время уже разставляли Англійскія орудія. Приготовленія продолжались во всю ночь съ 26 на 27 Мая, подъ проливнымъ дождемъ. Генералъ не жаловался на отсрочку прошедшаго дня: она подошла очень кстати; потому что онъ еще не былъ готовъ на открытіе огня.

Наконецъ, 27 Мая въ 6 часовъ утра, въ ту минуту, когда намѣревались начать атаку, Генералъ получилъ отъ уполномоченнаго увѣдомленіе о перемиріи.

Китайцы обязались выплатить 6 мильоновъ піастровъ, изъ которыхъ 3 были тотчасъ выданы *ганистами*. Въ слѣдствіе договора, 18,000 Татарскаго войска вышли изъ Кантона. Послѣ того Англійскія войска имѣли еще схватку съ толпами, набѣжавшими изъ деревень, которыя своевольно подняли оружіе, но которыхъ не большаго труда стоило разсѣять. Всѣ эти сшибки стоили Англичанамъ 15 убитыхъ и 112 раненыхъ.

Нынѣ они очень сожалѣютъ о томъ, что не рѣшились въ то время бомбардировать Кантона, чтобы окончательно напугать народъ, который еще не понимаетъ вполнѣ всей грозы Европейскаго войска. Въ 1841 году, Велико-

Digitized by Google

британія, опасаясь за торговлю, поспѣшила кончить раздоръ съ Поднебесной монархіей. Она не была еще тогда на столько увѣрена въ трусости и военномъ безсиліи Китайцевъ.

Кантонъ прорѣзанъ многими каналами, * которые придаютъ странный видъ нѣкоторымъ кварталамъ. Особенно замѣчателенъ пересѣкающій кварталъ красильщиковъ. Длинныя полосы тканей, окрашенныхъ большею частію въ синюю краску индиго, развѣшены по крышамъ домовъ, построенныхъ на берегу. Вода этого канала почти всегда мутна, а набережныя улицы чрезвычайно грязны. Многочисленные кожевенные заводы, которые находятся въ этомъ кварталѣ, разпространяютъ невыносимое зловоніе. Появленіе иностранца тамъ производитъ волненіе: толпы несчастныхъ тотчасъ окружаютъ его и осматриваютъ съ ногъ до головы съ изумленіемъ.

Говорятъ, что въ Кантонѣ болѣе 600 улицъ. Эти улицы узки, грязны и дурно вымощены. Въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ онѣ пересѣкаются воротами, которыя, запираясь каждый вечеръ, облегчаютъ надзоръ полиціи и прекращаютъ сообщенія. Зимой съ одной крыши на другую накидываются черезъ улицу доски, на которыхъ бываютъ устроены бамбуковые шалаши, служащіе воздушными караульнями ночнымъ стражамъ, оглашающимъ воздухъ непріятной стукотней въ *тамтамъ*. Эта стукотня подаетъ вѣсть о бдѣніи караула. Въ случаѣ пожара тѣ же стражи будятъ жителей пронзительными звуками мѣдной *гонги*. Они переговариваются между собою условнымъ языкомъ, и знаками отъ квартала до квартала повторяютъ свой лозунгъ. Этотъ ночной шумъ, глухой, продолжительный, дѣйствуетъ довольно непріятно на пріѣзжаго.

---

* Во время сильныхъ приливовъ, многія Кантонскія улицы, которыя прилежатъ къ рѣкѣ и устроены на сваяхъ, обращаются въ каналы. Французская факторія часто бываетъ залита водою. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ были заведены особыя лодки на случай подобныхъ наводненій.

Digitized by Google

Нѣкоторыя улицы Кантона имѣютъ свое спеціальное назначеніе, такъ напримѣръ, улицы *плотниковъ, аптекарей фонарщиковъ*, и пр. Другія раздѣляются на два и на три отдѣла торговцевъ. Надъ дверями лавокъ вертикально развѣшены бѣлыя, красныя и черныя лакированныя вывѣски. Прохожіе читаютъ съ обѣихъ сторонъ написанныя золотыми буквами имена купцовъ и названія товаровъ *. Внутри лавки увѣшены таксами, на которыхъ выписаны правила торговли съ примѣсью похвалы товарамъ. Эти товары расположены на весьма чистыхъ полкахъ. Продолговатый столъ (залавокъ) поставленъ передъ внутренней стѣною. Мѣсто сидѣльцевъ и прикащиковъ между стѣной и столомъ. Въ этотъ переулокъ нельзя иначе попасть, какъ черезъ створчатую доску или внутреннюю дверь. Надъ головами ихъ устроивается нишь для божества *Синг-куанъ* или *Куан-таи*. Нишь этотъ украшенъ цвѣтными или позолоченными рѣзными листками, иногда узорочной фантастической живописью. Подлѣ устроенъ родъ балкона, съ котораго хозяинъ наблюдаетъ за прикащиками и за продажей. Свѣтъ проникаетъ изъ окна, продѣланнаго въ крышѣ. Въ отдѣльномъ углу лавки съ товаромъ другой олтарь для божества *Ту-теи*, котораго свято чтутъ Китайскіе торговцы.

Лучшія лавки Кантона находятся въ *Physik-street*, улицѣ самой чистой и самой просторной. Тутъ собраны всѣ рѣдкости: великолѣпныя вазы стараго Китая съ замѣчательными оригинальными рисунками, бронзовыя античныя и лаковыя вещи, статуйки божествъ и мудрецовъ, оружія и монеты глубокой древности, и тысячи вещицъ, которыхъ употребленіе и цѣну трудно опредѣлить Европейцу, но

---

* Вотъ въ переводѣ одно изъ подобныхъ объявленій публикѣ: «Всѣ почтенные люди, желающіе что-нибудь купить, должны взглянуть на вывѣску этой лавки. Здѣсь отвѣчаютъ за товаръ и не обманываютъ ни стараго, ни малаго.»—Лавка Чен-ки, у воротъ Тан-пингъ, въ улицѣ Чангъ-чеу, на востокъ.

Digitized by Google

въ которыхъ является невѣроятное терпѣніе Китайскаго художника.

Часть улицы Тинг-нунг-каи занимаютъ продавцы фонарей. Эти свѣтильные сосуды бываютъ самыхъ странныхъ формъ, шарообразные, цилиндрическіе и въ видѣ корзинокъ. Отдѣлка этихъ фонарей большею частію состоитъ изъ бамбуковыхъ палочекъ, на которыхъ, подобно зонтику, разпяливается пропитанная лакомъ бумага, которая складывается въ разныя формы. Инаго рода фонари дѣлаются изъ стекла.

Другая часть улицы Тинг-нунг-каи составляетъ рядъ лавокъ съ вещами для богослуженія: тутъ цвѣты, храмики украшенные колокольчиками, и павлиными перьями, искусственные плоды и безобразныя фигурки.

Sapsa - nonkai, или улица тринадцати факторій, изобилуетъ фарфоромъ изъ провинціи *Кіанг-си*. Тамъ много лавокъ съ циновками, съ соломенными шляпами, съ трубками и тростьми, съ Нанкинскими тканями и крапивнымъ полотномъ, извѣстнымъ подъ именемъ *хіа—пу*.

Изъ перехода *Old* и *New-China-street* выходишь на рынокъ, гдѣ продаютъ рыбу, овощи и плоды. Далѣе лавки мясниковъ, гдѣ сушеныя и разпластанныя крысы развѣшены вмѣстѣ съ жареной птицей. Къ счастію, запахомъ смолистаго дерева заглушается въ Кантонѣ уличный запахъ.

Текущія въ этихъ улицахъ рѣки народа представляютъ самое странное зрѣлище. На каждомъ шагу новыя впечатлѣнія: здѣсь десятка четыре неподвижныхъ уродливыхъ головъ, по которымъ молчаливые брадобрѣи водятъ свои огромныя бритвы. Тамъ болтаетъ гадатель, окруженный толпою ротозѣевъ съ глупою наружностію. Онъ произноситъ длинныя рѣчи такого таинственнаго смысла, что пытатели судьбы отходятъ обыкновенно въ задумчивомъ недоумѣніи. Далѣе встрѣчаются продавцы *экономическаго бульону* (въ этомъ открытіи Европа должна уступить Китайцамъ, которые, по обыкновенію, упредили ее на нѣсколько столѣтій). Еще да-

Digitized by Google

лѣе видишь больныхъ, которые философски переносятъ удары кулакомъ по спинѣ; Китайская медицина, какъ видно, также имѣетъ своего рода гомеопатію. Башмачники и сапожники сидятъ толпами около старыхъ бабъ, починивающихъ публично старую одежду. Охотники возвращаются съ полеванія съ огромными ружьями и съ скудной добычей какой-нибудь ничтожной пташки. Тутъ же толпятся содержатели боевыхъ звѣрей и птицъ: кошекъ, собакъ и перепелокъ, которыя въ Кантонѣ исправляютъ должность боевыхъ пѣтуховъ. Они показываютъ за диво куръ, которымъ вмѣсто куриныхъ лапъ прирощены утиныя.

Далѣе, встрѣчаешь шарлатановъ-лекарей, надувающихъ народъ, которые отвѣшиваютъ и продаютъ зелья, превознося дѣйствія ихъ похвалами. Покрытые рубищемъ, нищіе поютъ жалобныя мольбы и припадаютъ челомъ къ землѣ; слѣпцы тянутся цѣлыми вереницами, отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ; они ощупываютъ дорогу палками, просятъ милостины, щелкая кусочками дерева, и дѣлаютъ нашествіе на лавки, въ надеждѣ получить нѣсколько *сапекъ* отъ купцовъ, которымъ надоѣдаютъ вопли ихъ. Тутъ музыканты собираютъ около себя многочисленный кругъ слушателей, наигрывая имъ старый народный напѣвъ, который слышится на всѣхъ *sing-song*. Далѣе раздаются голоса полунагихъ носильщиковъ, которые, зацѣпляя другъ друга тяжелыми ношами своими, укрѣпленными на бамбуковыхъ палкахъ, подымаютъ ихъ на плеча и кричатъ *ла, ла, ла*, въ предостереженіе прохожихъ, которыхъ толкаютъ безъ церемоній, если они не довольно проворно сворачиваютъ съ дороги. Эти носилки, колеблемыя на мощныхъ рукахъ, состоятъ изъ четырехъ-угольнаго ящика на бамбуковыхъ шестахъ и затвореннаго со всѣхъ сторонъ, а иногда открытаго съ переди и съ боковъ, выставляя на показъ сидящаго внутри путника. Передъ изумленнымъ иностранцемъ проходятъ свадебные поѣзды, въ главѣ которыхъ несутъ жареныхъ свиней, поѣзды мандариновъ съ музыкантами, играющими на *гонгахъ*, съ прислужниками, вооруженными зонтиками. Вся эта пестрая толпа, которая

Digitized by Google

кишитъ, вращается и поминутно загражданетъ путь, представляетъ зрѣлище, котораго тщетно бы стали искать во всѣхъ Европейскихъ столицахъ. Не слѣдуетъ однако же слишкомъ предаваться развлеченію отъ безпрерывно смѣняемой декораціи. Какъ и во всѣхъ шумныхъ и большихъ городахъ,въ Кантонѣ много бездѣльниковъ; тамъ стянутъ платокъ и часы такъ же точно, какъ и на любой Европейской площади. Я думаю, что каждый изъ насъ поплатился фуляромъ на маленькой плащадкѣ между Американскимъ садомъ и Французской факторіей. Не рѣдко случается слышать по пятамъ своимъ идущаго незнакомца, который, пользуясь оплошностію, запускаетъ руку въ чужой карманъ.

Движеніе и одушевленіе, о которомъ мы старались дать по возможности понятіе, объясняютъ пристрастіе Китайцевъ къ Кантону, которому они даютъ имя «пріюта наслажденій». Говорятъ, что немного городовъ Имперіи доставляютъ имъ столько разнообразныхъ способовъ удовлетворенія страстей. Тамъ много игорныхъ домовъ, безпрестанныя театральныя представленія; а рѣка — этотъ водный городъ, вмѣщаетъ всѣ тайны увеселеній и ликованій, неизвѣстныхъ нигдѣ. Иностранная торговля, значительная въ Китаѣ, снабжаетъ Кантонъ предметами роскоши, которые составляютъ рѣдкости въ остальной части Китая и обогащаютъ торговый классъ. Извѣстные капиталисты Кантона: Гу-куа, Пун-тингъ-куа, Пункай-куа и Пинъ-ти-уангъ.

Но довольно уже говорили мы о наружной, уличной жизни. Внутри домовъ укрываются новыя невидальщины. Городъ Китая имѣетъ лучшіе кварталы съ кирпичными домами, имѣетъ также нищенскіе переулки, гдѣ убогіе бамбуковые шалаши, обмазанные глиною, даютъ кровъ бѣднякамъ. Любопытство не влечетъ въ эти хижины, не проникаетъ подъ циновки, замѣняющія двери; эти циновки скрываютъ тѣсные, сырые, зловонные углы, которые вмѣстѣ и кухни и спальни, многочисленныхъ семействъ. Понятіе о жиломъ устройствѣ Китайцевъ, можно получить только изъ привольной жизни

Digitized by Google

въ большихъ домахъ. Красивый сводъ, покрытый черепицею, крыши этихъ домовъ, поражаютъ съ перваго взгляда Такая форма беретъ свое начало съ шалашей кочующаго племени, которое въ древности съ востока Азіи переселилось въ Китай. Главный характеръ Китайской архитектуры есть чрезвычайная легкость ея. Зданія красивы, нарядны, украшены пластикой, самой тонкой, но также самой непрочной отдѣлки. По этой причинѣ Китай весьма бѣденъ памятниками. Большая часть домовъ Китая одноэтажные. Окна не имѣютъ простѣнковъ, какъ въ строеніяхъ среднихъ вѣковъ. Стекла замѣняются деревяннымъ переплетомъ или рѣзьбой замысловатаго, разнообразнаго, очень красиваго узора; въ промежуткахъ вставляются точеныя прозрачныя раковины, которыя замѣняются бумагой въ жилищахъ менѣе роскошныхъ.

Домы богатыхъ окружены высокой стѣною, которая скрываетъ ихъ отъ прохожихъ. Переступивъ порогъ двери, которая, по обыкновенію, открывается на обѣ половинки, входящій останавливается передъ загородкой, которая маскируетъ внутренніе покои. Любовь наслаждаться всякаго рода благомъ безъ свидѣтелей, составляетъ отличительное свойство Китайцевъ. Ихъ не тяготитъ ни какая предосторожность для укрытія сокровища своего отъ глазъ соотечественниковъ, и особливо мандариновъ, которыхъ зависть бываетъ опасна. Каморка привратника сторожитъ у входа. Два выхода, направо и налѣво отъ загородки, ведутъ на передній дворъ къ сѣнямъ или передней комнатѣ, которой внутренняя стѣна посвящена алтарю какого-нибудь геніяхранителя. На алтарѣ, убранномъ цвѣтами и блестящими листиками, стоитъ неугасаемая лампада, на которой набожные домовладыки и домочадцы сжигаютъ ароматы и золоченую бумагу. По стѣнамъ развѣшены длинныя бумажныя полосы, исписанныя крупными буквами. Покои убраны разнородными лампами самой странной формы. Однѣ круглыя, изъ напитанной составомъ *агар-агаръ* бумаги, испещренныя надписями и безобразными фигурами; другія изъ

Digitized by Google

четырехъ-угольныхъ кусковъ стекла, вставленныхъ въ рамки и также покрытыхъ рисунками.

По обѣимъ сторонамъ алтаря находятся обыкновенно два выхода, ведущіе на второй дворъ, на который выходитъ обширная галлерея во всю длину строенія. Во многихъ домахъ нѣтъ этого втораго двора, и передній покой примыкаетъ къ внутреннимъ. Мужская половина дома называется по-Китайски *гун-тингъ*, женская, которая отдѣлена отъ нея, называется *ка-кун-тингъ*. Узкія лѣстницы служатъ сообщеніемъ одного этажа съ другимъ. Комнаты не велики, за то многочисленны, меблированы большими креслами съ высокими спинками, очень неудобными и некрасивыми. Занавѣсами и тканями убираютъ только одно ложе. Перегородки и двери украшены сквозной рѣзьбою, которой совершенство и оригинальность дѣлаютъ честь Китайскому ремеслу. Лампады, фонари, изображенія животныхъ, растеній и фантастическихъ видовъ, наполняютъ всѣ пространства. Къ числу убранствъ принадлежатъ красныя *панкарты*, съ надписями, правилами, аллегоріями и поэтическими уподобленіями, которыхъ смыслъ часто темнъ и для самихъ Китайцевъ, которые находятъ необыкновенно замысловатымъ и глубокомысленнымъ то, чего они не понимаютъ. Эти панкарты вѣшаются парами; одна служитъ дополненіемъ другой: такъ, напримѣръ, читаешь на првой: «ясно, какъ разумъ ученаго, который дожилъ до своей осени, — а на другой: «и какъ роса отъ облака, позлащеннаго солнцемъ.»

Наконецъ кромѣ описанныхъ нами покоевъ, предназначенныхъ для внутренней жизни, каждый богатый житель Кантона имѣетъ на крышѣ дома прекрасную террасу, куда выходитъ по закатѣ солнца подышать воздухомъ и предаться сладкому мечтанію. Китайцы не терпятъ недостатка въ отношеніи пріятнаго и удобнаго. Но на этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ нельзя еще основать вѣрнаго сужденія о народѣ, который заслуживаетъ обширнѣйшихъ наблюденій.

Digitized by Google

Много было предположеній на счетъ числа народонаселенія въ Кантонѣ; одни основывались на необширной окружности города и приблизительно полагали въ немъ до 500,000 жителей; многіе путешественники опредѣлили число ихъ милліономъ; другіе не признавали болѣе 250,000, и столько же въ водяныхъ жилищахъ. Не осмѣливаясь произнести на этотъ счетъ рѣшительнаго своего мнѣнія, я скажу только, что всѣ подобныя заключенія дѣлаются наугадъ, и что путешественники вообще, а Французы въ особенности, склонны къ преувеличеніямъ, говоря о Срединномъ царствѣ.

Жители Кантона большею частію великорослы. Въ наружности Китайская порода не представляетъ такого множества различныхъ типовъ, какъ породы Европы, которыя превосходятъ своимъ тѣлеснымъ развитіемъ Китайцевъ, въ замѣнъ тому менѣе подверженныхъ уродствамъ. Они исключительно подвержены накожнымъ болѣзнямъ; тамъ въ нисшемъ классѣ встрѣчается множество наростовъ, ранъ и множество прокаженныхъ. Эти несчастныя слѣдствія приписываются крайней нечистотѣ и дурной пищѣ бѣдныхъ людей, а частію также пагубному вліянію опіума.

Цвѣтъ кожи Китайцевъ смугло-желтоватъ, но нерѣдко видишь на лицахъ бѣлизну совершенную. Плоскій, короткій носъ, широкія ноздри, выпуклыя скулы, большія уши, узенькіе глаза, красивыя руки, долгіе пальцы, маленькія ноги, — вотъ рѣзкія наружныя очертанія Китайца. Волосы ихъ черны, однако раждаются между нихъ альбиносы, возбуждающіе общее любопытство. Китайцы брѣютъ темя, виски и затылокъ, оставляя такимъ образомъ на маковкѣ чубъ, къ которому приплетается фальшивая прядь, ниспадающая иногда до самыхъ пятъ. Этотъ обычай обриванія головы считается въ Китаѣ со времени династіи *Мингъ*, царствовавшей до Татарской династіи, возведенной въ 1644 году. Вотъ по какому поводу это установилось. Одинъ изъ императоровъ возымѣлъ неодолимое отвращеніе отъ долгихъ волосъ, носимыхъ на востокѣ. Онъ захотѣлъ укоротить

Digitized by Google

косы мужчинъ, которые носили прически ни чѣмъ не отличныя отъ женскихъ, такъ какъ и теперь это водится у Кохинхинцевъ. Императоръ повелѣлъ сначала укоротить длину косъ, но встрѣтилъ въ народѣ своемъ сильное сопротивленіе. Монархъ настойчиво требовалъ исполненія воли своей, и народъ покорился, отстоявъ только вершинку волосъ, что̀ и образовало современную прическу Китайцевъ. Одни только нищіе, колодники и непокорные жители горъ не брѣютъ темя. Отрѣзать чубъ у Китайца значитъ нанести ему кровавую обиду. Англійскіе плѣнники, которыхъ лишали тотчасъ этого украшенія, укрывались въ совершенномъ отшельничествѣ, покуда темя ихъ не покрывалось снова чубомъ. Молодые люди приходятъ въ бѣшенство при угрозѣ отрѣзать имъ чубъ. Борода же, напротивъ, не почитается украшеніемъ. Ее запускаютъ только въ глубокой старости; а усовъ не носятъ до 40 лѣтъ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ N.*)

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДУХОВИДЕЦЪ И ДОГОВОРЪ СЪ ПРИВИДѢНІЕМЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ДИККЕНСА.

ГЛАВА II.

Даръ передается другимъ.

Маленькій мужчина сидѣлъ въ маленькой комнатѣ, отдѣленной маленькой испанской стѣной, которая была оклѣена маленькими лоскуточками газетъ, отъ маленькой лавки. Маленькій мужчина былъ окруженъ огромною толпой маленькихъ дѣтей, — по крайней мѣрѣ она казалась огромною, потому что число ихъ, въ сравненіи съ чрезвычайно ограниченнымъ пространствомъ, въ которомъ они двигались, производило впечатлѣніе, совершенно соотвѣтствующее этому выраженію.

Изъ этой маленькой толпы двое были уложены уже въ кроватку особеннаго механизма, въ углу комнаты, гдѣ вѣроятно они спали бы сномъ невинности, еслибъ ими не овладѣло желаніе не спать, а прятаться въ кроваткѣ, и выскакивать изъ нея. Главнымъ поводомъ къ этимъ разбойничьимъ нападеніямъ на остальной не спящій міръ, было построенное укрѣпленіе изъ раковинъ, которымъ занимались двое другихъ дѣтей. Они производили набѣги на эти крѣпостныя работы, низходя съ своихъ высотъ, какъ Питты и Скотты, осаждавшіе самыя раннія въ исторіи работы юныхъ Бриттовъ, и, подобно имъ, удалялись на свою родную сторону.

Digitized by Google

Въ связи съ зрѣлищемъ, которымъ сопровождались эти нападенія на осажденныхъ, ревностно преслѣдовавшихъ своихъ грабителей и разрушавшихъ проворными ударами постельныя занавѣски, за которыми тѣ искали защиты, еще одинъ маленькій мальчикъ усиливалъ съ своей стороны смятеніе, царствовавшее въ семействѣ. Онъ бросалъ свои сапоги въ волны боя, или, лучше сказать, поражалъ нарушителей своего спокойствія тѣми или другими предметами, не заботясь о томъ, что они были слишкомъ тяжелы для употребленія вмѣсто метательныхъ орудій. Очень естественно, что и его противники не были такъ плохи, чтобъ не отвѣчать на эти привѣтствія.

Дальше ходилъ взадъ и впередъ еще маленькій мальчикъ, самый большой изъ нихъ, но все-таки маленькій. Онъ наклонился на одинъ бокъ; колѣна его дрожали, очевидно отъ тяжести тучнаго спеленаннаго ребенка, котораго онъ, казалось, надѣялся убаюкать на рукахъ своихъ. Но увы! неисчерпаемое множество побужденій къ бодрствованію и наблюденію представились глазамъ ребенка, также начавшаго наблюдать внѣшній міръ: множество предметовъ явилось ему изъ-за плеча его пестуна, который этого вовсе и не замѣтилъ.

Этотъ грудной ребенокъ былъ настоящій Молохъ, на алтарь котораго ежедневно приносилось въ жертву все бытіе его маленькаго брата. Весь его личный характеръ, можно сказать, состоялъ именно въ томъ, что онъ никогда не пробывалъ спокойно пяти минутъ къ ряду на одномъ мѣстѣ и ни какъ не засыпалъ въ то время, когда этого желали. «Горлодера Теттерби» также хорошо знали во всемъ сосѣдствѣ, какъ разнощика писемъ или продавца пива! На рукахъ маленькаго Джонни Теттерби онъ носился отъ воротъ къ воротамъ, гонялся за толпой дѣтей, бѣгавшихъ за канатными плясунами и обезьянами; но поспѣвалъ, всегда свѣсившись на одинъ бокъ, немножко поздно всюду, гдѣ можно было видѣть что-нибудь занимательное, отъ утра понедѣльника до вечера субботы. Гдѣ только сходилось милое юношество для игры, тамъ маленькій Молохъ дѣ-

Digitized by Google

лалъ Джонни своимъ вьючнымъ осломъ, а самъ былъ погонялкой. Джонни хотѣлось бы остановиться, — маленькій Молохъ ощетинивался и тянулся дальше. Джонни хотѣлось бы выйдти, — Молохъ спалъ, надобно было стеречь его. Джонни хотѣлось бы сидѣть дома, — Молохъ просыпался, надо было тащить его прогуливаться.

Джонни однако же былъ твердо убѣжденъ, что это былъ прекраснѣйшій ребенокъ, которому во всемъ Англійскомъ королевствѣ не было подобнаго; а потому онъ вполнѣ былъ доволенъ, если изъ-за шапки или черезъ развѣвающіяся кисти шапки своей ноши могъ увидѣть хоть кончикъ вещей, на которыя любилъ смотрѣть; онъ вполнѣ былъ доволенъ своею обязанностію бродить туда и сюда, подобно разносчику съ письмами, которыя никому не адресованы, а слѣдовательно никому не могутъ быть сданы.

Маленькій мужчина, который сидѣлъ въ маленькой комнатѣ и тщетно усиливался спокойно читать свою газету среди этого смятенія, — былъ отецъ семейства и глава фирмы, означенной надъ дверьми маленькой лавки именемъ и титуломъ Теттерби и К°. На дѣлѣ и въ строгомъ смыслѣ, онъ былъ единственная особа, соотвѣтствующая этой надписи; потому что К° была просто поэтическая вольность, совершенно безъ основанія, а потому представленная безлично.

Заведеніе Теттерби состояло въ угловой лавкѣ въ Іерусалимской улицѣ. На окнѣ лежало доброе собраніе литературныхъ предметовъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ газетъ всѣхъ временъ и изъ живописныхъ изображеній морскихъ и уличныхъ разбойниковъ. Тросточки и мраморные бруски составляли также статью торговли. Торговля эта простиралась даже на дешевые кондитерскіе товары; но, повидимому, на эти предметы роскоши въ Іерусалимской улицѣ вовсе не было требованія. Въ самомъ дѣлѣ, на окнѣ не осталось ничего, принадлежащаго къ этой отрасли торговли, кромѣ маленькаго стекляннаго сосуда подъ колпакомъ, съ грудными лепешечками, сильно наклонными къ растворенію. Лепешки эти лѣтомъ таяли, а зимой опять замерзали, и

Digitized by Google

это продолжалось до тѣхъ поръ, пока исчезла всякая надежда на возможность отдѣлить ихъ другъ отъ друга и съѣсть, не съѣвши вмѣстѣ и сосуда, въ которомъ они лежали. Домъ Теттерби заводилъ торговлю различными предметами. Онъ пускался, только понапрасну, торговать и игрушками; потому что въ другой стеклянной вазѣ лежала куча маленькихъ восковыхъ куколъ, снизу до верху слипшихся въ самомъ странномъ безпорядкѣ, такъ что одна приросла ногами къ головѣ другой, а на днѣ вазы лежало множество обломанныхъ рукъ и ногъ. Онъ пытался также завести торговлю и кружевами, что доказывали висящіе въ одномъ углу окна, закоптившіеся, измятые кружевные чепцы. Въ дополненіе, этотъ домъ извѣстился, что въ торговлѣ табакомъ скрываются значительныя выгоды, и потому сдѣлана была вывѣска, на которой изображались жители каждой изъ трехъ нераздѣльныхъ частей Британскаго государства, наслаждающіеся этимъ благовоннымъ растеніемъ. Къ вывѣскѣ присоединена была поэтическая надпись, которая объясняла читателю, какъ дружно они сидѣли, соединенные предметомъ общихъ выгодъ. Одинъ изъ нихъ нюхалъ табакъ другой получалъ деньги, третій курилъ трубку. Казалось однакожъ, что эта картина не приманила никого кромѣ мухъ. Было наконецъ время, когда домъ Теттерби почувствовалъ таинственную надежду обогатиться посредствомъ поддѣльныхъ алмазовъ, потому что на окнѣ его лавки явилась карта съ дешевыми печатями и другая съ графитовыми чешуйками, и наконецъ таинственный черный талисманъ, назначеніе котораго нельзя было разгадать, и который, судя по надписи, можно было пріобрѣсть за девять пенсовъ. Но до сего-часа Іерусалимская улица ничего этого не раскупила. Короче сказать, домъ Теттерби употребилъ столько усилій, чтобы извлечь для себя пищу изъ Іерусалимской улицы, и кажется, съ столь малымъ успѣхомъ, что очевидно *Компанія* фирмы была въ лучшемъ положеніи, нежели главный хозяинъ; потому что Компанія, какъ существо безтѣлесное, не могла томиться ни голодомъ, ни жаждою, не могла быть принуждена къ платѣ въ пользу бѣдныхъ и переселенцевъ, да у ней не

Digitized by Google

было и малолѣтнаго семейства, о которомъ нужно было бы заботиться.

Наконецъ Теттерби, который, какъ мы разсказали выше, былъ окруженъ въ своей маленькой комнатѣ такимъ малолѣтнымъ семействомъ, и столь громко высказывавшимъ свое существованіе, что нельзя было ни отрицать его, ни перекладывать съ спокойнымъ наслажденіемъ газету изъ одной руки въ другую, положилъ свой листокъ, прошелся въ отчаяніи раза два по комнатѣ, подобно кружащемуся голубю, пустилъ чѣмъ-то въ маленькихъ шалуновъ, бушевавшихъ позади его, не попалъ, и потомъ внезапно бросился на единственнаго члена семейства, который ничего не изломалъ, и наградилъ пѣстуна маленькаго Молоха двумя оплеухами.

— Злой мальчишка! — сказалъ мистеръ Теттерби, — у тебя нѣтъ никакого чувства состраданія къ твоему бѣдному отцу!.... Онъ съ пяти часовъ утра, въ суровый зимній день, трудится и мучится; а ты огорчаешь еще его въ продолженіе часа его отдыха, своими глупыми шалостями! Недовольно того, негодяй, что тогда какъ твой братъ Дольфъ дрогнетъ и томится на стужѣ и на дождѣ, тебѣ остается только нянчится съ грудным ребенкомъ, не довольно того, что ты — чего хочешь, того просишь, — такъ нѣтъ: тебѣ надобно весь домъ поставить вверхъ дномъ и съ ума свести родителей. Этого тебѣ надобно? Ну, отвѣчай! — При каждомъ вопросѣ разгорячившійся мистеръ Теттерби отпускалъ по оплеухѣ, но наконецъ сталъ простывать и опустилъ руку.

— О, папенька, — визжалъ Джонни, — я ничего не дѣлалъ! я убаюкивалъ Селли.

— Я желалъ бы, чтобъ моя маленькая женка пришла домой, — сказалъ Теттерби, укротившись и раскаяваясь въ своей горячности. — Я ничего бы другаго не желалъ, кромѣ того, чтобъ моя маленькая женка пришла домой!.... Я никакъ не могу съ ними справиться!.... Отъ нихъ всегда въ головѣ у меня точно мельничныя колеса. Они всегда у меня вертятся передъ глазами. О, Джонни! не довольно ли того,

Digitized by Google

что твоя добрая мать наградила тебя этой малюткой?—Теттерби намекалъ о Молохѣ. — Не довольно ли того, что вы, семь мальчиковъ, родились прежде ея, безъ малѣйшаго огорченія съ нашей стороны, и что твоя добрая мать перенесла то, что она перенесла, чтобы у васъ была наконецъ маленькая сестра, — а ты поступаешь такъ, что у меня голова кругомъ идетъ....

Укрощаясь болѣе и болѣе, къ чему частію побуждало его собственное добродушіе, частію добродушіе сына, съ которымъ онъ такъ дурно поступилъ, Теттерби кончилъ тѣмъ, что обнялъ послѣдняго и тотчасъ же потомъ бросился, чтобы схватить за воротъ одного изъ настоящихъ грѣшниковъ. Скачекъ былъ превосходно направленъ къ цѣли и охота имѣла полный успѣхъ; потому что, послѣ кратковременной, но горячей гоньбы и нѣсколькихъ еще болѣе серьёзныхъ круговыхъ и поперечныхъ скачковъ надъ и подъ постелями и между раскиданныхъ стульевъ, вышеупомянутый ребенокъ былъ пойманъ, наказанъ по заслугамъ и уложенъ въ постель. Этотъ примѣръ сильно и очевидно магнетически подѣйствовалъ на шалуна съ сапогомъ, который мгновенно погрузился въ глубокій сонъ, хотя, едвали за минуту передъ тѣмъ, лежалъ съ широко-раскрытыми глазами, и двигался легко, какъ перышко. И для двоихъ архитекторовъ примѣръ не былъ потерянъ; они тихохонько и скорехонько удалились въ ближайшую комнатку, и также улеглись въ постель. Товарищъ того, который былъ пойманъ, уползъ съ такою же поспѣшностію въ свое гнѣздо, и мистеръ Теттерби, остановившись, чтобы перевести духъ, очутился на лонѣ полнаго мира.

— Сама моя маленькая женка — говорилъ Теттерби, отирая потъ съ своего лица, — не съумѣла бы сдѣлать этого лучше меня. Я желалъ бы только, чтобы это пришлось сдѣлать моей маленькой женкѣ; право такъ!

Мистеръ Теттерби искалъ на своей перегородкѣ одного мѣста, назначеннаго для наставленія дѣтей въ подобныхъ случаяхъ, и прочелъ слѣдующее:

Digitized by Google

«Несомнѣнный фактъ, всѣ замѣчательные люди имѣли замѣчательныхъ матерей и считали ихъ потомъ своими лучшими друзьями.»—Подумайте объ вашей замѣчательной матери, мои дѣти, — сказалъ мистеръ Теттерби, — и оцѣните ея достоинства, пока она еще съ вами.

Онъ сѣлъ снова на стулъ и, скрестивши ноги, наклонился надъ своей газетой.

— Сойди только хоть одинъ у меня съ постели! я ему дамъ знать, «современнику» эдакому. Выраженіе — «современникъ» мистеръ Теттерби нашелъ въ испанскомъ столбцѣ. — Джонни, дитя мое, позаботься хорошенько о своей единственной сестрѣ Селли, потому что это лучшій нашъ брилліантъ.

Джонни усѣлся на маленькій стулъ и съ покорностію прижалъ къ себѣ свое бремя — маленькаго Молоха.

— Божій даръ для тебя, Джонни, этотъ ребенокъ, — сказалъ его отецъ, — и какъ ты долженъ быть за него благодаренъ! Не всѣмъ извѣстно, Джонни, — онъ обратился снова къ своей перегородкѣ, — и однакожъ это фактъ, доказанный точными вычисленіями, что слѣдующая огромная сумма изо ста новорожденныхъ никогда не доживаетъ до втораго года; это доказывается....

— О, перестань, папенька! — я не въ силахъ этого вынести, когда подумаю о Селли.

Мистеръ Теттерби замолчалъ. Джонни, съ глубокимъ сознаніемъ обязанности пѣстуна, отеръ глаза и сталъ убаюкивать свою сестру.

— Твой братъ Дольфъ,—сказалъ отецъ, разводя огонь,— остается долго на воздухѣ и вѣрно воротится домой сосулька сосулькой. А гдѣ-то твоя превосходная мать?

— Маменька здѣсь и Дольфъ здѣсь, батюшка,—закричалъ Джонни, — по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

— Ты правъ,—замѣтилъ отецъ, прислушиваясь, — это шаги моей маленькой жены.

Digitized by Google

Рядъ посылокъ, посредствомъ которыхъ мистеръ Теттерби достигъ до заключенія, что его другая половина, маленькая жена, было его тайной. Изъ нея рѣшительно можно было сдѣлать двухъ мистеровъ Теттерби. Разсматриваемая уже отдѣльно, сама по себѣ, она была замѣчательна своею сильною и тучною фигурою, а въ сравненіи съ супругомъ, размѣры ея были истинно исполинскіе. Не менѣе значительны были ея формы и въ сравненіи съ ея семью сыновьями; потому что послѣдніе были черезъчуръ щедушны. Только относительно Селли, мистриссъ Теттерби менѣе всего могла похвалиться: это всего лучше извѣстно было Селлиной жертвѣ, Джонни, который во всѣ часы дня взвѣшивалъ и вымѣрялъ этого безпощаднаго идола.

М-ссъ Теттерби, отлучавшаяся для покупокъ, принесла съ собой корзину. Она сняла чепецъ и платокъ и, присѣвши въ утомленіи, приказала Джонни въ ту же минуту подать ей его драгоцѣнную ношу, въ намѣреніи поцѣловать ее. Джонни послушался, и едва успѣлъ дойдти до своего стула и наклониться надъ ребенкомъ, какъ Адольфъ, молодой мистеръ Теттерби, только-что освободившійся изъ байковаго сюртука, свѣтившагося всѣми цвѣтами радуги отъ дождя, который очевидно никакъ не хотѣлъ кончиться, объявилъ свое притязаніе на ту же благосклонность. Джонни снова послушался, воротился на свой стулъ и снова наклонился надъ ребенкомъ; какъ вдругъ мистеръ Теттерби старшему пришло въ голову объявить свое требованіе на принадлежащую ему честь той же благосклонности, какъ главѣ семейства. Исполненіе этого третьяго желанія совершенно изнурило жертву. У Джонни едва достало силъ повалиться на стулъ, снова наклониться надъ ребенкомъ и съ трепетаніемъ сердца ожидать дальнѣйшаго нападенія своихъ родныхъ.

— Гдѣ бы ты ни былъ, Джонни, — сказала мистриссъ Теттерби, качая головою, — а говорю тебѣ, заботься объ ней, или не являйся на глаза своей матери.

— И брату, — сказалъ Дольфъ.

Digitized by Google

— И отцу, — прибавилъ мистеръ Теттерби.

Джонни, сильно пораженный этими въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ грозными для него приговорами, посмотрѣлъ въ глаза Молоху, чтобы убѣдиться въ надлежащей ихъ исправности, ловко и легонько потрепалъ его по спинѣ, (малютка спала ничкомъ), и сталъ качать колыбель ногою.

— Ты измокъ, Дольфъ, сынъ мой?—сказалъ отецъ;— возьми стулъ и обсушись.

— Нѣтъ, папа, спасибо, — сказалъ Адольфъ, отряхая и приглаживая рукой свои волосы. — Кажется, я не слишкомъ промокъ. Мое лицо какъ слѣдуетъ, папа, — не правда ли?

— Ну да, чистый воскъ, — отвѣчалъ мистеръ Теттерби.

— Это отъ вѣтру, папа, — сказалъ Адольфъ, обтирая щеки истертыми рукавами своего камзола. — При дождѣ, при гололедицѣ, при вѣтрѣ, снѣгѣ и туманѣ, у меня всегда выступаютъ какія-то пятна. И однакожъ не смотря на то, оно блеститъ, какъ всегда, не правда ли?

— Право, Дольфъ, — говорила со вздохомъ мистриссъ Теттерби, — когда я шла домой, я столько же мало объ этомъ думала, какъ еще неродившееся дитя....

Мистеръ Теттерби, который, казалось, находилъ неприличнымъ этотъ оборотъ рѣчи, замѣтилъ: «скажи лучше, какъ нашъ грудной ребенокъ, моя красавица.»

Мистеръ Адольфъ также занимался газетной торговлей, а именно онъ былъ поставленъ, въ качествѣ продавца нумеровъ, на одномъ перекресткѣ, отъ имени фирмы, которая вела свои дѣла получше, чѣмъ его отецъ и комп. Здѣсь его толстощекая маленькая особа, похожая на купидона въ костюмѣ бѣдняка, и его маленькій, тоненькій голосъ (ему было не болѣе десяти лѣтъ отъ роду), — были также хорошо извѣстны, какъ лучшій скрипъ проѣзжавшихъ взадъ и впередъ локомотивовъ. Его юная веселость могла бы конечно нѣсколько пострадать отъ этого ранняго назначенія для торговли, еслибъ онъ, по счастію, не нашелъ средства под-

Digitized by Google

держивать самого себя и, не оставляя своихъ занятій, дѣлить день такимъ образомъ, что онъ представлялъ любопытную перемѣну сценъ. Это геніальное открытіе, замѣчательное, подобно всѣмъ геніальнымъ открытіямъ, своею простотою, состояло въ различномъ выговорѣ гласной въ словѣ *Blatt* и въ томъ, что въ различное время дня одна гласная заступала мѣсто другой, и притомъ въ азбучномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, на разсвѣтѣ зимняго дня расхаживалъ онъ въ своей маленькой клеенчатой шапкѣ, въ такомъ же воротничкѣ, въ своемъ толстомъ байковомъ сюртукѣ, и колебалъ наполненный парами воздухъ своимъ крикомъ: *Morgen Blatt*, за часъ пополудни измѣнялъ его въ *Morgen Blett*, въ два часа въ *Morgen Blitt*, черезъ два часа потомъ въ *Morgen Blott*, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ солнцемъ этотъ звукъ спускался до *Morgen Blutt*, естественно къ великому удовольствію и успокоенію геніальнаго молодаго изобрѣтателя.

Мистриссъ Теттерби, его мать, которая, какъ выше разсказано, сперва сѣла и положила чепецъ и платокъ, потомъ задумчиво стала повертывать свое обручальное кольцо, потомъ поднялась и, снявши платье, въ которомъ ходила изъ дому, начала накрывать на столъ.

— О Боже мой, Боже мой, Боже мой! — сказала мистриссъ Теттерби. — Вотъ путь, по которому идетъ свѣтъ!

— Чтожъ это за путь, по которому идетъ свѣтъ, душа моя? — спросилъ мужъ, озираясь кругомъ.

— Такъ, ничего! — отвѣчала жена.

Мистеръ Теттерби поднялъ брови, раскрылъ снова свою газету и глядѣлъ то вверхъ, то внизъ, то въ сторону; глядѣлъ то на то, то на другое и ничего не читалъ.

Въ то же время мистриссъ Теттерби положила на столъ салфетку, но такъ, что, повидимому, она болѣе заботилась о наказаніи стола, чѣмъ объ ужинѣ своей семьи; потому что не кстати сильно ударила по столу ножами и вилками, брякнула въ него тарелками, зазвенѣла солонкой и бросила съ размаху хлѣбъ.

Digitized by Google

— О Боже мой, Боже мой, Боже мой! — повторила мистриссъ Теттерби.—Вотъ путь, по которому идетъ свѣтъ!

— Другъ мой, — возразилъ мужъ, онять озираясь кругомъ, — ты это уже сказала однажды. Чтожъ это за путь, по которому идетъ свѣтъ?

— Такъ, ничего! — отвѣчала мистриссъ Теттерби.

— Софья! — продолжалъ супругъ — Вѣдь ты сказала это уже прежде.

— Правда, и съ твоего позволенія скажу опять, — возразила мистриссъ Теттерби, — ничего — и все тутъ. И опять таки съ твоего позволенія, — ничего — ну довольно ли съ тебя?

Мистеръ Теттерби обратилъ взоры на свою нѣжную половину и сказалъ съ кроткимъ удивленіемъ:

— Женочка моя! что тебя такъ встревожило?

— И сама не знаю, — былъ отвѣтъ,—не спрашивай меня. И кто сказалъ, что я такъ встревожена? Ничего не бывало.

Мистеръ Теттерби оставилъ занятіе своею газетою, какъ дѣло невозможное, и, заложивъ руки за спину, поднявъ вверхъ плеча, медленно началъ ходить поперегъ комнаты, при чемъ его походка была въ совершенномъ согласіи съ его рѣшимостью; потомъ обратился къ обоимъ старшимъ своимъ сыновьямъ.

— Твой ужинъ будетъ готовъ въ минуту, Дольфъ, — сказалъ мистеръ Теттерби.—Твоя мать по этой сырости ходила за нимъ въ харчевню. Это очень хорошо со стороны твоей матери. И ты также, Джонни, сейчасъ будешь ужинать. Твоя мать любитъ тебя, мой малютка, потому что ты такъ много трудишься надъ своей маленькой сестрой.

Мистриссъ Теттерби, не замѣчая ничего, но рѣшительно перешедши отъ своего гнѣва къ столу, кончила свои приготовленія, вынула изъ своей толстобрюхой корзины большой кусокъ горячаго гороховаго пуддинга, обернутый въ бумагу, и сосудъ, покрытый тарелкою, который, еще изъ-подъ покрышки, издавалъ такой благовонный запахъ, что три пары глазъ на двухъ постеляхъ раскрылись во всю ширину и устре-

Digitized by Google

мились къ начинающемуся пиршеству. Мистеръ Теттерби, не обращая вниманія на это безмолвное приглашеніе сѣсть, остановился и повторилъ медленно: Да, да, — твой ужинъ, Дольфъ, въ минуту будетъ готовъ; твоя мать ходила за нимъ по этой сырости въ харчевню. Это очень хорошо со стороны твоей матери. — Вдругъ жена, показывавшая позади его всѣ признаки сокрушенія, обвилась около его шеи и заплакала.

— О Дольфъ! сказала мистриссъ Теттерби, — какъ могла я уйдти и поступить такимъ образомъ!

Это примиреніе до такой степени тронуло младшаго Дольфа и Джонни, что они оба въ одинъ мигъ и въ одинъ голосъ испустили такой страшной вопль, вслѣдствіе котораго мгновенно круглые глаза на постеляхъ закрылись, а два остальные маленькіе Теттерби, которые именно въ эту минуту хотѣли украдкой выползти изъ сосѣдней комнатки и освѣдомиться, что приготовлено къ ужину, обратились въ безпорядочное бѣгство.

— ....Я также мало понимала, какъ нашъ грудной ребенокъ, — сказала м-ссъ Теттерби. — Джонни, не гляди на меня, а занимайся ею; не то она упадетъ у тебя съ колѣней и умретъ, и тогда ты умрешь отъ мукъ истерзаннаго сердца, — и это будетъ совершенно справедливо, — я столько же понимала, какъ эта маленькая куколка, что я буду такъ зла, когда приду домой. Но я не знаю, какъ Дольфъ.... Мистриссъ Теттерби опять схватилась за свое обручальное кольцо и стала его повертывать.

— Я вижу, сказалъ мистеръ Теттерби, — я понимаю, моя маленькая женка была немножко встревожена. Дурная погода, жестокій вѣтеръ, тяжелая работа поразстроили ее. Я вижу это, слава и благодареніе Богу! Тутъ и дивиться нечему. Дольфъ, мой малютка, — продолжалъ мистеръ Теттерби, открывая вилкою сосудъ, — твоя мать кромѣ гороховаго пуддинга купила еще въ харчевнѣ цѣлую четверть прекрасно обжареннаго окорока, съ остатками поджаренной кожицы, да съ соусомъ изъ корней, и премного горчицы. Возьми тарелку, малютка, и начнемъ, пока все это еще не простыло.

Digitized by Google

Мистеръ Адольфъ не ждалъ вторичнаго приглашенія; съ влажными отъ голода глазами принялъ онъ участіе въ ужинѣ, отошелъ на свой стулъ и напалъ на добычу зубами и ногтями. Джонни также не былъ забытъ, только онъ получилъ свою долю хлѣбомъ, чтобы не забрызгать своего ребенка, еслибъ дошло дѣло до жаренаго. По той же причинѣ ему велѣно беречь пуддингъ въ карманѣ, исключая то время, когда онъ, т. е. пуддингъ, былъ на дѣйствительной службѣ.

Правду сказать, могло бы быть побольше мяса на окорокѣ, который служитель въ харчевнѣ не позабывалъ обрѣзывать, для удовлетворенія предшествовавшимъ требованіямъ; но за то вовсе не скупились на коренья, и это была причина, заставившая нѣкоторыхъ мечтать о мясѣ и пріятно облизываться за его отсутствіемъ. Что до пуддинга, соуса и горчицы, съ ними случилось тоже, что съ восточной розой въ отношеніи къ соловью, потому что если они и не были подлинно свинымъ мясомъ, за то были подлѣ свинаго мяса, и оттого все это разливало запахъ посредственной величины жаренаго окорока.

Этотъ запахъ былъ непреодолимою приманкою для всѣхъ Теттерби, лежащихъ въ постеляхъ, не смотря на то, что они расположились такъ, какъ будто бы спали мирнымъ сномъ; они выползли незамѣтно для своихъ родителей и подошли къ братьямъ молча, чтобы гастрономически доказать свою братскую любовь. Братья, имѣя мягкое сердце, подали имъ нѣсколько кусковъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что отрядъ легкой пѣхоты въ рубашкахъ напалъ на комнату и на ужинающихъ, что вывело мистера Теттерби изъ себя и нѣсколько разъ принуждало его вступать въ бой, отъ котораго шайка гверильясовъ разбѣжалась въ величайшемъ безпорядкѣ по всѣмъ направленіямъ.

Мистриссъ Теттерби вовсе не занималась ужиномъ, у нея лежало что-то на сердцѣ. То она смѣялась безъ всякой причины, то кричала безъ отдыха, и наконецъ смѣхъ и плачъ слились вмѣстѣ, и притомъ такъ странно, что ея супругъ просто потерялъ голову.

Digitized by Google

—Моя маленькая женка,—сказалъ мистеръ Теттерби,—если это путь, по которому идетъ свѣтъ, такъ онъ идетъ по сумасбродному пути, и ты на этомъ пути задохнешься.

—Дай мнѣ каплю воды,—сказала мистрисъ Теттерби, силясь перевесть духъ, — не говори на этотъ разъ со мной и не безпокойся обо мнѣ. Пожалуйста не дѣлай этого.

Теттерби принесъ ей воды, потомъ вдругъ обратился къ несчастному Джонни, который былъ полонъ сочувствія, и спросилъ его, зачѣмъ онъ тутъ бражничаетъ и лѣнится, вмѣсто того, чтобы подойдти съ ребенкомъ, и его взглядомъ возвратить мать къ жизни. Джонни тотчасъ приблизился, удручаемый своей ношей, но мистриссъ Теттерби протянула къ нему руку, въ знакъ того, что она была вовсе не въ такомъ состояніи, чтобъ перенести подобное возстановленіе ея чувствъ, и Джонни, подъ опасеніемъ вѣчной немилости со стороны своихъ безцѣнныхъ родственниковъ, запрещено было ступить хоть шагъ впередъ. Вслѣдствіе чего онъ воротился назадъ на свой стулъ и по прежнему согнулся дугой.

Послѣ кратковременнаго молчанія мистриссъ Теттерби сказала, что ей теперь лучше и начала улыбаться.

— Моя маленькая женка, — сказалъ ей супругъ съ двусмысленнымъ взглядомъ, — совершенно ли ты увѣрена, что тебѣ лучше? Не будетъ ли опять съ тобой припадка, Соня?

— Нѣтъ, Дольфъ, нѣтъ, — возразила жена.—Я совершенно пришла въ себя. Съ этими словами привела она въ порядокъ свои волосы, прижала ладони къ глазамъ и опять засмѣялась.

— Ну, не пошлая ли дура была я, что думала такъ хоть одну минуту,—сказала мистриссъ Теттерби.— Подойди ко мнѣ, Дольфъ, позволь мнѣ облегчить мое сердце и разсказать тебѣ, что у меня на душѣ. Позволь мнѣ высказать тебѣ все, что тяготитъ меня.

Мистеръ Теттерби придвинулъ свой стулъ. Мистриссъ Теттерби опять засмѣялась, обняла его и отерла себѣ глаза.

Digitized by Google

—Ты знаешь, Дольфъ, мой милый,—сказала мистриссъ Теттерби, — что я, пока была дѣвушкой, могла бы идти на всѣ четыре стороны свѣта, — такъ много было у меня жениховъ; однажды ухаживали за мною разомъ четверо; двое изъ нихъ были дѣти Марса.

— Мы всѣ сыновья матери — сказалъ хитро мистеръ Теттерби, — т. е. въ то же время и сыновья отца. *

— Я не объ этомъ думала, — отвѣчала жена; — я думала о солдатахъ, о сержантахъ.

— А, вотъ что, — сказалъ мистеръ Теттерби.

— Да, Дольфъ, конечно я теперь не столько думаю объ этихъ вещахъ, чтобы раскаяваться въ моихъ мысляхъ, и твердо увѣрена, что могу назвать себя доброй женой; а чтобъ доказать тебѣ, какъ я тебя люблю, я готова сдѣлать то....

— Чего ни одна маленькая женка на свѣтѣ не сдѣлаетъ, — сказалъ мистеръ Теттерби. —Славно сказано, прекрасно!

Еслибъ мистеръ Теттерби былъ десяти футовъ росту, онъ не могъ бы великолѣпнѣе выразить своего отношенія къ очаровательной фигурѣ мистриссъ Теттерби, и еслибъ мистриссъ Теттерби была двухъ футовъ росту, онъ все-таки не былъ бы больше увѣренъ, что къ его женѣ прекрасно идетъ названіе маленькой женки.

— Но погоди немножко, Дольфъ, — сказала послѣдняя. — Нынѣшнія святки, когда праздновалъ каждый, кто только могъ, когда всѣ, у кого были деньги, что-нибудь съ ними дѣлали, я, проходя по улицѣ, вышла на минуту изъ терпѣнія. Тамъ было столько вещей, стóющихъ того, чтобъ купить ихъ, столько вещей, сладостныхъ на вкусъ, столько вещей, прекрасныхъ на взглядъ, вещей, которыя такъ охотно пріобрѣтаются, а мнѣ—мнѣ нужно было считать и считать прежде, чѣмъ я могла осмѣлиться отдать шесть пенсовъ: моя корзина была такъ велика, и могла помѣстить въ себѣ такъ много, а мой кошелекъ былъ такъ малъ, что нельзя было его уменьшить.... Но ты сердишься на меня, не правда ли, Дольфъ?

* Непереводимая игра словъ.

Digitized by Google

— Покуда еще нѣтъ, — сказалъ Теттерби.

— Ну, хорошо, я разскажу тебѣ всю правду, — продолжала жена тономъ раскаянія, — можетъ быть, ты разсердишься на меня послѣ. Когда я расхаживала такимъ образомъ по стужѣ, и когда я видѣла множество другихъ покупателей съ широкими корзинами, которые расхаживали такъ же, какъ и я: то я приняла все это такъ близко къ сердцу, что начала думать, не лучше ли бы я сдѣлала и не счастливѣе ли теперь бы была, еслибъ—я—не....—и обручальное кольцо начало снова вертѣться около пальца, и мистриссъ Теттерби съ безпокойнымъ взоромъ наклонила голову.

— Я понимаю, — сказалъ ея супругъ, — еслибъ ты совсѣмъ не вышла замужъ, или, еслибъ ты выбрала кого-нибудь другаго.

— Да,—простонала мистриссъ Теттерби, — это именно пришло мнѣ на мысль. Ты на меня сердишься теперь, Дольфъ?

— О, нѣтъ,—сказалъ мистеръ Теттерби,—я не вижу покуда причинъ

Мистриссъ Теттерби съ благодарностью поцѣловала его и продолжала:

— Теперь я начинаю надѣяться, что ты и вовсе на меня не разсердишься, хоть и боюсь, что я не разсказала еще самаго дурнаго. Я не могу понять, что обошло меня: было ли мнѣ слишкомъ дурно, или я была помѣшана, или что другое, только я была не въ силахъ привести себѣ на память того, что насъ связывало другъ съ другомъ, или, что могло бы меня примирить съ моей судьбой. Всѣ веселые и свѣтлые часы, которые мы пережили, показались мнѣ тогда такими жалкими и такими ничтожными, что возбуждали только одно неудовольствіе. Я могла бы ихъ тогда растоптать ногами. Я не могла думать ни объ чемъ больше, какъ о нашей бѣдности, да о числѣ маленькихъ рожицъ, которыя оставались въ домѣ.

— Правда, правда, моя милая, — сказалъ мистеръ Теттерби, тряся ей руку, какъ будто бы этимъ онъ хотѣлъ ободриться.—Это все правда. Мы въ самомъ дѣлѣ бѣдны и въ самомъ дѣлѣ у насъ въ домѣ порядочное число маленькихъ.

Digitized by Google

— Но, ахъ, Дольфъ, Дольфъ! — сказала жена, обвивая руку около его шеи,—мой добрый, кроткій, терпѣливый Дольфъ! когда я чрезъ минуту воротилась домой: какая разница, о, милый Дольфъ, какая разница! я почувствовала, что намять вдругъ ко мнѣ воротилась, я припомнила все вдругъ; это успокоило мое взволнованное сердце и оно сдѣлалось такъ полно, что готово было разорваться. Всѣ наши труды для добыванія насущнаго хлѣба, всѣ наши заботы и лишенія съ самой свадьбы, всѣ недуги, всѣ часы, проведенные безъ сна другъ для друга или для дѣтей, казалось, заговорили во мнѣ и сказали, что они сдѣлали насъ обоихъ однимъ существомъ, и что я никогда ничего другаго не могла и не хотѣла бы достигнуть, какъ только того, чтобы быть женой и матерью. И я почувствовала, что самыя маленькія удовольствія и самыя маленькія наслажденія, которыя я прежде такъ безжалостно топтала ногами, стали для меня такъ дороги, о, такъ безцѣнно дороги, что я не могла перенести мысли, какъ сильно я противъ нихъ погрѣшила. Я сказала, и повторю еще сто разъ: какъ могла я только поступить такимъ образомъ, какъ могла я имѣть такое дурное сердце, чтобъ это сдѣлать!

Добрая женщина, совершенно внѣ себя отъ благороднаго чувства нѣжности и раскаянія, плакала отъ всей души; потомъ быстро вскочила она съ болѣзненнымъ крикомъ и спряталась позади своего мужа. Ея крикъ былъ столь страшенъ, что дѣти вскочили со сна и съ постелей и прижались къ ней. Ея лицо соотвѣтствовало ея голосу: она указывала на блѣднолицаго мужчину въ черномъ плащѣ, который вошелъ въ комнату.

— Видишь ли ты этого человѣка? Смотри туда! чего онъ хочетъ?

—Душа моя,—возразилъ мужъ,—я спрошу его, только пусти меня къ нему. Что съ тобой? отъ чего ты дрожишь?

— Я видѣла его на улицѣ, когда я выходила: онъ смотрѣлъ на меня и стоялъ близко. Я боюсь его.

— Боишься его? Отчего?

Digitized by Google

— Не знаю, отчего.... Я.... останься пожалуйста. Теттерби въ это время имѣлъ намѣреніе подойдти къ незнакомцу.

Она прижала одну руку ко лбу, а другую къ груди. Во всемъ ея тѣлѣ была какая-то особенная дрожь, и глаза двигались быстро и неопредѣленно изъ стороны въ сторону, какъ будто искали чего-то потеряннаго.

— Тебѣ дурно, душа моя?

— Что это дѣлается со мной?—говорила она едва внятнымъ голосомъ. — Что это такое?

Потомъ отвѣчала отрывисто: — дурно? нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, — я здорова, — и она остановилась, смотря потухающими глазами на полъ.

Мужъ, который съ самаго начала уже былъ самъ испуганъ ея страхомъ, и которому странное это положеніе не могло обѣщать ничего лучшаго, обратился къ блѣднолицему посѣтителю въ черномъ плащѣ. Послѣдній стоялъ молча и опустивъ глаза въ землю.

— Чѣмъ мы могли бы служить вамъ, милостивый государь? — спросилъ онъ.

— Я вошелъ не замѣченный,— сказалъ посѣтитель,— и боюсь, что это ее напугало; вы разговаривали и не слыхали меня.

— Моя маленькая женка говоритъ.... можетъ быть, вы слышали, что она говорила, — отвѣчалъ Теттерби,— это ужъ не въ первый разъ вы испугали ее сегодня.

— Жаль, — въ самомъ дѣлѣ, я помню, что я смотрѣлъ на нее на улицѣ нѣсколько минутъ; у меня и въ мысляхъ не было пугать ее.

При этихъ словахъ онъ поднялъ глаза, и она подняла свои. Странно было видѣть, какъ болѣзненно она на него смотрѣла, и съ какимъ страхомъ онъ съ своей стороны наблюдалъ это, и притомъ, какъ глубоко-пронзителенъ былъ его взглядъ, проникавшій, кажется, до самаго сердца.

— Мое имя, — сказалъ онъ, — Редлау; я только что пришелъ сюда изъ старой коллегіи. Молодой человѣкъ, который тамъ учится, живетъ въ вашемъ домѣ. Нѣтъ?

Digitized by Google

— Мистеръ Денгамъ? — сказалъ Теттерби.

— Да!

Маленькій мужчина прежде отвѣта сдѣлалъ очень естественное и столь незначительное движеніе, что оно едва ли могло бы быть замѣчено. Онъ провелъ рукою по лбу, быстро окинулъ глазами комнату, какъ будто бы желая отыскать какую-нибудь перемѣну въ воздухѣ. Химикъ, который мгновенно направилъ на него свой страшный взглядъ, брошенный прежде на жену, отступилъ назадъ, и его лицо сдѣлалось еще блѣднѣе.

— Комната молодаго господина вверхъ по лѣстницѣ, — сказалъ Теттерби. — Конечно, есть туда входъ поудобнѣе, чѣмъ чрезъ нашу комнату; но такъ какъ вы уже разъ вошли къ намъ, то и можете избавить себя отъ обязанности выходить опять на стужу. Потрудитесь взойти по этой лѣсенкѣ, если только это вамъ угодно. — Онъ указалъ ему съ этими словами на лѣстницу, сообщавшуюся прямо съ этой комнатой.

— Да, я хотѣлъ бы съ нимъ поговорить, — сказалъ химикъ, — можете вы на минутку обойтись безъ огня?

Его сильный и пристальный взглядъ и что-то возбуждающее необъяснимую недовѣрчивость, повидимому, мучили мистера Теттерби. Онъ задумался и, смотря на него пристально, простоялъ съ минуту или дольше, какъ будто очарованный или пораженный громомъ.

Наконецъ онъ сказалъ: — я посвѣчу вамъ, милостивый государь, если вамъ угодно идти за мною.

— Нѣтъ, — возразилъ химикъ, — мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ меня провожали, и чтобъ вошли къ нему вмѣстѣ со мной онъ не ждетъ меня. Сдѣлайте милость, одолжите мнѣ вашей свѣчи, если можете обойтись безъ нея, а я ужъ самъ найду дорогу.

Торопясь выговорить это желаніе и взять свѣчу у продавца газетъ, онъ толкнулъ послѣдняго въ грудь, и отнялъ свою руку, какъ будто нечаянно ранилъ его, потому что самъ не зналъ, въ которой части его тѣла находилась новая сила, и какъ могла сообщаться, или — какъ различно вос-

Digitized by Google

принимали ее разныя особы. Потомъ онъ отвернулся и пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

Дойдя до верхнихъ ступеней, онъ остановился и посмотрѣлъ внизъ. Жена стояла на томъ же мѣстѣ и вертѣла кольцо около пальца. Мужъ, склонивши голову къ груди, былъ погруженъ въ мрачное, тягостное размышленіе. Дѣти, все еще прижимаясь къ матери, болѣзненно смотрѣли на посѣтителя и собрались въ одну кучу, когда увидѣли, что онъ смотритъ внизъ.

— Ступайте, — сказалъ отецъ суровымъ голосомъ, — будетъ съ васъ, — маршъ въ постель!

— И безъ васъ безпокойно и тѣсно, — прибавила мать, — ступайте въ постель.

Все молодое общество, поблѣднѣвшее и смутившееся, тихонько вышло оттуда. Маленькій Джонни съ грудным ребенкомъ отошелъ къ сторонѣ. Мать презрительно обвела глаза кругомъ маленькой комнаты, потомъ съ шумной быстротой собрала остатки ужина; но когда приходилось снимать ихъ со стола, она остановилась и сѣла неподвижно, въ печальномъ размышленіи. Отецъ удалился въ уголъ къ камину, и нетерпѣливо мѣшая остатки горящихъ углей, наклонился надъ ними, какъ будто хотѣлъ разводить огонь только для себя. Они не помѣнялись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ.

Химикъ, блѣднѣе чѣмъ прежде, шелъ тихонько вверхъ, какъ воръ, наблюдая перемѣну, которую онъ произвелъ внизу, и одинаково боясь идти впередъ и воротиться назадъ.

—Что я сдѣлалъ и что я хочу дѣлать?—сказалъ онъ въ смущеніи.

И ему показалось, что онъ слышитъ голосъ: — Ты хочешь быть благотворителемъ человѣчества.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, но не примѣтилъ ничего. Когда кривизна корридора скрыла отъ его глазъ маленькую комнату, онъ пошелъ дальше, осматривая свою дорогу.

—Только съ послѣдней ночи,—шепталъ онъ мрачно,— я оставался въ заперти, а между тѣмъ всѣ предметы стали

Digitized by Google

для меня чужими. Я самъ себѣ чужой. Я здѣсь какъ будто во снѣ. Что за необходимость мнѣ быть здѣсь, или во всякомъ другомъ мѣстѣ, какое только я могу себѣ припомнить? Мое твердое намѣреніе — быть для всего слѣпымъ.

Передъ нимъ была дверь, и онъ постучался. Голосъ извнутри пригласилъ его войдти; онъ вошелъ.

— Вы ли это, моя добрая хозяйка?.... но къ чему и спрашивать: никто другой не пойдетъ сюда.

Эти слова, произнесенныя пріятнымъ, хотя и слабымъ голосомъ, обратили вниманіе посѣтителя на молодаго человѣка, который лежалъ на кушеткѣ, придвинутой къ камину и обращенной къ двери спинкой. Бѣдное, жалкое количество углей, изтлѣвшихъ и опавшихъ какъ щеки больнаго, сгребенныхъ въ кучу среди очага, который едва-ли они могли нагрѣть, поддерживало огонь, въ каминѣ. Такъ какъ комната была подъ самымъ чердакомъ, и сильный вѣтеръ дулъ въ трубу, то уголья горѣли скоро, съ сильнымъ трескомъ, и потухающій пепелъ постоянно опадалъ.

— Уголья звенятъ и разсыпаются искрами, — сказалъ студентъ, улыбаясь, — а по толкованію мистриссъ Бэйзъ, это значитъ не гробъ, а кошелекъ съ деньгами. Я буду еще здоровъ и богатъ, и, если Богу угодно, полюблю дѣвушку, такую же благородную сердцемъ, такую же достойную любви, какъ Милли.

Онъ протянулъ свою руку назадъ, какъ будто ожидая, что Милли пожметъ ее; но слабость не позволила ему поднять головы и онъ не обернулся.

Химикъ осмотрѣлъ комнату. Въ одномъ углу на столѣ лежали книги и тетради. Вмѣстѣ съ потухшею лампою, закрытою и отставленною прочь, онѣ свидѣтельствовали о часахъ, проведенныхъ въ ревностныхъ занятіяхъ, за которыми послѣдовала, и отъ которыхъ, можетъ, быть, произошла самая болѣзнь студента. Тутъ висѣло на стѣнѣ, но безъ употребленія какъ будто признакъ бывшаго нѣкогда здоровья, его платье, въ которомъ онъ выходилъ. Тутъ еще

Digitized by Google

можно было замѣтить памятники другихъ, менѣе одинокихъ сценъ: маленькіе, миніатюрные портреты на карнизѣ камина, и рисунокъ, представлявшій отцовскій домъ; тутъ Редлау увидѣлъ также, какъ знакъ признательности, а можетъ быть, и личнаго расположенія къ профессору, вставленный въ раму свой собственный портретъ. Было время, и еще не дальше какъ вчера, когда ни одинъ изъ этихъ предметовъ, хотя бы они находились въ отдаленнѣйшемъ отношеніи къ живому существу, не укрылся бы отъ глазъ Редлау. Теперь они для него были ни чѣмъ больше, какъ простыми предметами; или если на него падалъ какъ-нибудь проблескъ этой связи, онъ ослѣплялъ, а не освѣщалъ его. Редлау стоялъ и смотрѣлъ вокругъ въ какомъ-то полубезчувственномъ изумленіи.

Студентъ, отнявъ назадъ свою исхудалую руку, которая оставалась столь долго неподвижною, поднялся на кушеткѣ и повернулъ голову.

— Мистеръ Редлау! — вскричалъ онъ и вскочилъ.

Редлау протянулъ свою руку.

— Не безпокойтесь; я сяду здѣсь, а вы оставайтесь на своемъ мѣстѣ.

Онъ сѣлъ на стулъ подлѣ двери, и посмотрѣвъ на молодаго человѣка, который сидѣлъ опершись на руку, сказалъ, опустивъ глаза въ землю:

— Я узналъ по случаю, — по какому, это не относится къ дѣлу, — что одинъ изъ моихъ слушателей боленъ. Я не получилъ насчетъ его ни какихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ живетъ въ этой улицѣ. Спрашиваю въ первомъ домѣ, и нахожу его.

— Я былъ боленъ, — отвѣчалъ студентъ, не только съ полной почтительностію, но даже съ нѣкоторымъ родомъ страха, — но теперь мнѣ гораздо лучше. Горячка, и, думаю, страданіе мозга — меня ослабили, но теперь я ужъ очень поправился. Не могу также сказать, чтобъ я былъ оставленъ, потому что это значило бы забыть заботливую руку, которая была такъ близка ко мнѣ.

— Вы говорите о женѣ хозяина? — сказалъ Редлау

Digitized by Google

— Да. — Студентъ наклонилъ голову, какъ будто хотѣлъ молча показать свое высокое къ ней уваженіе.

Химикъ, холодный, равнодушный и безстрастный, какимъ онъ казался, скорѣе похожъ былъ на мраморную статую надъ могилой человѣка, который не дальше какъ вчера, услыхавъ впервые о судьбѣ этого студента, вскочилъ изъ-за ужина, чѣмъ на человѣка съ жизнію и дыханіемъ въ груди, какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ взглянулъ на студента, который сидѣлъ, подперевъ рукой голову, потомъ устремилъ взоры въ полъ и потомъ въ верхъ, какъ будто бы тамъ онъ искалъ свѣта для своего ослѣпшаго духа.

— Я вспомнилъ ваше имя, — сказалъ онъ, — когда мнѣ объ васъ разсказывали, и я припоминаю также ваше лице. Между тѣмъ мы очень мало приходили другъ съ другомъ въ личное соприкосновеніе.

— Это правда; очень мало.

— Кажется, вы удалялись отъ меня болѣе, чѣмъ другіе?

Студентъ отвѣчалъ утвердительнымъ знакомъ.

— А для чего? — спросилъ химикъ безъ малѣйшаго выраженія участія, но съ суровымъ, угрюмымъ видомъ любопытства: — для чего? Почему, тогда, какъ всѣ другіе разъѣхались на вакацію, вы скрывали отъ меня и то, что вы остались здѣсь, и то, что вы больны? Позвольте узнать причину этого.

Молодой человѣкъ, слушавшій его съ возрастающимъ напряженіемъ, поднялъ свои глаза, до тѣхъ поръ опущенные въ землю, устремилъ ихъ на лице своего гостя и, сжимая руки, вскричалъ съ внезапною горестью и съ дрожащими губами: — Мистеръ Редлау! вы отъискали меня! Вы знаете мою тайну!

— Тайну? — повторилъ химикъ, — я знаю тайну?

— Да! ваше обращеніе со мной, столь не сходное съ участіемъ и сочувствіемъ, которыя были всегда такъ дороги для многихъ, вашъ измѣнившійся голосъ, ваши строгіе рѣчи и взгляды, — отвѣчалъ студентъ, — все увѣряетъ меня и говоритъ мнѣ, что вы меня знаете. Если вы и теперь отрекаетесь, то это самое отреченіе служитъ для меня

Digitized by Google

только доказательствомъ.... Видитъ Богъ, что я этого не заслужилъ.... ваша природная доброта и разстояніе, находящееся между нами....

Презрительный смѣхъ былъ единственнымъ отвѣтомъ химика.

— Но, мистеръ Редлау,—сказалъ студентъ,—какъ человѣкъ справедливый, какъ добрый человѣкъ, подумайте, что я невиненъ.... надобно было бы открыть вамъ мое имя, происхожденіе — и то участіе, которое я принялъ въ сдѣланной вамъ непріятности, причинѣ гнѣва, который вы питаете....

— Гнѣва? — повторилъ Редлау, захохотавъ: — непріятности? Какимъ образомъ они до меня касаются?

— Ради Бога, — просилъ студентъ, содрогаясь, — не выходите такъ изъ терпѣнія отъ простаго размѣна немногихъ словъ со мной.... Пусть я опять исчезну изъ вашихъ мыслей и вашего знакомства. Позвольте мнѣ снова скрыться въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ, въ самыхъ заднихъ рядахъ вашихъ слушателей.... Знайте меня впередъ подъ тѣмъ же именемъ, которое я принялъ, а не подъ именемъ Лонгфорда.

— Лонгфордъ! — вскричалъ Редлау.

Онъ схватился обѣими руками за голову и оборотилъ на минуту къ молодому человѣку свое лицо, съ умнымъ и исполненнымъ мысли выраженіемъ, всегда отличавшимъ его до случившейся съ нимъ перемѣны. Но этотъ свѣтъ исчезъ, какъ преходящій лучь солнца, и лице его омрачилось, какъ прежде.

— Это имя, которое носитъ моя мать, — сказалъ студентъ, запинаясь на каждомъ словѣ, — имя, которое она приняла, когда она могла бы принять имя, можетъ быть болѣе уважаемое. Мистеръ Редлау — и онъ остановился — я думаю, эта исторія вамъ извѣстна. Гдѣ мои свѣдѣнія недостаточны, тамъ я могу дополнить кой-что догадками, и это не отдалится отъ истины. Я родился отъ брака, который ни какъ не могъ почесться ровнымъ и счастливымъ. Съ дѣтства слышалъ я, съ какимъ уваженіемъ и

Digitized by Google

почтительностію, говорили объ васъ.... васъ всѣ боготворили.... Я слышалъ о такой добротѣ, о такой силѣ духа, о такомъ нѣжномъ чувствѣ, о такомъ смѣломъ и богатомъ послѣдствіями сопротивленіи непріятностямъ, угнетавшимъ людей, что мое воображеніе привыкло видѣть ваше имя, окруженное славою — съ тѣхъ поръ уже, когда я изучалъ самые первые уроки моей матери!.... Наконецъ я, бѣдный студентъ, отъ кого могъ слышать это, если не отъ васъ?

Редлау, неподвижный, неизмѣнный, смотря на него мрачными глазами, не отвѣчалъ ни словомъ ни знакомъ.

— Я не могъ бы сказать, я напрасно бы сталъ пытаться выразить словами, — продолжалъ студентъ,—какъ я былъ увлеченъ, какое впечатлѣніе овладѣло мной, когда въ этой силѣ увлекающей искренности и довѣренности, которая, отражаясь въ каждомъ изъ студентовъ, — и всего болѣе у самыхъ низшихъ, — соединена съ благороднымъ именемъ г. Редлау, я увидѣлъ радостные слѣды прошедшаго. Наши лѣта и наше положеніе въ жизни, г. профессоръ, такъ различны, и я такъ сильно привыкъ смотрѣть на васъ издали, что теперь я удивляюсь своей смѣлости, съ которою, хотя и слегка, касаюсь этой темы. Но я могъ бы сказать, что для каждаго, кто нѣкогда чувствовалъ необычное участіе къ моей матери, можетъ быть, было бы не совсѣмъ все равно, еслибъ онъ теперь, когда все это уже прошло, услыхалъ, съ какимъ неописаннымъ чувствомъ любви думалъ я объ немъ въ моемъ отдаленіи, съ какою мукою и съ какой внутренней борьбой удалялся отъ него, не смотря на его дружественное приглашеніе сблизиться, тогда какъ даже одно слово его обогатило бы меня и какъ я счелъ удобнымъ продолжать мой курсъ, довольный тѣмъ, что могу знать его, оставаясь ему неизвѣстнымъ. Мистеръ Редлау, продолжалъ студентъ слабымъ голосомъ, все, что я желалъ бы высказать вамъ вполнѣ, я не могу теперь выразить; потому что силы моего духа еще не возвратились; но если въ этомъ моемъ обманѣ есть что-нибудь недостойное, простите это мнѣ и забудьте все остальное.

Digitized by Google

Мрачное онѣмѣніе не исчезло съ лица Редлау и не давало мѣста никакому другому выраженію до тѣхъ поръ, покуда студентъ при этихъ послѣднихъ словахъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ нему и какъ будто хотѣлъ схватить его руку. Тогда онъ отнялъ ее назадъ и крикнулъ:

— Не подходите ко мнѣ!

Молодой человѣкъ остановился, сильно огорченный, что его отталкиваютъ столь жестокимъ образомъ, и устрашенный мрачнымъ взглядомъ, сопровождавшимъ этотъ отказъ. Въ задумчивости онъ провелъ рукой по лбу.

— Что прошло, то прошло, — сказалъ химикъ. — Все умираетъ въ насъ, какъ въ животныхъ. Кто могъ говорить мнѣ о слѣдѣ, оставленномъ всѣмъ этимъ въ моей душѣ?.... Это сумасшедшій или лжецъ! Какая мнѣ нужда до его нелѣпыхъ мечтаній? Если ему нужны деньги, вотъ онѣ. Я пришелъ предложить ихъ ему. Ни что другое меня не влекло сюда, бормоталъ онъ, держась, какъ и прежде, за голову обѣими руками? Ничто другое, и однакожъ....

И Редлау бросилъ на столъ свой кошелекъ. Между тѣмъ какъ онъ продолжалъ этотъ мрачный разговоръ съ самимъ собою, студентъ поднялъ кошелекъ и подалъ ему.

— Возьмите его назадъ, милостивый государь, — сказалъ онъ съ чувствомъ своего достоинства, и вовсе безъ гнѣва. — Я желалъ бы также, чтобъ вы унесли вмѣстѣ съ нимъ воспоминаніе о вашихъ словахъ и предложеніи, которое вы мнѣ сдѣлали!

— Вы желали бы этого?—возразилъ Редлау, съ дикимъ блескомъ во взорѣ. — Точно ли вы этого бы желали?

— Точно бы желалъ.

Химикъ подошелъ къ нему ближе, взялъ кошелекъ, потомъ схватилъ его за плечо и посмотрѣлъ ему въ лице.

— Какъ злость и страданіе связаны съ болѣзнію, — не правда ли? — спросилъ онъ съ улыбкой.

Удивленный студентъ отвѣчалъ: да

Digitized by Google

— Въ ея тревогахъ, въ ея томленіи, въ ея неизвѣстности, во всѣхъ тѣлесныхъ и духовныхъ страданіяхъ, которыя она съ собой приноситъ? — сказалъ химикъ, съ дикимъ, непостижимымъ напряженіемъ, — вонъ изъ головы! прочь это — забвеніе лучше всего — не такъ ли?

Студентъ не отвѣчалъ; но снова въ смущеніи провелъ рукою по лбу. Редлау держалъ еще его за плечо, какъ вдругъ за дверьми послышался голосъ Милли.

— Я теперь совершенно хорошо вижу, Дольфъ, — сказала она; — благодарю, Дольфъ. Не плачь, мой милый малютка. Отецъ и мать завтра же помирятся, и въ домѣ по прежнему хорошо все пойдетъ... У него какой-то господинъ!

Редлау опустилъ руки, слушая это.

— Я боялся съ первой минуты встрѣтиться съ ней,— бормоталъ онъ самъ съ собою. — Въ ней есть какая-то непреоборимая доброта, на которую мнѣ страшно подѣйствовать. Я могъ бы сдѣлаться убійцею самыхъ лучшихъ и самыхъ нѣжныхъ чувствъ ея....

Милли постучалась въ дверь.

— Изъ всѣхъ возможныхъ посѣтителей, — сказалъ онъ дикимъ, напряженнымъ голосомъ, обращаясь къ своему собесѣднику, — это именно тотъ, съ которымъ я менѣе всего хотѣлъ бы сойтись. Спрячьте меня.

Студентъ отворилъ въ стѣнѣ дверь, которая раздѣляла его покой съ комнаткою на чердакѣ, гдѣ черепичная кровля косвенно сообщалась съ поломъ. Редлау вошелъ туда поспѣшно и заперъ за собою дверь.

Студентъ сѣлъ на свое мѣсто и просилъ хозяйку войдти.

— Милый мистеръ Эдмондъ, — сказала Милли, озираясь кругомъ, — мнѣ, однакожъ, говорили, будто бы здѣсь былъ какой-то господинъ?

— Здѣсь нѣтъ никого, кромѣ меня, — отвѣчалъ студентъ.

— Однакожъ здѣсь былъ кто-то.

— Ну, да, былъ одинъ гость.

Digitized by Google

Милли поставила свою маленькую корзинку на столъ и отошла къ спинкѣ кушетки, какъ будто желая взять протянутую къ ней по обычаю руку; но руки не было. Немножко разсерженная, какъ только позволяла ея кроткая натура, она наклонилась надъ студентомъ, чтобъ посмотрѣть ему въ лице, и потомъ заботливо прикоснулась рукою къ его лбу.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня вечеромъ? ваша голова немножко горячѣе, чѣмъ давеча послѣ полудня.

— Такъ чтожъ? — сказалъ студентъ; — это меня очень мало безпокоитъ.

На лицѣ Милли выразилось немного болѣе удивленія, однако же никакого упрека, когда она отошла на другую сторону стола и вынула изъ своей корзины маленькую связку шитья. Но она опять положила работу, какъ будто одумавшись; прошла безъ шума по комнатѣ, уложила все на свое мѣсто и привела въ наилучшій порядокъ. Она позаботилась даже о подушкахъ на кушеткѣ и оправила ихъ рукой такъ легко, что онъ, обращенный лицемъ къ огню, казалось, едва это замѣтилъ. Когда все это было сдѣлано, и когда очагъ былъ выметенъ, она сѣла въ своемъ скромномъ маленькомъ чепчикѣ за работу и обратила на нее все вниманіе.

— Эта новая кисейная занавѣска на окно г-на Эдмонда,— сказала Милли, продолжая шить.—Она будетъ чиста и красива, хотя стоитъ очень дешево, и будетъ защищать ваши глаза отъ свѣта. Мой Вильямъ говоритъ, что комната не должна быть слишкомъ свѣтла именно теперь, когда вы такъ прекрасно оправляетесь, иначе сильный свѣтъ можетъ произвесть головокруженіе.

Студентъ не отвѣчалъ, но перемѣнялъ свое положеніе такъ угрюмо и нетерпѣливо, что ея быстрые пальцы остановились, и она грустно посмотрѣла на него.

— Подушки лежатъ неудобно, — сказала она, вставая и положивъ свою работу. — Я ихъ тотчасъ оправлю.

— Онѣ совершенно въ порядкѣ, — отвѣчалъ студентъ.— Оставьте ихъ такъ, какъ онѣ есть. Вы дѣлаете столько шуму изъ всякой мелочи.

Digitized by Google

Онъ приподнялъ голову, чтобъ сказать это, и посмотрѣлъ на нее безъ всякого выраженія благодарности, такъ что Милли, когда онъ опустился опять въ постель, на минуту остановилась въ испугѣ. Не смотря на это, она опять сѣла на свое мѣсто, схватила иглу и, не устремляя на него ни одного упрекающаго взгляда, продолжала свою работу такъ же прилежно, какъ и прежде.

— Я сейчасъ думала, мистеръ Эдмондъ, что вы въ послѣднее время, какъ я у васъ сидѣла, часто могли бы вспомнить пословицу, что *нужда лучшій учитель*. Здоровье для васъ послѣ этой болѣзни будетъ гораздо дороже, чѣмъ оно было прежде. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда возвратится это время года, вы вспомните о томъ днѣ, когда вы лежали здѣсь хворые.

Милли была слишкомъ внимательна къ своей работѣ думала слишкомъ серьёзно о томъ, что говорила, и вообще была слишкомъ въ спокойномъ расположеніи духа, чтобы ожидать взгляда, какой студентъ могъ бросить на нее въ видѣ отвѣта на эти слова. Этотъ неблагодарный, бѣглый взглядъ упалъ на нее, какъ безвредная стрѣла, ни сколько ее не ранивши.

— Ахъ, да, — сказала Милли, склонивъ задумчиво свою прекрасную головку на сторону и слѣдя глазами за своими пальцами.— Даже на меня, — а я однакожъ слишкомъ отлична отъ васъ, м-ръ Эдмондъ, потому что я не имѣю никакого ученаго образованія, и не знаю, какъ собственно должно мыслить, — даже на меня этотъ взглядъ на подобныя вещи произвелъ сильное впечатлѣніе съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь лежите. Когда я увидѣла, что вы такъ тронуты дружбою бѣдныхъ людей, живущихъ одной лѣстницей ниже, то я почувствовала, что вы сами считали эти опыты нѣкотораго рода вознагражденіемъ за потерю здоровья, и я прочитала въ вашемъ лицѣ, такъ же ясно, какъ въ книгѣ, что если бы у насъ не было скорби и страданій, то мы не могли бы узнать и половины тѣхъ благъ, которыя насъ окружаютъ.

Студентъ всталъ съ кушетки и это перервало рѣчь Милли прежде, чѣмъ она успѣла договорить ее.

Digitized by Google

— Мы однакожъ не должны слишкомъ высоко цѣнить услуги, мистриссъ Вилльямъ,— возразилъ студентъ отталкивающимъ голосомъ.—Люди, живущіе внизу, осмѣливаюсь вамъ замѣтить, будутъ въ короткое время вознаграждены за маленькія необычайныя услуги, которыя они мнѣ оказали, а можетъ быть, они только на это и разсчитывали: я, однакожъ, и вамъ очень обязанъ.

Руки Милли опустились; она взглянула на него.

— Однакожъ по излишнему преувеличенію, съ которымъ вы разсуждаете объ этомъ случаѣ, я не могу заключить, что я обязанъ чувствовать себя еще болѣе имъ благодарнымъ, — сказалъ онъ. — Я видѣлъ, что вы принимали во мнѣ участіе, и замѣтилъ уже, что я вамъ очень обязанъ. Чего же хотите вы отъ меня больше?

Работа выпала изъ рукъ Милли на колѣни, и она съ недоумѣніемъ смотрѣла, какъ онъ ходилъ, съ измѣнившимся выраженіемъ лица, взадъ и впередъ.

— Я говорю еще разъ: *я* вамъ обязанъ. Для чего ослаблять мое сознаніе вашего права на признательность, обращаясь ко мнѣ съ странными рѣчами? Страданіе, скорбь, смущеніе, непріятности.... право, кто-нибудь могъ бы подумать, что я вытерпѣлъ здѣсь полсмерти.

— Думаете ли вы, мистеръ Эдмондъ, — спросила Милли, вставая и подходя къ нему ближе, — что, напомнивъ вамъ о бѣдныхъ людяхъ въ домѣ, я намекала о себѣ? о себѣ!.... и она положила съ откровенной и невинной улыбкой удивленія руку на грудь.

— О, я не думаю ничего подобнаго, — возразилъ студентъ, — я былъ такъ боленъ, что ваша заботливость — замѣтьте хорошенько,—я говорю — заботливость, — приняла болѣзнь мою серьёзнѣе, чѣмъ она заслуживала. Но теперь эта болѣзнь прошла, и мы не всегда же будемъ ею заниматься.

Онъ хладнокровно взялъ книгу и сѣлъ къ столу.

Милли наблюдала его съ минуту, пока ея улыбка совершенно исчезла, и потомъ, обращаясь къ тому мѣсту, гдѣ

Digitized by Google

оставила свою корзину, сказала дружески: — мистеръ Эдмондъ, вамъ пріятнѣе быть однимъ?

— Я не вижу ни какой причины, почему бы еще я долженъ былъ здѣсь васъ удерживать, — отвѣчалъ онъ.

— А занавѣска, — сказала Милли, останавливаясь и показывая ему свою работу.

— О, занавѣска, — возразилъ онъ съ гордой улыбкой, — не стоитъ того, чтобы за ней много хлопотать.

Милли снова свернула маленькій узелъ и положила его въ корзину. Потомъ она подошла къ нему съ выраженіемъ столь терпѣливой просьбы въ лицѣ, что онъ не могъ взглянуть на нее.

— Еслибъ вы нуждались во мнѣ, — сказала она, — я бы пришла опять сама собою и безъ приглашенія. Когда вы нуждались во мнѣ, я считала за счастіе приходить къ вамъ, стало быть, въ этомъ не было никакой услуги. Можетъ быть, вы боитесь, чтобы теперь, когда вы поправляетесь, я васъ не обременила. Я не должна была входить сюда съ тѣхъ поръ, какъ прошла ваша слабость и сомнительное состояніе здоровья. Вы мнѣ не были обязаны ни чѣмъ; но вѣроятно, вы не смотрѣли на меня, какъ на знатную даму, даже какъ на дѣвушку, которую вы любите; и если вы высказываете подозрѣніе, что я изъ мелочей, посредствомъ которыхъ старалась сдѣлать удобною вашу комнату во время вашей болѣзни, дѣлаю что-нибудь важное, то вы болѣе оказываете несправедливости самимъ себѣ, чѣмъ можете оказать мнѣ. Вотъ что меня безпокоитъ, вотъ что поистинѣ меня печалитъ.

Еслибъ Милли приступила столь же вспыльчиво, какъ она была спокойна, столь же раздражительно, какъ она была тиха, съ такой же злобой въ лицѣ, какъ она была кротка и весела, то очень можетъ быть, что ея удаленіе изъ комнаты не оставило бы никакого впечатлѣнія, въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, которое проникло одинокаго студента, когда она удалилась.

Digitized by Google

Онъ печально смотрѣлъ на то мѣсто, на которомъ она сидѣла, когда Редлау вышелъ изъ своего заключенія и вошелъ въ комнату.

— Если болѣзнь опять наложитъ на васъ свою руку, — сказалъ онъ, осматривая его злобными глазами, — то пусть это будетъ какъ можно скорѣе. Умирай здѣсь, гибни здѣсь!

— Что вы сдѣлали? — возразилъ студентъ, хватая его за плащь; — что за перемѣну вы во мнѣ произвели? Какимъ проклятіемъ вы меня обременили! Отдайте мнѣ назадъ меня самого.

— Отдай ты мнѣ назадъ меня самого! — вскричалъ Редлау, какъ съумасшедшій. — Я зараженъ, я заражаю. Я полонъ ядомъ для своей собственной души и для душъ другихъ людей. Прежде я чувствовалъ участіе, состраданіе, жалость, теперь я превратился въ камень. Самолюбіе и неблагодарность брызжутъ изъ моихъ зараженныхъ слѣдовъ. Теперь по крайней мѣрѣ я не менѣе стою презрѣнія, какъ и бездѣльники, которыми я, руководствуясь этими началами, дѣлалъ людей, когда я ихъ могъ ненавидѣть въ минуту ихъ превращенія.

Когда Редлау говорилъ это, молодой человѣкъ, державшій до сихъ поръ его за плащь, выпустилъ его изъ рукъ и оттолкнулъ его. Редлау вырвался на ночной воздухъ, гдѣ шумѣлъ вѣтеръ, падалъ снѣгъ, висѣли кругомъ тучи, луна казалась отуманенною, и гдѣ, шумя съ вѣтромъ, падая съ снѣгомъ, летя съ облаками, являясь въ лунномъ свѣтѣ и поднимаясь во мракѣ, слышны были слова духа: «даръ, который я сообщилъ тебѣ, ты долженъ сообщить другимъ; иди, куда хочешь!»

.... Куда онъ пошелъ — и самъ не зналъ, да и не заботился объ этомъ, а только избѣгалъ встрѣчи съ людьми. Перемѣна его души обратила оживленныя улицы — въ пустыню, самого его — въ пустыню, а людей, съ ихъ разнообразными усиліями и дѣятельностью — въ обширную степь, гдѣ вѣтеръ громоздилъ песокъ въ неизмѣримыя груды и снова разметывалъ его, и снова развѣвалъ....

Digitized by Google

Впечатлѣнія, отнятыя у него призракомъ и долженствовавшія, по его предсказанію, «скоро умереть,» были еще на полпути къ своей смерти.

Редлау еще ясно сознавалъ свое положеніе и свое вліяніе на людей, и желалъ одиночества. Дорогой пришелъ ему на мысли мальчикъ, случайно заброшенный въ его комнату, и Редлау вспомнилъ, что изо всѣхъ, съ которыми онъ сближался съ того времени какъ исчезъ призракъ, только въ этомъ мальчикѣ не замѣтно было никакой перемѣны.

Какъ ни тревожило его, какъ ни отталкивало отъ себя это дикое существо, Редлау рѣшился отыскать его и провѣрить свое вліяніе. Кромѣ того у него было въ головѣ еще другое намѣреніе.

Не безъ труда призналъ онъ мѣстность и направилъ шаги къ старой коллегіи, къ той части зданія, гдѣ находился главный входъ и гдѣ мостовая выказывала нѣкоторое знакомство съ ногами студентовъ.

Жилище смотрителя находилось тотчасъ за желѣзными воротами двора и примыкало къ главному зданію. Снаружи была маленькая колоннада, и Редлау зналъ, что оттуда ему легко разглядѣть въ окно внутренность комнаты смотрителя. Желѣзныя половинки воротъ были заперты, но рука Редлау, знакомая съ запоромъ, просунулась въ створы и отодвинула запоръ; Редлау вошелъ свободно, задвинулъ за собой запоръ и прокрался къ окну по хрупкой корѣ снѣга.

Огонь, къ которому Редлау въ прошлую ночь указалъ мальчику дорогу, ярко блестѣлъ сквозь стекла и ложился по землѣ свѣтлою полосою. Безотчетно обошелъ онъ эту полосу и взглянулъ въ окно. Сначала ему показалось, что въ комнатѣ нѣтъ ни кого, и что огонь бросаетъ свой красноватый отблескъ только на потолочныя балки и почернѣлыя стѣны, но, подойдя ближе, онъ увидалъ предметъ своихъ поисковъ, спящій въ растяжку на полу, передъ каминомъ. Редлау быстро подошелъ къ двери, отворилъ ее и вошелъ въ комнату.

Мальчикъ лежалъ въ такомъ жару, что химикъ, наклонившійся, чтобы его разбудить, обжегъ себѣ голову. Едва

Digitized by Google

тронутый, еще полусонный, мальчикъ подобралъ, съ инстинктомъ бѣгства, свои лохмотья, откатился кувыркомъ въ отдаленный уголъ комнаты и, бросясь на полъ, задрягалъ ногами, чтобы защититься.

— Вставай! — сказалъ химикъ, — ты вѣдь не забылъ меня?

— Пустите! закричалъ мальчикъ. — Это домъ мистриссъ — не вашъ.

Проницательный взглядъ химика подчинилъ ребенка своей власти, заставилъ его подняться на ноги и позволить взглянуть на себя.

— Кто вымылъ тебѣ ноги и перевязалъ раны и царапины? — спросилъ химикъ, указывая мальчику на его ноги.

— Мистриссъ.

— Она тебѣ и лицо отскребла?

— Она.

Редлау предложилъ мальчику эти вопросы для того, чтобы привлечь его взоры; съ тѣмъ же намѣреніемъ взялъ онъ его за подбородокъ и отбросилъ ему назадъ жесткіе его волосы. Мальчикъ слѣдилъ за направленіемъ его взоровъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы считалъ эту предосторожность единственной защитою отъ неизвѣстныхъ ему намѣреній химика. Редлау видѣлъ ясно, что въ немъ не было никакой перемѣны.

— Гдѣ они? — спросилъ Редлау.

— Мистриссъ ушла.

— Знаю. А гдѣ старикъ съ сѣдыми волосами и его сынъ?

— Мужъ мистриссъ? — спросилъ мальчикъ.

— Да. Гдѣ они оба?

— Ушли. Куда-то, зачѣмъ-то. Выскочили такъ скоро, а меня оставили здѣсь.

— Пойдемъ со мной, — сказалъ химикъ,—я тебѣ денегъ дамъ.

— Пойдемъ? — куда пойдемъ? А сколько вы дадите?

Digitized by Google

— Столько шиллинговъ, сколько ты никогда и не видалъ. Я тебя назадъ приведу.... Ты знаешь ли откуда ты сюда пришелъ?

— Пустите меня! — вдругъ закричалъ мальчикъ. — Поведу я васъ туда! какъ же! Оставьте меня, не то я въ васъ огнемъ брошу.

Онъ бросился къ камину и готовился схватить своей грубой рученкой горячіе уголья.

Ощущенія химика при соприкосновеніи его съ людьми, на которыхъ онъ производилъ свое чарующее вліяніе, были ничто въ сравненіи съ холоднымъ, тревожнымъ ужасомъ, внушаемымъ этимъ чудовищнымъ ребенкомъ, который сталъ въ оборонительное положеніе. Кровь его леденѣла при взглядѣ на это неподвижное, безчувственное существо, на это подобіе дитяти, которое обратило къ нему искаженное злобой лице и протягивало къ кучѣ углей руку маленькую, какъ у грудного ребенка.

— Берегись, дружокъ! — сказалъ Редлау.—Веди меня, куда хочешь, только туда, гдѣ люди точно бѣдны, точно забыли Бога. Я сдѣлаю имъ добро и ни кого не обижу. А ты получишь столько денегъ, сколько я сказалъ. И назадъ тебя приведу. Вставай же, да проворнѣй! И онъ быстро пошелъ къ двери, опасаясь возвращенія Милли.

— А пустите вы меня идти одного, не будете меня держать и трогать? — спросилъ ребенокъ, медленно отнимая отъ угольевъ грозившую руку и приподнимаясь.

— Да.

— А отпустите, когда я захочу?

— Отпущу.

— Хорошо. Дайте мнѣ впередъ денегъ — я пойду.

Химикъ положилъ ему въ горсть нѣсколько шиллинговъ, одинъ за другимъ. Считать ихъ было выше понятій ребенка, но при каждомъ шиллингѣ онъ говорилъ: «вотъ!» и жадно глядѣлъ на деньги и на дателя. Изъ руки ему некуда было выложить денегъ, кромѣ рта: такъ онъ и сдѣлалъ.

Редлау написалъ карандашемъ на листочкѣ своей записной книжки, что ребенокъ ушелъ съ нимъ, положилъ

Digitized by Google

листокъ на столъ и далъ мальчику знакъ слѣдовать за собою. Ребенокъ повиновался и вышелъ на зимній холодъ съ непокрытой головой и босыми ногами.

Чтобы не встрѣтиться въ воротахъ съ той, которой онъ такъ тщательно избѣгалъ, химикъ свернулъ въ корридоры, гдѣ мальчикъ заблудился наканунѣ, прошелъ занимаемую имъ часть дома и вышелъ на улицу въ маленькую дверь, отъ которой ключъ былъ у него. Когда они вышли на улицу, Редлау остановился, чтобы спросить своего вожатаго, который тотчасъ же отскочилъ отъ него: знаетъ ли онъ — гдѣ они находятся.

Дикое существо посмотрѣло направо, налѣво, утвердительно кивнуло головой и показало направленіе, по которому слѣдовало идти. Редлау пошелъ дальше; мальчикъ слѣдовалъ за нимъ и, казалось, забылъ свою недовѣрчивость, потому что дорогой вынималъ изо рту деньги, клалъ ихъ опять въ ротъ, и чтобы придать имъ болѣе блеску, потиралъ ихъ украдкой о свои лохмотья.

Въ продолженіе пути три раза они были бокъ-о-бокъ, три раза молча стояли другъ подлѣ друга. Три раза взглядывалъ химикъ въ лице мальчику и вздрагивалъ, встрѣчая его взглядъ.

Первый разъ, когда они проходили по церковному погосту, когда Редлау молча остановился передъ гробницами, и когда видъ этихъ гробницъ не пробудилъ въ немъ ни одной нѣжной, ни одной отрадной и сострадательной мысли.

Второй разъ, когда мѣсяцъ прорѣзалъ тучи и приковалъ взоры Редлау къ небу, когда Редлау глядѣлъ на небесную твердь въ ея славѣ, блестящую вереницами звѣздъ, еще знакомыхъ ему по именамъ и по исторіямъ, связаннымъ съ ними человѣческой наукой, когда онъ глядѣлъ на эту твердь, но уже ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ, что видѣлъ и чувствовалъ прежде, глядя въ ясныя ночи — *туда*, — въ вышину.

Въ третій разъ, когда Редлау остановился и сталъ прислушиваться къ печальной музыкальной мелодіи, но когда онъ не услыхалъ ничего кромѣ звука, доведеннаго до его

Digitized by Google

сознанія грубымъ механизмомъ инструментовъ и органомъ слуха. И не нашелъ этотъ звукъ въ его душѣ ни какого отзвука, не пробудилъ въ ней ни какого отголоска минувшаго, ни какого таинственнаго шепота грядущаго, а ударился въ нее безсильно, какъ шумная волна, какъ завывающій вѣтеръ ...

И каждый разъ Редлау съ ужасомъ замѣчалъ, что выраженіе лица его спутника было одинаково съ выраженіемъ его собственнаго лица, не смотря на полную несходственность ихъ духовной природы, не смотря на ихъ различіе во всѣхъ физическихъ отношеніяхъ.

Нѣсколько времени шли они впередъ — то по такимъ оживленнымъ частямъ города, что Редлау оглядывался назадъ, боясь потерять своего вожатаго, который однакоже не отставалъ отъ его тѣни, то по такимъ пустыннымъ улицамъ, что можно было считать маленькіе и частые шаги босоногаго мальчика. Наконецъ они подошли къ купѣ полуразвалившихся домовъ. Мальчикъ дотронулся до Редлау пальцемъ и остановился.

— Вонъ тамъ!—сказалъ онъ, указывая рукою на домъ, въ окнахъ котораго мелькали разрозненные огоньки. Надъ воротами дома висѣлъ тусклый фонарь и видна была надпись: *комнаты для пріѣзжающихъ.*

Редлау посмотрѣлъ сперва на мальчика, потомъ на домъ, потомъ на захолустье, въ которомъ стояли, или, лучше сказать, не совсѣмъ еще развалились эти дома; грязное захолустье, безъ заборовъ, безъ водосточныхъ трубъ, безъ освѣщенія. Далѣе посмотрѣлъ онъ на облическую линію сводовъ — остатокъ какого-то водопровода или моста — окружавшихъ домъ и постепенно понижавшихся, такъ что предпослѣдній походилъ на конуру, а послѣдній былъ просто куча кирпичныхъ осколковъ. Далѣе посмотрѣлъ онъ опять на мальчика, который скорчился не подалеку отъ него и дрожалъ отъ холода, а потомъ вскакивалъ и прыгалъ на одной ногѣ, желая согрѣться.

Digitized by Google

Мальчикъ глядѣлъ на все это съ такимъ выраженіемъ боязни, что оно отразилось на лицѣ самого Редлау, и Редлау содрогнулся.

— Вонъ тамъ!—повторилъ мальчикъ, указывая рукою на домъ. — Я подожду.

— Пустятъ ли меня? — спросилъ Редлау.

— Скажите, что вы докторъ, — былъ отвѣтъ, сопровождаемый утвердительнымъ киваньемъ головы. —Больныхъ тамъ довольно.

Осматривая путь къ двери, Редлау замѣтилъ, что мальчикъ исчезъ за кучей грязи и съ ловкостію крысы подползъ подъ самый низкій изъ сводовъ. Въ душѣ Редлау не было никакого состраданія къ этому отталкивающему существу; напротивъ, онъ чувствовалъ къ нему какой-то страхъ, и, замѣтивъ, что ребенокъ выглядываетъ на него изъ своей норы, поспѣшилъ въ домъ, какъ въ отрадную пристань.

— Заботы, обиды и страданія,—сказалъ химикъ, усиливаясь припомнить что-то,—должны обитать въ этомъ мѣстѣ, по-крайней мѣрѣ тайно: не поступитъ тотъ несправедливо, кто внесетъ сюда забвеніе.

Съ этими словами онъ толкнулъ дверь; дверь уступила и онъ вошелъ.

На послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы сидѣла женщина. Она спала, или плакала, потому что голова ея лежала на рукахъ и на колѣняхъ. Такъ какъ нельзя было пройдти, не потревоживъ ея, а она не замѣчала приближенія Редлау, онъ остановился и дотронулся до ея плеча. Она приподняла голову; лице ея было еще молодо, но уже совершенно утратило и цвѣтъ и свѣжесть: казалось, жестокая зима нестественно и немилосердо убила весну.

Не обнаруживая никакого удивленія при появленіи незнакомца, женщина отодвинулась къ стѣнѣ, чтобъ дать ему свободный проходъ.

— Кто вы? — спросилъ Редлау, придерживаясь за изломанныя перила.

Digitized by Google

— За кого вы меня принимаете? — отвѣчала она и отвернулась.

Онъ посмотрѣлъ на этотъ разрушенный Божій храмъ, такънедавно еще воздвигнутый и такъ скоро обратившійся въ развалины, и что-то — не чувство состраданія, потому что въ его груди изсякли источники, изъ которыхъ съ воплемъ вырывается истинное состраданіе, а что-то, близко подходившее къ этому чувству, что-то похожее на впечатлѣнія, пошевелившіяся наканунѣ въ темнѣющемъ сумракѣ его души, смягчило послѣднія его слова:

— Я пришелъ сюда помочь, ежели могу, — сказалъ онъ. — О чемъ вы раздумались: не о недавней ли обидѣ?

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ, потомъ засмѣялась, потомъ ея смѣхъ замеръ въ дрожащемъ вздохѣ. Она снова склонила голову и спрятала руки въ волосахъ.—

— Не объ обидѣ ли какой раздумались вы? — спросилъ онъ снова.

— Я раздумалась о моей жизни, — отвѣчала она, быстро взглянувъ на Редлау.

Онъ понялъ, что она была одна изъ многихъ, что въ его ногахъ сидѣлъ поблекнувшій образъ тысячи людей.

— Кто ваши родители? — спросилъ онъ.

— Я изъ честной фамиліи. Отецъ мой былъ садовникомъ, далеко отсюда, въ деревнѣ.

— Онъ умеръ?

— Для меня. Все былое для меня умерло. Вы — такой баринъ, а этого не знаете! — Она опять взглянула на Редлау и засмѣялась.

— Дѣвушка! — сказалъ важно Редлау,—прежде чѣмъ всѣ эти воспоминанія умрутъ въ вашемъ сердцѣ, скажите не оказалъ ли вамъ кто какой-нибудь несправедливости? не возвращается ли къ вамъ невольное воспоминаніе о какой-нибудь обидѣ, не тяготитъ ли васъ, по временамъ, это воспоминаніе?

Въ этой дѣвушкѣ было такъ мало женскаго, что Редлау очень изумился, когда, при его послѣднихъ словахъ, она вдругъ залилась слезами. Но его изумленіе и безпо-

Digitized by Google

койство возросли еще болѣе, когда онъ примѣтилъ, что при пробужденномъ въ ней воспоминаніи обиды, выказались слѣды былаго человѣческаго достоинства и огрубѣлой нѣжности.

Редлау отступилъ нѣсколько назадъ и только теперь увидалъ, что ея рука вся почернѣла, лице разбито и грудь залита кровью.

— Чья жестокая рука такъ пошутила съ вами?—спросилъ онъ.

— Моя собственная. Я сама это сдѣлала,—отвѣчала она поспѣшно.

— Не можетъ быть!

— Ей-Богу, — сама! Онъ меня не трогалъ. Я сама въ отчаяніи бросилась съ лѣстницы: онъ даже и не подходилъ ко мнѣ. Онъ никогда до меня не дотрогивался.

Она увѣряла его въ этой лжи, съ такой спокойной рѣшимостью на лицѣ, которая заставила Редлау понять, что въ этомъ бѣдномъ сердцѣ осталось еще довольно сокрушеннаго и зачерствѣлаго чувства, чтобы совѣсть могла ее упрекнуть въ томъ, что *онъ къ ней подходитъ*.

— Горе, обиды и страданія! — прошепталъ Редлау, отворачиваясь съ содроганіемъ отъ дѣвушки. —Вотъ корни всего, что еще привязываетъ ее къ той высотѣ, съ которой она такъ глубоко упала.

— Ради Бога, пропустите меня!

Боясь еще разъ взглянуть на эту дѣвушку, боясь ея коснуться, боясь разорвать послѣднюю нить, за которую, по небесному милосердію, она еще держалась, Редлау завернулся въ свой плащь и быстро взбѣжалъ по ступенямъ.

Передъ нимъ, на площадкѣ, находилась полуразтворенная дверь, изъ которой въ это время вышелъ какой-то человѣкъ, со свѣчей въ рукѣ, и сталъ ее затворять. Увидавъ Редлау, этотъ человѣкъ въ изумленіи отступилъ назадъ и громко произнесъ его имя, будто невольно вынужденный къ этому.

Удивившись, что его узнали, Редлау остановился и силился припомнить это истертое, искаженное лицо.

Digitized by Google

Онъ не успѣлъ припомнить, потому что, еще къ большему его удивленію, изъ комнаты вышелъ старый Филиппъ и схватилъ его за руку.

— Мистеръ Редлау!—сказалъ старикъ,—это совершенно на васъ похоже, это совершенно похоже на васъ, г. профессоръ! Вы узнали и пришли къ намъ оказать помощь, ежели можно. Ахъ, слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!

Редлау, еще не опомнившійся отъ удивленія, позволилъ вести себя въ комнату. Тамъ, на подвижной кровати, лежалъ какой-то человѣкъ и подлѣ него стоялъ Вилльямъ Свиджеръ.

— Слишкомъ поздно! — шепталъ старикъ, и грустно глядѣлъ въ лице химику, и слезы бѣжали по его щекамъ.

— Я тоже говорю, батюшка, — перебилъ его потихоньку сынъ.—Это совершенно умѣстно, совершенно справедливо. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—быть какъ можно тише, пока онъ спитъ. Вы правы, батюшка!

Редлау подошелъ къ постели и взглянулъ на больнаго, вытянувшагося на матрацѣ. Это былъ человѣкъ, котораго болѣзнь сразила еще въ полной силѣ жизни, но уже не было никакой надежды, чтобы солнце освѣтило его завтра. Грѣхи сорокалѣтней или пятидесятилѣтней жизни положили на него такія клейма, что, казалось, тяжелая рука времени, сравнительно, болѣе пощадила лице старика, ухаживавшаго за больнымъ.

— Кто это? — спросилъ Редлау, озираясь кругомъ.

— Мой сынъ, Джорджъ, мистеръ Редлау! — сказалъ старикъ, ломая руки, — мой старшій сынъ Джорджъ, которымъ мать гордилась болѣе, чѣмъ всѣми прочими!....

Взоры Редлау перешли отъ сѣдой головы старика, наклонившагося надъ постелью, на человѣка, который узналъ его въ дверяхъ, а теперь отошелъ въ самый дальній уголъ комнаты. Казалось, что оба они были въ одинаковомъ возрастѣ, и хотя Редлау не зналъ ни одного человѣка, до такой степени увядшаго и измятаго, какъ этотъ, однако же, когда незнакомецъ повернулся къ нему спиною и пошелъ къ двери, въ его фигурѣ и пріемахъ было что-

Digitized by Google

то, заставившее Редлау поднести руку ко лбу, какъ при тяжеломъ воспоминаніи.

— Вилльямъ, шепнулъ онъ, кто это?

— Вы видите, г. профессоръ, — отвѣчалъ Вилльямъ,— я совершенно тихо говорю. Ужъ какъ пойдетъ человѣкъ таскаться да играть, да все такое, такъ ужъ и станетъ уходить въ грязь, вершокъ за вершкомъ, глубже да глубже до самаго дна.

— Вотъ онъ какой? — сказалъ Редлау, взглядывая на незнакомца, съ тѣмъ же невольнымъ движеніемъ руки.

— Вотъ именно такой, г. профессоръ, отвѣчалъ Вилльямъ Свиджеръ, — совершенно такой, какъ я сказалъ. Кажется, онъ смыслитъ не много въ медицинѣ, и такъ какъ онъ ѣздилъ въ Лондонъ съ моимъ несчастнымъ братомъ, котораго вы видите, — продолжалъ Вилльямъ, утирая рукавомъ глаза, —а ночь-то проводилъ здѣсь на верху, (вотъ я и всегда говорю — какъ это странно люди сходятся), ну такъ вотъ, онъ и заглянулъ разъ сюда, къ брату, да и прибѣжалъ къ намъ, — звать на помощь.... Какое печальное зрѣлище ожидало насъ, мистеръ Редлау! Теперь оно конечно все у мѣста. Отца ужъ непремѣнно сведутъ эти вещи въ могилу.

Редлау осмотрѣлся при этихъ словахъ и только теперь вспомнилъ — гдѣ и въ какомъ обществѣ онъ находился и какія чары вносилъ съ собою: до этой минуты удивленіе затмѣвало въ немъ всякое ясное сознаніе. Онъ быстро отступилъ немного назадъ и сталъ раздумывать — оставить ли ему этотъ домъ, или нѣтъ.

Погруженный въ мрачное уныніе, съ которымъ ему предназначено было много разъ бороться въ жизни, Редлау рѣшился остаться.

— Вчера, и только вчера, — сказалъ онъ, — примѣтилъ я, что воспоминанія этого старика — цѣпь горя и страданій: неужели же страшно разорвать эти цѣпи въ нынѣшнюю ночь. Неужели изгоняемыя мною воспоминанія такъ дороги для этого умирающаго человѣка, что я долженъ за него бояться? Нѣтъ, я останусь.

Digitized by Google

И онъ остался, но со страхомъ и трепетомъ. Завернувшись въ свой черный плащь и отворотивъ лице, стоялъ онъ подлѣ постели, и прислушивался къ разговору, какъ злобный духъ, выросшій на этомъ мѣстѣ изъ земли.

— Батюшка! — прошепталъ больной, выходя изъ оцѣпенѣнія.

— Другъ мой, сынъ мой Джорджъ, — сказалъ старикъ Филиппъ.

— Вы сейчасъ сказали, что я былъ любимцемъ матери, былъ — давно. Страшно подумать — давно!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — продолжалъ старикъ. — Всегда думай объ этомъ. Не говори, что это страшно. Для меня не страшно, сынокъ!

— Батюшка, ваше сердце надрывается!

Слезы старика капали на больнаго.

— Да, да, сказалъ Филиппъ, — правда, надрывается, но мнѣ отъ этого легче. Тяжело вспоминать это время, Джорджъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно. Вспоминай, вспоминай и ты, и твое сердце облегчится. Гдѣ мой сынъ Вильямъ? Вильямъ! твоя мать любила его до конца всей любовію и при послѣднемъ вздохѣ сказала: — разскажи ему, какъ я его простила, какъ я его благословила, какъ за него молилась. Вотъ ея слова: я ихъ не забылъ, а мнѣ осемьдесятъ семь.

— Отецъ! — сказалъ больной, — я на краю могилы, я это знаю. Я такъ слабъ, что едва говорю; а на душѣ у меня лежитъ тяжелый камень. Ждетъ ли меня какая-нибудь надежда за этимъ смертнымъ одромъ?

— Есть надежда,—сказалъ старикъ, — для всѣхъ, кто обратится и раскается. Для всѣхъ кающихся есть надежда. О!—воскликнулъ онъ, сложивъ руки и взглянувъ на небо, — отрадно мнѣ было вчера вспомнить о моемъ несчастномъ сынѣ, какъ о невинномъ дитяти; но какое благополучіе подумать, что самъ Господь о немъ вспомнитъ.

Редлау закрылъ лице руками и вздрогнулъ какъ убійца.

— О! — тихо простоналъ больной. — Но тамъ — пустыня, тамъ безжизненная пустыня!

Digitized by Google

— И онъ былъ ребенкомъ,—продолжалъ старикъ,— и онъ игралъ съ дѣтьми. Вечеромъ, передъ тѣмъ, чтобы лечь въ постельку и заснуть невиннымъ сномъ, читалъ онъ молитвы у ногъ своей бѣдной, доброй матери. Я часто это видалъ, часто видалъ, какъ она прижимала его головку къ своей груди и цѣловала его.... А когда онъ насъ опечалилъ, когда онъ пошелъ по стезѣ порока и обманулъ наши надежды и предположенія, и тогда воспоминанія минувшаго сохранили въ немъ привязанность къ намъ, и ничто другое не могло бы сохранить ея. Отецъ Небесный, чадолюбивѣйшій изъ всѣхъ отцовъ! Отецъ Небесный, опечаливаемый неправыми путями чадъ Твоихъ! вороти заблудшагося путника въ домъ его, не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ, каковъ онъ былъ, дозволь ему возвысить къ Тебѣ свой голосъ, какъ часто возвышалъ онъ его ребенкомъ!

Старикъ поднялъ вверхъ дрожащія руки, а сынъ, за котораго онъ молился, поникнулъ головой и прижимался къ нему, какъ будто онъ дѣйствительно былъ еще ребенкомъ, о которомъ говорилъ отецъ.

Кто и когда такъ дрожалъ, какъ дрожалъ Редлау, при наступившемъ теперь молчаніи! Онъ зналъ, что очарованіе подѣйствуетъ, и скоро подѣйствуетъ.

— Время мое коротко, дыханіе мое прерывается,—сказалъ больной, опираясь на одну руку и ловя другой воздухъ.—Я чувствую, что въ моей душѣ есть что-то, касающееся до человѣка, который сейчасъ былъ здѣсь. Батюшка и Вильямъ! погодите: есть вонъ тамъ что-то черное?

— Да, да, точно ееть, — сказалъ старый отецъ.

— Что это — человѣкъ?

— Я тоже говорю,—перебилъ Вильямъ, съ любовью наклоняясь къ больному.

— Это мистеръ Редлау?

— Мнѣ кажется, что я видѣлъ его во снѣ, прошу его подойдти ко мнѣ.

Химикъ, блѣдный, какъ мертвецъ, подошелъ къ больному, и, повинуясь движенію его руки, сѣлъ на кровать.

Digitized by Google

— Нынче ночью, у меня такъ сжалось сердце,—сказалъ больной, положивъ руку на грудь и бросивъ на Редлау такой взглядъ, въ которомъ выразилось все нѣмое, молящее отчаяніе его души,—такъ сжалось сердце, когда я увидѣлъ моего бѣднаго, стараго отца и вспомнилъ—сколько на моей совѣсти лежитъ горя, обидъ и безпокойствъ, причиненныхъ ему мною, что.... Голосъ ли прервался у больнаго, или послѣдовала въ немъ внезапная перемѣна мыслей, но онъ остановился..... — что хочется мнѣ, по возможности, загладить мою вину, по возможности, потому что мысли начинаютъ ускользать отъ меня и путаться.... Тутъ былъ еще одинъ человѣкъ: вы его видѣли?

Редлау не могъ выговорить ни слова; голосъ его замеръ на губахъ, при взглядѣ на больнаго, который поднесъ руку ко лбу: знакомый и страшный признакъ! Редлау могъ только утвердительно кивнуть головой.

— Онъ нищъ, голоденъ и оставленъ всѣми. Онъ совершенно погибаетъ, а помощи нѣтъ ни откуда. Присмотрите за нимъ и не теряйте времени: я знаю — онъ рѣшился на самоубійство.

Очарованіе дѣйствовало и выказывалось на лицѣ больнаго: его лице измѣнилось, огрубѣло, углубило всѣ свои мрачныя черты и потеряло грустное выраженіе.

— Вы его не помните? вы его не знаете? — продолжалъ больной.

На мгновеніе онъ закрылъ лице, снова приложивъ руку ко лбу, и потомъ бросилъ на Редлау пытливый, злобный и вызывающій взглядъ.

— Га, проклятіе! — сказалъ онъ, дико озираясь кругомъ. — Что вы со мной сдѣлали? я честно жилъ и умереть хочу честно. Убирайтесь къ чорту!

Онъ упалъ ничкомъ на кровать и сжалъ себѣ руками голову и уши, какъ будто рѣшившись не подчиняться болѣе никакому впечатлѣнію и умереть равнодушно.

Ежели бы молнія упала на Редлау, и ея страшный ударъ не отбросилъ бы его съ такою силою отъ кровати

Digitized by Google

больнаго. Старикъ, который отошелъ въ сторону во время разговора сына съ Редлау, хотѣлъ было снова подойдти къ кровати, но также отступилъ, и даже съ какимъ-то отвращеніемъ.

— Гдѣ мой сынокъ Вилльямъ? — сказалъ онъ сердито. — Вилльямъ, пойдемъ отсюда, пойдемъ домой.

— Домой, батюшка! — сказалъ Вилльямъ.—Вы хотите оставить вашего сына?

— Гдѣ мой сынъ? — спросилъ старикъ.

— Гдѣ? вонъ тамъ!

— Это не мой сынъ, — сказалъ Филиппъ, дрожа отъ гнѣва. — Какое дѣло до меня этому выродку? На моихъ дѣтей любо взглянуть; они обо мнѣ заботятся, хорошо меня кормятъ, хорошо поятъ, пользу мнѣ приносятъ! Я на это имѣю и право: мнѣ осемьдесятъ семь.

— Вы слишкомъ стары, чтобы еще постарѣть,—прошепталъ Вилльямъ, съ дикимъ взглядомъ и заложивъ руки въ карманы. — Право, я не знаю, къ чему вы еще годны? Безъ васъ намъ было бы просторнѣе.

— Это мой сынъ, мистеръ Редлау! — сказалъ старикъ. —Это мой сынъ! мальчишка болтаетъ о моемъ сынѣ: желалъ бы я знать — что онъ когда-нибудь сдѣлалъ въ мое удовольствіе?

— Я тоже не знаю, что вы когда-нибудь сдѣлали въ мое удовольствіе? — отвѣчалъ, насупившись, Вилльямъ.

— Постой, дай мнѣ подумать, — сказалъ старикъ.— Сколько разъ возвращался къ намъ сочельникъ, съ тѣхъ поръ какъ я засѣлъ на свое теплое мѣстечко и не нужно было мнѣ выходить въ холодную ночь, и было мнѣ покойно, и не тревожило меня никакое непріятное, постыдное зрѣлище, какъ вотъ это? Я думаю, лѣтъ двадцать эдакъ прошло, Вилльямъ?

— Пожалуй, и всѣ сорокъ, — прошепталъ Вилльямъ.— Вотъ, сэръ, гляжу я на моего отца и думаю.... — Онъ обратился къ Редлау съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такимъ недовольнымъ видомъ, который вовсе были ему несроденъ.—

Digitized by Google

Чортъ меня побери, ежели я вижу въ моемъ отцѣ что-нибудь другое, кромѣ календаря дней и годовъ, и опять дней и годовъ, въ которые онъ ѣлъ, пилъ и спалъ.

— Мнѣ — мнѣ осемьдесятъ семь, — сказалъ старикъ, продолжая дѣтскую, несвязную болтовню. — Я не помню, что бы я кого-нибудь въ чемъ-нибудь спрашивался, кромѣ самого себя. Я не въ состояніи понять — на какомъ основаніи онъ называетъ его моимъ сыномъ: совсѣмъ онъ не мой сынъ. Много было у меня свѣтлыхъ дней. Помню я одинъ.... нѣтъ не помню, изъ головы вышло. Что-то такое: въ мячикъ мы играли и былъ у меня другъ, а впрочемъ— собственно-то сказать — это ничего. Хотѣлъ бы я знать, кто бы такой онъ былъ; сомнѣваюсь, чтобъ я могъ видѣть его равнодушно. Хотѣлось бы мнѣ также знать, что съ нимъ сталось: кажется, умеръ? Однако навѣрное я незнаю. Вообще-то мнѣ все равно, что тамъ ни случись, совершенно все равно.

Онъ безсмысленно засмѣялся, запустилъ обѣ руки въ карманы жилетки и покачалъ головой. Въ одномъ изъ кармановъ нашелъ онъ вѣточку амелы, вѣроятно положенной туда наканунѣ, вынулъ ее и сталъ разсматривать.

— А, ягоды!—сказалъ онъ.—Жалко, что нельзя ихъ ѣсть. Помню, былъ я маленькимъ школьникомъ, вотъ такимъ, — и онъ показалъ рукой на свое колѣно,—пошли мы гулять съ..... постойте дайте вспомнить, съ кѣмъ мы пошли гулять? Нѣтъ, совершенно забылъ, съ кѣмъ. Я не помню, чтобы я съ кѣмъ-нибудь особенно ходилъ гулять, чтобы я о комъ-нибудь заботился или кто-нибудь обо мнѣ заботился. Ягоды, хмъ, славное, счастливое время, когда есть ягоды! Да, я долженъ получить свою долю, они должны за мной ухаживать, держать меня въ теплѣ и въ покоѣ, потому что я бѣдный старикъ: мнѣ вѣдь осемьдесятъ семь. Мнѣ осемьдесятъ семь! осемьдесятъ семь.

Ни печальная болтовня старика, который жевалъ и выплевывалъ вѣточку амелы, ни холодные, равнодушные взоры, которыми слѣдилъ за нимъ его меньшой сынъ, ни упорное безучастіе старшаго сына, ни что не производило вліянія на

Digitized by Google

Редлау и не привлекало его вниманія: онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы сойдти съ мѣста, къ которому его ноги, казалось, были прикованы, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Когда Редлау поровнялся съ крайнимъ сводомъ, его вожатый выползъ изъ своей норы.

— Назадъ къ мистриссъ? — спросилъ онъ.

— Назадъ, проворнѣе! — отвѣчалъ Редлау.

— Нигдѣ не останавливаться?

Нѣсколько времени мальчикъ шелъ впереди, но Редлау не шелъ, а летѣлъ, и босымъ ногамъ ребенка стоило много труда не отставать отъ гигантскихъ шаговъ химика. Избѣгая всякаго встрѣчнаго, завернутый въ свой плащь, который онъ подобралъ, чтобъ не прикасался къ его платью, какъ будто это прикосновеніе грозило смертельной заразой, Редлау остановился только тогда, когда достигъ двери, изъ которой они вышли, отперъ дверь ключемъ, вошелъ въ нее, сопровождаемый мальчикомъ, и направился темнымъ корридоромъ къ своей комнатѣ.

Мальчикъ наблюдалъ за Редлау, когда онъ запиралъ дверь своей комнаты, и всталъ за столъ, когда Редлау сталъ озираться кругомъ.

— Только осмѣлься!—прошепталъ онъ. — Только тронь меня!.... Вы завели меня сюда не затѣмъ, чтобы отнять у меня деньги?

Редлау кинулъ на полъ нѣсколько монетъ. Мальчикъ бросился на нихъ всѣмъ тѣломъ, будто желая закрыть ихъ собой, чтобъ они не ввели Редлау въ искушеніе — потребовать ихъ назадъ; только тогда сталъ онъ собирать ихъ украдкой, когда увидалъ, при свѣтѣ лампы, что Редлау сѣлъ и закрылъ лице руками. Кончивши эту работу, мальчикъ подползъ къ камину, взобрался на высокій стулъ, вытащилъ изъ-за пазухи нѣсколько корокъ хлѣба и кусковъ мяса и принялся ѣсть ихъ съ жадностію, глядя на огонь и по временамъ любуясь пригоршней своихъ шиллинговъ.

— И вотъ, — сказалъ Редлау, смотря на мальчика съ возврастающимъ отвращеніемъ и ужасомъ, — единственный спутникъ, который остался мнѣ на землѣ.—Долго ли разсма-

Digitized by Google

тривалъ онъ это существо, внушавшее ему такой ужасъ, полчаса или цѣлую ночь — онъ и самъ не зналъ. Но тишина, царствовавшая въ комнатѣ, была нарушена мальчикомъ, который сначала прислушивался, а потомъ соскочилъ со стула и побѣжалъ къ двери. — Мистриссъ идетъ! — закричалъ онъ.

Химикъ остановилъ его въ то самое мгновеніе, когда кто-то постучался въ дверь.

— Пусти меня къ ней! Нѣчто ты ей ровня? — сказалъ мальчикъ.

— Не теперь! — отвѣчалъ химикъ. — Останься здѣсь! Теперь никто не долженъ ни выходить, ни входить въ комнату. Кто тамъ?

— Это я, г. профессоръ! — закричала Милли. — Впустите меня пожалуйста.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! — сказалъ Редлау.

— Господинъ Редлау, господинъ Редлау, впустите меня ради Бога! — Несчастному больному, котораго вы видѣли, сдѣлалось гораздо хуже, и кажется, ни что не можетъ вывести его изъ этого страшнаго положенія.... Отецъ Вилльяма вдругъ сдѣлался ребенкомъ. Самъ Вилльямъ измѣнился. Ударъ былъ слишкомъ для него неожиданъ. Я не знаю, что о немъ подумать.... О, г. Редлау, пожалуйста посовѣтуйте, помогите мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчалъ Редлау.

— Г. Редлау, добрый г. профессоръ! Джорджъ бредилъ во снѣ о томъ человѣкѣ, котораго вы тамъ видѣли кажется, Джорджъ боится, чтобъ онъ не убилъ себя.

— Пусть лучше это сдѣлаетъ, чѣмъ подойдетъ ко мнѣ.

— Онъ, Богъ знаетъ что говоритъ: говоритъ, что вы этого человѣка знаете, что прежде онъ былъ вашимъ другомъ, что онъ, этотъ потерявшійся человѣкъ — отецъ здѣшняго студента, кажется, того молодаго студента, что былъ боленъ. Что тутъ дѣлать? Какъ поступить, какъ спасти его? Ахъ, г. Редлау, пожалуйста, пожалуйста посовѣтуйте, помогите мнѣ!

Digitized by Google

Во все это время Редлау крѣпко держалъ мальчика, который приходилъ въ изступленіе, стараясь вырваться и впустить Милли.

— Призракъ! мститель за смѣлыя мысли! — закричалъ Редлау, — тоскливо оглядывая комнату: — взгляни на меня, позволь, чтобы лучь угасшаго раскаянія освѣтилъ мракъ моей души и показалъ мои мученія. Я знаю давно, что въ мірѣ мысли ни что не можетъ погибнуть. Не погибаетъ ни одна пылинка, ни одинъ атомъ мірозданія, не оставивъ пробѣла во всей неизмѣримой вселенной: точно также и въ памяти человѣка не погибаетъ безъ слѣда ни добро, ни зло, ни радость, ни горе. Умилосердись надо мной и спаси меня!

Отвѣта не было. Слышны были только восклицанія Милли: — помогите, помогите, впустите меня! — и борьба мальчика, силившагося вырваться.

— Тѣнь моя! призракъ моихъ грустныхъ дней! — закричалъ Редлау, въ совершенномъ отчаяніи: — воротись, приходи ко мнѣ днемъ и ночью, но только отними отъ меня этотъ даръ! А ежели онъ долженъ остаться при мнѣ, уничтожь, по крайней мѣрѣ, страшную власть — передавать его другимъ. Уничтожь случившееся. Оставьмен я въ сумракѣ ночи, но возврати дневной свѣтъ тѣмъ, которыхъ я сдѣлалъ несчастными. Я съ самаго начала пощадилъ эту женщину и теперь рѣшился не выходить отсюда, и умру здѣсь, и ничья рука не прикоснется ко мнѣ, кромѣ руки этого существа, на котораго я не имѣю вліянія. О, услышь меня, услышь меня!

И опять не было ни какого отвѣта. Только слышалась борьба ребенка, силившагося вырваться изъ рукъ Редлау, только громче и тоскливѣе становились крики: — Помогите, впустите меня! Онъ былъ вашимъ другомъ: какъ поступить, какъ спасти его? Вы всѣ перемѣнились, никто не хочетъ мнѣ помочь!.... Пожалуйста, пожалуйста, впустите меня!

(Окончаніе въ слѣдующемъ N.)

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДУХОВИДЕЦЪ И ДОГОВОРЪ СЪ ПРИВИДѢНІЕМЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ДИККЕНСА.

ГЛАВА III.

Даръ отнимается.

Темная ночь облекала небо. На мрачномъ небосклонѣ, надъ равниною моря, виднѣлась съ вершинъ холмовъ и съ палубъ одинокихъ кораблей далекая и углубленная черта, обѣщавшая обратиться въ полосу свѣта; но это обѣщаніе было еще неопредѣленно и сомнительно. Луна кочевала по тучамъ.

Тѣни ложились гуще и гуще на душу Редлау и наконецъ затмили ея свѣтъ, какъ тучи, застилающія луну и одѣвающія землю покровомъ темноты. И трудно было рѣшить — затмѣвали ли эти тѣни истину, или только не ясно открывали ее. Мгновенный проблескъ свѣта только болѣе сгущалъ мракъ и темноту.

Глубокое, торжественное молчаніе лежало на старомъ, массивномъ зданіи. Отъ контрфорсовъ стѣнъ и угловъ ложились на землю таинственныя тѣни, которыя укорачивались и вытягивались на бѣлой глади снѣга по прихоти луннаго луча, пробиравшагося между зданій.

Въ комнатѣ химика, при свѣтѣ потухающей лампы, было мрачно; гробовая тишина смѣнила шумъ и голоса; еле-еле слышался слабый трескъ уголькoвъ, подернутыхъ бѣлыхъ пепломъ, и этотъ трескъ казался послѣднимъ до-

Digitized by Google

ханіемъ умирающаго огонька. Передъ каминомъ крѣпко спалъ мальчикъ, растянувшись на полу. Химикъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, недвижный и окаменѣлый, сидѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратился стукъ въ его дверь.

Въ это время снова началась слышанная имъ не задолго музыка. Сперва онъ прислушивался къ ней равнодушно, но когда ночной вѣтерокъ вполнѣ донесъ до него эту тихую, сладостно-грустную мелодію, какъ будто съ церковнаго погоста, Редлау приподнялся и протянулъ къ ней руки, какъ къ другу, на котораго онъ можетъ безвредно смотрѣть очами своей опечаленной души. Выраженіе его лица сдѣлалось менѣе угрюмо и тоскливо; радостная дрожь пробѣжала по его тѣлу; глаза налились слезами; онъ закрылъ руками лицо и поникнулъ головой.

Онъ зналъ, что къ нему не возвратятся воспоминанія горя, обиды и страданій; онъ ни на одно мгновеніе не надѣялся на подобную перемѣну и даже не подумалъ объ ней. Но какое-то смутное настроеніе духа позволило ему вникнуть въ глубокій смыслъ музыки; звучные тоны мелодіи, казалось, открыли ему цѣну того, что онъ потерялъ, и Редлау пламенно благодарилъ Небо.

Когда затихъ послѣдній звукъ мелодіи, Редлау приподнялъ голову, чтобы уловить замирающее дрожаніе струнъ.... Смотритъ — надъ спящимъ мальчикомъ, недвижный, молчаливый, устремивъ взоры на Редлау, стоялъ его двойникъ.

По прежнему мертвенно-блѣдный, онъ показался на этотъ разъ трепещущему Редлау менѣе суровымъ, менѣе неумолимымъ. Онъ былъ не одинъ, и въ своей безтѣлесной рукѣ держалъ чью-то руку.

Чья была эта рука? Сама ли Милли стояла подлѣ призрака, или ея тѣнь, ея отраженіе? Наклонивъ, по привычкѣ, свою спокойную головку немного на сторону, она съ состраданіемъ смотрѣла на спящаго ребенка. Яркій лучь падалъ на ея лице, не касаясь призрака, по прежнему мрачнаго, по прежнему безцвѣтнаго.

Digitized by Google

— Привидѣніе! — вскрикнулъ химикъ, затрепетавшій снова при взглядѣ на Милли. — Я щадилъ ее, щадилъ упорно. Не приводи ее сюда. Пощади хоть въ этомъ!

— Это только тѣнь ея! — отвѣчало привидѣніе. — Существенную, ты долженъ видѣть завтра.

— Неужели неизмѣнный мой жребій — ея погибель! — воскликнулъ химикъ.

— Да, — отвѣчало привидѣніе.

— Нарушить ея спокойствіе, ея любовь къ себѣ подобнымъ, сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ сдѣлался я самъ и чѣмъ сдѣлалъ другихъ?

— Я сказалъ: ты долженъ видѣть ее, — отвѣчало привидѣніе. — Болѣе я ничего не говорилъ.

— Скажи мнѣ, — спросилъ Редлау, хватаясь за надежду, проблеснувшую въ послѣднихъ словахъ призрака, — могу я воротить случившееся?

— Нѣтъ!

— Я не спрашиваю — могу ли я снова сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ былъ, — сказалъ Редлау. — Я добровольно оцѣнилъ и справедливо понесъ мою потерю; но тѣмъ, кому противъ воли я передалъ страшный даръ, тѣмъ, которые его не желали, не остерегались и не могли остеречься, имъ не могу ли я что-нибудь сдѣлать?

— Ничего.

— Ежели я самъ не могу, не можетъ ли кто-нибудь?

Призракъ, недвижный, какъ статуя, посмотрѣлъ съ минуту на Редлау, и вдругъ повернулъ голову къ стоявшей подлѣ него тѣни.

— А она можетъ? — спросилъ Редлау, не сводя глазъ съ привидѣнія.

Призракъ выпустилъ изъ руки своей руку, которую держалъ, и сдѣлалъ движеніе, показавшее, что онъ покидаетъ свою спутницу. Тѣнь, не измѣняя своею очертанія, начала двигаться и исчезать.

— Постой! — крикнулъ Редлау въ невыразимомъ отчаяніи. — Одно мгновеніе! сжалься, умилосердись надо мной! Я знаю, что душа моя измѣнилась съ тѣхъ поръ,

Digitized by Google

какъ до нея долетѣли звуки музыки. Скажи мнѣ — потеряла ли я власть вредить Милли? Могу ли я безбоязненно подходить къ ней? Позволь ей подать мнѣ знакъ надежды!

Привидѣніе снова повернуло голову къ Милли и не отвѣчало.

— По крайней мѣрѣ скажи, есть ли въ ней сознаніе власти — уничтожать сдѣланное мною?

— Нѣтъ въ ней этого сознанія.

— Стало быть, она облечена безсознательной властью?

Привидѣніе отвѣчало: Найди ее. — Тѣнь начала постепенно исчезать.

Они стояли лицемъ къ лицу, надъ мальчикомъ, все еще лежащимъ на полу, у ногъ привидѣнія, и смотрѣли другъ другу въ глаза столь же пристально, также тревожно, какъ во время полученія духовидцемъ дара.

— Страшный учитель! — сказалъ химикъ, упавъ съ умоляющимъ видомъ на колѣна передъ призракомъ. — Страшный учитель! ты меня оставилъ и снова явился: въ этомъ возвращеніи, въ смягченныхъ чертахъ твоего лица, я могъ бы видѣть тѣнь надежды.... Я буду тебѣ повиноваться, не спрашивая — почему услыхалъ Господь отчаянный вопль моей души, или услышитъ его на пользу людей, обиженныхъ мною, обиженныхъ такъ, что этой обиды не смыть рукамъ человѣческимъ.... Но вотъ существо....

— Ты говоришь о томъ, что лежитъ здѣсь? — произнесло привидѣніе, указывая пальцемъ на мальчика.

— Конечно, — отвѣчалъ химикъ. — Ты знаешь, о чемъ я хочу спросить. Почему только одинъ этотъ ребенокъ устоялъ противъ моего вліянія, и отчего, отчего въ его мысляхъ такое страшное сродство съ моими?

— Этотъ ребенокъ, — сказалъ призракъ, указывая на мальчика, — полный снимокъ съ человѣка, лишеннаго всѣхъ воспоминаній, отъ которыхъ ты добровольно отказался. Мысль о горѣ, обидѣ и страданіи никогда не освѣжала его сердца, потому что съ самаго рожденія ему выпалъ недобрый жребій на долю, потому что никогда въ немъ не было сознаніе

Digitized by Google

человѣческихъ побужденій, и въ черствой его груди никогда не могло развиться зерно воспоминаній. Все въ этомъ Богомъ забытомъ существѣ — дикая пустыня. Все въ человѣкѣ, лишенномъ того, отъ чего ты добровольно отказался — та же дикая пустыня. Горе этому человѣку! Горе, сторицею горе народу, который считаетъ подобныя существа сотнями и тысячами!

Редлау содрогнулся и побѣднѣлъ отъ этихъ словъ.

— Нѣтъ ни одного подобнаго существа, — продолжало привидѣніе, — нѣтъ ни одного подобнаго существа, которое бы не готовило для человѣчества, и ко вреду человѣчества, обильную жатву. Каждое злое сѣмя, упавшее въ сердце этого мальчика, разростется въ цѣлую ниву погибели, и пожнутъ люди эту ниву, и соберутъ сѣмя въ житницы и снова разсѣютъ по разнымъ странамъ, пока вся земля не покроется грѣхомъ и не вызоветъ на себя воды втораго потопа. Открытое, безнаказанное убійство на городскихъ улицахъ, будь оно даже ежедневнымъ, не столько вопіетъ противъ совѣсти, какъ это зрѣлище.

Привидѣніе указало на спящаго мальчика, Редлау тоже взглянулъ на него, но уже съ новымъ ощущеніемъ.

— У этихъ существъ, — продолжало привидѣніе, — нѣтъ руководителя-отца, не сыщется для нихъ матери изо всѣхъ любящихъ матерей здѣшней страны, не сыщется ни одного человѣка, который бы сострадалъ подобному состоянію дѣтей. Но всѣ, и каждый по своему, дадутъ отвѣтъ за нихъ Господу.

Химикъ ломалъ себѣ руки и съ ужасомъ и состраданіемъ смотрѣлъ то на мальчика, то на привидѣніе, которое стояло подлѣ ребенка и указывало на него пальцемъ.

— Взгляни, — продолжало привидѣніе, — вотъ полный снимокъ съ того, чѣмъ ты пожелалъ быть. Здѣсь твое вліяніе безсильно, потому что ты ничего не можешь умертвить въ сердцѣ этого ребенка. Въ его мысляхъ страшное сродство съ твоими, потому что ты самъ унизился до его противуестественнаго состоянія. На немъ лежитъ отпечатокъ

Digitized by Google

самаго низкаго равнодушія, на тебѣ — отпечатокъ самой высшей человѣческой гордости. Благодѣтельное памѣреніе Неба унижено въ васъ обоихъ, и оба вы сошлись вмѣстѣ съ противоположныхъ полюсовъ духовнаго міра.

Химикъ наклонился къ полу, съ новымъ чувствомъ искренняго состраданія прикрылъ спящаго ребенка, и не отступилъ отъ него, какъ прежде, съ равнодушіемъ и отвращеніемъ.

Въ это время на небосклонѣ блеснула далекая полоса свѣта; мракъ исчезъ; солнце взошло въ яркомъ лучистомъ вѣнцѣ, и трубы и остроконечные верхи стараго зданія засіяли въ чистомъ воздухѣ, обратившемъ городской дымъ и паръ въ золотое облако. Даже солнечные часы въ своемъ тѣнистомъ уголкѣ, гдѣ такъ упорно завывалъ вѣтеръ, стряхнули иней съ своего сѣдаго чела и выглянули на свѣтъ, окруженные роемъ снѣжныхъ пылинокъ. Безъ сомнѣнія, блѣдный лучь утра прокрался и въ забытые склепы, гдѣ на холодной землѣ стояли полуразрушенныя гробницы Нормандцевъ, влилъ новыя силы въ чахлыя растенія, свѣсившіяся со стѣнъ, и радостною вѣстью о солнечномъ восходѣ ускорилъ пробужденіе жизни въ маленькомъ мірѣ чудныхъ и нѣжныхъ твореній, обитателей этихъ тощихъ пучковъ травы.

Теттерби встали и занимались своимъ дѣломъ. Мистеръ Теттерби отпиралъ свою лавку, и изъ ея окна стали выглядывать, одна за другой, различныя рѣдкости, тщетно приманивавшія взоры обитателей Іерусалимской улицы. Адольфъ уже давно занималъ свой постъ, и прочелъ цѣлую половину «Утренняго Листка.» Пятеро маленькихъ Теттерби, съ глазами, порядочно покраснѣвшими отъ мыла и отрубей, предавались терзаніямъ холодной ванны, на кухнѣ, гдѣ предсѣдательствовала мистриссъ Теттерби. Джонни, одѣтый на самую скорую руку, потому что Молохъ изъявилъ, какъ и всегда, желаніе прогуляться, переминался съ ноги на ногу съ своей ношею передъ окномъ лавки. Онъ находился болѣе чѣмъ когда-нибудь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, потому что тяжесть Молоха значительно увеличилась

Digitized by Google

отъ снабженія его оборонительными орудіями отъ холода. Это вооруженіе состояло изъ вязаннаго шелковаго одѣяла и составляло полную броню, со шлемомъ и голубымъ набедренникомъ.

У этого груднаго ребенка была особенная привычка хвататься за все зубами. Дурно ли прорѣзывались его зубы, или прорѣзались, да выпали, не знаемъ; достовѣрно только то, что онъ въ глазахъ мистриссъ Теттерби перекусалъ довольно всякой всячины для хорошей прорѣзки зубовъ. Онъ пріобрѣталъ въ свою собственность и тискалъ деснами всевозможные предметы: кромѣ того, что на его рубашенкѣ, поднятой до подбородка, постоянно висѣло костяное кольцо, которое, по своей величинѣ, легко могло замѣнить четки бѣлицы,—ножевые черенки, колечки отъ зонтиковъ, набалдашники тросточекъ, похищенные изъ запасовъ лавки, пальцы всего семейства вообще и Джонни въ частности, терки для мускатныхъ орѣховъ, различныя печенья, дверныя ручки, хорошенькія, чистенькія шишечки угольныхъ щипцовъ — все безъ различія шло на пользу и удовольствіе ребенка. Количество разряжаемаго имъ въ продолженіе одной недѣли электричества было неисчислимо. Мистриссъ Теттерби говорила, что едва только у ребенка прорѣжутся зубы, то онъ будетъ совершенно похожъ на нее; но зубы не прорѣзывались и Молохъ походилъ совершенно на другую женщину.

Темпераменты маленькихъ Теттерби въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ совершенно измѣнились. Даже мистеръ и мистриссъ Теттерби измѣнились менѣе, чѣмъ ихъ чада. Обыкновенно они были несебялюбивыми, добрыми, уступчивыми дѣтьми, съ удовольствіемъ и забвеніемъ личныхъ выгодъ дѣлили между собой маленькіе кусочки завтрака, даже и мясное; а теперь перессорились другъ съ другомъ не только изъ-за мыла и воды, но даже изъ-за завтрака, бывшаго у нихъ въ перспективѣ. Рука каждаго маленькаго Теттерби поднялась на другаго маленькаго Теттерби, и даже рука терпѣливаго, все сносящаго и преданнаго Джонни поднялась на груднаго ребенка. Да! Мистриссъ Теттерби оборотилась случайно къ дверямъ и увидала зло-

Digitized by Google

дѣйское намѣреніе Джонни — отыскать въ складкахъ брони ея милаго ребенка удобное мѣсто для шлепка и приведеніе этого намѣренія въ исполненіе.

Въ то же мгновеніе она поймала Джонни въ сѣняхъ за-воротъ и заплатила ему за его безстыдство съ лихвою.

— Ахъ ты, безчеловѣчный! ахъ ты, убійца бѣдныхъ малютокъ! — вскричала мистриссъ Теттерби. — Достало у тебя на это духу!

— А зачѣмъ у него не прорѣзываются зубы? — крикнулъ и Джонни громкимъ, мятежническимъ голосомъ.— Онъ мнѣ всѣ уши прокричалъ. Чай, и тебѣ это не по сердцу!

— Не по сердцу, обжора! — сказала мистриссъ Теттерби, отнимая у Джонни обезчещенную имъ ношу.

— Конечно, не по сердцу!.... Будь-ка ты — я, ты бы небось убѣжала отсюда.... и пошла бы въ солдаты. И я пойду. Въ арміи-то нѣтъ маленькихъ ребятъ.

Мистеръ Теттерби, вошедшій на эту сцену, вмѣсто того, чтобы унять мятежника, погладилъ глубокомысленно подбородокъ, и, казалось, испугался намѣренія своего сына идти въ солдаты.

— Будь ребенокъ на своихъ ногахъ, я бы сама пошла въ армію, — сказала мистриссъ Теттерби, покосившись на мужа, — мнѣ здѣсь житья нѣтъ; я невольница, просто невольница, вотъ какъ въ Виргиніи. — Странное сцѣпленіе идей — мысль о ея печальномъ бытѣ и о табакѣ — навела мистриссъ Теттерби на это выраженіе. — Круглый годъ нѣтъ мнѣ ни праздника, ни удовольствія. Помилуй, господи, ребенка! — продолжала она, укачивая Молоха съ такими порывами, которые не совсѣмъ соотвѣтствовали ея благочестивому возгласу. — Что съ нимъ сдѣлалось?

Не будучи въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ и объяснить загадку баюканьемъ, мистриссъ Теттерби уложила ребенка въ колыбель и съ сердцемъ принялась качать ее ногой.

— Что ты такъ стоишь, Дольфъ?—сказала она мужу.— Развѣ тебѣ нечего дѣлать?

Digitized by Google

— Мнѣ не подарокъ что-нибудь дѣлать, — отвѣчалъ мистеръ Теттерби.

— Да и мнѣ также, — сказала его супруга.

— Мнѣ, ей-Богу, не подарокъ, — сказалъ супругъ.

У Джонни завязалась драка съ пятью младшими братьями, которые, во время дѣлежа завтрака, поссорились за временное владѣніе хлѣбомъ и начали тузить другъ друга. Самый младшій изъ братьевъ, съ удивительною для его лѣтъ хитростью, зашелъ въ тылъ сражающимся и подставлялъ подножки. Мистеръ и мистриссъ Теттерби бросились въ самый пылъ схватки съ такой поспѣшностью, которая показывала, что въ этомъ отношеніи они были совершенно одинаковаго мнѣнія. Не измѣняя нисколько своихъ отношеній, они безо всякой пощады розняли враждующія партіи, и, совершивъ различныя экзекуціи, снова приняли прежнее непріязненное другъ къ другу положеніе.

—Ты лучше бы сдѣлалъ, еслибъ сѣлъ за газету, чѣмъ ничего-то не дѣлать — сказала мистриссъ Теттерби.

— Что мнѣ читать-въ газетѣ-то? — спросилъ Теттерби, съ выраженіемъ чрезвычайнаго неудовольствія.

— Что? — сказала мистриссъ Теттерби. — Ну, полицейскіе случаи.

— Не для меня, — отвѣчалъ Теттерби. — Какое мнѣ дѣло до того, что предпринимаютъ другіе, или что предпринимается на счетъ другихъ.

— Самоубійства, — продолжала мистриссъ Теттерби.

— Не мое дѣло, — отвѣчалъ супругъ.

— Родины, смертные случаи, свадьбы, — это тоже до тебя не касается? — спросила мистриссъ Теттерби.

— Ежели бы нынче кончились всѣ родины, а завтра отданъ былъ повсемѣстный приказъ—умереть, это конечно заинтересовало бы меня, потому что и до меня дошла бы очередь, — пробормоталъ Теттерби. — Что касается до свадебъ, я ужъ разъ обжегъ себѣ пальцы, ну и довольно.

Недовольное выраженіе лица и жесты мистриссъ Теттерби показывали, что у нея въ этомъ случаѣ одинаковый

Digitized by Google

взглядъ съ мужемъ; но она все-таки продолжала противорѣчить ему, единственно изъ желанія поспорить.

— Хорошъ ты съ своимъ упорствомъ и съ Испанскимъ столбцемъ домашней фабрикаціи изъ обрывковъ старыхъ газетъ! Сидитъ и цѣлые полчаса читаетъ дѣтямъ.

— Скажи лучше, что ты сидѣла, — отвѣчалъ супругъ. — Меня ты за этимъ больше не увидишь. Я сталъ теперь поумнѣе.

— Точно, что поумнѣе! — сказала мистриссъ Теттерби. — А сталъ ли ты лучше?

Этотъ вопросъ не задѣлъ той струны, на которую былъ направленъ. Мистеръ Теттерби погрузился въ печальныя размышленія и провелъ у себя на лбу рукою крестъ.

— Лучше! — бормоталъ онъ. — Не знаю, кто изъ насъ сталъ лучше или счастливѣе. Лучше, говоришь ты?

Онъ обратился къ Испанскому столбцу, и сталъ вести по немъ рукой, пока не нашелъ извѣстнаго параграфа, который и навелъ его на разрѣшеніе темы разговора.

— Это должно быть однимъ изъ любимыхъ семейныхъ занятій, — сказалъ онъ, будто сквозь сонъ, — должно растрогать дѣтей до слезъ, а въ случаѣ какой-нибудь ссоры или неудовольствія сдѣлать ихъ по прежнему добрыми, все равно какъ «Робэнъ Редбристъ въ лѣсу.»

«Плачевная картина бѣдности. Вчера явился къ одному извѣстному сановнику мальчикъ съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ и съ полдюжиной оборванныхъ ребятишекъ, отъ двухъ до десяти лѣтъ, повидимому, умирающихъ отъ голода. Этотъ мальчикъ показалъ слѣдующее.....» Ха! я право не понимаю, — сказалъ Теттерби, — и не вижу какое отношеніе имѣетъ все это къ намъ?

— Какъ онъ старъ и дряхлъ! — сказала мистриссъ Теттерби, наблюдавшая за своимъ мужемъ. — Можетъ-же такъ измѣниться человѣкъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой! принесла я жертву!

— Какую жертву? — спросилъ супругъ съ злобнымъ взглядомъ.

Digitized by Google

Мистриссъ Теттерби покачала головой и ничего не отвѣчала; но такъ быстро начала качать колыбель, что она уподобилась кораблю во время бури.

— Ежели ты думаешь, что твое замужство было жертвой, добрая моя супруга, — сказалъ Теттерби.

— Ужъ конечно думаю, — перебила супруга.

— Ну, такъ позволь тебѣ сказать, что этотъ предметъ имѣетъ двѣ стороны,—продолжалъ Теттерби съ такимъ же сердитымъ и угрюмымъ видомъ, какъ и его жена.—Жертвой-то былъ я, а отъ тебя не хотѣлъ принимать жертвы.

— Я если бы и хотѣла, да жертвы не было, увѣряю тебя отъ чистаго сердца, — сказала его жена.—Ты не можешь желать этого такъ горячо, какъ я, Теттерби!

— И что я въ ней нашелъ? —бормоталъ Теттерби,— по правдѣ сказать, ежели я и находилъ что-нибудь прежде, то теперь ужъ ровно ничего не нахожу. Я думалъ объ этомъ и прошлую ночь, послѣ ужина, передъ огнемъ. Растолстѣла, постарѣла.... Никакой женщинѣ въ подметки не годится!....

— Простякъ-простякомъ! Ни роста, ни дородства; начинаетъ горбиться, плѣшивѣть,—бормотала мистриссъ Теттерби.

— Гдѣ у меня глаза были?—говорилъ мистеръ Теттерби.

— Вѣроятно меня чувства обманули: только этимъ и могу объяснить себѣ, — заключила мистриссъ Теттерби.

Въ этомъ убѣжденіи они сѣли за завтракъ. Маленькіе Теттерби не привыкли смотрѣть на завтракъ, какъ на спокойное занятіе: напротивъ, они получали свои доли, танцуя и прыгая, и завтракъ ихъ, съ приличными пронзительными возгласами, съ расхищеніемъ хлѣба и масла, съ выбѣганіемъ на улицу и съ необходимыми для полноты удовольствія прыжками съ лѣстницы и въ дверь, внизъ и вверхъ, походилъ скорѣе на пирушку дикарей. На этотъ разъ ссора, начавшаяся между маленькими Теттерби изъ-за общей кружки молока съ водой, стоявшей на столѣ, показала печальную картину низкихъ страстей, грозившихъ дойдти до такой крайности, что при мысли о докторѣ Вэтсѣ становилось стыдно. Миръ не установился бы ни на одно мгновеніе, если бы мистеръ Теттерби не выгналъ всей

Digitized by Google

этой ватаги въ дверь; но и въ это мгновеніе сдѣлано было открытіе, что Джонни тайно проскользнулъ назадъ въ комнату, сунулъ голову въ кружку и уподобился чревовѣщателю: такъ неприлична и велика была его поспѣшность.

— Эти дѣти будутъ наконецъ причиной моей смерти!— сказала мистриссъ Теттерби, выгоняя преступника. — И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

—Бѣдняжки!—сказалъ мистеръ Теттерби.—Лучше вовсе не имѣть дѣтей. По крайней мѣрѣ радости-то отъ нихъ мало.

Онъ хотѣлъ было взять чашку, которую ему сунула супруга, мистриссъ Теттерби также поднесла было къ губамъ свою чашку, но вдругъ оба словно окаменѣли.

— Маминька! папинька! — закричалъ Джонни, вбѣгая въ комнату. — Сюда идетъ мистриссъ Вильямъ; улицу переходитъ!

И ежели съ сотворенія міра какой-нибудь мальчикъ вынималъ изъ колыбели грудного ребенка съ заботливостью старой няньки, усыплялъ его нѣжной улыбкой и радостно брелъ съ своей ношей, такъ это былъ Джонни въ эту минуту.

Мистеръ Теттерби поставилъ свою чашку, мистриссъ Теттерби также; мистеръ Теттерби потеръ себѣ лобъ, мистриссъ Теттерби также; лице мистера Теттерби разгладилось, лице мистриссъ Теттерби также.

— Господи помилуй! — сказалъ про себя мистеръ Теттерби. — Что за дурь напустилъ я на себя? Да что такое собственно-то случилось?

— Какъ это могла я обойдтись съ нимъ такъ дурно, и когда же? послѣ вчерашнихъ словъ и ощущеній? — сказала мистриссъ Теттерби, закрывая глаза передникомъ.

— Я просто скотъ! — сказалъ мистеръ Теттерби. — Или во мнѣ и на волосъ хорошаго не осталось? Софья, женочка!

— Милый Дольфъ! — отвѣчала жена.

— Я былъ не въ духѣ, — сказалъ мистеръ Теттерби,— а теперь мнѣ и вспомнить объ этомъ стыдно, Соня!

— О, что твое сердце въ сравненіи съ моимъ! — воскликнула жена въ порывѣ сожалѣнія.

Digitized by Google

— Соня, — сказалъ мистеръ Теттерби, — не принимай этого очень къ сердцу. Я себѣ никогда не прощу. Мнѣ кажется, что я тебѣ всю душу растерзалъ.

— Нѣтъ, Дольфъ, нѣтъ! я тебѣ растерзала душу! я!— говорила мистриссъ Теттерби.

— Женка! — сказалъ мистеръ Теттерби, — ты такъ благородна, что заставляешь меня порицать самого себя. Соня, душенька, ты не знаешь, какія у меня были дурныя мысли. Я и говорилъ-то дурно, но что̀ я думалъ, женушка....

— Милый Дольфъ, полно! полно же, прошу тебя!

— Софья! — продолжалъ Теттерби, — не могу: совѣсть замучитъ, ежели не выскажу всего. Женушка....

— Мистриссъ Вѝлльямъ идетъ! — крикнулъ въ дверь Джонни.

— Женушка! я не понимаю, — сказалъ мистеръ Теттерби, тяжело вздохнувъ и опускаясь на стулъ, — я не понимаю, чтобы я когда-нибудь могъ не уважать тебя. Я позабылъ, что ты подарила меня прекрасными дѣтьми, и подумалъ, что ты не такъ хороша, какъ бы мнѣ хотѣлось. Я, я забылъ, — продолжалъ Теттерби, обвиняя самого себя, — я забылъ всѣ твои попеченія, всѣ исполненныя тобою обязанности, которыхъ ты, можетъ быть, и не имѣла бы съ другимъ мужемъ, богаче и счастливѣе меня. Вѣроятно, ты скоро бы нашла такого мужа. А я, я сталъ упрекать тебя, что ты немного постарѣла, пришла въ лѣта, и забылъ, что ты услаждала мои годы. Повѣришь ли ты этому, женушка? Я не могу повѣрить....

Мистриссъ Теттерби и смѣялась, и плакала, и наконецъ обняла руками голову мужа.

— О, Дольфъ! — вскрикнула она. — какъ я счастлива, что ты такъ думалъ! Потому что и ты мнѣ казался простакомъ, дурнымъ; это правда, мой милый; но будь ты еще хуже, еще проще, твои руки должны меня обнимать. Я думала про себя, что ты малъ ростомъ, и это правда, но для меня ты великъ, потому что ты мой мужъ, и еще

Digitized by Google

больше, потому что я тебя люблю. Ты будешь постепенно горбиться, и это такъ, но будешь опираться на меня, и я всѣми силами постараюсь поддержать тебя. Наконецъ я думала про себя, что у тебя нѣтъ ни стана, ни осанки, но въ этомъ я была несправедлива: у тебя осанка отца семейства, и нѣтъ лучше, нѣтъ благороднѣе этой осанки. Да благословитъ Господь наше семейство, да благословитъ его и весь нашъ домъ на вѣки, Дольфъ!

— Ура! Вотъ и мистриссъ Вилльямъ! — закричалъ Джонни.

Это была она. Всѣ дѣти шли за ней и, когда она вошла въ комнату, бросились ее цѣловать; цѣловали другъ друга, цѣловали грудного ребенка, цѣловали отца и мать; бѣгали кругомъ Милли, плясали, шли за ней въ торжествѣ.

Мистеръ и мистриссъ Теттерби не отстали отъ дѣтей въ ласковомъ пріемѣ Милли: побѣжали къ ней, какъ дѣти, цѣловали ей руки, жались къ ней, не знали, какъ и чѣмъ ее привѣтствовать. Она появилась между ними, какъ геній добра, дружбы, участія, любви и семейнаго счастія.

— Вы такъ рады видѣть меня въ свѣтлый день! — сказала Милли, сложивъ руки съ радостнымъ удивленіемъ.— Господи! какъ это отрадно!

Новый веселый крикъ дѣтей, новые поцѣлуи, новая толкотня около Милли; столько счастія, столько веселья, столько любви, столько общаго уваженія, что Милли не могла вынести.

— Господи!—сказала она,—какія радостныя слезы заставляете вы меня проливать! Чѣмъ заслужила я все это, чѣмъ заслужила столько любви!

— Какъ же не любить васъ! — закричалъ мистеръ Теттерби.

— Какъ же не любить васъ! — закричала мистриссъ Теттерби.

— Какъ же не любить васъ! — повторилъ, какъ эхо, радостный хоръ дѣтей. И они снова плясали и прыгали вокругъ нея, и карабкались на нее, и прижимали къ ея платью

Digitized by Google

свои розовыя личики, и ласкались къ ней, и цѣловали ее, и не могли наласкаться, не могли нацѣловаться.

— Никогда не была я такъ тронута, какъ нынче утромъ,—сказала Милли, отирая слезы.—Дайте мнѣ вздохнуть, я сейчасъ вамъ разскажу.... Мистеръ Редлау пришелъ ко мнѣ рано-рано и попросилъ меня такъ ласково, такъ дружески, какъ любимую дочь, пойдти съ нимъ къ больному брату Вильяма. Мы съ нимъ пошли, и всю дорогу онъ былъ такъ внимателенъ, внушалъ мнѣ столько довѣрія и надежды, что я не могла удержаться отъ радостнаго чувства. При входѣ въ домъ попалась намъ какая-то женщина, вся избитая, изувѣченная, схватила меня за руку и благословила, когда я проходила мимо нея....

— И справедливо поступила! — сказалъ мистеръ Теттерби. Мистриссъ Теттерби повторила, что женщина поступила справедливо. Всѣ дѣти также закричали, что она справедливо поступила.

— Это еще не все, — продолжала Милли. — Когда мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ комнату, больной привсталъ на постели, между тѣмъ какъ прежде лежалъ по нѣсколько часовъ все въ одномъ положеніи, такъ что его ничто не могло расшевелить, привсталъ, протянулъ ко мнѣ руки и сказалъ, что онъ дурно провелъ свою жизнь, но теперь совершенно раскаялся. Сказалъ, что жалѣетъ о прошедшемъ, которое разстилается передъ нимъ, какъ отдаленіе подъ мрачною тучею. Просилъ меня вымолить ему у его бѣднаго, стараго отца прощеніе и прочитать молитву надъ его постелью. Когда я исполнила его просьбу, онъ сталъ молиться вмѣстѣ со мной съ такимъ жаромъ, такъ горячо благодарилъ Бога, что сердце мое переполнилось, и я могла только рыдать и плакать. Больной попросилъ меня сѣсть и успокоиться. Я сѣла подлѣ него, онъ взялъ мои руки и держалъ до тѣхъ поръ, пока не заснулъ. Даже тогда, когда я высвободила руки и, по усильной просьбѣ Редлау, собиралась встать и отправиться къ вамъ, и тогда рука больнаго все еще искала моей руки. Я принуждена была сѣсть и увѣрить его, что опять по-

Digitized by Google

дамъ ему-руку. О, Господи, Господи! — сказала Милли, вздыхая, — какъ должна я быть счастлива и благодарна за все это, и какъ я дѣйствительно благодарна и счастлива.

Во время ея рѣчи, показался Редлау; съ минуту, молча, посмотрѣлъ на группу, въ которой Милли была центромъ, и также молча, сталъ подниматься на лѣстницу. На послѣднихъ ступенькахъ онъ снова остановился. Мимо него пробѣжалъ по лѣстницѣ молодой студентъ.

— Добрая моя хозяйка, благороднѣйшее, прекраснѣйшее существо! — сказалъ онъ, падая передъ Милли на колѣна и схвативъ ея руки: — прости мнѣ мою черную неблагодарность!

— Господи, Господи! — закричала Милли съ невинной радостью. — Еще одинъ! Еще одинъ меня любитъ. Куда мнѣ дѣваться?

Она сказала это такъ просто и такъ умильно подняла руки къ глазамъ и заплакала отъ удовольствія, что нельзя было не тронуться.

— Я самъ не походилъ на себя, — сказалъ онъ. — Не знаю, что со мной было. Можетъ быть, это было слѣдствіемъ болѣзни тѣла; но и душа моя была больна. Словомъ, я вылечился не задолго до этого мгновенія. Я услыхалъ, какъ дѣти произносили ваше имя, и отъ одного этого звука слетѣла съ моей души черная тѣнь. О, перестаньте плакать! Дорогая Милли, ежели бы вы могли читать въ моемъ сердцѣ, ежели бы могли видѣть, какъ переполнено оно любовью и благодарностью, вы не стали бы при мнѣ плакать. О, какъ я себя упрекаю!

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала Милли, — это ничего. Право ничего. Это слезы радости. Удивительно, какую важность придаете вы этимъ мелочамъ, а все-таки мнѣ это пріятно.

— И вы опять будете приходить? И занавѣску кончите?

— Нѣтъ, — сказала Милли, отирая слезы и качая головой. — Немного сдѣлаете вы изъ моего шитья!

— И это значитъ совершенно простить?

Digitized by Google

Она стала рядомъ съ студентомъ и шепнула ему на ухо:

— Я знаю кой-что новенькое насчетъ вашей свадьбы.

— Новенькое? что же такое?

— Или вы не писали во время вашей болѣзни, или почеркъ вашъ измѣнился по выздоровленіи, какъ бы то ни было, родилось сомнѣніе.... Но довольно. Будьте увѣрены, что есть кой-что новенькое, а отъ этой новости конечно вамъ не будетъ хуже.

— Не понимаю.

— Ну, къ вамъ кто-то пріѣхалъ, — сказала Милли.

— Матушка? — спросилъ студентъ, невольно взглянувъ на Редлау, стоявшаго на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы.

— Шшъ, нѣтъ, — сказала Милли.

— Да вѣдь болѣе нѣ кому.

— Право? — сказала Милли. — Вы въ этомъ увѣрены?

— Неужели же.... — Милли не дала договорить и зажала ему ротъ рукою.

— Точно, — сказала она. — Молоденькая дѣвушка.... Она похожа на свой миніатюрный портретъ, мистеръ Эдмондъ, только лучше.... Она не могла убѣдиться увѣреніями, которыя только увеличивали ея сомнѣнія, и вчера вечеромъ пріѣхала сюда съ маленькой служанкой. Такъ какъ вы посылали ваши письма изъ коллегіи, она и пріѣхаха туда: я сошлась съ ней утромъ, передъ свиданіемъ съ мистеромъ Редлау. И она меня любитъ! О, Господи, еще одна!

— Нынче утромъ? гдѣ жъ она?

— Теперь она въ моей комнаткѣ, въ квартирѣ смотрителя, и надѣется скоро васъ увидѣть,—шепнула Милли.

Эдмондъ пожалъ ей руку и хотѣлъ уйдти, но Милли его удержала.

— Мистеръ Редлау очень измѣнился и нынче утромъ сказалъ мнѣ, что у него притупилась память. Обратите на него ваше вниманіе: онъ заслуживаетъ этого ото всѣхъ насъ.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ удостовѣрилъ ее взглядомъ, что ея слова упали не на неблагодарную почву. Выходя изъ комнаты, онъ почтительно и съ видимымъ участіемъ поклонился Редлау.

Редлау вѣжливо и даже униженно отвѣчалъ на его поклонъ и слѣдилъ за нимъ глазами. Потомъ онъ склонилъ голову на руку, какъ будто желая пробудить въ себѣ потерянное; но тщетно.

Перемѣна, произведенная въ немъ вліяніемъ музыки и недавнимъ появленіемъ призрака, состояла въ томъ, что онъ вполнѣ сознавалъ свою потерю, могъ жалѣть о настроеніи своего духа и видѣть его противорѣчіе съ настроеніемъ духа окружавшихъ его людей. Отсюда вновь родилось въ его душѣ сочувствіе къ окружавшимъ его людямъ и пробудилось сладкое сознаніе своего несчастія, какъ бываетъ по временамъ у стариковъ, уже ослабѣвшихъ въ своихъ духовныхъ силахъ, но еще не вполнѣ сокрушенныхъ безчувственностію и тупоуміемъ.

Спасенный Милли отъ погибели, Редлау болѣе и болѣе сознавалъ добровольно накликанное имъ на себя зло, болѣе и болѣе привязывался къ Милли, и перемѣна его души зрѣла болѣе и болѣе. По этому-то, въ увѣренности, что Милли имѣетъ на него вліяніе, хотя и слаба была эта надежда, Редлау почувствовалъ, что онъ вполнѣ зависитъ отъ Милли и что она его единственная защита.

Оттого-то, когда Милли спросила его, не время ли имъ идти домой къ старику и ея мужу, Редлау, стѣсненный мыслями о ихъ положеніи, тотчасъ же отвѣчалъ: — да! взялъ руку Милли и пошелъ съ ней рядомъ, но не такъ какъ человѣкъ умный и ученый, передъ которымъ чудеса природы были открытой книгой, не такъ шелъ онъ рядомъ съ бѣднымъ знаніями существомъ, нѣтъ — казалось, что они помѣнялись ролями: Милли знала все, а онъ ничего.

Онъ видѣлъ, какъ, при ихъ выходѣ изъ дома, около Милли толпились дѣти и ласкали ее; онъ слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, ихъ веселые голоса; видѣлъ, какъ вокругъ него мелькали свѣженькія личики, какъ будто цвѣточки; былъ

Digitized by Google

свидѣтелемъ возобновленнаго мира и обоюдной любви ихъ родителей; онъ дышалъ чистымъ воздухомъ у ихъ очага, снова окруженнаго семейною тишиною; вспомнилъ, сколько зла внесъ было онъ подъ эту кровлю и какъ бы развилось это зло, если бы не Милли.... И нечего удивляться, что онъ униженно шелъ рядомъ съ Милли и старался приблизить свое сердце къ ея доброму сердцу.

Войдя въ комнату смотрителя, они увидали, что старикъ сидѣлъ въ креслахъ передъ каминомъ. Онъ смотрѣлъ на полъ, гдѣ, подлѣ него, передъ огнемъ, сидѣлъ его сынъ и не спускалъ съ старика глазъ. Когда Милли вошла въ дверь, оба вскочили и побѣжали къ ней на встрѣчу; по ихъ лицамъ пробѣжала улыбка, какъ солнечный лучь по отѣненной полянѣ.

— Господи, Господи, Господи! И они рады меня видѣть, какъ и всѣ другіе,—воскликнула Милли, внѣ себя отъ радости, всплеснувъ руками и остановившись на порогѣ. — Еще двое!

Рады ее видѣть? Рады, довольны, веселы — этими словами не выразить состоянія души обоихъ Свиджеровъ при входѣ Милли. Она кинулась къ своему мужу въ объятія, давно готовыя ее принять, и Вилльямъ радъ бы былъ продержать ее въ своихъ объятіяхъ цѣлый зимній день, положивъ ея головку къ себѣ на плечо. Но старику также хотѣлось обнять Милли и онъ ее обнялъ.

— Э, э, куда пряталась моя смирная мышка? — сказалъ старикъ. — Долго я ея не видалъ. А вижу, что мнѣ жить нельзя безъ мышки. Я.... А гдѣ мой сынъ Вилльямъ? мнѣ кажется, Вилльямъ, что я спалъ.

— Это совершенно идетъ къ моей рѣчи, батюшка! — отвѣчалъ его сынъ. — Мнѣ самому кажется, что я видѣлъ дурной сонъ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ? хорошо ли вы себя чувствуете?

— Молодецъ-молодцомъ, дружокъ,—отвѣчалъ старикъ.

Любо было смотрѣть на мистера Вилльяма, какъ онъ жалъ руку своему отцу, какъ трепалъ его по плечу, съ

Digitized by Google

какою ласкою гладилъ его по спинѣ, и словомъ — не зналъ, какъ выразить свое участіе.

— Какой вы удивительный человѣкъ, батюшка! Какъ вы себя чувствуете? Да точно ли вы здоровы? — говорилъ Вилльямъ, снова пожимая старику руку, снова трепля его по плечу и поглаживая по спинѣ.

— Никогда еще въ жизни я не былъ такъ свѣжъ и такъ крѣпокъ на ногахъ, мой милый!

— Какой вы удивительный человѣкъ, батюшка! Ну, да все это совершенно на своемъ мѣстѣ,—говорилъ Вилльямъ, одушевляясь болѣе и болѣе. — Какъ подумаешь, чего-чего батюшка не перевидалъ, да какъ вспомнишь — сколько перемѣнъ судьбы, сколько горя и страданій перенесъ онъ на своемъ вѣку, такъ что и голова вся посѣдѣла, какъ вспомнишь все это, такъ и придетъ на умъ, что мало мы чествовали старика, мало покоили его старость. Какъ вы себя чувствуете, батюшка? Точно ли вы здоровы?

Вилльямъ никогда не прекратилъ бы этихъ вопросовъ, никогда не пересталъ бы пожимать старику руку, трепать его по плечу и гладить по спинѣ, ежели бы старикъ не обратилъ вниманія на химика, котораго прежде не замѣтилъ.

— Прошу извинить меня, мистеръ Редлау, — сказалъ Филиппъ, — я не зналъ, что вы здѣсь, а то бы не расположился такъ спокойно. Помнится мнѣ, мистеръ Редлау, что я видалъ васъ здѣсь объ Рождествѣ, когда вы еще были студентомъ и такъ усердно занимались, что и праздники проводили въ нашей библіотекѣ. Ха, ха, ха! Я довольно старъ, чтобы объ этомъ помнить, и хорошо помню, очень хорошо, хотя мнѣ и осемьдесятъ семь. Въ то время, какъ вы отъ насъ уѣзжали, умерла моя бѣдная жена. Вѣдь вы помните мою бѣдную жену, мистеръ Редлау?

Химикъ отвѣчалъ утвердительно.

— Да, — сказалъ старикъ. — Хорошая была женщина. Помню я, какъ вы разъ, поутру объ Рождествѣ, пришли къ намъ съ молоденькой дѣвицей.... Извините, мистеръ Редлау, кажется мнѣ, что это была ваша сестрица и что вы ее очень любили.

Digitized by Google

Химикъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головой. — Была у меня сестра, — сказалъ онъ равнодушно. Болѣе ничего не могъ онъ вспомнить.

— Такъ это было объ Рождествѣ, поутру, — продолжалъ старикъ. — Приходите вы сюда съ сестрицей.... а вдругъ снѣгъ пошелъ. Жена и пригласила къ себѣ вашу сестрицу и усадила ее передъ огнемъ.... Огонь-то мы всегда разводили по праздникамъ въ нашей большой рефекторіи, пока еще Совѣтъ не перемѣстилъ ея. Я тамъ былъ, и помню, что когда я шевелилъ уголья, чтобы согрѣть хорошенькія ножки молодой дамы, она громко прочла надпись подъ портретомъ Господи, сохрани мою память вѣчно-юною! — Тутъ и вступила покойница жена съ вашей сестрицей въ разговоръ, и странно подумать, что умерли-то онѣ различно, а тогда обѣ говорили одно и тоже, что это хорошая молитва и что онѣ будутъ ее читать за близкихъ людей. — Братецъ, — говорила молодая дѣвица; — мужъ, — говорила покойница жена: — Господи, сохрани въ его душѣ память обо мнѣ и не допусти его забыть меня.

По лицу Редлау побѣжали такія мучительныя, такія горькія слезы, какихъ онъ никогда не проливалъ въ жизни. Филиппъ, увлеченный своими воспоминаніями и разсказомъ, не обращалъ вниманія на Редлау, не замѣчалъ и боязни Милли, опасавшейся, что Редлау уйдетъ.

— Филиппъ, — сказалъ Редлау, положивъ свою руку на руку старика, — я человѣкъ несчастный: рука Провидѣнія тяготѣетъ на мнѣ, и справедливо. Вы говорите со мной, мой другъ, о такихъ вещахъ, которыя для меня мертвы. Я потерялъ память!

— Милосердое Небо! — воскликнулъ старикъ.

— Я потерялъ воспоминанія горя, обиды и страданій, — сказалъ химикъ, — и вмѣстѣ съ ними потерялъ все, о чемъ обыкновенно вспоминаетъ человѣкъ.

Ежели бъ кто-нибудь видѣлъ участіе стараго Филиппа, ежели бъ кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ придвигалъ къ Ред-

Digitized by Google

лау свое дѣдовское кресло, съ какимъ сознаніемъ его невозвратной потери глядѣлъ на него, тотъ конечно бы понялъ, какъ дороги для старика подобныя воспоминанія.

Въ комнату впрыгнулъ мальчикъ и подбѣжалъ къ Милли.

— Этотъ человѣкъ здѣсь, въ другой комнатѣ, — сказалъ онъ. — Сюда не втащишь.

— Про какого человѣка говоритъ онъ? — спросилъ мистеръ Вѝлльямъ.

— Шшъ! — сказала Милли.

Послушные ея знакамъ, Вѝлльямъ и его старый отецъ потихоньку удалились. Когда они незамѣтно вышли, Редлау подозвалъ къ себѣ мальчика.

— Мнѣ у мистриссъ лучше, — отвѣчалъ ребенокъ, держась за платье Милли.

— Ты правъ, — сказалъ Редлау съ кроткой улыбкой; — но тебѣ нечего бояться подходить ко мнѣ: я сталъ обходительнѣе чѣмъ прежде, и во всякомъ случаѣ съ тобой, бѣдное дитя!

Мальчикъ сначала держался въ отдаленіи, но потомъ, мало по малу уступая просьбамъ и убѣжденіямъ Редлау, рѣшился подойти къ нему и даже сѣсть у его ногъ. Редлау положилъ одну руку на плечо ребенка и смотрѣлъ на него съ состраданіемъ и любовію, а другую руку протянулъ Милли. Милли наклонила къ нему свою головку, такъ, что могла глядѣть ему въ лице, и послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія сказала:

— Мистеръ Редлау, можно мнѣ поговорить съ вами?

— Да,—отвѣчалъ онъ, взглянувъ на Милли: — вашъ голосъ и музыка имѣютъ на меня одинакое вліяніе.

— Можно мнѣ спросить васъ кой о чемъ?

— О чемъ вамъ угодно.

— Помните, что̀ я говорила вамъ прошлой ночью, стучась къ вамъ въ дверь. Рѣчь была объ одномъ человѣкѣ, который нѣкогда былъ вашимъ другомъ, а теперь стоитъ на краю погибели.

Digitized by Google

— Да, припоминаю,—сказалъ онъ, немного помолчавъ.

— Вы поняли, что я хотѣла сказать?

Онъ погладилъ ребенка по головѣ, разсѣянно взглянулъ на Милли и покачалъ головой.

— Я отыскала этого человѣка,—сказала Милли своимъ чистымъ, нѣжнымъ голоскомъ, который зазвенѣлъ еще чище и еще нѣжнѣе, когда она устремила на Редлау свой кроткій взглядъ. — Я воротилась въ тотъ домъ и съ Божіей помощью нашла этого бѣдняка. Я пришла въ самую пору: приди я немного позже — и было бы слишкомъ поздо.

Редлау отнялъ свою руку отъ ребенка и положилъ ее на руку Милли. Боязливое, но выразительное пожатіе руки также глубоко проникло въ сердце Редлау, какъ и голосъ и взглядъ Милли. Онъ посмотрѣлъ на нее съ бо́льшимъ вниманіемъ.

— Это отецъ мистера Эдмонда, того молодаго студента, котораго вы сейчасъ видѣли. Фамилія его — Лонгфордъ. Вы не помните этой фамиліи?

— Помню.

— Помните и того, кто ее носитъ?

— Нѣтъ. Не обидѣлъ ли онъ меня чѣмъ-нибудь?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ нѣтъ надежды, нѣтъ никакой надежды!

Онъ покачалъ головой и тихонько ударилъ Милли по рукѣ: это была нѣмая просьба о состраданіи.

— Я ходила прошлой ночью не къ мистеру Эдмонду,—сказала Милли.... Но будете ли вы меня слушать такъ, какъ будто бы вы обо всемъ помнили?

— Каждое ваше слово.

— И такъ, я ходила не къ нему. Сначала я не знала, я не знала — точно ли тотъ человѣкъ его отецъ, а потомъ боялась, что это извѣстіе произведетъ на него опасное вліяніе послѣ недавней болѣзни. Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, кто этотъ человѣкъ, я не была ни у того, ни у другаго, но

Digitized by Google

дѣло не въ томъ. Онъ долго былъ въ разлукѣ съ женой и сыномъ, уѣзжалъ далеко отъ семейства, когда этотъ сынъ былъ еще въ колыбели, и покинулъ, какъ самъ говоритъ, то, что должно было быть для него всего дороже. Въ продолженіе этого времени онъ падалъ все глубже и глубже, изъ человѣка уважаемаго сдѣлался....

Милли остановилась, вышла изъ комнаты и тотчасъ же воротилась съ живой развалиной человѣка, котораго Редлау видѣлъ въ прошлую ночь у смертнаго одра брата Вилльяма Свиджера.

— Вы меня знаете? — спросилъ химикъ.

— Я былъ бы счастливъ, — отвѣчалъ вошедшій, — а счастье для меня не привычное слово, я былъ бы счастливъ, я былъ бы счастливъ, если бы могъ вамъ отвѣчать: нѣтъ.

Химикъ смотрѣлъ на этого человѣка, который стоялъ передъ нимъ въ нѣмомъ и глубокомъ униженіи, и долго бы просмотрѣлъ на него въ тщетной борьбѣ съ памятью, еслибъ Милли не заняла подлѣ него прежняго своего мѣста и не привлекла къ себѣ его пытливаго взора.

— Посмотрите на него, какъ глубоко онъ упалъ, какъ потерялся, — шепнула она, указывая рукой на незнакомца и не сводя глазъ съ лица Редлау. — Неужели не пробудится въ васъ состраданіе, ежели вы припомните все, что относится до этого человѣка, ежели взглянете на униженіе того, кто нѣкогда былъ вашимъ другомъ, ежели вспомните, какъ давно и съ какимъ намѣреніемъ осмѣялъ онъ вашу любовь.

— Надѣюсь, что состраданіе во мнѣ пробудится, — отвѣчалъ Редлау; — думаю, что пробудится.

Взоры его устремились на стоящаго въ дверяхъ незнакомца, но скоро опять перешли на Милли, и онъ смотрѣлъ на нее съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто вычитывая въ каждомъ тонѣ ея голоса, въ каждомъ лучѣ ея глазъ совѣтъ—какъ ему поступить.

— Я женщина не ученая, а вы большой знатокъ въ наукахъ, — сказала Милли; — я не привыкла размышлять,

Digitized by Google

а вы всю жизнь провели въ размышленіяхъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ почему воспоминаніе о нанесенныхъ вамъ обидахъ кажется мнѣ неоцѣненнымъ даромъ.

— Скажите.

— Потому, что мы можемъ прощать.

— Прости мнѣ, Господи! — сказалъ Редлау, посмотрѣвъ на небо, — прости, что я легкомысленно отвергнулъ одно изъ твоихъ благъ!

— А ежели,—продолжала Милли,—вамъ современемъ будетъ возвращена память, на что мы надѣемся и о чемъ будемъ молиться, не пріятно ли будетъ вамъ вспомнить и нанесенную вамъ обиду, и часъ, когда вы ее простили?

Онъ посмотрѣлъ на незнакомца, стоящаго въ дверяхъ, и снова обратилъ взоръ на Милли: ему казалось, что ея ясное чело бросаетъ яркій лучь въ его душу.

— Этотъ человѣкъ не можетъ возвратиться къ покинутому имъ семейному очагу. Онъ знаетъ, что той, которую онъ такъ безчеловѣчно покинулъ, не можетъ онъ принести ничего, кромѣ стыда и печали, и что лучшее для него средство загладить свои проступки:—скрыться отъ своей семьи. Маленькая сумма, предложенная ему съ осторожностію, поможетъ ему добраться въ какой-нибудь далекій уголокъ, гдѣ онъ будетъ жить, не дѣлая болѣе зла и по возможности стараясь исправить сдѣланное. Для его несчастной жены и для сына это будетъ самымъ большимъ благодѣяніемъ, которое можетъ для нихъ сдѣлать одинъ лучшій другъ, и которое они вполнѣ оцѣнятъ. Притомъ же, они и не узнаютъ объ этомъ благодѣяніи. А ему, потерявшему доброе имя, разрушенному душевно и тѣлесно, ему это будетъ спасеніемъ.

Редлау наклонилъ къ себѣ головку Милли, поцѣловалъ ее и сказалъ: — Будь по вашему. Я поручаю вамъ кончить это дѣло за меня, поскорѣе и втихомолку. Ему скажите, что простилъ бы я его, если бы имѣлъ счастіе знать— какъ и въ чемъ.

Когда Милли подняла голову, обратила свое ясное лице къ потерянному человѣку, и ея черты выразили радость,

Digitized by Google

порожденную счастливымъ успѣхомъ ея посредничества, Лонгфордъ выступилъ впередъ и подошелъ къ Редлау, не смѣя на него взглянуть.

— Вы такъ благородны, — сказалъ онъ, — что вѣрно стараетесь удалить отъ себя мысль о справедливо-понесенномъ мною наказаніи. Я съ своей стороны не удаляю этой мысли, Редлау! Повѣрьте мнѣ, ежели можете.

Химикъ подозвалъ къ себѣ Милли и, слушая слова Лонгфорда, смотрѣлъ ей въ лице, какъ будто желая прочесть на немъ смыслъ этихъ словъ.

— Я слишкомъ порочный человѣкъ, чтобы давать обѣщанія, я слишкомъ хорошо помню всю мою жизнь, чтобы понимать вашу недовѣрчивость. Но съ того самаго дня, когда я ступилъ на стезю порока, когда я васъ обманулъ, съ того самаго дня я пошелъ въ адъ вѣрными и неудержимыми шагами проклятаго грѣшника. Вотъ что я хотѣлъ сказать.

Редлау притянулъ къ себѣ Милли еще ближе, взглянулъ на Лонгфорда, и лице его выразило горе, и что-то, похожее на смутное воспоминаніе, шевельнулось въ его душѣ.

— Не сдѣлай я этого перваго рѣшительнаго шага, я былъ бы, можетъ быть, другимъ человѣкомъ и моя жизнь получила бы другое развитіе. Не знаю навѣрное, могло ли бы это быть, и не хочу, чтобы эта возможность возвышала меня въ вашихъ глазахъ. Ваша сестрица покоится въ мирѣ, въ такомъ мирѣ, котораго я никогда не могъ бы ей доставить, ежели бы и остался тѣмъ, за кого вы меня принимали и чѣмъ я самъ себя считалъ.

Редлау нетерпѣливо махнулъ рукою, какъ будто желая прервать этотъ разговоръ.

— Я говорю, какъ человѣкъ, вышедшій изъ могилы,— продолжалъ Лонгфордъ. — Прошлую ночь я самъ бы уложилъ себя въ гробъ, ежели бы не эта рука; да благословитъ ее Господь!

— Господи, и онъ меня любитъ! — шепнула Милли, глубоко вздохнувъ. — Еще одинъ!

Digitized by Google

— Вчера вечеромъ я не осмѣлился бы показаться вамъ на глаза, хотя бы мнѣ грозила за это голодная смерть. Но сегодня съ такой ясностію пробудились во мнѣ воспоминанія, такъ живо представились мнѣ прежнія наши отношенія, что я рѣшился придти по вашему приглашенію сюда, принять ваши благодѣянія, поблагодарить васъ за нихъ и попросить васъ, Редлау, вспомнить обо мнѣ въ послѣднюю минуту вашей жизни, съ такимъ же милосердіемъ, съ какимъ вы теперь обходитесь со мною.

Онъ пошелъ было къ двери, но остановился.

— Надѣюсь, что вы примете участіе въ моемъ сынѣ, ради его матери, надѣюсь, что и онъ заслужитъ ваше участіе. А я, ежели мнѣ суждено еще долго влачить жизнь, ежели я и доживу до сознанія, что не употребилъ во зло вашей помощи, все-таки я никогда не увижу моего сына.

Уходя, Лонгфордъ въ первый разъ взглянулъ на Редлау. Редлау, все время не спускавшій съ него глазъ, задумчиво протянулъ ему руку. Лонгфордъ воротился, слегка пожалъ протянутую ему руку, потомъ сильнѣе, и наконецъ обѣими руками. Потомъ онъ потупилъ голову и вышелъ медленными шагами.

Въ продолженіе немногихъ минутъ, пока Милли провожала Лонгфорда до воротъ, химикъ сидѣлъ на стулѣ, поникнувъ головой и закрывъ лице руками. Милли воротилась въ сопровожденіи своего мужа и его отца, очень безпокоившихся насчетъ Редлау. Увидя химика въ этомъ положеніи, она не рѣшилась его безпокоить, не позволила этого и другимъ, а потихоньку стала на колѣни подлѣ его стула и начала укутывать мальчика теплымъ одѣяломъ.

— Все это какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ и совершенно идетъ къ моей рѣчи, — воскликнулъ удивленный супругъ. — У мистриссъ Вилльямъ столько материнскаго чувства, что оно всегда пробьется наружу.

— Да, да, — сказалъ старикъ, — ты правъ. Мой сынъ Вилльямъ правъ.

— Очень хорошо, любезная Милли, конечно очень хорошо, что у насъ нѣтъ дѣтей, — сказалъ съ нѣжностію

Digitized by Google

Вѝлльямъ, — но все-таки иногда мнѣ хочется, чтобы у тебя былъ ребенокъ, котораго бы ты могла любить и ласкать. Покойный нашъ малютка, твоя любимая надежда, не успѣлъ даже и вздохнуть на бѣломъ свѣтѣ и не хотѣлъ, чтобы у тебя были другія дѣти, Милли.

— Я счастлива однимъ воспоминаніемъ, милый Вѝлльямъ, — отвѣчала она. — Я думаю каждый день объ немъ.

— Я сколько разъ боялся, что ты ужъ слишкомъ много объ немъ думаешь.

— Не говори — боялся. Для меня это отрада. Малютка часто говоритъ со мной; онъ, бѣдный, не жилъ на землѣ, и кажется мнѣ ангеломъ, Вѝлльямъ.

— Ты сама ангелъ для меня и для отца, — сказалъ тронутый Вѝлльямъ. — Я это узналъ.

— Когда я припомню всѣ мои надежды на него, когда я припомню, какъ часто воображала я на своей груди улыбающееся личико, которому не было суждено прижиматься къ моему сердцу, воображала нѣжные глазки, которымъ не было суждено глядѣться въ мои глаза и видѣть Божій міръ, — сказала Милли, — когда я припомню все это, въ моей душѣ громко заговоритъ состраданіе ко всѣмъ обманутымъ надеждамъ, въ которыхъ нѣтъ ничего худаго. Когда я вижу прелестное дитя на рукахъ нѣжной матери, меня заставляетъ полюбить его мысль, что и мой ребенокъ былъ бы такимъ же, и мое сердце билось бы такой же гордостью, такимъ же счастіемъ.

Редлау поднялъ голову и взглянулъ на Милли.

— Мой малютка не отходитъ отъ меня и безпрестанно шепчется со мной, — продолжала Милли. — Онъ проситъ меня за бѣдныхъ, безпомощныхъ дѣтей, будто живой, будто у него есть голосокъ, которымъ онъ можетъ говорить. Ежели я слышу о нуждѣ и недостаткахъ молодыхъ людей, я думаю, что и съ моимъ ребенкомъ могло бы тоже самое случиться, и что Господь взялъ его отъ меня по своей милости. Даже когда я вижу старика и сѣдые волосы, вотъ какъ у батюшки, и тогда мой малютка подлѣ меня, и го-

Digitized by Google

воритъ мнѣ, что и онъ могъ быть старикомъ, жить долго, долго послѣ твоей и моей смерти, и что ему также были бы нужны почтеніе и любовь молодыхъ людей.

Милли взяла руку своего мужа, склонила на нее свою голову, и нѣжный ея голосъ сталъ еще нѣжнѣе.

— Дѣти меня любятъ, — продолжала она, — любятъ, какъ я думаю, за то.... это глупая мысль, Вилльямъ, но мнѣ кажется, что они любятъ моего малютку и понимаютъ, почему мнѣ дорога ихъ любовь. Ежели я не была въ другой разъ матерью.... я во сто разъ отъ этого счастливѣе, Вилльямъ! Не менѣе счастлива я вотъ отъ чего: когда мой малютка умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, и я была опечалена и не могла удержаться отъ жалобъ, мнѣ блеснула мысль, что если я буду жить добромъ, на Небѣ встрѣтитъ меня свѣтлое созданіе и назоветъ меня матерью!

Редлау съ громкимъ крикомъ упалъ на колѣна.

— О Ты, — сказалъ онъ, — Ты, вовратившій мнѣ память путемъ чистой любви, память Спасителя на крестѣ и всѣхъ блаженныхъ, пріявшихъ мученическій вѣнецъ за Его ученіе! пріими мое благодареніе и благослови *ее*!

Онъ прижалъ Милли къ своему сердцу, и Милли плакала, Милли смѣялась, Милли вскрикнула: — Онъ опомнился! Онъ точно очень-очень меня любитъ! О, Господи Господи! еще одинъ!

Въ это время вошелъ студентъ, ведя за руку прелестную дѣвушку, которая стыдилась войдти въ комнату. Редлау, совершенно измѣнившійся въ обращеніи съ студентомъ, увидалъ въ немъ и въ его подругѣ образъ собственной своей жизни въ періодѣ тяжелыхъ страданій, образъ, къ которому онъ стремился такъ долго и такъ тщетно, какъ голубица ковчега къ тѣнистому дереву. Возрожденный Редлау принялъ молодую чету въ объятія и просилъ ее замѣнить ему дѣтей.

Потомъ, такъ какъ праздники Рождества—такое время, въ которое воспоминанія всякаго излечимаго горя, всякой забывающейся обиды, всякаго смягчаемаго страданія, дѣй-

Digitized by Google

ствуютъ на насъ также сильно и опредѣленно, какъ и пріятныя впечатлѣнія, Редлау положилъ руку на голову мальчика и призвалъ во свидѣтели Того, Кто съ сотворенія міра возлагаетъ свою десницу на дѣтей, Кто запретилъ удалять отъ себя дѣтей, Редлау призвалъ Его во свидѣтели, что онъ будетъ покровителемъ бѣднаго мальчика и наставитъ его на путь истины.

Потомъ онъ съ радостнымъ видомъ протянулъ Филиппу правую руку и сказалъ, что ему хочется сдѣлать вечеромъ Рождественскій ужинъ въ залѣ бывшей рефекторіи, и пригласить столько Свиджеровъ,—а ихъ, по разсказамъ его сына, было такое множество, что они, схватившись руками, могли бы окружить всю Англію, — пригласить къ столу столько Свиджеровъ, сколько лишь возможно ихъ собрать.

Такъ и случилось. Въ этотъ день было такое множество Свиджеровъ, и взрослыхъ, и дѣтей, что попытка обозначить ихъ круглымъ числомъ могла бы навести на недовѣрчивыхъ людей сомнѣніе въ справедливости этого разсказа. Отъ того и не приступали къ этой попыткѣ. Но были они тамъ дюжинами, сотнями, и ждали ихъ добрыя вѣсти и пріятныя надежды, именно насчетъ Джорджа, котораго еще разъ посѣщали отецъ, братъ и Милли, и оставили въ спокойномъ снѣ. Далѣе сидѣли за столомъ Теттерби, со включеніемъ Адольфа младшаго, который, въ своемъ радужномъ сюртучкѣ, попалъ какъ разъ къ бифштексу. Джонни и грудной ребенокъ явились, разумѣется, немного поздо. Оба при входѣ наклонились въ одну сторону, одинъ отъ усталости, другой, какъ полагали, страдающій отъ прорѣзыванія двойнаго зуба. Впрочемъ это обстоятельство пустое и не заслуживало бы упоминанія.

Грустно было смотрѣть на уличнаго мальчика, безъ имени, безъ родства, грустно было видѣть, какъ онъ слѣдилъ за играми другихъ дѣтей, не зналъ — что ему съ ними говорить, какъ провести время! и столько же понималъ весь этотъ дѣтскій міръ, какъ одичалая собаченка. Грустное было зрѣлище, но съ другой стороны, отрадно было видѣть, какъ инстинктивно понимали даже самыя маленькія дѣти,

Digitized by Google

что этотъ мальчикъ былъ отличенъ ото всѣхъ прочихъ, какъ боязливо приближались они къ нему и старались усладить его несчастіе нѣжными словами, ласками и небольшими подарками. Но онъ не отходилъ отъ Милли и начиналъ ее любить. — Вотъ еще одинъ! — говорила она. Такъ какъ всѣ искренно любили Милли, всѣ и порадовались привязанности къ ней этого сироты, и всѣ были довольны, видя, какъ онъ выглядываетъ изъ-за ея стула.

И всѣмъ этимъ любовался химикъ, сидѣвшій за столомъ съ студентомъ, и съ его невѣстой, и съ Филиппомъ, и со всѣми прочими.

Потомъ нашлись люди, которые утверждали, что все написанное нами происходило только въ головѣ химика. Другіе говорили, что все это онъ видѣлъ въ огнѣ, въ зимнюю ночь, въ сумерки. А еще иные говорили, что призракъ — есть порожденіе мрачныхъ мыслей химика, а Милли — олицетвореніе свѣтлой стороны его души.

Я не скажу ничего....

Исключая слѣдующаго: когда всѣ они сидѣли за столомъ въ старой залѣ, освѣщенной только огнемъ камина, тѣни еще разъ выступили изъ своихъ спокойныхъ уголковъ и закружились по залѣ, и стали показывать дѣтямъ на стѣнахъ чудные образы и облики, и стали измѣнять дѣйствительное и знакомое въ неопредѣленное и волшебное. Было въ старой залѣ еще «что-то,» часто привлекавшее къ себѣ взоры Редлау, и Милли, и ея мужа, и старика, и студента, и его невѣсты, и этого «что-то» не могли ни затемнить, ни измѣнить тѣни. При свѣтѣ камина, важно и торжественно выступало изъ темноты и смотрѣло на всѣхъ спокойное лице, съ бородой и въ брыжжахъ, увѣнчанное зелеными вѣтками амелы, и явственно, и громко, будто произносимыя чьимъ-то голосомъ, слышались подъ портретомъ слова:

«Господи, сохрани мою память вѣчно-юною!»

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ АВГУСТА ГАУСМАНА.

(Статья III.)

КАНТОНЪ.

Одежда Китайцевъ проста, опрятна и прилична. У людей высшихъ классовъ и государственныхъ сановниковъ она состоитъ изъ двухъ одеждъ темнаго цвѣта. Одна застегнутая низходитъ до икръ, съ разрѣзами по бокамъ, и называется въ Кантонѣ *шонгъ-шамъ*. Другая распашная, называемая *по*, гораздо длиннѣе. Въ праздничныхъ платьяхъ темный цвѣтъ замѣняется яркимъ съ пестрыми узорами. Богатые Китайцы носятъ сверхъ того *ма-куа* и *тай-куа*. *Ма-куа* похожа на пелерину, низходящую до пояса и застегнутую на груди. Эта пелерина должна быть цвѣтомъ темнѣе остальнаго платья. *Тай-куа* есть верхнее платье, доходящее до колѣна. Зимнее платье гораздо нарядиѣе лѣтняго. Богатые люди выходятъ въ холодное время не иначе, какъ въ шубахъ, и надѣваютъ нѣсколько одеждъ, одна на другую. Обыкновенная обувь ихъ состоитъ изъ бѣлыхъ, надѣтыхъ складками, чулокъ и черныхъ шелковыхъ башмаковъ, иногда вышитыхъ узорами, съ загнутыми вверхъ носками. Мандарины носятъ также сапоги. Высшее сословіе ходитъ безъ панталонъ.

Китайцы средняго сословія носятъ родъ голубаго казакина, *гунг-шамъ*, съ широкими висячими рукавами и съ круглыми мѣдными пуговицами. Въ дополненіе этого наряда они носятъ короткіе обтяжные штаны, обыкновенно темно-зеленаго цвѣта, до половины икры. Остальная часть ноги покрыта бѣлымъ бумажнымъ чулкомъ. Кантонскій купецъ не выйдетъ лѣтомъ на улицу безъ вѣера и зонтика.

Digitized by Google

Слуги и работники одѣты въ синіе, сѣрые или бѣлые бумажные казакины, по имени *шамъ*, съ широкими, но не слишкомъ длинными рукавами. Широкіе шаравары ихъ шьются изъ той же ткани. Въ праздничные дни казакинъ замѣняется длиннымъ платьемъ. *Boys*, молодые Европейскіе слуги, приняли ту же одежду, только они предпочитаютъ узкіе, короткіе штаны широкимъ шараварамъ. Наконецъ *ку́ли*, или рабочій народъ, носитъ платье болѣе грубой ткани; иногда прикрываетъ ихъ кусокъ холста, обернутый вокругъ поясницы, который оставляетъ обнаженными ноги и верхнюю часть тѣла.

Китайская одежда отличается разными добавленіями, служащими знаками достоинства, степени и общественнаго быта. Въ праздничныхъ церемоніяхъ государственные сановники носятъ на груди и на спинѣ шелковыя накладки, вышитыя аллегорическими изображеніями. Высшіе правители имѣютъ на нагрудникѣ баснословное животное, покрытое чешуею, называемое *чи-пингъ*, а на спинѣ дракона. Замѣчательно, что изображеніе дракона на груди имѣетъ право носить только одинъ Императоръ. Высшіе правители подраздѣляются на письменныхъ и военныхъ; вторые садятся по правую сторону Императора, а первые по лѣвую. Лѣвая сторона почитается почетнымъ мѣстомъ.

Чиновники государственные, *ку-анги*, которыхъ, неизвѣстно почему, Европейцы называютъ *мандаринами*, распредѣляются на девять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ ученыхъ и военныхъ подвижниковъ. На нагрудникахъ ученыхъ людей изображены птицы, а у военныхъ — четвероногія животныя. Журавль съ распущенными крыльями отличаетъ первую и вторую степень ученыхъ; павлины и дикіе гуси принадлежатъ второй и третьей степени; орелъ и серебристый фазанъ пятой; дикая утка шестой и седьмой, попугай осьмой и девятой. Первая и вторая степень воиновъ имѣетъ льва, третія и четвертая тигра, пятая барса, шестая и седьмая леопарда или дикую кошку, осьмая и девятая морскаго единорога.

Digitized by Google

Невозможно исчислить этихъ подробностей въ отличіи одежды, которыхъ важность неизвѣстна Европейцамъ. Пуговицы на вершинѣ шляпы играютъ значительную роль. Пуговица первокласснаго чиновника красная, величиной въ орѣхъ. Второклассные мандарины имѣютъ также красную пуговицу съ украшеніями. Третій классъ имѣетъ синюю пуговицу, четвертый голубую, пятый бѣлую хрустальную, шестой бѣлую тусклую, седьмой мѣдную. Пуговицы осьмой и девятой степеней также мѣдныя; ихъ носятъ очень незначительные люди и полицейскіе агенты. Эта пуговица есть Татарское изобрѣтеніе, имѣющее аллегорическій смыслъ, означающій зависимость.

Головной уборъ Китайца измѣняется по времени года. Лѣтомъ шляпы ихъ, шелковыя или соломенныя, дѣлаются конусами. Зимнія дѣлаются полушаріями, изъ сѣраго войлока, съ поднятыми полями. Красная шелковая или изъ гривы кисть прикрѣпляется къ макушкѣ и падаетъ на поля. Шляпа всегда подвязана подъ бородой шелковымъ снуркомъ. Павлинье перо служитъ почетнымъ знакомъ. Мандарины въ будничной одеждѣ и Китайцы средняго класса носятъ запросто маленькую черную шапочку, украшенную бантомъ изъ золотаго или краснаго витка. Шляпы *кули* или послѣдняго класса въ лѣтнее время дѣлаются изъ соломы, не слишкомъ остроконечны, а иногда подобны опрокинутому тазу. Зимой они носятъ шляпы изъ грубаго войлока.

Мандарины не выходятъ изъ дома, не имѣя съ собою у пояса маленькаго пестраго футляра съ парою перламутровыхъ палочекъ, замѣняющихъ вилки, также безъ трубки, табачницы, хорошенькаго пузырька, служащаго табакеркой. Весь этотъ аппаратъ виситъ на разноцвѣтныхъ снурочкахъ у пояса. Верхняя одежда покрываетъ эти побрякушки. Мандарины поверхъ праздничнаго платья носятъ бусовыя, часто коралловыя ожерелья, нисходящія до самаго пояса. Трауръ въ среднихъ сословіяхъ предписываетъ въ одеждѣ ихъ многія измѣненія. Трауръ по отцѣ и матери носятъ бѣлый, и даже чубы ихъ перевиваются бѣлыми снурками;

Digitized by Google

по тестѣ и тещѣ зять носитъ голубые снурки въ чубѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, и только жена его надѣваетъ бѣлый трауръ. Трауръ по отцѣ и дядѣ длится три года.

Одежда женщинъ въ Китаѣ болѣе, нежели въ какой другой странѣ свѣта, сходствуетъ съ одеждою мужчинъ. Въ высшихъ и богатыхъ сословіяхъ казакинъ ихъ дѣлается изъ шелковой, большею частію голубой ткани, вышитой шелками. Поясомъ держатся двѣ сборчатыя юбки, вышитыя роскошными узорами. Изъ-подъ верхняго платья мало примѣтны эти короткія юбки, которыя покрываютъ широкіе шаравары, также украшенные шитьемъ. Кантонскія женщины носятъ разнообразные головные уборы. Я опишу изъ нихъ самый обыкновенный. Волоса зачесываются вверхъ и, укрѣпляясь около палочки, составляютъ остроконечную прическу. Нѣсколько гребней и нѣсколько золотыхъ булавокъ служатъ поддержкой и украшеніями. Многія носятъ также цвѣты и жемчугъ. Китаянки любятъ браслеты, которые надѣваютъ чрезъ кисть руки. Онѣ не только бѣлятъ и румянятъ лице, но даже красятъ брови и губы. Такъ, по крайней мѣрѣ, распоряжаются богатыя женщины. Тѣ, которыя принадлежатъ къ нисшимъ классамъ, не носятъ юбокъ; ихъ нарядъ состоитъ изъ синяго бумажнаго казакина и изъ широкихъ шараваръ. Много было говорено о ногахъ Китайскихъ женщинъ, которыя, уменьшая постепенно съ дѣтства, доводятъ до такого неестественнаго размѣра природную ихъ величину. Впрочемъ одни богатыя сословія могутъ усвоивать себѣ этого рода совершенство. Однако можно сказать въ этомъ случаѣ о Китаѣ, что крайности сходятся: большія ноги встрѣчаются въ рабочихъ классахъ, которымъ необходимо употребленіе собственныхъ ногъ, и въ семействѣ Императора, который держится обычаевъ Татаръ.

Китайскія дамскія ножки бываютъ простыя и поддѣльныя. Подражаніе устроивается посредствомъ каблука, на который становится нога почти въ вертикальномъ положеніи. Этимъ способомъ женщины нисшихъ классовъ стараются сравняться съ высокорожденными. Но настоящая маленькая

Digitized by Google

нога рѣзко отличается отъ подложной. Пятка ея совершенно другаго вида. Одинъ только большой палецъ ноги остается такимъ, какимъ созданъ; остальные пальцы подвертываются подъ низъ. Они совершенно высыхаютъ и лишаются ногтей. Между пальцами и пяткой значительный выемъ, который даетъ необыкновенную форму члену. Прижавъ слегка, можно соединить конецъ пальца съ пятою.

Мода маленькихъ ногъ введена Императрицею Та-кіа, изъ династіи Шанга, у которой отъ природы онѣ были необыкновенно малы; и эта уродливость стала почитаться красотою. Та-кіа жила за 1700 л. до Р. Х.: это и доказываетъ, что у Китайцевъ моды не скоро измѣняются.

Такое жалкое состояніе ногъ Китайскихъ женщинъ затрудняетъ походку ихъ; онѣ дѣлаютъ очень маленькіе шаги и переваливаются, какъ утки. Однажды мы были неумышленною причиною паденія одной красавицы, которая, завидѣвъ насъ издали въ саду мандарина, и желая поспѣшнѣе скрыться съ своими подругами, слишкомъ поторопилась. Ноги ихъ, обутыя въ башмачки, шитые шелками и золотомъ, были очень похожи на лошадиныя копытцы.

Въ Китаѣ во всемъ торжественность и церемонія. Домашняя и общественная жизнь представляютъ на каждомъ шагу возможность какого-нибудь церемоніала.

Мнѣ не случилось видѣть Китайской свадьбы; но за то я присутствовалъ на нѣсколькихъ похоронахъ. Когда больной готовъ уже испустить духъ, ему кладутъ въ ротъ серебряную монету, затыкаютъ ноздри и закрываютъ глаза. Едва только онъ кончитъ жизнь, тотчасъ вскрываютъ отверстіе въ крышѣ дома, для того, чтобы дать просторъ душѣ улетѣть свободно въ небо. Потомъ посылаютъ за бонзами, которые приходитъ въ красныхъ мантіяхъ читать молитвы подъ непріятный звукъ *гонги*, флейтъ и напѣвовъ, разстилаютъ красное сукно на ложе, на которое и кладутъ покойника. Въ сторонѣ накрываютъ столъ, на который ставятъ яства, свѣчи и ароматы. При входѣ въ домъ сооружается каплица, убранная цвѣтной золоченой бумагой и фонарями. Одѣтые въ бѣлое платье, друзья и родные распростираются вокругъ стола,

Digitized by Google

издавая стоны. Всѣ знакомые, которые отдаютъ покойнику послѣдній долгъ, также ложатся на полъ, положивъ на столъ какое-нибудь приношеніе. Нѣсколько бонзовъ располагаются у входа, вокругъ стола, на которомъ пьютъ чай. Напившись и выкуря нѣсколько трубокъ, они снова принимаются пѣть, звонить въ колокольчики и играть на *гонгахъ*. Потомъ сжигаютъ большое количество золоченой бумаги. Покойникъ лежитъ такимъ образомъ одни сутки, по истеченіи которыхъ его кладутъ въ большой гробъ съ круглой крышей, изъ сандальнаго душистаго дерева для богатыхъ, изъ простаго для бѣдныхъ.

Стариковъ высшаго сословія оставляютъ въ домѣ, въ гробу, три недѣли, иногда нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда два и три года до погребенія, которое должно совершиться не иначе, какъ подъ счастливымъ созвѣздіемъ. Молодыхъ людей даже самаго знатнаго рода погребаютъ тотчасъ, а дѣтей бросаютъ въ воду, вычернивъ имъ предварительно лице. На кладбищахъ, богатыхъ погребаютъ отдѣльно отъ убогихъ. По опущеніи тѣла въ могилу, пускаютъ нѣсколько ракетъ, а возвратясь домой, садятся за пышную трапезу.

Въ числѣ домашнихъ Китайскихъ обрядовъ есть одинъ, который посвященъ назначенію имени. Кромѣ именъ семейныхъ или *сингъ*, даются еще имена *личныя*, которыя измѣняются при возрастахъ и назначеніяхъ. Первое имя, *мингъ*, есть имя, которымъ нарекается каждый при рожденіи; инымъ дается оно спустя мѣсяцъ, когда въ первый разъ обриваютъ голову младенца мужескаго пола. Мать молитъ богиню Куаницъ о низпосланіи на младенца благословенія; отецъ произноситъ при свидѣтеляхъ имя его, которое употребляется одно и то же для дѣтей обоего пола. *Чо-мингъ*, или школьное имя дается мальчику при вступленіи въ школу. Наставникъ преклоняется передъ налоемъ, на которомъ написано имя одного изъ мудрецовъ, и ему посвящаетъ новобранцевъ. При вступленіи на гражданское поприще, юноша получаетъ еще новое имя, *куангъ-мингъ*. При бракосочетаніи также оно обновляется, и все съ новымъ торжествомъ.

Digitized by Google

Китай, какъ мы сказали, славится домашними и публичными торжествами. Новый годъ въ Китаѣ, который совпадаетъ съ первыми числами Февраля, празднуется публично. Съ приближеніемъ жданнаго и желаннаго дня, мастерскія закрываются, и толпа наводняетъ улицы; воришки также принимаютъ въ празднествѣ большое участіе, приводя въ дѣйствіе ремесло свое. Важныя фигуры снуютъ передъ глазами, съ вѣтками, украшенными бѣлыми цвѣтами. Знакомые посылаютъ другъ другу жареныхъ поросятъ и другіе дары. Нищіе въ этотъ день являются въ самомъ безобразномъ видѣ; пачкаютъ рожи свои мѣломъ и углемъ, иногда украшаютъ ихъ кровавыми царапинами, кутаются въ лохмотья, вѣроятно, для возбужденія состраданія. На улицѣ Та-тунг-кан располагается ярмарка. Тамъ лаковыя, стеклянныя и разныя галантерейныя вещицы продаются несравненно дешевле, нежели въ лавкахъ. Должно думать, что эти товары, при сведеніи годовыхъ счетовъ, сбываются въ убытокъ.

Сочельникъ передъ новымъ годомъ ознаменовывается ракетной трескотней. Тѣснота въ улицахъ необычайная; но въ самый новый годъ наступаетъ снова тишина и спокойствіе. Всякій надѣваетъ лучшее свое платье, а простонародье щьетъ себѣ къ этому дню новое. Знатные люди разъѣзжаютъ въ носилкахъ съ посѣщеніями. Огромныя визитныя карточки ихъ краснаго цвѣта, съ черными буквами.

Въ 1845 году мы видѣли въ Кантонѣ другое празднество, въ честь божества Тай-тзеу, хранителя жилищъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по всѣмъ улицамъ были развѣшены голубыя, красныя и желтыя ткани, представляющія цвѣта солнца и неба. Ко всѣмъ домамъ были прикрѣплены полки, уставленныя картонными и разкрашенными изображеніями боговъ. Повсюду были развѣшены люстры и фонари; оглушительный громъ *гонговъ* и цимбалъ раздавался повсюду. На перекресткахъ разыгрывались сцены, и истуканчики боговъ приводились въ движеніе засаженными внутрь картоннаго божества крысами. Китайскія религіозныя празднества требуетъ различной музыки: одни соверша-

Digitized by Google

ются подъ звукъ громкой *гонги* и цимбалъ, другія требуютъ струннаго орудія.

Мы имѣли случай осмотрѣть домъ богатаго Пун-тинг-куа, тотъ самый, въ которомъ живутъ его жены и который славится однимъ изъ богатѣйшихъ въ странѣ. Къ несчастію, хозяинъ дома былъ на ту пору въ отсутствіи, и одинъ изъ его агентовъ былъ нашимъ путеводителемъ.

Мы прошли маленькій передній дворъ, изъ котораго широкая дверь вела во второй дворъ, обставленный главнымъ корпусомъ зданія, украшеннаго съ фасада рѣзными балконами и окнами. Мы вошли на лѣстницу и прошли рядъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой рѣзными перегородками тонкой работы, съ разноцвѣтными стеклами. Мебель вездѣ тяжела и угловата, но изъ дорогаго дерева; стѣнки креселъ выложены расписнымъ мраморомъ, полы чернаго дерева, съ перламутровой насѣчкой, безукоризненно изящны; въ альковахъ устроены кушетки, покрытыя упругими узорными циновками и устланныя мягкими подушками. Общій характеръ украшеній составляетъ общій характеръ самихъ Китайцевъ: изысканность и мелочность.

Осмотрѣвъ главное отдѣленіе дома, мы вошли въ лабиринтъ корридоровъ, по которымъ водилъ насъ миловидный ребенокъ, сынъ законной жены Пун-тинг-куа. Мы перешли и поднялись по лѣстницѣ въ новое отдѣленіе, превосходящее пышностію все, что я видѣлъ. Рѣзное дерево и фантастическіе рисунки изумительны. Оттуда снова мы вышли въ садъ, гдѣ, по Китайскому обычаю, были нагромождены маленькія скалы, и черезъ маленькіе пруды перекинуты маленькіе мостики. Сераль Пун-тинг-куа раздѣленъ на особенныя помѣщенія для каждой изъ женъ его. Пун-тинг-куа заплатилъ за главную супругу свою 2,000 піастровъ, а за наложницъ своихъ до 70,000 франковъ. Осемь изъ нихъ живутъ въ разныхъ частяхъ города для избѣжанія домашнихъ ссоръ.

Въ загородномъ домѣ или на дачѣ этого богатаго обывателя Кантона мы не мало были удивлены, увидѣвъ мо-

Digitized by Google

дель паровоза и автоматъ Европейской женщины, которая лежала на кушеткѣ, и представилась намъ видѣніемъ.

Sing-song или сценическія представленія въ Китаѣ начинаются адской музыкой на цимбалахъ, гонгахъ, бубнахъ, на скрипкахъ объ одной струнѣ, на кларнетахъ и тромбонахъ. Мы присутствовали на представленіи комедіи въ нѣсколько актовъ, которая началась съ того, что мужъ упрекаетъ жену свою за то, что она старѣетъ. Можно себѣ представить гнѣвъ и отчаяніе обиженной супруги. Тогда мужъ раскаявается въ несправедливости, но ищетъ напрасно мира: жена не можетъ уняться и даже царапаетъ ногтями лице оскорбителя. Напрасно бѣдный мужъ плачетъ и отираетъ лице руками. За тѣмъ слѣдуютъ сцены взаимнаго гнѣва, и потомъ взаимнаго примиренія. Нравственный выводъ этой пьесы вѣроятно тотъ, что супруги должны старѣть вмѣстѣ, не замѣчая того другъ другу, и не жалуясь на естественныя измѣненія, причиняемыя годами. Роль женщины исполнялъ, по обычаю, мужчина, потому что Китаянки не участвуютъ въ sing-song. Во время представленія жесты, походка и голосъ актеровъ какъ будто съ намѣреніемъ удаляютъ отъ истины, и представляютъ самое безобразное и смѣшное зрѣлище. Такія представленія даются на улицахъ, на площадяхъ, въ храмахъ и дворцахъ. За неимѣніемъ оркестра, актеры стараются подражать пронзительнымъ звукамъ ихъ инструментовъ.

Въ Кантонѣ мало богоугодныхъ заведеній. Въ немъ одна глазная больница и другая для изувѣченныхъ; богадѣльня для незаконнорожденныхъ и для пораженныхъ проказою.

Первоклассныя школы содержатся частными лицами. Иногда нѣсколько семействъ соглашаются взять одного учителя. Кромѣ того въ городѣ находится тридцать приготовительныхъ къ экзаменамъ училищъ, также независимыхъ отъ правительства.

Высшія ученыя степени достигаются съ величайшимъ трудомъ. Студенты подвергаются строжайшимъ испытаніямъ; изъ огромнаго числа кандидатовъ не болѣе 60 или 80 удостоиваются патента. Эти избранники тотчасъ же становятся важ-

Digitized by Google

ными лицами, получаютъ право ѣздить верхомъ и въ носилкахъ. Они могутъ даже удовольствоваться этой степенью и не претендовать на высшую испытаній Пекина.

Дѣти богатыхъ и высшихъ сословій могутъ домогаться на эти высшія степени учености. Народъ вообще имѣетъ обо всемъ только начальныя понятія; за то не найдется въ Китаѣ даже служителя неграмотнаго. Замѣчательно, что, при такомъ образованіи мужчинъ, образованіе женщинъ совершенно ничтожно. Женщины низшихъ классовъ не знаютъ ни читать, ни писать. Жены мандариновъ получаютъ первоначальныя понятія о правилахъ языка, но главное занятіе ихъ состоитъ въ рукодѣльяхъ и музыкѣ.

Удивительно, какъ легко и не сложно управленіе Кантона. Весь гарнизонъ состоитъ изъ 6 или 8,000 дрянныхъ солдатъ; только у нѣкоторыхъ заставъ города имѣются гауптвахты. Въ Китайцахъ, кажется, врожденна привычка къ строгой дисциплинѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, крѣпкое устройство семейное помогаетъ этому замѣчательному устройству цѣлаго. *Кули* — Китайцы низшаго сословія, изливаютъ всѣ негодованія и ссоры свои словесно, почти никогда не прибѣгая къ дѣйствію. Мѣщанскій классъ удивительно вѣжливъ: безпрерывно видишь поклоны и слышишь подобострастное *чин-чинъ*. Но въ этихъ привѣтахъ нѣтъ ничего непріятно-принужденнаго. Они очень простодушны и не церемонны въ обращеніи; войдя къ пріятелю, безъ приглашенія набиваютъ себѣ трубку и наливаютъ всегда готовый на поставцѣ чай. Такое обхожденіе принадлежитъ среднему классу, а высшій мандаринскій наблюдаетъ строгій этикетъ и отличается благосклонностію къ подвластнымъ.

Въ Кантонѣ безпрерывно тревожатъ жителей пожары, которые происходятъ не отъ однихъ случайностей. Народонаселеніе этого города всегда было неспокойно. Татарскіе побѣдители имѣли наиболѣе труда покорить и поработить провинцію *Куанг-тунгъ*. Въ ней до сихъ поръ существуютъ тайныя секты, внушающія опасенія правительству. *Общество трехъ соединенныхъ силъ* (*неба, земли и человѣка*) наиболѣе безпокоило власти. Оно имѣетъ политическія цѣли

Digitized by Google

и организовано на образецъ масоніи, имѣетъ свои испытанія, уложенія, правителей и свои знаки, по которымъ узнаетъ сподвижниковъ своихъ даже въ Малайскомъ архипелагѣ.

Жители Кантона отличаются ненавистію къ иностранцамъ; самое имя *фан-куаи*, которымъ они величаютъ Европейца, есть уже обида. Ихъ ненависть проявляется на каждомъ шагу. *Фан-куаи* годенъ имъ только на то, чтобы получать отъ него какъ можно больше денегъ. Разумѣется, что въ Кантонѣ найдется довольно просвѣщенныхъ людей, которые отдаютъ должную справедливость иностранцамъ и оказываютъ имъ всякое уваженіе глазъ-на-глазъ и публично.

Впрочемъ случается почти всегда, что тотъ же человѣкъ, который ненавидитъ иностранцевъ въ массѣ, очень учтивъ и обходителенъ съ ними въ личныхъ отношеніяхъ. Войдите къ зажиточному Китайцу, и онъ приметъ васъ со всѣмъ изъявленіемъ Китайскаго гостепріимства: всплеснетъ, по обычаю, руками и сдѣлаетъ нѣсколько привѣтливыхъ наклоненій головы, съ повтореніемъ *чин-чинъ*, необходимаго Китайскаго здравствованія. Тотчасъ принюсятъ вамъ неизбѣжную чашку чаю съ настоемъ листковъ. Чашку покрываютъ металлическимъ рѣзнымъ колпачкомъ, сквозь который втягиваютъ въ ротъ ароматную влагу; за тѣмъ, самъ хозяинъ подаетъ вамъ кальянъ изъ бѣлой мѣди и порцію желтоватаго табаку, похожаго на сухой мохъ. Для зажженія трубки употребляются особенно приготовленныя палочки изъ толченаго душистаго дерева и какого-то состава, который неугасимо теплится у олтаря предковъ и распространяетъ въ комнатѣ благовоніе.

Китаецъ, какъ истый владѣлецъ, любитъ показывать свое жилье и сады. Что касается до женщинъ, то надо отказаться отъ желанія ихъ видѣть; но, сдѣлавъ эту уступку обычаямъ Востока, можно быть увѣреннымъ, что въ отношеніи къ путешественнику не будетъ забыто ни малѣйшее вниманіе, ни малѣйшая предупредительность. Да и лучше ли примутъ вовсе незнакомаго гражданина Небесной имперіи въ домѣ какого-нибудь Европейца?

Digitized by Google

Съ народами, имѣющими сношенія съ Китаемъ, Кантонцы обходятся не одинаково. Въ ихъ поведеніи съ иностранцами существуютъ чуть замѣтные оттѣнки, которые не слѣдуетъ однако оставлять безъ вниманія. Къ Англичанамъ питаютъ въ Кантонѣ рѣзко обозначившуюся антипатію. Благотворительныя учрежденія ихъ въ продолженіе послѣднихъ годовъ не изгладили еще въ народѣ воспоминаній войны 1841 и 1842 гг. Между тѣмъ какъ учрежденія эти должны бы были внушить Кантонцамъ нѣкоторое уваженіе къ народу, которому они обязаны ими. Прежде всего должно указать на медицинское общество Англійскихъ и Американскихъ протестантскихъ миссій. Это общество устроило больницы въ разныхъ портахъ, открытыхъ Нанкинскимъ трактатомъ. Кантонская больница извѣстна подъ названіемъ глазной (Ophtalmic Hospital), отъ того, что въ нее принимаютъ множество людей, пораженныхъ глазными болѣзнями. Больницей этой управляетъ Американецъ, пасторъ и докторъ Паркеръ, человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, любезный, какъ нельзя больше, и обладающій обширными свѣдѣніями въ медицинѣ и въ особенности по части хирургіи. Чудесноуспѣшное леченіе доктора Паркера внушило огромную довѣренность Китайцамъ, которые каждый день толпятся въ пріемной залѣ, и являются лечиться отъ такихъ болѣзней, которыя слывутъ смертельными у всѣхъ туземныхъ врачей. Паркеръ снялъ, съ полнымъ успѣхомъ, множество катарактъ; вылечилъ также счастливо нѣсколько извѣстнаго рода опухолей, которыя такъ часты и такъ страшны у Китайцевъ. Самъ вице-король Кингъ-ингъ прибѣгалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ премудрому (сирѣчь, ученому) доктору, по случаю какой-то накожной болѣзни, которая давно уже мучила вице-короля. Выздоровѣвши въ скорости, благодаря попеченію Паркера, вице-король изъявилъ ему свою благодарность письмомъ самымъ обязательнымъ.

Медико-миссіонерское общество (Medical missionery society) основано въ 1838 г. Больницы содержатся, во-первыхъ, благотворительностію и щедростію Англичанъ и Американцевъ, пребывающихъ въ Китаѣ, потомъ пожертвованіями,

Digitized by Google

которыя присылаются изъ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Тѣ, которые задумали устроить это прекрасное и благотворительное учрежденіе, имѣли въ виду столько же политику, сколько и человѣколюбіе. Они знали, что лучшее средство показать преимущества ихъ края обществу мало образованному, заключается въ надѣленіи его благодѣяніями человѣколюбія и науки. Впрочемъ цѣль этихъ учрежденій не только политическая и человѣколюбивая, но вмѣстѣ и религіозная. Большая часть агентовъ медицинскаго общества въ одно и то же время и врачи и пастыри. Понятна вся сила вліянія, которую придаетъ имъ это двойное званіе и какъ распюлагаетъ оно несчастнаго, которому спасаютъ они жизнь, къ слушанію ихъ увѣщаній. Отъ этого въ сѣверюмъ Китаѣ и въ Кантонѣ встрѣчается много обращеній, совершенныхъ этими врачами-миссіонерами, которые часто въ одномъ и томъ же человѣкѣ находятъ пламеннаго неофита для распространенія ихъ пропаганды, и дѣятельнаго и искуснаго ученика для вспомоществованія имъ въ больницахъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СИНІЕ БѢСЫ.

ПОВѢСТЬ АРМАНА ДЕ БАРАНТОНА.

I.

Гастонъ Рингіеръ поступаетъ рѣшительно: онъ отправилъ къ чорту богатаго дядю, у котораго только и заботы, что благополучіе племянника. Это добрѣйшій дядя въ мірѣ; Гастонъ *любитъ* его какъ отца; но никогда не могли они поладить: за каждымъ восхожденіемъ солнца слѣдовала у нихъ непремѣнно ссора и за каждой ссорой разрывъ. Гастонъ бѣднякъ, и дядя, по обычаю, думаетъ пронять его голодомъ, однако торжествуетъ не иначе, какъ послѣ благороднаго сопротивленія. Гастонъ не пошлый упрямецъ: это малый съ душой и дарованіемъ; въ часы досады онъ отряхаетъ съ себя тину лѣности, и является на миръ съ трофеями побѣды. Тогда суровый дядя получаетъ, въ видѣ укоризны, посвященіе какого-нибудь музыкальнаго труда своего инсургента, какой-нибудь новый вальсъ, кадриль, блестящій отрывокъ, иногда купонъ въ *ложу* новаго представленія; дважды непріязнь доходила до комической оперы. Еще нѣсколько междоусобныхъ браней, и Гастонъ составитъ себѣ имя.

Сегодня Гастонъ непокорнѣе обыкновеннаго.

Digitized by Google

— Я хочу женить тебя, — говоритъ дядя, — хочу женить тебя на Луизѣ Добиньи; ты любишь ее, ты самъ признавался мнѣ въ томъ, ты говорилъ, что и она тебя любитъ.

— Позвольте, дядюшка. Я точно сказалъ вамъ, что люблю Луизу Добиньи; но какъ истолковали вы эту любовь?

— Какъ истолковалъ? Разумѣется, самимъ нравственнымъ образомъ; а ты объ этомъ какъ толкуешь повѣса? сказалъ дядя, начиная раздражаться.

— Я понимаю эту любовь еще нравственнѣе, дядюшка. Я ограничилъ ее правомъ подать ей платокъ и работу или поднять ножницы, и сердце мое беретъ въ томъ на столько участія, на сколько его нужно для того, чтобы прикосновеніе пальчика ея производило во мнѣ безподобное ощущеніе. Съ своей стороны я на столько заставилъ себя любить, чтобы имѣть право передавать ей, безъ опасенія и разбора всякой вздоръ, который приходитъ мнѣ въ голову, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть увѣреннымъ, что эта хорошенькая женщина слушаетъ мой вздоръ съ наслажденіемъ и находитъ его глубокомысленнымъ или остроумнымъ. Такія отношенія имѣютъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ волненій. Иногда по утрамъ я испытываю маленькія отчаянія, въ полдень большія радости, ввечеру значительныя досады. Эта любовь подстрекаетъ мысль мою; благодаря этой любви, я погрѣшаю противу четырехъ самыхъ пріятныхъ грѣховъ: то ревность, то гнѣвъ приводятъ въ движеніе кровь мою, то гордость надуваетъ, мое самолюбіе, то лѣнь наводитъ на меня упоительные сны гашиша, однимъ словомъ, я счастливъ, я думаю объ ней и она обо мнѣ думаетъ. Я могу мечтать, какъ сладко было бы провести вмѣстѣ съ Луизой цѣлую жизнь, эта мечта воспламеняетъ и удовлетворяетъ меня. Сердце Луизы отвѣчаетъ моему, и мы разыгрываемъ чудную фантазію, нѣжную какъ вздохъ, легкую какъ баллада, граціозную какъ Пери, летучую какъ сонъ, а вы, вы, дядюшка, готовите этому призраку самую грубую развязку, пошлую и простонародную; окончить женитьбой такой милый ро-

Digitized by Google

манъ, значитъ перевести на Прусское просторѣчіе сказку Вольтера. Дядюшка! дядюшка! подите.... на биржу.

Отъ этого послѣдняго слова, произнесенного презрительно, дядя не поморщился.

— Ты все сказалъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, дядюшка, не все, потому что въ душѣ моей гнѣздится еще другая страсть.

— Другая комедія?

— Нѣтъ не комедія, да что говорить объ томъ. Любовь такой элементъ, на которомъ мы съ вами всегда расходимся въ два противоположные полюса; поговоримъ лучше о предметѣ болѣе положительномъ. Дядюшка, одолжите мнѣ пятьсятъ франковъ.

— Убирайся къ чорту.

Дядя банкиръ обернулся къ племяннику спиною и сдѣлалъ, выражаясь сценическимъ терминомъ, фальшивый выходъ.

— Убирайся къ чорту! убирайся къ чорту!

— Дядюшка я хочу ѣхать въ Гамбургъ.

— Въ Гамбургъ? — Дядя вернулся.

— Хочу пуститься въ обороты, составить состояніе.

— Такимъ же образомъ какъ покойный отецъ твой, мой братецъ. Ты способенъ выстроить домъ для того, чтобъ разрушить его и продать матеріалъ.

— Но если эта продажа будетъ выгодна?

— Какимъ образомъ?

— Можно покупать на кредитъ и продавать на чистыя деньги.

— Повѣса, ты, кажется, занимаешься этимъ ремесломъ съ тѣхъ поръ, какъ существуешь, каждый луидоръ твоего расхода обходится мнѣ во сто франковъ.

— За то каждый луидоръ вашихъ кліентовъ пополняетъ ущербъ.

— Да, но это пополненіе я пріобрѣтаю, тогда, какъ ты....

Digitized by Google

— Вы сердитесь, дядюшка, а когда вы сердитесь, вы то и дѣло разстегиваете, застегиваете и перестегиваете сертукъ, это раздражительно дѣйствуетъ на мои нервы вы не хотите дать мнѣ пятьсотъ франковъ, ваша воля, я найду ихъ безъ васъ, я даже найду ихъ вопреки вамъ....

— Посредствомъ вальсовъ и полекъ, Богъ помощь.

— Я завтра отправляюсь, дядюшка; нѣтъ ли порученія?

— Попроси перваго жандармскаго командира схватить тебя и посадить въ тюрьму до окончанія твоей жизни.

— Прощайте, дядюшка, я буду увѣдомлять васъ о моихъ успѣхахъ.

— О твоихъ сумасбродствахъ.

Дядя съ усиліемъ захлопнулъ дверь.

— Добрый старикъ дядя, нельзя однакожъ не сознаться, что онъ правъ. Я искренно люблю Луизу, да; но и Матильду вѣдь люблю точно также. Я нахожусь въ положеніи извѣстнаго комическаго лица; не знаю, которую изъ нихъ люблю сильнѣе, ту или другую, кажется, Матильду, если впрочемъ не Луизу.

И Гастонъ въ смущеніи сталъ вычислять права обѣихъ на его сердце,

«Правда, что Луиза милѣе, красивѣе и почти лучше. Матильда капризнѣе ея; но вчера еще я поцѣловалъ руку Луизы, тогда какъ больше трехъ мѣсяцевъ не видалъ Матильды; Луизѣ много портитъ то, что она живетъ въ Парижѣ, близехонько отъ меня; я знаю все, что она дѣлаетъ, знаю всю ея жизнь и часъ ея обѣда, тогда какъ Матильда явилась мнѣ и исчезла сладкимъ сномъ. Къ Луизѣ везетъ меня каждый день по адресу извощикъ, тогда какъ къ Матильдѣ я долженъ отправляться на гипогрифѣ моего воображенія.

Еще обстоятельство. Дядюшка находитъ Луизу хорошенькой: судя по вкусу его она должна быть дурна и непріятна. Неужели я ошибся?

Не хорошо и то, что Луизу и меня успѣли уже просватать, тогда какъ въ отношеніи Матильды не было и

Digitized by Google

помину ни о какой женидьбѣ. Надобно также сознаться, что Луиза любитъ меня искренно, а Матильда давнымъ давно успѣла позабыть, и ясно, какъ пельзя яснѣе то, что я люблю Матильду, потому что нѣтъ никакого сравненія между счастіемъ обладать сердцемъ и счастіемъ добиваться этого обладанія.

Однимъ словомъ, Луиза существенность, счастіе подъ рукою, женщина которая любитъ. — Матильда сонъ, невозможность, сильфъ, который дразнитъ и улетаетъ.

Мнѣ стоитъ представиться подъ покровительствомъ дядюшки, и дѣло въ шляпѣ, Луиза моя, достатокъ любви и счастія пріобрѣтенъ на всю жизнь. Но развѣ каждому дню не довлѣетъ злоба его, и развѣ ужъ наступаетъ зима и пора запасаться такимъ образомъ? — Запасъ любви! женидьба въ мои дѣта похожа на застраховку противъ оспы и другихъ случаевъ сдѣлаться непріятнымъ любви; но если судьба отстранитъ эти случаи, тогда женидьба ни что другое, какъ отложенная на черный день сумма, скопленная въ доброе время наслажденія. Къ томужъ, каждый изъ насъ знаетъ, кого онъ любитъ, а кто можетъ знать, на комъ онъ женится?

Луиза миленькая женщина; но стоитъ протянуть руку, чтобъ получить ее, тогда какъ надо переплыть океанъ невѣдомаго, чтобъ приблизиться къ Матильдѣ. Ура, Матильда! Тебя, тебя люблю, путеводитель, звѣзда моя! и бѣгу занять пятьсотъ франковъ у моего издателя. Это первый и гигантскій подвигъ.

Гастонъ позабывалъ и проповѣдь, и гнѣвъ дяди, и свои стѣсненныя обстоятельства, и убѣдительное краснорѣчіе, которое слѣдовало заготовить для издателя его музыкальныхъ трудовъ. Онъ сладко мечталъ о любви и странствіи. Однакожъ, какъ будто на зло себѣ, онъ мечталъ такъ же и о средствахъ. При идеѣ денегъ онъ приходилъ въ негодованіе, перебиралъ весь лексиконъ изобрѣтенія промотавшихся: золото химера, подлый металлъ, и пр.; но напрасно, великолѣпный воздушный замокъ, въ которомъ поселился онъ съ

Digitized by Google

Матильдой, Луизой и другими, весь былъ уклеенъ *эффектами* на Лондонскихъ банкировъ.

Онъ отворачивалъ голову для того, чтобъ развлечь себя отъ такихъ видѣній, помрачившихъ нѣжную его фантазію. Но *эффекты* на банкировъ пестрѣли передъ глазами его, и когда опускалъ онъ взоръ долу, земля покрывалась свертками луидоровъ, когда подымадъ ихъ къ небу, надъ головой его сплетались гирлянды изъ квитанцій должниковъ.

— Ну такъ чтожъ, вскричалъ Гастонъ, потому что Гастонъ, какъ уже сказано, поступалъ рѣшительно: — такъ чтожъ такое, для чегожъ и не подумать мнѣ о золотѣ, почему не помечтать и о роскоши и о щегольствѣ; я терпѣть не могу счастія по-Беранжеровски. Одни дряхлые старики воображаютъ себѣ, что молодой человѣкъ не долженъ думать о деньгахъ, что такія мысли доказываютъ черствость чувства, ощущеній и идей. «Въ ваши лѣта, говорятъ они, я носилъ подметки, ходилъ слушать Тальму въ раекъ, былъ скроменъ въ требованіяхъ, не помадилъ и не завивалъ волосъ; голова моя была обыкновенно овиномъ, а руки красны и исцарапаны; я любилъ трагедію и носилъ вывороченное платье.» Чтожъ изъ этого слѣдуетъ, на васъ было гадко смотрѣть и все тутъ. Я бы простилъ вамъ такія рѣчи, я бы могъ не назвать васъ завистниками, еслибъ вы, не вкусивъ наслажденій юности, умѣли пользоваться наслажденіями другаго возраста, успокоиться въ семейномъ счастіи, зарыться въ серьёзныхъ трудахъ; но вы, которые толкуете такимъ образомъ, вы разслабленные, неизвѣстнымъ чудомъ еще бабочки Сан-Мартина, вы чортъ знаетъ, какъ убивая ваше время въ зачетъ потерянному времени, корите молодежь, и за то, что я люблю Луизу и Матильду, вы называете меня заносчивымъ и лѣнивымъ. — Заносчивымъ! да, есть отъ чего! — Лѣнивымъ! да вѣдь это меня очень занимаетъ!....

Размышляя такимъ образомъ изъ софизма въ софизмъ, Гастонъ незамѣтно дошелъ до лавки своего издателя. Жуткое чувство пробѣжало по его тѣлу. Составивъ на скоро аргументъ, довольный вступленіемъ, онъ вошелъ смѣло.

Digitized by Google

Три часа говорилъ Гастонъ, не запинаясь, не сбившись съ толку, не переводя духа. Изумленный, отуманенный издатель не проронилъ не словечка, и чѣмъ меньше понималъ, тѣмъ внимательнѣе слушалъ. Извѣстно всѣмъ, что всякое понятіе, какъ бы свѣтло оно ни было, не выдержитъ этого новаго *вертепнаго* ораторства. Это капли воды, проточивающія камень.

Послѣ трехъ часовъ Гастонъ всталъ и, какъ слѣдуетъ, отказался отъ значительнаго задатка, который предложила ему внезапно его жертва. Онъ откланялся, и выходя продолжалъ развивать теорію и проэктъ своего музыкальнаго искусства и осыпать издателя своего обѣщаніями доставить ему больше неодолимостей и *трудностей*, нежели звуковъ. Въ современной музыкѣ это значитъ: больше масла чѣмъ хлѣба. Больше *трудностей* нежели звуковъ! Бѣдный издатель хотѣлъ поцѣловать Гастона.

— Видите ли, говорилъ модный сочинитель, много есть хорошаго въ Тальбергѣ и Листѣ, довольно порядочной гимнастики; скрещиваютъ руки, скрещиваютъ пальцы, скрещиваютъ локти, ложатся на фортепьяно; но мои идеи обширнѣе; я пойду далѣе: я принужу играющаго крестить ноги на педаляхъ, и вмѣстѣ невѣроятнымъ движеніемъ рукъ исполнить маленькое музыкальное па, о которомъ со временемъ вы скажите мнѣ свое мнѣніе.

— Прощайте, прощайте, я скажу вамъ только то: если будетъ какая-нибудь возможность играть мою музыку, вы пришлете мнѣ ее назадъ.

Издатель не помнилъ себя отъ очарованія. Гастонъ изъ учтивости остановился сказать еще нѣсколько словъ, и купецъ просилъ позволенья отрѣзать на память лоскутокъ сертука знаменитаго, великаго, несравненнаго Гастона.

Они подошли уже къ порогу, пожимая другъ другу руки.

— Такъ какъ вы уѣзжаете,— сказалъ издатель,— то извольте получить хотя пятьсотъ франковъ на дорогу: въ пути встрѣчаются непредвидимыя надобности.

.....

Digitized by Google

Въ людяхъ пишущихъ, мыслящихъ и другихъ имѣющихъ претензію на проницательность, встрѣчается странная манія, манія судить о предметѣ или о человѣкѣ, судить о немъ всецѣло, какъ говорится насквозь, по какой-нибудь видимости, и именно по той, которая покажется на взглядъ самой пустой и незамѣчательной.

Это презамысловатый и остроумный способъ обманываться.

Извѣстно всѣмъ, что Кювье, великій Кювье, по маленькой косточкѣ, принесенной съ каменоломенъ Монмартра, воссоздалъ допотопную обезьяну самой огромной породы, съ бѣлымъ значкомъ на правой сторонѣ груди и придумалъ ей Греческое имя. Спустя нѣсколько дней, было достовѣрно развѣдано, что эта маленькая косточка откололась отъ правой руки тамбуръ-мажора 60-го линѣйнаго, полка, который повѣсился въ слѣдствіе несчастной любви. Остатки скелета и отрывокъ письма его были отысканы. Leucomazima gigas былъ никто другой, какъ тамбуръ-мажоръ, жертва страсти.

Что ни говори Виргилій, дерзость вывода порой выслуживаетъ у судьбы одну насмѣшку. А въ частной жизни ошибка влечетъ за собою даже нѣкоторую опасность.

Напримѣръ, можетъ иногда случиться, что въ добрую пору конца обѣда, вы будете очень умно доказывать, что человѣкъ, носящій фальшивые воротники и шелковыя перчатки, или бездѣльникъ, или глупецъ, потому что, прибавляете вы глубокомысленно, человѣкъ, который носитъ бумажныя перчатки по произволу или по необходимости, бережливъ и не хочетъ знобить руки, но въ шелковыхъ перчаткахъ есть претензія на щегольство, неловкое щегольство — такой щеголь непремѣнно глупецъ, или хуже того!....

Восхищаясь тонкостію своей собственной проницательностію, съ многоглаголаньемъ, которое возбуждается однимъ шампанскимъ, покуда вы разточаете подъ этимъ приговоромъ, виньетки, цвѣты и головки, встаетъ изъ-за стола уважаемый вами наиболѣе человѣкъ, и указывая на васъ, говоритъ своему сверстнику:

— Этотъ болтунъ обѣдаетъ у меня три раза въ недѣлю, занимаетъ у меня деньги, хочетъ жениться на моей дочери

Digitized by Google

и доказываетъ своему будущему тестю что онъ во-первыхъ бездѣльникъ а во-вторыхъ глупецъ.

.....

Но чтожъ дѣлать съ случаями и ошибками? это все отрывки философіи. Къ томужъ, удовольствіе стоитъ того, чтобъ рискнуть, какъ хотите, а пріятно ораторствовать передъ слушателями подобно Мольеровскому врачу.

Вы, осторожные и терпѣливые наблюдатели, хотите, для настоящей оцѣнки человѣка съѣсть съ нимъ предварительно бочку соли,— опишите мнѣ только, какимъ образомъ онъ поклонится, войдя въ комнату, или даже меньше того, назовите мнѣ цвѣтъ его халата, я вамъ опишу нравъ его, ремесло, скажу, какъ зовутъ жену его и разскажу всю подноготную. — Въ самомъ дѣлѣ, но вѣдь это будетъ магнетизмъ, солмнамбулизмъ, это чары!!.... Вы наблюдатели вы знаете только то, что видите, я вижу все то, что угадываю.

Слушатели пялятъ глаза и видятъ туманъ. Это манія въ повѣтріи. Гастонъ называетъ ее глубиной.

Намедни разсказывалъ онъ мнѣ свои похожденія:

— Бьюсь объ закладъ, говорилъ онъ между прочимъ, что гораздо скорѣй и полнѣй можно узнать человѣка, глядя на его портретъ, нежели на него самого.

— Это какимъ образомъ?

— А вотъ увидишь, чтобъ дать тебѣ полное понятіе о моей жизни и между тѣмъ избавить тебя отъ описанія лицъ, которыя входятъ въ повѣствованіе этой жизни, я покажу тебѣ ихъ намалеванныхъ на полотнѣ.

По этому случаю я прочелъ ему вышеписанную тираду о легкомысліи судей и цѣнителей; Гастонъ подвелъ меня къ первому портрету.

Я поднялъ глаза на великолѣпную позолоченную рѣзную раму.

— Видишь ли: рамка блистательна, изображеніе сходно, а какова кисть? рука выворочена, какъ будто локоть у него на сгибѣ. Что, узналъ?

— Узналъ; только живопись отвратительна.

Digitized by Google

— Это, мой милый, дядя мой, дядюшка Петръ Рингіеръ, пышный коммерческій маклеръ и банкиръ.

Мы подошли къ другому портрету — прекрасная магистратская голова. Гастонъ хотѣлъ пройти мимо.

— Этого оставимъ. Это портретъ отца, писанный на память послѣ его смерти. Какъ онъ блѣденъ! прибавилъ онъ съ чувствомъ. О, заимодавцы, взгляните на эту морщину надъ бровями его, я слѣдилъ за ея протяженіемъ. Эта морщина сложнаго интереса, долги прорыли ее на благородномъ челѣ. Не безпорядокъ и расточительность наложили на него эту обузу, отецъ не тратилъ даромъ ничего, бывъ моралистомъ по убѣжденію и экономомъ по нравственности; онъ имѣлъ одинъ великій порокъ, — онъ былъ страстнымъ, пылкимъ акціонеромъ, безмѣрнымъ акціонеромъ, акціонеромъ отъ сердца. Не было и не могло существовать ни одного родника Сан-Берена, ни одной подвижной печи, которая не присполнила бы воображенія, и къ несчастію, бюро моего отца сладкими грезами на зеленой, фіолетовой и желтой бумагѣ.

На спекуляціяхъ разорился онъ и умеръ, оставя мнѣ въ наслѣдство сто купоновъ *генеральнаго предпріятія воздухоплавательныхъ шаровъ изъ Парижа въ Нью-Іоркъ.* Но что за надобность толковать! Весь этотъ разсказъ не написанъ ли на лбу его! Бѣдняжка! его морщина изображаетъ типъ.

Эти фамильные портреты показываютъ читателю діагностику Гастона, и вмѣстѣ, съ тѣмъ служатъ метрикой или поколѣнной росписью, видомъ, съ которымъ долженъ представиться всякій порядочный герой романа.

— Вотъ вина моей нищеты, сказалъ Гастонъ, и вѣроятно, чтобъ отклонить грустный тонъ мысли, схватилъ лежавшій на столѣ античный *necessaire* изящной отдѣлки, выдернулъ незамѣтную булавочку, пожалъ пружинку, открылъ досточку, закрылъ другую, и какъ будто колдовствомъ являлись и исчезали передо мной тайны Лилипута; это былъ чудесный маленькій баульчикъ.... Я приходилъ въ изумленіе. Гастонъ торжествовалъ; но здѣсь я долженъ остановиться въ нѣкоторомъ затрудненіи.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ N*)

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЛАЧЪ ЭРМІОНЫ.

(Изъ поэмы Колуѳа * «Похищеніе Елены.»)

Солнце окончило путь свой, и мракъ воцарился повсюду;
Тихо спустился на землю и сонъ, утѣшитель печальныхъ;
Сонмамъ видѣніямъ Эосъ двоякія двери отверзла:
Тогда изъ однѣхъ, украшенныхъ рогомъ блестящимъ,
Дивные сны излетѣли, правдивые вѣстники неба;
Ложные сны изъ другихъ, родящіе смутныя грезы.

Парисъ межъ тѣмъ изъ дворца, на досчатый помостъ корабельный,
Отъ Менелаева брачнаго ложа уводитъ Елену;
Даромъ прекрасным Цитеры гордясь, и съ собою въ отчизну
Брани губительной бремя неся, въ Иліонъ поспѣшаетъ.

---

* Колуѳъ, Греческій поэтъ, жилъ, какъ полагаютъ, въ царствованіе Анастасія, т. е. въ концѣ V, или въ началѣ VI вѣка; изъ всѣхъ его сочиненій сохранилась только эта небольшая поэма, найденная случайно кардиналомъ Бессаріономъ, въ 30-хъ годахъ XV вѣка. Въ первый разъ была она напечатана Альдомъ Мануціемъ въ 1505 году, и послѣ того, въ разное время, вышло около тридцати изданій ея, въ переводѣ почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ: это, кажется, можетъ служить доказательствомъ ея достоинства. — Не зная, къ сожалѣнію, Греческаго языка, я переводилъ ее съ *подстрочнаго* Латинскаго перевода, обогащеннаго множествомъ комментарій, справляясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ Французскимъ и Нѣмецкимъ переводами въ прозѣ, которые также были у меня подъ руками. Эта поэма будетъ напечатана вполнѣ въ собраніи моихъ стихотвореній, которыя выйдутъ въ непродолжительномъ времени. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Съ первыми денницы лучемъ Эрміона, раскинувъ по вѣтру
Легкій покровъ головы, утопала въ слезахъ; воздыхая,
Вышла она изъ чертоговъ, и вѣрныхъ рабынь призывая,
Имъ, раздирающимъ голосомъ, скорбная, такъ говорила:

«Гдѣ, о рабыни, повѣдайте, гдѣ моя милая матерь?
Вмѣстѣ со мною вчера вошла она вечеромъ въ спальню,
Вмѣстѣ со мною на ложе легла, и сномъ позабылась»....

Такъ говорила она, обливаясь слезами; рабыни
Вѣрныя, сѣтуя съ нею, сбирался къ ней отовсюду,
И стараясь утѣшить печальную, такъ говорили:

«Полно печалиться, бѣдная! матерь твоя удалилась,
Но вѣдь она возвратится, и горькія слезы осушитъ.
Жалостно видѣть, какъ горесть ланиты твои помрачила,
Какъ затуманили слезы твои лучезарныя очи!
Матерь, быть можетъ, пошла на собраніе женъ новобрачныхъ,
И, возвращаясь домой, заблудилась и ищетъ дороги
Съ думой заботливой; или въ долину священную къ Орамъ
Вышла она, и сидитъ на росистомъ лугу, отдыхая;
Или, быть можетъ, отправясь въ родимой рѣкѣ искупаться,
Медлитъ покинуть она серебристыя волны Эврота.»

Громко рыдая, на то отвѣчала имъ юная дѣва:

«Знаетъ и гору она, и теченье рѣки, и дорогу
Къ лугу росистому знаетъ.... Къ чему ваши рѣчи, рабыни?
Звѣзды угасли однѣ, а она среди скалъ отдыхаетъ!
Ярко другія зажглись, и желанная къ намъ не приходитъ!
Гдѣ ты, родная, въ какихъ ты поляхъ иль горахъ заблудилась?
Или ти стала добычей дубравныхъ звѣрей кровожадныхъ?
Но вѣдь и звѣри страшатся высокаго Зевсова рода.

Digitized by Google

Иль съ колесницы своей ты упала, и тѣло родимой,
Пылью земною объятое, въ дикой дубравѣ осталось?
Но я сама обошла всѣ густые лѣса, до листочка,
Многовѣтвистыя всѣ осмотрѣла деревья, но тѣла
Тамъ твоего не нашла, и винить не могу я дубраву.
Или во время купанья священныя воды Эврота,
Тайно тебя поглотивъ, унесли въ безпредѣльное море?
Но и въ рѣкахъ, и въ морской глубинѣ обитаютъ Наяды,
И никогда онѣ гибели женамъ земнымъ не наносятъ.»

Такъ горевала она, и, поникнувъ усталой главою,
Тихо уснула, и Смерти товарищъ, Сонъ благотворный,
Слезныя очи сомкнулъ ей: онъ равнаго рода съ сестрою,
И надъ смертными съ ней облечемъ одинаковой властью.
Такъ, удрученныя горемъ, нерѣдко, въ слезахъ утопая,
Сномъ забываются жены, закрывъ утомленныя очи.

Юная дѣва, объятая грезами сна, увидала
Матерь свою, разлученную съ ней, и съ глубокою грустью,
И съ укоризною къ ней обратилась во снѣ, и вскричала:

«Ахъ! для чего ты вчера удалилась изъ дома роднаго,
Бѣдную кинувъ меня, на отцовскомъ уснувшую ложѣ?
Сколько я горъ не прошла? на какіе холмы не взбиралась?
Такъ ли къ союзу любви убѣгаютъ отъ брачнаго *ложа*?»

Ей отвѣчала на то прекрасная дочь Тиндарея:

«Дочь! огорченная дочь! не меня ты вини въ преступленьѣ:
Странникъ, вчера приходившій, похитилъ меня, вѣроломный!»

Такъ говорила Елена. И юная дѣва проснулась
Съ воплемъ, и матери милой не видя, вскричала, рыдая:

Digitized by Google

«Птички, воздушные жители! вольныя пташки, летите
Въ Критъ, поспѣшайте къ отцу, и повѣдайте тамъ Менелаю:

Мужъ вѣроломный вчера приходилъ въ Лакедемонъ, и тайно
Изъ дому онъ твоего украшенье чертога похитилъ!»

Такъ, утопая въ слезахъ, оглашала окрестность, и тщетно
Матери милой искала, скитаяся, юная дѣва.

Но, миновавъ Геллеспонтъ, съ городами земли Циконійской,
Прибылъ съ невѣстой Парисъ къ воротамъ Дарданова града.
Съ воплемъ густые власы разбросавъ, растерзала одежды,
Съ башни высокой завидя чету, молодую Кассандра.
Но, привѣтно врата отворивъ величавыя, Троя
Въ стѣны свои приняла виновника бѣдствій грядущихъ.

Ѳ. Миллеръ.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКІЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Во всякомъ проявленіи общественномъ, равно и въ юридическихъ символахъ и формулахъ, высказанныхъ пословицами, выражается духъ и характеръ народный со всѣми особенностями историческаго его развитія. По этому многія изъ Русскихъ народныхъ пословицъ, притчей и даже поговорокъ служатъ отголосками и фактами древняго юридическаго быта, памятниками символическихъ дѣйствій и судебныхъ формулъ обычнаго права. Это право, предшествовавшее законодательству, слагается въ народѣ такъ же неприметно, какъ его физіогномія, языкъ и характеръ; освященное незапамятною древностью и безмолвнымъ согласіемъ народа, оно проникаетъ жизнь семейную и общественную. Какъ народное Славяно-Русское право, по общему уставу человѣчества, развивалось посредствомъ обычаевъ, кои составляютъ выраженіе всей жизни народной; то первичною его формой была *пословица*, этотъ обычный способъ изъясненія мыслей: она означала не только поговорочное сужденіе или *языкъ на сговоръ*[1], но и совѣщаніе, согласіе, взаимный договоръ, какъ свидѣтельствуютъ намъ памятники древней Русской письменности.[2]

Въ Русскихъ юридическихъ пословицахъ подъ частною, случайною формой является намъ не столько опредѣленное

---

[1] Исторія Росс. Іерархіи. VI.

[2] См. Введеніе къ Русскимъ пословицамъ и притчамъ. М. 1848, въ 8.

Digitized by Google

содержаніе понятій, сколько направленіе и характеръ юридической жизни Русскаго народа; ибо понятіе въ нихъ проводится черезъ чувство, возможность соединяется съ дѣйствительностію, фактъ съ догмою. Сколько представляютъ онѣ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ на процессы и разные случаи юридической жизни изъ разныхъ вѣковъ! Какъ часто правда и право говорятъ въ нихъ голосомъ народа! Не рѣдко онѣ повторяютъ слова самыхъ законовъ.

Ежели между юридическими явленіями должна существовать членовная, органическая связь и непосредственное отношеніе; то надобно ее предполагать и въ юридическихъ пословицахъ, сколь бы онѣ ни представлялись разрозненными; приведенныя же въ связь съ исторіею [1], нравами, обычаями и преданіями, онѣ укажутъ намъ слѣды союза родоваго, племеннаго, общиннаго и гражданскаго, изъ коего, время отъ времени, онѣ вытекали и усвоивались народу, какъ завѣтное его достояніе. Въ совокупности съ миѳами, сказками и пѣснями, онѣ представляютъ матеріалы не только къ познанію обычнаго права, но даже личности и самобытности народа. Вотъ почему Европейскіе юристы, по справедливости, признаютъ ихъ за источники кореннаго права, за остатки неписьменныхъ и основанія письменныхъ законовъ.

Ко времени пріурочиваютъ пословицу не столько данныя, не всегда ей принадлежащія, сколько содержаніе и смыслъ; ибо она сама есть фактъ жизни народной. Если не всегда можно доказать изъ лѣтописей и грамотъ древность многихъ пословицъ, за то онѣ сами по себѣ составляютъ неоспоримое, гласное свидѣтельство своей давности, своей эпохи и того быта, изъ коего онѣ проистекли; коренныя основы гражданскаго быта остались однѣ и тѣ же въ продолженіе всей нашей исторіи. Между тѣмъ въ числѣ ихъ встрѣчаемъ такія, коихъ вѣкъ и смыслъ объясняются намъ грамотами и лѣтописями, или областными

[1] Объ историческомъ значеніи Римскаго права въ области наукъ юридическихъ, Профессора *Н. Крылова*. М. 1838, въ 4.

Digitized by Google

обычаями и преданіями, въ цѣлости сохраненными. При сличеніи уцѣлѣвшихъ до нашего времени пословицъ съ старинными ихъ сборниками, не рѣдко, что̀ мы почитали новымъ, то̀ неоспоримо принадлежитъ къ древности, и наоборотъ. Иногда чисто юридическая пословица, измѣненная въ одномъ словѣ, получила другой характеръ въ бытѣ народномъ.

Какъ въ жизни Русскаго народа, такъ и въ его пословицахъ, юридическій элементъ часто слитъ съ религіознымъ и нравственнымъ отъ взаимнаго, сроднаго имъ соприкосновенія. Многія изъ нихъ, проникнутыя духомъ вѣры и нравственности, составляютъ завѣтныя правила и уставы жизни семейной и общественной, съ коими народъ согласуетъ свои мысли, чувствованія и дѣйствія.

Хотя пословицы вполнѣ и не обнимаютъ всѣхъ частей права и не могутъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на всѣ юридическіе вопросы; за то сами предлагаютъ такія задачи изъ быта семейнаго, народнаго и общечеловѣческаго, кои не всегда могутъ разрѣшить юристы. Не смотря на обиходность и простоту выраженія, смыслъ нѣкоторыхъ юридическихъ пословицъ столь глубокъ и важенъ, что онѣ заслуживаютъ такія же диссертаціи, какія имъ посвящали знаменитые Европейскіе юристы.

Источниками ихъ были семейный и родовой судъ, мірскія сходки, земскія вѣчи, княжескіе съѣзды, рѣшенія святительскаго и княжескаго суда, объявленныя всенародно, площадныя рѣчи, окончательные приговоры судебные, въ родѣ *причитаній* при наказаніи виновнаго, каковы, напримѣръ: «Не бей челомъ и не затѣвай на господина своего ложно!» — «Не величайся и не ставься честнымъ человѣкомъ!» [1] — «Не называй боярскія сѣни болдыремъ!» и т. п. Самыя слова письменныхъ законовъ, примѣненныя народомъ къ своему насущному быту, вошли въ составъ пословицъ, какъ проявленія юридической жизни.

[1] Акты Юридическіе. Спб. 1838, въ 4 д.

Digitized by Google

Первыя юридическія понятія о правѣ высказались въ первичной формѣ своей — краткихъ, складныхъ и мѣткихъ изреченіяхъ, кои отъ частаго употребленія въ жизни обратились въ народныя пословицы. Какъ родовыя заповѣди, онѣ передавались отъ одного поколѣнія другому, изъ семейнаго быта въ племенной, общественный, гдѣ нравы и обычаи предшествовали законамъ, гдѣ получило прочную основу семейное право, еще не перешедшее въ область законодательства.

Такъ было въ Славянскомъ мірѣ, гдѣ всѣ племена состояли изъ отдѣльныхъ родовъ, кои жили *на своихъ мѣстахъ* [1] и управлялись отдѣльно. Соединяли ихъ общественныя дѣла, коихъ не могъ рѣшить семейный судъ, напр. уголовныя преступленія и споры о наслѣдствѣ. Сколь ни близки были между собою роды, или земляки [2], по единству происхожденія отъ одного поколѣнія, по взаимному сочувствію и быту; но, какъ говоритъ старая пословица, *Родъ племя близко, а свой родъ ближе;* потому что каждый родъ особенно управлялся своимъ старѣйшиною или главою (владѣя кождо своимъ родомъ), каждый судилъ семейныя дѣла, наприм: жену, нарушившую долгъ супружества, дѣтей, непокорныхъ родителямъ, и разбиралъ ссоры челядинцевъ. Такіе родовые суды, подобно Римскимъ judicia domestica, встрѣчаются намъ въ законахъ Душана, гдѣ сказано въ § 38, что «глава семейства судитъ ссоры отроковъ и что они повинуются его приговору;» а Болеславъ II казнилъ тѣхъ мужей, которые оставляли безъ наказанія невѣрныхъ женъ. [3] Права главы семейства и семейнаго суда яснѣе высказываются намъ въ народныхъ пословицахъ: *Въ своей семьѣ всякъ самъ большой; Свой домъ, своя воля*, или, какъ говорятъ Чермноруссы: *Чія хата, того правда*, т. е. право; *Щей горшокъ, да самъ большой; Хозяина пить больше; Свой судъ короче*, и т. д. Властью семейной поддерживался порядокъ

---

[1] «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» *Лѣтоп. Нест.* по Лаврентьевскому списку. М. 1824. стр. 5.

[2] «Отъ рода моего.» *Товита* I, 17, II, 3.

[3] *Москвитянинъ*, 1846 г. N 3, стат. П. В. Кирѣевскаго.

Digitized by Google

и согласіе въ семействахъ; за нарушеніе правъ и обязанностей она подвергала виновныхъ отеческому, исправительному наказанію, въ томъ убѣжденіи, что *Гдѣ грозно, тамъ и честно*; потому *Туча не безъ грому, а хозяинъ не безъ содому*, т. е. не безъ грозы и гнѣва.

Какъ жены, въ древности пріобрѣтаемыя куплею или похищеніемъ, составляли личную собственность мужей, то онѣ совершенно отъ нихъ зависѣли. Когда въ союзѣ супружескомъ личныя, фактическія отношенія мужа къ женѣ еще не опредѣлены были юридически; тогда этотъ союзъ скрѣпляли разумъ и власть одного, любовь и покорность другой. *Мужъ былъ главою, а жена душею.* Въ такомъ духѣ Владиміръ Мономахъ завѣщавалъ дѣтямъ своимъ: «женъ своихъ «любить, но не давать имъ власти надъ собою;» потому что, прибавляютъ пословицы: *Женѣ волю давать, добра не видать; Жена безъ грозы хуже козы; Не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣетъ.* Какъ супружескій союзъ изстари заключался волею родителей, а не произволомъ дѣтей: то женщина, переходя изъ власти родительской во власть мужнину, признавала острастку не только ея выраженіемъ, но и доказательствомъ любви; потому что она ограничивала ея шаткую волю и охраняла нравственность отъ поползновеній. Въ тѣ вѣка, когда физическая сила преобладала надъ нравственною, когда нравы были просты до грубости, такое сознаніе обратилось въ предубѣжденіе (извѣстное въ древности не только у Славяноруссовъ, но и у Французовъ и Нѣмцевъ), что: *Кто жены не бьетъ, тотъ и милъ не живетъ; Милый ударитъ, тѣла прибавитъ; Милаго побои не долго болятъ; Жену люби, какъ душу, а тряси, какъ грушу; Бей шубу, будетъ теплѣе; бей жену, будетъ милѣе.* Пословицы сіи не выдумки, не балагурство частныхъ людей, но подлинное изображеніе прежняго народнаго быта, нравовъ и обычаевъ, въ древности общихъ боярину и крестьянину; потому что и бояре съ своими боярынями едва ли не такъ же поступали въ домашней жизни, какъ и крестьяне съ крестьянками, до тѣхъ поръ, пока не раздвоилась жизнь семейная новыми обычаями и пока юридически не опредѣлены были отношенія

Digitized by Google

мужа къ женѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ не однѣ преданія, пословицы, пѣсни [1] народныя, но и сказанія иностранныхъ очевидцевъ въ XVI и XVII вѣкахъ. Герберштейнъ говоритъ, что «жена Россіянка не увѣрена была въ любви сво«его мужа безъ частыхъ отъ него побой.» Шведъ Петрей приводитъ въ доказательство тому одно судебное дѣло и употребительное слово на Руси: *ты меня не любишь; ты меня не бьешь.*

Вдали отъ столицъ и доселѣ еще не вывелся такой обычай старины, который однакожъ не разстроиваетъ, но утверждаетъ согласіе между супругами; потому что основывается на любви одного, грубо выражаемой, и покорности другой сильнѣйшему, какъ своему защитнику и руководителю. *Хоть деритесь, хоть бранитесь,* говоритъ пословица, *но не расходитесь. Мужъ съ женою бранится, а подъ одну шубу ложится.* Такъ въ старину *гроза* мужнина охраняла *честь* женщину! Вотъ почему въ первый день брака новобрачная вручала своему мужу символъ его власти — *плетку*, которая, по старой пословицѣ, *не му́ка, а впредь наука.* Какъ Князья *держали* свои отчины, такъ и мужья женъ, *честно и грозно.* Въ этомъ утверждали не только старые обычаи, но и слова Св. Писанія, указывающаго *женѣ бояться своего мужа.* Хотя выраженіе отношеній мужа къ женѣ въ послѣдствіи измѣнилось, но смыслъ его остался тотъ же; только нравственное преимущество замѣнило физическую силу.

О послабленіи и потворствѣ женамъ пословицы говорятъ, какъ о вредномъ отступленіи отъ старинныхъ обычаевъ, ведущемъ къ безпорядку и разстройству въ семействѣ, гдѣ *все вверхъ-дномъ пойдетъ*, когда жена возьметъ верхъ надъ мужемъ. *Женѣ спускать, въ чужихъ ее домахъ ис-*

---

[1] Тоже подтверждаетъ и народная пѣсня къ Смоленской и Олонецкой губерніяхъ:

Ахъ! что это за мужъ,
Молоду жену не бьетъ.
Бей жену къ обѣду,
Къ ужину снова да опять,
Чтобъ щи были горячи,
Каша мясляная!

Digitized by Google

кать; Мужъ согрѣшитъ, такъ въ людяхъ грѣхъ; жена согрѣшила, домой принесла. Противуобычная власть жены надъ мужемъ сравнивается пословицей съ зловѣщимъ пѣніемъ курицы: *Не пой, курища, пѣтухомъ, не ходи баба мужикомъ*, или, какъ говорятъ старые Французы: la poule ne doit pas chanter devant le coq. Таковы старые, уже обветшалые обычаи, столь несогласные съ духомъ и характеромъ нашего вѣка! Сами пословицы новаго времени указываютъ намъ на рѣзкую противоположность стараго съ новымъ, говоря: *Въ стары годы, бывало, мужъ жену бивалъ; а нынѣ жена мужа бьетъ;* [1] *Не то смѣшно, что жена мужа бьетъ, а то смѣшно, что мужъ плачетъ.* Coutume de Senlis 1375 г. говоритъ: «мужья, позволившіе женамъ бить себя, осуждаются ѣхать на ослѣ, сидя лицемъ къ хвосту.» [2]

Жребій и имущество у мужа съ женою въ семейномъ правѣ признавались общими: *Куда мужъ, туда и жена; У мужа и жены все общее; У жены на мужѣ долгъ, порукой волкъ.* Пословицы наши опредѣляютъ естественное назначеніе одного обращать свою дѣятельность къ жизни общественной, внѣшней, а удѣлъ другой — болѣе ограничиваться жизнію внутренней, домашнимъ кругомъ. Какъ мужъ бываетъ чаще внѣ дома, а жена въ домѣ: то *Отъ мужа пахнетъ вѣтромъ, а отъ жены дымомъ*, или *Жена пряди рубашки, а мужъ тяни гужи!* Вотъ отъ чего символъ матери семейства и жизни домашней у Русскихъ было *веретено*, у Римлянъ и Франковъ *прялица*, давшая поводъ къ праву прялицы (droit en quenouille). У первыхъ *веретено* относилось къ праву семейному, у другихъ *прялица*— къ праву государственному, коимъ женщины устранялись отъ престола и участія въ дѣлахъ государственныхъ. Салическій этотъ законъ основанъ на библейскомъ изреченіи, что *крины*, т. е. лиліи, *селныя не прядутъ.* [3] А какъ въ

---

[1] Это, нешутя, подтверждаетъ намъ сочинитель *Быта Русскаго народа*, путешествовавшій по Европѣ: «Въ Европѣ жены сѣкутъ «своихъ мужей за то, что они даютъ имъ волю!» VI, 200.

[2] Origines du droit francais, par Michelet. Paris, 1837, in 8.

[3] Св. Матѳея Евангг. VI, 28.

Digitized by Google

гербѣ Франціи находились лиліи: посему и заключили, что женщины, коимъ свойственно прясть, не могутъ наслѣдовать престола! Русская же пословица: *Знай, баба, свое кривое веретено,* — значитъ: знай свои домашнія дѣла и не вмѣшивайся въ мужнія, не въ свои!

За союзомъ супружескимъ слѣдуетъ союзъ дѣтей съ родителями, опредѣляемый не однимъ понятіемъ права, но природою и нравственностью. *Нѣтъ такова дружка, какъ родимый батюшка и родимая матушка.* Обычай и вѣра строго поддерживали почтеніе къ родителямъ и исполненіе дѣтскихъ обязанностей, утверждая за ними полную власть, еще неопредѣленную законами, дали имъ право учить добру дѣтей и удерживать отъ пороковъ страхомъ и грозою, какъ подтверждаютъ пословицы: *Учи жену безъ дѣтей, а дѣтей безъ людей; Учи дитя, пока поперекъ лавочки лежитъ, а какъ вдоль лавочки ляжетъ, тогда поздно учить; Кому Богъ далъ дѣтей, учи ихъ и бей! Ненаказанный сынъ безчестіе родителю.*

Пословицы наши отчасти касаются и правъ наслѣдства, кои основываются на преимуществѣ мужескаго поколѣнія предъ женскимъ, на предпочтеніи ближайшихъ родственниковъ дальнимъ. Такъ *Сестра при братѣ не вотчинница,* и не наслѣдница; посему *Имѣніе идетъ не въ кольцо, а въ свайку.* Выданная замужъ дочь, по старой пословицѣ, *какъ отрѣзанный ломоть,* не участвуетъ въ наслѣдствѣ послѣ родителей при братьяхъ и невыданныхъ въ замужство сестрахъ. Также *Шуринъ по зятѣ не наслѣдникъ.* По примѣненію одной и той же пословицы въ правахъ къ различнымъ случаямъ, и Русская *Своя рубашка къ тѣлу ближе,* равно какъ и Нѣмецкая Das Hemd iſt mir näher, als das Rock, можетъ означать, что тотъ ближайшій наслѣдникъ, кого завѣщатель болѣе любилъ. [1]

Пословицы, слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ родоваго начала изъ семейственнаго, касаются нравственныхъ отношеній тестя и тещи къ зятю, свекра и свекрови къ

[1] D. I. F. Eiſenhart's Grundſätze der drutſchen Rechte in Sprüchwörtern. 3 Aufl Leipz. 1823, in 8.

Digitized by Google

невѣсткѣ, и т д. *У тестя въ рукахъ не приданое; Тесть любитъ честь, зять любитъ взять, а теща дать; Зять по дочери помилуетъ; а сынъ по невѣсткѣ опостылѣетъ; Не для зятя собаки, а для милаго дитяти; Съ сыномъ бранись, за печь гребись; а съ зятемъ бранись, за дверь хватись;* потому что, *Умерло теля, миновалось племя; Ни въ сывороткѣ сметаны, ни въ зять племени.* Какъ свекоръ для невѣстки заступалъ мѣсто отца, а свекровь мѣсто матери: то обычай и свойство обязываютъ ее покорностью названнымъ родителямъ, а тѣмъ даютъ право наблюдать за ея поведеніемъ и пріучать ее къ хозяйству, какъ свою помощницу и преемницу. Это высказывается въ пословицахъ: *Свекоръ батюшка застоюшка, свекровь матушка заборонушка; Свекоръ гроза, а свекровь выбьетъ глаза; Свекровь кошку съчетъ, а невѣсткѣ навѣтки даетъ; Всѣ въ избѣ спятъ, а невѣсткѣ молоть велятъ; Сноха на дворъ, а свекровь на столъ.* Пословицы также намекаютъ на случайное, мѣстное отступленіе отъ нравственнаго закона въ родственномъ союзѣ, гдѣ приведенная невѣстка, по большей части, молодая жена несовершеннолѣтняго мужа, всегда окружена то свекромъ, еще не старымъ, то деверьями молодыми, именно: *Свекоръ невѣсткѣ обычный другъ* и *Деверь невѣсткѣ обычный другъ; Сѣла невѣстка прясть, берегите деверья глазъ*; и т. д. Не напоминаетъ ли это нравовъ и обычаевъ Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, у которыхъ, по словамъ Нестора лѣтописца, и «срамословіе предъ оци и «предъ снохами и браци не бываху въ нихъ, но игрища «между селы!» Слѣдственно они не имѣли, какъ Поляне, «стыдѣнія ко снохамъ и къ деверьямъ.» Подобныя исключенія встрѣтимъ въ жизни почти всякаго народа. *Грѣхъ не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.*

Какую власть имѣлъ въ семейномъ и родовомъ союзѣ отецъ надъ дѣтьми, такую жъ хозяинъ дома, какъ владѣлецъ надъ рабами, слугами, холопами, смердами, что видно изъ древнихъ уставовъ и пословицъ.

Враждебныя отношенія рабовъ къ господамъ выражаются нѣкоторыми пословицами, напр: *Холопское слово,*

Digitized by Google

что рогатина; Рабъ невѣрный господину, тать безмѣрный. Холопъ не принимался въ свидѣтели противъ господина. «А холопъ и роба начнетъ водить на господу, тому вѣры не яти.» [1] Это самое потомъ выразилось и въ положительныхъ законахъ.

Кромѣ холоповъ полныхъ, обѣльныхъ и кабальныхъ, наши пословицы напоминаютъ *о смердахъ*, которые составляли низшій класъ земледѣльцевъ, податныхъ, и вообще простой народъ, чернь: *смердъ, смердій сынъ*, какъ видно изъ лѣтописей и самыхъ пословицъ, издревле было ругательнымъ, позорнымъ именемъ, напр. *Хоть не пой меня медомъ, да не зови смердомъ; Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ; Смердомъ жить не хочется, а дворяниномъ не можется.*

Какъ бояре и слуги могли свободно переходить отъ одного удѣльнаго Князя къ другому, такъ до XVI вѣка безземельные крестьяне отъ одного землевладѣльца-помѣщика къ другому; за недѣлю до Юрьева дня и спустя недѣлю, возобновлялись, или прекращались условія, дѣлался разсчетъ по силѣ договора. Какъ *вольному была воля, а ходячему путь:* то крестьяне помѣщичьи и монастырскіе перевозились (отказывались) съ одного мѣста на другое съ *житомъ* и *животомъ*, т. е. съ движимымъ имуществомъ, по пословицѣ, *Куда голова, туда и животъ.* Естественно, что съ такими самовольными переходами неразлучны были ссоры и тяжбы, обременительныя для помѣщиковъ, разорительныя для крестьянъ; у однихъ нерѣдко пустовала земля, другіе, *какъ овцы безъ пастыря*, становились бродягами, нищими и ворами. *Воля*, какъ гласитъ опытная пословица, *заносила въ неволю.* Для прекращенія такой неурядицы Государи Россійскіе съ XVI вѣка дѣлали опыты прикрѣплять крестьянъ къ землѣ и чрезъ то тѣснѣе соединить ихъ съ помѣщиками матеріальнымъ и нравственнымъ союзомъ. Нако-

[1] Собраніе Государ. грамотъ, I, № 3. *Русская Правда*: «А въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть.»

Digitized by Google

нецъ совершенно уничтоженъ этотъ переходъ, отъ коего, по словамъ лѣтописца, «причинились великія крамолы, «ябеды и насилія;» но воспоминаніе объ немъ осталось къ извѣстной поговоркѣ, примѣняемой къ разнымъ случаямъ жизни: *Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!*

Съ размноженіемъ родовъ въ общихъ поселеніяхъ, изъ патріархальной власти начальника племени образовалась совокупная власть начальниковъ различныхъ родовъ, какъ естественный переходъ къ общественному устройству. Вмѣстѣ съ этимъ уже родовая власть является въ лицѣ старшаго или главы въ старшемъ поколѣніи, вождя, воеводы, Князя [1], или въ общемъ собраніи отцевъ семействъ, ихъ представителей [2]; она давала младшимъ *статью, нарядъ, уставъ*. Это было вѣче племенное, совѣтъ цѣлаго племени, которое что *сдумаетъ*, т. е. рѣшитъ, опредѣлитъ, на томъ станетъ и все племя. Въ рѣшеніяхъ своихъ они *укрѣплялись межи собою*, т. е. обязывались взаимною клятвою. Съ тѣмъ вмѣстѣ должны возникнуть права, освященныя обычаемъ, общимъ согласіемъ и вѣрованіями, по коимъ опредѣлялись взаимныя отношенія народа; ибо у Славянскихъ племенъ «кождо имѣяху «свой нравъ и обычай отецъ своихъ.» Нравы и обычаи служили и даже именовались *законами*, [3] или принятыми обычаями. Такой образъ исконнаго патріархальнаго правленія, основанный на завѣтныхъ обычаяхъ и преданіяхъ, или, какъ они говорили, *на старинѣ, на пошлинѣ*, соотвѣтствовалъ простотѣ ихъ быта и нравовъ, согласовался съ общимъ ихъ происхожденіемъ. Ближайшимъ тому свидѣтелемъ Несторъ лѣтописецъ; онъ говоритъ, что въ народныхъ совѣщаніяхъ «на томъ утверждались, что старѣйшины задумаютъ.» *Гдѣ старья*, гласитъ пословица, *тамъ и статья*, т. е. и уставъ. *Старый старикъ лучше семи молодыхъ; Старый воронъ да-*

---

[1] *Мацѣевскаго* Hist. praw. Slow. I.

[2] Энциклопедія Законовѣдѣнія, соч. Професс. *Неволина*. т. I. Кіевъ, 1839 г. въ 8.

[3] *Χαζάρων ἔθνος καὶ ζάκανον*. *Constantini Parph.* de administratione imperii, cc. 8 — 38. Дюканжъ слово *ζάκανον* называетъ варварскимъ, не знавъ, что оно Славянское.

Digitized by Google

ромъ не каркнетъ; потому что онъ издревле почитался *вѣщею птицею.* Приговоры старшихъ обращались въ ходячія пословицы, кои приводимы были къ подобнымъ случаямъ, какъ уставы. По мѣрѣ развитія родоваго союза, возникаетъ понятіе о личной собственности и ея раздѣленіи, съ тѣмъ вмѣстѣ понятіе о правѣ силы и противудѣйствія ему. Слѣды этого находимъ въ пословицахъ: *Что мое, то мое, что твое, то твое; Въ своемъ добрѣ всякъ самъ большой; Свое береги, а чужое не бери; Тѣмъ добро, что всѣмъ ровно; На дѣлу́ не обидь, а тамъ хоть все разберн; Домъ дому не указъ; Братъ мой, а умъ у него свой,* или, *пшь хлѣбъ свой!* Въ другихъ пословицахъ представляются намъ общія правила поведенія въ родовомъ союзѣ: *Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ; Родъ племя близко, а свой родъ ближе; Свой своему по неволѣ другъ; Братъ брату полоса мяса,* или *головой въ уплату.* Къ родовому суду, безъ сомнѣнія, также относились пословицы: *Свой судъ короче; Двѣ (свои) собаки грызутся, а третья (чужая) не приставай; Въ семьѣ не безъ урода,* или, какъ сказано въ Исландской сагѣ: Einn er ökvisi vettar hverrar. [1] Въ старинной пословицѣ: *Худая трава изъ поля вонъ,* напоминается намъ старинный судебный обычай на Руси, согласный съ Византійскимъ правомъ (изженути), *выбить изъ земли,* или *изметнути изъ земли* [2] татей и пустить ихъ на всѣ четыре стороны. Преданіе народное гласитъ, что *поклонныя горы* были позорищемъ такого выбитія изъ земли. Если кого увѣщанія и наказанія не могли исправить, то выводили его на поклонную гору и пускали на всѣ четыре стороны, какъ говорится: *Съ ангелами ликуй, да съ нами не буды!* Изгоняемый долженъ былъ поклониться св. церквамъ роднаго края, и оставить его. Въ древнихъ Нѣмецкихъ и Готскихъ законахъ выбитый изъ земли и лишенный покровительства законовъ назывался vogelfrei и warg, wargus, т. е. волкъ и разбойникъ. [3]

---

[1] Журналъ Мин. Нар. Просв. 1837, Окт. стр. 83.

[2] Акты Археограф. Экспедиціи, I, № 224. *Градскаго закона,* 48, гр. 39, ст. 14.

[3] Deutsche Alterthümer von *Jac. Grimm.* Gotting. 1828, in 8.

Digitized by Google

По изгнанін заморскихъ Варяговъ, когда племена Славянскія, Чудскія, Мерянскія и Кривскія на Руси «стали «володѣти сами въ собѣ,» когда не стало въ нихъ правды и одинъ родъ возсталъ на другой: тогда они убѣдились въ необходимости правителя, Князя, что *безъ пастуха не стадо.* «Вся земля наша велика и обильна,» сказали ихъ послы къ Варягамъ-Руси, «а наряда въ ней нѣтъ.» Призванные правители, поселясь на Руси съ родами своими, правили ею каждый въ своей волости до тѣхъ поръ, какъ власть перешла въ руки одного. Изъ сознанія необходимости единой власти, съ началомъ государственнымъ, родилась въ Русскомъ народѣ пословица: *Вѣра володарю, заборало Русскому* [1]. Тогда недостатокъ *правды, наряда* восполненъ введеніемъ въ жизнь племенъ, въ ихъ бытъ законовъ, учрежденій и обычаевъ Германскихъ: обычай мести ограниченъ закономъ, опредѣлявшимъ случаи ея употребленія, преступленія — вирами, т. е. денежными взысканіями съ преступниковъ. Германскій элементъ выразился въ судоустройствѣ, Славянскій въ судопроизводствѣ; одно предоставлено было Князем своимъ тіунамъ, вирникамъ и отрокамъ, другое усмотрѣнію и дѣятельности земляковъ, туземцевъ. Такой переходъ отъ родоваго союза къ племенному, къ общественному, государственному устройству, подъ вліяніемъ Варяго-Руссовъ, долженъ отозваться въ пословицахъ, еслибъ всѣ онѣ сохранялись до нашего времени, и еслибъ сличить Скандинавскія, изъ коихъ Г. Сабининъ представилъ намъ нѣсколько примѣровъ. [2] Онѣ находятся въ Гавамалѣ, приписываемой Скандинавами Одину, и въ Исландскихъ сагахъ. Различіе жъ нравовъ и обычаевъ у разныхъ племенъ въ отдѣльныхъ княжествахъ высказано пословицей, характеризующей разноплеменную Россію: *Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай, что подворье, то повѣрье.*

Въ слѣдъ за вотчиннымъ правомъ вошедшая Христіанская вѣра начала распространять въ народѣ свое божест-

[1] О народной поэзіи Славянскихъ племенъ, *І. Бодянскаго.* Москва. 1837 г. въ 8.

[2] Журналъ Министерства Народн. Просв. 1837, Окт. стр. 83.

Digitized by Google

венное ученіе, которое выразилось въ его понятіяхъ, въ уставахъ земскихъ, слѣдств. и въ пословицахъ, противоположныхъ прежнимъ, родившимся въ язычествѣ. Тогда Церковь утвердилась средоточіемъ общины, посредницею въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ св. вѣра, освятившая весь родственный союзъ, внесла раздѣленіе въ юридическую жизнь Славяно-Руссовъ, гдѣ открывалась борьба между прежними юридическими обычаями языческаго судопроизводства и уставами Церковнаго права; что однѣ допускали, напр. многоженство, произвольный разводъ, продажу дѣтей, жребій, родовую месть, поединки судебные, испытаніе желѣзомъ и огнемъ — то другіе запрещали. [1] Съ того времени стали входить постепенно въ наши пословицы элементы Греко-Римскаго права, напримѣръ: *Давность не малый свидѣтель*, χρόνια βέβαιος μάρτυς ἐς ἀλήθειαν; *Кто старѣе, тотъ правѣе*, Qui prior tempore, potior jure; *Гдѣ мужъ, тамъ и жена*, Uxor sequitur jus et conditionem mariti; *Нужда законъ перемѣняетъ*, или *Нужда закона не знаетъ*, Necessitas non habet legem; *Законъ назадъ не дѣйствуетъ*, Lex ad praeterita trahi nequit; *Рука руку моетъ, знаетъ*, Manus manum lavat; *Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ*, Legatus non caeditur, neque violatur, и пр.

Между тѣмъ какъ продолжалась такая борьба въ періодѣ удѣловъ, форма древняго обычнаго правленія сохранялась еще въ народѣ.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ N.*)

---

[1] Объ историч. значеніи Римскаго права, Профессора *Н. Крылова*. Москва, 1838, въ 4.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКІЯ ЮРИДИЧЕСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

(*Окончаніе.*)

Издревле представителемъ общины былъ *міръ*, *согласіе*, выражающій не личность, но земство; ибо онъ состоялъ изъ земляковъ, одинаковыхъ по правамъ и обязанностямъ, владѣвшихъ общею имъ землею. Этотъ деревенскій міръ, сходку, Сербы называютъ *свѣтомъ*[1], Бѣлоруссцы *суіомомъ*, Малороссіяне *громадою*. Народныя пословицы, разсматривая міръ съ разныхъ сторонъ, изображаютъ какъ его силу и самосудность, такъ равно опрометчивость и строптивость; напр: *Міръ великое дѣло*; *Міръ судитъ одинъ Богъ*; *Отъ міра прочь, не мірянинъ*; *Мірская шея толста*; *Міръ тонокъ да дологъ*; *Въ мірѣ не безъ уродовъ*; *Міръ силенъ, какъ вода, а глупъ, какъ свинья*. Въ деревенской, сельской, мірской сходкѣ или стоянкѣ не рѣдко выражался пословицей совокупный голосъ цѣлой деревни, цѣлаго села, или, какъ называютъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи, цѣлой *уѣзди*. Міръ отвѣчалъ *голова въ голову* въ бою, грабежѣ и повинностяхъ; ручался *круговою порукою*. Такая порука (universalis fideijussio, gesammt Bürgschaft) у древнихъ Славянъ была особеннымъ юридическимъ учрежденіемъ, которое подтверждается и Русскими пословицами: *Что міру, то и бабину сыну*; *Воръ воруетъ, а міръ горюетъ*, потому что за него отвѣчаетъ. Изъ поручныхъ XVI вѣка видно, что поручники *ставили свои головы* вмѣсто того, за кого ручались, и *животы свои вмѣсто его живота*[2].

Но обратимся къ дѣйствіямъ мірской сходки.

На такомъ соборѣ старѣйшины судили и рядили дѣла мірскія, земскія, *по старой памяти*, *какъ по грамотѣ*, когда въ древнихъ общинахъ и ихъ представителяхъ соединилось семейное начало съ земскимъ, власть законодательная и судебная съ исполнительною. Произнесенные ими приговоры,

[1] См. Сербскій словарь Вука *Стеф. Караджича*, Вѣна, 1818. въ 8.
[2] Акты юридическіе, I, N 316.

Digitized by Google

равно какъ мнѣнія цѣловальниковъ, огнищанъ, житіевъ и добрыхъ людей, объявленныя предъ лицемъ міра и его начальника, тіуна, боярина, князя или княжескаго намѣстника, переходили въ народъ пословицами. Въ смѣсномъ и святительскомъ судѣ Владыка, или его Намѣстникъ также ссылались на мірскіе приговоры, какъ на принятыя правила, тоже что въ Римскомъ правѣ: res similiter perpetuo judicatae. Въ спорныхъ дѣлахъ обыкновенно, избирались посредниками, отвѣтчиками и судьями, а въ сдѣлкахъ послухами т. е. свидѣтелями, *добрые*, *лучшіе*, *лѣпшіе*, *великіе*, *нарочитые люди*, которые были «душею прямы и животомъ проживочны» [1]. Такъ въ Германскихъ законахъ Rachimburgii, gute Männer, Rachmanner, отчасти соотвѣтствуютъ нашему простонародному названію *рахманный*, т. е. щедрый, прямодушный, откровенный. [2] Ихъ мнѣніе и свидѣтельство уважались міромъ, какъ подтверждаютъ самыя посл.: *На кого Богъ, на того и добрые люди; Оно такъ! да что скажутъ добрые люди?* Изъ такихъ добрыхъ людей, десяти или двадцати, состоялъ обчей судъ, или *обчая правда*. Сіи живые уставы, глубоко врѣзавшіеся въ народномъ сознаніи и памяти, приводились къ случаю старыми *памятухами*. Сюда относятся пословицы, встрѣчающіяся намъ въ древнихъ грамотахъ и уставахъ: *Что взято, то свято*, или какъ сказано въ грамотѣ 1398 г.: «что будетъ взято, то взяти;» *Съ чужова коня среди грязи долой; Чья земля, того и хльбъ; Чья земля, того и городьба; Кто што пріемлетъ, тотъ себѣ и одержитъ; Гдѣ имутъ, тутъ и судятъ*, и т. д. [3].

Издревле въ общинахъ бывали *братчины*, или складчины, какія и донынѣ въ разныхъ областяхъ Россіи сбираются въ селахъ на приходскіе и другіе праздники. Обычай предоставлялъ имъ самосудность. Если на нихъ случались какія распри или ерундицы: то *Братчина судила, какъ судьи*. Прежде на нихъ рѣшаемы были семейныя и частныя дѣла, по братски; примиреніе ссоры тамъ оканчивалось братскимъ пиршествомъ.

[1] Акты юрид. I, N 366.

[2] *Куницына* историч. изображеніе древняго судопроизводства къ Россіи. Спб. 1843, въ 8.

[3] Грамота 1398 г. N 14 въ актахъ Археограф. Экспед. I.

Digitized by Google

Съ введеніемъ повсемѣстныхъ судовъ и сельской управы братчина утратила первобытное свое назначеніе. [1] На нее, какъ видно, приглашались позыватые и ѣздили только званые. Пословица: *Не званъ въ пиръ не ходитъ*, или *На пиры и братчины не званы не ѣздятъ*, и подобныя ей, относящіяся къ этому обычаю, не рѣдко встрѣчаются въ уставныхъ, жалованныхъ и договорныхъ грамотахъ, напр. 1453, 1504 и 1537 г. «на пиры и братчины не званы не ѣздятъ.» [2]

Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ на Руси сбирались *вѣчи* земскія и городовыя, въ своемъ городѣ, гдѣ народъ *судился своимъ судомъ*. Такіе земскіе соборы назывались у Чеховъ *сеймами*, *суіомами*. И здѣсь, какъ и тамъ, старѣйшины всѣхъ родовъ судили и рядили земскія и племенныя дѣла; народъ имъ *такалъ*, или *перечилъ*. «На чемъ же, на вѣчѣ, власти, старѣйшіе положатъ, на томъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, «и пригороды станутъ,» или, по выраженію самой вѣчевой грамоты, *и тому дѣлу конецъ*. Постановленіе вѣчниковъ было вѣчевымъ приговоромъ, который записывался вѣчными дьяками. [3] Народные земскіе соборы сосредоточивали въ себѣ власть распорядительную, судебную и исполнительную; ибо земскій міръ, подъ предводительствомъ старшинъ и начальниковъ, присуждалъ миръ или войну, выслушивалъ иноземныхъ пословъ и гостей, избиралъ или смѣнялъ своихъ посадниковъ и тысяцкихъ, *промышлялъ* себѣ князей или показывалъ имъ путь словами: «поиди, камо хочеши.» [4] Кромѣ вѣча, въ Новгородѣ были еще суды *княжескій*, *посадничій* и *одринъ*, т. е. въ престольной храминѣ Новогородскаго архіерейскаго дома; по частнымъ дѣламъ также суды *тысяцкаго*, *смѣстный*, *порубежный*, *таможенный* и *проѣзжій*. Таковъ образъ правленія былъ преимущественно въ *добровольномъ* Новгородѣ и союзникѣ его Псковѣ, сихъ древнихъ общинахъ Русскаго міра! Вѣчи сбирались временно не только въ старыхъ и новыхъ городахъ Руси, но и въ пригородахъ,

---

[1] Бытъ Русскаго народа, сочин. *А. Терещенки*, ч. V. Спб. 1848, въ 8.
[2] Акты Археограф. Экспедиціи. I.
[3] *Карамз.* И. Г. Р. V. пр. 282, 361.
[4] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, III, 38 и 64.

Digitized by Google

и не одними *вящими*, но и *меншими людьми* или смердами, такъ что въ одно и тоже время бывали двѣ вѣчи въ разныхъ концахъ города. Мнѣніе первыхъ о послѣднихъ сохранилось въ посл.: *Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ.* Всякъ имѣющій право подавать голосъ назывался *вѣчникомъ*. *Вѣчевое слово* для народа было *закономъ, рядомъ*: *Рядъ дѣлу, быть такъ; Новгородъ судится своимъ судомъ; Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? Любо животъ, любо смерть за правду Новгородскую; Новгородъ судитъ одинъ Богъ; Гдѣ Новгородъ, тамъ и Софія*, то же, что *Гдѣ Царь, тамъ и орда; На кого Богъ, на того и святая Софія; Вся бѣда на коню; Не въ нашъ конь бьетъ*, или *Не пошто въ нашъ конь; Задняго не поминать; Суженова не посужать*; т. е. не пересуживать, не перевершать; «а кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается» [1]; *Послуху на послуха не быть; Холопъ на холопа не послухъ.*

Троицкая лѣтопись говоритъ, что вѣчники были «крамольницы, человѣцы суровы, непокоривы, упрямчивы, непостаивни.» [2] О злоупотребленіи и коловратности вѣчей сохранились пословицы, одна въ Псковской лѣтописи, а другая въ преданіи: *Не вѣдуще глава, что языкъ говоритъ* [3], иначе: *Языкъ мълетъ, а голова не вѣдаетъ*, и *На одной вѣчѣ не одинъ грѣхъ*, то же, что *Изъ одного куста не одна вѣтви.* Новгородскій лѣтописецъ, изображая бѣдствія безначалія въ городѣ, употребилъ пословичное выраженіе: *Разошлась Новгородская власть; разошелся городъ.* Сколько было случаевъ, что вѣче оканчивалось мятежемъ, убійствомъ и разореніемъ гражданъ!

Другимъ источникомъ юридическихъ пословицъ были *родовыя вѣчи*, или *княжескіе съѣзды, сонмы*, гдѣ, по призыву родоначальника, Князья съѣзжались на совѣщаніе о семейныхъ и земскихъ дѣлахъ. Въ съѣздахъ иногда принимали участіе и Святители. Когда же въ отдѣльныхъ княжествахъ обнаружилось стремленіе усилиться однимъ на счетъ другихъ, когда составились союзы слабыхъ противъ сильныхъ:

---

[1] Судная Новгор. грамота 1471 г.

[2] *Карамз.* И. Г. Р. V, пр. 148.

[3] Псковская лѣтопись, изд. М. *Погодина*, М. 1337, въ 4, стр. 179.

Digitized by Google

тогда Князья стали сбираться на сонмы для полюбовнаго окончанія споровъ не какъ братья, но какъ отдѣльные, независимые владѣльцы. Въ древнихъ грамотахъ и лѣтописяхъ, равно и въ старыхъ пословицахъ, встрѣчаются отголоски рѣшеній на княжескихъ съѣздахъ. Таковы: *Боярин въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а Князь удѣломъ; Вольному воля, а ходячему путь;* [1] *Како ся будетъ рядилъ, тако ему имати, или на томъ и стоятъ; Другу дружити, а недругу не мстити; Съ кѣмъ миръ да ладъ, тотъ и братъ,* съ тѣмъ, по выраженію лѣтописи, «не раздѣлялись ни въ добрѣ, ни въ злѣ.» Сюда могли относиться пословицы, приведенныя нами въ родовомъ союзѣ.

Въ договорныхъ грамотахъ великаго Новгорода и Пскова съ Великими и Удѣльными Князьями, какъ и въ Русской Правдѣ попадаются слѣды общихъ земскихъ уставовъ, по большей части, выраженныхъ складомъ пословицъ. Въ связи съ ходячими въ народѣ пословицами они возсоздаютъ намъ въ живой картинѣ древній юридическій бытъ съ его оттѣнками.

Но образъ сужденій перемѣнился, когда, вмѣсто мірскихъ сходокъ, вѣчей и представителей ихъ, введены княжескіе суды, когда *по слову Великаго Князя*, т. е. именемъ его судили по городамъ и писцы съ товарищами. Князья одни, или съ присяжными, совершенно отъ нихъ зависѣвшими, давали приговоры, не всегда согласные съ общественнымъ мнѣніемъ, но полезные и необходимые для земства.

Когда положено было на Москвѣ начало спасительному единодержавію и государственному единенію земли Русской, когда народъ почуялъ скрѣпляющую его силу и созналъ необходимость власти верховной, тогда онъ выразилъ свою безусловную зависимость отъ законной власти, опиравшейся на свою силу въ слѣд. посл.: *Знаетъ сила правду, да не любитъ ее сказывать.*

Подъ вліяніемъ Монголовъ, княжескія распри и смуты рѣшались не на съѣздахъ, но волею Хана въ Ордѣ, куда они ѣздили на судъ. Этого верховнаго судью Русскіе величали Царемъ, относя къ нему слѣдующія пословицы:

[1] Собраніе государ. грамотъ, I.

Digitized by Google

Гдѣ Ханъ, тамъ и Орда, т. е. тамъ дворъ и судъ; *Каковъ Ханъ* (Царь), *такова и Орда; Близъ Царя, близъ смерти; Царь не огонь, а ходя около него, опалишься* [1]. Такъ какъ Монголы не вступались во внутренній распорядокъ на Руси, основанный на древнихъ обычаяхъ и уставахъ: то и не имѣли вліянія на юридическій бытъ, въ который только вошли отъ нихъ пытки и правежъ. Но въ смутахъ и крамолахъ княжескихъ они, какъ *въ мутной водѣ, ловили рыбу*.

4. Между тѣмъ среди Монгольской истомы, въ юной Москвѣ, начиная съ преемниковъ Калиты, зараждалось государство, которое должно поглотить удѣлы и сосредоточить въ себѣ разрозненный Русскій міръ. Когда Орда отъ раздѣленій ослабла и распалась: тогда оно религіей и любовью къ отечеству сложилось изъ разъединенныхъ частей въ одно окрѣпшее цѣлое, какъ юридическое выраженіе единства всей Русской земли; Новгородъ *протакалъ* свою *самосудность* и *старшину*; Псковъ *сдалъ свою волю на всю волю Московскаго Государя*. Съ освобожденіемъ Россіи отъ Монгольскаго ярма и съ уничтоженіемъ удѣловъ, мѣсто *Новгородской* и *Псковской правды* заступила *Московская* [2]; устные законы, старые судебные обычаи и обряды замѣнились письменными; судили уже *не по старой памяти*, а *по грамотѣ*, хотя еще *не всяко лыко вносили въ строку*. [3] Тогда на Руси судили и рядили Воеводы, Окольничіе, Губные старосты и дьяки, а вмѣстѣ съ тѣмъ появились пословицы, кои означаютъ слѣды ихъ дѣятельности, называя ихъ вообще *судьями*. Не рѣдко подъ волкомъ разумѣли воеводу, подъ лисицею дьяка, а подъ овцами подсудимыхъ, напр: *Худо овцамъ, коли воеводой волкъ*. Удѣльные Князья стали уже не братьями, но подданными Царя Московскаго; не давалось *воли вольному* и *ходячему пути*; ибо важное право свободнаго отъ-

---

[1] *Карамз.* И. Г. Р. IV. — *Филарета* Исторія Русской Церкви съ 1236 по 1410 г. М. 1848, стр. 12. Бытъ Русскаго народа, соч. *А. Терещенки*, ч. I. Спб. 1848, въ 8.

[2] *Карамз.* И. Г. Р. VI. Современникъ, 1848 г. статьи Гг. Кавелина и Соловьева.

[3] Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ 1467 г. Одесса, 1847, въ 4, стр. 16.

Digitized by Google

ѣзда бояръ и слугъ ограничено клятвенною записью и поруками. Въ это переходное время многія изъ юридическихъ пословицъ стараго быта утратили свою силу и знаменованіе, уступили мѣсто другимъ, носящимъ на себѣ печать духа и характера своего вѣка, или приняли въ жизни народной новое значеніе, большею частію, нравственное, напр. посл.: *Вольному воля*, прежде относилась къ государственному праву, а по уничтоженіи права перехода бояръ и слугъ, стала выражать нравственную свободу человѣка, вольнаго избирать добро и зло. Въ такомъ смыслѣ высказали ее слѣд. образомъ: *Вольному воля, а спасеному рай.* Въ древности, какъ мы замѣтили, юрид. посл.: *Другу дружити, а недругу не мстити*, принадлежала къ гражданскому праву, въ послѣдствіи она обратилась въ нравственное правило: *Другу дружи, а недругу не груби!* Подобный переходъ отъ юридическаго къ нравственному не значитъ ли, что основою одного быта служилъ другой и что одинъ вытекаетъ изъ другаго!

Съ основаніемъ единодержавія на Москвѣ усвоились народу новыя понятія о власти и правѣ, вошли въ употребленіе и неизвѣстныя дотолѣ ихъ выраженія. Царская власть единодушно признана свыше освященною отъ Бога, Царь помазанникомъ, родоначальникомъ, отцемъ, судіею. Отъ сближенія понятій о Царѣ небесномъ съ Царемъ земнымъ произошли пословицы: *Все Божіе да Государево; Вѣдаетъ Богъ да Государь; Богъ безкровенъ, а Царь безроденъ; Богъ милуетъ, а Царь жалуетъ; Богъ не безъ милости, а Царь не безъ жалости; Воля Божья, а судъ Царевъ; На сильнаго Богъ да Государь; Кто Богу не грѣшенъ, а Царю не виноватъ; Чего Богъ не изволитъ, того и Царь не изволитъ.* Заключая въ лицѣ Царя весь народъ православный и всю землю Русскую, всѣ ея права, Русскія пословицы, сіи отголоски духа и характера времени, такъ высказываютъ намъ взаимное духовное общеніе и сочувствіе народа съ Царемъ: *Царь голова, а народъ тѣло—душа;*

---

[1] Гванини говоритъ, что «и вельможи и сановники духовные и свѣтскіе «въ Россіи сердечно увѣрены, и торжественно признаютъ, что воля «Государева есть воля Божія, и что бы Государь ни дѣлалъ, все «дѣлаетъ по волѣ Божіей.»

Digitized by Google

Царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ; Коли народъ согрѣшитъ, Царь умолитъ; а коли Царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ; Царя не всякъ видитъ, а всякъ за него Бога молитъ; За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ. Съ такимъ сознаніемъ укоренилась въ народѣ мысль о необходимости единодержавія и о вредѣ безначалія, которая перешла и въ языкъ пословичный, напр: *Безъ матки пчелки пропаціа дѣтки;*[1] *Безъ пастуха не стадо; Гдѣ ни жить, а одному Царю служить.*

Испытавъ всю неурядицу многоначалія, въ началѣ XVII вѣка, Русскій міръ созналъ, что *У семи пастуховъ не стадо*, что *У семи нянекъ дитя безъ глазу.*

По убѣжденію народа въ правотѣ и святости суда Царева и безъответственности Самодержца предъ судомъ народнымъ, всякое уклоненіе отъ справедливости пословицы приписываютъ не его лицу, но подвластнымъ его. *Царскія милости чрезъ боярское рѣшето проходятъ.* Тогда кто не находилъ суда и управы у судей: тотъ ставился на три извѣстные въ году судные срока *въ Москву предъ свѣтлыя Царскія очи*, кои, по старой пословицѣ, *далеко видятъ.* Мѣстомъ Царскаго суда былъ Приказъ большаго дворца. Такъ какъ вѣра въ Бога проникаетъ все древнее право, которое почти все основано на *судѣ Божіемъ*, или *правдѣ Божіей:* то и судъ Царевъ почитался Божіимъ; ибо Царь судитъ, какъ *Богъ ему на сердце положитъ; а сердце его въ рукѣ Божіей.*

Съ изданіемъ Судебника и Уложенія, измѣнился юридическій бытъ Русскаго народа, уничтожились многіе судебные обычаи, вывелись изъ употребленія юридическіе символы; но нѣкоторые слѣды ихъ остались въ законахъ письменныхъ, въ обычаяхъ и частныхъ пословицахъ. Послѣднія, усвоивая себѣ новое, удерживали и старое, обычное, такъ что онѣ дѣлаются представительницами переходнаго права, отголосками народнаго понятія о правдѣ и правѣ.

И. Снегиревъ.

---

[1] *Карамз.* И. Г. Р. V, 262.

Digitized by Google

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЛЕКЦИИ Г-НА ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.

II.

ОБЪ ИЗМѢНЯЕМЫХЪ СОСТАВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ ПОЧВЪ. *

Различныя мнѣнія современныхъ химиковъ о черноземѣ. — Свойства чернозема. — Растительный черноземъ. — Образованіе растительнаго чернозема. — Различные виды растительнаго чернозема: a) растворимый черноземъ; — b) окисленный черноземъ;—c) кислый черноземъ;— d) углистый черноземъ; — e) смолистый черноземъ; — f) вяжущій черноземъ. — Животный черноземъ. — Вліяніе чернозема на прозябеніе растеній.

Мы познакомились съ основными или мало-измѣняемыми составными началами почвъ; узнали, откуда онѣ берутся въ почвахъ, изучили тѣ перемѣны, которымъ онѣ подвергаются отъ дѣйствія воды, воздуха, свѣта и теплоты; видѣли, какія перемѣны онѣ производятъ въ почвахъ своими физическими и химическими свойствами, какую роль онѣ играютъ въ процессѣ растительнаго питанія, какое оказываютъ вліяніе на прозябеніе растеній.

Но кромѣ этихъ основныхъ или мало измѣняемыхъ веществъ мы находимъ въ почвахъ еще и такъ называемыя

* См. Москвитянинъ 1848, N 11.

Digitized by Google

измѣняемыя вещества; онѣ играютъ самую важную роль въ процессѣ растительнаго питанія и принимаютъ въ немъ самое дѣятельное и непосредственное участіе. Къ числу таковыхъ веществъ принадлежатъ черноземъ и его различныя видоизмѣненія.

Черноземъ.

Черноземъ, — который называютъ также *наземомъ*, *перегноемъ*, — издревле и по настоящее время былъ камнемъ преткновенія и для естествоиспытателей и для практическихъ сельскихъ хозяевъ. Современная органическая химія изслѣдовала съ точностію составъ многихъ органическихъ и растительныхъ веществъ, но до сихъ поръ еще не опредѣлила положительно состава чернозема. Хотя надъ химическимъ анализомъ трудились, и теперь еще трудятся, многіе изъ современныхъ химиковъ, (въ особенности посвятили себя изученію этого предмета, столь важнаго для государственнаго хозяйства: Шпренгель, Доберейнеръ, Ейнгофъ, Либигъ, Германъ, Мульдеръ и многіе другіе, но изслѣдованія этихъ талантливыхъ и добросовѣстныхъ химиковъ до того разногласятъ между собою, что трудно вывести изъ нихъ не только правильное, но даже и правдоподобное заключеніе. Вотъ причина, почему съ словомъ: *черноземъ* соединяли, и до сихъ поръ еще соединяютъ, такія шаткія понятія. Такъ въ прежнее время подъ именемъ чернозема разумѣли самый верхній плодородный слой земли, состоящій изъ смѣси органическихъ остатковъ и неорганическихъ веществъ. Но такое понятіе о черноземѣ ложно, потому что и самая почва, какъ мы видѣли выше, не иное что есть какъ смѣсь неорганическихъ веществъ съ органическими остатками, и въ ней укореняются и развиваются растенія. Въ послѣдствіи времени, когда Органическая Химія разширила кругъ своей дѣятельности, именемъ чернозема стали называть чернобурый порошокъ, который образуется при гніеніи и тлѣніи органическихъ веществъ. Но и это открытіе мало пролило свѣта на процессъ питанія растеній и ни сколько не подвинуло впередъ сельско-хозяйственной про-

Digitized by Google

мышленности. Въ новѣйшее время Шпренгель и Доберейнеръ открыли въ черноземѣ, кромѣ растительныхъ и животныхъ веществъ, перешедшихъ въ гніеніе, особаго рода кислоту, которую они и назвали *черноземною кислотою*, а покойный Профессоръ Павловъ называлъ ее *черноземною слизью*. Но и это открытіе хотя объясняло процессъ питанія растеній болѣе удовлетворительнымъ образомъ, но весьма мало подвинуло впередъ сельско-хозяйственную промышленность. Наконецъ Германъ и Мульдеръ, разлагая черноземъ путемъ химическаго анализа, старались точнѣе опредѣлить химическія и физическія свойства его. Результаты изслѣдованій, предпринятыхъ этими учеными, показываютъ, что черноземъ, который образуется въ почвахъ, не есть однородная масса, а смѣсь органическихъ кислотъ и органическихъ основаній. По Мульдеру черноземъ состоитъ изъ: ульмина, гумина, геиновой, гуминовой, ульминовой кислотъ, ключевой кислоты и кислоты ключеваго осадка.

Какъ ни разнообразны мнѣнія новѣйшихъ химиковъ относительно химическаго состава чернозема, но большая часть изъ нихъ согласны между собою въ томъ, что:

1. Черноземъ образуется въ слѣдствіе разложенія растительныхъ и животныхъ веществъ, находящихся въ почвѣ, и есть послѣдній органическій продуктъ—конечный результатъ гніенія и тлѣнія; слѣдовательно

2. Черноземъ не можетъ и быть тѣломъ самостоятельнымъ съ самостоятельными свойствами; напротивъ, его составъ и его свойства должны мѣняться съ каждымъ днемъ. Да! съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, съ каждою минутою углеродъ и водородъ чернозема, — какъ отдаленныя его составныя начала, — соединяясь съ кислородомъ воздуха, превращаются: то въ угольную кислоту, то въ водяные пары, въ вещества, служащія пищею для растеній.

3. Въ сыромъ и влажномъ состояніи черноземъ, будучи подверженъ вліянію воздуха, всасываетъ въ себя подобно всѣмъ другимъ тѣламъ, одареннымъ порами, газо-

Digitized by Google

образныя вещества изъ воздуха, которыя онъ заставляетъ соединяться химически между собою, и самъ входитъ съ ними въ химическое соединеніе. Въ слѣдствіе этихъ соединеній образуются: вода, угольная, сѣрная, фосфорная кислоты, амміякъ. Само собою разумѣется, что всѣ сказанныя вещества образуются не всегда въ одинаковомъ количествѣ; и это зависитъ отъ химическаго состава перегнивающихъ веществъ, изъ которыхъ образовался черноземъ.

4. Черноземъ, какъ составная часть почвъ, состоитъ изъ ульмина, гумина, ульминовой, гуминовой и геиновой кислотъ, ключевой кислоты и кислоты ключеваго осадка. Всѣ эти вещества образуются чрезъ медленное разложеніе и постепенное перегниваніе древесины. Древесина первоначально превращается въ ульминъ, потомъ гуминъ. Оба эти вещества, соединяясь съ кислородомъ воздуха изъ веществъ нейтральныхъ, переходятъ въ кислоты сперва въ ульминовую, потомъ гуминовую и наконецъ геиновую. Эти кислоты, поглощая кислородъ изъ воздуха и соединяясь съ нимъ химически, превращаются въ высшія степени окисленія; изъ нихъ образуются ключевая кислота и кислота ключеваго осадка. Эти двѣ послѣднія кислоты распускаются въ водѣ и окрашиваютъ ее желтобурымъ цвѣтомъ, подобнымъ тому, который мы замѣчаемъ въ водѣ торфяниковъ и болотной. Остальныя три кислоты сами по себѣ нерастворимы въ водѣ, но распускаются въ ней, когда бываютъ соединены химически съ щелочами (поташемъ, содою, амміакомъ) или щелочнистыми землями (известію, магнезіею) въ видѣ солей. Ульминъ и гуминъ нерастворимы ни въ водѣ, ни въ щелочахъ.

5. Такъ какъ органическія вещества бываютъ двухъ родовъ, растительныя и животныя, то и практическіе сельскіе хозяева различаютъ главнымъ образомъ два вида чернозема: *растительный* и *животный*.

1. *Растительный черноземъ*. — Въ растеніяхъ таится сила творческая; она спитъ въ растительномъ зернѣ, и не

Digitized by Google

обнаруживаетъ своей дѣятельности до тѣхъ поръ, пока не подѣйствуютъ на нее внѣшніе дѣятели природы, — отъ того-то она тогда и остается непримѣтною для насъ. Но едва только свѣтъ, теплота, влажность и другія условія, необходимыя для прозябенія растеній, коснутся ея, она начинаетъ пробуждаться отъ своего усыпленія, начинаетъ мало по малу расторгать пелены, въ которыхъ была повита, начинаетъ проявлять свою дѣятельность произведеніями дивными для глазъ и непостижимыми для разума. Такъ изъ зерна, брошеннаго во влажную землю, эта творческая сила выгоняетъ сперва ростокъ, потомъ листъ, стебель цвѣтокъ, и наконецъ плодъ — сѣмена подобныя тому, которое брошено было въ землю. Хотя сила эта оканчиваетъ кругъ своей дѣятельности въ различныхъ растительныхъ организмахъ не всегда въ одинаковый періодъ времени: въ растеніяхъ однолѣтнихъ въ теченіе одного лѣта, и въ растеніяхъ многолѣтнихъ — въ теченіе цѣлаго столѣтія; но, не смотря на такое различіе во времени, проявленіе ея въ всѣхъ растительныхъ организмахъ остается одинаковымъ и вѣрнымъ предназначенной цѣли. Короче, эта сила всегда проявляетъ свою дѣятельность образованіемъ: ростка, листика, стебля, цвѣтка и сѣмени.

Протекли вѣка, и унесли съ собою много глубокомысленныхъ умовъ, которые разъяснили много таинъ природы; но творческая сила, которая производитъ такія многоразличныя явленія и дивныя перемѣны въ царствѣ растительномъ, осталась неразгаданною и необъяснимою въ существѣ своемъ. Мудрые вѣка сего назвали ее *силою жизни*, *жизненною силою*, *жизнію*, но всѣ эти названія не даютъ намъ яснаго понятія о ея сущности. Да! жизненная сила дѣйствуетъ такъ скрытно, что пытливый умъ человѣка никогда не раскроетъ сокровенныхъ законовъ ея дѣйствія. Онъ видитъ ея прекрасныя произведенія, гадаетъ о бытіи ея, но это гаданіе никогда не дойдетъ до ясновидѣнія. Каждый изъ насъ бываетъ одушевленъ радостію, когда жизненная сила растеній весною, пробуждаясь отъ своего усыпленія, раскрываетъ цвѣ-

Digitized by Google

точныя почки и превращаетъ землю въ благоуханное море цвѣтовъ. Каждый изъ насъ бываетъ пораженъ унынiемъ, когда осенью эта сила, оканчивая кругъ своей дѣятельности, мертвитъ растительную флору. Но кто изъ насъ можетъ сказать, что ему извѣстно: какимъ образомъ совершаются эти дивныя явленiя? Никто. Мы видимъ только произведенiя этой дѣятельности, но самый процессъ дѣланiя сокрытъ отъ насъ непроницаемою и неразрываемою пеленою.

Для разоблаченiя сокровенныхъ дѣйствiй, производимыхъ жизненною силою, всеиспытующiй умъ человѣка предпринималъ различныя средства: и простое наблюденiе, и анотомическiй ножъ, и микроскопическiя изслѣдованiя, и химическiй анализъ. Но что же удалось открыть ему? Если хотите, онъ открылъ многое. Такъ съ помощiю простаго наблюденiя онъ узналъ, что жизненная сила изъ зерна, брошеннаго въ сырую землю, выгоняетъ ростокъ, листъ, стебель, цвѣтокъ, плодъ. Анатомическимъ ножемъ открылъ онъ въ растительномъ царствѣ различнаго рода ткани; микроскопомъ — различнаго рода сосуды, по которымъ течетъ питательный сокъ; съ помощiю химическаго анализа — различнаго рода вещества, отличающiяся между собою то наружною формою, то вкусомъ. Такъ въ виноградной ягодѣ, въ свекловицѣ, моркови и многихъ другихъ корнеплодныхъ растенiяхъ онъ нашелъ: *сахаръ*; въ побѣгахъ и листьяхъ виноградной лозы *кислую соль*; въ стебляхъ полыни — *горькую соль* и *летучее масло*; въ зернахъ колосовыхъ хлѣбовъ и картофелинахъ — *крахмалъ*; въ сѣменахъ льна и рапса — *жирное* масло; въ древесной массѣ вишни и сливы — *камедь* и *смолу*; въ растительныхъ цвѣткахъ — *красильное вещество*; въ нѣкоторыхъ частяхъ растенiй — *яды*. Короче, съ помощiю химическаго анализа ему удалось открыть ближайшiя и отдаленныя составныя начала растенiй. А жизненная сила? А жизненная сила ускользнула и отъ простаго наблюденiя, и изъ-подъ анатомическаго ножа, и изъ-подъ микроскопа, и отъ химическаго алализа; ускользнула и осталась неразгаданною въ существѣ своемъ.

Digitized by Google

Пока жизненная сила присуща растеніямъ, пока жизненныя отправленія растеній находятся подъ ея надзоромъ, до тѣхъ поръ онѣ развиваются и увеличиваются въ своей массѣ; въ нихъ тогда образуется и сахаръ, и кислыя и горькія соли, и летучія и жирныя масла, и крахмалъ и камедь и смолы, и красильныя и ядовитыя вещества; — однимъ словомъ, онѣ тогда живутъ и преуспѣваютъ. Но едва только растеніе отживетъ свой вѣкъ, едва только успѣетъ выполнить задачу, назначенную ему въ цѣли мірозданія, то жизненная сила мгновенно оставляетъ его; и тогда въ каждомъ растеніи начинаютъ обнаруживаться два химическихъ процесса: *процессъ броженія или гніенія*, и *процессъ тлѣнія или превращенія въ земную персть* — въ *черноземъ*.

Химическій процессъ, который химики называютъ тлѣніемъ растительныхъ веществъ, имѣетъ много общаго съ процессомъ, извѣстнаго въ химіи подъ именемъ *горѣнія*. И кажется, вся разница состоитъ только въ томъ, что первый процессъ идетъ болѣе медленными, болѣе длительными шагами, нежели послѣдній. Что горѣніе уничтожаетъ въ нѣсколько минутъ, то тлѣніемъ истребляется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Слѣдовательно тлѣніе растительныхъ веществъ не иное что есть, какъ медленное горѣніе, другими словами: медленное соединеніе горючихъ составныхъ началъ, находящихся въ растеніяхъ, съ кислородомъ воздуха. Въ сходствѣ горѣнія и тлѣнія между собою, всего сильнѣе убѣждаютъ насъ произведенія, которыя получаемъ отъ того и другаго химическаго процесса. Сожигайте дерево; изъ составныхъ началъ его и кислорода воздуха вы получите угольную кислоту и воду. Тѣ же самыя произведенія, т. е. угольная кислота и вода, получаются во время тлѣнія дерева. Во время горѣнія водородъ, какъ отдаленная составная часть дерева, окисляется скорѣе, нежели углеродъ. То же самое явленіе повторяется и при тлѣніи дерева. Слѣдующія двѣ шемы показываютъ произведенія получаемыя во время горѣнія и во время тлѣнія. Шема подъ N 1 заключаетъ въ себѣ произведенія горѣнія, а шема подъ N 2 — произведенія тлѣнія.

Digitized by Google

N 1. При горѣніи получаются:

Изъ дерева въ первомъ періодѣ	Вода (въ большомъ количествѣ), Угольная кислота, Полусгорѣвшее дерево или уголь.
Изъ полусгорѣвшаго дерева или угля во второмъ періодѣ остается	Вода (въ небольшомъ количествѣ), Угольная кислота, Зола или пепелъ.

N 2. Во время тлѣнія получаются:

Изъ дерева въ первомъ періодѣ	Вода (въ большомъ количествѣ), Угольная кислота, Черноземъ или перегной.
Изъ чернозема во второмъ періодѣ остается	Вода (въ небольшомъ количествѣ), Угольная кислота, Земная персть, перегной или пепелъ, зола.

Теперь и легко понять, почему дерево какъ послѣ горѣнія, такъ и послѣ тлѣнія превращается сперва съ темнобурую массу, которая въ послѣдствіи становится совершенно черною. Чѣмъ больше, во время горѣнія или тлѣнія, будетъ окисляться водорода противъ углерода, находящихся въ растеніяхъ, тѣмъ болѣе получаемый остатокъ при дальнѣйшемъ разложеніи будетъ содержать въ себѣ углерода, слѣдовательно онъ долженъ становится все темнѣе, все чернѣе. Полусгорѣвшее дерево или уголь можетъ горѣть еще далѣе, точно также и полуистлѣвшее дерево. — Черноземъ можетъ тлѣть далѣе. Послѣ окончательнаго гніенія и послѣ окончательнаго сгаранія получается самое малое количество пепла или золы, состоящей изъ нелетучихъ солей и земель, которыя дерево поглотило въ себѣ изъ почвы во время своего развитія. Земля еси и въ землю пойдеши.

И такъ процессъ горѣнія и тлѣнія въ растеніяхъ, совершается одинакимъ образомъ, одинъ идетъ быстрѣе, а дру-

Digitized by Google

гой медленіе. Прослѣдимъ же теперь образованіе чернозема изъ растеній. Всѣ растенія; начиная отъ дуба исполинской величины, до мха только возвышающагося надъ поверхностію земли, состоятъ главнымъ образомъ изъ древесины; мы находимъ ее въ ячейкахъ и сосудахъ, въ канальцахъ и клѣточкахъ, по которымъ движется питательный сокъ; она составляетъ остовъ, отъ нея зависитъ крѣпость и наружный видъ растенія. Для растительныхъ организмовъ она замѣняетъ собою кость, мясо и кожу, вмѣстѣ взятыя. Каждый растительный органъ содержитъ въ себѣ древесину. Такъ въ молодыхъ листьяхъ, цвѣткахъ, стебляхъ въ мезгѣ плодовъ и кореньевъ (въ яблочной, сливной, картофельной, свекловичной) она нѣжна, мягка, сочна и развѣтвлена на тончайшія нити. Въ соломѣ, мякинѣ, въ древесномъ кряжѣ она довольно тверда, въ орѣховой скорлупѣ, въ косточкахъ вишенъ и сливъ крѣпка какъ камень; въ сердцевинѣ бузины и пробковомъ деревѣ скважиста, упруга и легка; въ стеблѣ конопли, льна она гибка и расположена продольными волокнами. Въ какихъ бы органахъ растеній древесина ни находилась, будетъ ли она мягкая или твердая, но химическій анализъ показалъ, что она всегда состоитъ изъ углерода, водорода и кислорода. Древесина, оставаясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ воздуха, начинаетъ *тлѣть*. Это значитъ, углеродъ ея, соединяясь съ кислородомъ воздуха, превращается въ угольную кислоту. Съ уменьшеніемъ кислорода останавливается и тлѣніе. Слѣдовательно кислородъ атмосфернаго воздуха есть главное и необходимое условіе для тлѣнія растеній. Если угольная кислота будетъ какими бы то ни было средствами удалена отъ гніющаго тѣла и замѣнена кислородомъ, то тлѣніе начинается снова, тогда снова кислородъ, соединяясь съ углеродомъ древесины, превращается въ угольную кислоту. Избытокъ и недостатокъ воды, избытокъ и недостатокъ свѣта и теплоты останавливаютъ превращеніе древесины въ черноземъ. Всѣ щелочи ускоряютъ процессъ тлѣнія, всѣ кислоты замедляютъ его. Наконецъ вещества противо-гнилостныя, именно сѣрнистая кислота, соли ртути, пригорѣлыя

Digitized by Google

масла совершенно уничтожаютъ тлѣніе растеній. Древесина, начинающая тлѣть, и есть то тѣло, которое мы называемъ черноземомъ. Понятно, что чѣмъ больше древесина бываетъ поражена тлѣнью, тѣмъ все болѣе и болѣе уменьшается способность тлѣть, т. е. окружающій ее кислородъ превращать въ угольную кислоту. Этотъ химическій процессъ, какъ мы видѣли выше, совершается очень длительно. Наконецъ остается небольшое количество бурой массы — это *перегной*, *земная персть* (Moder), въ которой химики находятъ: геинъ, гуминъ, ульминъ, геиновую, гуминовую кислоты, ключевую кислоту, кислоту ключеваго осадка, и различнаго рода неорганическія соли и земли.

Растительный черноземъ, въ слѣдствіе различныхъ степеней истлѣнія получилъ у практическихъ сельскихъ хозяевъ различныя наименованія. Его называютъ:

а) *Растворимымъ черноземомъ.* — Онъ образуется въ почвѣ большею частію изъ растительныхъ остатковъ, которые превратились въ перегной при всѣхъ выгодныхъ условіяхъ, сопутствующихъ тлѣнію, т. е. при свободномъ доступѣ воздуха, достаточномъ количествѣ теплоты и влажности. Состоитъ онъ главнымъ образомъ изъ ключевой кислоты и кислоты ключеваго осадка, химически соединенныхъ съ неорганическими солеными основаніями, находящимися въ почвѣ; распускается въ водѣ и окрашиваетъ ее буро-желтоватымъ цвѣтомъ. Чаще всего встрѣчается въ почвахъ, которыя находятся подъ плугомъ или сохою и утучняются различнаго рода удобряющими веществами, потому что посредствомъ обработыванія полей пахатными орудіями мы открываемъ свободный доступъ воздуху, влажности и теплотѣ во внутренность почвы, ускоряемъ тлѣніе органическихъ веществъ, тамъ заключенныхъ, и такимъ образомъ приготовляемъ запасъ пищи, необходимый для высѣваемыхъ растеній. Чѣмъ болѣе сплотняется поверхность почвы, тѣмъ болѣе бываетъ воспрященъ свободный доступъ воздуху, влажности и теплотѣ въ почву, тѣмъ тлѣніе органическихъ веществъ совершается медленнѣе, тѣмъ меньше въ нихъ образуются рас-

Digitized by Google

творимаго чернозема, тѣмъ меньше скопляется въ ней пищи, потребной для прозябенія высѣваемыхъ нами растеній. Этотъ видъ чернозема, какъ вещество удобораствориное въ водѣ, непосредственно входитъ въ составъ растеній, служитъ имъ пищею. Кромѣ того онъ вліяетъ на почвы и своими физическими свойствами. Глинистыя почвы становятся отъ него теплѣе и рыхлѣе, а песчаныя получаютъ болѣе связности и лучше задерживаютъ влажность.

b) *Окислотвореннымъ черноземомъ.* Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ части чернозема нерастворимыя въ водѣ и слѣдовательно трудно отдѣляемыя отъ другихъ составныхъ началъ почвы. Надо полагать, что окислотворенный черноземъ главнымъ образомъ состоитъ изъ неорганическихъ нейтральныхъ веществъ, гумина и ульмина, слѣдовательно это древесина только что начавшая тлѣть. Окислотворенный черноземъ встрѣчается во многихъ почвахъ, которыя не обработываются пахатными орудіями, къ которымъ влажность, теплота и атмосферный воздухъ не имѣютъ доступа. Отъ того-то и почвы, содержащія въ себѣ этомъ видъ черноземому, безплодны. Чтобы возвысить производительную силу такихъ почвъ, необходимо посыпать ихъ щелочами и преимущественно золою. Что же дѣлаютъ въ этомъ случаѣ щелочи? Онѣ частію соединяются съ угольною кислотою, которая образуется при разложеніи органическихъ веществъ, такимъ образомъ открываютъ свободный притокъ воздуха къ тлѣющимъ органическимъ веществамъ, ускоряютъ превращеніе гумина и ульмина въ кислоты, растворимыя въ водѣ, часто служатъ сами пищею для растеній.

c) *Кислымъ черноземомъ,*—который содержитъ въ преизбыткѣ различнаго рода органическія кислоты совершенно свободными, преимущественно же гуминовую и ульминовую; чаще всего встрѣчается въ почвахъ, которыя долго находились подъ водою, или которыя мало содержатъ въ себѣ соляныхъ основаній. Находятъ его также въ глинистыхъ почвахъ, которыя лежатъ среди горъ, въ котловинахъ; въ нихъ обыкновенно дождевая и другая вода, по недостатку склона,

Digitized by Google

застаивается; въ топяхъ и болотахъ, гдѣ всегда преизбыточествуетъ влажность. Въ песчаныхъ почвахъ встрѣчается онъ, но весьма рѣдко, именно только въ томъ случаѣ, когда подпочва непроходима для воды, и образуются на поверхности почвъ водяные застои. Этотъ видъ чернозема издаетъ изъ себя кислый запахъ и реагируетъ кислотою; онъ служитъ пищею для кислыхъ травъ: осокъ, ситниковъ, различныхъ породъ щавеля, вересковъ и другихъ растеній, произрастающихъ на торфяникахъ и болотахъ; для сельско-хозяйственныхъ растеній, кромѣ вреда, не приноситъ никакой пользы. Съ теченіемъ времени при правильной и систематической разработкѣ онъ можетъ быть превращенъ въ растворимый черноземъ. Для этой цѣли нужно: почвы, содержащія въ себѣ кислый черноземъ, осушить, и послѣ уничтоженія излишней сырости пахать и перепахивать какъ можно болѣе, отъ чего почва подвергается тогда большему вліянію воздуха. Кромѣ того превращенію кислаго чернозема въ растворимый содѣйствуютъ много: 1) выжиганіе дерницы, образовавшейся на поверхности почвъ, содержащихъ въ себѣ кислый черноземъ; потому что тогда избытокъ органическихъ кислотъ частію разлагается на угольную кислоту и водородный газъ и улетаетъ въ воздухъ; частію же избытокъ органическихъ кислотъ соединяется съ соляными основаніями, находящимися въ золѣ, полученной отъ сожиганія, и превращается въ соли, легко растворимыя въ водѣ; 2) посыпаніе полей известію, золою, мергелемъ, и удобреніе свѣжимъ навозомъ; потому что всѣ эти вещества содержатъ въ себѣ много соляныхъ основаній, которыя легко осредосоливаютъ избытокъ кислотъ. Въ слѣдствіе такой правильной и систематической обработки на почвахъ, которыя содержали въ себѣ кислый черноземъ, начинаютъ пропадать кислыя травы, и ихъ мѣсто заступаютъ хорошія растенія. На такихъ почвахъ изъ сельско-хозяйственныхъ растеній прежде всего можно сѣять гречу.

d) *Обугленнымъ черноземомъ.* — Онъ цвѣта чернаго угля, въ водѣ нерастворимъ; въ немъ химія открыла различнаго рода черноземныя кислоты, которыя отъ дѣйствія воздушныхъ дѣятелей потеряли способность распускаться

Digitized by Google

въ водѣ, и небольшое количество черноземно-кислыхъ солей. Кислоты, входящія въ составъ чернозема, теряютъ способность распускаться въ водѣ или отъ дѣйствія сильныхъ морозовъ, или отъ дѣйствія сильныхъ жаровъ. А потому и обугленный черноземъ встрѣчается большими толщами въ странахъ сѣверныхъ холодныхъ или въ странахъ экваторіальныхъ жаркихъ. Остатки хвойныхъ деревьевъ, верески и болотныя растенія доставляютъ главный матеріалъ для образованія обугленнаго чернозема. Нерѣдко его находятъ въ болотахъ и торфяникахъ, въ ущельяхъ горъ, внутри лѣсовъ и прилежащихъ къ нимъ мѣстахъ. Иногда онъ лежитъ посверхъ песчаныхъ, мергелистыхъ, известковыхъ и мѣловыхъ почвъ, если онѣ не имѣютъ надлежащаго склона для стока воды, или подпочва непроходима для воды, или когда онъ накопляется большими толщами, такъ что воздухъ не можетъ проникнуть внутрь ихъ. Обугленный черноземъ, и будучи предоставленъ вліянію воздуха, разлагается очень медленно; щелочи распускаютъ его. Въ золѣ, получаемой послѣ его пережиганія, находятъ много кремнеземной кислоты, гипса, фосфорно-кислой извести и поваренной соли. Онъ бѣденъ растительною флорою, на немъ произрастаютъ только тѣ растенія, изъ которыхъ онъ образовался самъ. Къ числу таковыхъ растеній принадлежатъ верески, мирты и снѣговыя розы (Schneerosen).

Кромѣ различныхъ степеней разложенія органическихъ веществъ, характеръ растительнаго чернозема измѣняется еще и отъ посторонніихъ органическихъ примѣсей. Къ таковымъ примѣсямъ можно причислить: *смолы* и *дубильное* или *вяжущее начало*. А потому, кромѣ описанныхъ видовъ чернозема отличаютъ еще:

е) *Смолистый черноземъ*; онъ содержитъ въ себѣ, кромѣ началъ, находимыхъ въ другихъ черноземахъ, небольшое количество смолы или воску подобнаго вещества. Главный матеріалъ къ образованію его доставляютъ верески (Erica vulgaris, Erica tetralix), рододендроны (Rhododendron ferrugineum). Его находятъ не только въ нижнихъ слояхъ торфяниковъ, но даже и на ихъ поверхности, въ сухихъ

Digitized by Google

мѣстахъ, подверженныхъ вліянію воздуха. Въ сухомъ состояніи онъ твердъ, и если потереть его какимъ-нибудь твердымъ тѣломъ, получаетъ восковой блескъ. Въ водѣ нерастворимъ, угольная кислота и ѣдкія щелочи распускаютъ его. Смолистый черноземъ, подобно обугленному, безплоденъ. Для усиленія производительной силы почвъ, содержащихъ смолистый черноземъ, полезно посыпаніе известію, поташемъ; амміакомъ, мергелемъ, древесною золою; сожиганіе растеній, на нихъ прозябающихъ; отъ чего смолистыя вещества, находящіяся въ черноземѣ уничтожаются. Послѣ разрушенія смолистыхъ веществъ на почвахъ, которыя содержали въ себѣ смолистый черноземъ, всего лучше удается гречa, а потомъ рожь и овесъ.

f) *Вяжущій черноземъ.* Кора, листъ, молодые побѣги многихъ деревъ и въ особенности дубовыхъ содержатъ въ себѣ вяжущее, дубильное вещество и чернильную кислоту. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ древесная кора, листья и сучья, отдѣляясь отъ деревьевъ, не могутъ перегнить совершенно, образуется и вяжущій черноземъ. Вотъ причина, почему этотъ видъ чернозема попадается только въ густыхъ лѣсахъ, куда трудно проникаетъ свѣтъ, теплота и воздухъ. Этотъ видъ чернозема имѣетъ вяжущій вкусъ, и присутствіе его въ почвѣ легко открыть посредствомъ раствора желѣзныхъ солей; онѣ окрашиваются тогда чернымъ цвѣтомъ. Онъ отъ дѣйствія воздуха, свѣта, теплоты, влажности и отъ посыпанія известію превращается въ плодоносный черноземъ. Вотъ причина, почему земля, собранная въ лѣсахъ и перемѣшанная вмѣстѣ съ ѣдкими щелочами, можетъ служить хорошимъ удобряющимъ веществомъ для пахатныхъ полей. Въ южной Германіи такую землю не рѣдко употребляютъ для удобренія полей, находящихся подъ виноградными лозами.

Наконецъ должно сказать, что растительные черноземы оказываютъ различное вліяніе на прозябеніе растеній, смотря потому, изъ какихъ частей растеній они образовались. Такъ черноземъ, образовавшійся чрезъ разложеніе древесной массы, соломы менѣе полезенъ для растительности. Напротивъ,

Digitized by Google

черноземъ, образовавшійся чрезъ истлѣніе корней, зеленыхъ листьевъ и стеблей клевера, бобовъ, гороха, вики, люпина гречи, оказываетъ болѣе благотворное дѣйствіе на развитіе растительнаго царства. По крайней мѣрѣ это можно сказать въ отношеніи къ сельско-хозяйственнымъ растеніямъ. Клеверное жниво оставляетъ въ почвѣ матеріаловъ для образованія чернозема въ пять или шесть разъ болѣе противъ жнива колосовыхъ растеній.

2. *Животный черноземъ.* — До сихъ поръ шла у насъ рѣчь о черноземахъ, которые образуются изъ растительныхъ остатковъ, — они всѣ почти безъ запаха. Но отъ нихъ отличаютъ еще животный черноземъ, который образуется чрезъ истлѣваніе животныхъ остатковъ. Животныя вещества, отжившія свой вѣкъ, имѣютъ способность тлѣть, и ихъ тлѣніе совершается по тѣмъ же законамъ и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какія необходимы и для тлѣнія веществъ изъ царства растительнаго. Конечный результатъ тлѣнія, какъ послѣ растительныхъ, такъ и послѣ животныхъ веществъ есть — черноземъ, перегной, земная персть. И все отличіе состоитъ только въ томъ, что при тлѣніи веществъ изъ царства животнаго образуется или амміякъ или селитра. Амміякъ развивается преимущественно въ томъ случаѣ, когда животные остатки согниваютъ подъ вліяніемъ воздуха, воды и достаточномъ количествѣ теплоты, безъ примѣси щелочей и земель. Если же посыпаютъ животные остатки, для ускоренія тлѣнія, поташемъ, содою, известію или какими-нибудь другими щелочными соляными основаніями, тогда образуется селитра и другія селитрокислыя соли. Вотъ причина, почему въ животномъ черноземѣ всѣ органическія кислоты бываютъ соединены съ амміякомъ, вотъ причина, почему животный черноземъ издаетъ при пережиганіи запахъ нашатыря, или сженаго пера; при 50—60° Реомюрова термометра этотъ запахъ бываетъ такъ силенъ, что возбуждаетъ чиханіе. Въ самомъ большомъ количествѣ животный черноземъ находятъ: въ навозной жижѣ и въ старомъ хорошо перегнившемъ навозѣ; а равно и въ почвахъ, которыя ежегодно обработываются и удобряются животными

Digitized by Google

туками и навозомъ, попадается смѣсь изъ растительнаго и животнаго чернозема. Этотъ видъ чернозема удобораствориmъ въ водѣ; ни жаръ, ни сильный холодъ, не уменьшаютъ его растворимости; онъ сильно притягиваетъ влажность изъ атмосфернаго воздуха и долго ее задерживаетъ въ себѣ. Если почва будетъ содержать въ себѣ много животнаго чернозема, то она даетъ хорошіе урожай, и въ зернахъ колосовыхъ хлѣбовъ, которыя прозябали на такихъ почвахъ, химическій анализъ открываетъ много растительнаго клебера. Съ другой стороны, если животный черноземъ будетъ находиться въ почвахъ съ преизбыткомъ, то тогда ростъ растеній, въ особенности колосовыхъ, хотя и усиливается отъ преизбытка питанія; но за то онѣ тогда тянутся въ солому, полегаютъ, зерна даютъ мало, и притомъ зерно бываетъ и тоще и легковѣсно.

Животный черноземъ оказываетъ также различное вліяніе на прозябеніе растеній, смотря по тому, изъ какихъ животныхъ остатковъ онъ образовался. Такъ изверженія человѣческія и пернатыхъ занимаютъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи. Послѣ нихъ слѣдуютъ изверженія: лошадей, овецъ, козъ, рогатаго скота и наконецъ свиней.

Мы узнали, что черноземъ образуется чрезъ истлѣваніе растительныхъ и животныхъ веществъ, отжившихъ свой вѣкъ, прослѣдили процессъ его образованія, разсмотрѣли различные виды чернозема, видѣли, что одинъ видъ чернозема, именно растворимый, оказываетъ благотворное вліяніе на прозябеніе сельско-хозяйственныхъ растеній, другіе же дѣйствуютъ вреднымъ образомъ. Послѣ всего этого невольно и раждается вопросъ: какое значеніе имѣетъ черноземъ въ процессѣ питанія растеній? другими словами: черноземъ питаетъ растенія сельско-хозяйственныя, или нѣтъ?

Мнѣнія современныхъ химиковъ, физіологовъ и сельскихъ хозяевъ относительно этого предмета распались на двѣ партіи. Во главѣ первой партіи состоитъ Либигъ, а во главѣ второй Мульдеръ и Германъ. Либигъ и всѣ его послѣдователи стараются доказать, что черноземъ, какого бы ни былъ происхожденія, т. е. животнаго или растительнаго,

Digitized by Google

къ какому бы изъ вышеописанныхъ видовъ ни принадлежалъ, не принимаетъ непосредственнаго участія въ процессѣ питанія растеній. Одна только угольная кислота, говорятъ они, образующаяся при тлѣніи органическихъ веществъ, служитъ пищею для растеній, она доставляетъ имъ углеродъ до тѣхъ поръ, пока еще не развились у нихъ органы, нужные для поглощенія угольной кислоты изъ атмосфернаго воздуха т. е. листья, стебель, кора. Съ развитіемъ же этихъ органовъ угольная кислота, образующаяся въ почвѣ, не поглощается растеніями. Германъ, Мольдеръ и большая часть химиковъ и физіологовъ, которые посвятили себѣ изслѣдованіямъ этого весьма важнаго и интереснаго вопроса говорятъ: черноземъ есть смѣсь различныхъ органическихъ кислотъ и органическихъ нейтральныхъ веществъ; однѣ изъ этихъ кислотъ растворяются въ водѣ, а другія только въ щелочахъ, и наконецъ вещества нейтральныя геннъ и ульминъ нерастворимы ни въ водѣ, ни въ щелочахъ. Къ числу веществъ растворимыхъ въ водѣ принадлежатъ ключевая кислота и кислота ключеваго осадка, отчасти гуминовая кислота, а равно и соединенія ихъ съ ѣдкими щелочами и землями. Къ растворимымъ въ щелочахъ принадлежатъ, геиновая гуминовая и ульминовая кислоты. Въ слѣдствіе этого Германъ, Мольдеръ и ихъ послѣдователи принимаютъ, что части чернозема, растворимыя въ водѣ, могутъ непосредственно всасываться корневыми мочками растеній. Слѣдственно, говорятъ они, черноземъ, входя непосредственно въ составъ растеній, доставляетъ имъ матеріалы питанія, необходимые для ихъ существованія.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ законами питанія растеній, тотъ безъ всякаго прекословія согласится съ мнѣніемъ Мольдера и Германа. Растенія своими корневыми мочками всасываютъ въ себя изъ почвы все, что только растворимо въ водѣ, не только питательныя вещества, но даже и ядъ. Этотъ законъ физіологія растеній принимаетъ за аксіому; противъ него не споритъ и Либигъ. Въ 5-мъ изданіи: Organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Phisiologie, на стр. 84 онъ говоритъ: корень растенія

Digitized by Google

въ землѣ имѣетъ такое же отношеніе ко всѣмъ растореннымъ веществамъ, какое — губка; онъ всасываетъ въ себя все жидкое и все, что въ немъ находится, безъ разбору. Ключевая кислота и кислота ключеваго осадка, частію гуминовая кислота, большая часть ихъ щелочныхъ солей, т. е. ихъ химическія соединенія съ поташомъ, содою, амміакомъ, известію, магнезіею растворимы въ водѣ. Слѣдовательно они могутъ всасываться корневыми мочками растеній. Слѣдовательно онѣ могутъ непосредственно входить въ составъ растеній. Слѣдовательно наконецъ онѣ доставляютъ матеріалы необходимые для питанія растеній. Защитники Либиговой теоріи говорятъ противъ этого: ни простой, ни вооруженный глазъ микроскопомъ, ни химическій анализъ не показываетъ присутствія черноземныхъ кислотъ и ихъ солей не только въ различныхъ частяхъ растеній, но даже и въ корневыхъ ихъ мочкахъ. На это возраженіе можно сказать, что всасываніе совершается не по законамъ капиллярности, а по законамъ *впиванія* (Imbibition), *эндосмоза* (Endosmose), и притомъ такъ, что жидкость, всосанная корневою мочкою, тотчасъ при вступленіи въ живую клѣточку растенія разлагается. Вотъ причина, почему внутри каждой клѣточки въ корневыхъ мочкахъ растеній находятъ не бурую, не черную жидкость, а совершенно безцвѣтную. Человѣкъ питается хлѣбомъ, мясомъ, большая часть животныхъ растеніями, но химія не находитъ въ животныхъ организмахъ ни хлѣба, ни растеній въ томъ видѣ, какъ они были приняты. Сила жизни разлагаетъ принятую пищу и претворяетъ ее, то въ мясо, то въ кровь, то въ кость, то въ нервъ, то въ клѣтчатку, то въ другія ткани. Не то же ли самое совершается при процессѣ питанія растеній? Растенія, принимая въ себя черноземъ, разлагаютъ его силою присущей имъ жизни и претворяютъ его то въ древесину, то въ крахмалъ, то въ сахаръ, то въ клеберъ, то въ какія-нибудь другія растительныя произведенія. Сила жизни какъ въ растеніяхъ, такъ и животныхъ одна и та же, только проявляется она различнымъ образомъ. Съ этою мыслію, какъ кажется, согласенъ и Либигъ; на стр. 36 своего сочиненія

Digitized by Google

Organische Chemie u. s. w. говоритъ онъ: Man kennt mit Zuverlässiezkeit die Wichtigsten Organe und Functionen von Thieren, die dem botzem Auge niech siechbar sind; aber in der Pflanzenphysiologie ist ein Blatt stets ein Blatt. Aber ein Blatt, was Terpentinöl, Citronöl erzeugt, muss eine andere Beschaffacheit besitzen, als ein Blatt, in dem Sauerkleesäure gebildet wird. Die Lebenskraft bedient sich in ihren eigenthumlichen Aeusserungen stets besonderer Werkzeuge, fur jede Uerrichtung eines besondern Organs. А это значитъ: Важнѣйшіе органы и отправленія животныхъ, которыя недоступны невооруженному глазу, изучены съ точностію, но въ физіологіи растеній листъ всегда остается листомъ. Но листъ, въ которомъ находится терпентинное масло, лимонное масло, долженъ имѣть другое свойство, нежели листъ, въ которомъ образуется щавелевая кислота. Сила жизни, въ проявленіяхъ ей только одной свойственныхъ, употребляетъ всегда различныя орудія для отправленія каждаго особаго органа.

Обратимся къ теоріи Либига, разсмотримъ его положенія относительно участія, какое принимаетъ черноземъ въ процессѣ питанія растеній, разберемъ доказательства, которыя приводитъ Либигъ въ потвержденіе своихъ мнѣній. Все это вмѣстѣ взятое покажетъ намъ: справедливо ли мнѣніе Либига относительно участія, какое принимаетъ черноземъ въ процессѣ питанія растеній, справедливы ли тѣ похвалы, которыми осыпаютъ Либига его послѣдователи?

Въ 1840 году Докторъ Юстусъ Фонъ Либигъ, профессоръ химіи въ Гиссенскомъ Университетѣ, издалъ книгу подъ заглавіемъ: Organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie; она обратила на себя вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ сельскихъ хозяевъ; и въ два съ половиною года разошлось четыре изданія этой книги. Все сочиненіе раздѣлено на двѣ части. Первая часть разсуждаетъ о процессѣ питанія растеній и содержитъ въ себѣ, между прочими статьями, также и мнѣнія Либига относительно участія, какое принимаетъ черноземъ въ процессѣ питанія растеній, и всѣ доказательства, которыя Либигъ приводитъ

Digitized by Google

въ потвержденіе своихъ мнѣній. Вотъ главныя изъ этихъ положеній и доказательствъ:

Положеніе Либига. — Сельскіе хозяева и писатели по части физіологіи растеній смотрятъ на составную часть почвы и пахатнаго слоя, называемую *черноземомъ*, какъ на главную пищу, которую растенія получаютъ изъ почвы, а на его присутствіе, какъ на самое главное условіе плодородія (6 изданіе Oganische Chemie стр. 6. стрк. 25—26). — Мнѣніе, — что черноземъ, какъ составная часть почвы поглощается корнями растеній, что его углеродъ ни мало неизмѣняя своей формы, служитъ пищею для растеній, — такъ распространилось и укоренилось, что въ настоящее время всякое основательное доказательство относительно такого дѣйствія чернозема почитается неумѣстнымъ; потому что разность въ прозябеніи растеній, которая такъ ярко бросается въ глаза на почвахъ богатыхъ черноземомъ для защитниковъ этого мнѣнія кажется самымъ основательнымъ доказательствомъ. Но если мы подвергнемъ, говоритъ Либигъ, строгому анализу это предположеніе, то найдемъ самыя рѣзкія доказательства, что черноземъ въ томъ видѣ, какимъ находятъ его въ почвахъ ни малѣйше не содѣйствуетъ къ питанію растеній (ibidem, стр. 9 стрк. 10—25). Въ подтвержденіе этого мнѣнія Либигъ приводитъ слѣдующія доказательства:

a) Черноземная кислота трудно распускается, одна часть ея требуетъ для своего растворенія 2,500 ч. воды при температурѣ въ 18° Цел. (ibidem стр. 10 стрк. 14—15).

b) Черноземная кислота распускается въ водѣ, когда она только что приготовлена, но растворимость ея уменьшается, какъ скоро высыхаетъ на воздухѣ, и становится совершенно нерастворимою, когда вода, въ которой она была распущена, замерзаетъ. Слѣдовательно, говоритъ Либигъ, зимній холодъ и лѣтній жаръ отнимаютъ у черноземной кислоты способность распускаться въ водѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ ее способности претворяться въ растенія (rauben die Assimilbarkeit); слѣдовательно она въ такомъ видѣ не можетъ входить въ составъ растеній (ibidem, стр. 10 стрк. 22—31). Въ

Digitized by Google

справедливости этого наблюденія легко убѣдиться посредствомъ промыванія пахатной земли холодною водою. Она вытягиваетъ изъ земли растворимыхъ органическихъ веществъ не болѣе $\frac{1}{100\,000}$ ч., жидкость остается безцвѣтною, а не бурою (ibidem, стр. 11 стрк. 1—4).

c) Неспособность черноземной кислоты, — служить пищею для растѣній въ своемъ нерастворимомъ видѣ, — замѣтили также и писатели по части Физіологіи растѣній, а потому они и стали утверждать, что известь и вообще щелочи, которыя находятъ въ золѣ растѣній, объусловливаютъ собою разтворимость черноземной кислоты и ея способность — претваряться въ организмъ растеній (Assimilirbarkeit) (ibidem, стр. 11 стрк. 11 — 16). Но Либигъ потомъ доказываетъ, что и черноземнокислыя щелочи и земли трудно распускаются въ водѣ. Въ заключеніе на стр. 12 — 13 — 14 — 15, посредствомъ простыхъ вычисленій силится убѣдить: что дождевая вода, — которая падаетъ на землю въ Апрѣлѣ, Маѣ, Іюнѣ, Іюлѣ, именно въ то самое время, когда яровой хлѣбъ успѣваетъ совершенно развиться и вызрѣть, — не въ состояніи распустить столько черноземнокислой щелочи, сколько потребно растеніямъ для произведенія изъ нея всей массы углерода. Либигъ черноземнокислую известь сопричисляетъ къ самымъ трудно растворимымъ солямъ черноземной кислоты и къ веществамъ наиболѣе распространеннымъ въ почвѣ.

d) Весьма малое количество черноземной кислоты, распускаясь въ водѣ, окрашиваетъ ее желтымъ или бурымъ цвѣтомъ. Теперь и надо полагать, говоритъ Либигъ, что почва должна быть тѣмъ плодороднѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ способности окрашивать воду бурымъ цвѣтомъ, т. е. чѣмъ болѣе отдаетъ ей черноземной кислоты. Но, къ удивленію, продолжаетъ онъ, на такой почвѣ не прозябаетъ ни одно изъ сельско-хозяйственныхъ растеній; и всякой навозъ, если долженъ оказывать благодѣтельное вліяніе на прозябеніе растеній, необходимо долженъ потерять это свойство. Вода на безплодныхъ торфяникахъ, на потныхъ лугахъ, гдѣ прозябаютъ только нѣкоторыя растенія, богата этою черноземъ-

Digitized by Google

ною кислотою, но всѣ сельскіе хозяева и огородники согласны въ томъ, что они считаютъ самымъ лучшимъ и полезнымъ для прозябенія такъ называемый гумифицированный (т. е. превратившійся въ черноземъ) навозъ; и это-то именно есть тотъ, который потерялъ способность окрашивать воду (ibidem, стр. 126 стрк. 6—21).

е) Если бы вода имѣла способность растворять противъ своего вѣса хотя бы только $\frac{1}{100,000}$ часть черноземной кислоты или черноземнокислой извести, то мы находили бы сводъ пещеръ и полостей, (въ которыхъ образуются сталактиты), покрытымъ черноземною кислотою; но мы не находимъ тамъ и самомалѣйшихъ слѣдовъ ея. А это можетъ служить, говоритъ Либигъ, самымъ рѣзкимъ и самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что въ почвѣ и пахатномъ слоѣ нѣтъ черноземной кислоты, которую въ ней находятъ химики. Если наконецъ черноземная кислота и ея соли, растворяясь въ водѣ, окрашиваютъ сію послѣднюю бурымъ цвѣтомъ, если колодезная и ключевая вода остаются совершенно прозрачными и безцвѣтными, если онѣ послѣ выпариванія оставляютъ только соли, образуемыя минеральными кислотами, а не черноземною кислотою, то нельзя не усумниться относительно отсутствія черноземной кислоты въ пахотномъ слоѣ, и огородной землѣ. Ключевая и колодезная вода не другое, что есть какъ дождевая вода; она, просачиваясь сквозь почву, должна бы была растворять и соли черноземной кислоты. Если бы черноземнокислой поташъ находился въ почвѣ, то всякая ключевая и колодезная вода, собранная въ глубинѣ, должна бы была содержать въ себѣ извѣстное его количество; но Зельтцерская и Фахингенская минеральныя воды, которыя содержатъ въ себѣ много углекислыхъ щелочей и бьютъ прямо изъ болотистаго луга, богатаго растительными веществами, не содержатъ въ себѣ ни малѣйшаго слѣда черноземной кислоты. Это служитъ самымъ рѣзкимъ и разительнымъ доказательствомъ, что черноземной кислоты, въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ химики, нѣтъ ни въ почвѣ, ни въ пахатномъ слоѣ (ibidem, стр. 125 строк. 8—30).

Digitized by Google

f) При рѣшеніи проблеммы о происхожденіи углерода въ растеніяхъ, совершенно не обращаютъ вниманія на то, что этотъ вопросъ въ одно и то же время совмѣщаетъ въ себѣ и происхожденіе чернозема. Черноземъ происходитъ отъ тлѣнія и гніенія растеній и растительныхъ частей. Слѣдовательно, говоритъ Либигъ, первобытнаго чернозема первобытнаго перегноя не могло и быть, потому что растенія существовали прежде, нежели былъ черноземъ. Откуда же, спрашиваетъ Либигъ, тогда растенія получали свой углеродъ, и въ какой формѣ тогда находился углеродъ въ атмосферѣ (ibidem, стр. 16 строк. 28—31, стр. 17 строк. 1—6).

g) Писатели по части физіологіи растеній обыкновенно допускаютъ образованіе древесины изъ чернозема; они говорятъ: для образованія древесины, крахмала и сахара нужно только черноземy войдти въ химическое соединеніе съ водою (ibidem, стр. 26 строк. 27—31). Но тѣ же самые естествоиспытатели дознали опытомъ, что сахаръ, крахмалъ и камедь, будучи растворены въ водѣ, хотя и всасываются корнями растеній и входятъ во всѣ ихъ части, но онѣ имъ не уподобляются, и не могутъ содѣйствовать ни ихъ питанію, ни ихъ развитію. Нельзя, продолжаетъ Либигъ, представить себѣ формы болѣе годной для уподобленія растеніямъ крахмала, камеди и сахара; потому что эти вещества содержатъ въ себѣ всѣ элементы древесины и относительно своего химическаго состава сходны съ черноземомъ. Однакожъ онѣ не питаютъ растеній. Совершенно ложное представленіе и превратное понятіе о самоважнѣйшихъ жизненныхъ отправленіяхъ у растеній имѣетъ свое главное основаніе въ превратномъ понятіи относительно дѣйствія чернозема (ibi dem, стр. 27 строк. 1—15.).

h) Наконецъ Либигъ и его послѣдователи, въ особенности Пецольдъ, главное свое положеніе относительно участія чернозема въ процессѣ питанія растеній, доказываютъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ растеній могутъ развиваться прозябать и давать плоды безъ всякаго содѣйствія со стороны почвы. Есть много, говорятъ они, луковичныхъ и водяныхъ растеній, которыя прозябаютъ и развиваются въ воздухѣ

Digitized by Google

или въ водѣ не углубляя своихъ корней въ почву. Въ подтвержденіе своихъ доказательствъ приводятъ наблюденія Люкаса, Вилліама Магнаби и Гартига. Эти наблюденія помѣщены въ прибавленіяхъ къ 4 изданію Organische Chemie, въ концѣ первой части на стр. 185—195. Такъ Либигъ въ своей Organische Chemie, 4 изданіе, на стр. 58 стрк. 5—11, говоритъ: Не могу умолчать о томъ, что обыкновенный древесный уголь по своей способности, ему только одному свойственной, и по своимъ качествамъ, которыя мы знаемъ въ немъ, можетъ собою замѣнить наисовершеннымъ образомъ перегной и черноземъ. Опыты и наблюденія Люкаса, приложенные въ концѣ первой части, освобождаютъ меня отъ дальнѣйшаго изложенія насчетъ дѣйствія древеснаго угля. Въ прокаленомъ (и нѣсколько промытомъ) угольномъ порошкѣ можно довести растенія до роскошнѣйшаго развитія, до образованія цвѣтовъ и плодовъ, если ихъ будутъ только поливать дождевою водою. Пецольдъ въ своихъ: Populäre Vorlesungen über Agriculturchemie, на стр. 2, объ этомъ же предметѣ разсуждаетъ такъ: Жизнь растеній, равно какъ и животныхъ, подчинена нѣкоторымъ условіямъ, и мы должны, — потому что здѣсь дѣло идетъ о разсмотрѣніи ихъ химической части, —однѣ изъ этихъ условій, именно воздухъ и воду, и причислить къ самымъ существенымъ, а напротивъ почву къ несущественнымъ (unwesentlichen) условіямъ. Я увѣренъ что изъ изъ васъ никто не будетъ спорить со мною противъ того, что воздухъ и воду отношу я къ существеннымъ условіямъ жизни растеній. Но, безъ всякаго сомнѣнія, вамъ кажется удивительнымъ, что я исключаю изъ нихъ почву, потому что я называю ее несущественнымъ условіемъ. Но я прошу васъ припомнить, что большая часть луковичныхъ растеній, многія водяныя и почти всѣ морскія не имѣютъ нужды въ почвѣ, что онѣ въ водѣ и воздухѣ находятъ свои составныя начала; онѣ также живыя растенія, питаются тѣми же самыми веществами, какими питаются и растенія, имѣющія нужду въ почвѣ. Всему этому, вы можете покуда вѣрить на слово химическому опыту.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Руководство къ землемѣрію и нивеллированію, необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, для знающихъ и не знающихъ математику. Изложилъ гвардіи штабсъ-капитанъ А. Н. Жуковъ. 1848.

Если бы эта книжка называлась: «изложеніе простыхъ способовъ землемѣрія», и оставила въ покоѣ *владѣльцевъ, не знающихъ математики, и сельскихъ писарей, знающихъ только первыя четыре правила ариѳметики*, которыхъ авторъ хочетъ руководить къ правильному измѣренію земли, нивеллированію и даже *изображенію на планѣ* всѣхъ особенностей имѣнія — всѣхъ полей и десятинъ, лѣсовъ и лѣсосѣковъ (?) и проч., дѣло было бы гораздо проще.

Извѣстно, что для *пониманія* необходимо, чтобъ и учитель и ученикъ были *понятны*; а для *непониманія* нужно только, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ *непонятенъ*.

Предлагаемое руководство, какъ и большая часть руководствъ, безъ живаго руководителя, не исполнитъ надеждъ автора, изложенныхъ въ предисловіи.

Домашніе землемѣры въ имѣніяхъ — полезная вещь на всякій случай, точно также, какъ и архитекторы и медики, и физики и химики; но *про свой обиходъ* у насъ въ каждомъ селеніи знаютъ прекрасно мѣрять землю, дѣлить между собой усадьбы, выгоны, пашни, луга, лѣса и проч. Наукообразнаго землемѣрія и хитрыхъ математическихъ инструментовъ для этого не нужно; не нужно знать, сколько

Digitized by Google

въ углѣ градусовъ, не нужно *астролябіи*, которая, по автору, *получила названіе отъ звѣздообразнаго расположенія діаметровъ круга*; между тѣмъ какъ самое слово Ἀστρολαβή значитъ: звѣзды-братъ, т. е. звѣздосниматель, звѣздомѣръ. Это долженъ былъ знать авторъ, потому что онъ опредѣляетъ, что значитъ по-Гречески діоптръ: «*Діоптръ есть слово Греческое, означающее, что лучь зрѣнія проходитъ черезъ два мѣста, или двѣ скважины.*»

Предлагаемое руководство есть ничто иное, какъ та же самая наука землемѣрія и нивеллированія, которую преподаютъ, но съ исключеніемъ доказательствъ на геометрическія дѣйствія. Въ немъ даже оставлены всѣ *темныя* научныя опредѣленія; напримѣръ:

«Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками.»

«Точка есть предѣлъ (конецъ) всякой линіи.»

Помилуйте, возможно ли опредѣлять линію, или лучше сказать, черту *разстояніемъ*? опредѣлять само по себѣ ясное для каждаго темнымъ? Слово *прямая черта* сама себя опредѣляетъ лучше всякаго опредѣленія.

Что за опредѣленіе точки: *предѣлъ, конецъ всякой линіи*?

Германская страсть непремѣнно опредѣлять все, что не нужно опредѣлять или что неопредѣлимо, поселилась во всѣхъ наукахъ и затмила ихъ простоту и ясность.

Къ чему, напримѣръ, Русскому человѣку, даже неучу, толковать: что «*сажень дѣлается изъ четвероугольнаго деревяннаго бруска, на которомъ маленькими мѣдными гвоздиками или простыми нарѣзками назначаются дюймы и футы, вершки и аршины,*» — или что «*веревка употребляется хорошо свитая изъ толстыхъ и крѣпко пряденыхъ снурковъ, такой толщины, чтобъ натянутая двумя человѣками не могла лопнуть.*»

Неужели авторъ думаетъ, что не имѣя ни какихъ понятій о геометріи, и зная только четыре правила ариѳметики на счетахъ, самоучка пойметъ по руководству — математическую терминологію, употребленіе инструментовъ и приложенные чертежи?

Digitized by Google

2. Дѣтскія изданія Г. Ѳ. Наливкина и Г-жи Е. Наливкиной.

При *библіотекѣ для чтенія* Г. Наливкина, цѣлый *магазинъ дѣтскихъ книгъ* и учебныхъ игръ. Сверхъ изданныхъ въ прошедшемъ году разукрашенныхъ книжечекъ для подарковъ дѣтямъ (N 1-й Москв.), Г. Наливкинъ издалъ въ нынѣшнемъ году «*Историческіе разсказы*» и прекрасный *карманный* маленькій глобусъ для дѣтей, который они, изучая географію земнаго шара, могутъ употреблять вмѣсто мяча, если только родители находятъ умнымъ и полезнымъ новѣйшее правило: учить играя. Теперь есть по чемъ учить играя: есть игрушки физическія, механическія, ариѳметическія, геометрическія (изобр. Шателена, см. Моск. N 4. Смѣсь, стр. 86), есть игрушки всѣхъ возможныхъ наукъ и познаній. Современная роскошь *иллюстрированныхъ* изданій для взрослыхъ дѣтей, играющихъ уже другъ другомъ, перешла и въ настоящія дѣтскія изданія.

Не знаемъ, хорошее ли это дѣло, — люди не рѣшатъ, время рѣшитъ. Мы же судимъ спроста слѣдующимъ образомъ: наглядная метода обученія, есть метода памяти, а не размышленія; эта легкая метода родитъ тьму такъ называемыхъ образованныхъ, всезнающихъ, которые, миновавъ положительную науку, знаютъ все *отрицательно*. Не признавая крайностей, мы и послѣдовательную методу науки признаемъ только ту, которая проявляетъ познаніе мыслью, словомъ и дѣйствіемъ; въ подобной только методѣ участіе разсужденія, памяти и чувствъ, одинаково, и способности развиваются не свободно (полная свобода во всемъ заноситъ), но вѣрно и здраво.

Дѣтскія изданія Г. Наливкина современны настоящимъ требованіямъ всего повапленнаго. Въ этомъ онъ не виноватъ. Но мы должны замѣтить забавную методу правописанія, подражающаго мнимому произношенію буквъ *а* и *о*; *этова, ево, оттово*, *абъ* нихъ, вмѣсто объ нихъ; *гаварятъ* вмѣсто говорятъ; *спосабъ* вмѣсто способъ; *каторай* — вмѣсто который, и т. п.

Digitized by Google

Надъ етѣм способам добраи лёди будутъ насмяхатца: што ета, скажут, новае правапясаніе?

Это по выговору также правильно; многіе такъ выговариваютъ; если хотите, можно выкинуть и букву ю и ъ, писать: нравитца вмѣсто нравиться; да чтожъ это такое будетъ? — уничтожьте условленные законы правописанія, которыми держится въ уздѣ и произношеніе живой рѣчи — вы увидите, что за смута родится въ выговорѣ, и какое настанетъ смѣшеніе языковъ. Всѣ будутъ писать по своему и всѣ не будутъ понимать другъ друга.

Учебныя дѣтскія игры, для упражненія во Французскомъ языкѣ, изданія Г-жи Наливкиной:

1. Jeu du toton. Edition d'Hélène Nalivkyn. 1849.
2. Jeu des quatre scènes. Ed. d'H. Nalivkyn. 1849.
3. Le voyageur. Ed. d'H. Nalivkyn. 1849.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

3. Изслѣдованія объ Исторіи и древностяхъ города Херсониса Таврическаго. Соч. Б. В. Кене. 1848.

Отчетливый, замѣчательный, прекрасно изданный трудъ изслѣдованій Г. Кёне объ Исторіи и древностяхъ города, въ которомъ принялъ Владиміръ Великій Св. крещеніе, мы встрѣтили, какъ произведеніе, достойно заслуживающее благодарность каждаго ученаго, каждаго Русскаго. Какъ совокупленіе всѣхъ матеріяловъ историческихъ, археологическихъ и преимущественно нумизматическихъ, прекрасно и стройно изложенныхъ, это сочиненіе безъ упрека поступитъ къ своду избранныхъ матеріяловъ для Русской и Всеобщей Исторіи.

Мы, съ своей стороны, замѣтили только одинъ просмотръ. Авторъ говоритъ (стр. 5), что *Геродотъ не упоминаетъ о Херсонисѣ, и что изъ этого не слѣдуетъ заключать о позднѣйшемъ происхожденіи города.*» Авторъ ошибается: Геродотъ въ IV книгѣ, § 99, говоритъ:

Digitized by Google

«Лежащую отсюда по берегу сего же моря, гористую и вдавшуюся въ Понтъ страну, населяетъ народъ Таврическій, даже до *Херсониса трех-заливнаго* (το Ταυρικὸν ἔθνος, μέχρι Χερσονέσου τῆς τρηχέης * καλεομένης).

Эти слова Геродота тѣмъ важнѣе, что они вполнѣ подтверждаютъ предположеніе автора о мѣстности Херсона, и о гавани его, въ такъ называемой *тройной бухтѣ*. *А. В.*

5. Уложеніе законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ Германіи. К. Лебедева. 128 стр. въ 8-ку.

Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи весьма важно въ отношеніи къ исторіи: — здѣсь выражается внутренняя жизнь народа, его вѣрованія, убѣжденія религіозныя, политическія, нравственныя. Въ этомъ заключается то важное значеніе различныхъ уголовныхъ системъ, которое имѣетъ интересъ и юридическій, и вообще научный. Нигдѣ не проявляется такъ сильно дѣятельность правительствъ, какъ въ этой сферѣ: не прошло ни одного года, начиная съ 1838-го, который бы не былъ ознаменованъ изданіемъ уголовнаго уложенія (стр. 55); нигдѣ наука не показала въ такой степени своего могущества и вліянія на жизнь, какъ въ учрежденіяхъ уголовныхъ. Въ Германіи все это обозначилось осязательнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, по исключительному преобладанію въ ней начала научнаго: вотъ почему разбираемое нами сочиненіе имѣетъ сугубую важность; здѣсь Русскій писатель сказываетъ свое слово объ общеЕвропейскихъ вопросахъ, и является спокойнымъ цѣнителемъ и судьею того пути, который пройденъ государствами, ранѣе насъ выступившими на поприще исторіи и политической жизни. Г Лебедевъ выполнилъ свою задачу весьма успѣшно, разрѣшилъ ее во всей полнотѣ и подробности.

Разбираемое нами сочиненіе распадается на три отдѣла, хотя, можетъ быть, авторъ и не имѣлъ въ виду такого дробленія.

---

* *Χόος*, *χοῦς*, *χοεύς* — впадина, губа и мѣра жидк. кубъ, кубокъ

Digitized by Google

Первый отдѣлъ (стр. 1-24) начинается прекрасно очерченной картиной средневѣковаго состоянія общества и тѣхъ степеней, которыя прошло понятіе о наказаніи въ это время; вліяніе Церкви на смягченіе нравовъ, время кулачнаго права авторъ выставилъ наглядно и вѣрно. Эта картина замыкается изображеніемъ осодержанія и оцѣнкою уложенія Карла V, 1532-г. (Carolina), и составляетъ какъ бы введеніе къ настоящему предмету сочиненія.

За тѣмъ (стр 24 — 62) Г. Лебедевъ подробно разбираетъ начала, достоинства и недостатки уложенія Прусскаго, Австрійскаго, Code penal 1810 года, и Баварскаго. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ распространяться много объ этомъ отдѣлѣ; скажемъ вообще, что изложеніе этой части удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ и показываетъ глубокую ученость автора: онъ вполнѣ изучилъ всѣ законодательные сборники Германіи, и умѣлъ въ небольшомъ объемѣ представить яркую картину ихъ, проведенныя въ нихъ начала преступленій и наказаній.

Наконецъ послѣдній отдѣлъ (стр. 62 — 88 и дополненія) не входитъ въ общее заглавіе книги, а есть ученое разсужденіе объ удовлетворительности уголовныхъ законовъ; здѣсь Г. Лебедевъ подвергается возраженіямъ въ двухъ отношеніяхъ, — къ высшему началу наказаній и къ исправительнымъ тюрьмамъ. Не распространяясь объ этомъ много, скажемъ, что какъ-то странно видѣть въ авторѣ, хотя книга его написана въ 1846 году, поборника начала устрашенія, принятаго Фейербахомъ, и отрицателя пользы и высокаго значенія системы исправительной. Причина въ томъ, что Г. Лебедевъ слишкомъ строго разграничиваетъ начало юридическое отъ нравственнаго, чего невозможно сдѣлать въ уголовномъ правѣ; притомъ цѣль, которой хочетъ авторъ достигнуть чрезъ устрашеніе — уменьшеніе преступленій, гораздо легче достигается чрезъ исправленіе. Начало исправленія есть коренное Русское: стоитъ только обратить вниманіе на значеніе слова *наказаніе* въ древне-Русскомъ языкѣ Исправленіе не дѣлаетъ нисколько преступника безнаказан-

Digitized by Google

нымъ: оно соединяется съ извѣстными лишеніями; поэтому несправедливо, что «потерпѣвшему или обиженному недостаточно того, что преступникъ подвергнутъ наказанію, не возместя причиненнаго вреда; общество не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что для предупрежденія дальнѣйшихъ провиненій, приняты мѣры перевоспитаніемъ порочнаго чрезъ наказаніе» (стр. 124). Что авторъ нашелъ неудовлетворительнымъ тюрьмы новаго устройства въ Гентѣ, Женевѣ и Парижѣ (стр. 122), это можетъ доказывать только ложное приложеніе начала, а не ложность самаго начала.

Слогъ въ новомъ сочиненія Г. Лебедева несравненно лучше, чѣмъ въ прежнемъ; онъ возвышается иногда до силы и краснорѣчія. Припомнимъ также, что авторъ извѣстенъ уже въ нашей литературѣ изданіемъ своего «Введенія въ Исторію,» М. 1833. *М. К.*

6. Карманная библіотека. Влюбленный въ луну. Романъ Поль-де-Кока, пер. С. Сергіевскаго. 4 части 1849.

Не болѣе, какъ за дюжину лѣтъ до настоящей эпохи, Поль-де-Кокъ былъ не въ большой чести; его называли неблагопристойнымъ писателемъ; понятія ли о благопристойности перемѣнились, или Поль-де-Кокъ перемѣнился, — не знаемъ; но его издаютъ уже и для ношенія въ карманахъ. Сказать какъ бы то ни было мнѣніе о Поль-де-Кокѣ, не возможно безъ изложенія значенія всей Французской литературы, которая теперь, какъ извѣстно, не въ нормальномъ своемъ состояніи. Сказать мнѣніе о переводѣ романа «Влюбленный въ луну» — можно, хотя онъ еще не вполнѣ изданъ. Мы думаемъ, что этотъ переводъ лучше *вольнаго* перевода романа «*Жена, мужъ и любовникъ*,» въ которомъ мы видѣли посреди Парижа и *охотный рядъ* и *ванекъ-извощиковъ* и *цыпковый* и пр.; однако на первой же страницѣ мы не поняли покроя одежды Бургиньенца: «На немъ было верхнее платье бѣловатаго сукна, коего полы спускались *до ногъ*.» (?)

Digitized by Google

минскія и одесскія изданія.

5. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ, 1848, XVIII и 402 стр. въ 4 д.

Въ 4 книгѣ мы уже упоминали о этомъ почтенномъ трудѣ Минскаго Гражданскаго Губернатора А. Б. Семенова. Самая книга еще не получена въ Москвѣ, и для ознакомленія съ нею нашихъ читателей, мы должны пока довольствоваться разборомъ, помѣщеннымъ въ 1-й книгѣ Журнала М. В. Д.

Всѣхъ актовъ въ этомъ собраніи помѣщено 171. Расположены они, за нѣкоторыми исключеніями, въ хронологическомъ порядкѣ: древнѣйшій принадлежитъ къ правленію В. К. Литовскаго Александра; слѣдующіе за тѣмъ 38 — къ XVI вѣку, 126 — къ XVII и 6 — къ XVIII столѣтію; позднѣйшій относится къ 1748 году. Относительно языка, 103 (и въ томъ числѣ 30 древнѣйшихъ) писаны на Русско-Литовскомъ или Бѣло-Русскомъ нарѣчіи, 20 — на томъ же нарѣчіи съ выписками изъ другихъ актовъ на Польскомъ, 46 — на одномъ Польскомъ, и 2 — на Латинскомъ. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ памятниковъ подтверждаетъ недавно обнаруженную историческую истину [illegible]повсемѣстное и, можно сказать, почти исконное владычество имени Русь, языка Русскаго и вѣры православной въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи, равно какъ и огромное преобладаніе тамъ Русской стихіи народонаселенія надъ всѣми прочими. Изъ Минскихъ же актовъ узнаёмъ мы и то, «какъ Русское Православіе постоянно, упорно и до самыхъ позднихъ временъ боролось въ Западно-Русскомъ краѣ противу напора враждебныхъ ему вліяній, и то, что не только низшіе слои народонаселенія, но и большинство высшихъ классовъ, нынѣ считающее себя Польскимъ, весьма недавно еще было чисто-Русскимъ и по крови и по религіи, весьма недавно еще торжественно высказывало непоко-

Digitized by Google

лебимую преданность свою Православію и доказывало привязанность свою къ нему, многочисленными пожертвованіями въ пользу мѣстныхъ церквей и монастырей Восточнаго православнаго исповѣданія.

«Къ важнѣйшимъ, свидѣтельствующимъ объ этомъ актамъ Минскаго Собранія, относятся: 1) Фундушевая запись 1609 года, данная Княземъ Адамомъ Корыбутомъ-Вишневецкимъ и женой его (урожденной Хоткѣвичь) въ пользу основаннаго ими въ Брагинскомъ ихъ имѣніи православнаго монастыря, съ проклятіемъ на тѣхъ изъ своихъ потомковъ, которые отступятъ отъ Греческой вѣры, и лишеніемъ ихъ за то правъ ктиторства. 2) Выпись изъ завѣщанія, составленнаго въ томъ же 1609 г., королевскимъ дворяниномъ Дмитріемъ Тышкевичемъ, который заклинаетъ въ этомъ актѣ сына своего, «подъ грозною карою Божіею,» чтобы онъ не допускалъ перемѣны православнаго богослуженія на другое въ церкви Селецкаго своего имѣнія. 3) Актъ, составленный въ 1619 г. православнымъ дворянствомъ Минскаго и другихъ воеводствъ, на заложеніе въ Минскѣ православнаго Петропавловскаго монастыря, причемъ дворянство жалуется на отступленіе части духовенства отъ «православной старожитной Греческой религіи,» отъ повиновенія Святѣйшему Патріарху Константинопольскому, и на принятіе Уніи и поступленіе подъ зависимость Папы, «на что то дворянство никогда не соизволяло, и чего никогда не захочетъ»; этотъ актъ скрѣпленъ 52 печатями и подписями: трехъ Огинскихъ Ратомскаго, Гладкаго, Тышкевича, Сулятыцкаго, двухъ Володковичей, Ванковича, Гораина, Заруцкаго, двухъ Унѣховскихъ, двухъ Тризнъ, двухъ Стецковичей, двухъ Рагозъ, Косова, Василевскаго, Гравза-Сновскаго, Зорневскаго, Наборовскаго, Селявы, Полневскаго, Станкѣвича, Цѣшейка, Есмана, Крупки, двухъ Покоршинскихъ, двухъ Кохановъ, Ходычинскаго, Войнича, Вербиловича, Вериги, Львовича-Кустинскаго, Прибытка, Заволая, Доброневскаго, Шымковича, Давидовича, Стаховскаго, Столповицкаго, Станкѣвича, Лескевича, Кирька, Пашковскаго и Турчина. *

* Вотъ Польскія-то фамиліи: онѣ чисто Русскія. *Ред.*

Digitized by Google

«Не менѣе свидѣтельствуетъ въ пользу привязанности къ Православію мѣстныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ многочисленныя дарственныя записи ихъ, данныя православнымъ церквамъ и монастырямъ въ краю. Мѣщане, то есть городское сословіе, съ своей стороны, также ревностно отстаивали Православіе; при чемъ особенною твердостію и постоянствомъ въ этотъ дѣлѣ отличались преимущественно жители Минска.

«Величайшее участіе въ поддержаніи Православія въ Западно-Русскихъ областяхъ, должно быть приписано существовавшимъ тамъ такъ называемымъ «Братствамъ.» Братствами именовались союзы или общества горожанъ одного происхожденія, одного языка и одной вѣры, учреждавшіяся для взаимнаго вспомоществованія въ исполненіи гражданскихъ и преимущественно религіозныхъ обязанностей. Старѣйшія и многочисленнѣйшія братства на Русскомъ Западѣ были православныя, а подобныя католическія явились лишь въ послѣдствіи; въ 1588 году было ихъ въ Вильнѣ числомъ пять, а черезъ три года они получили духовное утвержденіе отъ Патріарха Константинопольскаго Іереміи, подъ общимъ наименованіемъ «Братства св. Тройцы»; черезъ годъ потомъ Король Сигизмундъ подтвердилъ благословеніе Патріарха, и обѣими грамотами даровано было Братству Св. Троицы право имѣть свою больницу, училище языка и письма Русскаго, Греческаго, Латинскаго и Польскаго, и наконецъ, типографію. Изъ Минскихъ актовъ видно, что такія же Братства существовали въ значительномъ числѣ и по другимъ городамъ Западной Руси. Въ одномъ Минскѣ ихъ было семь; сверхъ того они были: въ Слуцкѣ, Бобруйскѣ, Пинскѣ и въ Брестѣ; а внѣ предѣловъ Бѣлоруссіи находилась, между прочимъ: во Львовѣ, что въ Галиціи, въ Кіевѣ и даже въ *Смоленскѣ* *.

«Обращаясь за симъ къ Актамъ Собранія, имѣющимъ болѣе цѣнности юридической, чѣмъ исторической, находимъ и здѣсь также замѣчательныя данныя для прояснения фи-

* Это наши *клубы*. Религія и языкъ — ихъ предметы, а на Западѣ политика. *Ред.*

Digitized by Google

нансоваго и административнаго устройства и быта Западной Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ; такъ, напримѣръ, по части податей и сборовъ, существовавшихъ тамъ въ означенное время, упоминаются въ Актахъ *серебщизна* или *серебщизна: великая и малая; ординщина; воевщина; коляда; волочебное; осадное; мезлявое; солодовое; броварное; сторожевое; мыто: воеводское, торговое и подужное; капщизна; чеповой сборъ; обвпстки; помѣрное; вѣсовое; кормовое; возовое; воскобойное; пороговое; подонщина; поводкое; кликовщизна; поплечизна; куничное;* и т. д. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ сборовъ объясняется въ самыхъ актахъ. Такъ, напримѣръ, видно, что *капщизною* назывался денежный сборъ съ пива, меду и горѣлки, а *куничнымъ* — такой же сборъ (12 грошей) съ невѣсты, выходившей замужъ въ чужую волость; *кликовщизна* и *поплечизна* сбирались съ усадебной земли, и т. д.; но въ чемъ заключались другіе, какъ *серебщизна, ординщина, воевщина*— изъ напечатанныхъ теперь актовъ съ опредѣлительностію не усматривается.

«Лѣтъ 25 тому, заботливостью и иждивеніемъ незабвеннаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, Протоіерей Григоровичь издалъ «Бѣлорусскій Архивъ Древнихъ Грамотъ.» * Кіевская Коммиссія напечатала уже два тома «Памятниковъ Южной Россіи», въ которыхъ заключаются акты и грамоты губ. *Кіевской*, *Подольской* и *Волынской*. Стараніемъ Г. Семенова собраны и изданы такого же рода памятники, принадлежащіе губ. *Виленской*, *Минской* и частію *Ковенской*. Такимъ образомъ, для полной документальной исторіи Западной Руси недостаетъ теперь только изданія актовъ губерніи *Гродненской*.

7. Воспорское царство, съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами. Соч. Антона Ашика. Часть III. Одесса. 1849.

Россія только что начинаетъ вскрывать золотые рудники своихъ древностей, и богатства ея уже неизчислимы. На предстоящій трудъ ученымъ, столько уже скопилось ма-

* Онъ можетъ быть много пополненъ. *Ред.*

Digitized by Google

теріяловъ для новыхъ соображеній, столько свѣта для Исторіи и Археологіи, что труженики науки скоро побѣгутъ къ *новымъ пріискамъ*, какъ въ Калифорнію, отъ привычной разработки отощавшей почвы Греціи и Рима, и отъ односторонняго взгляда по Европейскимъ даннымъ.

Въ промышленно-ученой части Европы, при безчисленности потребителей матеріяловъ и всепожирающей пасти книгопечатанія, даже почва науки такъ истощилась, что ученымъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ погрязнуть въ метафизикѣ, или бѣжать на площадь и сочинять матеріялы для новой Исторіи.

У насъ, напротивъ, ученая дѣятельность только что возникла, богатства ученой почвы неистощимы, и безъ сомнѣнія, довольствіе сущное не допуститъ науку обратиться въ отрасль промышленности.

Кромѣ недавнихъ правительственныхъ ученыхъ учрежденій, для разработки и изданія въ свѣтъ Русскихъ древностей: Археографической Коммиссіи и Комитета изданія древностей Россійскаго государства, частная дѣятельность ученыхъ также полагаетъ свои способности, силы и способы, на изученіе древностей отечества и изданіе въ свѣтъ трудовъ своихъ. Къ числу замѣчательныхъ изданій прошедшаго и текущаго года принадлежитъ и «Воспорское царство,» Директора Керченскаго Музеума, А. Ашика.

Ученый міръ уже знаетъ объ этомъ трудѣ по 1-й и 2-й части; теперь вышла 3-я послѣдняя часть, которая, при любопытномъ описаніи древностей Воспорскихъ, заключаетъ въ себѣ болѣе 200 изображеній.

Хотя рисунки далеки отъ извѣстныхъ нам... рисунковъ Керченскихъ древностей Академика Ѳ. Г. Солнцева, которые вѣроятно также будутъ литохромированы и изданы; но во всякомъ случаѣ рисунки хороши для частнаго изданія, тѣмъ болѣе, что 3 книги прекраснаго изданія текста и 300 рисунковъ стоютъ 12 руб. сер.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга I. Въ Унив. Тип. 1849. Въ (8-ку слишкомъ 20 печатныхъ листовъ.)

Отечественная Исторія, слава Богу, идетъ у насъ очень успѣшно: безпрестанно являются новые дѣлатели, печатаются важные матеріалы, открываются драгоцѣнные документы. Московское Общество содѣйствовало успѣхамъ ея съ самаго своего основанія, иногда болѣе, иногда менѣе, смотря по обстолтельствамъ. Въ послѣднемъ его изданіи, *Чтеніяхъ*, встрѣчалось также много любопытнаго и значительнаго, за что можно имъ было прощать все лишнее и пустое. Трудолюбію редактора должно было отдавать честь, которой нельзя было только приписывать за разборчивость, ибо печаталось *все, что ни попало*. Общество приняло теперь мѣры, чтобъ впредь отъ его имени выходило только достойное мѣста, занимаемаго имъ въ нашемъ ученомъ свѣтѣ. Редакторомъ новыхъ трудовъ его избранъ нынѣшній Секретарь И. Д. Бѣляевъ, пріобрѣтшій уже себѣ почтенное имя своими изслѣдованіями. Статьи каждой книги будутъ разсматриваться имъ, съ двумя членами, избираемыми для сего ежемѣсячно, и потомъ утверждаться Обществомъ и его Предсѣдателемъ, также слишкомъ извѣстнымъ дѣлателемъ нашей Исторіи, А. Д. Чертковымъ, которому наша нуми-

Digitized by Google

зматика, библіографія и критика одолжены столько. И вотъ передъ нами первая книга новаго изданія. *

Въ первой книгѣ помѣщено: Изслѣдованіе И. Д. *Бѣляева* о дружинѣ и земщинѣ, вопросъ П. С. *Казанскаго* о Несторѣ, заключеніе М. П. *Погодина* о посадникахъ, тысяцкихъ, тіунахъ, и воеводахъ, Домострой Сильвестровъ, съ предисловіемъ Д. П. *Голохвастова*, Разрядная книга 1613 года, съ предисловіемъ И. Д. *Бѣляева*, и нѣсколько статей въ Смѣси, доставленныхъ Гг. *Максимовичемъ*, *Забѣлинымъ* и пр.

Поговоримъ обо всѣхъ статьяхъ порознь.

Главная мысль въ статьѣ Г. Бѣляева, что «въ Москвѣ, равно какъ и вдругихъ городахъ Руси, жители прежде всего раздѣлялись на земцовъ и княжчанъ или на земщину и княжую дружину.»

Это вопросъ важный и капитальный въ нашей древней Исторіи, котораго и не подозрѣваютъ съумасбродствующіе о разныхъ отношеніяхъ.

Мнѣніе Г. Бѣляева не удовлетворятъ меня.

Радъ вступить съ нимъ въ состязаніе увѣренный, что такое состязаніе принесетъ пользу вопросу, наукѣ и мнѣ: это не верхоглядъ, не скорохватъ, который прочелъ разъ лѣтопись или грамоту, да и пошелъ черкать что ему тогда на умъ попало: у Г. Бѣляева знакомство со всѣми источниками не шапочное: онъ составилъ себѣ понятіе, вслѣдствіе долговременныхъ занятій и изслѣдованій; оно будетъ всегда имѣть цѣну, хотя бы и не устояло, ** а оно, можетъ

---

* И вмѣстѣ первая примѣчательная книга, вышедшая въ Москвѣ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ 1849 года. Такъ начался онъ несчастливо, — впрочемъ и въ Петербургѣ также ничего не вышло важнаго во все это время! Желаемъ, чтобъ такое позднее начало вознаградилось впослѣдствіи.

** Я люблю его, уважаю, считаю себя обязаннымъ ему за его содѣйствіе и участіе въ разныхъ моихъ предпріятіяхъ, но въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ Русской Исторіи, — и другъ, и врагъ, и братъ, и незнакомецъ, для меня совершенно всѣ равны. Пусть изъ моей рецензіи увидятъ, что я возстаю на нелѣпости «удалыхъ молодцевъ» Русской Исторіи, отнюдь не потому, что они принадлежатъ тѣмъ или другимъ лицамъ, а потому только, что онѣ нелѣпости.

Digitized by Google

быть, устоитъ, и я радъ буду случаю подать свое мнѣніе о томъ, гдѣ оно имѣетъ нужду въ крѣпчайшихъ подпорахъ.

Вы говорите, что всѣ жители въ городахъ раздѣлялись на земскую и княжую дружину, На чемъ же вы основываете свое мнѣніе?

На словахъ Мстислава Черниговскаго, послѣ его сраженія съ Ярославомъ подъ Лиственомъ, переданныхъ Несторомъ: «какъ мнѣ не радоваться, сказалъ воинственный Князь, обозрѣвъ мѣсто битвы: вотъ лежитъ Сѣверянинъ (Черниговецъ), вотъ лежитъ Варягъ, а дружина моя цѣла!»

Мѣсто это, я согласенъ, очень важно и сильно: Мстиславъ ясно различаетъ въ своемъ войскѣ Черниговцевъ, Варяговъ и свою дружину. Если такъ было въ Черниговѣ, то вѣрно такъ было въ Кіевѣ, Переяславлѣ и прочихъ городахъ древнихъ — заключеніе вѣрное!

Но вотъ въ чемъ дѣло: мѣсто это есть *единственное* во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ, въ продолженіе осьмисотъ лѣтъ, гдѣ различалась бы, или, вѣрнѣе, гдѣ казалось бы различенною, княжая и земская, будто особливая, дружина. *

Спрашивается: можно ли такой важный вопросъ *основать* на одномъ мѣстѣ?

Г. Бѣляевъ говоритъ, правда, что «Лѣтописи предста«вляютъ множество свидѣтельствъ, указывающихъ на раз«личіе земщины и дружины во всѣхъ періодахъ древней Русской Исторіи»; но я, собравъ всѣ мѣста о дружинѣ, т. е. нѣсколько сотъ, не знаю изъ нихъ ни одного, котораго бы нельзя было отнесть къ городской княжей дружинѣ. Пусть укажетъ мнѣ свои и объяснитъ Г. Бѣляевъ, и я буду ему очень благодаренъ.

Военное сословіе было разселено у насъ по городамъ, но оно состояло подъ вѣдомствомъ княжимъ и принадлежало къ числу его воевъ. Никакой другой особой земщины **

---

* Я употребляю здѣсь слово дружина потому только, что его употребилъ Г. Бѣляевъ, но я самъ говорилъ бы здѣсь о вояхъ.

** Слова земщина я тоже не употребилъ бы здѣсь, если бы писалъ свое разсужденіе, а не замѣчаніе на чужое.

Digitized by Google

не было. Дружина собственно княжая, дружина, такъ сказать, par excellence, его гвардія, какъ бы дворцовая рота, была очень малочисленна. Двѣ разныя дружины по городамъ даже и предполагать мудрено: разнаго состава, разныхъ правъ и обязанностей, какъ могли бы онѣ жить между собою мирно? Столкновенія, особенно въ то время, были бы неизбѣжны. Еслибъ было по двѣ дружины въ городѣ, какъ по тому или другому случаю не попало бы объ томъ извѣстіе въ лѣтописи? Земщинѣ придаетъ также Г. Бѣляевъ и Тысяцкихъ, но почему же нѣтъ извѣстія въ лѣтописяхъ объ нихъ, а есть только о Тысяцкихъ княжихъ, Князьями назначаемыхъ или удверждаемыхъ?

Всѣ эти разсужденія заставляютъ меня объяснять Мстиславовы слова иначе, нежели какъ они съ перваго взгляда понимаются, а именно: Мстиславъ могъ радоваться, что его собственная дружина цѣла, а потерпѣла только его же городская (Сѣверяне) и наемная (Варяги).

Хотя, правда, не много далеко отъ Листвена до Бородина, отъ 1030 года до 1812, и отъ Мстислава до Наполеона, но можно воспользоваться для моего объясненія словами сего послѣдняго, послѣ знаменитой битвы Бородинской, о томъ, что при значительной утратѣ войска, гвардія у него осталась цѣлою.

Теперь перейдемъ къ другой основѣ мнѣнія Г. Бѣляева, къ мѣсту изъ договорной Димитріевой грамоты 1388 года: «а коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ и твоихъ бояръ, кто имѣетъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ по тому же съ твоимъ воеводою. А Московская рать кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати.»

Въ Московскомъ періодѣ Г. Бѣляевъ болѣе дома, чѣмъ я, но я все-таки недоволенъ его доказательствами. Слова Мстиславовы можно понимать двояко, а Димитріевыхъ словъ совсѣмъ понять нельзя, такъ какъ хочетъ Г. Бѣляевъ: какимъ образомъ Московская рать можетъ ходить въ войскѣ, а Князья въ нее не могутъ вступаться! Да изъ чего же и войску

Digitized by Google

состоять? Двухъ вождей въ войскѣ никогда не бывало, и быть не можетъ. И къ чему должно было договариваться, чтобъ Московскаго воеводу не принималъ другой Князь? Дворъ княжой, княжая дружина, повторяю, была очень малочисленна, и если все войско состояло изъ земщины, которой Князь не могъ приказывать, и которая слушалась своихъ воеводъ, то на войско свое, состоящее изъ такихъ двухъ несоразмѣрныхъ половинъ, полагаться Князю было трудно! Нѣтъ — слова Димитріевы значатъ что-нибудь другое. Странно, что во всѣхъ прочихъ договорныхъ грамотахъ (а ихъ осталось много) нѣтъ этихъ словъ, ни имъ подобныхъ: вѣрно, здѣсь или ошибка, или пропускъ.

Я укажу, въ пользу своего мнѣнія, совсѣмъ на другія, которыя ясно подтверждаютъ, что городскія дружины были подъ властію Князей. Вотъ что говоритъ Князь Василій Васильевичь въ договорной грамотѣ съ Шемякою 1434: «а гдѣ язъ Князь Велики пошлю своего воеводу *котораго города*, а которые люди тебѣ служатъ того города, и тѣмъ людямъ идти подъ твоимъ воеводою, а твоему воеводѣ итить съ моимъ воеводою.»* Эти слова повторены и во второй его грамотѣ, ** также въ семи слѣдующихъ. ***

И такъ во всѣхъ городахъ были, по словамъ грамотъ, у Великаго Князя свои воеводы.

А вотъ воевода и Московскій — въ первой договорной грамотѣ Василья Димитріевича съ дядею: «Московская рать ходитъ съ моимъ воеводою.... преже сего....» Въ договорныхъ грамотахъ Василія Темнаго съ Боровскимъ Княземъ Василіемъ Ярославичемъ, эти слова сохранились лучше: «а Московская рать ходитъ съ *моимъ воеводою Великаго Князя, какъ было переже сего*». ****

Точно тѣ же слова повторяетъ и Боровскій Князь: «а Московская, господине, рать ходитъ съ твоимъ Великаго Князя воеводою, какъ было переже сего.» *****

Эти слова повторены во многихъ слѣдующихъ грамотахъ.****** Г. Бѣляевъ считаетъ ихъ только доказательствомъ

---

* Собраніе Государ. Грамотъ с 109. ** с. 111. *** с. 115, с. 121. с. 123, с. 126, с. 132. **** с. 159. ***** с. 161. ****** с. 163, 167, с. 180, с. 184, с. 198, 201.

Digitized by Google

перемѣнившихся отношеній Князя и земщины, но вѣдь разстоянія между первою и Димитріевой, только 1 годъ!

Такимъ образомъ двѣ главныя основы мнѣнія о различіи и противоположности дружины княжей и земской — не тверды.

Прочія мѣста, изъ Московскаго періода, объясняются удовлетворительно, безъ предположенія объ особой дружинѣ, а именно: Князь Иванъ Даниловичъ, узнавши о походѣ Тверичъ къ Переяславлю, «укрѣпи всѣхъ своихъ бояръ и Переяславцовъ, и къ Москвѣ посла совокупляя рать.» Здѣсь бояре, т. е. княжая дружина, рѣзко отдѣлены отъ Переяславской и Московской земщины, говоритъ Г. Бѣляевъ.

Нѣтъ; здѣсь бояре, т. е. княжая дружина, рѣзко отдѣлены отъ Переяславской и Московской дружины, не болѣе; такъ легко объясняются и прочія.

Постановивъ различіе между княжей и земской дружиной, Г. Бѣляевъ задалъ себѣ задачу объяснить, какъ земская дружина сливалась съ княжею, и какія мѣры Московскіе Князья для того употребляли. Рѣшаетъ онъ эту задачу очень умно, учено, остро, — и даже слишкомъ, но по изложеннымъ нами причинамъ, это трудъ напрасный, какъ видятъ читатели.

Съ самаго начала были, повторяю, одни вои, коихъ ядро, главная часть, была дружина, дворъ княжій, жившій при немъ, его гвардія. Потому мы и не станемъ разбирать занимательныхъ его частностей, опасаясь утомить вниманіе читателей.

Скажу только, что вопросъ о дружинѣ связанъ съ вопросомъ о землѣ, о которой Г. Бѣляевъ представлялъ такое прекрасное разсужденіе въ Москвитянинѣ прошлаго года, и о которой я представлю свое мнѣніе, когда авторъ издастъ вполнѣ свое важное сочиненіе, плодъ трудовъ многолѣтнихъ и добросовѣстныхъ.

Прибавлю еще, что разсужденіе Г. Бѣляева, по своему направленію и взгляду, принадлежитъ къ одной категоріи съ разсужденіемъ П. В. Кирѣевскаго, помѣщеннымъ въ Москвитянинѣ 1845 года.

Digitized by Google

Радъ побесѣдовать съ ними вмѣстѣ: это не Гг. N. N., не M. M. или S. S.

Вторая статья: Вопросъ о Несторѣ, гдѣ Профессоръ Казанскій, находя разнорѣчія въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія и Несторовой лѣтописи, предлагаетъ свое сомнѣніе о ихъ тождествѣ. *

Третья статья, моя: о Посадникахъ, Тысяцкихъ Воеводахъ и Тіунахъ. Я слѣдовалъ въ ней извѣстной своей методѣ, *которую предлагалъ всѣмъ молодымъ изслѣдователямъ*: собирать о каждомъ вопросѣ всѣ свидѣтельства, и на основаніи ихъ предлагать свое мнѣніе.

Такимъ образомъ оказалось, что

«*Посадники* были у насъ во всѣхъ городахъ и даже волостяхъ, назначались Князьями и даже заступали ихъ мѣсто, т. е. были ихъ намѣстниками, правителями, и соотвѣтствовали позднѣйшимъ воеводамъ, или нынѣшнимъ Гражданскимъ Губернаторамъ.

«*Тысяцкіе* начальствовали по городамъ отъ Князей военными ихъ силами (тысячами) и предводительствовали ими на войнѣ (держали воеводство). Это были въ родѣ Корпусныхъ Генераловъ нашего времени. (Воевода же было тогда общее нарицательное имя предводителя войска, вождя.) У Князя бывали многіе Тысяцкіе, смотря по количеству подчиненныхъ ему городовъ, равно какъ и многіе Посадники.

«*Тіуны* въ городахъ имѣли въ своемъ завѣдываніи преимущественно княжіе доходы, собирали разныя пошлины и соотвѣтствовали казначеямъ.»

Это итоги — объ нихъ и спорить нечего. Въ статьѣ есть нѣсколько опечатокъ и пропусковъ, потому что мнѣ не случилось прочесть корректуры. Новгородъ не входилъ въ соображеніе.

Въ числѣ матеріаловъ занимаетъ первое мѣсто *Домострой Благовѣщенскаго Попа Сильвестра* — драгоцѣннѣйшее историческое открытіе, какое только сдѣлано въ продолженіе послѣдняго времени.

---

* См. Москвитянинъ N 5, въ Смѣси, с. 10.

Digitized by Google

Рукопись эта была извѣстна, но во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ недоставало послѣдней главы, изъ коей значится, что сочинитель ея былъ знаменитый Сильвестръ, другъ и совѣтникъ Грознаго отъ 1547 года до 1550 годовъ, славнѣйшее лице во всей Русской Исторіи.

Это мой любимецъ, и во многихъ своихъ статьяхъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, я говорилъ объ немъ, пространнѣе въ разсужденіи о Грозномъ. * Въ посланіи его и наказаніи отъ отца къ сыну выражается вся эта чистая, прекрасная, высокая душа, получается драгоцѣнный комментарій на всѣ его дѣйствія, совершенно согласныя по лѣтописямъ и прочимъ документамъ съ этими сочиненіями, и наконецъ представляется идеалъ стараго Русскаго человѣка во всемъ его блескѣ. Вотъ, вотъ чему поклонялся и поклоняется Москвитянинъ въ древней Русской Исторіи! Вотъ древняя Русская личность, которую не могутъ понять Западные мудрецы, и еще менѣе Восточныя ихъ обезьяны или недоросли. Вотъ—древняя святая Русь во всей своей красотѣ и велелѣпіи. Безъ восторга, безъ неизъяснимаго, сладкаго, гармоническаго чувства, какое производятъ въ насъ оды Державина, стихотворенія Пушкина, картина великаго мастера, высокая духовная музыка, нельзя читать этихъ священныхъ изліяній души простой, любовной, праведной. Сокровища Русской исторіи, сокровища Русской исторіи,—о какъ мы должны благодарить Бога, который осыпалъ насъ ими, — но благодаримъ ли мы Его!

Сочиненіе Сильвестра соотвѣтствуетъ сочиненію Посошкова, жившаго послѣ чрезъ 200 почти лѣтъ. Но Посошковъ—былъ человѣкъ болѣе дѣловой, болѣе правительственный, гражданинъ Имперіи Петровой, пережившій совсѣмъ другое

---

* См. въ моихъ историко-критическихъ отрывкахъ, с. 232—257. Г. Соловьевъ представилъ извѣстія о Сильвестрѣ совершенно небывалыя, которыхъ *нѣтъ* въ указанныхъ имъ источникахъ (См. его разсужденіе объ отношеніяхъ Князей Рюрикова дома). Не понимаю, какъ они могли ему такъ представиться.

Digitized by Google

время, который разсуждаетъ уже о хозяйствѣ государственномъ,* какъ Сильвестръ о домашнемъ.

Къ числу доказазательствъ издателя о принадлежности Домостроя Сильвестру, должно включить вкладъ по Сильвестрѣ и *по сынѣ его Анѳимѣ*, найденный мною въ Кирилловомъ монастырѣ, и описанный въ Москвитянинѣ, не помню какого года.

Изданіе сдѣлано очень тщательно, какъ видно, но мы жалѣемъ, что варіанты вставлены въ текстъ (чѣмъ прерывается теченіе рѣчи), а не отнесены подъ черту.

Удерживаюсь говорить болѣе объ этомъ знаменитомъ писателѣ, потому что Д. П. Голохвастовъ обѣщаетъ намъ въ своемъ предисловіи полное изслѣдованіе, а онъ пріучилъ насъ находить въ своихъ статьяхъ все, что относится къ предмету, и слѣдовательно намъ не нужно теперь принимать на себя лишняго труда. Мы надѣемся, что онъ воздастъ полную справедливость Сильвестру, коей не получилъ отъ него, по нашему мнѣнію, Палицынъ.

Надѣемся угодить читателямъ, передавъ вполнѣ Сильвестрово посланіе:

«Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Селивестра, возлюбленному моему, единородно сыну, Анѳиму.

«Милое мое чадо, дорогое! Послушай отца своего наказаніе, рождьшаго тя, и воспитавшаго въ добре наказаніи и вѣ заповедехъ Господнихъ; и страху Божію и Божественому писанію изучену, и всякому закону христіяньскому; и промыслу доброму во всякихъ торговлехъ и во всякихъ товарехъ наказу; и святительское благословеніе на себѣ имѣешь, и Царское Государево жалованіе, и Государыни Царицы, и братіи его, и всехъ Боляръ; и съ добрыми людми водишися;

---

* До сихъ поръ только Епископъ Филаретъ и Профессоръ Горловъ обратили вниманіе на этого самороднаго Русскаго генія — о невѣжество! о обезьянство! Ни въ одной Нѣмецкой книгѣ, ни въ одной Французской газетѣ, онъ не цитованъ, и мы не смѣемъ упомянуть его имени. Я хочу перевести его по-Нѣмецки, и напечатаю въ Германіи: авось Нѣмцы протрубятъ объ немъ, и мы тогда переведемъ ихъ аттестаты.

Digitized by Google

и со иногими иноземцы великая торговля и дружба есть; все еси доброе получилъ, и умѣй еси совершити о Бозѣ: яко же начато при нашемъ попеченіи, и по насъ тако же бы Богъ соблюлъ по тому жити.

«И законному браку сочтахъ тебѣ у добру родителю благодарную дщерь; и благословилъ есми тобя всякою святынею, и честными кресты и святыми образы, и благословеннымъ стяжаніемъ, яко же мню отъ праведныхъ трудовъ, а въ невѣданіи Богъ правитель.

«И нынѣ убо, сыну Анфимъ, предаю тебѣ и поручаю и оставляю Создателю нашему, доброму блюстителю, Іисусу Христу, и Его Матери, Пречистыя Богородица и Заступнице нашей, Помощнице, и всемъ Святымъ: яко же рече писаніе: подщися дѣти оставити наказаны въ заповедехъ Господнихъ, лучше неправеднаго богатства; аще и въ праведномъ убожестве, неже бы въ неправедномъ богатствѣ.

«И ты, чадо, блюдися неправеднаго имѣнія, а твори добрая дѣла. Имѣй, чада, великую вѣру къ Богу; все упованіе возлагай на Господа: ни кто же, надѣяся на Христа, не погибнетъ. Прибѣгай всегда съ вѣрою ко святымъ Божіимъ церквамъ; заутрени не просыпай; обѣдни не прогуливай; вечерни не погреши и не пропивай: навечерница, и полунощница, и часы, въ дому своемъ всегды, по вся дни, пѣти: то всякому христіянину Божій долгъ. Аще возможно, по времени, прибавишь правила: на твоемъ произволеніи: большую милость отъ Бога обрящеши. — А въ церкви Божіи и дому, на правиле и на всякомъ моленіи, и самъ, и жену, и детей, и домочатцовъ, стояти со страхомъ; Богови молитися, и со вниманіемъ слушати отнюдъ въ те поры ни о чемъ не бесѣдовати, ни обзиратися разве ли кія нужда. А говорити правило келейное и церковное единогласно, чисто, а не вдвое.— Священническій чинъ и иноческій почитай: тѣ бо суть Божіи слуги: тѣми очищаемся отъ грѣховъ: тѣ имѣютъ дерзновеніе молитися Господу о гресѣхъ нашихъ, и Бога милостива сотворятъ. — Повинуйся, чадо, отцу духовному, и всякому священническому чину, во всякомъ духовномъ наказаніи; а жена тако же. Въ домъ свой ихъ призывай молитися о здравіи за Царя и Государя, и за Царицу и чада ихъ, и за братію его, и за священническій чины и иноческій, и за вся христіяне; и о своемъ согрѣшеніи и о своихъ домочадцевъ молебная совершай; и воду бы святили съ животворящаго креста и со святыхъ мощей и съ чюдотворныхъ образовъ; аще болезьни ради, за здравіе и масломъ свящаютъ. И въ церквахъ Божіихъ тако же твори; приходи съ милостынею и съ приношеніемъ, за здравіе, и по родителяхъ представльшихся память твори, со всякою чистотою: и самъ воспомя-

Digitized by Google

новенъ будеши отъ Бога.—Церковниковъ, и нищихъ, и маломо́жныхъ, и бѣдныхъ и скорбныхъ, и странныхъ пришéлцовъ, призывай въ домъ свой, и по силе накорми и напой и согрѣй; и милостыню давай, отъ своихъ праведныхъ трудо́въ, и въ дому́ и въ торгу́ и на пути́: тою бо очищаются грѣси́, тѣ бо ходатаи Богу о гресѣхъ нашихъ.

«Имѣй, чадо, истинную правду и любовь нелицемѣрную ко все́мъ; не осужай никого ни въ чемъ: свои грѣхи разсужай, како избы́ти их. — Чево самъ не любишь, того и другу не твори, и храни чистоту телесную паче всего; да наступи на совесть свою, яко же на лютаго врага; и возненавиди, якоже милаго, душетленнаго друга, хмельново питья. Господа ради отверзи отъ себѣ піяньство; въ семъ убо недуге, и вся злая ражаются обы́чаи отъ чего. Аще отъ сего сохранитъ тя Господь, вся благая и полезная отъ Бога получиши, и отъ человѣкъ честенъ будеши, и души своей про́свѣтъ сотвориши на вся добрая дѣ́ла. — Воспомяни, чадо, Апостольское слово: „не прельщайтеся: ни пьяница, ни блудникъ, ни прелюбодѣй, ни содомленинъ, ни гать, ни разбойникъ, ни клеветникъ, ни хищникъ, царствія Божія не наследятъ.“ — Аще которою страстію побѣдился еси, чадо, или́ въ которое грѣхопаденіе впалъ, о семъ прибѣгни къ Богу, съ теплою вѣрою, и ко отцу духовному съ горькими слезами; и плачися о грѣсехъ своихъ, и кайся истинѣ, еже таковая не творити; и заповедь отца духовнаго храни, и эпитемью держи: милостивъ Господь, праведныхъ любитъ, грѣшныхъ ми́луетъ, всехъ зоветъ ко спасенію. И, паки, храни и блюди себе въ христіяньскомъ жити праведномъ законе; удержи языкъ свой отъ зла, и устне свои еже не глаголати льсти; храни себе ото ла́жа, и отъ похвалы, и отъ клеветы; и самъ ни въ чемъ не величайся; уничижи себѣ паче всехъ человѣкъ, узриши славу Божію. — И всякого, чадо, не презри во всякой нужи; памятуй, чадо, како мы́ жихомъ: вѣкъ никто же изыдѣ отъ дому́ нашего тощь или́ скорбенъ; по силе, вся потребная, всякому человѣку, Бога ради, да́вано; и скорбново словомъ по́лзовано; аще кому, въ чемъ возможно, и мы́ помогали, Бога ради, и ссужали вся́чески; а намъ, невидимо, Христосъ изобилно посылалъ милость Свою, всякихъ благихъ. А не помыслихомъ никогда на зло, ни кому, разьве недоразумія, а безъ лукавства.

«Чадо, люби мнишескій чинъ, и странніи пришелцы всегда бы въ дому́ твоемъ питалися, и въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходи; и въ темни́цахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай, и милостынію по силе давай

Digitized by Google

«А домочадцовъ своихъ одевай, и корми доволно. А жену свою люби, и въ законе живи, по заповѣди Господни. Въ недѣлю, и въ средъ, и въ пятокъ, и въ празники Господни, и великій постъ въ чистоте пребывайте, въ посте и молитве, и въ покаяніи, и во всякихъ добродѣтелехъ. Закошное жительство въ славу Богу и въ жизнь вѣчную; и любодѣемъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ.

«Да самъ, чадо, что твориши, того жену учи: всякому страху Божію, и всякому вѣжьству и промыслу и рукодѣлью, и всякому рукодѣлью и домашнему обиходу; и всякой поря́дне. Умѣла бы сама и печи́ и вари́ти, и всякую домашнюю поря́дню умѣла, и всякое женьское рукодѣлье зна̀ла; коли сама все знаетъ и умѣетъ, нно умѣетъ и дѣтей и слугъ всему научити, и наряжати, и наказати во всемъ; и сама бы хмелново питья отнюдъ не любила, и дѣти и слуги́ у ней того не любили же. — А всегда бы жена безъ рукодѣлія сама ни на часъ не была, разве не́мощи, а слуги́ у ней тако же А въ го́стехъ будетъ, или у ней гости, отнюдъ бы сама пья́на не была; а съ го́сть́ями бесѣда бы была о рукодѣльи, и о домашней поря́дне, и о законномъ христіяньскомъ житіи, а не пересмѣивайся, и не переговаривала бы ни о комъ ничево. Въ гостехъ и въ дому̀ пѣсней бесовскихъ, и всякого срамословія, и блядивыхъ речей, и блудныхъ пословицъ, сама, и слуги, не говорила и не творила бы того; ни у кого бы не слушала. И волхвовъ и куде́сниковъ, и всякого чарованія не знала бы; и въ до́мы не пущали ни мужиковъ ни женокъ. Аще не внимаетъ сего, всячески наказуй, страхомъ, и спасая; а не гневайся на жену, а жена на тебѣ; наказуй наедине; да наказавъ примолви; и жалуй и люби ея. Тако же и дѣтей и домочадцовъ своихъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣломъ; понеже тебѣ о нихъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. Аще по нашему наказанію и по сему писанію учнете жити, велію благодать отъ Бога обрящете, и жизнь вѣчну наслѣдите, и съ домочадцы своими.

«Да держися, чадо, добрыхъ людей, во всякихъ чинехъ, и ревнуй добрымъ дѣломъ ихъ; внимай словеса̀ добрые и твори я. Почитай часто Божественое писаніе, и влагай въ сердце, себѣ на ползу.

«Виделъ еси, чадо: како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговеніи и страсѣ Божіи, и въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и Божественнымъ писаніемъ ползуючися всегда, и како были, Божіею милостію, отъ всѣхъ почитаемъ, и всеми любимъ, и всякому, и въ потребныхъ, уноровилъ: и рукодѣліемъ и службою

Digitized by Google

и покорѣіемъ; а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣивалъ, ни укàривалъ никого, ни бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы̀, Бога ради, терьпѣли, и на себя вину полагали; и тѣмъ враги други быша; и аще которою виною, душевною или телесною, согрѣшихъ предъ Богомъ и предо всѣми человѣки, и вскоро о томъ плакахся къ Богу грѣха своего; и у отца своего духовнаго каяхся со слезами, и умилне прощенія прося, и заповеди его духовныя съ любовію храня́хъ, яко же повелитъ ми; и аще кто мя въ моемъ прегрѣшеніи, или въ каковѣ невежьствѣ обличитъ, илѝ кто духовне накажетъ, илѝ кто въ посмѣ́хъ поноситъ мя и укоряетъ, вся сія съ любовію пріимахъ, и себѣ внимахъ; аще по дѣ́ломъ, о всемъ о семъ каяхся, и отъ таковыхъ дѣлъ удаляхся, Богу поспешествующу ми; аще что и не повинно, и не по дѣлу, молва или поношеніе, или посмѣ́хъ каковъ, или укоризна, или удареніе, — во всемъ въ томъ винихся, и не оправдахся предъ человѣки: Богъ сіе праведнымъ Своимъ милосердіемъ исправитъ. Воспоминахъ Евангельское слово: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кленущія вы, молите за творящая вамъ пакости, изгонящая вы; біющему тя въ ланиту, обрати ему и другую, и отъ взимающаго ти ризу, и срачицу не возбрани; и всякому просящему у тебе дай: отъ взимающаго твое, не изтязуй̀: аще кто тя пойметъ поприще едино, иди съ нимъ и двѣ. И паки еще вспоминая причастную молитву: Господи, даждь ми милость, ненавидящимъ мя и враждующимъ ми и поношающимъ ми, тако же и оклеветающимъ мя: да никто же, ни како же, отъ нихъ, мене ради нечистаго и грѣшнаго, зло нѣ́какo постражетъ, ни въ нынѣшнемъ ни въ будущемъ вѣце; но очисти ихъ милостію Своею, и покрый ихъ благодатію Своею, Благій!

«Тѣмъ всегда утешахъ себѣ.

«Не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія, отъ юности своея и до сего времени, кромѣ немощи.

«Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печална, никогда же презрѣхъ, кро́ме́ невиденія.

«И въ темницы болна и пьлене́на, и изъ работы должьна, и во всякихъ нужахъ, по силе, окупихъ, и гладныхъ, по силе, кормихъ.

«Рабо̀тныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы, и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ роботные наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко же видиши, и молятъ за ны Бога, и доброхота́ютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во

Digitized by Google

всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли.

«Виделъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женьска, и въ Новѣгородѣ, и здѣ на Москвѣ, вскормихъ и вспоихъ, до совершена возраста; изучихъ, хто чево достоинъ; многихъ грамотѣ, и писати и пѣти; иныхъ иконного писма, инѣхъ книжного рукодѣлія; овѣхъ серебреново мастерства, и иныхъ всякихъ, многихъ, рукодѣлей; а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многіе дѣвицы и вдовы пустошные и убогіе, воспитала въ добре наказаніи, изучила рукодѣлію, и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ, за мужь давала; а мужескій полъ пожениля у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ, свободны: своими добрыми домами живутъ; многи во священническомъ и во дьяконьскомъ чину, и въ дьяцѣхъ и въ въ подьячихъ, и во всякихъ чинехъ; кто чево дородился, и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти. Овіи рукодѣльничаютъ всякими промыслы, а многія торгуютъ въ лавкахъ; иныи и госльбы дѣютъ, въ различныхъ земляхъ, всяки торговлями. А, Божіею милостію, во всѣхъ тѣхъ нашихъ скорлениекехъ и послужившихъ, ни соромота ни убытокъ, никакая продажа отъ людей, ни людемъ отъ насъ, ни тяжа ни съ кемъ не бывала: во всемъ Богъ соблюлъ по сямѣста, а отъ кого намъ, отъ своихъ скорлениковъ, досада и убытки многи и велики бывали, ино то все на себѣ понесено, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ.

«И ты, чадо, тому же ревнуй, и тако твори; на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ.

«Не познахъ другія жены, разве матери твоея; еже съ нею обѣщахове, то и сотворихъ о Бозѣ. Соверши, Христе, христіаньски скончати животъ свой, въ заповедехъ Твоихъ!

«Живи, чадо, по христіянскому закону, во всякихъ обычаехъ, безъ лукавства и безо всякія хитрости ко всемъ. А не всякому духу вѣруй: доброму ревнуй; лукавыхъ и законопреступныхъ, во всякихъ обычаехъ, отнюдъ не люби; а законной бракъ, со всякимъ опасеніемъ, храни: до коньчины живота своего чистоту телесную храни; кромѣ жены своей не знай никого. И пьяньственнаго недуга также берегися: въ дву сихъ главизнахъ вся злая сводятся, до ада преисподняго; и домъ пустъ; именію тщета; и отъ Бога непомилованъ будетъ, и отъ людей безчестенъ и посмѣянъ и укоренъ, и отъ родителю проклятъ. Аще, чадо, тебя отъ сего зла Господь сохранитъ, законъ

Digitized by Google

сохранишн по заповеди Господни, и отъ хмелного питья воздержися, и во всякихъ добродѣтелехъ поживеши, яко же есть богобоязнивія люди, и ты отъ Бога помилованъ будеши, а отъ людей честенъ; и исполнитъ Господь домъ твой всякою благодатію.

«И еще воспомянути: гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сусѣдстве и съ знаемыми любовно живи, о хлѣбѣ и о соли, и доброй здѣлкѣ, и о всякой ссудѣ.

«А поедешь куды въ гости, поминки не дороги вози за любовь.

«А въ пути, отъ стола, есть подавай домовнымъ государемъ и приходящимъ, и ихъ съ собою сажай за столъ, и питейца тако же подавай; а маломожнымъ милостыню давай. Аще сія твориши, то везде тебя ждутъ и стречаютъ, а въ путь провожаютъ; отъ всякаго лиха берегутъ; на стану не подадутъ; а на дороге не розобьютъ; того ради кормятъ: добраго за добро, а лихова отъ лиха: тотъ ся на добро обратитъ. Во всемъ въ томъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людехъ хлѣбъ соль заемное дѣло, а поминки тако же, а дружба въ вѣкъ, а слава добрая. А на дороге, и въ пиру, и въ торговле, отнюдь самъ брани не зачни; а кто излаетъ, терпи, Бога ради, а отъ брани уклонися: добродѣтель злобу преодолеваетъ: Господь бо гордымъ противится; смирена Богъ любитъ, а покорену Богъ благодать даетъ.

«Аще людемъ твоимъ лучится съ кѣмъ брань гдѣ ни будь, и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, и ты и ударь, хоти и твой правъ: тѣмъ брань утолиши, тако же убытокъ и вражда не будетъ. Да еще недруга напоити и накормити хлѣбомъ да солью: ино, вместо вражды, дружба.

«Воспоминай, сыну, великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности, и до сего времени, на поруку не давалъ никого, ни меня не давывалъ никто, во всякихъ вещехъ: и на суде не бывалъ ни съ кемъ; ни искивалъ, ни отвечивалъ. А видѣлъ еси самъ: въ рукодѣяхъ, и во многихъ, во всякихъ вещехъ, мастеровъ всякихъ было много: иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы, и плотники и каменьщики, и всякіе, и кирпищики и стеньщики, и всякіе рукодѣльники; деньги имъ даваны на рукоделье, наперед, по рублю, и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и болши; а многи были чмуты и бражники; и, со всѣми тѣми мастеры, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, розлезеносяся безъ остуды, и безъ приставa, и безо всякія кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣніемъ.

Digitized by Google

А самъ у кого што купливалъ, ино ему отъ мене милая розласка: безъ волокиды платежь, да еще хлѣбъ да соль сверхъ. Ино дружба въ вѣкъ: ино всегда мимо мене не продастъ, и худаго товару не дастъ, и у всего не дóиметъ. А кому што продавывалъ, все въ любовь, а не въ оманъ; не полюбитъ хто моего товару, и азъ назадъ возму, а денги отдамъ: а о купли и о продажи ни съ кемъ брань и тяжбá не бывала; ино добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣ, и иноземцы. Ни кому ни въ чемъ не сълыгивано, ни манено, ни пересрочено, ни въ рукодѣльи, ни въ торговли. Ни кабалы ни записи на себя ни въ чемъ не давалъ, а ложь ни кому ни въ чемъ не бывала: а видѣлъ еси самъ, какіе великіе сплетки со многими людьми были; да все, далъ Богъ, безъ вражды коньчалося. А ведаешь и самъ, что не богатествомъ жито съ добрыми людьмѝ: правдою да ласкою да любовію, а не гордостію, и безо всякія лжи.

«Чадо мое любимое, Анфимъ! Еже тя поучахъ и всячески наказывахъ о всякомъ добродѣтельномъ и богодухновенномъ житіи, и грубое сіе пúсаніе худаго моего ученія предахъ ти, молю тя, чадо, Господа ради и Пречистой Богородицы, и великихъ чюдотворцевъ, почитай себѣ, съ любовію и со вниманіемъ, и напиши на сердци своемъ; и прося у Бога милости и помощи, и разума и крѣпости, и вся предреченная, съ любовію и дѣломъ, тако же, по сему писанію, и жену поучай и наказуй; тако же и детей своихъ и домочадцовъ; всехъ учи страху Божію и добродѣтельному житію. И, аще самъ вся сія твориши, и жену и детей, и рабъ и рабынь, и всехъ ближнихъ своихъ и знаемыхъ научúши, и домъ свой дóбре устроиши, вся благая отъ Бога обрящеши, и жизнь вѣчную наслѣдиши, со всеми одержимыми тобою. Аще, сыну, моего моленія и поученія не вземлеши, и по сему писанію не учнеши жити, яко же и прочіи добрые люди и боязнивіи мужіе, и отца духовнаго заповеди не учнешь хранити, и отъ богодухновенныхъ мужей не пользуешися поученіемъ, и почитаніемъ святаго писанія, и христіяньскаго праведнаго закона не храниши, и о домочадцѣхъ своихъ не радиши, — и азъ твоему грѣху не причастенъ: самъ, о себѣ и о домочатцехъ своихъ и о жене, ответъ даси въ день страшнаго суда. Аще, чадо мое возлюбленное, и малые сія заповѣди худаго моего ученія сохраниши, и по нашему пути пойдеши, и словесъ моихъ послушаеши, и дѣломъ творити начнеши, и будеши сынъ свѣту и наслѣдникъ небесному царствію; и будетъ на тебѣ милость Божія, и Пречистыя Богородицы и

Digitized by Google

Заступницы нашея, и великихъ чюдотворьцевъ: Николы, Петра, Алексѣя, и Сергія и Никона, и Кирила и Варлама и Александра, и всѣхъ Святыхъ, и родительская молитва, и мое вѣчное на тебѣ благословеніе, отъ нынѣ и до вѣка; и благословляю тебя, чада своего, и прощаю, въ семъ и въ будущемъ; и буди на тебѣ милость Божія; и на жéнѣ твоей и на чадехъ твоихъ, и на всѣхъ вашихъ доброхотавъ, отъ нынѣ и до вѣка!

«Чадо мое, единоро́дное и любимое, Анѳимъ! произволилъ Богъ, и Благочестивый и Православный Царь Государь велелъ послужити тебѣ въ своей Царской казнѣ, у таможенныхъ дѣлъ; и нынѣ молю тя, чадо, и со слезами глаголю: Господа ради памятуй Царское наказаніе, прося у Бога помощи и разума отъ всея души и отъ всего помышленія; служи вѣрою да правдою, безо всякія хитрости, и безо всякаго лукавства; во всемъ Государьскомъ другу не дружи, нéдругу не мсти, и волокида бы людемъ ни въ чемъ не была; всякого отделяй съ любовію, безъ брани; а не поспѣется, и ты добрымъ словомъ отвѣщай, и присрочивъ, не изволоча, отпусти: а въ торговли прямую розласку чини: душевредная бы твоя служба не была Государю ни въ чемъ; а самъ, благословленымъ Государьскимъ урокомъ сытъ буди; и все бы у тебя Государьское было всегда въ счете, и въ смѣте, и въ писмѣ, и приходъ и розходъ; и къ казначеемъ буди послушенъ, а съ товарищами совѣтенъ, а къ подьячимъ и мастеромъ и къ сторожéмъ, грóзенъ и любовенъ, и ко всякимъ людемъ приветенъ, а побѣдныхъ и скорбныхъ и нужныхъ, и полоненико́въ, отнюдь безъ волокиды управъ, и отъ собя, по си́ле, накорми и напой, и милостыню дай, по человѣку смотря; а случится судъ: всякаму человѣку, богату и убогу, другу и нéдругу, аще свое дѣло истинно и праведно, безъ волокиды и безо всякія хирости соверши, по Евангельскому словеси: не на лица̀ судите, сынове человѣчестіи, но праведенъ судъ судите; имъ же судите судомъ, судится вамъ, и въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится.*

«Слава Свершителю Богу, нынѣ и въ вѣкъ вѣка. Аминь.»

За Домостроемъ, слѣдуетъ Разрядная книга 1615 года* съ ученымъ предисловіемъ Г. Бѣляева, гдѣ онъ разсѣялъ странное мнѣніе, существовавшее у насъ объ этихъ доку-

---

* На другой день по полученіи Временника мнѣ случилось купить третій и прекрасный списокъ Домостроя, и также безъ посланія Сильвестрова.

Digitized by Google

ментахъ, и показалъ осязательно, изъ чего они состояли и что они значили. Все что у насъ было говорено о нихъ прежде, все то должно уступить мнѣнію Г. Бѣляева, а Разрядная книга во всей своей полнотѣ и цѣлости, которая теперь является въ первый разъ (т. е. послѣ Новикова, нами забытаго), открываетъ передъ нами новый рядъ источниковъ отечественной Исторіи Царскаго періода. Глубочайшая признательность за это обогащеніе науки.

Жаль, что издатель не перевелъ годы отъ С. М. на годы отъ Р. Х. — Еще замѣчаніе: разстановка знаковъ препинанія и особенно корректура не совсѣмъ исправна.

Вотъ сколько важнаго, занимательнаго, поучительнаго въ одной книгѣ Временника, на 20 листахъ! — Да въ Смѣси еще есть десять статеекъ; вотъ онѣ:

Книжная старина Южнорусская. Соч. *А. Д. Ч. М. Максимовича.* — Образчикъ какъ въ старину принимали въ службу иностранцевъ. — Отказная книга. — Письмо Царицы Евдокіи Лукьяновны къ ея сестрѣ Ѳедосьѣ Лукьяновнѣ Стрѣшневой. - Письмо окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрова къ боярину Борису Ивановичу Морозову (1654 года). — Письма Маеора Марка Богдановича фонъ-Кирхена къ Канцлеру Гаврилу Ивановичу Головкину. Сообщ. Сорев. И. *Забѣлинымъ.* — Грамота Польскаго Короля Сигизмунда III къ Московскому Патріарху Филарету, 1610 года. — Отвѣтъ Московскаго Патріарха Филарета Польскому Королю Сигизмунду III. — Конференція народа Московскаго въ столицѣ по сбѣжаніи Царя Димитрія въ Калугу, сообщ. Чумиковымъ. — Протоколы засѣданій Общества Ноября 27 и Декабря 18-го 1848 года.

Но неужели ничего нельзя осудить во Временникѣ? Мы осудимъ его «планъ» (!?): Исторія всегда имѣетъ одни и тѣ же требованія, и послѣ первой книги Чтеній они отнюдь не перемѣнились; слѣд. къ чему же здѣсь было распространяться о какихъ-то новыхъ потребностяхъ и ихъ удовлетвореніи!

Пожелаемъ Обществу, подвигомъ добрымъ подвизатися болѣе и болѣе.... и попросимъ публику ободрять его дѣятельность своимъ вниманіемъ и содѣйствіемъ.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

2. *Записки Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства. за 1848 годъ. 1849.*

Государственное хозяйство, сельское хозяйство и хозяйство домашнее,— вотъ три существенныхъ цѣли всевозможнаго гражданскаго просвѣщенія, три степени великой науки, которой всѣ прочія служатъ орудіями, и которая ведетъ всѣхъ вообще и каждаго порознь къ вещественному благосостоянію.

Хозяинъ — есть высокое званіе въ бытѣ житейскомъ. Естественный чинъ хозяина предопредѣленъ и доступенъ каждому. Трудолюбивый, знающій хозяинъ хижины съ огородомъ столь же благоуважаемъ въ этомъ званіи, какъ хозяинъ усадьбы, села, города и цѣлой области.

Дары природы, во всемъ — почва и сѣмена; начиная отъ ума — почвы познанія, до почвы земли, вездѣ необходимо воздѣлываніе почвы и выборъ сѣмянъ.

Отъ умѣнья пользоваться дарами природы, отъ благоразумнаго ухода за почвой, отъ сбереженія ея силъ, отъ умѣренности употребленія ея щедротъ, зависитъ та основа вещественнаго довольствія, которымъ прочно созидается и довольствіе духа.

Для этого необходимо изученіе соотвѣтственной хозяйству каждаго науки хозяйства.

Для домовладыки есть изустныя правила добрыхъ обычаевъ, но для приготовленія себя ко вступленію въ это первое, высокое достоинство хозяина дома, необходимо также изученіе уставовъ благосостоянія.

Сельское же хозяйство требуетъ уже познаній высшихъ, объема естественныхъ наукъ, со всѣми ихъ вспомогательными науками.

Всѣ начала государственнаго хозяйственнаго образованія Россіи положены въ современную намъ эпоху. Многотруденъ приступъ къ устроенію благотворнаго порядка, упрочивающаго благосостояніе всѣхъ и каждаго; но начало сдѣлано, польза его постигается; остается повсемѣстно слѣдовать благому примѣру, и такимъ образомъ устроить единство и согласованіе дѣятельности частей съ цѣлымъ.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, Общества Сельскаго Хозяйства образуются у насъ современемъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ; но покуда въ слѣдъ за осцованными Правительствомъ послѣдовала и Лебедянь, столь извѣстная уже своимъ значеніемъ въ торговлѣ и коннозаводствѣ.

Изданныя Лебедянскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, записки дѣятельности его за 1848 годъ, доказываютъ уже живое участіе его членовъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, и проявленіе той опытности, которую многіе пріобрѣли и которая оставалась бы иначе подъ спудомъ. Помѣщенное «Обсуживаніе хозяйственныхъ вопросовъ,» съ изложеніемъ отвѣтовъ на оные каждаго изъ членовъ, есть лучшій способъ, тѣмъ болѣе, что каждое частное мнѣніе исходитъ изъ частнаго опыта, и доказываетъ то различіе, которое въ каждомъ хозяйствѣ зависитъ отъ изученія почвы, климата, ихъ частныхъ свойствъ, отъ знанія дѣла, навыка къ нему и наконецъ отъ средствъ.

Изъ числа открытій усовершенствованныхъ способовъ, въ Запискахъ помѣщены:

Описаніе запашника и овиновъ, Н. П. Шишкова. Описаніе кирпичнаго завода, Н. Д. Бологовскаго. О дѣланіи наливнаго кирпича, М. Н. Давыдовскаго.

Между сообщенными опытами посѣва и обработки земли, помѣщены и Метеорологическія наблюденія А. И. Штейна, въ его имѣніи, съ 1842 по 1848 годъ; а также о различіи вліяній мороза на нѣкоторые яровые посѣвы, М. Н. Давыдовскаго; и именно, что сильный морозъ совершенно побилъ овесъ, посѣянный по пшеницу, и ни сколько не повредилъ овса, посѣяннаго по ржищу.

Изъ этого незначительнаго, кажется, случая можно понять, какъ важно въ полеводствѣ знаніе вліянія степеней температуры на различіе почвы, на растенія и на послѣдовательность посѣвовъ.

Мы полагаемъ, что не безполезно бы было въ Обществахъ Сельскаго Хозяйства дѣлать своды сельскихъ народныхъ повѣрій, относящихся до земледѣлія. У каждаго мѣста есть свои вѣковые опыты, которыми нельзя пренебрегать, а скорѣе должно сообразоваться съ ними. *А. В.*

Digitized by Google

3. Практическое, извѣданное многолѣтнимъ опытомъ, наставленіе о приготовленіи различнаго рода сигаръ, съ объясненіемъ выбора лучшихъ сортовъ табака и десятью (?) объяснительными рисунками. Общепонятное руководство для всѣхъ желающихъ съ выгодою заниматься фабрикаціею сигаръ. Сост. Іоган'омъ Хенрихсенъ. Пер. съ Нѣм. 1849.

Наконецъ дождались мы *руководства*, какъ *приготовлять* сигары, руководства *общепонятнаго* и *съ десятью объяснительными рисунками.*

Слѣдуетъ отдать за это благодарность Іоган'у Хенрихсен'у, и потомъ неизвѣстному переводчику, во-первыхъ за переводъ, а во-вторыхъ за внесеніе въ эту книгу свѣдѣній, изъ географіи, что и въ Россіи въ южныхъ губерніяхъ, и въ особенности въ Украинѣ, воздѣлываніе табаку составляетъ значительную отрасль промышленности.

Это общепонятное руководство съ десятью рисунками, изображающими *на одномъ* клочкѣ бумаги первые опыты, малолѣтнаго Іоган'зон'а, рисовать табачные листы, вѣроятно принесетъ пользу фабрикантамъ сигаръ, хотя, сколько намъ извѣстно, эта фабрикація, безъ всякаго руководства, достигла уже до совершенства. Способъ *придавать сигарамъ* искусственный *видъ давности*, также не безъизвѣстенъ; и сверхъ того, вопреки мнѣнію Іоган'а Хенрихсен'а, что будто натуральныя пятна американскихъ табаковъ не могутъ быть произведены искусствомъ на простыхъ табакахъ,—и этотъ секретъ давно открытъ, и вообще какіе угодно табаки—и Виринасъ, и Кумана и Порторико, и Мартинико, и даже Хабаносъ можно приготовлять изъ *Тютюноса.*

4. Правила игры таро, или тарокъ. А. Б. Москва.

Игра *тарокъ*, извѣстная какъ говоритъ авторъ, въ Германіи, Испаніи, Швейцаріи и другихъ государствахъ, по нашему мнѣнію, должна быть изъ самыхъ древнѣйшихъ. Мы даже полагаемъ, что это старинная, исконная игра въ *дураки*, ибо въ ней *дуракъ* есть неизбѣжное лицо.

Digitized by Google

Авторъ говоритъ, что «она играется особыми картами, которыя вмѣсто раздѣленія по мастямъ, на *черви*, *бубны*, *трефы* и *пики*, раздѣляются на чаши (copas, coupes), динаріи (dineros, deniers), мечи (espadillas, épées) и палицы (bastos, batons).»

На это тѣ же самыя *масти* (masc — мазь, краска).

Разсматривая филологически, первую масть составляютъ *чари*, чары (coupes), сюры (sire), господа, владыки; вторую: бубны, beben, bube, bow, valet, varlet — жильцы, дворовая стража, дворяне; третью: жлуди, желуди, trefle, trifolii, gladii — мечи, крыжи, крыжаки, мечники; четвертую: *вины*, винные, повинные, обязанное сборное поземельное войско, — пѣхота, пѣшки, копѣйщики (piques).

Изъ этого видно, что каждая изъ двухъ *колодъ* (коледа, — кругъ, округъ, край, колотокъ, околотокъ, сторона) составляетъ *городъ*, станъ, и безъ сомнѣнія, въ старину говорили играть въ города, въ гарды (gard), а не въ карты.— Карты же (отдѣльно) называются у насъ и теперь *листами*, старшая масть называется *козырь*, какъ войско избранное, вооруженное *косарями* (саблями) Козаръ.—Hussar, косачь— Козакъ. *

Русская старинная игра *горка*, совершенно одна и та же, что *Banque*, *Bank*—что значитъ по Англійски *насыпь*, горка.

Такимъ образомъ игра въ карты въ древности значила: игра въ войну, и масти составляли области и войска, точно также какъ шахматная игра состоитъ изъ короля, королевы, коней, слоновъ, офицеровъ и пѣшекъ (пѣхоты).

Не излагаемъ правилъ игры тарокъ: каждый, желающій знать ее, можетъ купить крошечную книжечку. Мы упомянули объ ней, увлеченные только мыслью, что можетъ быть, игры въ города, горку и въ дураки, пройдя всю Европу, возвратились къ намъ подъ облагороженными названіями Kartenspiel, Banque, и Таро или Тарокъ; точно также какъ какой-нибудь *бердышъ* — въ готическомъ измѣнился

* Косарь, косачь — mäher, mäder. Странное сближеніе словъ: Казары, Хазары, въ переводѣ на Нѣмецкій Магяръ, Мадяръ, Маджары.

Digitized by Google

въ *bardisan*, изъ Готическаго въ Гальскій *pertuisane*, въ Итальянскій *partidjana*, и возвратился къ намъ *протазаномъ*. Или: *жупа* * (область) перешлю въ Готическое gubbe (жуббе), а далѣе на западъ guberno и gubernator, соотвѣтственное древнему званію Жупанъ. У насъ области также назывались *губами*.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Географическія извѣстія, выдаваемыя отъ Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. Н. И. Надеждина. 1848. Выпускъ 4-й.

Въ 1-мъ N Москвитянина, мы уже упомянули о первыхъ трехъ выпускахъ этихъ извѣстій; 4-й выпускъ заключаетъ въ себѣ во-первыхъ: «Свѣдѣніе объ успѣхахъ собранія мѣстныхъ географическихъ терминовъ.»—«Собранный по сіе время запасъ свѣдѣній, — говоритъ издатель,—далеко еще не обнимаетъ всѣхъ частей нашего обширнаго отечества, ни всѣхъ разнообразныхъ видовъ географическихъ и этнографическихъ предметовъ. Не смотря на это, и теперь уже можно видѣть неистощимое богатство нашего языка въ географическихъ терминахъ: по нѣкоторымъ предметамъ можно найти нѣсколько десятковъ словъ, выражающихъ различные виды или оттѣнки одного и того же родоваго понятія, независимо отъ терминовъ совершенно однозначащихъ на разныхъ нарѣчіяхъ или въ разныхъ губерніяхъ.»

Вторая статья: «Русская врачебная Экспедиція, отправленная на Востокъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Это извлеченіе изъ записокъ старшаго члена экспедиціи, Доктора А. Рафаловича; путевыя его впечатленія и замѣчанія объ Александріи, Каирѣ, Іерусалимѣ, Бейрутѣ, Дамаскѣ, и пр. и пр. *.

---

* Въ древности власть, право, даровалось вмѣстѣ съ облаченіемъ. Почетное облаченіе было *шуба*, откуда Латинское *juba* — власяница; мѣхъ; и *jubeo* — править; guberna—правило, корма; gubernator—правитель, кормчій.

* Столь же любопытная статья Г. Рафаловича о Среднемъ и Верхнемъ Египтѣ помѣщена въ Жур. Мин. Внут. Дѣлъ, Январь 1849.

Digitized by Google

Третья статья: «Русскій путешественникъ въ малой Азіи.» Это свѣдѣніе о путешествіи Г. Чихачева, который однакоже свои путевыя любопытныя впечатленія сообщаетъ Профессору Леонгарду въ Гейдельбергъ, а Г. Профессоръ печатаетъ ихъ въ Нѣмецкой газетѣ *Ausland*. — Николай Ивановичъ Надеждинъ, *«чтобъ не лишить и Русскихъ удовольствія полюбоваться учеными подвигами и пріобрѣтеніями своего единоземца»*, сообщаетъ оглавленіе любопытныхъ писемъ Г. Чихачева. — Покорнѣйше благодаримъ!

2. Природа съ ея таинствами и богатствами. Отд. 1. Астрономія: выпускъ 1-й. 1849. Въ 18 д. л.

По сказанію М. А. Максимовича, въ одномъ селѣ былъ крестьянинъ, по имени Наумъ. Богъ умудрилъ его разумомъ. Разумъ свой просвѣтилъ онъ наукою.

Этотъ крестьянинъ Наумъ написалъ 6 книгъ: 1-ю О великомъ Божіемъ мірѣ; 2-ю Объ огнѣ, воздухѣ, водѣ и землѣ; 3-ю О полезныхъ и любопытныхъ растеніяхъ и животныхъ; 4-ю О природѣ и жизни человѣческой и о разныхъ народахъ на землѣ; 5-ю О православномъ великомъ Государствѣ Руоскомъ, и наконецъ; 6-ю О различныхъ художествахъ и дѣлопроизводствахъ, полезныхъ для хозяйства и прибыли.

М. А. Максимовичъ взялся издавать эти всѣ книги Наума, и издалъ только одну первую. Грѣхъ на душѣ его! потому что никто такъ ясно и просто не излагалъ о великомъ Божіемъ мірѣ, какъ Наумъ.

Послѣ Наума многіе брались за это дѣло; но увы! никому оно не давалось въ руки; наконецъ, по предсказанію Альманаха предсказаній на 1849 годъ, явился Русскій Гумбольдтъ и К°, и издаютъ въ свѣтъ природу съ ея таинствами и богатствами; въ 1-мъ отдѣлѣ Русскій Гершель, сынъ, издаетъ «Астрономію». 1-й выпускъ, книжечка въ 70 страницъ, излагаетъ свой предметъ очень умно и по-Русски, хотя и не такъ простодушно и сердечно какъ Наумъ. Ожидаемъ слѣдующихъ выпусковъ.

Digitized by Google

3. Естественная исторія животныхъ. Составлена по извѣстнѣйшимъ образцамъ (?). Анна Дараганъ. Выпус. 1-й. 1849.

Какъ въ исторіи народовъ выгодно быть Геродотомъ и Гомеромъ., такъ въ естественной исторіи выгодно быть млекопитающимъ животнымъ. Объявляютъ ли выходъ Panthéon littéraire, collection universelle des chéfs d'oeuvres de l'esprit humain, — выйдутъ: Hérodote, Thucydide, Xénophon, Homère — и Collection des chéfs d'oeuvres de l'esprit humain — кончено. — Объявляютъ: Bibliotheque universelle, ou l'histoire du genre humain. Опять: Геродотъ, Ѳукидидъ, Гомеръ — и кончена исторія рода человѣческаго. Объявляютъ: Historiens classiques, — Геродотъ, Ѳукидидъ, Гомеръ и конецъ классикамъ — Объявляютъ: Chéfs d'oeuvres de toutes les langues, объявляютъ Collection d'histoires complètes — и вездѣ только Герододъ, Фукидидъ и Гомеръ, и тысячи изданій Геродота и Гомера, а до прочихъ историковъ ни одно изданіе не доберется.

Боимся мы, чтобъ не случилось того же съ естественной исторіей. — Выходитъ: естественная исторія для юношества; смотришь — обезьяна, медвѣдь, слонъ, моржъ, и прочіе млекопитающіе; потомъ допотопныя животныыя — и кончена естественная исторія. — Выходитъ другая естественная исторія животныхъ, — опять: обезьяна, медвѣдь, слонъ, моржъ, допотопныя жиьотныя, — и finita la musica.

Все это мы говоримъ изъ боязни, чтобъ и Естественная исторія животныхъ, такъ мило разсказанная Г-жею Дараганъ, такъ прекрасно изданная и украшенная политипажами, не кончилась первымъ выпускомъ, заключающимъ въ себѣ только млекопитающихъ и допотопныхъ животныхъ.

Надѣемся однакожъ, что конецъ труду Г-жи Дараганъ будетъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть концу, и тогда разсмотримъ «Естественную исторію животныхъ» сполна.

Digitized by Google

ОДЕССКІЯ И ПРОЧІЯ ИЗДАНІЯ.

4. Записки Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи 1849 года. Январь N 1. Прибавленіе къ Запискамъ: «Лекціи о явленіяхъ физическихъ въ тѣлахъ органическихъ. Соч. Маттеучи, пер. В. Левтеропуло.

Кромѣ правительственныхъ постановленій, мѣстныхъ распоряженій и объявленій, этотъ N заключаетъ слѣдующія замѣчательныя статьи: 1. Стастич. замѣтки о сельск. хоз. Таврической губерн., Н. Герсеванова. 2. О плугѣ, Н. Райко. 3. Объ обмѣнѣ сѣменъ шелковичныхъ червей, разводимыхъ П. А. Райко, на сѣмена Испанскихъ породъ, Г. Соколова. Новая порода шелковичныхъ червей, разводимыхъ Г. Райко и сообщенныхъ въ Испанію, прозвана тамъ породою *Райконесъ* и поставлена наравнѣ съ наиболѣе уважаемой и извѣстной породой *Чорнетъ*, находящейся въ помѣстьяхъ фамиліи Чорнетъ, въ Баленціи. 4. Опыты и наблюденія о падежѣ рогатаго скота, статья сообщенная къ повсемѣстному свѣдѣнію отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 5. Гомеопатическій способъ леченія нѣкоторыхъ болѣзней домашнихъ животныхъ.

Прибавленіе къ запискамъ Общества: «Лекціи о явленіяхъ физическихъ въ органическихъ тѣлахъ» составляютъ 5 лекцію, сочиненіе Маттеучи, — *пищеваренie*. Цѣль лекціи есть изложеніе процесса разложенія пищи на всю экономію организма.

Вообще и въ этомъ сочиненіи, какъ и многихъ другихъ медицинскихъ о томъ же предметѣ, не обращено вниманія на потребность *балласта* въ процессѣ пищеваренія, этой необходимой *тяжести*, безъ которой пищеварительный органическій механизмъ не можетъ дѣйствовать, какъ и механизмъ простой. Упущеніе принятія къ свѣдѣнію этой простой истины было часто причиной не только безполезности, но даже и вреда экстрактовъ, заключающихъ въ себѣ всю питательность, все необходимое, кромѣ столь же необходимаго для дѣятельности организма балласта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности природы трудиться самой надъ разложеніемъ пищи.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

КНИГИ ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Сказаніе о чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Владимірской Москва. 1849. Въ типогр. А. Семена. Въ 8-ю д. 53 стр.

Наши лѣтописи и древнія записи сохранили для насъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ, ради коихъ, по ихъ сказаніямъ, изливались благодатные дары Богоматери, являлась Ея особая помощь и милость къ нашему отечеству. Поэтому намъ кажется достойною полнаго одобренія мысль написать полное сказаніе о чудотворной иконѣ Владимірской, главной святынѣ Москвы. Авторъ пользовался и рукописными сказаніями и всѣми печатными источниками, изъ которыхъ можно было извлечь что-либо касающееся исторіи сей иконы. Полнота свѣдѣній и тщательность при собраніи ихъ заставляетъ насъ указать то, что ускользнуло отъ вниманія автора; добросовѣстный трудъ не боится критики.

1. При описаніи перенесенія сей иконы изъ Выпегорода во Владиміръ напрасно опущено явленіе Богоматери на мѣстѣ, гдѣ основанъ Боголюбовъ монастырь. Это явленіе Богоматери увѣковѣчено для насъ въ изображеніи Богоматери, именуемой Боголюбскою. Безъ сказанія о семъ явленіи не понятно, почему Андрей назвалъ мѣсто, гдѣ остановились кони, везшіе икону, Боголюбимымъ. (стр. 11).

Digitized by Google

2. Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сказаніяхъ о Владимірской иконѣ Богоматери случалось намъ встрѣчать разсказъ объ осьми чудесахъ, совершившихся отъ сей иконы по принесеніи ея во Владиміръ, и между прочимъ, одно совершившееся надъ супругой Князя Андрея. Авторъ не упоминаетъ объ этихъ чудесахъ.

3. Опущены также обстоятельства, относящіяся до иконы Владимірской, при избраніи Годунова на престолъ.

4. Послѣ чудеснаго избавленія Москвы отъ Поляковъ встрѣчается какой-то перерывъ. Но виноватъ не авторъ, а духъ времени: религіозный взглядъ лѣтописцевъ исчезалъ уже въ то время. Времена Самозванцевъ, надобно замѣтить, глубоко потрясли благочестивое чувство нашихъ предковъ. На это вліяніе смутнаго времени Россіи на духъ народный, кажется, не обращали доселѣ вниманія; но это фактъ, по нашему мнѣнію, вѣрный и глубоко замѣчательный. Монастыри и иноки послѣ смутнаго времени уже не имѣютъ того политически-нравственнаго значенія и вліянія, какое имѣли прежде.

Руководствуясь благочестивымъ взглядомъ лѣтописцевъ, авторъ во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ открылъ благодатную помощь Богоматери въ Москвѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ о судьбѣ иконы Владимірской во время нашествія Наполеона. Въ концѣ книжки есть два приложенія; въ первомъ авторъ опредѣляетъ время перенесенія чудотворной иконы Богоматери, получившей наименованіе Владимірской, изъ Константинополя въ Кіевъ, и показываетъ различіе сей иконы отъ иконы Пирогощей. Здѣсь высказана новая мысль, что икона Пирогощая получила свое названіе отъ мѣста, гдѣ она поставлена, именно на Пироговкѣ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что археологи Кіевскіе не могутъ опредѣлить, гдѣ былъ храмъ Богоматери Пирогощей, выстроенный Мстиславомъ. Не напрасно ли они ищутъ его внутри нынѣшняго Кіева? Мѣсто Пирогово и теперь извѣстно около такъ называемой Ѳеодосіевой пещеры, лежащей къ югу отъ Кіева, между селеніями Пироговымъ и Лѣсниками. Не вдалекѣ отъ этой

Digitized by Google

пещеры находятся развалины древней церкви. Не здѣсь ли была и древняя церковь Богоматери Пирогощей? Слова Пѣсни о полку Игоревомъ, гдѣ говорится, что когда Князь подъѣзжалъ къ Богоматери Пирогощей, слышнѣе были трубы въ Кіевѣ, очевидно оборотъ поэтическій, и заставляютъ думать, что это не такъ близко было отъ Кіева.

Въ сказаніи о Владимірской иконѣ Богоматери не встрѣчаемъ мы еще разрѣшенія вопроса, какая же икона оставлена во Владимірѣ. Общее мнѣніе то, что во Владиміръ отдана была икона, списанная съ чудотворной Митрополитомъ Петромъ, въ ея мѣру и подобіе. Но въ нѣкоторыхъ древнихъ прологахъ случалось намъ встрѣчать такое сказаніе: когда по удаленіи Тамерлана жители Владиміра стали настоятельно просить возвращенія своей святыни, и послѣ отказа угрожали всеобщимъ ропотомъ и неудовольствіемъ, Великій Князь, разгнѣвавшись, засадилъ въ желѣза присланныхъ изъ Владиміра съ этой просьбой, а во Владиміръ послалъ приказъ силою подавить ропотъ. Только-что вышло это распоряженіе, на другой день, пришедши къ утрени въ Московскій Успенскій Соборъ, пономарь увидѣлъ двѣ, совершенно сходныя и по внѣшнему украшенію и по письму, иконы Богоматери. Духовенство и самъ Великій Князь были свидѣтелями сего чуда, и освободивши изъ заключенія жителей Владиміра, предложили имъ на выборъ какую угодно икону. Это сказаніе стоитъ быть замѣченнымъ. Во второмъ приложеніи авторъ сообщаетъ извѣстіе, какъ совершаемо было празднество въ честь Владимірской иконы въ XVII вѣкѣ. Хотѣлось бы еще видѣть критическое изслѣдованіе о времени составленія древняго сказанія о Владимірской иконѣ: гдѣ положено начало сказанія о чудесахъ сей иконы, во Владимірѣ, или въ Москвѣ по перенесеніи Ея туда?

Свои замѣчанія заключимъ желаніемъ, чтобы поболѣе являлось у насъ такихъ сказаній. Языкъ опредѣленный, чистый, изданіе очень хорошее; событія собраны полно. Эта книжка должна быть настольною для каждаго благочестиваго Москвича. Какъ бы пріятно было для благочестиваго чувства Русскихъ, и важно въ историческомъ от-

Digitized by Google

ношеніи, если бы кто принялъ на себя трудъ составить сказанія о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ Богоматери въ Россіи. Мы слышали, что такой трудъ уже предпринятъ, но скоро ли увидимъ его въ печати, это мудрено сказать.

Имя автора на книжкѣ не выставлено, но слухомъ земля полнится; говорятъ, это сказаніе принадлежитъ одному изъ молодыхъ Профессоровъ нашей Духовной Семинаріи. Отъ души желаемъ, чтобы онъ не оставлялъ поприща, такъ хорошо имъ начатаго.

2. Іисусъ Христосъ на Голговѣ или семь словъ его на Крестѣ. Казань. 1849. Въ 8-ку 126 стр.

Еслибъ случайно попалась вамъ на глаза эта книга, и вы, раскрывъ ее, захотѣли бы прочитать нѣсколько строкъ сначала, или въ срединѣ, я увѣренъ, вы и не замѣтили бы, какъ прочитали бы нѣсколько страницъ, а прочитавъ нѣсколько страницъ, вы бы непремѣнно подумали, что надо прочитать эту книгу отъ начала до конца, и прочитать не бѣгло, а внимательно. Можетъ быть, вы захотѣли бы узнать, гдѣ вышла эта книга, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, и посмотрѣвши на заглавный листъ увидѣли бы, что она вышла ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, а въ Казани. Тогда бы вы вспомнили, что въ Казани есть недавно основанная Духовная Академія и съ увѣренностію заключили бы, что книга эта плодъ новой почвы; а прочитавши книгу, узнали бы, что эта новая почва можетъ производить плоды сладкіе и питательные, и что дѣятели, работающіе на ней, усердны и вѣрны своему призванію. Вы вспомнили бы при этомъ, что и въ прошедшемъ году одинъ изъ наставниковъ Академіи, Г. Елисеевъ выдалъ книгу: *Жизнеописанія святителей Казанскихъ Гурія, Варсонофія и Германа*, и съ достовѣрностію могли бы заключить, что новыя книги принадлежатъ кому-либо изъ духовныхъ наставниковъ Академіи.

Книга эта содержитъ въ себѣ подробное и обстолтельное описаніе страданій Іисуса Христа, начиная отъ осужденія, произнесеннаго Пилатомъ, до послѣдняго вздоха Господа на

Digitized by Google

Голгоѳѣ. Сочиненіе состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, по числу словъ, произнесенныхъ Господомъ на крестѣ. Въ самомъ первомъ отдѣленіи описывается видъ и положеніе Голгоѳы, при чемъ собраны древнѣйшія преданія объ этой святой горѣ, а вмѣстѣ изображается ея великое значеніе для всего рода человѣческаго; въ послѣднемъ отдѣленіи представляется взглядъ на судьбу Голгоѳы въ послѣдующія времена. Среднія же отдѣленія изображаютъ обстоятельства, предшествовавшія и сопутствовавшія каждому изъ седми словъ Господа, и въ цѣлости представляютъ всю исторію страданій Господнихъ.

Сочиненіе это по главному содержанію—историческое; но по изложенію оно и экзегетическое, потому что въ немъ объясняется Евангельское повѣствованіе, — и догматическое, потому что въ немъ приводятся изъ Ветхаго Завѣта пророчество и прообразованіе спасительныхъ страданій Господа, — и нравственно-назидательное, потому что, хотя въ немъ и нѣтъ чисто нравственныхъ наставленій, но и самый предметъ сочиненія и образъ изложенія его таковъ, что читатель не можетъ остаться безъ глубокаго нравственнаго назиданія. Все сочиненіе написано перомъ краснорѣчивымъ, проникнуто глубокимъ, живымъ, горячимъ чувствомъ, чувствомъ любви и благоговѣнія предъ Божественнымъ Страдальцемъ, и чувствомъ негодованія на беззаконныхъ судей и безчеловѣчныхъ мучителей его; по характеру изложенія, это сочиненіе можно назвать прекраснымъ церковно-ораторскимъ произведеніемъ: отъ этого-то свойства его зависитъ и его назидательность. Кромѣ того, особенность этого сочиненія составляютъ подробность и обстоятельность повѣствованія. Писатель слѣдитъ за Божественнымъ Страдальцемъ на каждомъ шагу: и мѣстность, и время, и всѣ побочныя обстоятельства изложены отчетливо и ясно, такъ что читатель какъ бы самъ дѣлается зрителемъ и свидѣтелемъ страданій Господа, какъ бы самъ находится въ числѣ слѣдовавшихъ за Господомъ. Онъ видитъ, какъ ведутъ Іисуса съ Лиѳостротона по двадцати осьми ступенямъ на улицу; онъ видитъ это шествіе Спасителя съ тяжелымъ кре-

Digitized by Google

стомъ на раменахъ; вотъ улица поворачиваетъ налѣво: здѣсь Спаситель падаетъ подъ тяжестію креста; шествіе продолжается; улица скоро поворачиваетъ направо, въ гору: здѣсь Спаситель падаетъ еще разъ; тутъ же изъ боковаго узкаго переулка является Божія Матерь, спѣшившая кратчайшимъ путемъ догнать своего возлюбленнаго Сына, и, въ числѣ другихъ женъ, слѣдуетъ за нимъ (какъ прекрасенъ этотъ образъ страдающей Матери Великаго Страдальца!); здѣсь же хватаютъ Симона Киринейскаго и заставляютъ нести крестъ; онъ отказывается; его принуждаютъ; жены Іерусалимскія въ это время стоятъ и плачутъ: Спаситель велитъ имъ плакать о самихъ себѣ; шествіе опять двигается вверхъ, на гору по улицѣ: вотъ выходитъ изъ дому одна женщина и полотенцемъ отираетъ окровавленное лице Спасителя; вотъ наконецъ и судныя ворота, ведущія изъ города: еще сто шаговъ — и начинается крутой всходъ на Голгоѳу. Но остановимся. Скажемъ кратко: всѣ обстоятельства мѣста и времени и всѣ части событія доведены въ этомъ сочиненіи до возможной степени ясности: и мѣстность, и лица, и бѣдствія, все въ этой картинѣ ясно, все можно разсмотрѣть и различить. Для этого на помощь призваны всѣ археологическія пособія и писанныя свидѣтельства древнихъ, и неписанныя преданія, хранящіяся въ Іерусалимѣ съ того времени, и новыя путешествія въ Святую Землю. И при всей этой обстоятельности описанія авторъ сохранилъ полную вѣрность Слову Божію и преданію Церкви, не позволяя себѣ (чего и нельзя впрочемъ позволить) вдаваться въ произвольныя объясненія. Вотъ что говоритъ онъ, приступая къ повѣствованію страданій Господнихъ: «Не обѣщаемъ полнаго и для неумѣренной пытливости совершенно удовлетворительнаго описанія этихъ событій. На основаніи Слова Божія, ученія и преданія православной Церкви, подъ руководствомъ отцевъ и учителей церковныхъ, представимъ только то, что поразило бы наши чувства и тронуло сердце, при первомъ взглядѣ на сіи событія Голгоѳскія, и въ связи съ ними, постараемся объяснить хотя кратко тѣ многознаменательнѣйшія семь словъ Господа, кои произнесъ онъ на крестѣ въ предсмертныя минуты своей жизни» (стр. 16.)

Digitized by Google

Выпишемъ еще послѣднія слова книги: «Исполнилось пророческое слово надъ богоубійственнымъ народомъ Іудейскимъ, слово, бывшее къ нему отъ Господа: *хребетъ, а не лице покажу имъ въ день погибели ихъ* (Іерем. 18, 17). Да, лице распятаго Господа обращено было отъ Іерусалима на сѣверо-западъ.... Отрадно думать, что въ самыя первыя минуты искупленія, свѣтлое лице Господа взыскивало и насъ—Россіянъ. Избранный Божій, Сынъ Божій, еще тогда избиралъ уже насъ себѣ *въ родъ избранный, Царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, и изъ тьмы призывалъ въ чудный свой свѣтъ* (I Петр. 2, 9).»

Читателю можно много обѣщать назиданія изъ этой книги, много пищи и для ума его, и для сердца. Если онъ будетъ читать ее внимательно (а кажется, и нельзя читать ее иначе), многое откроется для него вновь, и многое для него изъ того, что зналъ онъ прежде, прояснится. Археологическія розысканія и свѣдѣнія, напр. о названіи Голгоѳы, о главѣ Адама, изображаемой и нынѣ подъ распятіемъ, о видѣ Креста Господня, объ обычаѣ давать вино и уксусъ осужденнымъ на смерть, и т. п., прольютъ для читателя новый свѣтъ на многія обстоятельства Евангельскаго повѣствованія. Книга эта представляетъ прекрасное и полезное чтеніе и во всякое время, но особенно приличное для страстной недѣли.

3. Слова и Бесѣды Архимандрита Израиля, Харьковской Семинаріи Ректора и Богословскихъ наукъ Профессора. Томъ второй. Спб. 1849.

Проповѣдники церковные бываютъ двухъ родовъ главнымъ образомъ. Характеръ однихъ выражаетъ христіанскую мудрость, характеръ другихъ — христіанскую любовь. Въ первыхъ преобладаетъ умъ просвѣтленной вѣры, благоговѣйное стремленіе проникнуть и уяснить сущность вѣры; въ другихъ преобладаетъ чувство, согрѣтое христіанскою любовью, и стремленіе возбудить ту же христіанскую любовь въ слушателяхъ. Первые не только въ истинахъ теоре-

Digitized by Google

тическихъ, но и практическихъ, находятъ пищу созерцанію, поводъ къ высокимъ размышленіямъ; вторые не только въ истинахъ практическихъ, но и теоретическихъ, находятъ пищу чувству и поводъ сдѣлать обращеніе и примѣненіе къ жизни и дѣятельности слушателей. Къ послѣднему роду проповѣдниковъ должно отнести и Архимандрита Израиля. Слова и Бесѣды его преимущественно нравственнаго содержанія. Созерцаніе его направлено къ возбужденію христіанскаго чувства въ слушателяхъ, и потому выражается преимущественно въ живыхъ образахъ и картинахъ. Такъ въ высшей степени назидательны для сердца *седмь бесѣдъ его о блудномъ сынѣ.*

Слова и Бесѣды Архимандрита Израиля отличаются широтою взгляда на предметъ и полнотою изложенія; взятый предметъ разсматривается многосторонне, вполнѣ; рѣшеніе предложеннаго вопроса доводится до возможной степени ясности и удовлетворительности, напр. въ словѣ XIII. Ясность и простота также главная черта словъ Архимандрита Израиля, Даже трудный предметъ онъ можетъ уяснить и приблизить къ обыкновенному поясненію, какъ напр. въ Бесѣдѣ XIV-й, въ которой рѣшается важный вопросъ объ отношеніи добрыхъ дѣлъ къ вѣрѣ оправдывающей. — Въ словахъ и Бесѣдахъ Арх. Израиля много и остроумія, иногда и въ главныхъ мысляхъ (напр. Сл. II), но чаще въ изъясненіяхъ и примѣненіяхъ мѣстъ Св. Писанія (напр. Слово XXV). — Вообще читатель этихъ словъ получитъ много пользы: онъ разширитъ кругъ своихъ христіанскихъ понятій, многое уяснитъ для себя, и много получитъ назиданія для своего сердца, если только оно ищетъ назидательнаго.

4. Главнѣйшія черты изъ жизни Святаго славнаго Пророка Божія Иліи, взятыя изъ писанія и твореній Св. Отцевъ. Сочиненіе Ѳ. Надеждина. Спб. 1849.

Появленіе подобныхъ книгъ, какъ эта, возбуждаетъ отрадныя мысли. Православный Русскій народъ любитъ чтеніе такихъ книгъ: любовь къ Религіи и Церкви составляетъ

Digitized by Google

отличительную черту его общаго характера, къ сожалѣнію, нерѣдко терлющуюся и выцвѣтающую въ нѣкоторыхъ лицахъ, нерѣдко въ тѣхъ, которыя, повидимому, должны были бы проявить въ себѣ все Русское, національное въ облагороженномъ, очищенномъ видѣ, но въ высшей степени ясности и силы. Не смотря на то, религіозность все-таки есть и будетъ отличительною чертою нашего народа, рѣзкою и неистребимою, потому что она есть черта духовная, а не внѣшняя только, основывается на глубокой духовной потребности въ вѣрѣ, а не на привычкѣ, не на внѣшнемъ обычаѣ, составляетъ форму духа, а не форму внѣшнюю. Русскій человѣкъ крѣпко держится и внѣшнихъ обычаевъ, не скоро захочетъ перемѣнить и обыкновенныя привычки: тѣмъ крѣпче онъ постоитъ за свои духовныя вѣрованія; онъ способенъ умирать за вѣру.

Св. Пророкъ Илія, жизнь котораго изложена въ лежащей передъ нами книгѣ, чтится особенно въ Русскомъ народѣ. Имя его также знаменито, какъ имя Чудотворца Николая. Доказательствомъ того служатъ множество храмовъ, посвященныхъ имени Пророка Иліи въ нашемъ отечествѣ. Во многихъ церквахъ есть придѣлы во имя Пр. Иліи. Во многихъ селахъ и деревняхъ празднуютъ Пророку Иліи, какъ покровителю этихъ селеній.

Илія былъ Пророкъ *яко огнь, и слово его яко свѣща горяше.* Онъ навелъ на Израиля *гладъ, и ревностію своею умали я. Словомъ Господнимъ удержа небо, и сведе тако трижды огнь съ небесе.* Онъ взятъ былъ на небо *вихромъ огненнымъ на колесницѣ коней огненныхъ.* Такъ пишетъ объ Иліѣ Іисусъ сынъ Сираховъ. (48, 1—12). Все это Русскій народъ знаетъ о Пророкѣ Иліѣ: и потому-то, конечно имя его чтится особеннымъ образомъ въ нашемъ народѣ. По этому Г. Надеждинъ очень хорошо сдѣлалъ, что написалъ жизнь такого святаго мужа, имя котораго такъ славно въ нашей Церкви и въ нашемъ народѣ.

Впрочемъ да не подумаетъ кто-нибудь (изъ тѣхъ людей, которые и вообще думаютъ, что священныя книги годятся только для простаго народа), что книга Г-на На-

Digitized by Google

деждина назначена только для читателей изъ простаго класса. Нѣтъ, она столько же, или еще болѣе, имѣетъ въ виду читателей образованныхъ, и притомъ такихъ, для которыхъ кругъ священныхъ знаній не terra incognita.

Методъ, въ какомъ онъ предлагаетъ свѣдѣнія о Св. Пророкѣ, есть самый естественный и вмѣстѣ самый приличный ученому сочиненію. Такъ какъ сказаніе объ Иліѣ заключается въ Священномъ Писаніи: то авторъ сперва приводитъ текстъ Св. Писанія; потомъ объясняетъ его; то рисуетъ картины изъ матеріала библейскихъ повѣствованій; по мѣстамъ онъ пользуется древними преданіями Іудейскими, или мнѣніями Отцевъ Церкви Христіанской. Гдѣ необходимо, авторъ пускается въ ученыя изслѣдованія и соображенія. Все это показываетъ, что онъ хотѣлъ написать сочиненіе ученое.

Представимъ образцы изложенія Г-на Надеждина, чтобы судить о достоинствѣ его книги.

«Когда родился Пророкъ Илія? По причинѣ молчанія исторіи, годъ рожденія Пророка съ точностію опредѣлить не возможно. Его легко бы можно было узнать, если бы извѣстно было, въ который годъ царствованія Ахаава явился къ нему Илія въ первый разъ, и сколько лѣтъ Пророкъ имѣлъ тогда отъ роду: но исторія и этого не показываетъ. А потому и по соображенію можно только приблизительно означить время рожденія Пророка. Можно думать, что первое явленіе Иліи предъ Ахаава послѣдовало въ началѣ царствованія сего Царя, потому что исторія до этого времени не говоритъ о политическихъ дѣйствіяхъ Ахаава. Но думать, что Илія явился въ первый годъ царствованія Ахаавова, значитъ допустить, что происшествія, описанныя въ концѣ 16-й главы 3-й книги Царствъ, случились въ короткое время, а это, по ихъ значительности, едва ли возможно. Послѣ возшествія на престолъ, Ахаавъ вступилъ въ бракъ съ дочерью иностраннаго Царя, въ угожденіе ей построилъ храмы почитаемому ею Ваалу;

Digitized by Google

позволилъ сдѣлать гоненіе на Пророковъ Бога Израилева: для этого, безъ сомнѣнія, требовалось довольно времени. По сему вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ, что Илія явился къ Ахааву въ третій или четвертый годъ правленія Іосафата, Царя Іудейскаго, который взошелъ на престолъ въ третій годъ царствованія Ахаава: слѣдовательно Илія явился въ 6 или 7 годъ правленія Ахаава. Поелику же періодъ отъ раздѣленія Царства Соломонова до времени, когда Киръ далъ дозволеніе Евреямъ возвратиться въ Палестину, заключаетъ въ себѣ 447 лѣтъ, періодъ отъ конца плѣна до Р. Х. 536 лѣтъ: то, исключивъ изъ перваго 17 лѣтъ царствованія Ровоама, 3 Авіи и 41 Асы, окажется, что Ахаавъ вступилъ на престолъ Израильскій въ 922 году до Р. Х., и слѣдовательно Илія явился къ нему въ 916 или 917 году до Р. Х. Поелику же Пророки вступали въ свое служеніе не прежде тридцатилѣтняго возраста: то время рожденія Иліи можно полагать около 946 года до Р. Х., поелику неизвѣстно, 30 лѣтъ или болѣе имѣлъ отъ роду Пророкъ, когда явился къ Ахааву въ качествѣ грознаго судіи» (стр. 7 — 9).

Вотъ образецъ экзегетическаго соображенія: «Сколько времени Илія жилъ при Хоривѣ? Писаніе говоритъ: *и бысть по днехъ*. Можно бы подумать, что Пророкъ былъ очень не долго въ пустынѣ: но въ Писаніи это выраженіе очень неопредѣленно. Такъ въ книгѣ Бытія, гл. 4 ст. 3, встрѣчается то же выраженіе. Здѣсь повѣствуется о рожденіи Каина и Авеля, и вдругъ св. писатель говоритъ о ихъ жертвоприношеніи и свое повѣствованіе начинаетъ выраженіемъ: *и бысть по днехъ*. Очевидно, Каинъ и Авель приносили жертвы не вскорѣ послѣ рожденія, но спустя нѣсколько лѣтъ, когда уже занимались своими дѣлами. Слѣдовательно выраженіе это означаетъ не короткое, а продолжительное время. Такъ должно разумѣть его и въ исторіи Иліи, именно должно разумѣть около года. Потому что І. Христосъ и Ап. Іаковъ говорятъ, что не было дождя три года и шесть мѣсяцевъ; а изъ исторіи Пророка видно, что Богъ послалъ его во второй разъ къ Ахааву изъ Сарепты въ третій годъ.

Digitized by Google

Посему должно несомнѣнно положить, что въ этомъ мѣстѣ книги Царствъ означается время, — два года, — которое провелъ Илія въ Сарептѣ, и значитъ, первый годъ онъ прожилъ среди народа при Хоривѣ» (стр. 31).

Должно впрочемъ сказать, что ученыя соображенія и выводы Г-на Надеждина не всегда легко понятны, когда авторъ самъ не имѣлъ ясной мысли; кромѣ того, не всегда онъ отличается и искусствомъ изложенія.

Во второй половинѣ книги авторъ начинаетъ быть осмотрительнѣе, и не столько уже гоняется за изысканностью и эффектами изображеній, какъ сначала. Разсказъ и разсужденіе идутъ степеннѣе, проще, естественнѣе, и въ выводахъ всегда есть мысль, болѣе или менѣе ясная и опредѣленная. Намъ особенно нравится глава, въ которой описывается третье явленіе Пророка предъ Ахаавомъ (стр. 82 и слѣд.) Здѣсь хорошо изображенъ характеръ малодушнаго Ахаава, бывшаго подъ совершеннымъ вліяніемъ нечестивой, но предпріимчивой жены своей Іезавели, и неожиданная встрѣча его съ грознымъ Иліею.

Пожалѣемъ, что авторъ не вездѣ слѣдуетъ принятой имъ методѣ изложенія, и не вездѣ приводитъ слова Св. Писанія. Такъ онъ по чему-то опустилъ грозную рѣчь Иліи къ Ахаву и только изложилъ содержаніе ея (стр. 87).

Мы считаемъ важнымъ недостаткомъ и неисправность въ цитатахъ. Подобныя цитаты, какъ Abul, Hugo. Lyvan-Salian, Torniellius, и другія, неудовлетворительны. Необходимо знать сочиненіе писателя, изъ котораго заимствуется свидѣтельство, часто нужно знать главу сочиненія, томъ, страницу. Жалѣемъ также, что авторъ не указалъ главнаго сочиненія, служившаго ему матеріаломъ.

5. Историческое описаніе Троицкаго Козловскаго монастыря. Москва. 1849. Въ 8 долю, 59 стр.

Троицкій Козловскій мужской монастырь находится въ 2-хъ верстахъ отъ города Козлова, къ югу, на берегу рѣки Лѣснаго Воронежа. Монастырь стоитъ на возвышеніи, обра-

Digitized by Google

зуемомъ берегомъ рѣки; съ южной стороны его протекаетъ Лѣсной Воронежъ, съ восточной и западной, монастырь окруженъ дубовыми рощами; сѣверная сторона, обращенная къ Козлову, открыта, и низменная долина отдѣляетъ монастырь отъ города, половина котораго, расположенная на полугорѣ, обращенной къ монастырю, какъ будто любуется прекраснымъ мѣстоположеніемъ этой обители. Тамъ на холмѣ, среди дубовой рощи, бѣлѣются стѣны мирной обители; за ними возвышаются позлащенные куполы двухъ церквей; направо высится колокольня. И когда звукъ колокола, призывающій иноковъ къ славословію Бога, отзовется въ городѣ, любящіе въ тишинѣ изливать душу свою въ молитвѣ передъ Богомъ, спѣшатъ изъ города въ мирную обитель, гдѣ не многочисленный, но стройный хоръ иноковъ невольно пробуждаетъ въ душѣ умиленіе. Въ этой обители любятъ жители Козлова предавать вѣчному упокоенію смертные останки своихъ родныхъ, конечно въ той мысли, что ежедневно два раза приносимая безкровная жертва въ обители послужитъ ко спасенію душъ близкихъ имъ, и что молитва иноковъ, всегда предстоящихъ предъ Богомъ и совершающихъ поминовеніе на могилахъ почившихъ, низведетъ благодать спасительныхъ заслугъ Христовыхъ на нихъ, и въ мирной обители миренъ будетъ вѣчный сонъ ихъ, невозмущаемый шумомъ житейскихъ тревогъ.

Въ Троицкой обители всегда тихо, и въ праздничные дни пріѣзжаетъ развѣ нѣсколько десятковъ богомольцевъ изъ города. Только два раза въ годъ покой обители возмущается приливомъ народа: это въ два главные праздника обители, въ Троицынъ и въ Успеньевъ день. Въ эти дни многочисленныя толпы народа стекаются въ обитель; подъ стѣнами ея бываетъ ярмарка, а между тѣмъ внутри обители въ священныхъ храмахъ усугубляются молитвы и пѣснопѣнія; цѣлые дни иноки, почти безвыходно, служатъ для благочестивыхъ поклонниковъ молебны и панихиды. Въ это время изъ Козлова въ крестномъ ходѣ приносятся святыя иконы. Какъ пчелы около улья, жужжатъ около обители толпы поклонниковъ; проходитъ назначенное время:

Digitized by Google

народъ удаляется, и опять тихая и безмолвная святая обитель!

Таково настоящее состояніе Троицкаго Козловскаго монастыря, основаннаго въ 1627 году. Монастыри, основанные послѣ временъ междуцаретвія, не имѣли политическаго значенія, какое имѣли монастыри древнѣйшіе, и потому мало представляютъ занимательнаго о внѣшней своей судьбѣ; то же должно сказать и о монастырѣ Троицкомъ: онъ существовалъ тихо и мирно, мало по малу умножаясь въ зданіяхъ и умножаясь въ числѣ братіи. Со времени Петра I-го, монастырь Троицкій примѣтно началъ упадать. Но дѣятельные и благочестивые настоятели и при малыхъ средствахъ могли еще поддерживать его существованіе. Самое замѣчательное лице въ исторіи монастыря былъ умный и благочестивый Игуменъ, потомъ Архимандритъ Варлаамъ (1785 — 1811). Болѣе всѣхъ монастырь обязанъ ему своимъ благоустройствомъ.

За исторіею монастыря помѣщается уставъ монастыря, составленный въ своихъ отличительныхъ особенностяхъ тѣмъ же Варлаамомъ. Но прежде правилъ Варлаама поставленъ уставъ Преосв. Пахомія, Еп. Тамбовскаго, данный Исаакію, Архимандриту монастыря.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе настоятелей монастыря, съ краткими извѣстіями объ ихъ жизни и заслугахъ. Съ 1822 года монастырь имѣетъ своими Архимандритами Ректоровъ Тамбовской Семинаріи.

Наконецъ помѣщается описаніе владѣній монастыря и перепись грамотъ монастырскихъ, сдѣланная въ 1705 году.

Описаніе заслуживаетъ благодарности. Если бы побольше являлось такихъ сочиненій, отечественная исторія много бы выиграла. Тамъ-то и нуженъ усидчивый и терпѣливый трудъ, гдѣ представляется мало занимательности, которая много облегчаетъ и самый большой трудъ, съ одной стороны побуждая труженника лестными обѣщаніями, съ другой, награждая его болѣе или менѣе важными свѣдѣніями. Въ

Digitized by Google

частностяхъ, которыя сами по себѣ незанимательны, взятыхъ вмѣстѣ, заключается важная сторона народной жизни, которая останется не разкрытою, если онѣ не будутъ разработаны. Свѣдѣнія о монастыряхъ важны потому, что въ исторіи монастырей выражается сила и характеръ народнаго благочестія. Монастыри были воспитателями знаменитыхъ Іерарховъ нашей Церкви, и сами были подъ ихъ вліяніемъ, слѣдственно они проясняютъ и дополняютъ характеръ ихъ дѣятельности. Монастыри всегда обращали на себя особенное вниманіе и власти гражданской; слѣдовательно исторія ихъ прольетъ важную часть исторіи свѣтской, исторіи государства. Наконецъ, въ монастыряхъ хранятся писанные памятники нашей исторіи. И вотъ, почему особенно нужно тщательное изученіе ихъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Лучи и тѣни. Новыя стихотворенія Ив. Бороздны, изданныя имъ въ пользу Черниговскаго дѣтскаго пріюта.

Мы упомянули уже въ 1 N Москвитянина (въ обозр. Русской Словесности за 1848 годъ) объ изданіи этихъ новыхъ стихотвореній Г. Бороздны. Этотъ прекрасный даръ Черниговскому дѣтскому пріюту заключаетъ въ себѣ 15 преложеній псалмовъ и 23 стихотворенія. Преложеніе многихъ псалмовъ близко и прекрасно. Способъ преложенія разностопными стихами самый удобнѣйшій для выдержанія высокаго достоинства подлинника и тѣхъ выраженій его, которыхъ замѣнить другими нельзя, потому что они, какъ священные тексты, врѣзались въ памяти каждаго христіанина, незамѣнимы и непрелагаемы. Напримѣръ, LXVII псаломъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его, и да бѣжатъ отъ лица его ненавидящіи его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія.»

Digitized by Google

Преложеніе почти слово въ слово:

Воскреснетъ Богъ — и расточатся
Его враги! и да бѣгутъ предъ нимъ
Всѣ ненавистники его; какъ дымъ
Развѣются и разлетятся!.... и т. д.

Изъ прочихъ стихотвореній Г. Бороздны, мы извлекаемъ достойное описаніе того великаго мгновенія, когда вся Москва благоговѣйно ждетъ благовѣстнаго звука о Воскресеніи Христовомъ.

ВЕЛИКАЯ ПОЛНОЧЬ.

Съ безмолвною Москвой ждетъ Русская земля
Призыва къ торжеству Христова Воскресенья —
Чу! громозвучно вѣсть спасенья
Несется съ высоты престольнаго Кремля —
И ею градъ нашъ потрясаетъ;
А стройный хоръ колоколовъ,
На этотъ кличь, на кличь вѣковъ,
Благоговѣйно отвѣчаетъ —
И небо радостью святой
Слилось съ юдолію земной!
Мгновенье чудное! Отверзлись Божьи храмы,
И словно яркими звѣздами,
Тысячецвѣтными огнями
Унизаны они въ полночной темнотѣ:
Отвсюду хлынулъ къ нимъ народъ, какъ моря волны;
Туда, туда стремятся тѣ,
Чьи помыслы въ сердечной простотѣ
Взлелѣяны и вѣры полны,
Кто въ благолѣпіи святаго торжества
Зритъ все величіе, всю славу Божества;
Кто со слезами умиленья
Предъ дивной правдой Искупленья
Отъ дѣтскихъ лѣтъ благоговѣлъ,
И для кого огнемъ нетщетнымъ
Предъ знаменемъ новозавѣтнымъ,
Передъ Распятіемъ свѣтильникъ пламенѣлъ!

Digitized by Google

Душепитательною манной
Для вѣрныхъ чтителей Христа,
Смиренно шедшихъ по пространной
Пустынѣ долгаго поста,
Обильно падали Пророковъ предреченья;
Немолчно раздавался на ней
Благословеннаго Сіона пѣснопѣнья,
Отрадно, услаждая слухъ людей,
И мнилось, что творцы тѣхъ пѣснопѣній сами,
Воспрянувъ изъ могилъ, коснулися перстами
Золотострунныхъ арфъ своихъ!
А вотъ и Дамаскинъ, святый преемникъ ихъ,
Учитель чистоты — духовная цѣвница,
Напѣвомъ Ангельскимъ пасхальный гимнъ поетъ
И Вѣры теплоту въ сердца и души льётъ!
Блистаютъ радостью всѣхъ вѣрующихъ лица,
А ихъ мольбы тогда угодны небесамъ,
И предъ Воскресшимъ чисты, святы,
Какъ вьющійся горѣ кадильницъ ѳиміамъ,
Какъ мироносицъ ароматы!
И что же въ силахъ мы Всесильному принесть
За подвигъ нашего спасенья,
Какъ не дары любви, молитвы и смиренья?

Но *всѣмъ* слышна торжественная вѣсть
И въ храмы Божіи за Божіей семьею
Да идутъ темною толпою
Нетвердой поступью и тѣ,
Чья жизнь погрязла въ суетѣ,
А помыслы — плоды преступнаго сомнѣнья,
Или заносчивой лжемудрости людской,
Враждуютъ съ вѣрою.... Слѣпцы! безъ Откровенья
Нѣтъ цѣли бытія, нѣтъ взору просвѣтлѣнья;
Вездѣ вещественность, вездѣ туманъ густой!
Какъ прахъ, высоко вѣтромъ возметенный,
Предъ солнцемъ падаетъ, такъ помысловъ тщета,
Такъ духъ, житейскою гордыней ѳольщенный,
Смирившись, пасть должны предъ алтаремъ Христа —
И храмъ, чертогъ его, всѣхъ кающихся приметъ,

Digitized by Google

Да дружно брата братъ обыметъ
Въ единомыслін святомъ,
Найдя прямое благо въ немъ,
На зло враждующему аду
И совратителямъ умовъ,
А сердцу чистому въ отраду
И въ назиданіе вѣковъ!

2. Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи: Кн. I. Спб. 1849. Въ 8, 64 стр. Соч. И. Сахарова.

Послѣ опытовъ объ иконописаніи отечественномъ Снегирева, Чижова и неизвѣстнаго сочинителя объ иконописаніи, являются изслѣдованія Г. Сахарова, извѣстнаго своими трудами. Въ составъ его изданія входятъ:

1) Подлинникъ; 2) Жизнеописанія Русскихъ иконописцевъ; 3) Обозрѣніе иконъ Византійскихъ въ Россіи и Русскихъ; 4) Обозрѣніе литературъ Русскаго иконописанія и актовъ историческихъ, относящихся до его исторіи; 5) Обозрѣніе изображеній, сохранившихся въ рукописяхъ; 6) Обозрѣніе изслѣдованій Русскихъ писателей объ иконописаніи; 7) Обозрѣніи технической книги состава красокъ, золоченій, левкаса и мурованія стѣнъ; 8) Замѣчанія о стѣнномъ иконописаніи.

Всѣ эти предметы, обнимающіе кругъ иконописанія, какъ церковнаго художества, сколько любопытны, столько и важны по отношенію ихъ къ религіи, художеству и исторіи его въ Россіи. Посему изданіе Г. Сахарова достойно вниманія и участія всякаго Русскаго православнаго. Изъ рукописнаго подлинника онъ помѣщаетъ одинъ Сентябрь мѣсяцъ, сличенный съ Греческимъ подлинникомъ, изданный во Французскомъ переводѣ Г. Дидрономъ подъ заглавіемъ: Manuel d'iconographie chretienne grecque et latine, traduit du manuscrit buizantin, par le D. Durand, avec une introduction et des notes par Didron; à Paris, 1845, in 8. Въ заключеніи представленъ апализъ подлинника, гдѣ изложено, Изображеніе св. Вита и 2, св. Князя.

Digitized by Google

Г. Сахаровъ опредѣляетъ «подлинникъ» руководствомъ къ иконописанію. Но какъ въ этой книгѣ изложены только примѣры и костюмы (доличное) лицъ святыхъ, а не теорія иконописанія, то она не можетъ назваться руководствомъ къ иконописанію; ибо и въ предисловіи она именуется *выличеньемъ*.

На стр. 9 сперва онъ говоритъ, что «нѣтъ историческихъ «извѣстій, когда эта книга появилась въ Россіи;» потомъ далѣе: «свитки и книги Греческія, оставленныя Греч. иконо«писцами, были, безъ сомнѣнія, подлинники, гдѣ изложены «правила иконописанія.» Изъ послѣднихъ словъ открывается, что подлинники появились на Руси вмѣстѣ съ Греческими иконописцами, прибывшими изъ Царьграда въ Кіевъ. Оно было бы такъ, еслибъ въ рукописномъ Патерикѣ, откуда взятъ этотъ фактъ Карамзинымъ, вмѣсто *свитки*, не было написано *свиты*, т. е. нижнія одежды. Въ такомъ смыслѣ встрѣчается это слово въ сказаніи о Спиридонѣ Проскурникѣ: «иже иземъ свою манатью, закры устье печи, свить же завязавъ рукава,» и пр. Карамзинъ неправильно прочелъ эти слова, Г. Сахаровъ повторилъ его ошибку.

Менологіумъ распространилъ не Василій Македонянинъ въ IX вѣкѣ, но Василій Булгарининъ въ X вѣкѣ.

Такъ Г. Дидронъ, издатель рукописи Ἑρμηνεία τῆς Ζωγραφικῆς, и Guide de la peinture, относитъ ее къ XI или XII вѣку, между тѣмъ какъ къ ней встрѣчаются святые XIV вѣка: Григорій Палама и Патріархъ Филоѳей, и статья о составленіи красокъ у Москвитянъ.

Въ концѣ книги, говоритъ Г. Сахаровъ, находимъ у Г. Дидрона *и нашъ подлинникъ, отличный отъ текста нашего подлинника!!*

Подобные труды не остаются безъ послѣдствій; они вызываютъ дѣятелей глубже изслѣдовать предметъ столь важный, каково церковное иконописаніе, проявляющее намъ къ себѣ догматы православной вѣры, символъ, преданія и бытія Восточной Церкви. Изслѣдованія по этой части находятся въ тѣсной связи съ ученіемъ вѣры и съ исторіею церковною:

Digitized by Google

4. Сказанія о Дгрувѣ, древне-Индійская религіозная легенда. Переводъ съ Санскритскаго, К. Коссовича. 1848.

Востокъ Азіи, какъ старецъ, который совершилъ весь кругъ бытія человѣческаго, прочелъ всю книгу познаній, испыталъ все, что ни есть между ненарушимымъ блаженствомъ и нескончаемой му́кой, видѣлъ все, что заключено между непомеркающимъ свѣтомъ и ничѣмъ неозаряемой тьмой; какъ зоркій астрономъ, въ юности своей видѣлъ онъ Дгрува, звѣзду, около которой обращается видимая вселенная; вычислилъ и время, и времена; какъ глубокомысленный мудрецъ, постигъ доступное разуму, создалъ свой духовный міръ, по мѣрѣ постиженія законовъ видимаго міра, извлекалъ изъ видимаго невидимое, и воплощалъ невидимое въ осязаемое.

Мы, Европейцы, передаемъ свои понятія отвлеченнымъ образомъ; у насъ въ мышленіи работаетъ одинъ разумъ, чувства не принимаютъ участія. Востокъ, напротивъ, передалъ понятія въ образахъ притчи; мысль всегда была воплощенной, доступной для чувствъ; идея и форма шли нераздѣльно, повѣряли, поддерживали другъ друга, какъ живое существо водворялись въ памяти, и жили въ ней; между тѣмъ какъ наши отвлеченныя отъ самой жизни понятія, эти лишенныя бытія и чуждыя бытію *идеи*, носятся въ головѣ туманами и часто, сгущаясь въ тучи, нарушаютъ ясную погоду души.

Мы отстали отъ истиннаго и правдиваго способа изложенія понятій. Злоумышленный софизмъ — *лжемудрствованіе*, давно уже посягнуло на аналогическій, воплощающій мысли въ образы, способъ мышленія, назвавъ его дѣтскимъ способомъ; но надо же наконецъ понять, что мы не даромъ называемъ ложныя мысли *безобразными*.

Сказаніе о Дгрувѣ, переведенное нашимъ почтеннымъ знатокомъ Санскритскаго языка, Г. Коссовичемъ, есть собственно притча о Дгрувѣ, извлеченная изъ *Бгагават-пураны*, или прославленія подвиговъ Вишну.

Digitized by Google

Дгрува есть воплощеніе Вишну въ свойствѣ смиренія, благочестія и полнаго порабощенія себя волѣ Божественной.

Сказаніе о Дгрувѣ писано, какъ и всѣ древнія Индійскія сказанія, *слоками*, двустишіями, составляющими періоды, или, вѣрнѣе, *уставами* рѣчи. Г. Коссовичь переводитъ прозой, но сохраняетъ слоки. Достоинство Индійскихъ иносказаній высоко и замѣчательно тѣмъ, что жизнь понятій, облеченныхъ въ личности, такъ естественна, разнообразна и занимательна, что мы, Европейцы, отнявшіе у духовнаго міра все, кромѣ логической бездушной постройки идей, принимаемъ иносказательныя повѣствованія Индіи за простые вымыслы, подобные нашимъ повѣстямъ. Мы прочли прекрасный переводъ В. А. Жуковскаго «Нало и Дамаянти,» какъ прекрасную сказку и не сознали, что она есть отрывокъ иносказательной Махабгараты, которая, по большой части, состоитъ, такъ сказать, изъ математическихъ формулъ судьбы каждаго изъ добрыхъ и недобрыхъ свойствъ человѣческихъ.

Сказаніе о Дгрувѣ также можно прочесть какъ простую повѣсть и не обратить вниманія на смыслъ.

1. Царь Уттамападъ имѣлъ двухъ женъ: Сунити и Суручи. Суручи нравилась болѣе своему мужу; скромная Сунити, родившая Царю сына Дгрува, не была ему столько мила, сколько другая его жена, ослѣпившая взоры всѣхъ необыкновенною прелестью своей очаровательной красоты.

2. Однажды Царь подозвалъ къ себѣ сына Суручи, посадилъ его у себя на колѣнахъ и осыпалъ его всею нѣжностью родительской ласки. Маленькій Дгрува также подошелъ къ отцу и хотѣлъ было сѣсть у него на колѣнахъ; но невинная ласка ребенка осталась безъ отвѣта: отецъ не приласкалъ его.

3. Надменная Суручи, бывшая свидѣтельницей безотвѣтнаго стремленія сыновней любви въ дитяти ея соперницы, обратилась къ маленькому Дгруву, и въ порывѣ ревности, въ присутствіи Царя, сказала ему:

Digitized by Google

4. Мой милый, хотя ты и царевичь, но не заслуживаешь, чтобъ Царь взялъ тебя на колѣни; потому что не мое лоно взлелѣяло тебя.

5. Ты ребенокъ, и, безъ сомнѣнія, не разумѣешь, что рожденъ отъ другой жены: если бы ты это зналъ, ты бы не позволилъ себѣ желать невозможнаго.

6. Если хочешь быть у Царя на колѣнахъ, взмолись Пурушѣ, возложи на себя тяжелый обѣтъ, чтобъ онъ взмиловался и ниспослалъ тебѣ счастіе вновь родиться отъ меня, и т. д.

Эта послѣдняя строфа безъ вниманія на смыслъ притчи не понятна; но объяснивъ, что Сунити есть свойства душевныя, Суручи — тѣлесныя, а Дгрувъ по самому смыслу слова есть *твердость, крѣпость* (духа), намъ объяснится, почему Суручи говоритъ Дгруву, чтобъ онъ молился Пурушѣ (Вишну въ свойствѣ человѣческаго существа), о томъ, чтобъ онъ даровалъ еще счастіе проявиться и въ тѣлесныхъ свойствахъ, то есть вмѣсто крѣпости духа проявиться въ крѣпости силъ.

Въ послѣдствіи повѣсти, обиженный этимъ предложеніемъ Дгрува доказываетъ, что крѣпость духа заключаетъ въ себѣ и крѣпость силъ; между тѣмъ какъ силы тѣлесныя могутъ быть и безъ крѣпости духа, и слѣдовательно въ сущности безсильны.

Не осмѣливаясь благодарить за всѣхъ, мы по крайней мѣрѣ за себя выскажемъ Г. Коссовичу сочувствіе къ достойной общей благодарности цѣли его передать на Русскій языкъ древнюю литературу родственной намъ Индіи. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія *Васантазены*, этой драмы изъ житейскаго быта народа, который за двѣ и три тысячи лѣтъ до нашего времени имѣлъ уже высокое отчинно-гражданское развитіе. Драмма Васантазена тѣмъ болѣе еще замѣчательна, что проявляетъ уже нарушеніе нравовъ Буддизмомъ, или общиннымъ началомъ, въ которомъ наука вздумала своими временными формами жизни замѣнить вѣчный духъ жизни. *А. В.*

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Исторія образованія и развитія системы Русскаго судопроизводства до Уложенія 1649 года. Соч. М. Михайлова. 1848. 133 стр. въ 8-ку.

Изслѣдованіе нашего древняго права сдѣлало быстрые успѣхи, особенно со времени изданія Актовъ Археографической Коммиссіи и Экспедиціи. То, что требовало прежде необыкновенныхъ усилій для своего отысканія, а иногда и вовсе было недоступно, теперь подъ рукою у каждаго. Изданіе памятниковъ нашей старины, дѣятельно продолжающееся до сихъ поръ, — весьма важная эпоха для нашей науки; пока не былъ собранъ матеріалъ, невозможно было прослѣдить общихъ началъ древней нашей жизни, на отрывочныхъ данныхъ нельзя было создать ничего цѣлаго.

Сочиненіе Г. Михайлова, строго основанное на источникахъ, есть трудъ весьма полезный. Авторъ собралъ почти все, что можно было собрать въ нашихъ актахъ о древнемъ судопроизводствѣ, и подвелъ весь этотъ матеріалъ подъ нынѣшнюю систему, что впрочемъ иногда вредитъ истинѣ (напр. повѣренныхъ авторъ видитъ тамъ, гдѣ ихъ не было). Все это составляетъ содержаніе 2-й части сочиненія, которая носитъ названіе: «Историческія изслѣдованія о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи каждой части системы Русскаго гражданскаго судопроизводства въ отдѣльности», и состоитъ изъ 7-ми главъ (стр. 45-123). Въ первой части (стр. 15-42) авторъ предложилъ «историческій взглядъ на образованіе и развитіе древней системы Русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 года включительно.» Это общія начала, которыхъ оправданіемъ служитъ вторая часть; взглядъ автора вообще вѣренъ, а исторія каждой части судопроизводства разбита съ значительною полнотою, взглядъ на вещи и строго-историческій пріемъ даютъ его книгѣ право занять видное мѣсто въ нашей юридической литературѣ; оно пополняетъ пробѣлъ, существовавшій въ обработкѣ нашего судопроизводства, потому что извѣстное замѣчательное сочиненіе К. Кавелина начинается съ

Digitized by Google

Уложенія 1649 г.; теперь мы имѣемъ первый опытъ полной картины нашего судопроизводства съ древнѣйшихъ временъ, до учрежденія о губерніяхъ. *М. К.*

2. Обозрѣніе Внѣшней Исторіи Русскаго законодательства, съ предварительнымъ изложеніемъ общаго понятія и раздѣленія законовѣдѣнія, сост. Н. Рождественскимъ. 1849. 206 стр. въ 8-ку.

Это сочиненіе Г. Рождественскаго есть первая часть того труда, о второй части котораго мы говорили уже (Москв. 1848 г. N 11), и указали на нѣкоторые ея недостатки. По нашему, исторія Г. Рождественскаго есть скорѣе библіографія, чѣмъ исторія; такъ у него Кормчая является памятникомъ законодательства Царя Алексѣя Михайловича, почему что въ это время издана печатная Кормчая. Но въ такомъ случаѣ, почему бы слово о Полку Игоревѣ въ исторіи нашей словесности не отнести къ 19-му вѣку?

Большую услугу оказалъ авторъ присоединеніемъ литературы и источниковъ для внѣшней исторіи нашего права; но и здѣсь въ выборѣ книгъ видна какая-то случайность. Напр. какимъ образомъ третья часть Русск. Достопамятностей можетъ быть источникомъ права—здѣсь помѣщено Слово о полку Игоревѣ; почему также авторъ упустилъ изъ виду такія сочиненія, какъ Г. Кавелина о судопроизводствѣ, и пр.; о сочиненіи Сперанскаго тоже ни слова; намъ даже показалось страннымъ, что имя Сперанскаго не встрѣчается на страницахъ новой книги, говорящей о кодификаціи.

Наконецъ, нельзя согласиться съ авторомъ въ отношеніи его раздѣленія нашей кодификаціи, гдѣ онъ за основаніе принялъ настоящее дѣйствіе законовъ: нельзя отвергать того, что и теперь дѣйствуютъ нѣкоторыя постановленія судебниковъ которыхъ начала были приняты въ Уложеніи. Уложеніе 1649 г. можетъ быть принято эпохою во внѣшней исторіи нашего права, только по другимъ причинамъ.

Въ началѣ своей книги Г. Рождественскій предлагаетъ нѣкоторыя общія понятія о правѣ и законахъ, выбранныя

Digitized by Google

имъ изъ Юридической Энциклопедіи; заимствованія сдѣланы изъ книги Г. Неволина, съ прибавленіемъ впрочемъ новой науки — гавремати́ческой юриспруденціи. Вообще, по нашему мнѣнію, сухія, краткія опредѣленія предмета (стр. 4-21), не выводимыя ни изъ какихъ данныхъ, нисколько не прибавляютъ къ знанію учащагося; должно вспомнить, что все это пишется для начинающихъ. Въ этомъ отношеніи мы замѣтили перемѣну къ лучшему въ новыхъ учебникахъ по части исторіи.

Не смотря на всѣ исчисленные нами недостатки новаго сочиненія, авторъ его заслуживаетъ благодарность за трудъ полнаго исчисленія памятниковъ нашего законодательства; это первый опытъ, и книга Г. Рождественскаго можетъ быть полезною для справокъ. Изъ нея узнали мы между прочимъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новаго труда Г. Неволина «Начертаніе гражданскихъ законовъ.» *М. К.*

Письмо къ Редактору о тѣхъ же книгахъ.

Приношу вамъ искреннюю благодарность за сообщеніе мнѣ рецензій Г. К. Не смотря на ихъ краткость, они написаны дѣльно и безпристрастно. Съ своей стороны я могу прибавить только немногія замѣчанія какъ на самыя сочиненія Гг. Михайлова и Рождественскаго, такъ и на рецензіи Г. К. Во-первыхъ, что касается до разсужденія Г. *Михайлова*, то мнѣ казалось бы не безполезнымъ въ рецензіи на него обратить вниманіе читателей вашего журнала на одинъ предметъ, который удачно старался пояснить авторъ, тѣмъ болѣе, что это предметъ еще слишкомъ мало обслѣдованный, а между тѣмъ важный для того, чтобъ понять содержаніе нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего права, особенно Русской Правды. Я говорю о значеніи у насъ Германскаго элемента, принесеннаго къ намъ Варяго-Русскими Князьями въ противоположность элементу Славянскому. Скажу вамъ откровенно, что, коснувшись Германскаго элемента въ вашихъ Изслѣдованіяхъ и въ этомъ отношеніи, вы уже придали ему такъ много значенія, такое сильное вліяніе на древній туземный бытъ Славянъ, что по-

Digitized by Google

думаешь будто у послѣднихъ не было многихъ явленій и понятій, какихъ однако народъ не можетъ не имѣть даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ общежитія. По этому въ высшей степени полезно опредѣлить точнѣе, что̀ именно особеннаго принесли къ намъ пришлые Варяго-Руссы и какимъ образомъ подъ вліяніемъ ихъ ограничился, развился или измѣнился древній туземный бытъ Славянъ. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, на этотъ предметъ было обращено особенное вниманіе только въ слѣдующихъ сочиненіяхъ, и то скорѣе въ частностяхъ, нежели въ цѣлости: 1) въ статьѣ *Палацкаго*, помѣщенной въ Часописѣ Чешскаго Музея за 1837 г. (ст. 6), а на Русскій языкъ переведенной О. М. *Бодянскимъ* въ «Чтеніяхъ» (1-го года, № 2-й), гдѣ онъ сравниваетъ Сербскіе законы Царя Стефана Душана съ древнѣйшими постановленіями въ Чешскомъ и Русскомъ правѣ; 2) въ «Историческомъ изображеніи древняго судопроизводства въ Россіи,» Г. *Куницына*; 3) въ соч. «О платѣ за убійство въ древнемъ Русскомъ и другихъ Славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ Германскою вирою,» Г. *Иванишева*; 4) въ изслѣдованіи «О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго Германскаго права сравнительно съ Русскою Правдою и позднѣйшими Русскими законами,» Г. *Палом-бецкаго*. Г. Михайловъ сдѣлалъ въ этомъ же отношеніи нѣсколько новыхъ, основательныхъ наблюденій, и нельзя за это не поблагодарить его. — Другое мое замѣчаніе относится къ ученому пріему, съ какимъ Г. Михайловъ взялся за свое дѣло и на который указываетъ и рецензентъ его, Г. К. Очень справедливо упрекаетъ авторъ Г. Куницына и меня за статью о Судебникѣ, что мы ограничились одной фактической разработкой предмета. Въ наше время такая разработка рѣшительно необходима, но она составляетъ не болѣе какъ одну половину труда. Конечно, собравши факты въ одно цѣлое, столько же необходимо уяснить тѣ внутреннія, основныя начала, которыми проникнуты эти факты, тотъ духъ, которымъ они оживляются, тѣ результаты, къ которымъ они привели. Вотъ истинное значеніе научнаго взгляда. Это не только сознано Г. Михайловымъ, но онъ старался

Digitized by Google

также осуществить высказанную имъ мысль въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи. Правда, предположенной цѣли онъ достигъ не вполнѣ: основныя начала, подъ вліяніемъ которыхъ были составлены наши древніе юридическіе памятники, развиты имъ не совсѣмъ ясно и проведены не совсѣмъ отчетливо; но должно вспомнить, что его разсужденіе есть одинъ изъ первыхъ, начальныхъ трудовъ въ этомъ родѣ. За то сколько прекрасныхъ надеждъ подаетъ оно въ будущемъ!

Касательно фактической разработки Г. Михайловымъ нашихъ древнихъ памятниковъ въ отношеніи къ судопроизводству, я также согласенъ съ Г. К., что оно отличается полнотою. Но по этому самому и странно въ подробномъ изслѣдованіи встрѣчать мѣстами такія опущенія, которыя невольно бросаются въ глаза. Такъ, наприм., въ числѣ судебныхъ доказательствъ, имѣвшихъ у насъ силу отъ древнѣйшихъ временъ до Уложенія, авторъ не далъ особаго мѣста *жеребью*. Онъ упоминаетъ объ немъ только въ связи съ присягой; но въ этомъ случаѣ, очевидно, жеребей не имѣлъ значенія самостоятельнаго судебнаго доказательства. Напротивъ, что онъ имѣлъ въ древней Россіи еще и такое самостоятельное значеніе, это не только довольно извѣстно, но даже мимоходомъ замѣчено въ разныхъ мѣстахъ и у самого автора (стр. 105 106, 112). И такъ слѣдовало бы раскрыть и опредѣлить положительно отдѣльное значеніе жеребья, какъ судебнаго доказательства, и на это есть данныя въ источникахъ. Точно также не встрѣчается у Г. Михайлова ничего о *пыткѣ* (только случайно упоминаетъ онъ объ ней на стр. 53), между тѣмъ какъ *признаніе*, въ значеніи судебнаго доказательства, разсмотрѣно особенно. Отношеніе между пыткой и признаніемъ и вообще значеніе пытки въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ, по моему мнѣнію, было бы необходимо пояснить. Можетъ быть, причина, почему авторъ не остановился на пыткѣ, заключается въ томъ, что онъ ограничился въ своемъ сочиненіи историческимъ обозрѣніемъ одного *гражданскаго* судопроизводства до Уложенія; но мнѣ кажется, что, по причинѣ не-

Digitized by Google

яснаго разграниченія въ этотъ періодъ нашего законодательства предметовъ права уголовнаго отъ предметовъ гражданскаго права, доказательства уголовнаго процесса еще не были довольно рѣзко отдѣлены отъ доказательствъ судопроизводства гражданскаго. Подтвержденіемъ этому можетъ служить обвиненіе въ боѣ и грабежѣ, которое, по Судебнику, доказывалось поединкомъ и присягой. Даже по Уложенію гражданскіе иски, возникавшіе вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, вмѣстѣ съ ними и рѣшались; съ другой стороны уголовныя преступленія въ извѣстныхъ случаяхъ теряли свой характеръ и дѣлались исключительными предметами исковъ гражданскихъ (см. въ диссертаціи Г. *Кавелина* подъ заглавіемъ: «Основныя начала Русскаго судоустр. и гражд. судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до учрежденія о губерніяхъ» стр. 39—40, 57 и д.) На этомъ основаніи я полагаю, что уясненіе значенія пытки въ нашемъ древнемъ судопроизводствѣ вообще послужило бы къ тому, чтобы понять взглядъ того времени на отношеніе между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ въ примѣненіи къ тѣмъ дѣламъ, которыя въ разныхъ случаяхъ были предметами и гражданскаго и уголовнаго суда. Наконецъ я увѣренъ, что если бы Г. Михайловъ обратилъ вниманіе на пытку, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ бы необходимость пояснить взаимное отношеніе между самыми началами гражданскаго и уголовнаго процесса въ періодъ до Уложенія, какъ это именно сдѣлано очень отчетливо Г. Кавелинымъ для послѣдующаго времени. Вмѣсто всего этого авторъ ограничился рѣшительнымъ, но едва ли вѣрнымъ замѣчаніемъ, что уставными и судными грамотами періода удѣловъ дѣла уголовныя и уголовное судопроизводство, до того времени смѣшанныя съ дѣлами гражданскими и судопроизводствомъ гражданскимъ, были совершенно отдѣлены одни отъ другаго (стр. 32 и 52—53). Мнѣ кажется, напротивъ, что постановленія, сдѣланныя Іоанномъ IV касательно разбойниковъ, заключаютъ въ себѣ только основаніе для настоящаго отдѣленія уголовнаго процесса отъ гражданскаго. Окончательное же установленіе различныхъ началъ для судопро

Digitized by Google

изводства гражданскаго и уголовнаго и совершенное отдѣленіе ихъ одного отъ другаго были уже результатомъ позднѣйшаго развитія законодательства и практики. Здѣсь, если я не ошибаюсь, слабая сторона въ сочиненіи Г. Михайлова. — Другія опущенія или неточности, мною замѣчѣнныя, гораздо менѣе значительны.

Изданіе Г. *Рождественскаго* составляетъ полезную справочную книгу для начинающихъ заниматься Русскимъ законодательствомъ и особенно его исторіей, впрочемъ справочную книгу далеко не всегда полную, вѣрную и точную. Но и какъ такое сочиненіе, оно почти вовсе не представляетъ критической разработки предмета. Вотъ едва ли не все, что можно объ немъ сказать, не забывая, однако, что это первый трудъ по части полнаго историческаго обозрѣнія какъ самыхъ источниковъ и памятниковъ Русскаго законодательства, такъ и тѣхъ сочиненій и статей, которыя къ нимъ относятся и служатъ къ ихъ поясненію. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливость автору, что для перваго труда его сочиненіе отличается относительной полнотой, особенно что касается до обозрѣнія различныхъ памятниковъ нашего законодательства. И такъ вы видите, что я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ вашего рецензента о сочиненіи Г. Рождественскаго; прибавлю только одно замѣчаніе на сужденіе Г. К. относительно значенія у насъ Кормчей, какъ памятника законодательства. Онъ несогласенъ съ Г. Рождественскимъ, который относитъ Кормчую, въ ея печатномъ изданіи, къ памятникамъ законодательства Царя Алексѣя Михайловича. Совершенно справедливо, что Греческіе Номоканоны и составленныя на основаніи ихъ и подъ вліяніемъ ихъ Кормчія, Болгарскія и Русскія, были у насъ источникомъ права съ самаго введенія христіанской вѣры. Но еслибъ кто спросилъ, какая же именно Кормчая, или, по крайней мѣрѣ, какая редакція Кормчей признавалась у насъ какъ источникъ права въ то или другое время до изданія печатной Кормчей, то нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ вопросъ никто не съумѣлъ бы отвѣчать положительно. Можно указать только на нѣкоторыя отдѣльныя Кормчія

Digitized by Google

и особенно на нѣкоторыя отдѣльныя статьи, которыя имѣли практическую силу въ томъ, или другомъ случаѣ. Напротивъ чрезвычайно легко отвѣчать на вопросъ: какая Кормчая имѣла значеніе источника права при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что печатная Кормчая, изданная въ это время, и притомъ исключительно. Съ изданіемъ печатной Кормчей на основаніи одного изъ списковъ такъ называемой Рязанской фамиліи, который хранится въ Воскресенскомъ (Ново-Іерусалимскомъ) монастырѣ, съ нѣкоторыми только дополненіями и опущеніями, всѣ другія редакціи Кормчей утратили у насъ практическое значеніе и силу, кромѣ одного «великаго Номоканона Греческаго»; но и этимъ Номоканономъ продолжали пользоваться одни восточные отцы Церкви, давая на основаніи его рѣшенія по дѣламъ, съ которыми обращались къ нимъ наши Цари. Сверхъ того печатное изданіе Кормчей составляетъ важную эпоху и въ другомъ отношеніи. До тѣхъ поръ Кормчая была главнымъ образомъ, если не совсѣмъ исключительно, источникомъ права для духовенства. Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, рѣшительныхъ указаній, чтобы свѣтскіе судьи были обязаны ей руководствоваться; напротивъ, печатная Кормчая сдѣлалась источникомъ права и въ судахъ свѣтскихъ. На основаніи ея стали рѣшать многія гражданскія дѣла, особенно преступленія. Вотъ почему я въ этомъ случаѣ согласенъ скорѣе съ Г. Рождественскимъ, который отдѣляетъ значеніе Кормчей вообще (стр. 55 — 57), какъ источника и памятника законодательства, отъ особеннаго ея значенія въ печатномъ изданіи какъ памятника законодательства Царя Алексѣя Михайловича. *Н. Калачовъ.*

ОДЕССКІЯ И ПРОЧІЯ ИЗДАНІЯ.

12. Сборникъ газеты Кавказъ, изд. Константиновымъ. 2 полугодія 1848 г. — 13. Кавказскій Календарь на 1849 г. Тифлисъ. — 14. Записки Одесскаго Обіщества Исторіи и Древностей. Т. 2. отд. 1. — 15. Литературные Вечера, изданіе Николая Фумели. Вечеръ первый. Одесса 1849.

Два новыхъ круга Русской словесности, Южный и Восточный, Одесса и Тифлисъ, быстро преуспѣваютъ въ своей

Digitized by Google

дѣятельности. Хотя литература Кавказа сосредоточивается еще въ газетѣ Кавказъ, издаваемой О. И. Константиновымъ; но сколько любопытныхъ и полезныхъ, ученыхъ и литературныхъ описаній пріобрѣли мы; сколько Азіатскихъ именъ считаемъ мы уже въ числѣ литераторовъ. Хотя читатели Россіи съ рѣдкими еще изъ нихъ познакомились: но вѣроятно познакомятся скоро и съ удовольствіемъ: по «Сборнику газеты Кавказъ» можно уже судить, какъ ихъ силы новы и самобытны, какъ воображеніе чисто, свѣжо какъ воздухъ горъ, умъ не зараженъ страстью умствовать, душа роптать. Разсказы ихъ просты, естественны, ни сколько не натянуты и не жеманны; древній историческій міръ задаетъ имъ ученые предметы для изслѣдованія, величественная природа, нравы и обычаи горныхъ народовъ даютъ имъ богатыя картины для описаній повѣствовательныхъ — и все это такъ ново, такъ любопытно въ Русской литературѣ.

Ожидаемъ продолженія Сборника. Почти каждую статью готовы бы мы были перепечатать, чтобъ отклонить привычное вниманіе читателей отъ истощеннаго даже въ литературныхъ силахъ Запада, на озаряющійся просвѣщеніемъ Востокъ.

«Кавказскій Календарь,» кромѣ мѣсяцослова Православнаго и прочихъ свѣдѣній Академическаго календаря, заключаетъ въ себѣ: мѣсяцословы Армяно-Григоріанскій, Армяно-Католическій и Мухаммеданскій; Таблицу геогр. положенія городовъ и мѣстъ Закавказскаго края; Алфавитъ и роспись ихъ съ показаніемъ разстояній; Кавказскій дорожникъ; Краткій очеркъ нѣкоторыхъ городовъ Кавказскаго и Закавказскаго края; Хронологическое показаніе достопримѣчательнѣйшихъ событій въ Кавказскомъ краѣ; Очеркъ теперешняго состоянія Кавказскихъ минеральныхъ водъ и улучшеній въ устройствѣ оныхъ въ 1848 г. (статья Всеволожскаго), и Кавказскій Адресъ-Календарь.

Одесское Общество Исторіи и Древностей дѣятельно трудится надъ разработкой археологическихъ памятниковъ Южной Россіи; повѣряетъ и сводитъ на мѣстѣ древнихъ

Digitized by Google

Греческихъ и Византійскихъ писателей о Тавридѣ и набережныхъ Чернаго моря, и, безъ сомнѣнія, современемъ прояснитъ намъ *Киммерійскую тьму*, въ которой исчезли и Кимвры, и Тавры, и Скиѳы, и Команы, и Хазары.

1-е Отд. 2-го т. Записокъ Од. Общества заключаетъ въ себѣ:

I. Археологія. Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста древней Тавриды. — О мѣстоположеніи древняго города Каркинита и объ его монетахъ. — О памятникахъ нѣкоторыхъ народовъ варварскихъ, древле обитавшихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ. — О Еврейскихъ манускриптахъ, хранящихся въ музеумѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. — Источники для удѣльнаго періода Русской Исторіи.

II. Исторія: Исторія города Херсона, сочиненіе Императора Константина Порфирородnаго. — Хронологическо-Историческое описаніе церквей епархій Херсонской и Таврической. — Начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ. — Жизнь и ученая дѣятельность Бларамберга. — Павелъ Дюбрюксъ.

III. Географія: Безъименнаго Периклъ Понта Евксинскаго и Меотійскаго озера. — Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его. — Геническъ и Арабатская стрѣлка. — Историческое описаніе рѣки Сѣвернаго Донца близъ Святыхъ горъ. — Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ православныхъ монастыряхъ епархій Херсонской и Кишеневской.

IV. Статистика: Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ Краѣ. — О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1846 году. — Историческія и статистическія записки о военномъ городѣ Елисаветградѣ.

«Литературный вечеръ» — книжечка въ родѣ альманаха, сборникъ нѣсколькихъ стихотвореній и нѣсколькихъ повѣстей; но все читается въ немъ легко, повѣсти разсказаны занимательно, ловко, и слѣдовательно онъ лучше всякаго альманаха, — сборника статей gratis.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Критико-историческое изслѣдованіе объ Италіянской политико-экономической литературѣ до начала XIX вѣка; магистра Политической Экономіи и Статистики Ивана Вернадскаго (для полученія степени доктора). Москва. — Въ Ун. Т. 1849, стр. II и 118.

Этотъ небольшой трудъ составляетъ отрадное явленіе въ области сочиненій по части Политич. Экономій на Русскомъ языкѣ, число которыхъ крайне немногочисленно. Въ книгѣ Г. Вернадскаго находимъ систематическій обзоръ ученій политико-экономовъ Италіи до начала XIX-го вѣка, и притомъ не какъ простой перечень, но въ связи съ теоріею науки. Этотъ трудъ Г. Вернадскаго представляетъ окончательный результатъ его тщательныхъ изслѣдованій надъ Итальянскими политико-экономами; ихъ сочиненія составляютъ 50 томовъ, изданныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Въ началѣ сочиненія авторъ старается показать важность принятаго имъ критико-историческаго изученія вопросовъ Политической Экономіи и говоритъ: «эпоха появленія П. «Эк. въ видѣ науки совпадаетъ съ концемъ прошлаго сто- «лѣтія; но при этомъ невольно рождается вопросъ, неужели «она явилась вдругъ, не предшествуемая какими отдѣльными «предъидущими опытами, явилась во всеоружіи изъ головы «одного мыслителя? Если бы это было такъ, то мы имѣли «бы право сомнѣваться въ ея научномъ достоинствѣ; соста-

Digitized by Google

«вляя результатъ вѣковой опытности, каждая наука необхо-
«димо должна имѣть корни въ прошедшемъ, и хотя она не
«являлась тогда въ формахъ, выдерживающихъ строгую
«ученую критику, однако отдѣльныя положенія ея сущест-
«вовали уже выраженныя въ сужденіяхъ объ различныхъ
«явленіяхъ; эти сужденія, эти мысли составляютъ неотъе-
«млемое достояніе науки, въ нихъ скрывается ея зародышъ.
«Изложеніе ихъ даетъ намъ возможность прослѣдить про-
«цессъ ея образованія.» Повидимому, разнообразныя мнѣнія писателей приводятся ко внутреннему единству: «Въ отры-
«вочныхъ сужденіяхъ ихъ мы можемъ отличить цѣлую
«систему, выходящую изъ одной господствующей идеи, хотя
«несознанную вполнѣ и невыраженную отчетливо» (стр. 4). Мнѣнія прежнихъ изслѣдователей не должны быть пренебрегаемы, хотя она и ушла впередъ: «Только сравнивая
«тогдашнія мнѣнія съ теперешними, мы можемъ опредѣлить,
«какъ далеко мы подвинулись на этомъ пути и узнать, такъ
«сказать — удѣльную жизненную силу науки» (стр. 6). Въ Политич. Экономіи, какъ наукѣ еще не развившейся, представляющей наиболѣе пробѣловъ, вопросовъ, или вовсе или на половину рѣшенныхъ, историко-сравнительное изученіе предмета имѣетъ болѣе важности, чѣмъ въ какой-либо другой наукѣ. Пол. Экономія ревностно была воздѣлываема въ Италіи: «Въ новое время (стр. 7) Итальянцы первые ука-
«зали истинный путь къ научному изслѣдованію матеріаль-
«наго производства, принявъ аналитическую методу для рѣ-
«шенія экономическихъ задачъ.» Прежде нежели приступить къ самому предмету разсужденія, т. е. къ Итальянскимъ пол. экономамъ, Г. Вернадскій указываетъ на ихъ *средства*, т. е. на то, что имъ было завѣщано предшествовавшею литературою и на ея вліяніе, и представляетъ краткій взглядъ на науку гос. хозяйства у древнихъ; въ немногихъ словахъ, но хорошо характеризуетъ онъ главныхъ пол. экономовъ древности: «Каждый изъ нихъ (стр. 8) имѣетъ иное научное
«значеніе; Ксенофонтъ рисуетъ намъ *картину* древняго эко-
«номическаго общества; Платонъ возвышаетъ его до *идеала*;
«Аристотель извлекаетъ изъ него *теоретическія положенія*.»

Digitized by Google

Сущность же науки гос. хозяйства у древнихъ состояла въ слѣдующемъ: «они (стр. 10) не умѣли въ экономическихъ «явленіяхъ отличить дѣйствительное отъ необходимаго, и «современное имъ принимали за раціональное.» Ученія древнихъ объ эконом. вопросахъ не остались безъ вліянія и на послѣдующую ихъ обработку: «Итальянскіе писатели усво«или себѣ главныя положенія древнихъ и вліяніе ихъ можно «замѣтить въ самомъ меркантилизмѣ. Большая часть мнѣній «его составляетъ только отраженіе, нѣсколько извращенное, «тѣхъ же идей, которыя господствовали въ древности.» Особенныя историческія причины рано обратили вниманіе Итальянскихъ ученыхъ на обсужденіе вопросовъ гос. хозяйства; изслѣдованіе этихъ причинъ приводитъ къ тому результату, что въ Италіи въ то время (съ половины XVI в.) общественное устройство представляло странную смѣсь добра и зла (стр. 12—13): «Въ Италіи каждое изъ мелкихъ госу«дарствъ ея заботилось объ обогащеніи и искало его въ не«позволительныхъ средствахъ, вызвавшихъ противодѣйствіе «ученыхъ.» Вообще Италія того времени не только шла рядомъ съ умственнымъ движеніемъ Европы, но и нерѣдко опереживала его: «дальнѣйшіе успѣхи Политической Эконо«міи въ Италіи объусловивались общимъ движеніемъ умовъ «въ Европѣ, и всѣ главныя экономическія направленія, имѣ«ли въ ней своихъ представителей; мало того — Италія «во всѣхъ направленіяхъ является какъ бы предтечею.» Отсюда ясна важность изученія того, какъ понимали Итальянцы политико-экономическіе вопросы. Самостоятельнымъ путемъ Итальянцы пришли къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ пришелъ А. Смитъ въ Англіи; но это нисколько не даетъ повода сомнѣваться въ оригинальности Итальянской экономической литературы: «Это сходство (стр. 14) есть «только родовое и оно произошло отъ общности интересовъ «большей части тогдашнихъ Европейскихъ народовъ.» Притомъ, несмотря на это сходство выводовъ, къ какимъ пришли Англійскіе и Итальянскіе политико-экономы, между ними есть и различіе, соотвѣтствующее различію характера того и другаго народа: «У Итальянцевъ постоянно проявъ-

Digitized by Google

«ляется сочувствіе къ земледѣлію, чего мы не замѣчаемъ «въ сочиненіяхъ тогдашнихъ Англійскихъ писателей, вообще «болѣе и строже преданныхъ меркантильной доктринѣ, не- «жели Итальянцы.» Доказавъ самостоятельность Итальянской экономической литаратуры, Г. В. дѣлаетъ краткій обзоръ главныхъ ученій науки гос. хозяйства; онъ приводитъ ихъ всѣхъ къ *двумъ главнымъ направленіямъ*: «направленія эти «(стр. 15) различаются между собою тѣмъ, что одно тре- «буетъ внѣшняго *устройства* (организаціи) *народнаго труда*, «подчиненія его опредѣленнымъ правиламъ, законамъ, дру- «гое — напротивъ ратуетъ за безусловную *свободу промы- «шленности*, требуетъ предоставленія возможно большей «доли независимости частному соперничеству и желаетъ «устраненія общественной власти отъ прямаго участія въ «опредѣленіи и оборотѣ цѣнностей. Первое мы можемъ на- «звать *положительнымъ*, второе *отрицательнымъ*.» Къ поло- жительному направленію г. В. причисляетъ *экономическое ученіе древнихъ* и *меркантилизмъ*, къ отрицательному — *физіократію* и *школу Адама Смита*; *протекціонизмъ* пред- ставляетъ попытку избѣжать крайностей и избрать средній путь, попытку, неувѣнчавшуюся успѣхомъ. Сущность эконо- мическаго ученія древнихъ состояла въ слѣдующемъ: «Вся «задача (стр. 16) тогдашняго экономическаго направленія со- «стояла въ томъ, чтобы съ возможно-меньшими пожертво- «ваніями получить возможно большую массу цѣнныхъ вещей.» И съ паденіемъ древняго міра его экономич. ученія про- должали имѣть вліяніе не устройство гос. хозяйства: «новое «общество (стр. 17) вначалѣ является почти въ такомъ же «экономическомъ положеніи, какъ и предшествовавшее ему.» Тѣ же начала, которыя господствовали въ древнемъ обществѣ вошли и въ новое, только въ иномъ видѣ: «трудъ былъ «стѣсненъ не въ своемъ частномъ проявленіи, а въ прояв- «леніи родовомъ и видовомъ; вмѣсто рабства является ads- «criptio glebae, цеховое устройство и т. п., гдѣ забота власти «обращена была на производство, но непосредственно на «лице производящее, гдѣ имѣлся въ виду капиталъ, но не «дѣятель труда.» Такова была сущность меркантильнаго уче-

Digitized by Google

нія, но оно не было столь вредно, какъ нѣкоторые думали: «Полунасильственной организаціи труда средневѣковаго и «начала новыхъ вѣковъ, организаціи, составлявшей истинное «зерно практическаго ученія меркантилизма и отчасти его «внѣшній признакъ, мы обязаны тѣмъ увеличеніемъ и укрѣп«леніемъ труда, при которыхъ сдѣлались возможными раз«нообразные успѣхи на поприщѣ наукъ и искусствъ, раз«витіе умственное и истинное благосостояніе.» Первая попытка совершенно освободить *трудъ* произвела ученіе физіократовъ: «Эманципація труда въ теоріи представляется въ «требованіи уничтоженія законовъ, имѣвшихъ предметомъ «ограничить частное соперничество и подчинить производ«ство опредѣленнымъ правиламъ. Такое стремленіе выра«жается первоначально въ *физіократіи.*» Систематическій видъ наука Пол. Экономіи получила въ прошлаго столѣтія: «Заслуга Ад. Смита есть усвоеніе ей аналитической, этой един«ственной истинно-научной методы; что же касается до прак«тическихъ положеній Ад. Смита, то они, совпадая съ по«ложеніями физіократіи, не были новыми и во время сво«его появленія» (стр. 19). Обозрѣвъ различныя главныя ученія, раздѣлявшія область Пол. Экономіи, Г. В. возвращается къ собственно Итальянской экономической литературѣ и находитъ въ ней основныя черты всѣхъ этихъ ученій, разбросанныя и неприведенныя въ систему: «въ ней «большая часть изъ нихъ является въ формѣ практическихъ «наблюденій и частныхъ выводовъ и не многіе возвышаются до теоретическаго взгляда на предметъ» (стр. 20). Далѣе Г. В. излагаетъ планъ, сообразно которому онъ пускается въ разсмотрѣніе мнѣній о политико-экономическихъ вопросахъ Итальянскихъ ученыхъ каждаго порознь: «Мы прой«демъ весь рядъ Итальянскихъ экономистовъ, и именно «сперва экономистовъ положительнаго направленія, т. е. *мер«кантилистовъ* и *протекціонистовъ*, потомъ направленія от«рицательнаго *физіократовъ* и предшественниковъ *школы «промышленной.*» Въ чемъ состоитъ сущность ученія меркантилистовъ, мы видѣли выше; что же такое *протекціонизмъ?* «Подъ именемъ *протекціонизма* (стр. 45) мы разумѣемъ не

Digitized by Google

«одну какую-нибудь опредѣленную систему ученія, а раз-«личные теоретическіе взгляды на предметы политико-эко-«номическіе, согласные между собою только въ окончатель-«номъ практическомъ заключеніи. Это заключеніе и соста-«вляетъ главную, отличительную черту протекціонизма. Оно «состоитъ въ томъ, что для процвѣтанія народной промы-«шленности полагаютъ нужною *защиту* отъ иноземнаго со-«перничества, которую они несправедливо называютъ *по-«кровительствомъ* (protectio).» Не только отъ протекціонизма, но и ото всѣхъ иныхъ политико-экономическихъ ученій отличается рѣзко физіократія: «по идеѣ, заключенной въ «ней, физіократія есть цѣлая философская система, перели-«тая въ форму экономическихъ положеній.» Однако физіо-кратія не была послѣднимъ словомъ науки Пол. Экономіи; вѣнецъ ея развитія является въ ученіи Адама Смита. «За-«слуга его, какъ мы сказали выше, состоитъ въ приложе-«ніи къ ней строгой аналитической методы, чрезъ что онъ «сдѣлалъ возможнымъ правильную ея обработку и далъ ей «твердое, незыблемое основаніе» (стр. 84). Впрочемъ Ад. Смитъ не создалъ науку Пол. Экономіи; его ученіе есть необходимый результатъ современнаго прогрессивнаго ея «хода: «Еще прежде Ад. Смита мы встрѣчаемъ въ Италіан-«ской литературѣ первые признаки новой жизни Пол. Эко-«номіи, попытки приложить къ ней методу болѣе сообраз-«ную съ требованіями науки.» Хотя эти попытки и не имѣли полнаго успѣха, но многія важныя истины, многіе основные законы Пол. Экономіи, къ которымъ пришелъ А. Смитъ, были открыты до него Итал. учеными; тутъ не было заимствованія, но какъ А. Смитъ, такъ и Итальянскіе ученые, каждый своимъ путемъ въ слѣдствіе одинакихъ потребностей пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Такъ и вопросъ о народонаселеніи до Мальтуса былъ разработанъ Итальянскими учеными съ его же точки зрѣнія. Отсюда ясно, что политико-экономическая литература Итальянцевъ объемлетъ всѣ стороны науки гос. хозяйства, что всѣ вопросы его самостоятельно обдуманы Итальянскими учеными, сочиненія которыхъ представляютъ всѣ оттѣнки различныхъ

Digitized by Google

ученій, которыя въ послѣдовательномъ развитіи Политической Экономіи, возникали одно изъ другаго. Тщательное и добросовѣстное изученіе многочисленныхъ политико-экономическихъ сочиненій Итальянской литературы, привело Г. Вернадскаго къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ: »Во-1-хъ «мы видимъ, что Итальянцы были *самостоятельны* въ сво- «ихъ изслѣдованіяхъ. Эта самостоятельность проявляется въ «особенностяхъ, которыя принимало у нихъ каждое эконо- «мическое направленіе; такъ въ меркантилизмѣ они болѣе «заботятся о деньгахъ, нежели о балансѣ, какъ мы это за- «мѣчаемъ въ другихъ литературахъ; — въ физіократіи у нихъ «преобладаетъ идея права, которая была замѣтна у совре- «менныхъ писателей того же направленія въ другихъ стра- «нахъ — въ направленіи промышленномъ они обращаютъ «преимущественное вниманіе не на теорію цѣнностей, какъ «Ад. Смитъ и его послѣдователи, а на благосостояніе и на- «селеніе страны. 2. У Итальянцевъ мы видимъ зародыши «всѣхъ экономическихъ школъ: Бандини начинаетъ физіо- «кратію, Дженовези производитъ протекціонизмъ, Серра си- «стематизируетъ меркантилизмъ, Гальяни напоминаетъ Смита, «Ортесъ-Мальтюса и т. д. 3. Что касается до *отдѣльныхъ* «*вопросовъ* Политической Экономіи, то должно признаться, что почти ни одинъ изъ нихъ, кромѣ денегъ (Скаруфи, «Монтанари, Пери, Турболо, Паньини, Дженовези, Гальяни), «не рѣшенъ ими окончательно; но они при каждомъ почти «указали главное, отличительное свойство его и истинную «природу, и открыли вѣрный путь къ рѣшенію ихъ. Многихъ «изъ нихъ они коснулись первые, такъ *трудъ* и его оцѣнка «справедливо представлены Дженовези, Беккаріей и Галь- «яни; они же вѣрно опредѣлили природу *цѣнности*. Важность «*земледѣлія* указана Дженовези, Бандини и Физіократами. «Природа *капиталовъ* постигнута Беккаріей; вліяніе *тор-* «*говли* высказано Броджіей и Дженовези; необходимость ея «свободы отчасти Карри, Дженовези и Верри, еще болѣе «Физіократами (Бандини, Беккаріей, Филянджіери) Ортесомъ, «Корніани и др. Противъ законовъ о *ростѣ* ратовали Гальяни, «Дженовези, Васко. Отношеніе *населенія* къ богатству наро-

Digitized by Google

«дному выражено Филянджіери и Ортесомъ; истинное значе-
«ніе различныхъ средне—вѣковыхъ формъ *владѣнія* вѣрно
«оцѣнено Беккаріей и Васко; вредъ *монополій* представленъ
«еще Броджіей; недостатокъ *цехового устроиства* и значеніе
«крестьянства опредѣлены Васко, Дженовези, Бандини и
«Верри. Отношеніе благотворительныхъ и богоугодныхъ за-
«веденій къ *благосостоянію*, а равно и значеніе публичныхъ
«работъ показаны отчасти Бандини, Филянджіери, а преи-
«мущественно Риччи и Васко. *Воспитаніе* оцѣнено было
«вполнѣ Дженовези и др. Природа *податей* описана Брод-
«жіей. Итакъ всѣ почти главные пункты Политической Эко-
«номіи нашли себѣ толкователей въ Италіи; заслугъ ихъ въ
«этомъ отношеніи мы отвергать по этому не въ правѣ и
«изученіе ихъ не можетъ остаться безплоднымъ для учс-
«наго» (стр. 115—116).

Въ самомъ изложеніи содержанія многочисленныхъ писателей, составляющихъ предметъ разсужденія, все существенное и характеристическое представленно въ надлежащей полнотѣ и съ знаніемъ дѣла, такъ что въ этомъ отношеніи сочиненіе Г. Вернадскаго заслуживаетъ предпочтеніе предъ книгою Пеккіо, которую онъ, говоря мимоходомъ, судитъ слишкомъ строго; что же касается до собственныхъ мнѣній и заключеній автора, то мѣстами нельзя не замѣтить нѣкоторой неопредѣленности и неточности, вообще поспѣшности, которая впрочемъ могла произойти отъ причинъ внѣшнихъ. Во всякомъ случаѣ трудъ Г. Вернадскаго есть полезное пріобрѣтеніе въ нашей литературѣ и заставляетъ радоваться появленію новаго даровитаго дѣлателя въ области науки, которой свѣтъ, благотворный всегда, сдѣлался такъ нуженъ особенно въ наше время.

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Богослуженіе православной Церкви въ Страстную Седмицу. Сочиненіе Священника Гавріила Крылова. 1849. 93 стр.

Богослуженіе Церковное должно быть плодотворно для ума и для сердца нашего. Оно должно питать умъ нашъ благочестивыми размышленіями, а въ сердцѣ возбуждать спасительныя чувствованія. Какимъ образомъ Богослуженіе можетъ приносить въ насъ эти плоды свои? Съ нашей стороны, для сего требуется вниманіе къ Богослуженію, во время самаго Богослуженія, — и кромѣ того, по крайней мѣрѣ для желающихъ глубже проникнуть мысль и значеніе Богослуженія, чтобы самому глубже проникнуться имъ, нужно намѣренное изученіе Богослуженія съ его дѣйствіями, молитвами, пѣснями, чтеніями.

Нѣкоторыя времена нашего Церковнаго Христіанскаго Богослуженія заключаютъ особенный глубокій смыслъ и сильно возбуждаютъ сердце къ святымъ и высокимъ чувствамъ. Такова, между другими временами, Страстная Седмица. Сколько здѣсь пищи для размышленія!

Цѣль этого сочиненія и состоитъ въ томъ, чтобъ показать главную мысль Богослуженія каждаго дня Страстной Седмицы. «Богомудрые отцы, говоритъ авторъ, такъ составили и разположили службы этой недѣли, что въ нихъ живо отражается весь образъ и вся послѣдовательность страданій Христовыхъ. Храмъ попеременно представляетъ собою то Іерусалимъ и гору Елеонскую, то Сіонскую горницу, то Геѳсиманію, то Голгоѳу и вертоградъ Іосифовъ, такъ что, кто со вниманіемъ и неопустительно присутствуетъ

Digitized by Google

въ немъ, тотъ необходимо «сшествуетъ и сраспинается Спасителю» (стр. 13). Все сочиненіе теперь и занимается раскрытіемъ того, что и какъ, въ какихъ пѣсняхъ, чтеніяхъ и дѣйствіяхъ изображаетъ намъ Богослуженіе каждаго дня страстной Седмицы. Предварительно же, въ самомъ первомъ отдѣленіи, оно излагаетъ свѣдѣнія о чинѣ древняго Богослуженія сей Седмицы, какія можно собрать изъ писаній древнихъ Отцевъ и соборныхъ постановленій. И мы видимъ, что и въ глубокой древности, въ самыя первыя времена Христіанства, Богослуженіе Страстной Седмицы во многихъ чертахъ своихъ сходствовало съ Богослуженіемъ настоящаго времени. По этому сходству во многомъ мы можемъ заключать и еще о бо́льшемъ сходствѣ, хотя древность и не оставила свидѣтельствъ подробныхъ и полныхъ о Богослуженіи сихъ дней.

Сочиненіе и при всей своей краткости заключаетъ въ себѣ много: т. е. хотя авторъ и не предположилъ для себя подробнаго и полнаго изложенія, не смотря на то сочиненіе его (которое, какъ можно догадываться, было еще академическимъ сочиненіемъ его) составило книжку порядочнаго объема (93 стр.), и весьма занимательную по содержанію. Если бы тотъ же предметъ и по тому же плану изложить съ возможною полнотою и подробностію, то книга была бы еще полезнѣе и еще болѣе достигала своей цѣли.

2. Чтеніе для дѣтей изъ Св. Исторіи. Сост. Анна Дараганъ. 1848. Въ 8 д. 113 стр.

Дѣятельность Г-жи Дараганъ на пользу и удовольствіе дѣтей неутомима, и съ каждымъ новымъ произведеніемъ она пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе правъ на благодарность родителей. Въ «Чтеніи изъ Св. Исторіи», выбраны слѣд. разсказы, какъ нельзя болѣе приноровленные къ понятіямъ и чувствамъ дѣтей: исторія Руѳи, Товита и Товіи и Іудиѳи. Языкъ книги и изданіе ея — прекрасны.

Digitized by Google

3. Обязанности замужней женщины и положеніе ея въ обществѣ. Соч. Г-жи Елисъ. Пер. съ Франц. 2 ч. 1849.

Мораль, да еще какая! А къ чему служитъ она, кого научаетъ? Навѣрно, ни у кого нѣтъ столько разной морали какъ у Китайцевъ, а между тѣмъ они не перлъ между народами. Не даромъ есть у насъ пословица: «Коли нѣтъ въ головѣ, ко лбу не пришьешь.» Кто лишенъ сердечной теплоты, того не согрѣете подобными трактатами о любви къ ближнему; тутъ могущественъ одинъ голосъ вѣры, да животворный примѣръ.

Явись «Обязанности женщины» лѣтъ тридцать тому, онѣ съ успѣхомъ бы могли соперничать съ знаменитымъ во время оно сочиненіемъ: *Объ обращеніи съ людьми;* а теперь нѣтъ у многихъ охоты читать подобныя разсужденія:

«Желаніе водворить счастіе во всякомъ хозяйствѣ заставляетъ насъ просить мужчинъ невмѣшиваться во внутреннее домашнее распоряженіе; но всего болѣе желаемъ, чтобы всѣ жены, по своему воспитанію и образованію, справедливо требовали отъ мужей полной довѣренности къ своимъ сужденіямъ, къ своимъ началамъ (!!??) въ важномъ дѣлѣ хозяйства....»

4. Искусство наживать деньги способомъ простымъ, пріятнымъ и доступнымъ всякому. Соч. знаменитаго банкира Ротшильда. Пер. съ Франц. 1849.

Конецъ свѣту! Философскій камень найденъ; человѣчество достигло крайней степени прогресса! Отнынѣ перестаетъ оно хлопотать, суетиться, работать, промышлять, и, подъ часъ, даже криводушничать, что̀ дѣлало до сихъ поръ изъ-за презрѣннаго металла; теперь ему нѣ за чѣмъ бѣжать въ Калифорнію: золотые пріиски у него подъ руками и стоятъ всего три гривенника; отнынѣ оно спокойно будетъ пользоваться всевозможными удовольствіями, всѣми благами міра сего, которыя дорогонько доставались ему прежде: театръ, музыка, танцы, трюфли, клико, регаліи, рысаки,

Digitized by Google

кареты на лежачихъ ресорахъ — да что, это ни по чемъ — хрустальныя палаты, золотые диваны, фонтаны розовой воды — всѣ чудеса арабскихъ сказокъ — къ услугамъ человѣчества. Впрочемъ позвольте: ктожъ станетъ поить-кормить человѣчество, служить ему, шить сапоги, запрягать лошадей; кто станетъ забавлять его? Всякій самъ себѣ господинъ, у всякаго деньгами хоть прудъ пруди; никто и не подумаетъ приняться за дѣло. Я первый бы не сталъ. И писать бы не сталъ, и книги бы бросилъ читать, будь это хотя «искусство наживать деньги.» Что мнѣ книги? Душу онѣ питаютъ, говаривали въ старину: вздоръ? Поэзія услаждаетъ сердце? А вотъ взгляните-ка на эту горку червончиковъ — право, усладительнѣе, и ни какая віолончель не издаетъ такихъ очаровательныхъ звуковъ какъ они. Словомъ, что за жизнь будетъ разбогатѣвшему человѣчеству, я и придумать не могу. Пусть рѣшаетъ это баронъ Ротшильдъ....

Вотъ вопросъ: кто покупаетъ такія книги? Да тѣ же добродушные люди, по милости которыхъ *Способъ быть богатымъ, счастливымъ и здоровымъ* имѣлъ три изданія,— для кого пишется *Искусство не платить долговъ*, *Секретъ бриться безъ бритвы, мыла и воды*, *Искусство пріобрѣтать память*, и проч. и проч. Велика земля Русская, и долго еще будетъ процвѣтать въ ней бумагопрядильная литература.

КІЕВСКІЯ, КАЗАНСКІЯ И ПРОЧІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Сборникъ Украинскихъ пѣсень, издав. М. Максимовичемъ. Ч. 1-я. Кіевъ. 1849, въ 8-ку, стр. 115.

Привѣтствуемъ появленіе почтеннаго труда, и какой любитель Словесности не пожелаетъ ему успѣшнаго окончанія! Въ Москвѣ издаются пѣсни Великой Россіи, въ Кіевѣ — Малой, почти въ одно и то же время: сближеніе счастливое! Предоставляемъ себѣ право изложить въ послѣдствіи наше мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ со всею подробностію, какой онъ заслуживаетъ. Вотъ планъ трудолюбиваго собирателя:

Digitized by Google

«Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ Украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе для отличія отъ двухъ прежнихъ, я называю Сборникомъ Украинскихъ пѣсень. Не могу иначе выдать его какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсень мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ 6 частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсенъ. Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній, При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣснопѣнія Русскомъ вообще, и въ особенности объ Украинскомъ. Но въ дѣлѣ искусства важенъ судъ художника, и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя, котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками Украинскихъ пѣсень:

«Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ это живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытѣ этой цвѣтущей Россіи.»

Въ 1-й ч. помѣщено 20 думъ и столько же колыбельныхъ и материнскихъ пѣсень.

Г. Максимовичъ принадлежитъ къ числу самыхъ полезныхъ дѣлателей нашего времени, — но получитъ ли онъ достойное ободреніе отъ публики за безпрерывные прекрасные труды свои? Увы!

2. Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. Соч. Виктора Григоровича. Казань. 1848. Въ 8 д., 214 стр.

Одиннадцать мѣсяцевъ провелъ авторъ въ областяхъ Европейской Турціи (на Аѳонскомъ полуостровѣ, въ Македоніи, Ѳракіи и Мисіи до Дуная), и, безъ сомнѣнія, могъ бы разсказать много любопытнаго и новаго про эти малоизвѣстныя страны, если бы даже ограничился однѣми путе-

Digitized by Google

выми замѣтками. Но славѣ путешественника-наблюдателя онъ предпочелъ другую славу, менѣе блестящую, но болѣе прочную, — онъ путешествовалъ единственно съ ученою цѣлію. Часть сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній для науки — вопросъ о старшинствѣ Глаголиты предъ Кириллицею — уже извѣстна нашимъ читателямъ. * Теперь онъ передаетъ намъ, въ краткомъ очеркѣ, всѣ свои открытія.

Главныя мѣста, гдѣ преимущественно производилъ Г. Григоровичь свои поиски, были Солунь и Аѳонъ. Онъ началъ обзоръ съ послѣдняго.

«Библіотеки Аѳонскихъ монастырей въ послѣднее время были осмотрѣны многими учеными. Знаменитый юристъ Захаріэ, историкъ Фальмерайеръ и эллинистъ Мина сообщили объ нихъ свои извѣстія. Къ нимъ присоединимъ Аѳоногорца Никодима, который при изданіи своихъ Номоканона и Синаксара пользовался тамъ богословскими рукописями. Библіотеки эти были, слѣдственно, изслѣдованы въ отношеніи къ главнѣйшимъ отраслямъ знанія. Но мы не имѣли еще понятія объ оставшихся тамъ Славянскихъ рукописяхъ, и потому, при обозрѣніи Аѳонскихъ монастырей я обратилъ особенное на нихъ вниманіе.»

Но что же оказалось послѣ розъисковъ самыхъ тщательныхъ, послѣ преодолѣнія всевозможныхъ препятствій, которыя представлялись трудолюбивому ученому? Ожиданія его далеко не оправдались; но по крайней мѣрѣ мы уже знаемъ, что̀ именно есть въ библіотекахъ Аѳонскихъ монастырей, а это чуть ли не самое важное условіе для библіографа.

«О состояніи библіотекъ Аѳонскихъ монастырей въ прошедшихъ столѣтіяхъ имѣемъ весьма любопытныя свидѣтельства. Онѣ были нѣкогда наполнены рѣдкими рукописями. Ими обогатилась Флорентійская библіотека Лаврентія Медичи въ XV ст. содѣйствіемъ Ласкариса, и Патріаршая Московская въ XVII ст. содѣйствіемъ Арсенія. Въ настоящее время въ книгохранилищахъ Аѳонскихъ находится, по моему соображенію, до 13,000 книгъ печатныхъ, до 2800 рукописей Греческихъ и 455 рук. Славянскихъ.

---

* Москвит. N 5, внутр. извѣстія, стр. 45.

Digitized by Google

«Книги печатныя вообще состоятъ изъ сочиненій полезныхъ въ богословскомъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ библіотекахъ находятся полныя изданія Отцевъ Церкви и болѣе или менѣе полныя собранія Византійцевъ, а также, какъ напр. въ Иверской, старыя изданія классиковъ Альдовъ. и Стефановъ. Рукописи вообще богословскія; послѣ кодексовъ Свящ. писанія и Отцевъ Церкви большое количество книгъ нотныхъ (φαλτικά) и помоканоновъ. Недостатокъ и небольшое достоинство рукописей Славянскихъ замѣчательны. Вообще могу утверждать съ достовѣрностію, что въ Аѳонскихъ монастыряхъ нѣтъ искомыхъ Славянскихъ рукописей. Хотя нѣкоторыя можно назвать достопримѣчательными, нѣтъ однакожъ, за исключеніемъ Глаголитской въ Зографѣ, древнѣе рукописей XII ст., очень малое количество XIII ст., и самое бо́льшое XIV и XV стол. Совершенный недостатокъ историческихъ и большое число богословскихъ рукописей. Были ли прежде на Святой горѣ многія Глаголитскія рукописи и даже знали ли ихъ, теперь трудно рѣшить. Въ настоящее время не имѣютъ объ нихъ никакого понятія. Глаголитское евангеліе, открытое Г. Михановичемъ, не почитали за Славянское. Мнѣ кажется, что глаголита заходила сюда случайно изъ другихъ мѣстъ.

«Состояніе книгъ и рукописей вообще самое жалкое, особенно отъ забвенія и нерадѣнія жителей. Какъ не замѣтить противорѣчія, слушая разсказы о разныхъ похищеніяхъ книгъ тогда, когда онѣ, оставленныя на произволъ случая, дѣлаются добычею гнили, насѣкомыхъ и мышей, въ заперти, въ влажныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые думаютъ, что настоящее положеніе библіотекъ зависило отъ послѣдней Греческой войны, когда Албанцы, квартировавшіе въ монастыряхъ, продавали будто бы цѣлыми ношами φορτώματα рукописи и книги. Нѣкоторая полнота богословскихъ и недостатокъ другихъ рукописей заставляютъ предполагать, что рукописи небыли случайно уносимы. Мнѣ кажется невѣроятнымъ большое разореніе рукописей во время Греческой войны. Вообще, собранія ихъ убавлялись въ разныя времена и по разнымъ случаямъ. Особенно печально положеніе рукописей Славянскихъ. Нѣкогда онѣ были весьма многочисленныя. Монахъ Василій видѣлъ большое количество ихъ въ такихъ монастыряхъ, въ которыхъ теперь едва слѣды ихъ остались. Эти рукописи истлѣвали въ забвеніи, или были умышленно предаваемы огню. Въ Зографѣ, незадолго до моего пріѣзда, сожгли кучу рукописей. Онъ очевидцевъ слышалъ я, что въ Ватопедѣ, Ксенофѣ, Симопетрѣ и Филоѳеѣ сожигали ихъ безпощадно. Причины такого истребленія мнѣ извѣстны только отчасти. Всѣ, мною собранныя, свѣдѣнія касаются

Digitized by Google

недавнихъ еще временъ. Кажется, обычай сожигать книги гораздо древнѣе. Причина тогдашняго (въ Никоновское время) гоненія книгъ скрывается, быть можетъ, въ обстоятельствахъ, извѣстныхъ изъ исторіи Патріарха Никона. Очень вѣроятно, не щадили и другихъ книгъ. Вообще неуваженіе къ Славянскимъ книгамъ дало поводъ къ ихъ истребленію. Книга Славянская или заключаетъ то, что Греческая, или же написана Болгариномъ, а можетъ быть и Сербомъ (Сербы въ большемъ неуваженіи), слѣдственно, ничего не стоитъ. Когда не знали, что дѣлать съ разными Славянскими рукописями въ Ватопедѣ, призвали Даскала Спиридона. Тотъ, поглядѣвъ на нихъ, однимъ словомъ *ἀχρηστα πράματα* осудилъ ихъ на сожженіе. Количество рукописей было велико, потому что, какъ завѣряли, въ истопленной ими печи испекли монастырскіе хлѣбы. Въ м. Ксенофѣ по такой же причинѣ сбросили книги въ море."

Глаголитское Евангеліе — рукопись, которую въ глазахъ библіографа мало цѣнить на вѣсъ золота—долго переходило незамѣченнымъ изъ келліи въ келлію, пока Г. Михановичъ, Австрійскій консулъ въ Солунѣ, не объяснилъ его чрезвычайной важности. Съ того. времени рукопись стала пользоваться нѣкоторымъ наружнымъ почтеніемъ, немного для нея и опаснымъ. Чтобы лучше сохранить эту драгоцѣнность, не утратить изъ нея ни одного листочка, монахи *продиравили* книгу, для закрѣпленія ея подобно шнуровой. Разумѣется, текстъ не мало пострадалъ при этой архивной операціи.

Солунь, представляя много любопытнаго антикварію, едва ли можетъ оправдать ожиданія славяниста, — и Г. Григоровичъ, находясь въ ней, имѣлъ болѣе въ виду узнать, не осталось ли здѣсь слѣдовъ воспоминаній о Кириллѣ и Меѳодіи, и вообще нѣтъ ли возможности пріобрѣсти свѣдѣнія о Славянахъ. Въ томъ и другомъ отношеніи труды путешественника не были безплодными.

Описывая посѣщенные монастыри, авторъ часто даритъ насъ чрезвычайно любопытными свѣдѣніями. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующее:

«Монастырь Слѣпче примѣчателенъ еще Славянскимъ богослуженіемъ. По всей южной Македоніи отъ Солуня до Охриды и отъ гра-

Digitized by Google

ницъ Ѳессаліи до Скопіи и Меленика не только въ митрополичьихъ, но и въ сельскихъ церквахъ богослуженіе совершается на Греческомъ языкѣ. Если въ городахъ знакомство съ этимъ языкомъ не затрудняетъ жителей въ уразумѣніи главныхъ истинъ вѣры, то по селамъ, гдѣ преобладаетъ поселеніе Болгарское, употребленіе его имѣетъ дурныя послѣдствія. На пути встрѣчалъ я очень часто селянъ, незнающихъ повседневныхъ молитвъ, селянокъ, которыя, даже при совершеніи креста, не умѣли произносить слова. Какое-то одеревенѣніе замѣчалъ я въ этомъ бѣдномъ народѣ, такъ явно презираемомъ своими пастырями, которые, при столь смѣшанныхъ отношеніяхъ съ разновѣрными, не даютъ ему даже понятными молитвами чувствовать утѣшенія въ храмахъ Божіихъ. Отъ этого преобладанія Греческаго языка изъяты весьма немногія церкви и, кажется, болѣе монастыри. По собраннымъ мною извѣстіямъ, Славянское богослуженіе сохранилось въ Деберцѣ, Дебрѣ и близъ Прилѣпа.»

Заключимъ: Г. Григоровичъ началъ свое ученое поприще такъ прекрасно, что наука въ правѣ ожидать отъ него важныхъ приращеній.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.*

ОТЕЦЪ ІАКИНѲЪ.

Со времени моего возвращенія изъ Китая въ 1820 году, по настоящій 1849 годъ изданы мною въ свѣтъ разныя книги, содержаніе которыхъ относится единственно до Китая съ зависимыми отъ него сосѣдственными странами. Читающая публика, по разнымъ причинамъ, не можетъ имѣть полнаго свѣдѣнія о сихъ книгахъ, а между тѣмъ явились желающіе имѣть понятіе о каждой книгѣ какъ по заглавію, такъ и по содержанію. Немного требовалось и труда и времени указать на книги по порядку ихъ появленія въ свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать краткое понятіе о содержаніи каждой, и я охотно удовлетворяю доброму желанію.

I. Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи, съ картою дороги отъ Чéнъ-ду до Хлассы. Двѣ части. XXVI. 223 въ 8 долю. Переводъ съ Китайскаго. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго дома. 1828.

Первая часть содержитъ въ себѣ подробное описаніе большой дороги отъ Чéнъ-ду, главнаго города въ губерніи Сы-чо-анъ, на западъ до Хлассы, столицы Тибета. Въ любопытныхъ очеркахъ большой дороги описано естественное положеніе каждаго проѣзжаемаго мѣста, сдѣланы политическія замѣчанія на главныя точки по пути, показаны разстоянія ямовъ отъ одного до другаго, даже означены привалы на каждомъ переѣздѣ, селенія и мосты. Эта военная дорога, проведенная чрезъ весь Тибетъ, отъ Китайской границы на западъ до Нипала. Въ концѣ первой части прибавлены описанія боковыхъ дорогъ и большой дороги изъ

* Подъ симъ заглавіемъ мы намѣрены обозрѣть труды всѣхъ современныхъ нашихъ писателей; первая предлагаемая статья написана, по просьбѣ Редакціи, самымъ знаменитымъ нашимъ синологомъ. *Ред.*

Digitized by Google

Китая въ Хлассу чрезъ Хухуноръ — вообще съ показанiемъ разстоянія отъ одного переѣзда до другаго. Вторая часть начинается краткимъ историческимъ обзоромъ Тибетскаго государства. Далѣе слѣдуютъ: 1, границы Тибета и и отношенія его къ Китайскому двору; 2, времясчисленіе и годичные праздники; 3, уложенія военное и уголовное, подати, повинности, чиноначаліе; 4, одѣяніе, пища, правила учтивости, браки, похороны, врачеваніе, ворожба; 5, горы, рѣки, историческіе памятники, мѣстныя произведенія земли. Въ началѣ книги помѣщена карта большой дороги, а въ концѣ приложенъ чертежъ исполинскаго зданія въ мірѣ — Будалинскаго дворца, съ частію Хлассы и замѣчательныхъ окрестностей съ сѣверной стороны. Тибетскія собственныя имена и техническія названія переложены съ Хлассинскаго произношенія. До появленія сей книги на Русскомъ языкѣ въ Европѣ имѣли самыя темныя понятія о внутренности Тибета. Книга интересна и потому, что въ ней естественное положеніе поверхности Тибета и происходящее отсюда различіе климатовъ и мѣстныхъ произведеній, политическое раздѣленіе, образъ правленія, нравы и обыкновенія жителей, вообще все изложено хотя просто и даже не въ порядкѣ, но столь ясно, какъ будто все это представлено на картинѣ.

II. Записки о Монголіи съ приложеніемъ карты Монголіи и разныхъ костюмовъ. Четыре части въ двухъ томахъ. XII. 130 и 339. Въ 8 д. С.-Петербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1828.

Первая часть содержитъ въ себѣ переѣздъ Россійской духовной миссіи отъ Пекина до Кяхты, совершенный чрезъ пустынную Монголію въ лѣтнее время. На семъ пути, столь рѣдко посѣщаемомъ Европейскими путешественниками, все любопытно, и посему замѣчено все, хотя мало достойное замѣчанія — какъ внутри Китая, такъ и за великою стѣною, которой сдѣлано при семъ случаѣ вѣрное историческое описаніе. Во второй части описано географическое положеніе и естественное состояніе Монголіи, нынѣшнее политическое раздѣленіе и гражданское образованіе сей страны, образъ ко-

Digitized by Google

чевой жизни, религія и просвѣщеніе народа. Третія часть представляетъ исторію Монгольскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ до XI столѣтія по Р. Х. Сія исторія заимствована изъ Китайскихъ источниковъ, и тѣмъ особенно замѣчательна, что первая открыла погрѣшности Западныхъ оріенталистовъ на счетъ ихъ изслѣдованій происхожденія древнихъ Среднеазійскихъ народовъ. Въ четвертой части изложено Монгольское уложеніе, бывшее въ дѣйствіи до 1818 года *. Въ семъ уложеніи содержатся военные, гражданскіе и уголовные законы для степнаго управленія Монгольскими племенами. Въ проѣздъ чрезъ степи Монголіи не воображаемъ, а глазами видимъ пастушескую жизнь Авраамовыхъ временъ.

III. Описаніе Пекина съ приложеніемъ плана сей столицы, снятаго въ 1817 году. Переводъ съ Китайскаго. Въ одной книжкѣ. XVI. 130. въ 8 д. СПБургъ. Въ типографіи А. Смирдина. 1829. Есть переводъ на Французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Description de Pekin avec un plan de cette capitale.

Введеніе заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ разныхъ перемѣнъ, случившихся съ сею столицею Китая, отъ основанія ея до настоящаго времени, въ продолженіе 3,000 лѣтъ. Въ семъ же введеніи изложены естественное положеніе города и нынѣшнее его, по гражданскому управленію, раздѣленіе на пять частей. Въ описаніи представлено одно внутреннее расположеніе города, окруженнаго извнѣ высокими каменными стѣнами. Пекинъ состоитъ изъ двухъ городовъ, внутренняго и внѣшняго. Внутренній городъ, по военному управленію, раздѣленъ на осемь частей, называемыхъ знаменами, или корпусами войскъ; почему и описаніе сего города на планѣ расположено соотвѣтственно расположенію осьми знаменъ. Въ средоточіи внутренняго города лежитъ Императорскій городъ съ гвардейскими казармами, а въ средоточіи послѣдняго находится дворцовая крѣпость

* Въ 1818 году оно вновь издано съ большимъ пополненіемъ.

Digitized by Google

съ обширнымъ Императорскимъ дворцомъ. Внѣшній городъ, составляющій южное предмѣстіе внутренняго города, по описанію раздѣленъ на двѣ половины, восточную и западную; а по гражданскому управленію раздробленъ въ совокупности съ внутреннимъ городомъ, на пять частей подъ управленіемъ пяти гражданскихъ полицій. Сей планъ по полнотѣ, вѣрности и правильности, допынѣ есть единственный въ Европѣ. Ни одной улицы и даже глухаго переулка не опущено; всѣ достопримѣчательныя зданія поставлены на точныхъ мѣстахъ; размѣръ городскихъ стѣнъ и большихъ улицъ вообще правиленъ.

IV. Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Тюркистана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи. Переводъ съ Китайскаго. Двѣ части. XLVI. 270, въ 8 д. СПБургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1829.

Первая часть содержитъ въ себѣ описаніе Восточнаго Тюркистана въ томъ состояніи, въ которомъ онъ находился подъ державою Китая въ послѣднемъ столѣтіи предъ Р. Х. Сіе описаніе извлечено изъ исторіи западной, иначе старшей династіи Хань, и между прочимъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о владѣніяхъ, лежавшихъ отъ Восточнаго Тюркистана далѣе на западъ и югозападъ. Во второй части помѣщено описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Тюркистана въ нынѣшнемъ состояніи. Сіе описаніе составлено Маньчжурскимъ чиновникомъ, жившимъ въ Восточномъ Тюркистанѣ по должности, и издано въ свѣтъ въ 1773 году, т. е вскорѣ послѣ покоренія сей страны Китайцами въ 1758 году. Въ первой части весьма любопытны свѣдѣнія о политическомъ раздѣленіи и населенности Восточнаго Тюркистана въ тогдашнее время; а во второй обстоятельно изложены естественное положеніе сей страны съ ея произведеніями и современныя административныя распоряженія Китайскаго правительства. Послѣ безчеловѣчнаго истребленія Чжуньгаровъ Китайцами въ 1758 году, Чжуньгарія пре-

Digitized by Google

вращена въ военную Китайскую колонію, которая нынѣ занимаетъ всю сѣверную сторону Небесныхъ горъ, простирающуюся отъ востока къ западу слишкомъ на 3000 верс.

V. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Переводъ съ Китайскаго. Въ одной книгѣ. XVI. 440. въ 8 д. Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1829.

Сія исторія объемлетъ царствованіе первыхъ четырехъ Монгольскихъ Государей: Чингисъ-Хана, Угэ-дэя, Куюка и Мункэ, и описываетъ походы ихъ на Китай. Она извлечена изъ исторіи династіи Юанъ, и пополнена пространными объясненіями изъ Китайской лѣтописи Тхунь-цзянь-ганъ-му. Въ концѣ прибавлены: 1. показаніе древнихъ собственныхъ именъ, исправленныхъ по историческому словарю династіи Юань; 2. Географическое указаніе древнихъ мѣстъ, вошедшихъ въ исторію четырехъ хановъ; 3. Карта, показывающая предѣлы тогдашнихъ имперій Тангутской, Татаньской и Нючженской, также политическій разрѣзъ Китая на половины южную и сѣверную. Въ этой исторіи для насъ особенно достойны замѣчанія послѣднія слова изъ жизнеописанія Чингисъ-Хана: «онъ обладалъ глубокимъ умомъ и великимъ разсудкомъ; въ войнѣ былъ чрезвычайно быстръ: по сей причинѣ могъ уничтожить сорокъ царствъ (въ сѣверной и западной Монголіи); а потомъ покорилъ Си-ся (Китайское названіе Тангутской имперіи). Число блистательныхъ его подвиговъ весьма велико. *Жаль, что современные историки не все собрали, или многое опустили изъ записокъ.*»

VI. Сань-цзы-цзинъ, или троесловіе съ литографированнымъ Китайскимъ текстомъ. Переведено съ Китайскаго. Въ одной книжкѣ. 83 въ 4 д. Спб. Въ типогр. Х. Гинца 1829.

Троесловіе есть Китайская энциклопедія, изложенная троесловными стихами, отъ чего и названіе. По содержанію это есть полная энциклопедія, а по предназначенію ея для

Digitized by Google

дѣтскаго возраста написана чрезвычайно кратко, но весьма основательно. Троесловіе есть ключь ко всему Китайскому просвѣщенію и образованію.

VII. Исторія Тибета и Хухунора съ 2282 года до Р. Х. по 1227 годъ по Р. Х. съ картою на разные періоды сей исторіи. Переводъ съ Китайскаго. Двѣ части, XXXI. 258 и 259, въ 8 д. Спб. Въ типографіи при Императорской Академіи Наукъ. 1833.

Первая часть содержитъ въ себѣ шесть періодовъ: I. Тангуты подъ Китайскимъ названіемъ Си-цянъ, т. е. западныхъ Цяновъ, отъ перваго ихъ переселенія изъ внутренности Китая къ Хухунору въ 2282 году до вторичнаго выхода ихъ изъ Китая на западъ въ 444 году до Р. Х. = 1838 лѣтъ. II. Отъ побѣга Цяновъ къ Хухунору до покоренія ихъ Китайцами, съ 444 года до Р. Х. по 170-й годъ по Р. Х. = 613 лѣтъ. III. Тангуты подъ названіемъ Цяновъ подъ Китайскимъ владѣніемъ 170—319=142 года. IV. Хухуноръ подъ названіемъ королевскаго дома Тогонъ, или Цяны подъ Сяньбійскимъ владѣніемъ: 312—663=351 годъ V. Туфаньская имперія (Тибетская) отъ основанія до паденія ея 634—866=232 года. VI. Тангуты въ Китаѣ подъ названіемъ Дансянскихъ Цяновъ 881—990=109 лѣтъ. Во второй части содержится VII періодъ: Тангутъ подъ названіемъ Ся-го 990—1227=237 лѣтъ. Въ концѣ книги помѣщены: прибавленіе о королевствѣ Туботъ; пояснительныя прибавленія о Китайскомъ лѣтосчисленіи, мѣрахъ, вѣсахъ и монетѣ; мирный договоръ между Китаемъ и Тибетомъ, постановленный въ 822 году; описаніе вершинъ Желтой рѣки; географическое описаніе мѣстъ упоминаемыхъ въ сей исторіи. Исторія Тибета и Хухунора вся извлечена изъ Китайскихъ источниковъ, и по древности современныхъ записокъ о событіяхъ у Тангутскаго народа весьма любопытна. Тангуты почти за 25 столѣтія до Р. Х. выведены изъ средоточія южнаго Китая къ Хухунору, въ наказаніе за то, что отказались отъ вспоможенія общимъ усиліямъ всего Китая при осушеніи

Digitized by Google

земель послѣ великаго наводненія. Въ концѣ VIII столѣтія предъ Р. Х., когда великокняжескій домъ въ Китаѣ пришелъ въ упадокъ, Тангуты распространились по всей сѣверо-западной части сего государства. Въ послѣдствіи удѣльные князья мало по малу оттѣснили ихъ къ западу, а при построеніи Великой стѣны изгнаны были за границу и сосредоточились на восточной сторонѣ Хухунора. Въ сіе время Тангуты, по недостатку въ земляхъ, рѣшились на разселеніе; одни пошли на югъ, и осѣли на западныхъ предѣлахъ Китая, противъ губерніи Сы-чуань; другіе удалились на юго-западъ, и въ послѣдствіи основали Тибетское государство.

VIII. Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтья до настоящаго времени. Сочиненіе. Въ одной книжкѣ. 253, въ 8 д. С.-Петербургъ. Въ типографіи Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1834.

Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, изъ которыхъ первое основано на актахъ правительствъ Русскаго и Китайскаго, а второе на актахъ одного Русскаго правительства. Въ первомъ отдѣленіи заключаются военныя дѣйствія Эсэнь-хана, который въ половинѣ XV вѣка положилъ твердое основаніе Ойратскому союзу; но Ойраты по кончинѣ его долго ограничивались маловажными сшибками съ Русскими казаками на южныхъ предѣлахъ губерній Томской и Тобольской. Уже въ концѣ XVII столѣтія они рѣшились покорить Монголію, и принуждены были вступить въ долговременную борьбу съ Китаемъ, который, зная по опыту прошедшихъ вѣковъ, что спокойствіе сѣверной его границы зависитъ единственно отъ спокойствія въ Монголіи, употребилъ сильныя мѣры, и положилъ конецъ сей борьбѣ совершеннымъ истребленіемъ Чжуньгаровъ. Во второмъ отдѣленіи содержатся дѣйствія Торготскаго дома, который съ 1635 года занялъ степи отъ

Digitized by Google

Волги до Урала, и поддался Россіи. Потомки сихъ пришлецовъ у насъ болѣе извѣстны подъ названіемъ Волжскихъ Калмыковъ.

IX. Хань-вынь-ци-мынь, Китайская Грамматика. Сочиненіе. Двѣ части. XXII. 240 въ 4 д. С.-Петербургъ. Въ литографіи Гемильяна. 1838.

Предисловіе заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ осьми Китайскихъ грамматикъ, послѣдовательно написанныхъ западными оріенталистами и миссіонерами въ Китаѣ. Первая часть грамматики содержитъ въ себѣ основныя понятія о Китайскомъ языкѣ и письмѣ, а вторая — грамматическія правила Китайскаго языка. Правила въ обѣихъ частяхъ изложены на Русскомъ языкѣ, а примѣры писаны Китайскими буквами, съ подписью выговора и ударенія каждой; подъ примѣрами помѣщенъ ихъ переводъ. Въ концѣ грамматики прибавлены тринадцать разныхъ статей, необходимыхъ для поясненіяхъ побочныхъ правилъ въ Китайскомъ языкѣ и письмѣ.

X. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе. Переводъ съ Китайскаго. Въ одной книгѣ. VIII. 442 въ 8 д. С.-Петербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1840.

Это сборникъ, въ которомъ разныя любопытныя свѣдѣнія о Китаѣ представлены въ статьяхъ, неимѣющихъ тѣсной связи между собою; потому что самая цѣль изданія ихъ состояла въ подготовленіи матеріаловъ, которые въ слѣдующемъ сочиненіи можно было бы употребить въ ряду съ другими въ систематическомъ порядкѣ, что и сдѣлано. Самая большая часть статей, помѣщенныхъ въ сей книгѣ, переведена съ Китайскаго языка. Въ концѣ книги приложено Французское и Англійское начертаніе Китайскихъ звуковъ, съ выговоромъ тѣхъ же звуковъ на Русскомъ языкѣ. По-

Digitized by Google

слѣдняя статья нужна для правильнаго голосоваго переложенія собственныхъ Китайскихъ именъ, встрѣчающихся въ переводѣ съ языковъ Западной Европы.

XI. Статистическое описаніе Китайской Имперіи съ приложеніемъ географической карты на пяти листахъ. Сочиненіе. Въ двухъ частяхъ. XXXII. 278 и 339 въ 8 д. С.-Петербургъ, въ типографіи Эдуарда Праца. 1842.

Первая часть содержитъ въ себѣ статистическое описаніе одного Китайскаго государства. Въ ней помѣщены слѣдующія статьи: 1. границы; 2. естественное состояніе; 3. произведенія трехъ царствъ природы; 4. народонаселеніе; 5. религія; 6. просвѣщеніе; 7. военное образованіе; 8. народная промышленность; 9. торговля; 10. мѣры, вѣсы, монета; 11. почтовыя сообщенія; 12. государственные доходы; 13. государственные расходы; 14. политическія перемѣны; 15. нынѣшнее политическое раздѣленіе; 16. образъ правленія; 17. порядокъ государственнаго управленія; 18. законодательство; 19. военныя силы. Вторая часть заключаетъ въ себѣ статистическое описаніе Маньчжуріи, Монголіи, Восточ. Тюркистана и Тибета. Сверхъ сего приложены: 1. пятнадцать прибавочныхъ статей подъ заглавіемъ: 1. Великая стѣна; 2. чайное растеніе; 3. водяныя сообщенія въ Китаѣ; 4. инородцы въ Китаѣ; 5. поколѣніе Изиньчуань; 6. описаніе рѣки Амура; 7. жемчужная ловля въ Маньчжуріи; 8. растеніе жинь-шень; 9. пограничный торговый договоръ съ Россіею; 10. Монгольская степь; 11. Монгольскіе законы; 12. замѣчанія на древнее и нынѣшнее народонаселеніе Монголіи; 13. Тибетскіе законы; 14. королевство Чао-сянь; 15. Россійская граница съ Китаемъ. II. Азбучный указатель собственныхъ именъ и разныхъ любопытныхъ вещей, содержащихся въ первой и второй части. III. Азбучный указатель древнихъ Китайскихъ названій странамъ, городамъ, горамъ, рѣкамъ и озерамъ, лежащимъ внѣ Китая. Въ концѣ первой части приложена табель годовыхъ государственныхъ расходовъ, а въ концѣ второй части —

Digitized by Google

чертежъ съ образцами древняго письма Киданьскаго, Нючженскаго и Монгольскаго.

XII. Земледѣліе въ Китаѣ, съ 72 чертежами разныхъ земледѣльческихъ орудій. XII. 100. Въ 8 д. С.-Петербургъ. въ типографіи Праца. 1844.

Предисловіе заключаетъ въ себѣ предварительныя понятія о земледѣліи въ Китаѣ, а содержаніе книги составляетъ 1. устроиство пашень; 2. паханіе; 3. бороньба; 4. посѣвъ; 5. приготовленіе и употребленіе навозовъ; 6. пропалываніе и окучиваніе; 7. поливаніе; 8. уборка хлѣбовъ; 9. обработываніе хлѣбовъ въ зернахъ. Китайцы искони донынѣ не имѣютъ понятія объ экономическихъ обществахъ, а земледѣліе ихъ считается лучшимъ въ свѣтѣ.

XIII. Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи. Сочиненіе. Четыре части. VII. 600. въ 8 д. С.-Петербургъ.

Первая часть содержитъ въ себѣ предисловіе, введеніе и основаніе государственнаго управленія, изложенныя въ трехъ отдѣленіяхъ подъ заглавіемъ: государственное хозяйство и судоустройство. Во второй части заключаются основанія уголовнаго законодательства, или уголовное право, изложенное въ двухъ отдѣленіяхъ подъ заглавіемъ: наказанія и уголовное судопроизводство. Третья часть объемлетъ просвѣщеніе, изложенное въ двухъ отдѣленіяхъ подъ заглавіемъ: учебныя и ученыя заведенія и гражданскія учрежденія по хозяйственной части. Въ четвертой части изображена общественная и частная жизнь Китайцевъ въ двухъ отдѣленіяхъ, подъ заглавіемъ: придворные церемоніалы и народные обычаи. Въ концѣ послѣдней части приложенъ чертежъ, представляющій церемоніальные придворные обѣды. Два послѣднія сочиненія: «Статистическое описаніе Китайской Имперіи» и «Китай» въ гражданскомъ и

Digitized by Google

нравственномъ состояніи представляютъ полную и вѣрную модель Китая въ гражданскомъ и въ нравственномъ состояніи.

По окончаніи библіографіи, почитаю нужнымъ предостеречь читателя отъ ложныхъ критическихъ взглядовъ на означенныя книги; а для сего присоединяю мой взглядъ * на критики, уже вышедшія въ свѣтъ, и при семъ поставляю читателю на видъ, что изъ тринадцати изданныхъ мною книгъ только первыя двѣ части Записокъ о Монголіи, Исторіи Ойратовъ и Китайскую грамматику можно назвать моими сочиненіями; остальное все есть почти буквальный переводъ, и притомъ изъ книгъ, изданныхъ Китайскимъ правительствомъ. Но если слово «сочиненіе» взять въ строгомъ смыслѣ, то даже исторія Ойратовъ и грамматика также будутъ переводныя книги. Первая имѣетъ основаніемъ одни акты правительствъ Русскаго и Китайскаго, а грамматика сама по себѣ есть слѣпокъ съ языка.

---

* Онъ будетъ помѣщенъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ОТШЕЛЬНИКИ.

Посреди страшныхъ треволненій Запада, много совершилось кораблекрушеній, много погибло народа; но многіе и спаслись. Любопытна теперь жизнь нѣсколькихъ знаменитыхъ кормчихъ, избѣжавшихъ гибели.

Король Франціи, Людовикъ-Филиппъ, 75-лѣтній старецъ, присталъ съ семействомъ своимъ къ берегамъ Великобританіи. Тамъ приняли его радушно; онъ поселился въ Клермонтѣ, гдѣ, до недавняго переѣзда въ Ричмондъ, жилъ отшельникомъ. Судьба отучила его отъ роскоши еще въ первую бурю Франціи. Въ Клермонтѣ онъ какъ будто возвратился къ скромной жизни молодости. Въ домѣ не болѣе пяти или шести человѣкъ прислуги. Каждое воскресенье Королевская фамилія отправлялась въ фіакрѣ слушать обѣдню въ самую укромную изъ католическихъ церквей. Столъ общій и самый умѣренный, простота во всемъ: въ одеждѣ Принцессъ ни шелковыхъ тканей, ни кружевъ, ни украшеній. Выѣзды рѣдки, главное разсѣяніе составляли прогулки по берегу моря и рыбная ловля. Эти удовольствія молодыхъ Принцевъ раздѣляли и старики: болѣзненная Королева-мать, Марія-Амалія, когда чувствовала себя хорошо, и Король-отецъ. Но чтеніе газетъ Французскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ, и бесѣды о горькихъ событіяхъ Франціи его болѣе всего занимаютъ. Карлъ X въ удаленіи отъ престола не любилъ разговоровъ о новой политикѣ отечества; Людовикъ-Филиппъ, напротивъ, кажется, только этимъ и питается, послѣ необычайной правительственной дѣятельности. При каждомъ новомъ извѣстіи объ анархическихъ безпорядкахъ, несообразностяхъ и промахахъ лицъ, управляющихъ Франціею, о всѣхъ несчастныхъ событіяхъ рево-

Digitized by Google

люціи, онъ невольно восклицаетъ: «не правъ ли я былъ, воздерживая Францію отъ реформъ?»

Снисходительно выражаясь о фанатическомъ стремленіи Французовъ къ равенству, онъ столь же снисходительно смѣется надъ республикой, говоря, что «Франція по тысячѣ причинъ желаетъ республики, ненавидя по тысячѣ другихъ причинъ республиканцевъ.» Это все равно, что сказать: республика сама по себѣ была бы прекрасная вещь, еслибъ въ ней не было республиканцевъ.

Людовика-Филиппа безпокоитъ будущность сыновей. При разговорѣ объ этомъ предметѣ онъ съ горькимъ чувствомъ упрекаетъ Францію въ неблагодарности къ ихъ военнымъ заслугамъ и въ несправедливости.

Большую часть лицъ бывшаго Временнаго правленія Людовикъ-Филиппъ считаетъ недостойными даже упоминанія. Ламартинъ пользовался не бо́льшимъ уваженіемъ въ его понятіи. Краснорѣчивыя выходки знаменитаго поэта не подняли его въ мнѣніи стараго Короля, который, за нѣсколько лѣтъ назадъ, оцѣнилъ уже Ламартина слѣдующимъ эпитетомъ: «я зналъ давно Г. Ламартина за сочинителя посредственныхъ стиховъ, но не зналъ еще, что онъ плохой политикъ.»

Удивительно ли, что послѣ этихъ словъ мирный поэтъ вступилъ въ ряды минёровъ, подкапывавшихся подъ стараго Короля?

Знатныя дамы Временнаго правленія служатъ занимательнымъ предметомъ разговора въ Клермонтѣ. Восторгъ одной *знатной дамы* 1848 года, которая, садясь въ поданную ей Королевскую карету, произнесла съ подобающимъ достоинствомъ и гордостію: теперь и мы Принцессы! — «C'est nous à présent qui *sont* les princesses!» — нарушилъ даже на лицѣ Маріи-Амаліи постоянное безмолвно-грустное выраженіе.

Людовикъ-Филиппъ въ разговорахъ съ трудомъ переноситъ противорѣчіе своимъ мнѣніямъ, и если предметъ разсужденія ему нравится, онъ охотно принимаетъ на себя весь расходъ рѣчей; и въ это время онъ болѣе мыслитъ въ слухъ, нежели бесѣдуетъ. Легкій и ясный разсказъ его

Digitized by Google

принялъ однакоже старческую плодовитость. Годы, крутой переворотъ во всѣхъ привычкахъ маститаго Короля, потрясли, но не ослабили его обширный и опытный умъ.

Въ выраженіи наружности Графини де-Нельи высказывается спокойная покорность судьбѣ, какое-то чувство тихое, и вмѣстѣ возвышенное, двойное отраженіе религіознаго смиренія и обиженнаго достоинства. Какъ въ Клермонтѣ, такъ и въ Тюльери политика менѣе всего занимала Марію-Амалію: достоинство Королевы она приняла какъ будто по наклонности къ благодѣянію. Но по нѣкоторымъ невольнымъ вспышкамъ молній во взорахъ ея и въ словахъ, можно догадываться, что еслибъ кормило Франціи было въ ея рукахъ, то королевская власть не отступила бы отъ престола не обнаживъ меча.

Изъ членовъ Королевской фамиліи Герцогъ Немурскій всѣхъ спокойнѣе. Удаленіе отъ политическихъ событій, у подножія даже трона, приготовило его къ печальной судьбѣ.

Судьба Принца Жуанвильскаго и Герцога Омальскаго, бывшихъ любимцами народа, болѣе достойна сожалѣнія. Принявъ декретъ Временнаго правительства объ удаленіи ихъ изъ отечества, какъ временную необходимость, безъ особеннаго ропота, они не думали, что и Національное Собраніе утвердитъ этотъ декретъ, и надѣялись, что если ихъ и не скоро призовутъ снова, то, по крайней мѣрѣ, смягчатъ несправедливые приговоры въ отношеніи ихъ. Герцогъ Омальскій мало по малу преодолѣлъ тяжкое впечатлѣніе обманутыхъ надеждъ; но у Принца Жуанвильскаго оно перешло въ тоску. Герцогъ Омальскій можетъ жить внутренней жизнію; но для Принца Жуанвильскаго необходима жизнь внѣшняя. Первый, во всякомъ положеніи, найдетъ отраду въ наукѣ и въ искренней привязанности; второй—полонъ жажды къ блеску и подвигамъ, порывовъ къ славѣ. Въ кругу дѣятельности эти свойства раждаютъ героевъ; но въ бездѣйствіи — упадокъ духа.

Гизо, Дюшатель и Дюмонъ, три министра 29 Октября, переселившіеся въ отшельничество за проливъ, въ продолженіе прошедшаго лѣта посѣщали Клермонтъ раза по три въ мѣсяцъ. Г. Гизо въ Лондонѣ живетъ въ предмѣстьи

Digitized by Google

Бромптонъ, въ скромномъ домикѣ. Тамъ остальное время отъ своихъ обширныхъ сношеній посвящаетъ онъ занятіямъ историка. Онъ исключительно изучаетъ эпоху Кромвеля, которая и составитъ дополненіе къ его Исторіи переворотовъ Англіи. Два тома о демократіи Франціи вышли уже изъ печати. Отставной Президентъ Совѣта Министровъ переноситъ тоску изгнанія съ непомраченнымъ взоромъ. Онъ считаетъ себя до нѣкоторой степени пожарной трубой Франціи: «сегодня мы удалились, говоритъ онъ, а завтра вспыхнула революція! — Пурпуровая мантія, которую набросилъ Г. Ламартинъ на народъ, не прикроетъ всѣхъ ранъ и нищеты его.»

Дюшатель и Дюмонъ не обладаютъ практической философіей, подобно Гизо. На послѣдовавшія событія они смотрѣли съ разныхъ точекъ. Видя, что Республика болѣе и болѣе отдаляется отъ Февральскихъ анархическихъ теорій, Дюмонъ убѣждался, что переворотъ въ идеяхъ приведетъ Республику въ стройность; но Дюшатель, не смотря на общую наклонность къ устройству, видѣлъ въ каждомъ новомъ родѣ правленія новый признакъ постояннаго разрушенія организма. Толпы правителей и проникнувшее во все смятеніе, устрашаютъ духъ административной правильности Дюшателя. «Система правленія, говоритъ онъ, въ которой власть постоянно подъ ружьемъ, гдѣ всѣ важнѣйшія государственныя дѣйствія зависятъ каждую минуту отъ прихоти уличной толпы, а въ камерахъ всѣ оппозиціи клонятся только къ тому, чтобъ мѣшать дѣйствовать правительству, — эта система въ основаніи своемъ есть уже ложь.»

Изъ всѣхъ потерпѣвшихъ отъ политическаго кораблекрушенія 1848 года, Князь Меттерних составляетъ въ Лондонѣ важнѣйшее лицо. Его отель, въ Eaton-Square, въ продолженіе всего лѣта былъ цѣлью моднаго пилигримства, для всей знати Великобританіи, для всего высшаго круга (high life) Лондона. Князь однако же не давалъ праздниковъ. «Я здѣсь на походной ногѣ,» говорилъ онъ, не смотря на то, что вокругъ него цѣлая армія служителей. Въ самомъ дѣлѣ онъ болѣе похожъ на путешествующаго Князя Меттерниха, нежели на политическаго эмигранта.

Digitized by Google

Въ Англіи и въ Вѣнѣ, онъ сохранилъ званіе государственнаго человѣка, имѣющаго на все вліяніе, и съ которымъ всѣ совѣщаются. Изъ отшелья своего въ Этонъ-Скерѣ, онъ еще правитъ Австріей, движетъ торіами въ лицѣ Герцога Веллингтона и имѣетъ вліяніе на Пальмерстона. Князь Меттерних цѣнитъ свое званіе и достоинство; онъ платитъ визиты съ Германской точностію только Веллингтону, какъ другу. Не смотря на это, его посѣщаетъ вся знать, и ловитъ каждое его слово, какъ звукъ Мемнонова сфинкса. Его спросили однажды, какимъ образомъ онъ приводилъ всегда въ тупикъ самыхъ величайшихъ политиковъ Европы? — «Правотой словъ моихъ» — отвѣчалъ онъ.

Необычайная память Князя Меттерниха была главнымъ способникомъ на его политическомъ поприщѣ. Самыя ничтожныя, пустыя слова человѣка, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, врѣзывались въ его памяти, входили въ соображеніе и разрѣшали въ головѣ его смыслъ сужденій этого человѣка о дѣлахъ важнѣйшихъ. Въ кабинетѣ его огромныя кипы писемъ и записокъ, которыя онъ велъ въ продоженіе сорока лѣтъ, о политическихъ событіяхъ, сношеніяхъ, совѣщаніяхъ и бесѣдахъ своихъ съ Государями и государственными людьми.

Часто сравнивали Талейрана съ Меттернихомъ; но вотъ ихъ разница: гдѣ у Талейрана острое слово, тамъ у Меттерниха острый смыслъ; Талейранъ былъ скептикъ, не имѣлъ убѣжденій; Меттернихъ полонъ убѣжденія. Гдѣ первый обращалъ вниманіе на людей и обстоятельства; тамъ второй смотрѣлъ на правила. Французскій дипломатъ примыкалъ ко всякому ходу вещей; Австрійскій же дипломатъ отсторонялся, давалъ проходить, и снова занималъ свое мѣсто. Талейранъ прошелъ чрезъ три рода правленій; Меттернихъ пронесъ чрезъ всѣ превратности сорока лѣтъ одну и ту же мысль. Одинъ зависѣлъ отъ случая; другой полагался во всемъ на силу союзника своего — время. Грозное потрясеніе, бросившее Меттерниха изъ Германіи въ Англію, не измѣнило его убѣжденій. «Когда ложно правило, — говоритъ онъ, — всѣ приложенія его безсмысленны и безсильны.»

Digitized by Google

ГРАФЪ РАДЕЦКІЙ (біографическій очеркъ Шенгера) родился въ Требницѣ въ Богеміи *, въ 1766 г., подъ знакомъ Стрѣльца. Дѣтство его, какъ и рожденіе, предзнаменовало его будущность. Онъ только и игралъ, что съ мечами, саблями и деревянными лошадками, любилъ слушать о военныхъ подвигахъ героевъ, очень рано познакомился съ именами Евгенія, Лаудона, Марлборуга и Фридриха II. Стройный кавалеристъ, могучій гренадеръ, громъ пушки,— вотъ что веселило его всего болѣе. Въ службу вступилъ онъ въ 1781 г. Родину свою оставилъ онъ 26-го Іюля, въ тотъ день, въ который недавно одержалъ блистательную побѣду при Кустоццѣ. Во всѣхъ войнахъ Австріи, съ того времени принималъ онъ дѣятельное участіе. Возвышался онъ быстро: въ 1786 г. онъ сдѣлался унтерлейтенантомъ, чрезъ годъ оберлейтенантомъ. Въ этомъ чинѣ прослужилъ онъ семь лѣтъ, а потомъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, (zu Rittepeisser), въ 1796 г. въ майоры. Тогда женился онъ на графинѣ Страссольдъ. Чрезъ три года былъ онъ пожалованъ подполковникомъ, переведенъ въ генеральскій штабъ и вскорѣ получилъ кирасирскій полкъ. Въ 1801 г. грудь 33-лѣтняго полковника украсилась орденомъ Маріи Терезіи. 1809 годъ былъ для Радецкаго изъ славнѣйшихъ: подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла онъ сражался съ особеннымъ отличіемъ при Аспернѣ и Еслингенѣ. Чрезъ пять дней послѣ сраженія при Еслингенѣ получилъ чинъ фельдмаршала-лейтенанта. Въ 1813 до 1815 г. собралъ онъ новые лавры, особенно подъ Кульмомъ Лейпцигомъ и Бріенномъ. Въ 1829 году, онъ сдѣлался генераломъ отъ кавалеріи, долго былъ комендантомъ въ Офенѣ, Ольмюцѣ и Имбергѣ, въ 1833 назначенъ главнокомандующимъ въ Ломбардіи, и въ 1836 фельдмаршаломъ. Орденовъ его мы не исчисляемъ.

* Слѣдовательно Радецкій — Чехъ, Славянинъ.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

(*Письмо Лейпцигскаго корреспондента, отъ 14 Февр. н. с.*)

БЕРЛИНЪ. Буря, разразившаяся минувшей весной надъ Берлиномъ и поколебавшая Прусское королевство, грозила повториться осенью еще съ бо́льшею силою. Осадное положеніе Берлина прекратило эту бурю и физіогномія города мгновенно измѣнилась: въ этомъ случаѣ Мартъ принужденъ былъ уступить Ноябрю. Осадное положеніе едва замѣтно. Пріѣзжающихъ спрашиваетъ нѣсколько человѣкъ констаблей; при этомъ бываетъ 10 — 12 солдатъ: вотъ и все. Въѣзжаешь въ городъ и всѣ признаки исключительнаго положенія исчезаютъ; Берлинъ сохранилъ свой обычный видъ: тишину и чистоту, но тишину оживленную, чистоту привлекательную. Въ высшихъ слояхъ общества до самой поздней осени царствовали уныніе и скука; отказывали себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, во всѣхъ потребностяхъ вкуса и роскоши. Многія зажиточныя семейства, многія извѣстныя фамиліи выѣхали изъ Берлина; оставшіяся запирали двери для всѣхъ и каждаго. При этомъ рабочій классъ былъ безъ работы. Предводители сулили народу золотыя горы и не дали ни чего: теперь онъ снова обращается къ обычнымъ промысламъ и мирнымъ удовольствіямъ. Любовь къ жизни наконецъ пробуждается. Повсюду видны беззаботныя, довольныя лица; дамы прогуливаются въ самыхъ изящныхъ нарядахъ; театры и увеселительные дома набиты биткомъ. Богатство начинаетъ показываться на свѣтъ; столичная роскошь подаетъ признаки жизни. Въ лавкахъ со вкусомъ разложены разнообразные товары, выставлены напоказъ блестящія драгоцѣнности: если число покупателей и не значительно, по крайней мѣрѣ магазинщики не скупятся на приманки. На окнахъ эстампныхъ магазиновъ выставлена полная исторія настоящаго времени въ лицахъ — всѣ какъ ни попало, одинъ подлѣ другаго: врагъ и другъ, судья и обвиненный, правая и лѣвая сторона.

Старому генералу Врангелю это по душѣ. При своемъ вступленіи въ Берлинъ, Врангель такъ былъ пораженъ, что сказалъ въ порывѣ негодованія: «и улицы травой поросли.» Теперь онъ всѣми силами старается возвра-

Digitized by Google

тить городу прежній видъ. Конечно, выраженіе: «улицы травой поросли» было только извѣстнымъ оборотомъ рѣчи, но въ политическомъ отношеніи у генерала Врангеля — худая трава изъ поля вонъ! журналы, личности и т. п. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы онъ слишкомъ круто проявлялъ предоставленную ему власть. Принимаемыя имъ мѣры иногда только-что только достаточны для исполненія предначертаннаго; ежели ему и случалось прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ, онъ и въ этомъ случаѣ оставался вѣренъ своему добросердечію, своему старо-Прусскому, нѣсколько жесткому, но веселому юмору. Личная вражда почти нигдѣ не возвысила голоса противъ генерала Врангеля; даже тѣ, которые съ желчію видятъ въ немъ начальника, часто бываютъ принуждены платить ему дань невольною улыбкой. Мы можемъ привести нѣсколько подобныхъ случаевъ. Редакторы журналовъ, запрещенныхъ Врангелемъ въ слѣдствіе жестокихъ нападковъ на его личность и на правительство, спѣшили исходатайствовать у генерала отмѣну разоряющаго ихъ запрещенія. Конечно они явились къ Врангелю не отъ чистаго сердца и не смѣли взглянуть въ глаза старому воину: все-таки совѣстно представляться тому, котораго безпощадно осмѣивали и бранили. Старый генералъ ни на минуту не измѣнилъ своему доброму, откровенному характеру: не былъ ни желченъ, ни язвителенъ, но и не хотѣлъ оставить ихъ въ заблужденіи, что онъ сознаетъ справедливость ихъ нападковъ. «Да помилуйте, господа! сказалъ онъ чистосердечно, вы ужъ меня безъ милосердія браните!» Во время Шлезвигской войны народъ назвалъ Врангеля, чисто по-Прусски, почетнымъ именемъ: генералъ Друффъ. (Drauf!) Это имя рѣдко у кого срывалось съ языка въ послѣднее время, а теперь опять въ ходу: вѣрный признакъ дружескаго расположенія. Недавно генералъ гулялъ «подъ липами» кругомъ него собралась густая толпа и привѣтствовала его восклицаніями: «да здравствуетъ генералъ Друффъ!»

Театральныя кассы, какъ мы сказали, въ большой прибыли, но объ отрадномъ возрожденіи драмати-

Digitized by Google

ческаго искусства долго не можетъ быть и рѣчи. Лѣтомъ Министерство Просвѣщенія поручило извѣстному Дрезденскому художнику Эдуарду Девріэнту, человѣку съ глубокимъ теоретическимъ и практическимъ образованіемъ, составить проэктъ «о согласованіи сценическаго искусства съ прочими изящными искусствами и о доставленіи ему благотворнаго вліянія на умы.» Девріэнтъ какъ нельзя удовлетворительнѣе исполнилъ это лестное порученіе, подробно изложивъ въ изданномъ имъ сочиненіи свой взглядъ на искусство. Вѣроятно Эдуардъ Девріентъ знакомъ нашимъ Русскимъ путешественникамъ менѣе своего брата, Эмиля Девріэнта, героя Дрезденской сцены; но его вліяніе на искусство гораздо важнѣе, и въ качествѣ драматическаго писателя онъ занимаетъ такое же почетное мѣсто въ литературѣ, какъ и на театральныхъ подмосткахъ. Девріэнтъ выводитъ всѣ недостатки, всѣ смѣшныя стороны настоящаго состоянія сцены, съ такимъ искусствомъ, съ такимъ знаніемъ дѣла, въ которыхъ мало найдутъ себѣ соперниковъ, и при этомъ глубоко вникаетъ во всѣ духовныя и матеріальныя потребности театра. По его мнѣнію, театръ долженъ быть учрежденіемъ государственнымъ, и забота объ его организаціи, содержаніи и потребностяхъ принадлежитъ правительству; никакая чуждая искусству цѣль, никакія частныя спекуляціи никакая зависимость отъ расположенія духа отдѣльныхъ лицъ или публики не должны имѣть на него вліянія. Во всѣхъ подробностяхъ театральнаго управленія должно вполнѣ удовлетворять требованію исскусства, постоянно имѣя въ виду одну цѣль — тѣсную связь идеи искусства съ ея выполненіемъ. Сценическое образованіе должно равняться образованію академическому, условливающему каждое искусство, каждую отрасль ученой дѣятельности. Театральныя академіи не только обязаны дать актеру необходимое многостороннее образованіе, но и самое званіе актера должны возвысить на приличную степень нравственнаго и общественнаго достоинства. Возможность исполненія этого проэкта, по основательнымъ выводамъ Девріэнта, несомнѣнна, но самое исполненіе придется отложить до

Digitized by Google

болѣе спокойнаго времени. Пока въ государствѣ не кончится бурный процессъ организаціи, мало будетъ сдѣлано въ пользу науки и искусства.

Въ настоящее время Берлинская театральная хроника представляетъ не очень много замѣчательнаго. Героиня дня — танцовщица Шарлота Гризи: Берлинцы на нее не наглядятся и она много разъ танцовала «въ послѣдній.» Г-жа Унцельманъ, актриса рѣдкой между Германскими артистками, поэтической натуры, оставляетъ въ непродолжительномъ времени Берлинскій Королевскій театръ. Прежде это нѣжное, вполнѣ женственное созданіе, эта артистка, вносящая въ свою игру столько чувства, жизни и мягкости, была любимицею Лейпцигской публики. Неохотно оставила она Лейпцигъ, призванная въ Берлинъ самыми блестящими предложеніями. Берлинцы приняли ее громкими рукоплесканіями, но въ послѣдствіи охладѣли къ артисткѣ, которой талантъ имѣетъ мало наружнаго блеска. Ея слабый голосъ, ея простая, проникнутая чувствомъ, но скромная наружность не нравилась публикѣ, которая привыкла къ кокетливому уму и заманчивымъ уловкамъ Г-жи Фонъ-Галенъ.

По этому-то во многихъ обществахъ порицали и политическія убѣжденія Г-жи Унцельманъ. Говорятъ, что она уже черезчуръ либеральна. Трудно повѣрить, до какой степени входитъ теперь политика во всѣ убѣжденія, во всѣ отношенія. Даже актрисы, и тѣ имѣютъ свое политическое направленіе и находятъ случаи выражать его въ самомъ исполненіи своихъ обязанностей. Недавно знаменитая Эрелингеръ сдѣлала подобную попытку и произвела большой эффектъ. Она декламировала въ одномъ концертѣ съ обычнымъ своимъ искусствомъ, Шиллерову «пѣснь о колоколѣ.» Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ описываетъ необузданныя страсти людей и весь ужасъ революцій, Эрелингеръ собрала всѣ силы и возвела декламацію до пафоса: слушатели разразились громомъ рукоплесканій. Нашлись и такіе слушатели, которые были противнаго мнѣнія и не считали нужнымъ скрывать его. Такъ какъ осадное положеніе не отнимаетъ свободы свистать, они сдѣлали все, что могли, но все-таки имъ не удалось пере-

Digitized by Google

свистать рукоплесканій. Мѣсяца за два поднялся бы страшный шумъ и дѣло дошло бы, можетъ быть, до рѣзни, но теперь въ Берлинѣ царствуетъ какая-то осмотрительность, какое-то дружелюбіе, которыя въ глазахъ посторонняго наблюдателя и придаютъ Берлину настоящій его привлекательный видъ.

А между тѣмъ эта свѣтлая наружность имѣетъ свои темныя стороны. *На домахъ* исчезли всѣ слѣды разрушенія; а заглянешь *въ дома* и увидишь многіе слѣды; осиротѣлыя, обнищалыя, страстями и преступленіями убитыя семейства, мужчины и женщины, потерявшіе свое достояніе, свою честь, свой разсудокъ.... словомъ все, что называется человѣческимъ несчастіемъ, съ воплями и отчаяніемъ, жертвами и позоромъ, все оставили за собою современныя происшествія въ разрушительномъ своемъ полетѣ надъ Берлиномъ. Не проходитъ дня, чтобы это не проявлялось такъ или иначе.

Недавно произвело очень грустное впечатлѣніе самоубійство одного издателя газеты, вынужденное тщетными заботами о семействѣ. Онъ былъ издателемъ одной газеты ультра-либеральнаго направленія. Листокъ былъ запрещенъ, и онъ лишился всѣхъ средствъ къ существованію Тѣхъ, которые могли бы помочь ему въ нуждѣ, онъ самъ осмѣялъ, и убилъ своими политическими взглядами всякое довѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякое состраданіе къ его положенію, всякое человѣческое участіе. Его семейство, жена и семеро дѣтей, дошло до такой страшной нищеты, что сердце содрогается при разсказѣ. Напрасно ходилъ онъ отъ двери къ двери, напрасно искалъ средствъ спасти семейство отъ голодной смерти и наконецъ ему представилось, что только *его смерть* можетъ обезпечить *жизнь* жены и дѣтей, потому что въ этомъ случаѣ обязанность ихъ кормить падетъ уже на общество. Вообще теперь руки устаютъ подавать помощь нуждающимся, больнымъ и страждущимъ. Здѣсь чувство долга повелѣваетъ поднести дань живѣйшей признательности Ихъ Величествамъ, Королю и Королевѣ, которые подаютъ собою высокій примѣръ. Прекраснѣйшимъ доказательствомъ ихъ великодушія служитъ заведеніе Діаконисъ (Diaknis Vauzals) — «Виѳанія» (на Кёпиникскомъ полѣ), образцовый госпиталь, находящійся подъ

Digitized by Google

попечительствомъ дѣвицы Фонъ-Канцау. Можно смѣло сказать, что врядъ ли найдется въ Европѣ заведеніе подобное этому. Все, чѣмъ могли пожертвовать въ пользу заведенія наука и техника, изобрѣтательный духъ любви и состраданія, все примѣнено съ величайшею заботливостію и возможнымъ совершенствомъ. Прислуга, врачи, аптекари, сидѣлки выбраны добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла и опытностію. Аптекарь Теодоръ Фонтанъ преподаетъ нѣкоторымъ женщинамъ заведенія уроки химіи и фармацевтики. Онъ молодой человѣкъ съ большими талантами и, между прочимъ, прекрасный стихотворецъ.

Нищета значительно увеличила число преступленій и проступковъ. Съ каждымъ днемъ усиливается шайка воровъ, въ которыхъ никогда не было недостатка въ Берлинѣ, и смѣлость ихъ превышаетъ всякія мѣры. Между тѣмъ какъ обнищаніе и бездѣйственность низшихъ классовъ влечетъ на стезю порока многихъ честныхъ людей, а ложное понятіе правъ и безпорядокъ въ распредѣленіи общественныхъ сословій колеблетъ въ нихъ чувство долга и нравственность, воры — по призванію чувствуютъ себя гораздо безопаснѣе съ тѣхъ поръ, какъ «habeas corpus» чрезвычайно затруднилъ преслѣдованіе ихъ укрывателей.

Выдаются иногда психологически замѣтательные случаи. Напримѣръ, нѣкто Ванда Кохъ, молоденькая дѣвушка почтенной фамиліи, невѣста достойнаго человѣка, употребила свое вполнѣ свѣтское образованіе, отличавшее ее во многихъ обществахъ, на постыдный обманъ. Недавно отправилась она къ двумъ ювелирамъ и взяла у нихъ, будто для сестры бывшаго министра Ауерсвальда, богатый уборъ, цѣною въ нѣсколько сотъ талеровъ: она такъ хорошо сыграла свою роль, что ей безпрекословно повѣрили. Ее присудили или къ уплатѣ 300 талеровъ, или къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ. Отецъ и женихъ отъ нея отступились, а она громко оправдываетъ свой проступокъ тѣмъ, что сдѣлала его не по доброй волѣ, а изъ героическаго самопожертвованія. По всѣмъ видимостямъ, въ этомъ дѣлѣ играетъ важную роль разгоряченная и испорченная фантазія.

Гораздо многочисленнѣе воровъ и всевозможныхъ обманщиковъ — «убійцы чести» (Ehrabſchneider). Почти каждый

Digitized by Google

классъ общества наполненъ этими зловредными людьми. Клевета и подозрѣніе пропускаются еще свободнѣе воровства и обмана и сдѣлались въ рукахъ партій средствами къ достиженію цѣли: особенно это проявлялось въ послѣднія смуты. Въ ато время пущено въ ходъ новое изобрѣтеніе партій, которое уже вызвало и еще вызоветъ множество жалобъ на личныя оскорбленія: это листки, появившіеся подъ именемъ «Открытій» (Enthüllungen), въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и перепечатываемые въ разныхъ журналахъ.

Жалобы на политическія обиды и изслѣдованія этихъ жалобъ возобновляются въ Берлинѣ, какъ и во всей Пруссіи, очень часто; однако суды стараются уклоняться отъ процессовъ изъ-за политики и печати: (Pressproceſſe) большею частію они разбираются словесно.

Торговля «летучими листками» (Flugblätter), производимая на большихъ улицахъ и въ кофейняхъ, преимущественно мальчиками, строго запрещена, но еще не прекращена окончательно. Констабли ежедневно ловятъ маленькихъ, такъ называемыхъ «летучихъ книгопродавцевъ, (fliegende Buchhändler); эти мальчики безпрестанно въ попыхахъ. Схваченный на дняхъ мальчикъ, по странной игрѣ случая, однофамилецъ Министра Мантейфеля, увѣрялъ, со слезами на глазахъ, что продавалъ только мыло: оказалось, что все его мыло стоитъ одинъ грошъ, а завернуто въ «летучіе листки,» стоющіе 15 грошей.

ВЕЙМАРЪ. — Здѣсь умеръ 29-го Января одинъ изъ немногихъ близкихъ друзей Гёте, Оберъ-президентъ Консисторіи, Пайперъ, человѣкъ съ большими познаніями и искусный переводчикъ разныхъ стихотворныхъ сочиненій.

ФРАНЦЪ ЛИСТЪ ведетъ въ Веймарѣ тихую, веселую жизнь и покоится на лаврахъ, окруженный удовольствіями. Этимъ мы не хотимъ сказать, что его музыкальная дѣятельность утомилась: напротивъ, онъ чувствуетъ себя въ полной силѣ и употребляетъ ее на очарованіе и пользу ближнихъ. Съ особеннымъ рвеніемъ занялся онъ образованіемъ нѣсколькихъ молодыхъ музыкальныхъ талантовъ. *W.*

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГЛАВНЫЕ ВРАЧИ ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ ВО ФРАНЦІИ.

(Замѣтки изъ путевыхъ записокъ, 1847 г. Ю. Бецкаго.)

1. Докторъ *Ferrus*, Генералъ-Инспекторъ леченія умалишенныхъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ въ изданіи закона 30-го іюня 1838 г. о преобразованіи пріютовъ умалишенныхъ, который составляетъ нынѣ основаніе современнаго Французскаго законоположенія о семъ предметѣ. Человѣкъ высокаго ума и сердца, глубокій наблюдатель, ловкій администраторъ, и авторъ многихъ статей объ умалишеніи, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ. Его разумнымъ усиліямъ, по всей справедливости, означенные пріюты во Франціи обязаны своимъ современнымъ состояніемъ, и въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто, какъ достойный продолжатель столь извѣстныхъ ученому міру филантропическихъ трудовъ Пинеля и Эскироля.

2. *T. Félix Voisin*, эксъ-президентъ Парижскаго Френологическаго Общества, главный докторъ въ гошпиталѣ Бисетрѣ, близъ Парижа (1-ère section des aliénés) и владѣтель дома умалишенныхъ въ *Vanvres*, въ тѣхъ же окрестностяхъ, кавалеръ почетнаго легіона, и пр. и пр. Замѣчательный френологистъ, партизанъ школы животнаго магнетизма и одинъ изъ самыхъ горячихъ ея послѣдователей; въ своихъ сочиненіяхъ о воспитаніи идіотовъ, онъ показалъ всю мѣткость своего наблюдательнаго взора, соединеннаго съ блистательнѣйшимъ воображеніемъ. Другое сочиненіе посвящено спеціальному изслѣдованію причинъ съумасшествія. Имъ же написанъ трактатъ о животномъ человѣкѣ (l'homme

Digitized by Google

animal). Слогомъ поэта, онъ разсмотрѣлъ въ немъ человѣческія страсти скорѣе сквозь призму своего воображенія, нежели положительнымъ, ничѣмъ неотвлекающимся отъ истины, умомъ философа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отказать ему въ благодарности за значительныя услуги, оказанныя имъ человѣчеству, тѣмъ, что онъ счастливо подвинулъ воспитаніе дѣтей идіотовъ *, которое во Франціи въ наше время хорошо приведено въ практику въ одномъ только Бисетрѣ, въ особомъ на то назначенномъ отдѣленіи, находящимся подъ его завѣдываніемъ. Изъ этихъ словъ не должно заключать, чтобъ начальники другихъ заведеній не раздѣляли благодѣтельныхъ видовъ Г-на Вуазена, но понятно, что лишь въ одномъ такомъ огромномъ госпиталѣ, какъ Бисетръ, можно найти соединенными всѣ матеріальныя средства, необходимыя къ развитію способностей въ идіотахъ. Начало (principium), которымъ руководствуется Г. Вуазенъ для достиженія сего развитія, состоитъ въ томъ, чтобъ усовершенствовать прежде всего чувственные органы сихъ несчастныхъ дѣтей. И система его воспитанія заключается поэтому въ томъ, чтобъ прежде обратиться къ чувствамъ, и отъ нихъ, уже усовершенствованныхъ по возможности, перейти къ уму (intelligence).

Изъ сочиненій, имъ изданныхъ, мнѣ извѣстны слѣдующія:

a) Des causes morales et physiques des maladies montales, et de quelques autres ffeactions nerveuses. 1826. Лучшее и полнѣйшее сочиненіе по этому вопросу.

b) Applications de la physiologie du cerveau à l'étude des enfans qui necessitent une éducation speciale, et qui par leurs particularités natives ou acquises, forment communément la pepinière des alienés des grands hommes ou des scélerats. (Edition epuisée.)

---

* Съ 1824 до 1843 г. издавалъ Belhomme свои Essai sur l'idiotie, propositions sur l'éducation des idiots, mise en rapport avec leurs degrés d'intelligence — и объ этомъ же предметѣ вышло другое любопытное, позднѣйшее сочиненіе доктора Séguin, ex-instituteur des idiots de l'hospice des incurables et de l'hospice de Bicêtre: Hyhiene, éducation et traitement moral des enfans idiots et arriérés.

Digitized by Google

Написано въ 1830 г. Изъ одного заглавія можно судить о степени интереса этой брошюры, и о важности вопроса, въ ней разсматриваемаго. Вновь перепечатана въ 1843, съ прибавленіями, подъ названіемъ: De l'idiotie chez les enfans et des autres particularités d'intelligence ou de caractere qui nécessitent pour eux une instruction et une éducation speciales, *de leur responsabilité* morale.

Здѣсь, кромѣ краткаго, но чрезвычайно интереснаго психологическаго анализа человѣческаго разумѣнія у идіотовъ, объ изслѣдованіи несчастной организаціи мозга у большой части преступниковъ, помѣщены любопытные отчеты объ ортофреническомъ заведеніи Вуазеня, сдѣланные докторомъ *Марколь*, бывшимъ первымъ королевскимъ медикомъ и инспекторомъ Maison de Santé (1834).

c) *De l'homme animal.* 1839. 496 стр. — Съ слѣдующимъ эпиграфомъ (особенно пріятно цитовать тѣ эпиграфы, которые удачно прибраны и выражаютъ en résumé содержаніе книги):

«Человѣкъ въ себѣ заключаетъ всѣ инстинкты, всѣ на«клонности животныхъ, такъ что нѣтъ невиннаго или зло«вреднаго звѣря, въ воздухѣ, въ глубинѣ лѣсовъ, въ водя«ныхъ пучинахъ, котораго не узнали бы вы подъ двуногою «формою человѣка. Есть человѣкъ — волкъ, человѣкъ — «тигръ, человѣкъ — лисица, человѣкъ — баранъ — по«слѣднихъ чрезвычайно много. Есть человѣкъ — угорь, «сжимайте его сколько угодно, ускользнетъ непремѣн«но; человѣкъ щука, все пожирающій, человѣкъ — змѣя, «изгибающійся на разныя манеры, человѣкъ — медвѣдь, не «лишенный нѣкоторыхъ прекрасныхъ свойствъ, человѣкъ— «орелъ, плавающій подъ небесами, человѣкъ — ворона.... «и пр, и пр. Нѣтъ ничего труднѣе какъ найти человѣка, «qui soit de toute pièce. Рѣдкій изъ насъ не придерживается «своего аналогическаго животнаго.»

Всякому чуть размышляющему человѣку будетъ очевидно, что, отправляясь отъ однихъ сихъ десяти строкъ, можно дойти до цѣлой системы наблюденій и выводовъ, въ pendant къ трудамъ Галя и Лафатера.

Digitized by Google

Эту задачу сравненія человѣка съ прочими животными, съ точки зрѣнія, обозначенной въ самомъ заглавіи, прекрасно выполнилъ авторъ, принадлежащій, по собственному его откровенному признанію, къ послѣдователямъ школы Галя и Шпурцгейма, которыхъ онъ самъ называетъ: «*mes maitres*,» прибавляя: «je suis phrénologiste plein de franchise et de conviction.»

Книга посвящена *его матери*. Да не укорятъ насъ преслѣдователи (если только они существуютъ!) въ перетолкованной «морали,» въ глупой наивности, если мы мимоходомъ замѣтимъ, что самое посвященіе, не выписываемое здѣсь по недостатку мѣста, много говоритъ въ пользу его какъ *человѣка*. Кто-то сказалъ, что за четыре строчки можно повѣсить... прибавимъ, что часто за четыре строчки можно и полюбить.

Вотъ главные пункты, разсматриваемые въ означенномъ сочиненіи:

О наклонностяхъ и чувствахъ, раздѣляемыхъ нами съ породами (espèces inférieures);

Ихъ роли, ихъ должность, ихъ цѣль въ жизни каждаго человѣка и въ общемъ движеніи общества;

Тѣ же способности, разсматриваемыя въ избыткѣ ихъ дѣйствія, и ведущія къ разврату, къ самоубійству, къ преступленію или къ съумасшествію.

Факты и выводы; приложенія, которыя слѣдуютъ сдѣлать изъ оныхъ къ воспитанію, къ нравственности, къ политикѣ, къ законовѣдѣнію, къ леченію умалишенныхъ и къ счастію въ жизни.

Книга начинается введеніемъ: *Mon système philosophique*, которую добродушный авторъ совѣтуетъ непремѣнно прочесть: «pour éviter toute idée préconçue.» (Какъ жаль что не всякій способенъ или находится въ возможности изложить, единственно съ тѣмъ же намѣреніемъ, *таковое* введеніе къ поприщу жизни имъ избираемой!) Въ этомъ введеніи заключается изложеніе его взгляда на *ensemble* нашихъ мозговыхъ отправленій, на производство и приложеніе нашихъ наклонностей, нашихъ чувствъ и нашихъ умственныхъ спосособностей.

Digitized by Google

Увлеченные интересностію содержанія, особенно въ психологическомъ отношеніи, мы готовы бы передать дѣликомъ главы: О материнской любви, о дружбѣ, о предвѣдѣніи, о хитрости, и пр. пр., но ни время, ни мѣсто, не позволяютъ намъ зайти за предѣлы, нами предназначенные въ сихъ краткихъ замѣткахъ, и потому прямо отсылаемъ любознательныхъ читателей къ самому творенію,

Вторая часть сочиненій Вуазена: *О человѣкѣ*, носитъ названіе: De l'homme considéré comme être intellectuel. Такимъ образомъ авторъ постепенно изслѣдуетъ три главные элемента человѣческой головы, три начала нашей тройственной дѣятельности, съ точки зрѣнія, которая при всей крайности свойственнаго всякому ученому увлеченія въ какое бы то ни было направленіе, не можетъ не представлять интереса и пользы. Стоитъ только читателю быть самому критикомъ надъ своимъ чтеніемъ и знать, гдѣ съ авторомъ остановиться, поблагодарить его, и въ случаѣ нужды, и совсѣмъ откланяться.

Вуазенъ извѣстенъ также и по услугѣ, оказанной имъ тѣмъ несчастнымъ, на облегченіе коихъ посвящена его книга: *Du begaiement*, гдѣ трактуется о причинахъ онаго и извѣстныхъ степеняхъ; о вліяніи страстей, половъ, и возрастовъ на сей порокъ произношенія, о терапевтическихъ средствахъ къ излеченію, и пр. и пр. — Но сравнительно, съ главными страданіями, на излеченіе которыхъ исключительно посвятилъ онъ себя въ послѣднее время, этотъ недугъ можно отнести къ *petites misères* человѣческой жизни. Одна же изъ главныхъ заслугъ Вуазеня, кромѣ ученыхъ его трудовъ, есть основаніе частнаго заведенія для излеченія *умалишенныхъ* (достаточнаго состоянія,) на прекрасныхъ берегахъ Сены, напротивъ Мара, въ мѣстечкѣ *Vanvres*.

Кромѣ Салпетріеры и Шарантона (гдѣ главное лице Г. Фовилль, преемникъ знаменитаго Эскироля *, и кромѣ

* Физіологистъ и анатомистъ, пользующійся большимъ уваженіемъ; изъ его сочиненій особенно замѣчательна превосходная анатомія нервической системы, въ которомъ особенно превозносятъ г-да ученые медики точность подробностей изысканій, часто до мелочности доводимыхъ. Въ своемъ мѣстѣ поговорится подробнѣе о его трудахъ.

Digitized by Google

Бисетра, гдѣ въ 1802 году Пинель, великій реформаторъ, *первый* обратилъ вниманіе своего геній на облегченіе участи умалишенныхъ (а за нимъ Ferrus, Mallon и наконецъ Лёре съ его могущественнымъ *fiat lux* чудной воли!) — кромѣ, говорю, сихъ трехъ главныхъ заведеній, въ которыхъ общественное милосердіе принимаетъ подъ гостепріимный свой покровъ умалишенныхъ (для бѣднаго класса, Салпетріера и Бисетръ, а Шарантонъ для bourgeoisie), есть въ Парижѣ нѣсколько подобныхъ частныхъ заведеній для аристократіи, изъ которыхъ болѣе извѣстны старый домъ Эскироля, — домъ доктора Белома, — Бланша въ Монмартрѣ — доктора Пинеля и другихъ.

3. Ваузенъ раздѣляетъ славу основанія *дома Ванвра* съ г-мъ *Фалре* (Falret), главнымъ докторомъ въ Сальпетріерѣ, и составившимъ себѣ извѣстность особенно тѣмъ, что ввелъ въ практику леченія умалишенныхъ возбужденіе религіознаго чувства (la pratique du sentiment religieux). Мы возвратимся къ сему любопытному вопросу.

Въ 1842 году Г. Фалре издалъ большое сочиненіе о самоубійствѣ и ипохондріи, и вотъ уже 25 лѣтъ, какъ сей глубокій ученый обѣщаетъ Франціи полный трактатъ о съумасшествіи, и медицинская публика не можетъ дождаться исполненія обѣщанія.

4. Т. Trelat, медикъ-адъюнктъ въ Салпетріерѣ, человѣкъ, одаренный сердцемъ, энергіею и готовый на всякое самопожертвованіе, другъ и защитникъ несчастныхъ. Имъ изданы были въ 1839 году: Recherches historiques sur la folie, но въ печатномъ мірѣ онъ болѣе извѣстенъ по своимъ политическимъ или чисто-филантропическимъ сочиненіямъ.

5. Г. Моро (*Moreau* de Tours), адъюнктъ-медикъ въ Гошпиталѣ-Бисетрѣ, одинъ изъ владѣтелей дома d'Ivry, основаннаго Эскиролемъ. Онъ написалъ слѣдующее:

1. Изслѣдованія объ умалишенныхъ на Востокѣ. — 2. Colonie des Alienés de Guels l (близъ Антвернена, въ Белгіи)*.

---

* Вывезенъ одинъ экземпляръ въ Россію, и находится у извѣстнаго *всякому* въ нашемъ южномъ краѣ, славнаго оператора и ученаго доктора Ванцетти, Профессора Имп. Харьк. Университета.

Digitized by Google

3. Объ употребленіи Datura Stramonium и другихъ наркотическихъ средствъ въ леченіи *бреда* (hallucinations). Въ послѣдней брошюрѣ, возставая на труды методы такъ называемой substitutive, онъ предлагаетъ излечивать бредъ, происходящій отъ съумашествія, посредствомъ *гачиха* (hachych, экстрактъ цвѣта льна, cannabis indica), свойство котораго состоитъ въ возбужденіи ложныхъ чувственныхъ призраковъ и бреда, походящаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ на полное помѣшательство. (Объ гачихѣ вѣроятно извѣстно и Русскимъ любителямъ романовъ Дюма, воспользовавшагося чудесностію характера этого растенія въ своемъ романѣ Монте-Кристо). — Это сочиненіе, обратившее во Франціи на себя вниманіе ученыхъ (то есть De l'emploi du Datura Stramonium, а не Монте-Кристо), любопытно и по формѣ изложенія и по внутреннему содержанію, изобилующему фактами, остроумными наблюденіями съ двойной точки зрѣнія, т. е. дѣйствій, производимыхъ гачихомъ, и сходства ихъ съ подобными явленіями, обнаруживающимися у умалишенныхъ, въ градусѣ безумія (folie).

Въ древности существовали оружія, излечивавшія раны, ими же нанесенныя. Въ новое время существуютъ одни гомеопаты. — И едва ли не ихъ примѣромъ увлекся и почтенный Моро. И въ самомъ дѣлѣ, если Datura Stramonium, гачихъ, опіумъ, въ здоровомъ тѣлѣ производятъ безуміе, почему же не *попробовать* излечить безуміе сими средствами? Similia similibus curantur. Можетъ быть, этотъ оригинальный способъ леченія имѣлъ успѣхъ у изобрѣтателя, но сколько извѣстно; между его собратьями результаты не благопріятствовали попыткамъ. Эскироль разсказываетъ въ своихъ: «Les maisons des fous,» что при немъ давали гачихъ тремъ умалишеннымъ, и что воспослѣдовало только измѣненіе обычныхъ видѣній больныхъ въ другія видѣнія. Любопытно, положимъ, но замѣчаетъ Эскироль: déplacer la nature de la folie, ce n'est pas la guérir.

Theophile Gautier, остроумный романистъ и фельетонистъ, извѣстный своими путешествіями по Востоку, Испаніи и пр., напечаталъ въ Presse (10 Іюля 1843) прелюбо-

Digitized by Google

нытное и поэтически изложенное описаніе дѣйствій гачиха надъ нимъ самимъ.

Въ большомъ сочиненіи Aubert-Roche: De la peste et du tiphus en Orient, 1843, любопытные найдутъ еще бо́льшія подробности о странныхъ феноменахъ, производимыхъ наркотическими средствами: сто́итъ любова романа.

6. Докторъ *Marc*, Членъ Медицинской Академіи, бывшій медикомъ при особѣ Людовика-Филиппа, и вмѣстѣ присяжный при трибуналахъ, издалъ сочиненіе De la folie, 2 большіе тома, въ 1840 г., особенно любопытное въ медико-юридическомъ отношеніи.

7. *Calmeil*, De la folie considerée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire, depuis la renaissance des sciences en Europe jusqu'au XIX siecle. 1845. 2 тома. Чрезвычайно интересное сочиненіе въ историческомъ отношеніи, и по добросовѣстности трудолюбиваго изложенія. Въ немъ заключаются описанія важныхъ эпидемій простаго или сложнаго бреда, которыя застигали древнія племена, и изложеніе наказаній, которымъ часто подвергалось неузнанное съумашествіе. Мы надѣемся возвратиться къ сему капитальному труду.

Другое сочиненіе, которымъ онъ началъ свое поприще, въ 1826, посвящено было изслѣдованіямъ надъ параличемъ у умалишенныхъ, сдѣланнымъ имъ въ глазахъ двухъ уже умершихъ знаменитостей, Ройе-Коляра и Эскироля, въ бытность его у нихъ на службѣ, въ званіи медика въ Шарантонѣ.

8. Г-нъ *Cerise*, Докторъ, медикъ, на котораго возложена философская часть редакціи Парижскихъ Медико-Психологическихъ Анналовъ, глубокій мыслитель, психологическій наблюдатель, ума логическаго, безпристрастнаго, и такой діалектикъ, какихъ мало во Франціи. Въ 1842 г. издано имъ капитальное сочиненіе: Des fonctions et des maladies nerveuses dans leurs rapports avec l'éducation sociale et privée, morale et physique. Essai d'un nouveau système de recherches physiologiques et pathologiques, sur les rapports du physique et du moral. 1842.

Digitized by Google

9. Докторъ *Lucas*, издавшій въ Парижѣ въ 1846 г. два тома: Traité philosophique de l'hérédité naturelle sous le type original et le type acquis de l'organisation dans l'état de santé et l'état malade du système nerveux, suivi de l'application des lois de l'hérédité aux affections dont elle est le principe.

Еще одинъ изъ любопытнѣйшихъ, важнѣйшихъ вопросовъ въ леченіи умалишенныхъ, *вопросъ о наслѣдственности*! По вѣрнымъ статистическимъ даннымъ извѣстно, что двѣ трети несчастныхъ обитателей Бисетра, Шарантона и Салпетріеры получили съумашествіе *по наслѣдству*.

10. Г. *Renaudin*, главный медикъ и Директоръ публичнаго пріюта умалишенныхъ въ Фенѣ (Fains, Departement de Meuse, близъ Бар-де-Люка), обладающій въ высшей степени точностію ума и глубокою наблюдательностію, превосходный администраторъ, и, какъ увѣряли меня люди, достойные полнаго довѣрія, одинъ изъ тѣхъ мужей Франціи, который лучше понимаетъ гошпитальное устройство, неутомимый работникъ, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ избранныхъ на помощь страждущаго человѣчества, которые по высокимъ и обширнымъ способностямъ, могутъ быть полезны во всякой отрасли гражданскаго устройства; характера холоднаго, но постояннаго, весь углубленъ въ самого себя и вмѣстѣ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ; однимъ словомъ, человѣкъ, который своею неутомимою любовію къ наукѣ, своею готовностью на всякое самопожертвованіе въ пользу ближняго и строгостью къ самому себѣ въ выполненіи своихъ обязанностей, особенно призванъ къ тому, чтобъ подвинуть во Франціи науку психологическую, и примѣнить ея результаты къ облегченію того страшнаго недуга, котораго соболѣзнующій своему ближнему и выговаривать не долженъ безъ содроганія....

Онъ обратилъ впервые на себя вниманіе большою брошюрою: Organisation des asiles d'aliénés, которое можетъ считаться истиннымъ и вѣрнѣйшимъ трактатомъ гостепріимной администраціи. Этотъ трудъ основанъ на новомъ законоположеніи, которымъ съ 1838 г. управляются пріюты умалишенныхъ во Франціи. — На него возложенъ трудъ доставлять въ П. Псих. Анналы анализъ всѣхъ со-

Digitized by Google

чиненій и статей, появляющихся въ періодическихъ Нѣмецкихъ изданіяхъ.

Въ медико же психологическихъ своихъ сочиненіяхъ, Г. Ренодень далеко обогналъ Эскироля; онъ издаетъ ихъ ежегодно въ видѣ отчета, заключающаго въ себѣ отъ 200 до 300 страницъ мелкой печати, и касающагося до разнообразныхъ проявленій *сумашествія*.

Замѣчательно тонкое гуманическое чувство (délicatesse) любаго Французскаго медика: вы отъ него никогда не услышите слова *fou*, когда онъ разсуждаетъ о своихъ паціентахъ. Я одинъ разъ обмолвился въ одномъ пріютѣ и получилъ выговоръ: Monsieur, замѣтилъ мнѣ Директоръ очень сухо, — nous avons adopté le terme *d'aliénés* pour qualifier les malheureux qui sont confiés à nos soins! Кто не поблагодаритъ за такое замѣчаніе?....

Но возвратимся къ отчетамъ Ренодена. Первый отчетъ выданъ имъ въ 1843 году, чисто-административный; второй въ 1844, разсуждаетъ о «*Manie*» и представляетъ общія замѣчанія о съумашествіи; третій, 1845, посвященъ «*Hallucinations*,» четвертый, «*Lespimanie*» и ея разнымъ видамъ. И каждая часть разработана съ тѣмъ же знаніемъ дѣла, съ тѣмъ же усердіемъ.

11. Г. *Baillarger*, Медикъ-Адъюнктъ въ Салпетріерѣ, членъ Академіи, основатель Медико-Психологическихъ Аналовъ (*), журнала исключительно посвященнаго анатоміи, физіологіи и патологіи нервической системы. Кромѣ статей, имъ помѣщенныхъ въ семъ журналѣ, онъ издалъ особенное сочиненіе: Sur la stupidité. Послѣднее же, большое его твореніе: Sur les hallucinations, было представлено имъ въ Институтъ Франціи, въ нынѣшиемъ 1847 г. и увѣнчано, но въ продажу еще не поступало, такъ что публика его еще оцѣнить не могла; но отзываются о немъ съ большею похвалою.

12. Г. Mithicrirs, главный Докторъ (medecin en chef, степень) въ Салпетріерѣ, соучастникъ въ Maison d'Jwry, племянникъ Эскироля.

(*) Обращаемъ особенное вниманіе на это изданіе, какъ на лучшее и главное во Франціи по этому предмету.

Digitized by Google

13. Г. Бріеръ-де-Буамонъ (*Brierre de Boismont*), Докторъ Медицины, владѣтель частнаго дома умалишенныхъ въ Парижѣ, авторъ многихъ сочиненій, между коими заслужило особенное вниманіе слѣдующее: Des hallucinations, или histoire raisonnée видѣній, сновъ, привидѣній, экстаза, магнетизма и сомнамбулизма. Сочинитель этой книги — человѣкъ многоученый, но, замѣтилъ мнѣ нѣкто: «онъ слишкомъ увлекается выгодою, употреблять часто свои блестящія способности на *частную индустрію*....»

Не знаю, до какой степени должно довѣрить сему сужденію, но нельзя отказать между тѣмъ Г-ну Бріеру въ чрезвычайномъ трудолюбіи. Имъ издано до 20 волюмовъ: Анатомія (Anthropotomie) 800 стр. — Mémoire sur la monomanie homicide. — De la folie pellagreuse, наблюденія сдѣланныя имъ въ Миланскомъ Госпиталѣ и читанныя въ Академіи Наукъ. — Des établissemens d'alienés en Italie. — О холерѣ въ Польшѣ (за что вѣроятно авторъ и получилъ орденъ Virtute Militare). — О вліяніи цивилизаціи на развитіе съумашествія. — Руководство къ судебной медицинѣ. — Du délire aigu. — О вліяніи семейной жизни на леченіе и излечиваніе душевныхъ болѣзней (послѣднее его сочиненіе), и много другихъ. Брюссельское общество медицинскихъ и естественныхъ наукъ увѣнчало его Mémoire pour l'établissement d'un hospice d'alienés; Франція удостоила его званія кавалера почетнаго легіона....

Но лучше поговоримъ о его значеніи въ ряду занимавшихся леченіемъ умалишенныхъ. Онъ принадлежитъ къ отъявленнымъ партизанамъ той школы, которая какъ въ медицинѣ, такъ и въ философіи, носитъ названіе спиритуализма. — Замѣчательно, что до него никто не изолировалъ феномена «hallucination» отъ прочихъ симптомовъ бреда. Книга его объ этомъ предметѣ чрезвычайно интересна даже и для того, кто будетъ ее читать, какъ читаютъ сказки, по множеству собранныхъ въ ней разнообразныхъ страницъ изъ біографіи несчастнаго *il popol tutto ammalatto*.... Вліяніе религіозныхъ вѣрованій особенно отражается въ его направленіи, стремящемся къ соединенію вѣры и науки (l'ordre de foi et l'ordre de science, какъ гово-

Digitized by Google

рятъ Французы, двѣ вѣтви, къ сожалѣнію, совершенно разъединенныя у нихъ, или лучше сказать раздѣлившія всѣ умы).

Послѣ сочиненія Г. Бріера, Академія Медицины увѣнчала сочиненіе молодаго медика: Délire des sensations, par M. *Michea*, который также отдѣляетъ *halluciné* отъ прочихъ умалишенныхъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе на медицинскомъ поприщѣ умалишенныхъ, за вполнѣ пройденнымъ и уже чуть въ пропасть было не зашедшимъ, направленіемъ матеріализма Галля, Бруссе и Жорже (Georget), проложена новая тропа, тропа нравственнаго леченія, основаннаго на психологическихъ изслѣдованіяхъ, и тѣмъ положено чуть ли не первое основаніе будущаго великолѣпнаго зданія «*Опытной психологіи.*»

Въ 1834 году вышло новое сочиненіе, поднявшее тревогу между учеными врачами: въ немъ смѣло, упрямо, съ ни чѣмъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, отъ котораго горы разступаются, и которое, по моему мнѣнію, вдохновляется только свыше, однимъ избраннымъ, объявлено было, что можно безъ кровопусканія, безъ слабительныхъ и прижиганій, иногда даже безъ холодной воды, излечивать умалишенныхъ, способомъ чисто нравственнымъ, т. е. дѣйствіемъ надъ идеями и страстями.... Эта школа скоро нашла себѣ послѣдователей и тропа превратилась въ большую дорогу. Вывели заключеніе: *если не всѣ, то по крайней мѣрѣ извѣстный родъ разнообразнаго проявленія сумашествія, можетъ и долженъ быть излечиваемъ силъ благодатнымъ, вышеразумнымъ способомъ.*

Во главѣ сей-то школы возвышается ея основатель

14. Г. Лёре (Leuret), вмѣстѣ и представитель умѣренной и не доходящей до крайности доктрины спиритуалистовъ (которая въ лицѣ Бріера была преувеличена и доводима часто до чистаго заблужденія).

Лёре главный Докторъ 2-го отдѣленія умалишенныхъ въ Бисетрѣ, замѣчательный психологъ, глубокій и тонкій наблюдатель, отъ котораго ничто не ускользаетъ, и вмѣстѣ

Digitized by Google

практикъ, человѣкъ воли ничѣмъ не склоняемой. Онъ изучилъ умственныя способности съ талантомъ, равнымъ таланту Бальзака, подробно изучившаго, какъ извѣстно, сердце женщины. Можно смѣло рекомендовать твореніе Leuret, тому, кто предпочитаетъ часто сухіе, но за то вѣрные выводы науки, блестящей, но часто заносчивой, психологической анатоміи человѣческаго сердца, разсыпанной въ современныхъ Французскихъ романахъ которымъ при всемъ томъ, замѣтимъ мимоходомъ, во многомъ, и справедливо, обязаны своей славою ихъ писатели.

Онъ помѣстилъ множество статей, въ разныя эпохи, въ различныхъ сборникахъ и преимущественно въ Анналахъ d'Hygiene et de Médecine légale. Но самое замѣчательное сочиненіе Г-на Leuret есть, безпорно, извѣстный его Traitement moral des alienés, помѣщенный въ быстро разошедшейся книгѣ: Fragments psychologiques sur la folie, 1834. Въ семъ сочиненіи авторъ, съ высокихъ точекъ зрѣнія разсматривая свой предметъ, доказываетъ со всею основательностію опытнаго психолога, что, помѣшательству умственныхъ способностей вначалѣ должно противопоставить леченіе моральное, путемъ то убѣжденія, то настращанія (voie d'intimidation). Увлекшись духомъ психической критики, онъ *первый* рѣшился посягнуть на разрѣшеніе важнаго вопроса о феноменахъ, принадлежащихъ къ жизни нѣкоторыхъ извѣстныхъ историческихъ лицъ, напр. Іоанны д'Аркъ, Лютера, Лойолы. Считая сіи феномены естественными (insorbides), онъ подвергнулъ ихъ анализу науки. Французскіе ученые упрекаютъ его сочиненіе въ томъ, * что въ немъ не обращено надлежащаго вниманія на «désions somatiques,» что помѣшательство разсматривается въ немъ исключи-

* О Вуазенѣ и Лёре и ихъ трудахъ первоначально слышалъ я отъ молодаго Парижскаго ученика Д. Сове (Sauvet), служившаго при пріютѣ умалишенныхъ въ *Fains* и съ которымъ случилось прожить мнѣ въ Барѣ около мѣсяца. Ему я отчасти обязанъ свѣдѣніями, здѣсь сообщаемыми и записанными съ его словъ, послѣ подробныхъ бесѣдъ о семъ любопытномъ предметѣ, ему близко извѣстномъ.

Digitized by Google

тельно какъ болѣзнь нравственная, а не какъ средній недугъ (affection mixte), принадлежащій равно уму, какъ и тѣлу, и что въ немъ слишкомъ пренебрегается физическимъ леченіемъ, то есть чисто-медицинскимъ, которое всегда должно сопутствовать моральному.

Другое, не менѣе замѣчательное сочиненіе Г. Лёре, есть его Анатомія нервической системы, въ которомъ онъ прекрасно излагаетъ свои выводы изъ сравнительной Анатоміи (Anatomie comparée de système nerveux. 1838-1846, изданіе великолѣпное съ 33 прилож. in folio, гравиров. мастерски). Въ 1840 г. издалъ онъ особо: Du traitement de la folie, вновь обработанное.

15. Г. *Lélut*, Членъ Парижскаго Института, главный Докторъ третьяго отдѣленія (женскаго) умалишенныхъ въ Сальпетріерѣ, и главный Докторъ тюремъ въ Парижѣ, — авторъ многихъ статей, относящихся до системы тюремнаго заключенія во Франціи и до гигіены тюремъ. По глубинѣ своихъ *психологическихъ изслѣдованій* занимаетъ онъ нынѣ едва ли не первое мѣсто между *писателями-теоретиками*. Изученіемъ подробной исторіи жизни знаменитыхъ мужей древности, онъ достигъ цѣли, предназначенной его трудами, а именно: доказать, что нѣкоторые изъ нихъ провели большую часть своей жизни подъ вліяніемъ *частнаго затмѣнія* разума (если можно такъ перевести слова *aberration*, заблужденіе, извѣстный технической терминъ), которое не только не имѣло вреднаго вліянія на развитіе ихъ генія, но, напротивъ, содѣйствовало даже къ блистательнѣйшему проявленію его. Опираясь на эту мысль, которая лежитъ, такъ сказать, въ основаніи всѣхъ главныхъ сочиненій Г-на Lélut, попадавшихъ мнѣ подъ руку, авторъ доказалъ въ своей книгѣ, изданной особо подъ заглавіемъ: Le démon de Socrate, 1829, что сей философъ древности съ-молоду былъ пожираемъ одною idée fixe, предшествовавшею развитію его прекраснѣйшихъ мыслей, и особенно мысли о безсмертіи души, выраженной имъ предъ смертію.

L'Amullette de Pascal, помѣщенное сначала статьями въ Парижскихъ Анналахъ Медико-Психологическихъ, превос-

Digitized by Google

ходно объясняютъ перемѣну, случившуюся въ жизни сего Французскаго философа. Извѣстно, что Паскаль, въ первые года своей молодости занимавшійся особенно математикою, велъ жизнь *развлекающую* (смягчаемъ выраженіе); что однажды, во время прогулки въ окрестностяхъ Нёльи (близъ Парижа), карета его опрокинулась въ глубокій ровъ, и что спасшись отъ угрожавшей ему гибели, онъ посвятилъ себя религіозной жизни.

Вотъ *матеріальный фактъ*. Разсматривая его съ нравственной точки зрѣнія, нужно обратить вниманіе на то, что Паскаль, въ минуту опасности, одержимъ былъ страшнымъ бредомъ (hallucination, техническій терминъ), въ которомъ онъ представлялъ самого себя преданнымъ вѣчному проклятію; въ эту же минуту совѣты и увѣщанія одной изъ его сестеръ, давно уже обрекшейся затворнической жизни, представились ему въ умѣ, какъ источникъ живыхъ угрызеній; чтобъ увѣковѣчить воспоминаніе о страшной минутѣ, сдѣлавшей на его душу столь сильное впечатлѣніе, и въ которую жизнь его подвержена была неминуемой опасности, Паскаль съ той поры сталъ постоянно носить на себѣ такъ называемую *amulette* (нѣчто подобное нашимъ ладонкамъ), на которой было написано нѣсколько строкъ, относившихся до его видѣній, мистическая связь коихъ могла быть ему одному понятна.

Эта самая мысль страха вѣчнаго проклятія предшествовала всѣмъ дѣйствіямъ второй половины его жизни; она-то ему и внушила эту живую, искреннюю вѣру, которой такъ согрѣты его сочиненія; она ему внушила и ту силу логики, которая прежде содѣйствовала его успѣхамъ въ математикѣ, а потомъ возвела его на высокую степень неодолимаго подвижника Пор-Рояля.... *.

---

* Смотри о немъ же въ сочиненіяхъ *Сенъ-Бева*, *Кузена* и *Фужера*, заслужившихъ громкое одобреніе, не безъизвѣстное и у насъ.—Это съ другой точки зрѣнія на безсмертнаго мыслителя. Еще мимоходомъ: эпизодъ изъ сихъ годовъ его жизни служилъ, въ прошедшемъ году, содержаніемъ одной Французской драмѣ, представленной на театрѣ Ришельевской улицы. Роль Паскаля была превосходно выполнена Жефруа, однимъ изъ первыхъ драматическихъ Парижскихъ талантовъ, играющаго Мизантропа, Тартюфа, Филиппа IV, и пр. и пр.

Digitized by Google

Задушевная связь амулетты, которую носилъ на себѣ Паскаль, со всѣми его дѣлами, и вліяніе, оказанное ею на всю послѣднюю половину его существованія, превосходно объяснены въ книгѣ Г-на Лелю.

Но впрочемъ и Амулетта Паскаля, и Демонъ Сократа, равно какъ и многія другія его статьи, разсыпанныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, составляютъ не что иное, какъ пространное введеніе къ полному психологическому анализу человѣческихъ способностей, сочиненію, надъ которымъ Лелю работаетъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. (О послѣднемъ сообщено мнѣ Г. *Шустеролъ*, изъ Hanover.)

О Лелю можно повторить сказанное о Лёре, по поводу его теоріи о видѣніяхъ и бредахъ различныхъ знаменитыхъ лицъ. Но нужно прибавить, что талантъ Г-на Лелю, какъ писателя, гораздо разнообразнѣе таланта его товарища по наукѣ.

Вотъ перечень главныхъ сочиненій Lélut:

1. Qu'est ce que la phrénologie, ou Essai sur la signification et la valeur des systèmes de psychologie en général (преимущественно Галля). 1836.

2. Du Démon de Socrate, specimen d'une application de la science psychologique à celle de l'histoire. 1829.

3. Rejet de l'organologie phrénologique de Gall et de ses successeurs. 1843.

4. De l'organe phrénologique de la destruction chez les animaux. 1838.

5. Inductions sur la valeur des altérations de l'encéphale dans le délire aigu et dans la folie. 1836.

6. L'amulette de Pascal. Отдѣльно въ 1846. — (Съ этимъ сочиненіемъ, любопытнымъ даже и въ литературномъ отношеніи, для любителей Исторіи Словесности, а не только въ психологическомъ или медицинскомъ, надѣемся подробнѣе познакомить со временемъ нашихъ читателей.)

О сочиненіяхъ Broussais (Cours de phrénologie, 1836, 850 с.— и его же два тома: De l'irritation et la folie 1839 г., особенно замѣчательные), почти не стоитъ упоминать, какъ о кни-

Digitized by Google

гахъ у насъ давно извѣстныхъ. — Труды другой современной извѣстности, *Ростана*, преимущественно посвященные физіологіи мозга, относятся къ другому разряду сочиненій. Пинеля же и Эскироля знаютъ у насъ и подавно. За всѣми сочиненіями о предметѣ, до котораго я коснулся, лучше всего адресоваться къ книгопродавцу Медицинской Академіи, *Bailliere*, Rue de l'école de Médecine. 17, и къ *Béchet* et *Labé*, libraires, place de l'école de Médecine.

Въ заключеніе сего краткаго библіографическаго обзора, замѣтимъ, что если Французы и склонны къ съумашествію, за то средства къ излеченію у нихъ подъ рукою....

Отдадимъ должную дань уваженія тѣмъ изъ нихъ, кои принадлежатъ не одной Франціи, а всему страждующему человѣчеству.....

ЭКСПЕДИЦІЯ ДЛЯ ОТКРЫТІЯ ИСТОЧНИКОВЪ БѢЛАГО НИЛА (1840 по 1841). — Въ 1844 году, извѣстный географъ Карлъ Риттеръ въ небольшомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ «Ein Blick in das Nill-Quelland» (взглядъ на страну, лежащую при источникахъ Нила) сообщилъ нѣкоторыя извѣстія о путешествіи, Фердинанда Верне къ источникамъ Бѣлаго Нила и привелъ выписки изъ его дневника. Въ 1848 г., вышелъ дневникъ вполнѣ съ предисловіемъ Риттера; авторъ знакомитъ насъ съ еще малоизвѣстными странами; вообще онъ обличаетъ въ себѣ съ одной стороны *юморъ*, напоминающій Фальмерайера, съ другой внимательнаго путешественника въ родѣ Мунго-Парка; нравственное развращеніе Турокъ произвело въ немъ глубокое отвращеніе. Мегеметъ-Али въ глазахъ Верне является совершенно иначе, чѣмъ въ путешествіи Пюклера Мускау, ненасытнымъ корыстолюбцемъ, исполненнымъ лжи, коварства и злобы, человѣкомъ, для котораго жизнь и счастіе его подобнаго ничего не стоятъ; за одно только хвалитъ Мегемета-Али Верне, именно за то, что его корыстолюбіе сдѣлало ему возможнымъ безопасное путешествіе къ источникамъ р. Нила. Верне посѣтилъ ихъ, присоединившись къ экспедиціи, посланной туда Мегеметомъ-Али; начиная отъ г. Хартума, экспедиція, а съ нею и Верне, плыла вдоль по

Digitized by Google

теченію Бѣлаго Нила до 4 гр. С. Ш.; здѣсь поперечная гряда подводныхъ камней, при мелиоводіи, сдѣлала невозможнымъ дальнѣйшее плаваніе; Верне винитъ Французовъ, управлявшихъ экспедиціею, которые изъ своекорыстныхъ видовъ, отправились въ путь 40 дней позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Плаваніе по Нилу было весьма непріятно, затруднительно и опасно, по неровности русла рѣки, множеству мелей и подводныхъ камней, по постоянно жаркому и нестерпимому почти зною, по невѣроятному количеству мошки, ни на мигъ недававшей покоя, по нерадѣнію и лѣности Турецкаго корчаго. Тѣмъ не менѣе Верне все свое время, непосвященное необходимому отдыху, употребилъ для наблюденій. Онъ рисуетъ передъ нами и берега величественной рѣки, иногда совершенно покрытые высокимъ тростникомъ и водяными растеніями, и нравы жителей, чернаго цвѣта, хорошо сложенныхъ, вышиною отъ 6 до 7 футовъ, обычаи ихъ женщинъ, бѣдность жилищъ, пѣсни и пляски (особенно привлекла его вниманіе военная), разсказы жителей и свои собственныя догадки о синѣющихся вдали горахъ. Еще любопытнѣе знакомство съ черными племенами внутренней Африки; они подъ палящимъ небомъ, подъ вліяніемъ сыраго и знойнаго климата, отъ котораго изнемогаетъ и вянетъ не только Европеецъ, но и Арабъ, пробуждаются отъ летаргіи къ какой-то дикой энергіи и изливаютъ избытокъ жизненной дѣятельности въ восторженныхъ пляскахъ и необузданныхъ, вакхическихъ пѣсняхъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ МИНХЕНѢ. — Москвитанинъ представлялъ въ прошедшемъ нумерѣ описаніе знаменитаго вечера у Московскаго Генералъ-Губернатора Графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Три литератора почли своей обязанностью посвятить по нѣскольку страницъ этому примѣчательному празднику, за что Московская лѣтопись имъ очень благодарна. Безъ слова все пропадаетъ, и праздникъ не въ праздникъ: только слово предаетъ памяти, увѣчиваетъ всякое событіе. Надѣемся угодить читателямъ, сообщивъ имъ описанія двухъ праздниковъ, почти одновременныхъ съ Московскимъ — Минхенскаго и Лондонскаго.

Минхенскій праздникъ принадлежитъ художникамъ. Содержаніемъ его послужило преданіе объ Императорѣ Барбаруссѣ.

Digitized by Google

Теихлсинъ взялъ на себя сочиненіе, Крелингъ — архитектоническое и сценическое распоряженіе, Перфаль — музыку.

Входы въ Одеонъ были украшены цвѣтами, деревьями и прекрасными arazzis изъ Баварской Исторіи Петра Кандида. Въ глубинѣ залы возвышалась сцена, закрытая занавѣсомъ. Послѣ музыкальнаго введенія на тему извѣстной Арндтовой пѣсни поднялся занавѣсъ. Глазамъ зрителей представилось строеніе Нѣмецкаго стиля, окруженное высокими зелеными деревьями, раздѣленное на многія террасы. Перилы были усѣяны благовонными цвѣтами. Въ глубинѣ, какъ будто подъ сводомъ, въ горѣ изсѣченнымъ, сидѣлъ старый Барбарусса, опираясь головою на руку. Вокругъ по пещерамъ работали горные духи и ковали оружіе. Вверху на горѣ возвышался древній замокъ съ пятью входами и многими башнями. Въ срединѣ стояла роковая груша, отъ цвѣта коей, по преданію, зависѣло возрожденіе Германіи, въ полномъ цвѣтѣ. Мы не станемъ пересказывать нѣсколько запутаннаго содержанія. Скажемъ только главное: Императоръ пробуждается послѣ многовѣковаго сна, груша проваливается, и за нею является Рейнъ съ своими городами, крѣпостями и куполами. Фридрихъ говоритъ стихи. Всѣ дѣйствующіе начинаютъ шествіе: впереди Баварцы съ своими художниками, пѣвцами и проч., съ статуэткой Короля Людвига и Баваріей Шванталера, городъ Зальцбургъ съ бюстомъ Моцарта, окруженнымъ музыкантами и пѣвцами, Тріестъ, Вѣна и проч. Представители городовъ несли модели своихъ храмовъ. Въ шествіи Швабовъ несена была статуэтка Гебеля и бюстъ Шиллера. Въ ходѣ Саксонскомъ шли города Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, съ моделью большаго Нѣмецкаго военнаго корабля (?). Здѣсь видны были рудокопы изъ Гарца и Фрейберга, ткачи изъ Силезіи, Остфрисландіи, студенты и Профессоры изъ Лейпцига. Въ ходѣ Франконскомъ—города Вормсъ Шпейеръ, Кельнъ, Ниренбергъ и проч., съ бюстами Гёте и Бетговена, статуетками Дюрера, Гуттенберга, виноградари.

Статуетки смѣшны, но впрочемъ намъ можно воспользоваться нѣкоторыми мыслями для будущихъ нашихъ праздниковъ. Почему, напримѣръ, представителю Симбирска, вмѣсто статуетки Карамзина (которой впрочемъ у насъ и нѣтъ) не понести тома Исторіи? представителю Казани можно дать на атласѣ оду Богъ Державина; Царско-Сельскому Лицею - оглавленіе сочиненій Пушкина; Бѣлеву — балладу Жуковскаго. Историки *поискали* бы

Digitized by Google

для такого праздника, гдѣ родился Кутузовъ, Потемкинъ, Суворовъ, Румянцовъ (а теперь они не знаютъ); они нашли бы, а зрители поучились бы заднимъ числомъ отечественной Исторіи! Вотъ и польза кромѣ удовольствія. Но пора изъ Минхена по желѣзнымъ дорогамъ отправиться намъ во Франкфуртъ, а оттуда (тамъ дѣлать уже нечего) на пароходѣ по Рейну въ Роттердамъ, и въ Англію, на новый ученый праздникъ студентовъ Вестминстерской школы.

ЛАТИНСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ АНГЛІИ. — Англія, не смотря на значительную войну, предпринятую ею въ Индіи, не смотря на безпокойства прошедшаго года, могущія имѣть еще и для нея важныя послѣдствія, въ настоящую минуту наслаждается совершенною тишиною; торговля и промышленность процвѣтаютъ; цѣна хлѣба опять весьма понизилась; дѣятельность и вниманіе публики устремлены на мирныя занятія, достойныя высоко просвѣщеннаго народа; заводятся общества, миссіи, принимается участіе въ годичныхъ окончательныхъ испытаніяхъ Университетовъ и лучшихъ школъ. Недавно выпустила въ свѣтъ отличныхъ воспитанниковъ Коллегія Остъ-Индской компаніи, гдѣ молодые люди приготовляются занять военныя и гражданскія должности въ службѣ компаніи на полуостровѣ; здѣсь они обучаются языкамъ Персидскому и Санкритскому и многимъ живымъ этого обширнаго края. Школа *Ругби*, гдѣ нѣкогда училъ извѣстный Докторъ *Арнольдъ*, не измѣнила и на этотъ разъ своей извѣстности; она посылаетъ лучшихъ студентовъ въ Университеты Оксфордскій и Кембриджскій. По примѣру прежнихъ годовъ, Лондонская Вестминстерская школа закрыла свои курсы представленіемъ на театрѣ ея воспитанниками комедіи Теренція; этотъ же обычай существовалъ нѣкогда въ школахъ, заведенныхъ іезуитами. На этотъ разъ въ Вестминстерской школѣ играли *Форміона*, и притомъ очень хорошо; между приглашенными гостями изъ иностранцевъ присутствовали Меттернихъ и Гизо. Комедія была сопровождаема прологомъ и эпилогомъ, гдѣ юные поэты намекаютъ на современныя событія; вотъ одно мѣсто пролога:

Furor novarum rerum invasit secula.
Non nunc, ut antea, Gallus audax Galliae
Cantum canit pacatum, rerum alas quatit,

Digitized by Google

Hinc illuc volitat, plaudit, explodit, strepit,
Dubius que nescit quid quaeque apportet dies.
Dum «Constitutiones» exquirit novas
Et Rerum publicarum quae sit optima.
Non nunc, ut ante, felix Austria nuptus
Petit incrementa, sed bellis domesticis
Gemit lacerata, nec finem cernit mali.
Non nunc, ut ante, magna mens Germaniae
Excelsioris flosculos philosophiae
Libat; sed rebus dedita politicis
Errant errores sane inextricabiles.
Nos vero, pace non turbata, aut vix quidem,
Longe longeque jussimus discedere
Nostris ab oris taetricam Discordiam:
Et absit, semper absit! Hoc uno simul
Precamur ore; Maximus hoc paxit Deus.

ИЗБРАНІЕ ГЕРЦОГА НОАЛЯ. — Академія избрала на мѣсто Шатобріана Герцога Ноальскаго (de Noiaille). Въ чемъ заключаются права этого счастливца? Во-первыхъ, онъ знатный господинъ, качество драгоцѣнное для Академіи въ настоящую минуту въ преемникѣ Шатобріана; во-вторыхъ онъ пэръ; 11, 9, даже 7 мѣсяцевъ тому назадъ это было бы препятствіемъ, а нынѣ это достоинство. При Людовикѣ-Филиппѣ онъ принадлежалъ къ числу полу-примиренныхъ съ Орлеанскою династіею легитимистовъ, что нынѣ придаетъ ему особенное достоинство въ глазахъ *бѣлыхъ* и *трех-цвѣтныхъ* роялистовъ; при томъ онъ пользуется славою обходительнаго и занимательнаго въ обществѣ собесѣдника, а къ этому качеству Академія никогда не была равнодушна. Прибавьте къ этому нѣсколько свѣдѣній въ литературѣ, двѣ, три рѣчи произнесенныя въ Палатѣ объ общественныхъ вопросахъ, отличающіяся умѣренными мнѣніями и изящнымъ языкомъ, некрологъ въ честь умершаго пэра Дре-Брезе, сочиненіе о Госпожѣ Ментенонъ; все это свидѣтельствуетъ о хорошемъ вкусѣ почтеннаго пэра, объ умѣ его, объ образованности, о его «прекрасной душѣ» и о склонности его къ образу мыслей и изысканному выраженію *добраго стараго времени*. Герцогъ имѣлъ въ пользу своего кандидатства голосъ

Digitized by Google

журнала des Débats, и Академія, не дѣлая соблазна, могла принять въ свои ряды этого нисколько не опаснаго и не пользующагося популярностью человѣка. Соискателемъ Герцога былъ пресловутый Бальзакъ; если права перваго на литературную извѣстность болѣе имѣютъ вѣсу на *хорошее общество* Парижа, то права Бальзака основательнѣе предъ потомствомъ. Менѣе возбуждая удивленіе, чѣмъ Викторъ Гюго, Бальзакъ раздѣлилъ съ нимъ болѣе или менѣе основательное обвиненіе въ искаженіи вкуса публики. Въ романахъ Бальзака много дурнаго, много осуждаемаго хорошимъ вкусомъ, но изображенія домашней жизни у него хорошо представлены; много встрѣчается въ его сочиненіяхъ то увлекательныхъ, то гнусныхъ характеровъ, обрисованныхъ, какъ бы ни было, съ силою и живостью колорита. Ни одинъ писатель современный не умножилъ письменный языкъ Французскій большимъ количествомъ удачно подмѣченныхъ выраженій ежедневнаго быта. Но вмѣстѣ ни одинъ писатель не простеръ такъ глубоко своего анатомическаго рѣзца въ тайны семейной жизни, ни одинъ не злоупотреблялъ такъ противоположностями грязнаго и возвышеннаго, ни одинъ не утомлялъ такъ мелочными подробностями мѣщанскаго быта. Главною виною неуспѣха покательства Бальзака было обвиненіе его сочиненій въ безнравственности. Избраніе Герцога де-Ноаля есть признакъ господствующаго нынѣ образа мыслей во Франціи, между тѣмъ какъ въ Мартѣ, Апрѣлѣ и Маѣ академики почли бы за счастіе причислить къ своему сонму — Беранже.

БРОШЮРА ГИЗО О ДЕМОКРАТІИ ВО ФРАНЦІИ весьма заинтересовала Англійскую публику; газеты высказываютъ по этому поводу различныя мнѣнія; болѣе всѣхъ хвалитъ *Standart*, издавна поклонникъ Людовика-Филиппа и его министровъ; менѣе всѣхъ *Globe*, органъ Пальмерстона; по словамъ послѣдней это болѣе произведеніе философа-моралиста, чѣмъ опытнаго государственнаго мужа; въ сочиненіи Гизо на каждой строчкѣ проглядываетъ, по словамъ Globe — убѣжденіе въ непогрѣшимости собственныхъ теорій.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ АНГЛІИ МЕКОЛЕЯ. — Въ короткое время вышло третье изданіе (Галиньяни, въ Парижѣ, въ своемъ дешевомъ изданіи лучшихъ произведеній Англійской литературы предполагаетъ издать и это сочиненіе Меколея). Ни одна книга со времени выхода въ свѣтъ романовъ Вальтеръ-Скотта не имѣла такого быстраго успѣха; не менѣе значительны требованія на нее съ твердой земли и изъ Соединенныхъ Штатовъ. Главную прелесть сочиненія Меколея составляютъ превосходно очерченные характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ; только знатоки находятъ уже слишкомъ яркими краски, которыми онъ нарисовалъ портретъ Іакова II.

Меколей, по договору на 10 лѣтъ съ книгопродавцемъ Лонгманномъ въ Лондонѣ, получаетъ за право изданія своего сочиненія *Исторія Англіи* въ 2, умѣренной величины томахъ, ежегодно 600 Ф. стер. (3,600 р. сер.) или, въ теченіе 10 лѣтъ, 6,000 Ф. ст. Если принять въ соображеніе объемъ сочиненія, то Меколей получаетъ значительнѣйшую плату, чѣмъ какой-либо иной авторъ въ Англіи. Правда, что книгопродавецъ заплатилъ Вальтеръ-Скотту 18,000 Ф. ст. за *Исторію Наполеона*, въ 18 томахъ, но къ ущербу своего кармана, почувствовалъ, что это слишкомъ много, и что не должно слишкомъ расчитывать ни на какую популярность.

АУГСБУРГСКАЯ ГАЗЕТА О Д'ИЗРАЭЛИ. — Д'Израэли, въ послѣдней рѣчи своей противъ политики Англійскаго Министерства, сказалъ о Франкфуртскомъ собраніи что оно походитъ на Нѣмецкій романъ, «а Нѣмецкій романъ, какъ всѣ мы знаемъ, считается у насъ плохимъ товаромъ.» Нѣмцы пришли въ неистовство за такое хуленіе: есть такіе Нѣмецкіе Romanendichter, восклицаетъ торжественно Allgemeine Zeitung, какимъ Г. д'Израэли со всѣми своими Сибиллами, Танкредами и даже апотеозами «чистѣйшихъ чадъ Кавказа», не достоинъ отрѣшать ремня отъ сапогъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЮБИЛЕЙ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Января 29-го 1849 года совершилось 66 лѣтъ старѣйшему представителю Русской Поэзіи, В. А. Жуковскому, который родился въ 1783 году. Уже два года какъ Россія готова праздновать пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности, если считать ее съ того перваго стихотворенія, которое напечаталъ онъ въ 1797 году, въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени.» Празднество совершилось бы, если бы возвратился празднуемый въ отечество. Но между тѣмъ недавно, достойный другъ Жуковскаго, второй по немъ представитель нашей Словесности, Князь П. А. Вяземскій праздновалъ у себя въ домѣ то торжество, котораго ждетъ и желаетъ Россія. Оно совершилось въ кругу друзей и близкихъ почитателей Жуковскаго. Намъ сообщены нѣкоторыя подробности объ этомъ праздникѣ отъ Его Прев. А. Я. Б., которому передалъ ихъ очевидецъ П. П. Н. Къ сожалѣнію, мы не въ правѣ обнародовать главныхъ подробностей этого праздника. Такова скромность, отличительная черта всѣхъ явленій Русской жизни, самыхъ достопамятныхъ. Славолюбіе мы не считаемъ добродѣтелью.

Кн. Вяземскій одушевилъ этотъ праздникъ своими прекрасными стихами, въ которыхъ мыслію обозрѣлъ всю прекрасную жизнь Жуковскаго. Эти стихи прочтены были Гр. Д. Н. Б., въ обществѣ любящихъ Жуковскаго — и сильно тронули всѣхъ.... За тѣмъ нашъ славный музыкантъ, собесѣдникъ и другъ поэта, Гр. Мих. Ю. В., котораго имя также любезно многимъ, своимъ одушевленнымъ голосомъ пропѣлъ куплеты, которыхъ слова принадлежатъ Кн. Вяземскому, а

Digitized by Google

музыка самому пѣвцу. Хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ свѣтскаго общества сопровождалъ его. Не можемъ не упомянуть о томъ, что тутъ же раздавались голоса Львова и Глинки. Всѣ, участвовавшіе въ этомъ вечерѣ, исполнены были однихъ чувствъ: любви къ Жуковскому, желанія ему возвращенія на родину и здоровья его супругѣ, отъ чего зависитъ возвратъ его.

Списокъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ этомъ праздникѣ, былъ немедленно написанъ ими же и отправленъ къ Жуковскому. Конечно, его любящему сердцу сладко отдались послѣдніе стихи куплетовъ:

Нашъ привѣтъ ему отраденъ,
И отъ города Петра
Пусть нагрянетъ въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

Громокъ былъ бы хоръ всѣхъ тѣхъ, которые по Россіи повторили бы въ слѣдъ за поэтомъ и пѣвцомъ это дружелюбное привѣтствіе, и великъ былъ бы списокъ всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли бы въ слѣдъ за ними внести сюда имена свои, въ знакъ заочнаго искренняго участія своего въ торжествѣ пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности Жуковскаго, которое совершилось такъ скромно, но значительно.

Хотя привѣтствіе В. А. Жуковскому и было напечатано въ газетахъ Петербургскихъ, но Москвитянинъ не можетъ его не перепечатать снова, въ доказательство полнаго къ нему сочувствія. *С. Ш.*

ПРИВѢТСТВІЕ В. А. ЖУКОВСКОМУ,

29-го Января 1849 года,

въ день рожденія его и въ память совершившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности.

Не съ нами онъ — другъ милый, но заочной,
Нашъ славный другъ, виновникъ торжества,
Краса и честь поэзіи полночной,
Жрецовъ ея — жрецъ старшій и глава.

Digitized by Google

Когда въ сей день на перепутьи славномъ,
Гдѣ онъ свершилъ полустолѣтній путь,
Хотѣли бъ мы, въ привѣтствіи заздравномъ,
Прижать къ груди сочувственную грудь....

Не съ нами онъ! Съ торжественнымъ обрядомъ
Намъ не вѣнчать достойнаго чела,
Ни рѣчью намъ не выразить, ни взглядомъ,
Всего, что́ въ насъ любовь къ нему зажгла!

Далече онъ! — глазамъ искать напрасно, —
Но жизнь его, но жизни духъ и трудъ,
Но блескъ ея, но все, чѣмъ такъ прекрасно
Въ немъ теплится души живый сосудъ....

Но все, чѣмъ онъ отъ Промысла призванье
Передъ лицомъ Россіи оправдалъ,
Все съ нами здѣсь, все наше достоянье,
И жизнь свою онъ съ нашей сочеталъ.

Высокихъ думъ и прелесть и согласность,
Любовь къ добру, смиренье съ правотой,
И тихая, безоблачная ясность
Души его младенчески-простой....

Все намъ слилось въ источникъ благородный
Примѣрныхъ дѣлъ, возвышенныхъ отрадъ,
И высоко́ стоитъ въ семьѣ народной
Нашъ лучшій другъ и нашъ почетный братъ.

Пѣвецъ Царей и рати и народа,
Онъ вѣщій твой, о Русская земля!
Въ святую брань двѣнадцатаго года,
Предъ заревомъ пылавшаго Кремля,

На гулъ грозы откликнувшись душою,
Младый пѣвецъ, отчизны вѣрный сынъ,
Какъ подъ ружьемъ, онъ съ лирой боевою
Стоялъ въ рядахъ Тарутинскихъ дружинъ.

Digitized by Google

И пѣснь его, пророческое вече,
Зажгла восторгъ по радостнымъ полкамъ,
И грянула побѣдъ для нихъ предтечей
И мстительной предвѣстницей врагамъ.

И въ наши дни, когда въ полетѣ новомъ
На Араратъ орелъ нашъ возлетѣлъ,
Пѣвецъ побѣдъ молніеноснымъ словомъ
Царю побѣдъ пѣснь славы прогремѣлъ.

Еще предъ нимъ раскрылся жребій славной:
Святый залогъ пріявъ изъ Царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ.

И подвигомъ, предъ совѣстью довольный,
Онъ оправдалъ высокій свой удѣлъ:
Любовь семьи и Первенецъ Престольный
Предъ нимъ душой и благостью созрѣлъ.

На свѣтлый трудъ и Царскій и сердечной
Онъ призванъ былъ Владыкой и Отцемъ,
И не умретъ съ молвою скоротечной
Народное преданіе о немъ.

Такъ жизнь его была добромъ богата
И много намъ еще готовитъ въ даръ:
Вечерній лучь прекраснаго заката
Хранитъ еще блескъ утренній и жаръ.

Какъ юноша отважный и могучій,
Съ Гомеромъ онъ вступаетъ смѣло въ бой,
И древній міръ картинъ и сладкозвучій
Имъ обновленъ младою красотой.

И въ эти дни, когда страстей свирѣпость
Мрачитъ умы и проливаетъ кровь,
Онъ учитъ насъ, что обществъ связь и крѣпость
Есть Божій страхъ, покорность и любовь.

Digitized by Google

Храни его, благое Провидѣнье!
Тебѣ о немъ въ насъ молятся сердца:
Съ небесъ Твоихъ пошли благословенье
На долгій вѣкъ супруга и отца!

Душа его по родинѣ тоскуетъ,
А сердце въ немъ за милую болитъ,
Ея недугъ любовь его волнуетъ,
И онъ сквозь слезъ на счастіе глядитъ.

И молимъ мы: да ангелъ исцѣленья
Прольетъ покой въ тоскующую грудь!
И въ слѣдъ за нимъ, да ангелъ возвращенья
Подъ кровъ родной ему освѣтитъ путь!

Душою нашъ, нашъ славой и трудами,
Да будетъ онъ и собесѣдникъ нашъ!
И встрѣтимъ мы желаннаго цвѣтами
И пѣснями и возліяньемъ чашъ!

К. Вяземскій.

ИЗЪ НИЖНЯГО пишутъ съ глубокимъ прискорбіемъ о кончинѣ тамошняго губернскаго предводителя, Н. В. Шереметева. Г. Мельниковъ (извѣстный своими историческими трудами) произнесъ отъ лица Дворянства, въ домѣ собранія, предъ выносомъ покойнаго, рѣчь, въ коей выразилъ прекрасно общія чувствованія о потерѣ достойнаго представителя. Описаніе погребенія помѣщено въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Въ Нижегородскихъ же Вѣдомостяхъ было помѣщено недавно обстоятельное извѣстіе о жизни Преосвященнаго Дамаскина, которому Русская Литература обязана полнымъ изданіемъ сочиненій Ломоносова и первымъ описаніемъ его жизни. Дамаскинъ былъ извѣстенъ Шлецеру.

ИЗЪ ХАРЬКОВА отзываются съ большими похвалами о вновь учрежденномъ учебномъ заведеніи Г. Беккера.

Digitized by Google

ПИСЬМО ИЗЪ КАЗАНИ.

Казань, пострадавшая отъ пожаровъ, возрождается и хорошѣетъ такъ, что, при всемъ сожалѣніи о постигшихъ ее бѣдствіяхъ, невольно примѣняешь къ ней слова Грибоѣдовскаго Скалозуба о слѣдствіяхъ пожара вашей Москвы.... На пепелищѣ прежнихъ хижинъ теперь во многихъ мѣстахъ возникли большіе и красивые домы; вмѣсто тѣсныхъ и кривыхъ закоулковъ, теперь пролегаютъ широкія и прямыя улицы; жизнь снова водворилась на этомъ кладбищѣ, и жизнь самая суетливая, дѣятельная. Конечно, еще и понынѣ льются тутъ и слезы, но уже не столь горькія, какъ на первыхъ порахъ; теперь онѣ уже смѣшиваются съ слезами благодарныхъ молитвъ за щедроты Августѣйшія, за дѣянія сострадательныхъ ближнихъ.

Дѣятельность умственная также не была въ застоѣ, и ознаменовалась вотъ какими подвигами въ послѣднюю четверть минувшаго года.

24-го Октября обѣ здѣшнія Гимназіи заключили истекшій академическій годъ торжественнымъ собраніемъ, на которомъ учитель Словесности 2-й Гимназіи, Г. *Михайловъ* произнесъ рѣчь: «*О воспитаніи человѣческаго духа.*» Въ ней ораторъ, изложивъ предварительно общія понятія о педагогикѣ, старался раскрыть ту связь, какая должна существовать между домашнимъ воспитаніемъ дѣтей и образованіемъ ихъ въ публичныхъ заведеніяхъ, и какимъ образомъ первое необходимо должно служить введеніемъ ко второму. Вообще можно сказать, что эта рѣчь выходила изъ ряда обыкновенныхъ гимназическихъ рѣчей и, независимо отъ своихъ литературныхъ достоинствъ, отличалась необыкновенною энергіею, которою была проникнута и съ которою Г. Михайловъ старался опровергнуть ложное, но довольно укоренившееся мнѣніе, будто домашнее воспитаніе дѣтей ни мало не можетъ соотвѣтствовать образованію публичному, потому что каждое изъ нихъ имѣетъ (будто бы!) въ основаніи различныя начала и ведетъ къ различнымъ цѣлямъ.

8-го Ноября происходило освященіе новаго зданія здѣшней Духовной Академіи, а потомъ публичный актъ. За литургіею

Digitized by Google

Высокопреосвященный Архіепископъ Григорій произнесъ Слово, о томъ «какія средства долженъ употреблять христіанскій «проповѣдникъ для обращенія въ христіанство.» Рѣчь на актѣ читана была Профессоромъ Богословія Іеромонахомъ *Паисіемъ* — «Объ истинномъ христіанскомъ образованіи», въ которой доказывалось, что это образованіе должно состоять въ возсозданіи образа и подобія Божія въ человѣкѣ; что обязанность образующихъ поэтому состоитъ въ утвержденіи въ питомцахъ, словомъ и дѣломъ, вѣры, надежды и любви христіанскихъ; а обязанность питомцевъ въ усвоеніи этихъ добродѣтелей.

5 Декабря происходило публичное защищеніе диссертаціи: «*Изслѣдованіе о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ въ Россіи*», представленной Адъюнктомъ, Магистромъ Государственнаго Права *Е. Г. Осокинымъ*, для полученія степени Доктора Политическихъ Наукъ. Вотъ главнѣйшіе тезисы этого разсужденія: 1) Вліяніе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ на народную промышленность и народное богатство гораздо неблагопріятнѣе экономическаго вліянія акцизовъ. 2) Равномѣрное обложеніе товаровъ иностраннаго производства представляется болѣе удобнымъ при внѣшней таможенной системѣ, чѣмъ при внутренней. 3) Установленіе и распространеніе таможенныхъ пошлинъ въ древней Руси большею частію были слѣдствіемъ обычая. Самыя уставныя таможенныя грамоты имѣли главнымъ образомъ въ виду только подтвержденіе старыхъ обыкновеній. 4) Несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что право установленія мытовъ и право установленія на нихъ пошлинъ въ древней Руси не принадлежало къ преимуществамъ верховной власти, а было уже соединено съ правомъ на поземельную собственность. 5) Самое свойство таможенныхъ внутреннихъ пошлинъ неблагопріятствовало распространенію торговли по деревнямъ и селамъ древней Руси. 6) Не надобно смѣшивать *мытъ* съ *замытомъ*. Эти два вида внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ отличаются одинъ отъ другаго какъ по поводу ихъ взиманія, такъ и по масштабу ихъ распредѣленія. 7) Тамгою были облагаемы не одни товары, подлежавшіе клейменію, какъ ошибочно думаютъ, но эта пошлина обыкновенно падала на всѣ привозные проданные товары, за исключеніемъ жита. 8) Рублевая пошлина, введенная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ существенныхъ чертахъ

Digitized by Google

воихъ сходна съ таможою, но сфера предметовъ, облагаемыхъ послѣднею, тѣснѣе, чѣмъ сфера податныхъ предметовъ первой. 9) Русское Правительство избѣгало, сколько возможно, при внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ, прямаго, непосредственнаго обложенія потребителей, и, облагая покупателей, имѣло въ виду только покупателей-перепродавцевъ.

Наше Общество Любителей Отечественной Словесности въ теченіе этого времени имѣло четыре засѣданія: 20 Октября, 2 Ноября, 28 Декабря и 18 Января.

Въ первое Д. Ч. *Н. А. Скандовскій* прочиталъ статью своего сочиненія: «*Разныя замѣчанія о холерѣ*», заключающую въ себѣ наблюденія, сдѣланныя авторомъ надъ дѣйствіями эпидеміи въ Казани и другихъ мѣстахъ, въ 1830, 1847 и 1848 годахъ. Этотъ мемуаръ, для жителей Казани, кромѣ современности своего содержанія, имѣлъ еще и особенный интересъ, потому что авторъ очень подробно разсмотрѣлъ дѣйствія холеры въ нашемъ городѣ, обращая вниманіе на тѣ сословія и на тѣ приходы или части города, въ которыхъ эпидемія свирѣпствовала съ бо́льшею силою. Любопытно также мнѣніе Г. Скандовскаго о томъ, что сообщеніе холеры однимъ другому происходитъ не отъ заразительности ея по свойству, но отъ силы впечатлѣнія, какое страдающій холерою производитъ на человѣка здороваго, въ особенности слабонервнаго, раздражительнаго, подобно тому, какъ отъ одного другому сообщается падучая болѣзнь, смѣхъ, слезы, и тому подобное.

За тѣмъ Д. Ч. *В. И. Григоровичъ* читалъ свои «*Замѣчанія объ изученіи Славянской Филологіи, основанномъ на общихъ началахъ Сравнительной Филологіи.*» Въ этой статьѣ Г. Григоровичъ преимущественно старался познакомить слушателей съ тѣми воззрѣніями, какія имѣетъ онъ на взаимную связь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, и объяснить, какимъ образомъ изученіе одного изъ нихъ можетъ служить пособіемъ и дополненіемъ къ изученію другаго.

Въ заключеніе, онъ же, Г. Григоровичъ, прочиталъ на Далматскомъ нарѣчіи, а потомъ перевелъ и на Русскій языкъ, *Прологъ* къ драмѣ Zawti-Slawa (Цвѣтислава), сочиненной во второй половинѣ XVII столѣтія *Пальмотичемъ* (Palmotitch), извѣстнымъ Рагузскимъ авторомъ двухъ поэмъ: *Возобновленный Дубровникъ*

Digitized by Google

(Dubrownik ponowlen) и *Крестовка* (Krstowka). Прологъ этотъ и самая драма замѣчательны въ особенности потому, что принадлежатъ къ произведеніямъ литературы, теперь упавшей и почти не существующей, а за двѣсти лѣтъ до настоящаго времени очень богатой и цвѣтущей, какъ была богата и цвѣтуща самая родина автора — Дубровникъ, или Рагуза, какъ привыкли называть нынѣ этотъ городъ. Въ Прологѣ авторъ высказываетъ желаніе, чтобы всѣ Славянскія племена изъ своихъ нарѣчій образовали одинъ общій языкъ.

Въ засѣданіе 2 Ноября первенствующій Членъ Общества, Ректоръ Университета *И. М. Симоновъ* прочиталъ статью: «*Объ успѣхахъ мореплаванія вообще и преимущественно о кругосвѣтныхъ путешествіяхъ, совершенныхъ Русскими.*» Статья эта, любопытная по содержанію своему, составляетъ введеніе къ приготовляемому И. М. Симоновымъ «Описанію кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго имъ въ 1819—1821 годахъ, въ качествѣ Астронома-Наблюдателя, на шлюпахъ Востокѣ и Мирномъ, подъ начальствомъ Капитана (нынѣ Адмирала) Ѳ. Ѳ. Беллингаузена.» Путешествіе это, какъ извѣстно, ознаменовалось многими важными географическими открытіями и другими результатами, — и потому весьма желательно было бы видѣть поскорѣе изданнымъ описаніе его, составленное лицомъ, принимавшимъ такое участіе во всѣхъ трудахъ экспедиціи. Путешествіе это уже описано было самимъ начальникомъ экспедиціи и издано въ 1831 году (2 тома, in 4); но это обстоятельство ни сколько не можетъ уменьшить интереса и другаго описанія, потому что каждый изъ описателей имѣлъ свои взгляды на посѣщенныя страны, хотя видѣли ихъ оба въ одно и то же время. Да кромѣ того, описаніе, изданное Ѳ. Ѳ. Беллингаузеномъ, заключая въ себѣ дневникъ самаго путешествія, не входитъ въ большія подробности о состояніи видѣнныхъ путешественниками странъ, о нравахъ тамошнихъ жителей и т. п., чего въ правѣ ожидать мы отъ другаго описанія, и чего еще доселѣ не сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Въ послѣднія два засѣданія читана была Д. Ч. *В. И. Григоровичемъ* (нынѣ уже вашимъ Москвичемъ) обширная и любопытная статья «*О Глаголитѣ.*»

Digitized by Google

Вѣроятно, Г. Григоровичъ, по своей скромности, еще не такъ скоро приступитъ къ изданію своихъ изслѣдованій и результатовъ ихъ, а потому содержаніе его мемуара я изложу съ подробностію.

Г. Григоровичъ предварительно сообщилъ исторію изобрѣтенія обѣихъ Славянскихъ азбукъ, на существующимъ о томъ преданіямъ и мнѣніямъ ученыхъ Эту часть статьи, а равно и вторую, въ которой излагаются отличіе Глаголицы отъ Кириллицы и особенности грамматическихъ формъ манускриптовъ того и другаго почерка, разсказывать я не буду: Славянистамъ и вообще ученымъ онѣ и безъ того извѣстны. Главное вотъ въ чемъ: Г. Григоровичъ, путешествуя по Турціи, тщательно разъискивалъ памятники Глаголитской письменности, и ему, не смотря на всѣ препятствія, причиняемыя невѣжествомъ и скрытностію жителей, удалось увѣнчать свои поиски блистательными открытіями. Почти во всѣхъ монастыряхъ Святой Горы онъ открывалъ слѣды Глаголиты, а въ Охридѣ отъискалъ и пріобрѣлъ почти полное Глаголитское Евангеліе, признанное теперь западными Славянистами *третьею* по своей древности рукописью изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Европѣ. Онъ имѣетъ также рукописи, въ которыхъ позднѣйшій Кирилловскій текстъ писанъ по смытому тексту Глаголитскому. Кромѣ того, въ Солуни онъ пріобрѣлъ еще весьма замѣчательный «Апостолъ», въ которомъ попадаются буквы, слова и даже цѣлыя страницы, писанныя Глаголитою, тогда какъ вся рукопись писана Кириллицею. Важнѣе же всего то, что грамматическія формы этой Кирилловской части манускрипта совершенно одинаковы съ формами Глаголитскими, и это какъ бы доказываетъ, что Кирилловская часть есть не болѣе какъ транскрипція Глаголиты! Въ концѣ этого Апостола помѣщенъ небольшой Синаксарь, въ которомъ подъ 12-мъ Апрѣля замѣчено: «Въ тоижде денъ почи блажены отцъ нашъ Меѳодие архіепископъ «моравескъ оучителъ словѣнскоу язъікоу иже прѣложи въскресъна «ставлъ псати отъ гречъска въ словѣнскъ язъікъ.»

Соображая свои находки съ сказаніемъ, что Св. Кириллъ, по прибытіи въ Херсонесъ, уже «обрѣте евангеліе и псалтирь Рус«кыми письмены писана», и приведенною мною припискою въ Синаксарѣ, Г. Григоровичъ приходитъ къ такому заключенію: Глаголита древнѣе Кириллицы; ее-то нашелъ въ Херсонѣ Кириллъ,

Digitized by Google

а Меѳодій первый началъ Греческими буквами выражать Славянскіе звуки. (NB. Копитаръ предполагалъ почти тоже самое, но безъ всякихъ доказательствъ). Звуки же, для которыхъ въ Греческой азбукѣ не находилось знаковъ, выражаемы были Св. Меѳодіемъ буквами Глаголитскими, только измѣненными. Въ доказательство этого послѣдняго положенія, т. е. возможности писать по-Славянски Греческимъ уставомъ, нашъ изслѣдователь представилъ Греческія рукописи IX и X вѣка, почерки которыхъ совершенно сходны съ древнѣйшими Кирилловскими манускриптами.

Сходство нѣкоторыхъ Глаголитскихъ буквъ съ буквами Самаританскими Г. Григоровичь объясняетъ такъ: Хозары, какъ извѣстно, были послѣдователи іудаизма, и ихъ письменность, ограничивавшаяся только священными книгами, была также Еврейская; Славяне всегда жили въ сосѣдствѣ съ Хозарами и были съ ними даже въ довольно близкихъ сношеніяхъ; не мудрено, что они могли заимствовать отъ нихъ и нѣкоторые азбучные знаки, или по образцу ихъ сочинить свои.

Открытіе же Глаголитскихъ письменъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ доселѣ и не подозрѣвалось ихъ существованіе, заставляетъ Г. Григоровича думать о повсемѣстномъ распространеніи этой азбуки между Славянами. Онъ даже предполагаетъ, что при тщательнѣйшихъ изслѣдованіяхъ кургановъ, можетъ быть откроются въ Россіи Глаголитскіе лапидарные памятники древнѣе всѣхъ извѣстныхъ донынѣ, и послужатъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о древности обѣихъ азбукъ.

Замѣчая, что Глаголитскія рукописи преимущественно принадлежатъ Болгарской рецензіи, онъ допускаетъ также, что открытіе такихъ памятниковъ не сдѣлается ли въ предѣлахъ нашей губерніи, гдѣ нѣкогда существовало Болгарское царство, въ развалинахъ столицъ котораго доселѣ искали однѣхъ монетъ и мало заботились о другихъ находкахъ.

Что касается до трудовъ другихъ нашихъ ученыхъ, то надобно сказать, что Профессоръ *И. Н. Березинъ* издалъ Recherches sur les dialectes musulmans. 1-ère partie, и печатаетъ 1-ю часть «Путешествія по Востоку», заключающую въ себѣ описанія Дагестана и Закавказскихъ владѣній. Кромѣ того въ рукописи представилъ онъ въ Академію Наукъ «Персидскую Грамматику.»

Digitized by Google

О. М. Ковалевскій оканчиваетъ печатаніе 3-го (послѣдняго) тома своего «Монгольскаго Словаря.»

Я писалъ, что *П. Я. Петровъ* началъ чтеніе Исторіи Индіи. Эти лекціи доказали ему, что всѣ доселѣ изданныя географическія карты древней Индіи не полны и не вѣрны, и что необходимость составленія хорошей карты ощущается настоятельно. И вотъ онъ принялся работать «Карту древней Индіи», — а вамъ извѣстно, какъ ревностно и какъ строго-добросовѣстно онъ привыкъ заниматься каждою работою. При его свѣдѣніяхъ въ языкахъ Индустанскихъ, знаніи языковъ древнихъ, семитическихъ и западныхъ, при его обширномъ знакомствѣ съ ихъ литературами, смѣло можно надѣяться, что этотъ трудъ будетъ выполненъ превосходно. Само собою разумѣется, что подобная работа, требующая многочисленныхъ и тщательныхъ справокъ и повѣрокъ классическихъ писателей съ восточными, а этихъ съ новѣйшими, и наоборотъ, — не можетъ быть окончена скоро[1], и потому появленія этой Карты въ свѣтъ придется ожидать долго. Кромѣ того, П. Я. Петровъ теперь постоянно трудится надъ дешифровкою клинообразныхъ надписей, открытыхъ Боттою, и сличеніемъ нарѣчія разобранныхъ съ языкомъ Санскритскимъ.

Адъюнктъ Физики *А. С. Савельевъ* приготовилъ къ изданію «Результаты метеорологическихъ наблюденій, дѣланныхъ на различныхъ пунктахъ Казанскаго Учебнаго Округа.»

Нашъ Высокопреосвященный Владыка, Архіепископъ *Григорій* напечаталъ два Слова: 1, говоренное имъ при разставаніи съ Тверскою паствою, и 2, произнесенное на публичномъ актѣ Духовной Академіи.

Ректоръ здѣшней Семинаріи *О. Архим. Климентъ* оканчиваетъ печатаніе «Исполненія ветхозавѣтныхъ пророчествъ о Мессіи на лицѣ Господа нашего Іисуса Христа.»

Инспекторъ Духовной Академіи *О. Архим. Антоній* издалъ: «Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ, или семь словъ Его на Крестѣ.» Это прекрасное сочиненіе хотя отпечатано безъ имени автора и отмѣчено одною буквою *А.*, однако мы его всѣ знаемъ, потому что слышали его на публичномъ актѣ Академіи, въ 1846 г.

Digitized by Google

Бакалавръ той же Академіи *А. А. Бобровниковъ* скоро приступитъ къ печатанію своей «Калмыцкой Грамматики.»

Извѣстіе о другихъ проявленіяхъ общественной жизни будутъ менѣе обширны. Въ теченіе этого времени было нѣсколько частныхъ и общественныхъ баловъ и маскерадовъ, но число ихъ не такъ велико, и можно сказать, что нынѣшняя зима не богата увеселеніями, вѣроятно потому, что важнѣйшіе двигатели общества большею частію разъѣхались изъ Казани. — Зима стоитъ у насъ снѣжная, мятельная, сопровождается разнообразными метеорологическими явленіями: сѣверными сіяніями, кругами и ушами вокругъ солнца и луны, и разными метеорами.

А. Артемьевъ.

1849. Февраля 2.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ Г. НЕРЕХТѢ.

Въ Нерехтѣ уже существуетъ одно прекрасное заведеніе—пріютъ для дѣвицъ разныхъ сословій. Теперь намъ пишутъ оттуда, что Нерехтское купечество предполагаетъ, съ разрѣшенія Правительства, устроить въ городѣ училище для образованія мастеровъ, въ которыхъ особенно нуждаются наши мануфактуры, то есть: механиковъ, красильщиковъ, рисовальщиковъ, и т. п. На первый разъ предполагается принять *сорокъ* пансіонеровъ, съ платою по 100 рублей сер., за каждаго, и сверхъ того, допустить нѣсколько вольноприходящихъ учениковъ. Корреспондентъ нашъ, Н. И. С., которому мы приносимъ усерднѣйшую благодарность за его извѣстіе, очень основательно замѣчаетъ, что самое положеніе города Нерехты между двумя промышленными губерніями, Ярославской и Владимірской, можетъ чрезвычайно способствовать къ осуществленію этого прекраснаго намѣренія.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ Г. УСТЬ-СЫСОЛЬСКѢ. — Многіе изъ нашихъ городовъ (кромѣ Москвы) имѣютъ эти заведенія; но пріятная неожиданность встрѣтить его тамъ, гдѣ, повидимому, нѣтъ никакой возможности существовать ему — въ самой отдаленной глуши Вологодской губерніи, въ мѣстѣ, гдѣ прекращается почтовая дорога и начинаются уже непроѣзжаемые

Digitized by Google

лѣса и тундры, однимъ словомъ, въ уѣздномъ городѣ Усть-Сысольскѣ, все населеніе котораго едва переходитъ за 3,000 душъ обоего пола. Библіотека устроена, въ 1837 году, усердіемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, и теперь считается въ ней до *тысячи томовъ* книгъ разнаго содержанія.

ДРЕВНОСТИ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ Г. ОДОЕВѢ. — Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ-антикваріевъ, И. Ѳ. Тарховъ, отъискалъ въ Одоевѣ, при храмѣ упраздненнаго Анастасова монастыря, нѣсколько надгробныхъ камней, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ одинъ, съ слѣдующею крупною, преузорочною вязью изсѣченною, надписью: *Лета ,зр.... въ Московское розореніе убитъ въ Одоевѣ съ башни Никита Лумповичъ Колупаевъ, за то что сызменники креста не целовалъ, а тѣло его погребено въ Настасовѣ монастырѣ.* Родъ Колупаевыхъ нынѣ уже не существуетъ въ Одоевѣ; но въ Анастасовѣ же монастырѣ находится небольшой колоколъ, пожертвованный, спустя 50 лѣтъ, потомками этой фамиліи, «на поминовеніе родителя и дѣда Колупаевыхъ,» какъ видно изъ надписи.

Слава тебѣ и честь, хотя поздняя, вѣрный сынъ отечества, принесшій въ жертву ему жизнь свою, безъ всякихъ видовъ, для исполненія одной обязанности. Признательность общая почтенному гражданину, который чрезъ 250 почти лѣтъ доставилъ возможность своимъ открытіемъ посвятить страдальцу строку благодарственнаго воспоминанія.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЬ ТРОПИНИНЪ.

Говорятъ, что о живописи не слѣдуетъ судить по впечатлѣніямъ, что о ней, какъ и о всякомъ искусствѣ, слѣдуетъ судить по наукѣ. Это, безъ сомнѣнія, истина неоспоримая; но нельзя же отвергнуть какъ въ художникѣ, такъ и въ цѣнителѣ, того врожденнаго чувства, которое по закону соединенія крайностей составляетъ достояніе ученаго и непосвященнаго. Нельзя не признать въ художникѣ того вдохновеннаго *незнанія*, почему онъ дѣлаетъ такъ, а не иначе, когда и Рафаэль сознавался въ этомъ *высокомъ незнаніи*; и какъ же послѣ того не вѣрить, что духъ *истины*, преобладая жрецомъ искусства, можетъ заставлять его творить безсознательно-совершенно, и, слѣдовательно, почему жъ не сочувствовать такому совершенству духовно — по впечатлѣнію такъ же, какъ осязательно, по наукѣ.

Великое знаніе дѣла и добросовѣстный трудъ извѣстнаго портретнаго живописца В. А. Тропинина, достигли той совершенной истины, которой перестаешь уже удивляться и которая становится, если позволено такое выраженіе, *безъискусственной* по геніальной естественности своей. Крайнее же совершенство и окончательная отдѣлка простирается въ произведеніяхъ Тропинина не только на главный предметъ портрета — на лице, но и на всѣ подробности картины. «Природа, говоритъ Василій Андреевичъ, все кончаетъ, она ничего не оставляетъ неоконченнымъ, у нея нѣтъ ни въ чемъ небрежности.» Но замѣчательно, что при этой оконченности всей обстановки, *ракурсъ* Тропинина таковъ, что главный предметъ не перестаетъ господствовать надъ картиной и вмѣстѣ съ

Digitized by Google

тѣмъ отдѣляется и отъ рамы, не выглядываетъ изъ нее, какъ изъ отвореннаго окна. Головы и фигуры его стоятъ на своемъ мѣстѣ, но окружный воздухъ занимаетъ всю настоящую пустоту, глазъ и мысль ее осязаютъ. Сходство осанки, имѣющей живое *движеніе*, равняется сходству чертъ лица, не оставляющему желать ничего болѣе. Высокаго достоинства кисть В. А. Тропинина не оставляетъ въ небреженіи послѣдняго *аксидента* поля. Отдаленный горизонтъ, дерево, цвѣтокъ, лежащая подъ рукою книга, рѣзьба мебели, драпировка одежды, разнообразіе тканей, пушистость мѣховъ, все преисполнено строжайшей, очаровательной вѣрности.

Потретъ К. И. Брюлова, занимающій почетное мѣсто въ гостиной художника, и представляющій въ цвѣтущемъ здоровьи великаго мастера, невольно заставилъ вздохнуть и пожалать скорѣе возстановленія этого цвѣтущаго и драгоцѣннаго здоровья. Недавно написаный портретъ Графа Строганова — верхъ совершенства и nec plus ultra сходства. Портретъ самого художника у растворенаго окна, въ которое видѣнъ Кремль, какъ бы облитый теплотой тихаго лѣтняго вечера, можетъ быть почтенъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній этого даровитаго портретиста. Не льзя довольно налюбоваться и нахвалиться, разсматривая одинъ за другимъ готовые портреты извѣстныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ, которыми заставлена мастерская В. А. Тропинина *. *Е.*

* У Каменнаго моста, въ домѣ Писарева.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИЧИНЫ ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗСТРОЙСТВА ВО ФРАНЦІИ, ПО МНѢНІЮ А. ТЬЕРА. — Г. Тьеръ, сочувствуя разстроенному организму Франціи, и страшась консиліума, собравшагося надъ одромъ больной, гдѣ столпились послѣдователи всѣхъ безчисленныхъ новыхъ системъ политической медицины, завели шумъ, споръ и распри за свои мнѣнія, гдѣ каждый предлагаетъ свое лекарство, гдѣ благомысліе и опытность должны были отступиться, махнуть рукой, гдѣ перекричавшее всѣхъ невѣжество предписываетъ уже коммунизмъ, соціализмъ, и республиканизмъ,—эти яды разторгающіе всѣ естественныя связи общественнаго тѣла,— Г. Тьеръ, повторяемъ, вздрогнулъ отъ ужаса, когда явилось страшное предложеніе о рушеніи основы всего — права *собственности*, и издалъ книгу о законности и неприкосновенности этого вѣчнаго права, на которомъ основанъ весь составъ общества и его жизнь.

Эта книга замѣчательна не по новости предмета и сужденій объ немъ, но по странному усилію объяснить и доказать то, что ясно само по себѣ и не требуетъ доказательствъ, какъ аксіомы: что свѣтъ свѣтитъ, что руки и ноги, глаза и всѣ прочіе члены, есть принадлежности тѣла человѣческаго, и слѣдовательно его собственности, которыя онъ можетъ назвать *своими*, и которыми онъ можетъ располагать не по безотчетному произволу, но по данному закону добра, отъ котораго зависитъ и его собственное благо: какъ, напримѣръ, человѣкъ можетъ поднять руку на защиту, но не можетъ поднять ее на убійство. То, что истекаетъ изъ человѣка: мысль, слово, дѣло, то его собственность; слѣдовательно и всѣ плоды его мысли, слова и дѣла—его собственности, которыми онъ мѣ-

Digitized by Google

няется съ подобными себѣ, и такимъ образомъ пользуется и производимостію своихъ собратій, для удовлетворенія круга сущныхъ потребностей, по роду силъ, свойствъ, способностей и состоянія, которыя ему опредѣлило въ земной жизни Провидѣніе. Трудъ его есть средство, помощію котораго онъ обставляетъ себя довольствіемъ, или лучше сказать, прочнымъ *запасомъ*. Дѣти есть плодъ его, и слѣдовательно семейство принадлежитъ ему; *пріобрѣтеніе*, какъ плодъ благочестиваго труда — также принадлежитъ ему и составляетъ его *собственность*. Пріобрѣтая *въ прокъ*, онъ имѣетъ право передавать *благопріобрѣтеніе отраслямъ* самого себя, обезпечивать ихъ жизнь; и слѣдовательно каждое наслѣдіе законно, потому что основано на самомъ естествѣ человѣка, на свѣтѣ понятій, которыми онъ одаренъ отъ Творца; сознано всѣми гражданскими законами, и защищается ими, какъ право, данное человѣку отъ вѣка.

Эти простыя, врожденныя истины столь же понятныя, какъ для матери чувство материнское и внутренній голосъ: ты мой! высказывающійся въ каждомъ взорѣ, Г. Тьеръ доказываетъ для общества, котораго самыя простыя человѣческія понятія помрачены толпой омраченныхъ.

Но онъ самъ сознается въ этомъ въ предисловіи къ книгѣ:

«Такъ какъ общесгво Франціи дошло до такой нравственной смуты, что самыя естественныя, самыя ясныя, сознанныя всѣмъ человѣчествомъ понятія, преданы сомнѣнію, и дерзко отвергаются, то да будетъ дозволено намъ объяснить ихъ, какъ будто бы они трсбуютъ объясненія. Скучная, тягостная вещь: доказывать то что очевидно.»

Извлекаемъ изъ этого сочиненія главу о причинахъ общественнаго разстройства Франціи.

„Можно ли отвергнуть зло, которое существуетъ въ современномъ обществѣ Франціи. Я его знаю; сердце разрывается, когда это зло представляется мнѣ въ образѣ несчастныхъ ремесленниковъ и ихъ семействъ, просящихъ въ милостыню то пропитаніе, котораго ихъ лишила общая

Digitized by Google

смута. Въ чемъ же состоитъ зло? надо отдать себѣ отчетъ, чтобъ судить до какой степени сумазбродны придумываемыя средства къ искорененію этого зла.

«Взглянемъ на сельскій бытъ и городской, на сословіе земледѣльческое, живущее трудомъ рукъ, на сословіе средняго состоянія, живущее и трудомъ головы и ремесломъ, и наконецъ на высшее сословіе, трудящееся единственно головою, — ибо, повсюду зло могло проникнуть. Поселянинъ не жалуется на судьбу свою, а между тѣмъ имѣлъ бы, кажется, болѣе на то права. Постоянно занятый зимой и лѣтомъ, онъ трудится въ по́тѣ лица, ѣстъ черный хлѣбъ, иногда только картофель и овощи съ саломъ, и изрѣдка говядину. У него деревянные чеботы вмѣсто обуви, одежда его толстая ткань, успѣхи процвѣтанія промышленности и торговля—почти не сочувствуются въ его простомъ бытѣ; бытъ его суровъ; но за то онъ не подверженъ внезапнымъ упраздненіямъ городскаго ремесленника отъ работъ, происходящимъ отъ излишества въ производимости. Онъ имѣетъ мало, но имѣетъ постоянно. Вообще состояніе его улучшается, хотя и медленно. Въ сравненіи съ тѣмъ, что было за два вѣка, бытъ поселянина много усовершенствовался, особенно въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Теперь поселянинъ гораздо лучше помѣщенъ, лучше одѣтъ и лучше прокормленъ. При Людовикѣ XIV, послѣ войны за наслѣдіе, большая часть земель разоренныхъ отъ налоговъ, опустѣли; цѣлыя населенія разбѣгались и скитались изъ провинціи въ провинцію, умирая съ голода. Подобныхъ примѣровъ въ современности нашей не было, даже послѣ продолжительныхъ войнъ во время имперіи. Обративъ вниманіе въ глубь исторіи Франціи, можно видѣть, какъ въ голодные годы погибали цѣлыя поколѣнія; средствъ обезпеченія на подобныя времена и плодопеременныхъ полей тогда еще не знали; заразительныя болѣзни истребляли почти пятую и даже четвертую часть народонаселенія. Неопрятность, нищета, были способниками этихъ бѣдствій. — Много остается еще ала, и очень много; но уже гораздо меньше прежняго. Мы свидѣтели, какъ измѣнились поля въ 30 или 40 лѣтъ: паровыхъ полей

Digitized by Google

почти уже нѣтъ. Въ селеніяхъ, камень замѣнилъ уже кладку изъ сырыхъ кирпичей, черепица солому. Наконецъ, заработная плата увеличилась вчетверо, втрое въ провинціяхъ земледѣльческихъ, и вообще возвысилась въ прочихъ. Словомъ, участь поселянъ во Франціи, постоянно грубая, совершенствуется медленно, но все-таки совершенствуется, и не подвержена тѣмъ ужаснымъ переломамъ, неимѣнью работы, *бездѣлью*, которое часто доводитъ до отчаянія сословіе ремесленное.

«Участь городскаго ремесленника совершенно другая: она въ одно и то же время и лучше и хуже. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ дѣятельность производительности ремесленной была необъятна. Механическія средства замѣнили во всемъ человѣческія руки. Механическая прядильня замѣнила ручную пряжу, не только бумаги, шерсти, но съ недавняго времени и льна, не смотря на его затруднительность, покориться машинѣ. Ткацкое ремесло также усовершенствовалось, и дошло до искусства механически ткать разноцвѣтныя ткани по разнообразнымъ рисункамъ. Ручную набойку цвѣтовъ замѣнили цилиндрической отпечаткой. Въ металлической ковкѣ, ручной молотъ, замѣнили плющильными тисками, и всѣ эти новыя машины привели въ движеніе парами, двигателемъ неутомимымъ, силы безграничной. Этотъ двигатель, замѣнивъ лошадей на сушѣ и вѣтры на морѣ, удесятерилъ быстроту переѣзда. Цѣлью итога этихъ изобрѣтеній было значительное возвышеніе цѣны на трудъ рукъ, и значительное пониженіе цѣны на издѣлія. Ремесло получило значеніе достоинства, какого оно прежде не имѣло. Дѣло простой силы передалось машинамъ, дѣло соображенія осталось за ремесломъ. Такимъ образомъ, цѣнность заработокъ возвысилась съ 1814 года, вчетверо, втрое и вдвое. Цѣнность урочной работы также болѣе нежели удвоилась. Въ то же время дешевизна произведеній улучшила бытъ ремесленника. Онъ одѣвается въ иное время такъ, что не различишь съ господиномъ, а между тѣмъ эта одежда стоитъ ему гораздо дешевле, нежели прежняя грубая. Пища, правда, стала не много дороже, во-первыхъ по своему

Digitized by Google

улучшенію, а во-вторыхъ по возвышавшейся цѣнѣ на мясо. Наемъ помѣщенія сталъ гораздо дороже; но за то помѣщеніе удобнѣе. Словомъ, бытъ городскихъ ремесленниковъ значительно усовершенствовался съ 1789 года, и особенно съ 1814. Къ несчастію однако же, его потребности возросли гораздо выше его средствъ къ пріобрѣтенію. Городская жизнь заманила его къ своимъ наслажденіямъ, о которыхъ онъ не имѣлъ прежде понятія, и, при увеличившихся средствахъ, его желанія переросли возможность къ удовлетворенію ихъ. Не оспориваю у него этихъ новыхъ наслажденій, — Боже избави; пусть каждый пользуется тѣмъ, чѣмъ можно пользоваться; но боюсь, что жизнь городская, возбуждая чувства къ новымъ желаніямъ, быстрѣе развиваетъ жажду къ нимъ, нежели средства къ удовлетворенію. Не смотря однако же на эту наклонность человѣка наслаждаться и пріобрѣтать свыше труда, желать свыше силъ, бѣды еще нѣтъ, покуда нѣтъ переворота. Но при переворотѣ государственномъ этотъ страшный порывъ къ производимости быстро приводитъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Производимость возбуждена, произведеній уже черезъ край, и вдругъ сбытъ прекращается, а вмѣстѣ съ нимъ прекращается и работа. Отчаяніе и уныніе заступаетъ мѣсто всякаго довѣрія; бездѣйствіе заступаетъ мѣсто дѣятельности. Капиталы извлекаются изъ оборота, все впадаетъ въ несостоятельность, мануфактурная дѣятельность прекращается, фабричные работники, безъ дѣла, безъ пропитанія. «Такимъ образомъ жизнь городскаго ремесленнаго сословія гораздо менѣе обезпечена въ сравненіи съ поселяниномъ.»

Digitized by Google

СПИСОКЪ ВСѢХЪ НАМѢСТНИКОВЪ ВЪ КОЛОНІЯХЪ ВЕЛИКОБРИТАНІИ, СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ ИХЪ ЖАЛОВАНЬЯ.

Сѣверная Америка:

Въ Канадѣ Генералъ-Губернаторъ Графъ Эльгинъ получаетъ жалованья	200,000	*Ассиг.* р.*
Въ Новой Шотландіи намѣстникъ Сиръ Гарвей болѣе	75,050	—
Въ Новомъ Брауншвейгѣ Сиръ Гидъ болѣе	75,000	—
На о. Принца Эдуарда Сиръ Дональдъ Кампбель слишкомъ	30,000	—
Въ Нюфоундлендѣ Сиръ Меркентъ болѣе	80,000	—
На о. Бермудскихъ Капитанъ Элліотъ около..	75,000	—

Западная Индія:

На Ямайкѣ намѣстникъ и Генералъ-Капитанъ Сиръ Грей болѣе	150,000	—
На о. Туркскихъ и Каикскихъ Г. Фортъ болѣе	20,000	—
Въ Гондурасъ Г. Фанкуръ около	50,000	—
На о. Багамскихъ Г. Грегори болѣе.....	50,000	—
На Барбадосѣ и «Островахъ на вѣтрѣ» Сиръ В. Кольбрукъ болѣе	100,000	—
На С. Винцентѣ Сиръ Кампбель слишкомъ	40,000	—
На Гренадѣ Г. Гамильтонъ слишкомъ.....	35,000	—
На Тобаго Майоръ Гремъ около	35,000	—
На о. С. Луціи Г. Дарлингъ слишкомъ	30,000	—
На Антигуа и «Островахъ подъ вѣтромъ» Г. Гиггинсонъ около.....	8,000	—
На Монтсерратѣ Г. Байенсъ около.....	15,000	—
На о. С. Христофора Г. Макинтошъ около....	45,000	—
На Невисѣ Г. Шортландъ около.....	15,000	—
На о. Дѣвичьихъ Г. Гай около	25,000	—
На Доминикѣ Подполковникъ Макдональдъ около	35,000	—
Въ Гвіанѣ Г. Генри Баркли слишкомъ.....	125,000	—
На Тринидадѣ Лордъ Гаррисъ около	90,000	—

* Мы полагаемъ каждый фунтъ ст. въ 25 руб. асс. на наши деньги и употребляемъ круглыя числа.

Digitized by Google

Африканскія колоніи:

На Мысѣ Доброй Надежды Сиръ Гарри Смитъ, Губернаторъ и Главнокомандующій сл. 125,000 —
Въ Портъ-Наталѣ Мартинъ Велъ около ..... 25,000 —
Въ Сіерра-Леоне Г. Макдональдъ около ..... 60,000 —
Въ Гамбіи М'Доннель слишкомъ ..... 30,000 —
На Золотомъ берегу Кап. Виньетъ около..... 30,000 —

Колоніи на Востокѣ:

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ Сиръ Фицрой сл. 125,000 —
На Вандименовой землѣ Сиръ Денисонъ слиш. 100,000 —
Въ южной Австраліи Сиръ Фоксъ-Юнгъ около 30,000 —
Въ западной Австраліи Кап. Фицгеральдъ слиш. 20,000 —
Въ Новой Зеландіи Сиръ Грей около ..... 70,000 —
(да у него еще два помощника, изъ коихъ одинъ въ Ню-Мюнстерѣ получаетъ слиш. 20,000 —
а другой въ Ню-Ульстерѣ) слишкомъ ..... 10,000 —
Въ Гонгконгѣ Г. Бонгэмъ болѣе ..... 150,000 —
да въ качествѣ консула еще слишкомъ.... 12,000 —
На о. Маврикіи Сиръ Гоммъ слишкомъ..... 175,000 —
На Цейлонѣ Виконтъ Торингтонъ слишкомъ .. 175,000 —
На о. Фалкландскихъ Г. Ренни слишкомъ ..... 20,000 —

Наконецъ военныя станціи:

Въ Гибралтарѣ Губернаторъ Сиръ Гардинеръ сл. 125,000 —
На Мальтѣ Генералъ Оферраль около ..... 120,000 —
На о. Іоническихъ Лордъ Обер-Коммиссаръ Лордъ Ситонъ слишкомъ ..... 125,000 —
На о. С. Елены Сиръ Россъ слишкомъ..... 50,000 —
На Гельголандѣ Кап. Гиндмерчъ около..... 15,000 —
да еще 2 проц. съ горныхъ доходовъ.

Газета Spectator, предлагая эти свѣдѣнія, замѣчаетъ: «этотъ списокъ читаешь, какъ будто статистику Елисейскихъ полей, куда переселяются на покой и блаженство....

Digitized by Google

Этнографическое открытіе. — (Изъ Аугсбурской газеты.) Слѣдя за исторіей и Австріей въ послѣднее время, невольно удивляешься *новымъ поколѣніямъ*, выступавшимъ на военное поприще, о которыхъ прежде не имѣлъ никакого свѣдѣнія, не только Французъ или Англичанинъ, но даже и Нѣмецъ, такъ знаменитый основательными географическими свѣдѣніями.

Всѣ эти новыя поколѣнія въ поэтическомъ безпорядкѣ отъ внѣшняго угла монархіи, гдѣ они жили, разрождались и не думали объизвѣстности двинулись, на просвѣщенный Западъ, и показали намъ въ маѣомъ видѣ картину новѣйшаго переселенія народовъ; не надо далеко искать причины этаго браннаго явленія; она лежитъ на Пресбургскомъ сеймѣ послѣднихъ годовъ, на безуміи Венгерской политики. Всемірная Исторія имѣетъ свои вѣчные, неизмѣняемые законы, какъ природа, только болѣе ясные.

Стадіонъ открылъ (!!!) Русиновъ, и эта заслуга дала ему степень великаго государственнаго мужа. Поляки признали достоинство этого открытія, и должны были преклониться предъ разрушительными его дѣйствіями. Когда Русины были признаны за совершенно отмѣнный отъ Поляковъ народъ, то сочли нужнымъ ввести Русинскій языкъ въ школахъ Русинскаго народа, «этого великаго народа, какъ говоритъ газета Ллойдъ, народа, который почти уже исчезъ изъ памяти другихъ народовъ, однакожъ сохранилъ силу и гибкость, изумляющія свѣтъ, народа, призваннаго играть великую роль во всемірной Исторіи, быть образцемъ и предвозвѣстникомъ просвѣщенія на Востокѣ, которому предоставлено первое мѣсто во всемірной драмѣ, долженствующей нѣкогда развиться на Востокѣ Европы, который есть величайшее открытіе новѣйшаго времени и наконецъ которому Нѣмцы уже столько обязаны.» Аугсбургская газета жестоко возстаетъ за эту выходку, и говоритъ: Мы не хотимъ подвергать дальнѣйшей критикѣ эту епологію Русиновъ газеты Ллойдъ; мы не хотимъ доискиваться, какимъ образомъ и когда Нѣмецъ сдѣлался обязаннымъ этому новому открытію, «забытому

Digitized by Google

народами въ продолженіе столькихъ вѣковъ»; мы предоставляемъ это нашимъ великимъ исторіографамъ, потому что на нихъ-то скорѣе всѣхъ падаетъ упрекъ за то, что они намъ ничего до сихъ поръ не сказали о нашихъ благодѣтеляхъ и предвозвѣстникахъ просвѣщенія. Ллойдъ забылъ, продолжаетъ Аугсбургская газета, уже принимая серьезный тонъ, что великая нація должна имѣть языкъ и литературу. Но Русинскій языкъ относится къ Польскому, какъ Ганноверское нарѣчіе къ Вѣнскому (!!). Предвозвѣстники образованія не могли до сихъ поръ найти людей для преподаванія своего языка (!!!); а мы, напротивъ того, не можемъ найти языка, которому должно бы учиться!»

Не можемъ не замѣтить: вотъ гдѣ ясно видна природная, закоренѣлая вражда и антипатія у Европейскихъ Нѣмцевъ съ Европейскими Славянами. Нѣмцы съ жадностію изучаютъ всѣ языки живые и мертвые, языки Австраліи, Америки, Африки, Азіи, луны и всѣхъ планетъ, и до сихъ поръ ни какъ не могутъ преодолѣть своего отвращенія отъ языка Славянъ, землю которыхъ заняли, между и около которыхъ живутъ и господствуютъ.

Графъ Стадіонъ первый замѣтилъ, говорятъ, что въ Галлиціи два племени, Русины и Поляки, и что главное есть Русины, и теперь предстоитъ еще открыть Нѣмецкимъ газетамъ, что эти Русины, которые такъ прославляются, суть Русскіе, и что Галлиція есть древнее княжество Галицкое.

А что сказать объ этомъ ученомъ замѣчаніи критика, что «Русинскій языкъ относится къ Польскому, какъ Ганноверское нарѣчіе къ Вѣнскому?» И жалко и смѣшно.

Мы замѣтимъ между тѣмъ, что самыя враждебныя Славянамъ Нѣмецкія газеты, которая, наровнѣ съ нашими Отечественными Записками, отвергали всякое преуспѣяніе Славянъ, сознаются, даже во Франкфуртѣ, «что для Славянской литературы и для Славянской жизни есть будущность, что извѣстно всякому, кто ихъ знаетъ». *М. П.*

Digitized by Google

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРЦІИ. — Въ концѣ прошлаго года разсуждаемо было въ Дивані о весьма важномъ преобразованіи въ Оттоманской имперіи, именно объ отмѣнѣ одной изъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей, которая давитъ тамъ подданныхъ не магометанской вѣры и состоитъ въ томъ, что передъ судомъ ихъ свидѣтельство *противъ* мусульманина вовсе не допускается.

По религіознымъ уставамъ, которые служатъ основаніемъ всего Турецкаго права и судопроизводства, свидѣтельствованіе есть дѣйствіе религіозное, которое слѣдс., по логикѣ магометанскихъ богослововъ, можетъ быть совершаемо и имѣть значеніе только въ нѣдрахъ исламизма. Если судъ рѣшаетъ спорное дѣло тяжущихся т. кихъ, которые исповѣдуютъ не магометанскую вѣру, то имъ позволяется вѣдаться между собою и выставлять въ свидѣтели своихъ единовѣрцевъ; но какъ скоро въ дѣлѣ участвуетъ магометанинъ, то невѣрный не имѣетъ противъ него правъ, и самыя сильныя доказательства его обращаютъ въ ничто двое магометанъ своимъ всемогущимъ «эчьгеду,» т. е. я свидѣтель очевидецъ, или по слуху. Это имѣетъ одинаковую силу какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ правѣ. Даже сама природа состоитъ въ зависимости отъ показанія двухъ таковыхъ свидѣтелей, такъ что, наприм. начало рамазана и наступленіе байрама, не смотря на календарь и астрономическія вычисленія, считается съ того мгновенія, когда первое появленіе нарождающагося мѣсяца подтверждено показаніемъ двухъ свидѣтелей законнымъ порядкомъ. Не знаемъ, были ли въ первыя времена исламизма у поклонниковъ его богобоязненность и правдолюбіе въ такой высокой степени, что пророкъ-законодатель могъ все право утвердить на такомъ основаніи; но онъ былъ плохой провидецъ того ужаснаго положенія, въ которое съ теченіемъ времени впало Турецкое правосудіе. При этихъ началахъ въ нынѣшней Турецкой имперіи отправленіе правосудія стало просто обманомъ. Не смотря на всѣ религіозные и гражданскіе законы противъ ложной клятвы, продажность свидѣтелей какъ бы въ по-

Digitized by Google

рядкѣ вещей. Нерѣдко требуется лишь немногихъ піастровъ, чтобъ обвиняемому мусульманину представить законное число (2) свидѣтелей. Есть Турки, занимающіеся свидѣтельствованіемъ, какъ ремесломъ. Христіанину, хотя бы онъ представлялъ въ судъ самую законную и неопровержимую долговую запись, часто бываетъ невозможнымъ требовать съ должника-мусульманина деньги; ибо должникъ его указываетъ на двухъ свидѣтелей мусульманъ, которые будто бы своими глазами видѣли, какъ требуемая сумма уже давно уплачена сполна. Самому безпристрастному кади въ такихъ случаяхъ не остается ничего другаго, какъ произнести свое рѣшеніе на основаніи данныхъ показаній, даже и тогда, какъ свидѣтели не могли бы представить законныхъ ругательствъ объ ихъ честности. Еще хуже въ уголовныхъ дѣлахъ: esprit de corps магометанъ изслѣдованіе дѣла затрудняетъ тѣмъ, что по ученію магометанскихъ богослововъ никто не можетъ быть вынужденъ своимъ показаніемъ содѣйствовать открытію преступленія или наказанію преступника. Отсюда безнаказанность, которою въ истинно изумительной степени пользуются Турецкіе подданные магометанской вѣры. Правда, въ новѣйшее время, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ отношенія Турокъ къ Европейцамъ приняли другой видъ противъ прежняго, въ Турціи старались исправить разные недостатки нѣкоторыхъ законовъ частными постановленіями. Такъ для тяжебныхъ дѣлъ между купцами учредили въ Константинополѣ коммерческій судъ, въ которомъ присутствуютъ, кромѣ Турковъ, и христіане, и дѣла рѣшаются по купеческимъ положеніямъ или по естественному праву (Турки называютъ его Итальянскимъ словомъ ragione); въ областяхъ также изслѣдываются нѣкоторыя спорныя дѣла гражданскимъ судомъ или купеческими коммиссіями; проступки незначительные начали быть нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсматриваемы въ Константинополѣ, въ полиціи и такъ называемой *сабтіи* (нѣчто похожее на tribunal de police correctionelle); а высшій совѣтъ юстиціи (*ахкями адле*), подъ предсѣдательствомъ Рифаата Паши, есть нѣкоторымъ об-

Digitized by Google

разомъ аппелляціонный судъ для нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Но все это имѣетъ силу только въ извѣстной степени, наиболѣе въ тяжбахъ, въ которыхъ Турки мало запутаны или сами добровольно подчиняются этимъ судамъ (будучи увѣрены, что они найдутъ вездѣ снисхожденіе къ себѣ болѣе христіанъ). Ихъ ultima ratio остается все-таки по прежнему *мехкемъ*, судилище правовѣдца кади, который въ своемъ суждевіи руководствуется только религіознымъ кодексомъ и знать не хочетъ письменныхъ свидѣтельствъ точно также, какъ ragione и купеческихъ положеній.

Европейцы въ Турціи, какъ извѣстно, по силѣ трактатовъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ Турецкими подданными подлежатъ туземному суду. Понятно, что они ежедневно могутъ страдать отъ Турецкаго правосудія, а посланники и консулы стараются по мѣрѣ возможности не допускать тяжебъ подданныхъ своего государства до страшнаго суда кади. Именно это обстоятельство, какъ кажется, съ нѣкотораго времени навело здѣшнихъ посланниковъ на мысль исторгнуть зло съ корнемъ и предложить Турецкому правительству дѣло о свидѣтеляхъ.—Года за три передъ симъ убиты были въ Малой Азіи Англійскій путешественникъ Сиръ Лоренсъ Джонсъ и его переводчикъ. Убійцы, Анатолійскіе Турки, были немедленно привезены въ Константинополь. Преступленіе ихъ было доказано свидѣтелями; но какъ недоставало требуемаго числа свидѣтелей — двухъ мусульманъ, то судъ Турецкій приговорилъ только одного изъ преступниковъ къ незначительному исправительному наказанію. Каннингъ, нотою отъ 18 Іюля 1846, протестовалъ противъ такого рѣшенія суда. Однако тогда онъ не имѣлъ ни какого успѣха; и дѣло оставалось безъ движенія, пока Каннингъ не воротился изъ своего послѣдняго отпуска и снова не напомнилъ Портѣ отъ имени Лорда Пальмерстона о своей прежней нотѣ.

Диванъ, осаждаемый дипломатическими нотами, повидимому, рѣшился заняться этимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Конечно, Европѣ, занятой въ настоящее время другими важнѣйшими вопросами, должно показаться слишкомъ

Digitized by Google

скромнымъ требованіе посланниковъ при Портѣ; однако изъ вышесказаннаго открывается ясно, какъ важно оно для Турціи и какъ глубоко задѣваетъ даже политическое ея состояніе. Вопросъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, несравненно важнѣе и многообъемлющѣе вопроса о ренегатахъ, о которомъ въ свое время толковали такъ много; и членамъ Дивана, каковы Решидъ, Али и Рифаатъ Паша, понадобится употребить не мало оборотливости и краснорѣчія, чтобы склонить на согласіе фанатическихъ улемовъ, которые опираются на точныхъ словахъ Корана — берите въ свидѣтели изъ своихъ двухъ человѣкъ (сура II, 282) — равно какъ на единогласномъ преданіи всѣхъ мусульманскихъ духовныхъ писателей. Но такъ какъ недавно Турецкая политика научилась уступать нуждѣ, да и вопросъ о ренегатахъ, сейчасъ нами упомянутый, уже пріучилъ правовѣрныхъ мусульманъ къ тому, какъ выставлять неудобоисполнимыми религіозные законы, вовсе не касаясь ихъ святости; то вѣроятно и въ настоящемъ случаѣ найдется какой-нибудь благородный выходъ изъ затруднительнаго положенія. Можно надѣяться этого даже для выгодъ самой Порты: ибо, согласись она на эту уступку, она сдѣлаетъ первый существенный шагъ къ закрытію той глубокой пропасти, которая въ Турецкихъ владѣніяхъ отдѣляетъ завоевателей отъ завоеванныхъ. Этимъ установилось бы справедливое равенство между подданными разныхъ вѣроисповѣданій, а чрезъ то, быть можетъ, вошелъ бы въ распадающійся составъ государства новый элементъ для дальнѣйшаго его существованія.

Въ Парижѣ умеръ 82 лѣтъ Генералъ Дефурно. Чинъ Дивизіоннаго Генерала онъ получилъ еще въ 1793. Изъ примѣчательности въ его жизни разсказываютъ, что славный Туссенъ Лувертюръ былъ у него адъютантомъ, когда онъ былъ начальникомъ на о. Сен-Доминго, а бывшій послѣ Королемъ Кристофъ — поваромъ.

Digitized by Google

О ЧИСЛѢ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕХІИ (*Богеміи*) ПО НАРОДНОСТЯМЪ.— «Нѣмецкая газета,» выходящая въ Прагѣ, утверждаетъ, что въ 1846 году народонаселеніе Чехіи состояло изъ 2,718,630 Чеховъ, 1,676,336 Нѣмцевъ и 60,000 Жидовъ. Послѣдніе могутъ быть причислены къ Нѣмецкому народонаселенію, потому что они говорятъ по-Нѣмецки. Такъ какъ при народной переписи различіе народностей не было принято въ соображеніе, то автору вышеприведенныхъ чиселъ нужно было при исчисленіи считать округи съ преобладающимъ Чешскимъ народонаселеніемъ совершенно Чешскими, а съ преобладающимъ Нѣмецкимъ совершенно Нѣмецкими; народонаселеніе же тѣхъ округовъ, гдѣ народности уравновѣшиваютъ одна другую, онъ дѣлилъ пополамъ. Въ слѣдствіе сего оказалось, что округи: Бидшорскій, Кенигретцкій, Хрудимскій, Клаттаускій, Прахинскій, Таборскій, Раконицкій, Чаславскій, Берунскій и Куржимскій — суть *Чешскіе*; Лейтмерицкій, Зацкій, Пильзенскій и Еллбогенскій — *Нѣмецкіе*; а въ Будвейскомъ и Бунцлавскомъ число Чеховъ почти равно числу Нѣмцевъ. Вообще же на 100 человѣкъ въ Чехіи приходятся 63 Чеха и 37 Нѣмцевъ. «Вотъ что нужно намъ принять къ свѣдѣнію», восклицаетъ Аугсбургская газета.

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Некрологъ. — 1849 года Января 28-го (по н. ст.), во Франкфуртѣ на Майнѣ умеръ знаменитый ученый и сенаторъ Франкфуртскій, І. Фр. Фонъ Мейеръ, почти 77 лѣтъ отъ роду. Онъ родился 12-го Сентября (н. с.) 1772 года, отъ родителей изъ купеческаго сословія, возведенныхъ въ дворянство Іосифомъ II. Въ Фр. Мейерѣ весьма рано обнаружились отличныя способности къ искусствамъ и наукамъ и благородный характеръ. Еще будучи мальчикомъ, онъ упражнялся въ живописи и поэзіи, игралъ на арфѣ и чувствовалъ влеченіе только къ предметамъ высокимъ. Рано вступилъ онъ въ Гёттингенскій Университетъ, былъ любимымъ ученикомъ Гейне въ классическихъ занятіяхъ, и отличился въ юриспруденціи, написавъ сочиненіе объ опекѣ, которое было увѣнчано наградою (многіе по этому считали его Докторомъ правъ, но ошибочно — Мейеръ не имѣлъ этой ученой степени). По выходѣ изъ Университета, онъ жилъ нѣсколько времени въ Лейпцигѣ (гдѣ началась его эстетическая дѣятельность) безъ службы, потомъ служилъ въ разныхъ мѣстахъ по гражданской части и наконецъ поселился въ родномъ городѣ. Здѣсь принялъ онъ на себя, какъ знатокъ искусствъ и поэтъ, завѣдываніе театромъ — въ то время, когда Гёте, Шиллеръ и отличные художники — поэты завѣдывали первыми театрами въ Германіи. Князь Примасъ назначилъ его, вмѣстѣ съ родственникомъ Гёте, Фр. Шлоссеромъ, въ совѣтники во Франкфуртскій городскій судъ. Къ этому времени относятся, кромѣ нѣкоторыхъ удачныхъ стихотвореній (особенно замѣчательна поэма «Товія», 1800), изъ трудовъ Мейера переводы философическихъ сочиненій Цицерона, Кироπедіи Ксенофонта и первыя богословскія сочиненія (толкованія на Библію); наибольшее впечатлѣніе на умы произвело тогда его сочиненіе подъ названіемъ: «*Наби, нѣчто о теоріи духовѣдѣнія*», въ которомъ онъ послѣдовалъ другу своему, Юнгу Штиллингу. Десять лѣтъ трудился онъ надъ изъясненіемъ Библіи и сперва издалъ Новый Завѣтъ съ пространными тол-

Digitized by Google

кованіями, а потомъ Ветхій Завѣтъ. Новое изданіе, вскорѣ послѣдовавшее за первымъ, потребовало новыхъ трудовъ и изслѣдованій; однако онъ, не смотря на ревностную служебную дѣятельность и обширную переписку, скоро и отлично его окончилъ. Однимъ этимъ трудомъ онъ уже обезсмертилъ свое имя: для выполненія его нужно было владѣть такъ, какъ онъ, поэтическимъ и энергическимъ языкомъ обоихъ текстовъ въ подлинникѣ и простонароднымъ языкомъ Лютера. — Эрлангенскій Университетъ въ 1821 г., прислалъ ему дипломъ на званіе Доктора Богословія, честь, которую рѣдко получаютъ юристы и государственные люди. Онъ былъ въ родномъ городѣ нѣсколько времени Президентомъ Консисторіи и довольно долго Президентомъ Библейскаго Общества. Стихотворенія Мейера въ смѣси съ прозою начали являться давно еще въ новомъ Нѣмецкомъ Меркуріѣ друга его, Виланда; религіозныя стихотворенія и пѣсни его въ первый разъ собраны за 12 лѣтъ предъ симъ въ Гесперидахъ, но только въ двухъ книгахъ, — третья, еще не напечатанная, вѣроятно скоро будетъ прибавлена къ нимъ. Ясность, глубина и возвышенность характеризуютъ его религіозныя пѣснопѣнія; и онъ можетъ быть причисленъ къ лучшимъ писателямъ въ этомъ родѣ. Проза его признана классическою: въ ней вѣетъ духъ Платона,— если эта похвала идетъ къ христіанскому писателю. — Онъ былъ въ дружбѣ съ первыми людьми Германіи, особенно же въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ земляком и другомъ юности Савиньи, съ Молиторомъ и Шубертомъ, а равно и съ Ю. Кернеромъ, который любилъ и почиталъ его какъ отца.— Мейеръ оставилъ многочисленное потомство — 5 дѣтей, и 25 родныхъ внучатъ, изъ коихъ нѣкоторые уже отличились на разныхъ поприщахъ дѣятельности, Два сына его, при служебной дѣятельности, давно уже стали извѣстными ученому міру — одинъ какъ поэтъ, біографъ, туристъ, антикварій и драматургъ, а другой какъ естествоиспытатель.

Digitized by Google

ПАРОХОДСТВО. — Вышелъ въ свѣтъ «Очеркъ происхожденія и развитія пароходства, составленный по несомнѣннымъ документамъ», соч. Вудкрофта. Вопросъ объ этомъ предметѣ, какъ извѣстно, весьма запутанный и спорный. Франція присвоиваетъ честь этого изобрѣтенія своему *Жоффруа*, Испанія своему *Бласко де Гарай*, Англія *Іоанавану Гуллю*, Шотландія *Беллю*, Америка *Фультону*. Что касается до первыхъ двухъ, то мы должны оставить дѣло подъ сомнѣніемъ: кажется, оба они, и именно Испанецъ, правильно понимали основныя идеи пароходства но изобрѣтеніе обоихъ осталось безъ послѣдствій, вѣроятно, потому, что они не нашли сочувствія къ нему ни во времени, ни въ промышленномъ духѣ своего отечества. Что же касается до поименованныхъ Англичанъ и Американцевъ, то честь этого изобрѣтенія принадлежитъ рѣшительно не имъ, а тремъ Шотландцамъ: *Миллеру, Тайлору и Симингтону*, которые сообща начали свои опыты, въ 1788 году, и продолжали до настоящаго столѣтія. «Авторъ Очерка» издалъ подлинные рисунки Миллеровой паровой лодки, Симингтонова пароваго котла и первоначальнаго парохода, который они всѣ вмѣстѣ устроили.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ ЗА 1847 ГОДЪ. — Общее количество *земли*, находящейся въ вѣдѣніи Министерства, кромѣ Сибири и Закавказскихъ провинцій, составляло слишкомъ 78 милл. десятинъ. — Доходовъ съ казенныхъ *оброчныхъ статей* получено до 1½ милл. руб. сер., а съ мірскихъ болѣе 600 т. р. — *Лѣсовъ* къ 1848 году, состояло слишкомъ 115½ милл. десятинъ. — Поступленіе казенныхъ *доходовъ*, при постепенномъ ежегодномъ улучшеніи, достигло въ 1847 г. столь удовлетворительнаго успѣха, что Государственное Казначество, въ общей сложности, получило болѣе опредѣленнаго смѣтою оклада, а именно слишкомъ 31 милл. руб. сер.

Попечительству управленія Государственныхъ Имуществъ подлежатъ:

Государств. крестьяне муж. пола.... до 8 м., ж. слишк. до 8 м.
Иностранные поселенцы муж. пола.... слишк. 126 т., ж. до 120 т.
Евреи-земледѣльцы муж. пола... .... около 7½ т., ж. болѣе 6 т.
Кочующіе народы обоего пола..... болѣе 320 т.

А всего, обоего пола..... до 16 милл. 600 т. душъ.

Первымъ предметомъ попечительства было постоянное укорененіе между государственными крестьянами спасительныхъ началъ религіи и улучшенія нравственности, какъ необходимое ручательство и частнаго и общаго государственнаго порядка и блага. Въ сихъ видахъ обращаемо было особое вниманіе на благолѣпіе храмовъ и на улучшеніе содержанія духовенства, дабы поставить его въ возможность заниматься своею паствою. Въ 1847 г., частію на капиталы Министерства, а частію на счетъ пожертвованій поселянъ, построено и исправлено церквей и часовень до 360. — Кромѣ различныхъ вспоможеній, для улучшенія

Digitized by Google

содержанія сельскаго духовенства, отпускается ему ежегодно по 100 т. р. сер., за обученіе въ приходскихъ школахъ крестьянскихъ дѣтей. — Число сельскихъ приходскихъ училищъ возросло почти до 2½ тысячъ*, а число учащихся болѣе нежели до 125 т. Вообще дѣло религіозно-нравственнаго образованія развивается успѣшно, и въ 1847 г. учреждено 4 училища между Малаванами и Оренбургскими Татарами, по собственному ихъ желанію. — «Нѣтъ сомнѣнія (сказано въ Отчетѣ), что распространеніе въ народѣ здравыхъ понятій о религіи и обязанности вообще могутъ укорениться съ бо́льшимъ успѣхомъ, когда образованныя въ сихъ началахъ матери семействъ могутъ передать эти понятія своимъ дѣтямъ въ первомъ юношескомъ возрастѣ. Министерство считало равновременнымъ основать училища женскія, но тѣмъ не менѣе оказывало полное содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьяне, постигая пользу образованія женскаго пола, сами просили о дозволеніи ихъ дочерямъ посѣщать училища. Просьбы сіи съ каждымъ годомъ возрастали, и въ 1847 году находилось въ училищахъ до 2,000 дѣвицъ» (бо́льшія числа принадлежатъ губ. Черниговской (625), Вятской (322), Харьковской (217) и Екатеринославской (200).

По части обезпеченія *народнаго продовольствія*, не смотря на неурожаи трехъ предъидущихъ годовъ, наличные запасы въ сельскихъ и центральныхъ магазинахъ увеличились слишкомъ до 10 милл. четвертей; а наличный продовольственный капиталъ составляетъ около 1 милл. 600 т. р. с.

Земледѣльческая дѣятельность крестьянъ увеличилась въ 1847 г. посѣвами болѣе нежели на 700 т. четвертей **; *промышленность фабричная и заводская* (6,320 фабрикъ и заводовъ) доставила до 8 милл. р. сер.; торговые обороты на сельскихъ ярмаркахъ и базарахъ (числомъ болѣе 16 т.) простирались слишкомъ до 21 милл. р. с.

---

* До учрежденія М. Г. И., для казенныхъ крестьянъ существовало только *семь* училищъ.

** Посѣяно было хлѣба, озимаго и ярового, слишкомъ до 21 милл. четвертей, а собрано до 70 милл.

Digitized by Google

По улучшенію общаго сельскаго хозяйства. Руководствуясь постояннымъ правиломъ, что введеніе раціональнаго хозяйства, завися отъ доброй воли и убѣжденія каждаго въ собственной пользѣ, должно быть предшествуемо распространеніемъ здравыхъ понятій о существѣ и выгодахъ улучшеній, Министерство съ сею цѣлію, а равно въ видахъ обратить дѣятельность хозяевъ на дѣло полезное и для частныхъ выгодъ, и для блага общаго, продолжало дѣйствовать по сей части, какъ и прежде, распространеніемъ разныхъ свѣдѣній, учрежденіемъ учебныхъ и образцовыхъ заведеній, выставокъ, пособіями и поощреніями.

Кромѣ трехъ журналовъ,* въ 1847 г., издано было нѣсколько хозяйственныхъ сочиненій, и предложены были многія задачи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Хозяйственныя выставки произведены были, въ 1847 г. въ Лебедянѣ, Ромнахъ и Кишиневѣ; на нихъ явилось болѣе 1½ т. соискателей. Кромѣ того, повторено было въ Одессѣ состязаніе на пшеницу, въ Гольдингенѣ на скотъ, и въ Харьковѣ на тонкорунныхъ овецъ. — Новыя у насъ отрасли сельскаго хозяйства — *садоводство съ винодѣліемъ* и *шелководство* развиваются съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Разведеніе *табаку* и *свекловицы* составляетъ уже значительную статью нашего хозяйства. Разведеніе перваго увеличилось до 3 милл. пудовъ, а свекловица доставляетъ отъ 300 до 600 т. пуд. сахара. *Тонкошерстное овцеводство* также стало дѣломъ обыкновеннымъ, и въ 1847 г. число овецъ этого рода простиралось до 7½ милл. головъ.

Упомянемъ еще, что въ настоящее время въ вѣдѣніи Министерства состоитъ 17 экономическихъ Обществъ.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА ВЪ СЕЛѢ ИВАНОВѢ. — Село Иваново (Владим. губ. Шуйскаго уѣзда) пользуется заслуженною извѣстностію въ мануфактурномъ отношеніи: теперь основано въ немъ заведеніе, дѣлающее ему честь и въ умственномъ. Мы говоримъ о публичной библіотекѣ, недостатокъ которой давно былъ ощущаемъ въ мѣстѣ, гдѣ

---

* Значительнѣйшее изъ этихъ изданій, *Земледѣльческая Газета*, имѣло болѣе 3 т. подписчиковъ.

Digitized by Google

живетъ много образованнаго купечества. Юрьевскій 1-й гильдіи купецъ и почетный гражданинъ *Я. П. Гарелинъ* * положилъ основаніе этому учрежденію, обязавшись жертвовать на покупку книгъ и выписку журналовъ ежегодно по *тысячѣ рублей серебромъ*; его собственное собраніе книгъ поступило сюда же; сверхъ того онъ принялъ на свой счетъ наемъ помѣщенія, жалованье библіотекарю, и проч. Достойный всякой похвалы, примѣръ почтеннаго жертвователя не остался безъ подражателей: около ста человѣкъ Ивановскихъ жителей немедленно подписались по 7 руб. сер. ежегодно для поддержанія библіотеки, въ томъ числѣ и иностранцы, проживающіе въ Иваново; для этихъ послѣднихъ будутъ выписываемы иностранныя газеты. — Не имѣющіе средствъ вносить ежегодную плату могутъ пользоваться книгами безденежно. — Пожелаемъ успѣха общеполезному учрежденію и поболѣе любви къ дѣльнымъ книгамъ ** посѣтителямъ библіотеки....

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ГАРМОНІЯМИ ВЪ ТУЛѢ. — Какъ Русскій человѣкъ удосужился перенять и передѣлать на свой ладъ это чужеземное изобрѣтеніе и когда именно, объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды производить розъиски. Извѣстно лишь и достовѣрно то, что *первыя* гармоніи появились и вышли изъ Тулы, изъ рукъ оружейниковъ Шкунаевыхъ, откуда распространились по всей Россіи, и мало по малу вытѣснили и гудки съ балалайками и *варганчики* ***

---

* С. Иваново уже обязано ему заведеніемъ приходскаго училища на 50 мальчиковъ, но въ которомъ, благодаря удобному помѣщенію и прекрасному преподаванію предметовъ, обучается не менѣе *ста* человѣкъ.

** Въ Ивановѣ находится нѣсколько тысячъ фабричнаго народа: какую большую пользу, замѣчаетъ сообщившій намъ это извѣстіе, В. И. Борисовъ,— могли бы принести для нихъ книги, подобныя *Сельскому Чтенію, О распространеніи грамотности*, и т. п.

*** Можетъ быть, многіе и забыли, что это былъ за инструментъ: просто на просто, металлическая пластинка съ нарѣзанными поперегъ ея отверстіями, въ которыя вставлялись язычки изъ тонкой латунной мѣди. Стоило приставить эту музыку ко рту, подуть въ отверстія, и тотчасъ выходили разные диковинные тоны.

Digitized by Google

на которыхъ, бывало, тѣшились зубы ребятишекъ. Сперва гармоніи быстро вошли въ моду даже между средними классами, и лучшія изъ нихъ, съ богатою узорочною отдѣлкою, продавались отъ *двадцати* до *сорока рублей серебромъ*; съ годами мода прошла, но производство этого не хитраго инструмента все-таки занимаетъ еще не одну тысячу рукъ въ Тулѣ. Здѣсь, въ такъ называемой «Чулковой слободѣ» существуетъ нѣсколько фабрикъ, которыя дѣлаютъ ежегодно до 400 тысячъ штукъ гармоній (на сумму до 100 т. р. сер.). Цѣнность крикливаго инструмента значительно уменьшилась (отъ 15 коп. и не дороже 3 р. с.); но за то онъ сдѣлался любимцемъ мастеровыхъ и фабричныхъ, и съ Ирбитской да Нижегородской ярмарки пробирается даже и въ Сибирь, въ юрты кочевыхъ инородцевъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СБОРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ МОСКВѢ.

Что вамъ угодно? — Охотничье ружье, которое бьетъ навѣрнякъ въ пятидесяти шагахъ, черкесскій кинжалъ, отличную лягавую собаку, свирѣпую мордашку, смѣтливаго водолаза, умную овчарку?— Пожалуйте въ Охотный рядъ въ Сборное Воскресенье и получите желаемое. Или, можетъ быть, недостаетъ у васъ яхгдташа, порохонницы, болотныхъ сапоговъ, нѣтъ ножа для прикалыванія зайцевъ, крючка для уды, капкана на разбойника-волка? — Идите въ Охотный рядъ, и тамъ найдете все это. — Но не мудрено, что ошибаюсь я, предполагая въ васъ охотника, sportsman'a?— Такъ нѣтъ ли у васъ какой-нибудь почтенной тетушки, для которой щипцъ съ ноготокъ, шерсть съ локотокъ, курносый мопсъ, плясунья-levrette, говорливый попугай, кривляка-обезьяна, самые пріятные на свѣтѣ подарки? Или не найдется ли въ кругу близкихъ вамъ маленькаго Вани, крохотки Саши, которымъ давно обѣщаны ученый чижикъ съ парою козырныхъ голубей, или сладкопѣвчая канарейка, въ награду за прилежаніе? За всѣмъ этимъ извольте отправляться въ Охотный рядъ. Впрочемъ, очень естественно, что и здѣсь я могъ дать промахъ, и что ничего подобнаго не требуется вамъ. Нѣтъ? — Такъ не доможилъ ли вы, не желаете ли обзавестись дворовой птицей, или тѣми визгливыми животными, къ которымъ чувствовалъ сердечное расположеніе господинъ Скотининъ? — Или, можетъ быть, вы гастрономъ, и давно сбираетесь сами откормить, по всѣмъ правиламъ науки кушать, пулярдку да индѣйку; давно чувствуете аппетитъ на овсянокъ и воробьевъ для паштета; на жирныхъ свиристелей для соуса, на величаваго павлина

Digitized by Google

для жаркаго въ древнемъ вкусѣ? — Наконецъ, не производите ли вы анатомическихъ, химическихъ, физіологическихъ и всякихъ изслѣдованій надъ животными, сбираясь перенести ихъ потомъ на человѣка? Не надобно вамъ ли для этого смиренныхъ кроликовъ, зайцевъ; дворныхъ собакъ, этихъ отличныхъ субъектовъ для опытовъ подъ переливаніемъ крови? Не заводите ли вы у себя, для домашняго обихода, музея естественной исторіи; не требуется ли вамъ для наполненія его что-нибудь изъ отечественной фауны? напримѣръ, степенный ежъ-ежовичь, вертунья-бѣлка, сибирскій котъ, сонливые хомякъ съ суркомъ философъ-кротъ, лиса-ивановна, злой барсукъ, волченокъ съ медвѣженкомъ, глупый лѣсовикъ, мошенникъ-коршунъ, трудолюбивый дятелъ, премудрая сова, болтунья-сорока? Угодно что ли? Такъ пожалуйте въ Охотный рядъ. Вы отрицательно киваете головой, смѣетесь надъ моимъ непрошенымъ усердіемъ, надъ моими предложеніями, изъ которыхъ ни одно не приходится вамъ по праву ... да что же вы за человѣкъ? Такъ-таки и нѣтъ у васъ ни къ чему ни охоты, ни любопытства, нѣтъ ни какой страсти, и отшельникомъ живете вы на бѣломъ свѣтѣ, и сердце у васъ ледяное, и кровь рыбья?.... Не можетъ быть! Что-нибудь да въ состояніи же разшевелить васъ и кромѣ ремиза въ преферансѣ, когда тузъ, дама, самъ-пять на рукахъ, или тому подобныхъ важныхъ случаевъ! — Сказать, однако, правду, мнѣ все равно: я человѣкъ уживчивый, привыкъ примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ: по мнѣ въ Божьемъ мірѣ все хорошо; на все можно смотрѣть съ сочувствіемъ, не будучи ни Демокритомъ, ни Гераклитомъ, безъ слезъ и безъ смѣха; но будь вы другаго, пожалуй, прогрессивнаго мнѣнія, — и я потяну на вашу сторону, лишь только сопутствуйте мнѣ въ прогулкѣ въ Охотный рядъ. Пойдемте хоть для того, чтобы, глядя на шумъ, хлопотню и суету людскую — и все изъ-за мелочей, изъ-за пустяковъ, — имѣть право глубокомысленно произносить: «и это жизнь, и это люди! Да, правъ Лермонтовъ: жизнь глупая шутка!» — Право, такъ. Давайте разочаровываться. И Англійскій сплинъ, и наше Русское —

Digitized by Google

«Мнѣ моркотно молоденькѣ» — имѣютъ свою выгодную сторону....

Но вотъ что значитъ сбиться съ дороги изъ Охотнаго ряда, куда собрались идти, мы забрели въ чащуру переливанья изъ пустаго въ порожнее! Маршъ назадъ! Вотъ вамъ сапоги-самоходы — разъ-два-три, и мы опять у цѣли нашего путешествія.

Сажень за сто уже слышится шумъ, гамъ, визгъ, чиликанье, голосистое кукареку, важное кряканье утки, словомъ, самая разноголосная музыка, въ которой есть всѣ звуки и недостаетъ одного согласія. Ежеминутно раздается повелительное: «поди, поди, — берегись!» Народъ снуетъ и взадъ и впередъ. Толпы приливаютъ то въ ту, то въ другую сторону; одинъ покупаетъ, а десятеро глазѣютъ. Блины горячіе, сбитень-кипятокъ, сайки крупчаты, баранки бѣлы, гречневики поджаристы, съ масломъ гороховый кисель, макъ жареный медовой — шныряютъ во всѣ стороны и насыщаютъ алчущихъ. За угломъ, втихомолку мальчишки затѣваютъ орлянку, этотъ уличный банкъ, или взапуски ломаютъ копѣечные пряники. Но мимо все это.... Мы въ птичьемъ царствѣ. Начинается оно голубями. И какихъ тутъ нѣтъ! чистые, турманы красные и черные, козырные, двухохлые, махровые, тульскіе, сизяки, чинно посиживаютъ въ плетушкахъ, ожидая покупателей. Далѣе тянется длинный рядъ саней съ птицами пѣвчими. На каждыхъ саняхъ торчитъ по дереву, на каждомъ отросткѣ дерева виситъ по нѣсколько клѣтокъ, и въ каждой клѣткѣ сидитъ по нѣсколько птичекъ. Извѣстно, въ неволѣ что за пѣсни, и чиликаютъ себѣ бѣдняжки, попрыгивая съ жердочки на жердочку, да вспоминая — кто вольную волю, кто милую подругу. А если бы запѣли онѣ всѣ — что ваша Итальянская опера! Колокольчикомъ зальется овсянка, сорокъ колѣнъ начнетъ выводить остроглазая синичка, бойко защебечетъ шалунъ-чижикъ, десять ладовъ перепробуетъ смѣтливый скворушка, словно дверь, заскрипитъ малиновый щуръ, молодецкимъ посвистомъ свиснетъ поддорожникъ, искусно пе-

Digitized by Google

редразнитъ барана болотный барашекъ, лучше турецкаго барабана задолбитъ дятелъ, бубенчиками и мелкой дробью разсыплется красавица-канарейка, защелкаетъ, засвиститъ, зальется и всѣхъ заглушитъ своей сладкой пѣсенкой душа-соловушко.... Даже и молчаливый снегирь, которому Богъ не далъ добропорядочнаго голоса, и онъ не ударилъ бы себя въ грязь лицемъ передъ почтеннѣйшими зрителями: фокусы бы разные сталъ показывать, потому что, не смотря на свою степенную наружность и красный мундиръ, онъ большой штукарь. А то нѣтъ: чиркъ, чиркъ, чиркъ, тью, тчю, тью, только и есть.

Какъ же велика цѣна талантамъ, скрытымъ подъ спудомъ? Да какъ разъ по карману тому возрасту, который еще самъ, словно птичка, живетъ на свѣтѣ безъ печалей и заботъ, и располагаетъ лишь тѣми деньгами, что̀ пожалуетъ *papa* съ *maman*, тятенька съ маменькой, или добрая бабуся. На одинъ гривенникъ можно купить чижа съ синичкой, а на другой— клѣтку и корму для нихъ. Канарейки и соловьи цѣнятся гораздо дороже; только хорошихъ птицъ продавцы рѣдко выносятъ сюда: среди шумнаго, разнообразнаго чиликанья не мудрено сбиться съ голосу и самому лучшему пѣвуну; гдѣ одинъ другому слова выговорить и дастъ, тамъ краснорѣчіе не у мѣста. А если вамъ угодно крылатую примадонну или пѣвца съ бархатнымъ голоскомъ, извольте, представимъ первый сортъ. Только ужъ не жалѣйте золотой казны, не думайте удовлетворить свое желаніе какимъ-нибудь десятькомъ рублей. Пойдемте къ охотнику; не одинъ онъ здѣсь, но я поведу васъ къ первостатейному; а чтобъ знали вы, съ кѣмъ будете имѣть дѣло, разскажу главныя черты его жизни.

Ему слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Половину ихъ онъ провелъ въ домѣ вельможнаго барина Екатерининскихъ временъ, страстнаго охотника, и былъ у него сперва простымъ псаремъ, а потомъ доѣзжачимъ. Живо помнитъ старикъ молодые свои годы, и увлекательно разсказываетъ о великолѣпныхъ охотничьихъ пòѣздахъ того времени, когда, бывало,

Digitized by Google

Пора, пора! Рога трубятъ,
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ....
....

По смерти барина, онъ получилъ отпускную, но за то остался почти безъ куска хлѣба, и долго не зналъ, куда приклонить одинокую голову. Пойдетъ то къ тому, то къ другому господину, у которыхъ были псовыя охоты — никому не надобно его услугъ, свои люди есть. Дѣлать нѣчего, побрелъ бывшій доѣзжачій въ Москву въ Бѣлокаменной, извѣстное дѣло, развѣ только безрукому не найдется работы. Сталъ Степанъ Михайловъ промышлять стрѣльбою дичи, и хоть съ грѣхомъ пополамъ, а кормился кое-какъ. Да на бѣду поѣхалъ онъ разъ охотиться съ дилетантами охоты, и одинъ изъ нихъ, у котораго рука вѣрнѣе управляла бильярднымъ кіемъ, чѣмъ ружьемъ, какъ-то удосужился всадить ему ползаряда дроби въ правое плечо. Долго прохворалъ бѣдный егерь, а какъ выздоровѣлъ, пришлось отказаться отъ своего промысла. Чѣмъ же жить? Ремесла онъ никакого не зналъ; давай опять кормиться охотой, только другаго рода. Прежде онъ стрѣлялъ птицъ, теперь началъ ловить ихъ, разводить, покупать, продавать. И мало по малу новое занятіе обращается у него въ страсть, которая, усиливаясь съ каждымъ годомъ, становится наконецъ необходимою ему какъ воздухъ, не потому только, что доставляетъ средства для пропитанія, но и потому, что въ ней единственная отрада его жизни, она одна наполняетъ собою его существованіе, одна согрѣваетъ зачерствѣлое среди бѣдъ житейскихъ сердце, и разнообразитъ бытъ стараго холостяка. Голуби, чижи, синицы, канарейки, соловьи — вотъ его семейство, его неизмѣнные друзья и пріятели. Сколько радости, когда канарейка выведетъ миленькихъ птенчиковъ, или стаѣ его голубей удастся заманить рѣдкостнаго чужака! А когда, послѣ долгаго молчанья, дорого-купленный соловей вдругъ подастъ голосъ, да еще съ такой трелью, что сейчасъ узнаешь въ немъ

Digitized by Google

мастера своего дѣла — чуть не пляшетъ отъ восторга Степанъ Михайловичь. За то не мало хлопотъ и горя бываетъ ему съ своими любимцами. То типунъ сядетъ у подающаго большія надежды пѣвца, то затоскуетъ соловей и начнетъ обмирать, то неизвѣстно какимъ путемъ прокрадется въ голубятню злодѣйка-кошка и похититъ пару голубей, да какихъ! Въ подобной бѣдѣ Степанъ Михайловичь утѣшаетъ себя, курнякая любимую свою пѣсенку: «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ? — За горами воду пилъ....» или заманитъ къ себѣ Петю со двора, и примется разсказывать ему *докучную* сказку о томъ, какъ воробей, мужикъ въ сѣромъ кафтанѣ, хотѣлъ жениться на синичкѣ, барынѣ въ синемъ платьѣ.

И слава своего рода выпала на долю страстнаго охотника. Его знаетъ вся Москва. Сколько разъ въ газетахъ было публиковано про него. Живетъ онъ на Бутыркахъ, а къ нему ѣдутъ отъ Серпуховской заставы, чтобъ узнать его мнѣніе о какой-нибудь дорогой птицѣ; или зачастую охотники-любители, особенно купцы, приглашаютъ его въ трактиръ, гдѣ вывѣшенъ соловей, чтобъ рѣшить, какіе тоны выкрикиваетъ предметъ ихъ спора. Степанъ Михайловичь выпьетъ двѣ-три чашки (хмѣльнаго онъ не употребляетъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ водить голубей, которые не жалуютъ пьяныхъ), — внимательно, и не одинъ разъ, прислушается къ раскатамъ соловья, подумаетъ и рѣшитъ дѣло. И весело глядѣть, какъ онъ, дряхлый, едва передвигающій ноги, воодушевится въ подобную минуту, помолодѣетъ десяткомъ лѣтъ, — съ какимъ жаромъ излагаетъ свое мнѣніе, какимъ юношескимъ блескомъ загораются его полупотухшіе глаза, какой силой убѣжденія проникается и крѣпнетъ его дребезжащій голосъ!....

И птицъ ни у кого не найдете лучше. Примѣрно взять махровыхъ голубей. Смотрите-ка сюда: вотъ пара и вотъ пара; эта стоитъ много-много полтора цѣлковыхъ, а за эту, что̀ Степана Михайловича, мало дать и двадцати. А отчего? У одной хохлы торчатъ какъ мочалки, а у другой перышко подобрано къ перышку, волосокъ къ волоску, словно листья

Digitized by Google

розана; а мохры-то на погахъ—на рѣдкость: почти въ два вершка длиной. Вотъ какъ!.... Канарейки у Степана Михайловича поютъ «розсыпями, овсянками, разными бубенчиками, колокольчикомъ, бриллiантовыми и флейтовыми дудками»; соловьи «натуральнаго ученiя, криковые, кричатъ дробью, простой и разсыпной, на разные манеры: куликомъ ворономъ, кликотомъ, свѣтлыми и водяными дудками, раскатомъ, тревогою, стукотнёй, свистомъ, кукушечьимъ перелётомъ....» *

Разумѣется, что не дешево стоитъ такой мудреный соловей, и за сто цѣлковыхъ развѣ только по знакомству уступитъ его намъ Степанъ Михайловичь; за канарейку придется заплатить тоже не много меньше....

По этимъ значительнымъ цѣнамъ не слѣдуетъ однако заключать, чтобы зашибъ себѣ копейку владѣлецъ дорогаго товара. Не изъ корысти торгуетъ онъ, а по страсти, по охотѣ, которая, какъ говоритъ пословица, пуще неволи. Дорого онъ продаетъ, но не дешево и самъ покупаетъ. Скажите ему, что, вотъ, дискать, «Степанъ Михайловичь, продается соловей, какого доселѣ и видомъ было не видать, и слыхомъ не слыхать; просто рѣдкость. Да по деньгамъ ли тебѣ? Двѣсти цѣлковыхъ — не шутка!» — Что же? Хоть разорится Степанъ Михайловичь, распродастъ все до нитки, подъ жидовскiе проценты займетъ, себя заложитъ — а купитъ. Знай нашихъ! Съ другой стороны, торгуетъ онъ по убѣжденiю, что промыселъ его укореняетъ «добрые нравы.» — Это какъ, спросите вы, рѣшительно не понимая, что за связь таится между птицеводствомъ и человѣческими добродѣтелями. — «Да такъ, простодушно возразитъ Степанъ Михайловичь: — мало ли къ чему пристращается человѣкъ? Сказано, что мягокъ какъ воскъ. Иной черезчуръ познакомится съ чаркой, другой повадится картежничать, у кого амуры разные на умѣ, кто изъ кожи лѣзетъ, чтобъ на фуфу удивить крѣщеный міръ. А что толку-то! Грѣхъ да суета одна. И насчетъ охоты тоже. Охота охотѣ рознь. Не

* Охотничесκiе термины.

Digitized by Google

что какъ псовая, али вотъ рысаки— знатная штука, да не всякому подручно оно. А птичка, то есть средственная, по карману и бѣдному человѣку. И на содержаніе себѣ требуетъ она сущіе пустяки: горсточка корму, да капелька водицы — вотъ и весь ея паёкъ. И уходъ за ней небольшой: вымелъ клѣточку, песочкомъ посыпалъ, воткнулъ зеленую вѣточку — больше ей ничего и не надо. А за то будетъ она распѣвать тебѣ день и ночь, разгонитъ хоть какую скуку и кручину, прослужитъ безпорочно пять иль болѣе лѣтъ, и худаго ты никогда отъ нея не увидишь: она не звѣрь какой, не безчестный попугай, а Божье созданіе, и нѣтъ у ней въ сердечкѣ даже помысловъ на зло....»

Не могу знать, согласны ли вы съ рѣчью охотника, а ужъ по лицу вашему вижу; что раздумали покупать у него дорогую птицу. Туго развязывается вашъ кошелекъ; дѣлать нечего, извините, что задержалъ я васъ — и пойдемте дальше. Наше почтеніе, Степанъ Михайловичъ!

Дальше, рядомъ съ царствомъ птицъ, идетъ область собакъ и разныхъ звѣрей, какихъ именно — я уже имѣлъ честь докладывать вамъ. И здѣсь разставлены сани, а у саней привязаны собаки; и здѣсь раздается всеоглушающій гамъ на разные тоны — начиная отъ хамканья болонки до басистаго рева меделянской собаки; и здѣсь расхаживаютъ множество охотниковъ, любителей псовъ, только всѣ они люди *спеціальные*: одинъ взялъ на свою часть борзыхъ съ гончими, другой собакъ для травли, а вотъ у этого и изъ-за пазухи и изъ кармановъ и на рукахъ торчатъ миніатюрные шпицы да моськи.

Я думаю, намъ нечего смотрѣть, какъ происходитъ купля и продажа разношерстныхъ, какъ оцѣняются и разсматриваются ихъ достоинства: сцена Собакевича со щенкомъ повторяется при этомъ безпрестанно. Но вотъ исключеніе.

Выведена на продажу дворняшка; четвертакъ красная цѣна ей. Ни чѣмъ не провинилась она передъ своимъ господиномъ, стерегла дворъ и денно и нощно, издалека различала своего отъ чужаго, и вѣроятно, спокойно бы дожила до глубокой старости въ одной конурѣ, еслибъ не судьба.

Digitized by Google

Хозяйка ея овдовѣла; убогій домишко, единственное наслѣдство послѣ мужа, продала. Приходится нанимать чужой уголъ: гдѣ же помѣститься въ немъ съ разнымъ скарбомъ и хламомъ, которымъ былъ просторъ лишь въ своемъ домѣ! И сбываетъ она съ рукъ и кадочки, и боченки, и ухваты, продаетъ и семью куръ съ пѣтухомъ и вѣрнаго сторожа. Маленькій сынъ ея держитъ на веревочкѣ черноперстную Орёлку, которая, какъ будто предчувствуя разлуку, печально глядитъ на него, и изрѣдка помахиваетъ хвостомъ. Покупщикъ скоро нашелся.

— Смотря же, дядюшка, говоритъ мальчикъ, сдавая ему свою любимицу и чуть не плача: корми Орёлку; она у меня такая знатная.... Орёлка ты моя, золотая, съѣшь хоть на дорогу-то кусочикъ, примолвливаетъ онъ, бросая ей калача

И бредетъ, понуривъ голову, безкорыстный другъ человѣка за новымъ своимъ хозяиномъ, готовясь служить ему съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ служилъ прежнему. А все-таки нѣтъ-да-нѣтъ и оглянется на мальчика, который далеко провожаетъ глазами своего сотоварища въ играхъ.

Но довольно. Намъ остается осмотрѣть еще другую половину Охотнаго ряда. Идемте же скорѣй: уже обѣдъ на дворѣ. На перепутьи намъ встрѣтится мелкая промышленность съ своими издѣліями и промыслами: домиками для чижиковъ, независтными игрушками, удочками, неразрывными силка̀ми, черными тараканами, муравьиными яи̇цами,* и тому подобнымъ.

Но что это? Что̀ я слышу? Старая моя знакомка** выучилась барышничать. О времена, о нравы!

— Это, сударь, я вамъ доложу, не простая какая-нибудь уда, говоритъ плутоватый дѣйствователь мелкой промышленности своему покупателю: — это-съ рѣдкость-съ.

---

* Предлагаю справочныя цѣны двумъ послѣднимъ товарамъ: тараканы, преслѣдуемые особенно сапожниками-мальчишками, продаются отъ 20 до 30 коп. серебр. за сотню, а фунтъ муравьиныхъ яицъ стоитъ не менѣе 40 к. серебр.

** См. статью: *Мелкая промышленность* въ 11 N Москвитянина прошлаго года.

Digitized by Google

Вы что глядите? на лѣса-то? палка не чиста? да вѣдь рыбѣ-съ не цѣловаться съ нею. Вы вотъ гдѣ смотрите — вотъ-съ: каковъ волосъ-то! не здѣшній-съ!

— Откуда же, изъ Америки что ли?

— Не изъ Америки, а арабскій-съ.

— Какъ такъ?

— Да отъ арабской лошади-съ, вотъ что-съ. Ужъ его какая хотите щука не перекуситъ-съ; пять фунтовъ смѣло вытягивайте имъ-съ. А крючекъ-то видите-съ?

— Вижу. Что, и крючекъ не здѣшній?

— А какъ бы вы думали? Я не облыжно говорю, у меня братъ въ Тулѣ оружейникомъ.... насъ всѣхъ пятеро-съ.... такъ онъ мнѣ присылаетъ-съ.... Я не барышникъ какой, чтобъ мнѣ обманывать вашу милость.... Такіе крючки только и есть въ одномъ Петербургѣ-съ.

Ну любезный, сказалъ бы я ему, «заговариваешь ты зубы» не хуже цыгана.

На другой половинѣ Охотнаго ряда, на Моисеевской площади тоже два царства, птичье и звѣриное, съ тою лишь разницею, что представители ихъ служатъ человѣку на пользу, а не на одно удовольствіе. Куры, гуси, индѣйки, утки, свиньи, бараны, теляты — можете представить, и не слыхавъ, что за пріятная музыка. Громче всѣхъ вопіютъ поросяты, предвидя насильственную смерть, потому что имъ пришлось лежать рядомъ съ замороженными своими собратіями.... Охотниковъ здѣсь не много; большею частію одни доможилы. Движеніе сосредоточивается преимущественно вкругъ кошелокъ съ курами. Изъ самыхъ отдаленныхъ частей Москвы идутъ сюда заботливыя хозяйки купить курочекъ, которыя нанесутъ имъ яицъ къ Свѣтлому дню. Правда, что въ Москвѣ можно купить хоть милліонъ яицъ, простыхъ и крашеныхъ; да свои все какъ-то пріятнѣе, знаешь, что свѣжія, безобманныя, не болтуны; а главное, куда жъ дѣвать крошки со стола, если не водить куръ? И выбираетъ хозяюшка доморощенную курочку, которая ужъ *рóстится*, и не сегодня такъ завтра занесется. Охотники-мужчины зарятся на пѣтуховъ, боевыхъ и заводскихъ, и жарко

Digitized by Google

спорятъ кому отдать преимущество — крѣпкой ли груди *русскаго*, огромнымъ ли шпорамъ *аглицкаго*, или увертливости *гирляндскаго*. Но съ ними познакомимся мы въ другой разъ. А теперь, смекаю я, устали вы, мой снисходительный ступникъ: ходьба возбудила вашъ аппетитъ, и помышляете вы о домашнемъ кровѣ. Съ Богомъ! Останусь я одинъ и до конца выполню взятую на себя обязанность — познакомить васъ съ Сборнымъ Воскресеньемъ.

Особенности Московской жизни проявляются въ этотъ день и не въ одномъ Охотномъ ряду. Близка весна, а вмѣстѣ съ нею не однимъ только деревьямъ открывается надежда зажить новою жизнію. Комнатные живописцы, пробѣдствовавшіе всю зиму, * гурьбою собираются на такъ называемый *монетный дворъ*, и запиваютъ магарычи со взятыхъ на весну работъ. У Варварскихъ воротъ тысячи плотниковъ, Владимірскихъ и Рязанскихъ, ударяютъ по рукамъ съ подрядчиками, дѣлятся на артели, и на завтра принимаются за топоръ. Не мало сходится тутъ же и пильщиковъ, которыхъ нанимаютъ на весну хозяева окрестныхъ рощъ. — Далѣе, На Бабьемъ городкѣ, въ Тверской Ямской, въ Свирловѣ, въ предмѣстіяхъ и въ глухихъ переулкахъ, затѣваются кулачные бои — разумѣется, не то что въ старину, когда охота показать свою удаль оканчивалась не рѣдко свороченными салазками или переломленной рукой; а такъ, просто для одной потѣхи, соберутся десятка два уличныхъ мальчишекъ да подростковъ-фабричныхъ. — Далѣе. На Переведеновкѣ, на Черногрязкѣ, подъ Вѣсками начинаются другаго рода бои, въ Англійскомъ вкусѣ, бои пѣтушиные. За Рогожскою заставою, въ амфитеатрѣ, только не Римскомъ, происходитъ въ первый разъ «удивительная медвѣжья травля; для удовольствія публики травится свирѣпѣйшій медвѣдь аглицкими мордашками и меделянскими собаками, напускомъ по охотѣ»....

---

* Въ противоположность портнымъ, для которыхъ это время года самое хлѣбное, а лѣто самое горемычное.

Digitized by Google

Наконецъ, и это вы знаете безъ меня, въ Сборное же Воскресенье открывается музыкальный *сезонъ* — длинный рядъ концертовъ, которыми угощаютъ насъ разныя знаменитости, пріѣзжія и доморощенныя, поющія и играющія на всевозможныхъ инструментахъ, даже на рожкѣ и барабанѣ.

Кажется, все.

Нѣтъ, позвольте еще минуту. Только разстались мы съ вами, случилось замѣчательное происшествіе. Купилъ нѣкто, неизвѣстно для какой потребы, пару павлиновъ. Едва стали пересаживать ихъ изъ одной кошелки въ другую, павлинъ, которому не пришлось это по сердцу, вдругъ порхъ изъ рукъ своего хозяина, и сѣлъ на крышку. Нераздѣлившіеся владѣтели его туда сюда, и такъ и сякъ—нѣтъ, нельзя никакъ достать павлина, и съ мѣста даже не спугнешь его. Усѣлся и сидитъ себѣ, словно поджидаетъ мила друга, что осталась въ злой неволѣ. И не чуетъ онъ, что сбирается надъ нимъ гроза неминучая, что попалъ онъ изъ огня въ полымя, и не видитъ онъ, что обсѣли его кругомъ галки да вороны; принялись онѣ каркать по своему, какъ будто собрались судъ судить надъ красавцемъ. Кра-кра-кра, и бросился черноперый народъ долбить и щипать нарядная гостя, съ особеннымъ ожесточеніемъ нападая на его радужно-изумрудный цвѣтъ. Притча о воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ разъиграласъ въ лицахъ; но здѣсь страдало не самозванство, а истинное достоинство; здѣсь гоненіямъ толпы подвергался геній не изъ породы тѣхъ, что трубятъ о себѣ во всѣ стороны и ругаютъ, прозой и стихами, не понимающую ихъ, «презрѣнную толпу,» а геній истинный, для котораго и смерть не страшна за правду своего дѣла. Нападенія на павлина становились съ каждой минутой ожесточеннѣе, воронъ и всякой сволочи прибавлялось болѣе и болѣе; даже воробьи прилетѣли насмѣшливо почирикать надъ бѣднымъ страдальцемъ: а онъ сидѣлъ какъ вкопанный, повѣсивъ голову, не защищался и не думалъ даже лететь. Лишь изрѣдка, когда сильный ударъ какой-нибудь ожесточенной вороны вырывалъ у него перо съ корнемъ, подымалъ онъ голову и печально посматривалъ на зѣвакъ, тол

Digitized by Google

пою собравшихся глядѣть на птичью драму, какъ будто желая сказать имъ: «Люди добрые, виноватъ ли я, что у меня такая свѣтлая одежда!» — Къ вечеру павлинъ забитъ былъ до полусмерти, и дальнѣйшая судьба его осталась покрытою мракомъ неизвѣстности.

Теперь, я думаю, все, и ставлю заключительную точку.

И. Кокоревъ.

КОНЦЕРТЫ Г-ЖИ ФРЕЦЦОЛИНИ И СЕЙМУРА ШИФА.

Общіе отзывы о знаменитой пѣвицѣ Ерминіи Фрецциолини ручались за успѣхъ очарованія; но 1-й концертъ, данный ею въ Московскомъ Большомъ Театрѣ, 12 Марта, превзошелъ ожиданія многихъ, даже неумолимо-строгихъ цѣнителей дарованія. Что за дивное *сопрано*, что за чистота, гибкость и сила; какая неподражаемая легкость исполненія самыхъ трудныхъ потоковъ звука; а вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько выраженія. Въ ея пѣніи, если можно такъ выразиться, каждый звукъ принимаетъ свой образъ и выражаетъ сокровенную мысль ея сердца.

Ерминія Фрецциолини въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты; но не одна условная красота составляетъ ея достоинство: скромность, этотъ перлъ женской прелести, не отъемлемое ея богатство; чего мы не могли не замѣтить при первомъ ея появленія на Московской сценѣ: какъ смутили ее рукоплесканія, и въ началѣ первой каватины изъ »Beatrice di tenda,« Беллини, намъ казалось, что голосъ ея дрожитъ, но этотъ трепетъ длился только нѣсколько мгновеній; когда же пѣвица вошла въ область гармоніи, тогда она почувствовала права свои, и серебряные звуки огласили зданіе; чѣмъ труднѣе становился Беллини, тѣмъ исполненіе становилось торжественнѣе, полнѣе. Когда она кончила, взрывъ рукоплесканій радушно привѣтствовалъ любимицу Петербурга и Италіи.

Въ каватинѣ изъ оперы *Эрнани*, соч. *Верди*, который, какъ извѣстно, отличается трудностію состава, Ерминія Фрецциолини была неподражаема; ея переходы изумили знато-

Digitized by Google

ковъ и очаровали диллетантовъ; словомъ, новые восторги, рукоплесканія и цвѣты были наградою чародѣйки-пѣвицы.

Во второй части, Фрецціолини исполненіемъ рондо изъ оперы »*Лунатикъ*,« соч. Беллини, проникла чувства всѣхъ до онѣмѣнія. Рондо изъ оперы »*Любовный напитокъ*« было повторено по желанію восторженной публики, не смотря на трудность его. Этимъ рондо и кончился 1-й концертъ; завтра, какъ говорятъ, назначенъ 2-й. Ждемъ съ нетерпѣніемъ; подобныя наслажденія рѣдки.

Въ 28 N Московскихъ Вѣдомостей было объявлено о пріѣздѣ въ Москву пьяниста-импровизатора, Сеймура Шифа, и сочинитель статьи, при этомъ извѣщеніи, говоритъ, что Г. Шифъ извѣстенъ огромнымъ талантомъ въ Европѣ, и что не только всѣ иностранные журналы отзываются объ немъ съ похвалою, но даже самъ Гекторъ Берліозъ, осторожный на похвалу, превозноситъ глубокое выраженіе въ игрѣ Шифа, богатство его воображенія и неимовѣрный блескъ импровизаціи.

Въ 1-мъ концертѣ Сеймура Шифа, бывшемъ 13-го Марта, въ концертной залѣ Большаго Театра, мы вполнѣ убѣдились въ справедливости сказаннаго. Его фантазія изъ Somnambule, La styrienne, «cadeau aux dames,» фантазія и капризъ изъ «Linda di Chamounix,» квартетъ изъ «*Пуританъ*,» варіаціи съ кадансами, исполнены были блистательно; что же касается до импровизаціи на тему, данную Г-жею Фрецціолини изъ *Пуританъ*, и на Русскую пѣсню, предложенную неизвѣстнымъ, то это исполненіе было верхъ очарованія.

Г. Шифа нельзя сравнивать ни съ однимъ изъ знакомыхъ піянистовъ; онъ заключаетъ въ себѣ сліяніе звуковъ Тальберга, силу и быстроту Листа, и всю нѣжность игры Дёллера.

Въ заключеніе скажемъ, что не смотря на то, что этотъ концертъ былъ утромъ, и на другой день концерта очаровательной Фрецціолини, зала была полна, и всѣ приняли Г. Шифа съ единодушнымъ восторгомъ, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ. *В. Г.*

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

ВѢНА. Ни однимъ изъ Германскихъ городовъ не овладѣлъ духъ возмущенія до такой степени, какъ Вѣною, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ городъ не ослабъ до такой степени въ своихъ жизненныхъ сплахъ, не представляетъ такого сильнаго запустѣнія, какъ старая, еще недавно веселая столица Имперіи. Даже Парижъ пострадалъ менѣе: осадное положеніе Вѣны совершенно различно съ осаднымъ положеніемъ Берлина. Оно похоже на надзоръ за сумасшедшимъ, скованнымъ по рукамъ и ногамъ, который выжидаетъ сторожей. Возмущеніе Вѣны погружено въ предсмертный сонъ, но все еще грезитъ борьбой и побѣдой, и по временамъ пугаетъ мирныхъ горожанъ неожиданнымъ крикомъ. Разумѣется, что въ такомъ городѣ нѣтъ мѣста удовольствіямъ, которыя условливаются спокойствіемъ и тишиною. Многіе обыватели разъѣхались и общество распалось. До какой степени нарушено благосостояніе горожанъ — я показалъ вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ. Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ торговля и ремесла пришли въ упадокъ, и что врядъ-ли кто можетъ построить что-нибудь на такой волканической почвѣ. Всякой ограничиваетъ свои потребности до нельзя и держитъ себя на готовѣ, снова собираясь въ путь. Такъ идетъ день за днемъ, безрадостно, въ унынiи, въ этомъ опустѣломъ городѣ. Всѣ умы находятся въ болѣзненномъ раздраженіи. Вѣнцы смотрятъ другъ на друга недовѣрчиво и враждебно, сообразно принятымъ ими политическимъ мнѣніямъ. Въ нижнихъ классахъ народа происходитъ постоянное броженіе и духъ возмущенія не прекращается. Нужда, развращеніе нравовъ, взаимное ожесточеніе измѣнили всѣ отношенія; измѣнились самыя привычки, и всякая зависимость уничтожена; толпа не отступаетъ ни передъ однимъ чудовищнымъ проступкомъ. Словомъ, воображеніе не естественно, разстроено; самопожертвованіе и эгоизмъ въ равной степени болѣзненны: смерть краше жизни. Психологически замѣ-

Digitized by Google

чательно, что смерть устрашаетъ Вѣнцевъ менѣе, чѣмъ недостатокъ въ деньгахъ. Такимъ образомъ самыя сильныя мѣры и наказанія, положенныя Австрійскимъ воинскимъ уставомъ, не могли принудить обывателей къ выдачѣ оружія: безпрестанно находили огромные запасы, не смотря на смертную казнь, назначенную за утайку оружія. Но съ тѣхъ поръ, какъ за эту утайку положена денежная пеня, коменданту доставлено 2000 ружей.

По деревнямъ, окружающимъ Вѣну, царствуетъ тотъ же духъ сиятеній.

При началѣ года разразилась надъ Вѣной новая гроза, вызвавшая нужду и отчаяніе — холера. Но уже мѣра страданій переполнилась, и число погибшихъ при возмущеніи увеличилось не многими жертвами: до сихъ поръ умерло холерою не болѣе 60 человѣкъ.

Изрѣдка Вѣна веселится, какъ можетъ: не достаетъ только теплаго чувства къ воспринятію удовольствія. Даже всегдашній любимецъ Вѣнской публики, Нѣстрой, не успѣваетъ въ настоящее время вызывать обычную улыбку. Его пьеса «Леди и Портной» не могла удержаться на сценѣ. Ту же участь имѣла и другая его пьеса «Олимпійскій Сеймъ»: даже радикалисты говорятъ, что политическое направленіе Нѣстроя уже слишкомъ пропитано желчью. Что не удалось Нѣстрою, удалось другому— Ф. Эльмеру. Его волшебная оперетта «Свадебный поѣздъ Сатаны» имѣла огромный успѣхъ: она одолжена этимъ успѣхомъ превосходному исполненію подъ руководствомъ капельмейстера Суне (Suppé). Но самое большое участіе публики возбудило первое представленіе трагедіи Геббеля (Hebbel) «Юдиѳь». Эта пьеса есть одно изъ лучшихъ произведеній Геббеля. Онъ въ высшей степени обладаетъ тѣмъ, что другимъ Германскимъ писателямъ недоступно: богатствомъ чувства, вымысла и вдохновенія. Но вдохновеніе его проистекаетъ не изъ чисто божественной любви къ изящному: Геббелю непремѣнно нужна буря, битва Титановъ.... Такое направленіе могло бы повредить его произведеніямъ, ежели бы оно не выкупалось пластической красотой выполненія. То же самое можно сказать о его трагедіи «Марія Магдалина.» Радикалисты считали Геббеля за *своего* поэта: къ несказанному ихъ удивленію, и онъ сдѣлался корреспондентомъ Аугсбургской

Digitized by Google

газеты. Эта *апостазія* Геббеля очень ихъ опечалила. Геббель живетъ въ Вѣнѣ съ своей женою, знаменитой актрисой Энгаусъ. Но, какъ я уже сказалъ, вліяніе искусства можетъ быть, при настоящемъ положеніи Вѣны только мгновенно. Одинъ изъ корифеевъ стараго городского Театра (Burgtheater) Карлъ Ларошъ (Laroche) намѣревается отправится въ Петербургъ. Кромѣ Геббеля въ Вѣнѣ есть много молодыхъ драматическихъ, талантливыхъ писателей, но въ настоящее время они почти ограничиваются журнальною дѣятельностію.

Даже знаменитѣйшій изъ нихъ Карлъ Бекъ, пѣвецъ во глубинѣ души, сдѣлался фельетонистомъ: теперешній фельетонъ Ллойда весь въ его рукахъ. Карлъ Векъ, вмѣстѣ съ Анастасіемъ Брюномъ и Николаемъ Ленау, одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ лириковъ. Онъ родился въ Пестѣ; въ 1837 году поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, и черезъ годъ появились въ «Листкѣ для свѣтскихъ людей» нѣкоторые его сонеты, надѣлавшіе много шума. Вскорѣ потомъ издалъ онъ свои «Ночи,» прославившія его имя. Отдавая полную справедливость таланту Г. Бекка, мы можемъ пожелать ему поменѣе напыщенности и туманности и побольше опредѣленности въ выраженіяхъ. Г. Беккъ слишкомъ былъ осыпанъ щедрыми похвалами критиковъ, и эти похвалы пріостановили развитіе его таланта. Прюцъ, первый, указалъ безпристрастно въ Гальской газетѣ на заблужденія и ошибки Бекка, которому это пришлось не по сердцу. За «Ночами» Беккъ написалъ «Странствующаго Поэта,» — поэму исполненную мѣстныхъ красотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнихъ ошибокъ, — небольшое собраніе стихотвореній, «Пѣсенъ въ тихомолку» (stille Lieder) и драму «Саулъ.» Романъ въ стихахъ «Янко» самое удачное произведеніе Бекка. Это сцены изъ народной Венгерской жизни, исполненныя огня. Характеръ поэзіи Бекка выказался здѣсь вполнѣ, какъ характеръ поэзіи Пушкина въ его Евгеніи Онѣгинѣ. Два года, проведенныхъ въ Венгріи, употребилъ онъ на то, чтобъ собрать свои силы; жилъ уединенно и не показывалъ никакого признака своей поэтической жизни. Воротясь въ Дрезденъ, онъ читалъ въ высшихъ кругахъ общества новое свое стихотвореніе религіознаго содержанія — «Воскресеніе.» Изъ Дрездена пріѣхалъ онъ въ Берлинъ, гдѣ былъ очень хорошо принятъ и постоянно окруженъ друзьями его музы. По-

Digitized by Google

томъ соціалисты и радикалы сманили его на свою сторону, и Беккъ сдѣлался однимъ изъ представителей соціальной поэзіи, или лучше сказать элегики, своими «Пѣснями бѣдняка.» Вмѣстѣ съ теплымъ и даже лихорадочнымъ чувствомъ здѣсь соединена аффектація, а въ самомъ исполненіи замѣтна изысканная небрежность. Сначала эти стихотворенія были на расхватъ, но не имѣли никакого значительнаго вліянія, и теперь совершенно забыты. Словомъ, передъ Мартовскими происшествіями, Бекку пришло въ голову подносить публикѣ ежемѣсячные подарки своихъ сочиненій: два собранія такихъ стихотвореній явились подъ заглавіемъ «Мѣсячныхъ розъ.» Это слабые отголоски «Пѣсенъ бѣдняка;» появились также любовныя стихотворенія и разные мелкіе стихи, разбросанные по газетамъ. Послѣ Мартовскихъ возмущеній муза Бекка умолкла, и въ началѣ лѣта онъ сталъ испытывать свои силы прежде всего въ юмористическихъ картинахъ общественной жизни, помѣщенныхъ въ фельетонахъ «Европы,» безъ подписи автора. Въ Вѣнѣ онъ продолжаетъ писать такія же статьи; такъ какъ «Ллойдъ» не слишкомъ благопріятствуетъ радикаламъ, то прежніе единомышленники порицаютъ Бекка за его участіе въ этомъ журналѣ.

Пріятель Бекка съ самыхъ юныхъ лѣтъ — *Яковъ Кауфманъ*. Теперь онъ фельетонистомъ въ одномъ изъ недавно образованныхъ Вѣнскихъ журналовъ — «Oſt-deutſch: Poſt». Кауфманъ стихотворецъ, и очень хорошій: въ Беккобыхъ «ночахъ» лучшее стихотвореніе — «auf Börne's Tod» принадлежитъ ему; но онъ мало пишетъ стихотвореній. Вообще про него можно сказать, что у него превосходныя, блестящія мысли, но недостаетъ терпѣнія для обработки. Преимущественныя занятія Кауфмана — исторія и политика; слогъ его отличается важностію историка и согрѣтъ огнемъ поэта. Въ 1836—1840 годахъ Кауфманъ занимался въ «Берлинскомъ Свѣтскомъ листкѣ» особыми «замѣтками,» и эти замѣтки привлекли общее вниманіе, поддержавъ журналъ, клонившійся къ упадку.

Вѣнская журналистика не представляетъ ничего замѣчательнаго. Г. *Сафиръ*, названный паяцомъ Вѣнской публики, во время смутъ старался всячески угодить демократамъ, бранилъ Виндишгреца, и между прочимъ распустилъ, слухъ, что Виндишгрецъ убитъ. Когда Фельдмаршалъ вошелъ въ Вѣну, Сафиръ

Digitized by Google

явился къ нему съ двумя перьями въ рукахъ и сказалъ: «вотъ оружіе къ стопамъ Вашей Свѣтлости!» Сафиръ старался исходатайствовать дозволеніе Виндишгреца на изданіе своего «Юмориста,» и получилъ наконецъ разрѣшеніе; однако-же Князь сказалъ ему: «Помилуйте, вѣдь я убитъ.»

Нѣкоторые молодые литераторы и журналисты, принимавшіе дѣятельное участіе въ Октабрскихъ смутахъ, оставили Вѣну.

Холишъ, *Энгелендеръ*, *Франкъ* и *Грицнеръ* отправились въ Берлинъ и предприняли изданіе еженедѣльнаго политико-литературнаго журнала (die Wiener Boten). Энглендеръ издавалъ въ Вѣнѣ «Салонъ,» при которомъ выходилъ каррикатурный листокъ; каррикатуры рисованы однимъ изъ братьевъ Карла Бекка. Грицнеръ былъ сотрудникомъ въ одномъ изъ демократическихъ журналовъ (Constitution).

ПЕШТЬ. Здѣсь случилось необыкновенное происшествіе: мужчина родилъ ребенка! При желѣзной дорогѣ работалъ плотникъ, человѣкъ здоровый, прилежный и знающій свое дѣло. Въ послѣднее время онъ простудился и у него оказались всѣ признаки водяной, что очень огорчило всѣхъ его товарищей. На дняхъ больной отправился въ Терезіанштадтъ, но на дорогѣ упалъ въ изнеможеніи у воротъ одного дома. Хозяйка выбѣжала къ нему на помощь, но отступила въ неописанномъ удивленіи и закричала своему мужу! «Ради Бога, выходи скорѣе! какой-то мужчина мучится родами!» Всѣ домашніе выскочили на улицу — и дѣйствительно, въ болѣзни плотника произошелъ счастливый переломъ: больной произвелъ на свѣтъ здороваго ребенка. Ребенка и родильницу отнесли въ домъ, и полицейская стража съ большимъ трудомъ могла удержать напоръ любопытной толпы. Видите, что женщины прибираютъ все къ рукамъ: не только перья, сигары и хлыстики, но даже топоры и струги.

На дняхъ происходило торжественное погребеніе одного солдата, который въ одномъ кровопролитномъ дѣлѣ показалъ рѣдкій примѣръ мужества, самопожертвованія и дисциплины. Фамилія его — *Шедеръ*; онъ служилъ въ артиллеріи и былъ ѣздовымъ. Во время сраженія, пуля раздробила ему ногу; но онъ, собравъ всѣ силы, до конца дѣла, не слѣзалъ съ лошади и сохранилъ ввѣренное ему орудіе въ полномъ дѣйствіи. Привезенный въ

Digitized by Google

Пестскій госпиталь, онъ долго еще страдалъ, но наконецъ смерть освободила его отъ мученій. За его гробомъ шелъ Банъ Іелачичь и всѣ бывшіе въ Пестѣ Генералы.

ГАМБУРГЪ. На здѣшнемъ театральномъ поприщѣ подвизается стихотворецъ Готтшаль, перенесшій сюда свою литературную дѣятельность изъ Кенигсберга. Произведенія Готтшаля не отличаются ни психологическимъ развитіемъ, ни изящнымъ выполненіемъ идеи. Вдохновеніе его какъ-то болѣзненно. По этому-то публикѣ не правилась его трагедія. «*Слѣпая изъ Алькары*», не смотря на превосходную игру актеровъ. Большій успѣхъ должна имѣть новая его трагедія «*Іеронимъ Зейтгеръ*», представленная въ первый разъ въ Гамбургѣ, 28-го Февраля: успѣхъ ея въ Гамбургѣ несомнѣненъ и даже она надѣлала много шума. Впрочемъ трудно рѣшить, до какой степени важенъ здѣсь мѣстный интересъ. Сюжетъ взятъ изъ исторіи Гамбурга XVII-го столѣтія: столкновенія партій, пренія сената и горожанъ, патриціевъ и народа о предметахъ торговли, сюжетъ очень драматическій. Послѣдствіемъ этихъ столкновеній и появленія Датчанъ передъ городомъ было разстройство финансовъ. Іеронимъ Зейтгеръ — трибунъ Гамбургскихъ горожанъ, вмѣстѣ съ своимъ сообщникомъ Ястрамомъ, былъ сначала поднятъ бурной народною волною до облаковъ и потомъ низвергнутъ въ бездну. Обвиненные въ сношеніяхъ съ Даніею, оба они погибли на плахѣ. Дѣйствительно ли хотѣлъ Зейтгеръ предаться въ руки Датчанъ, и что его принудило войдти съ ними въ сношенія — это осталось такою же загадкою, какъ необъяснимый поступокъ Валленштейна. Поэтъ хотѣлъ показать стремленіе и борьбу своего героя въ ясномъ свѣтѣ. Хвалятъ развитіе характеровъ, выведенныхъ Готшалемъ въ его піесѣ. Сюжетъ и самый ходъ драмы сообщены Готтшалю недавно умершимъ актеромъ Бэзономъ (Baison), лучшимъ артистомъ Гамбурга и даже Германіи. Говорятъ, что Бэзонъ много содѣйствовалъ самому сочиненію драмы, и Готтшаль почтилъ его память, назвавъ его своимъ сотрудникомъ въ этой піесѣ. Драма была совершенно окончена въ Октябрѣ, но представленіе ея замедлилось болѣзнію Бэзона, принявшаго на себя главную роль. Превосходно нарисованныя декораціи не только показали зрителямъ старый Гамбургъ, о которомъ насто-

Digitized by Google

ящіе обыватели врядъ ли имѣютъ вѣрное понятіе, но даже воспроизвели зданія и церкви, еще недавно истребленныя пожаромъ. Можно себѣ представить — до какой степени все это подѣйствовало на публику. Готтшаль написалъ въ Гамбургской газетѣ біографію Бэзона; нельзя безъ живѣйшаго участія слѣдить за образованіемъ этого артиста, одареннаго поэтическою душою, проницательнымъ умомъ и тонкимъ юморомъ. Бэзонъ родился въ Майнцѣ, въ 1812 году. Отецъ его служилъ при полиціи и назначалъ сына въ духовное званіе; но молодой Бэзонъ не чувствовалъ призванія къ теологіи, бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Страсбургъ и хотѣлъ вступить въ Алжирскій легіонъ. Уговоренный однимъ родственникомъ воротиться въ Майнцъ, онъ дѣйствительно собрался въ дорогу, но едва завидѣлъ Майнцъ, убѣжалъ снова. Тогда-то онъ понялъ свое призваніе къ искусству. Онъ поступилъ на сцену въ число актеровъ труппы, странствовавшей по южной Германіи и Тиролѣ. Бродячая жизнь и нужда оставили въ его душѣ глубокіе слѣды, которые стали постепенно изглаживаться въ Ашаффенбургѣ и Вюрцбургѣ, гдѣ онъ былъ принятъ на сцену на очень выгодныхъ для него условіяхъ. Здѣсь онъ развилъ свой талантъ; но его прилежаніе, его добросовѣтные труды оставались безъ должнаго вознагражденія: въ Галлѣ его даже освистали неистовые бурши. Сношенія съ людьми образованными и знатоками сценическаго искусства освѣжили душу артиста, и въ Магдебургѣ онъ былъ уже любимцемъ публики. Въ 1845 году онъ былъ вызванъ въ Гамбургъ и дебютировалъ въ Гамлетѣ. Дальнѣйшіе поѣздки Бэзона по Германіи повсюду прославили его имя и доставили ему дружбу съ литераторами художниками *Тикъ и Гансъ* отзываются о Бэзонѣ съ большими похвалами, а съ *Гуцковымъ* Бэзонъ сошелся еще въ Гамбургѣ, и послѣднее его торжество было въ пьесѣ *Гуцкова* — «*Аріэль Акоста*.» Жестокая нервная горячка похитила Бэзона, 13-го Января нынѣшняго года.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТГОЛОСОКЪ.

Въ 3-мъ № Современника напечатана статья: *О назначеніи Русскихъ Университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи*, которая возбудила наше сочувствіе, не смотря на то, что мы нисколько не питаемъ его къ направленію самого журнала въ Русской Словесности. Эта статья принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ и рѣдкихъ у насъ статей, которыми выясняются важнѣйшіе вопросы нашей умственной и нравственной жизни, которыми обнаруживаются настоящія мысли о современномъ направленіи отечественнаго просвѣщенія. *

Въ наше время, середи тѣхъ событій, какія окружаютъ насъ въ Западной Европѣ, намъ неизбѣжно необходимо обратить вниманіе на два предмета: *во-первыхъ*, болѣе чѣмъ когда-нибудь сознать основныя начала Русской жизни и укрѣпить ихъ въ самихъ себѣ; *во-вторыхъ*, не испугаться Европейскаго образованія. Кажется, оба эти предмета такъ тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, что и раздѣлить ихъ невозможно. Начала Русской жизни даютъ прочную основу Европейскому образованію у насъ и ограждаютъ его отъ всего того, что намъ не нужно; Европейское же образованіе, съ одной стороны сближая насъ со всѣмъ человѣчествомъ въ томъ, въ чемъ мы должны съ

---

* Что касается до меня, о нѣкоторыхъ ея положеніяхъ я буду говорить особо. *М. П.*

Digitized by Google

намъ сблизиться, съ другой разумно убѣждаетъ насъ въ истинности нашихъ основъ. Въ семъ послѣднемъ пунктѣ не всѣ мы согласны. Нѣкоторые воображаютъ между Европейскимъ образованіемъ и основными началами нашей жизни такое непримиримое противорѣчіе, котораго и разрѣшить не возможно. Отсюда, съ одной стороны страхъ за Русскія начала и антипатія къ Европейскому образованію; съ другой, симпатія къ сему послѣднему во вредъ Русскимъ началамъ: и тамъ и тутъ крайности, поддерживающія и условливающія другъ друга. Тутъ есть недоразумѣніе, которое надобно выяснить. Въ Европейскомъ образованіи надобно отличить двѣ стороны: истинную и ложную, отъ которой отказываются, какъ мы это ежедневно видимъ и на Западѣ, настоящіе представители стороны истинной. Ложную сторону нельзя согласить не только съ началами нашей жизни, но даже и съ началами жизни Европейской, ибо она едва ли признаетъ какія-нибудь начала. Девизъ ея безначаліе во всемъ: въ умѣ, въ сердцѣ, въ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ. А какъ согласовать истинное Европейское образованіе съ началами Русской жизни — рѣшеніе этого вопроса составляетъ содержаніе всей новой нашей исторіи отъ самыхъ временъ Петра Великаго до нынѣшняго дня. Такіе вопросы не рѣшаются отвлеченными разсужденіями, а рѣшаются великими опытами жизни народовъ: вникайте въ смыслъ полутора столѣтія, которое мы проживаемъ въ связи съ Западною Европою, и живая исторія этого времени замѣнитъ вамъ любое разсужденіе. Откажемся ли мы отъ этой исторіи? Нѣтъ, мы стоимъ за нее теперь, какъ стояли за древнюю: ибо и та и другая разумно необходимы.

Въ послѣдней, меньшей половинѣ важное мѣсто занимаютъ Университеты, и самое первое — Университетъ Московскій, какъ одинъ изъ главныхъ рѣшителей великой задачи новаго бытія нашего: согласовать Европейское образованіе съ началами Русской жизни. Первая мысль объ Университетахъ принадлежитъ древнему періоду: ее питалъ и Борисъ Годуновъ, но тогда не могла она осущест-

Digitized by Google

виться. Препятствія къ тому были на Западѣ въ самомъ духѣ и устройствѣ его ученія, имѣвшаго Римскій богословскій характеръ. Академію свою Петръ основалъ съ тою цѣлью, чтобы ей быть зародышемъ Русскаго Университета. Ломоносовъ былъ такимъ Университетомъ, по счастливому выраженію Пушкина. Московскій Университетъ отъ него ведетъ свое начало. Младшіе Университеты отъ Московскаго. Шести лѣтъ недостаетъ до того столѣтняго юбилея, котораго наша столица должна ожидать съ нетерпѣніемъ и съ благодарностію къ своему разсаднику науки. За шесть лѣтъ до такого торжества, на которое старѣйшій изъ Университетовъ имѣетъ полное право, намъ ли сомнѣваться въ пользѣ Университетовъ и въ высокости ихъ назначенія?

вѣсть изъ одессы. — Не чужіе вовсе Москвѣ, мы всегда искренно радуемся, издали, всякому успѣху нашей славной древней столицы: ни время, ни разстояніе не уменьшили нашей къ ней привязанности. Увѣрены, что добрая вѣсть и объ нашемъ отдаленномъ городѣ будетъ вамъ пріятна.

Съ наступленіемъ тихихъ дней поста, среди неумолкаемой торговой дѣятельности, наука обогащаетъ насъ своими свѣтлыми истинами чрезъ открытое, живое слово, доступное всѣмъ. Въ Ришельевскомъ Лицеѣ читаются теперь, съ разрѣшенія Его Сіятельства Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, публичныя лекціи: популярной Астрономіи Профессоромъ В. В. *Петровскимъ* и Химіи Х. Г. *Гассгагендмъ*, которыя привлекаютъ любознательныхъ слушателей, хотя, правду сказать, взявъ во вниманіе огромную населенность города, ихъ бы должно быть гораздо больше. Но все идетъ постепенно: давно ли утвердилась Одесса? Въ 1789 году — ничтожная мусульманская деревушка Гаджибей: теперь стотысячное населеніе и всѣ средства къ образованію, между коими публичныя лекціи конечно уже можно счесть за роскошь просвѣщенія. — Первыя публичныя лекціи въ Одессѣ, сколько намъ извѣстно, читаны были въ 1840 году, изъ Физики, безмездно, Профессоромъ В. Е. *Левтеропуло*; въ другой разъ имъ же,

Digitized by Google

въ 1847 году съ пожертвованіемъ всего за нихъ сбора въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Г. Профессоръ Гассгагенъ своими лекціями доставляетъ удовольствіе публикѣ уже въ пятый разъ.

И въ настоящее время съ пользою соединяется добро: сборъ за лекціи Астрономіи назначенъ на предметъ благотвореній. — *Ф. Л.*

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ АРХИВАХЪ ОВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ ПОРТѢ. — Контръ-Адмиралъ П. Н. Кузмищевъ, извѣстный прекраснымъ собраніемъ мѣстныхъ словъ Камчатки и Архангельской губерніи, предпринялъ нынѣ трудъ, за который поблагодарятъ его всѣ любители отечественной исторіи, а особенно моряки. Кромѣ «Жизнеописанія Адмираловъ», Берха и двухъ-трехъ книгъ, мы не имѣемъ ничего для исторіи нашего флота. А между тѣмъ, вѣроятно, не огромныхъ бы трудовъ стоило составить пока хотя отдѣльныя исторіи каждаго изъ Русскихъ портовъ, что и послужило бы основнымъ камнемъ для будущаго зданія. Г. Кузмищевъ *первый* приступаетъ къ такому дѣлу, — и мы усердно желаемъ успѣшнаго окончанія составляемой имъ «Исторіи Архангельскаго Порта.» Въ Арханг. Губерн. Вѣдомостяхъ онъ помѣщаетъ иногда извлеченія изъ своихъ архивныхъ находокъ, въ которыхъ много любопытнаго. Въ одномъ изъ этихъ извлеченій мы встрѣтили *предисловіе* — собственныя мысли автора о предпринятомъ имъ трудѣ и вообще о важности разработки архивныхъ актовъ. Приводимъ изъ него замѣчательнѣйшія мѣста: «Если бы каждое присутственное мѣсто, или особое управленіе въ губерніи, каждый городъ, посадъ, каждый монастырь, выбрали изъ своихъ архивовъ все, относящееся до происшествій и быта прежнихъ временъ — тогда мы имѣли бы матеріалы для исторіи своей губерніи. А они, въ свой чередъ дали бы матеріалы для новѣйшей исторіи Россіи. Эти извлеченія изъ архивовъ навѣрное представятъ намъ много *новаго*. Здѣсь подъ словомъ «новое» я разумѣю забытое, утраченное: потому что все потерянное и возобновленное, всякая историческая находка — есть новизна

Digitized by Google

для Исторіи. Если бы даже и не много нашлось *новаго во старинѣ*, особеннаго, неизвѣстнаго до нынѣ, то непремѣнно встрѣтится поясненіе, дополненіе прежняго, повѣрка и подтвержденіе мало или не точно извѣстнаго. И то и другое безділица, и тѣмъ, какъ очевиднымъ свидѣтелемъ, въ дѣлѣ исторіи пренебрегать не должно!

«Не говорю, чтобы архивы были единственные источники для исторіи: напротивъ, есть много другихъ для нея пособій; но въ наше время, архивы — пока они цѣлы — главные и богатѣйшіе источники. Скажу опять, что надо прежде имѣть частныя исторіи мѣстъ, лицъ и проч., и изъ нихъ уже составлять общую. Напримѣръ: не имѣя исторій нашихъ адмиралтействъ и портовъ, походовъ флота, описанія морскихъ сраженій, кораблекрушеній, жизнеописаній лицъ извѣстныхъ и знаменитыхъ, не зная о постепенномъ усовершенствованіи, или перемѣнахъ въ построеніи и вооруженіи судовъ, въ сигналахъ, въ учебныхъ сочиненіяхъ и пособіяхъ; не имѣя полнаго изданія морскихъ путешествій, описи корабельныхъ лѣсовъ, морей, и безъ другихъ сочиненій и записокъ, относящихся къ дѣлу, — мы не будемъ имѣть исторіи флота; иначе она будетъ не полна, преждевременна. Точно то же, или подобное, можно сказать въ отношеніи къ какой-либо губерніи или странѣ. И потому, съ цѣлію имѣть исторію какого-либо управленія, города или губерніи, весьма желательно, и непремѣнно надобно, чтобъ были разобраны, прочтены и разработаны всѣ архивы въ губерніи; а сдѣланныя изъ нихъ извлеченія напечатаны. Потомъ, конечно, слѣдуетъ свести, разобрать, очистить критикою эти и другіе матеріалы, — и изъ нихъ уже строить зданіе исторіи. Это пока еще не наше дѣло, а будущаго историка. Наше дѣло подготовить ему матеріалы.

«Въ наше время мы встрѣчаемъ иногда въ печати исторію какого-нибудь Русскаго города, и не рѣдко, не находимъ въ ней ничего новаго или весьма мало; потому что она вся почти выбрана изъ другихъ печатныхъ книгъ, а чаще всего изъ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина. Пока онъ руководитъ насъ — мы идемъ смѣло; но сами не пускаемся вдаль. Говоря сравненіемъ, у насъ

Digitized by Google

не источники, не ключи, не ручейки доставляютъ воду въ рѣчки и рѣки, и наконецъ въ главную большую *рѣку времени*, — а обратно, зачерпываютъ изъ нея и даютъ намъ будто бы новую, отдѣльную исторійку. Но это не утоляетъ нашей исторической жажды. Съ такою работою, съ такими передѣлками, мы не далеко уйдемъ впередъ на поприщѣ исторіи. *Безъ матеріаловъ не возможно построить зданія, каковъ бы ни былъ строитель.*»

ПРОИЗВОДИТЕЛИ ТОРГОВЛИ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ПОРТѢ ВЪ 1847 ГОДУ. — Къ С.-Петербургскому порту въ прошломъ году привезено было разныхъ товаровъ слишкомъ на 65 милл. руб. сер., а вывезено изъ него болѣе нежели на 41½ милл. руб. сер. Число главныхъ негоціантовъ, посредствомъ которыхъ производилась эта торговля, простиралось слишкомъ до 70 чел. Свыше *полумилліона* руб. сер. производили торговлю, по привозу или по отпуску, 50 челов., и въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ, точно какъ и въ Одессѣ, только *пятерыхъ* Русскихъ (Елисѣева, Малютиныхъ, Мѣняева и Пономарева, обороты котораго, самые значительнѣйшіе между ними, простирались до 1 милл. 600 т. р. с.) Изъ иностранныхъ же производителей главные были: Буассонетъ, Брантъ и К°, Гарвей, Гольцгауеръ, Губбардъ и К°, Ралли и Скараманга, Томасъ Бонаръ и К°, Шлюссеръ и К°, Штиглицъ и К° (обороты послѣдняго простирались до 7½ милл. руб. сер.).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПРИМѢРЫ ДОЛГОЛѢТІЯ. — Въ ежегодныхъ извѣстіяхъ о числѣ родившихся и умершихъ по разнымъ епархіямъ нашего отечества, мы почти всегда находимъ нѣсколько человѣкъ, жизнь которыхъ перешла столѣтній возрастъ. Но вотъ не совсѣмъ обыкновенные примѣры долголѣтія: въ Нижегородской епархіи, въ 1848 году, умерло 9 человѣкъ (4 мужч. и 5 женщ.), которыхъ Богъ благословилъ достичь 126-лѣтняго возраста! Между этими современниками Петра I-го былъ одинъ рядовой инвалидъ, по имени Александръ *Суворовъ*.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Кажется — никогда не встрѣчала Москва дорогихъ своихъ гостей съ такою радостію, какъ нынѣ. Отъ чего происходитъ это? Отъ того ли, что Царь давно здѣсь не былъ,— отъ того ли, что теперь пріѣхалъ Онъ не одинъ, а съ Царицею, со всѣми Сыновьями и Невѣстками, Дочерьми и Зятьями, и такое посѣщеніе, съ семьей въ семью, дружелюбное, родственное, отеческое, возбуждаетъ особенное чувство, — отъ того ли, что мы встрѣчаемъ Его на новосельѣ, съ коимъ обыкновенно, въ нашемъ быту, соединяются желанія, самыя горячія, — отъ того ли, что Онъ утѣшилъ насъ къ празднику, а кто знаетъ Русскаго человѣка, тотъ понимаетъ, что значитъ для Него: къ празднику, и какому празднику! Можетъ быть, все это вмѣстѣ увеличиваетъ обыкновенную радость, но есть еще одна причина, которая едва ли не имѣетъ здѣсь большаго участія. Какая же?

У народа есть органъ, котораго не достаетъ у прочихъ такъ называемыхъ образованныхъ сословій, органъ втораго зрѣнія, какого-то безотчетнаго, таинственнаго предчувствія, органъ, который на всѣхъ языкахъ выражается пословицей: гласъ народа — гласъ Божій (vox populi—vox Dei). Народъ радуется, скорбитъ, безпокоится, веселится, какъ птица воздушная, которая угадываетъ бурю и вёдро скорѣе и вѣрнѣе всѣхъ физиковъ и метеорологовъ. Русскій народъ почувствовалъ, кажется, что никогда его Царь не былъ такъ дорогъ, такъ нуженъ, для него, для отечества, для Европы, для мира всего міра, какъ теперь. Ему слышится, что на этой Главѣ, по неисповѣдимому Промыслу Божію, почіютъ нынѣ судьбы тысячей и темъ.

Digitized by Google

Но полно такъ ли это? Разсудимъ....

Всякой согласится, что общество Европейское потрясено въ своихъ основаніяхъ, и ищетъ себѣ новыхъ опоръ. Оно найдетъ ихъ, ибо благое Провидѣніе со всѣхъ путей зла приводитъ человѣчество къ одной своей цѣли, къ добру, — но пока продолжаются тревожные поиски, и смѣняются мучительные опыты, не всякую ли минуту опасность грозитъ въ Европѣ гибелью всему драгоцѣнному, что пріобрѣтено, втеченіи вѣковъ, страданіями и слезами, потомъ и кровью, желаніями и молитвами всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній? И во всякую такую, страшную, минуту, — скажите, — не обращаются ли взоры съ каждой стороны, съ правой и лѣвой, сюда, къ намъ, на далекій Сѣверъ, къ этому поносимому безумцами народу, и его великомощному Царю: что Онъ подумаетъ, что Онъ скажетъ, что Онъ сдѣлаетъ?

Но Онъ, кажется, ничего не дѣлаетъ, ничего не предпринимаетъ, не указываетъ, Онъ молчитъ.

Да, Онъ молчитъ, и между тѣмъ мысль объ Немъ у однихъ удерживаетъ руку, уже поднятую, и она внезапно опускается въ нерѣшимости. Да, Онъ молчитъ, и между тѣмъ другіе съ мыслію о Немъ засыпаютъ покойнѣе на своихъ терніемъ покрытыхъ ложахъ; одни почерпаютъ въ этой мысли для себя бодрость, другіе поражаются робостію; для однихъ здѣсь надежда, для другихъ страхъ.

Удивительный жребій выпалъ на долю двухъ братьевъ! Старшій, Александръ, отразилъ нашествіе двадесяти языковъ подъ предводительствомъ такого человѣка, у котораго въ умѣ было силы можетъ быть еще больше, чѣмъ у всѣхъ ихъ вмѣстѣ; Александръ, въ громѣ битвъ, подъ заревомъ пожаровъ, среди воинственныхъ кликовъ, прошелъ торжественно изъ конца въ конецъ всю Европу, и рѣшилъ надолго ея судьбу, въ обществѣ предводимыхъ имъ Царей.

Другой—рѣшаетъ ее одинъ, не поднимая руки, не произнося слова, не двигаясь съ мѣста, одинъ одинехонекъ,

Digitized by Google

въ тишинѣ своего кабинета; рѣшаетъ, говорю, силою своего имени, — уравновѣшивая всѣ движенія, ослабляя нападенія, подкрѣпляя отпоры....

Чей жребій выше, чья задача мудренѣе? Никто не осмѣлится теперь отвѣчать на этотъ вопросъ. Мы стоимъ еще будто на берегу другаго Нѣмана, и видимъ предъ собою только начало какого-то новаго, неслыханнаго, невиданнаго Европейскаго пещнаго дѣйствія. Мы не знаемъ, чѣмъ оно кончится, а тѣмъ менѣе, какой приговоръ произнесетъ будущая Исторія дѣйствующимъ лицамъ. Мы можемъ только молиться въ эту великую минуту, чтобъ Тотъ, Имъ же царіе царствуютъ и господіе господствуютъ, низпослалъ нашему Царю духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, разрѣшить свою задачу наиблаготворнѣе, къ общему удовольствію всѣхъ племенъ и народовъ, и содѣйствовать счастливому окончанію Европейскихъ смутъ, — да получитъ каждый свое, да обуздается сильный, укрѣпится слабый, умилостивится богатый, удовлетворится бѣдный, и утомленная, измученная, настрадавшаяся Европа, благодаря Его разумному, безпристрастному посредничеству, Его нравственному, благому участію, воскликнетъ наконецъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благословеніе!

А мы, на святой Руси, спокойные и безопасные, возблагодаримъ Бога за наши миръ и тишину; убѣдимся, размышляя объ Европейскихъ происшествіяхъ, что счастіе народовъ, равно какъ и людей, зависитъ не отъ одной формы правленія, а гораздо болѣе отъ его идеи; убѣдимся, что лучшая форма можетъ исказиться исполненіемъ, и наоборотъ; примемъ къ сердцу Евангельское изреченіе, что одна буква умерщвляетъ, и только Духъ животворитъ; позаботимся всего болѣе о внутреннемъ,—внѣшняя же вся приложатся къ тому. Пусть вѣра и власть, коихъ утрата составляетъ бѣдствіе Европы, по общему признанію всѣхъ первыхъ и лучшихъ ея мыслителей, выражаются и преуспѣваютъ у насъ чисто, законно и свято; пусть народъ, подъ ихъ священною сѣнію, совершенствуется безпрепятственно во всѣхъ отъ Бога ему

Digitized by Google

дарованныхъ способностяхъ, и пользуется Его небесными дарами безъ исключенія. Пусть всѣ сословія, вѣрныя историческому своему происхожденію, любясь взаимно, идутъ твердо по ихъ пути, не прельщаясь никакими чуждыми призраками, и терпѣливо ожидая, по примѣру предковъ, исполненія своихъ судебъ!

И такъ да здравствуетъ святая Русь, и ея славный, единственный, представитель, Русскій Царь, со всѣмъ Своимъ августѣйшимъ семействомъ! Да осѣняетъ Его Всевышній Своимъ покровомъ, и да процвѣтаютъ всѣ Царственныя лѣторасли, Ему въ утѣшеніе, отечеству въ пользу и славу!

Да здравствуетъ Духовенство, уча народъ въ духѣ благочестія и чистоты, въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, — и удовлетворяя его высшимъ потребамъ!

Да здравствуетъ Дворянство, служа вѣрой и правдой, на полѣ брани и въ судилищѣ мира, покидая болѣе и болѣе иностранное воспитаніе, съ Французскимъ языкомъ, которое мѣшаетъ ему быть вполнѣ Русскимъ!

Да здравствуетъ купе́чество, надѣляя насъ плодами всемірной промышленности, и жертвуя своими избытками, какъ прежде, на пользу меньшихъ братій!

Да здравствуетъ крестьянство, и въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, кормя насъ всѣхъ до сытости, да пріиметъ мзду свою!

Да здравствуетъ благородное воинство, и да не оставляетъ побѣда никогда славныхъ знаменъ его!

Да здравствуетъ ученое и пишущее сословіе, памятуя, что въ его рукахъ теперь врящется мечь сильный, мечь обоюду-острый, которымъ оно должно поражать порокъ, а не потворствовать ему, — и споспѣшествовать распространенію въ народѣ истинныхъ понятій и познаній.

Да здравствуетъ, да здравствуетъ весь православный народъ!

Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!

М. Погодинъ.

27 Марта,
1849

Digitized by Google

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ НА ЛЕКЦІЯХЪ УНИВЕРСИТЕТА.

На прошедшей недѣлѣ, Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ посѣтилъ Московскій Университетъ. Пріѣхавъ въ Москву для краткаго отдыха, государственный мужъ первыя минуты этого отдыха посвятилъ нашему Университету: явленіе пріятное, котораго мы не можемъ не записать въ Московской лѣтописи. Во вторникъ, Графъ выслушалъ двѣ лекціи въ Юридическомъ Факультетѣ: Профессоровъ Крылова и Орнатскаго; въ четвергъ, въ первомъ Отдѣленіи Философскаго Факультета также двѣ, Профессоровъ Шевырева и Грановскаго. Бесѣды сановника съ Профессорами, и объ Римскомъ Правѣ, и объ Словѣ о полку Игоревѣ, съ полнымъ знаніемъ дѣла до малѣйшихъ подробностей, обнаруживали и радушное вниманіе его къ лекціямъ профессорскимъ, и всю многосторонность его разнообразныхъ свѣдѣній. И Профессоры и Студенты умѣютъ цѣнить такое вниманіе. Въ то время, когда праздные люди, толкуютъ о какомъ-то преобразованіи Университетовъ, и становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія *, членамъ Московскаго Университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ Русскимъ съ высокою степенью Европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ Университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на вѣрные разсадники Русскаго просвѣщенія.

Университетъ надѣется, что почетный гость его еще не разъ посѣтитъ его аудиторіи, на Ѳоминой недѣлѣ.

---

* См. статью въ 3 N Современника, перепечатанную въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: *О назначеніи Русскихъ Университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи.*

Digitized by Google

ДВОРЕЦЪ МОСКОВСКИХЪ ЦАРЕЙ

ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Слово дворецъ въ древнемъ смыслѣ значило малый дворъ; а подъ словомъ дворъ разумѣли вообще жилище со всѣми принадлежащими къ нему хозяйственными постройками, или такъ называемыми службами, [1] отъ чего и люди, жившіе на дворѣ или на дворцѣ, при своихъ службахъ, именовались дворянами и, собирательно, дворомъ и дворцомъ; а лице, завѣдывавшее дворцомъ въ обоихъ значеніяхъ, называлось дворецкимъ.

Это же самое значеніе въ древности имѣлъ и Государевъ Кремлевскій Дворецъ.

Въ началѣ XVIII вѣка слово дворецъ принимаетъ другое значеніе, съ которымъ и остается до нашего времени. Въ XVII столѣтіи дворцу, въ теперешнемъ его значеніи, соотвѣтствовало слово *Верхъ*.

Въ предлагаемой статьѣ мы обратимъ вниманіе на Царскій Дворецъ только въ первомъ его значеніи, т. е. какъ на совокупность разнаго рода зданій, бывшихъ на Государевомъ дворѣ, и сначала представимъ очеркъ исторіи дворца въ этомъ значеніи, потомъ постараемся уяснить себѣ его расположеніе во второй половинѣ XVII столѣтія, когда онъ былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, опишемъ его внѣшнія и внутреннія украшенія, мебель и прочій *нарядъ* палатный и комнатный, и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ дворца со временъ Петра Великаго.

Digitized by Google

О дворцѣ первыхъ В. К. Московскихъ лѣтописцы не говорятъ почти ни слова. Изъ намековъ, случайно попавшихъ въ лѣтопись, узнаёмъ только, что этотъ дворецъ занималъ отчасти то же самое мѣсто, на которомъ воздвигнутъ теперь новый златоверхій Дворецъ Императорскій, и сначала, разумѣется, не былъ такъ обширенъ, какъ находимъ его въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Лѣтописецъ, говоря о постройкѣ, въ 1330 году, каменной церкви Спаса на Бору и объ учрежденіи при ней монастыря, прибавляетъ, что она стояла близъ Великокняжескаго двора; извѣстія же конца XV вѣка показываютъ, что эта церковь была уже на дворцѣ, т. е. среди Великокняжескаго двора. Само собою разумѣется, что хоромы Великаго Князя и всѣ хозяйственныя постройки на его дворѣ были деревянныя. Но какъ они были расположены, какое значеніе каждое зданіе имѣло въ домашнемъ быту Великаго Князя, какъ называлось, какой былъ наружный видъ хоромъ и ихъ внутреннее убранство, все это покрыто мракомъ совершенной неизвѣстности, по случаю не менѣе совершеннаго молчанія нашихъ лѣтописей и вообще такъ называемыхъ источниковъ. Только позднѣйшія извѣстія, конца XV столѣтія, даютъ нѣкоторое понятіе о деревянномъ дворцѣ Великихъ Князей. *Златоверхій набережный теремъ* и *набережныя сѣни* Димитрія Донскаго, упоминаемыя въ извѣстномъ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, прямо указываютъ на мѣстоположеніе древнихъ Великокняжескихъ хоромъ. Они стояли на высокомъ берегу Москвы рѣки, [2] на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи видимъ набережную палату и гдѣ, съ восточной стороны этихъ хоромъ, сынъ Донскаго, Василій Дмитріевичь, пристроилъ церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, которая такимъ образомъ соединилась посредствомъ сѣней съ Великокняжескими хоромами. Лѣтописи конца XV вѣка и другіе современные имъ акты, говоря мимоходомъ о деревянномъ дворцѣ, упоминаютъ *среднюю горницу*, [3] въ которой В. К. Іоаннъ III, въ 1479 году, по случаю торжественнаго освященія новаго Успенскаго собора и перенесенія въ этотъ соборъ мощей Московскихъ чудотворцевъ, давалъ столъ Митрополиту и вла-

Digitized by Google

стямъ духовнымъ. Упоминаютъ еще *середнюю повалушу* [4] Великой Княгини Софіи Ѳоминишны, гдѣ представлялся ей посолъ цесарскій Юрій Делаторъ, въ 1490 году, и *столовую гридню* и *повалушу* [5] Великаго Князя, записанныя лѣтописцемъ по случаю заключенія въ 1492 году несчастнаго Угличьскаго Князя Андрея Васильевича. Вотъ все, что мы знаемъ о деревянномъ дворцѣ Великихъ Князей Московскихъ. Но любопытство наше не должно останавливаться на этихъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ. Не дѣлая анахронизмовъ, мы можемъ воспользоваться позднѣйшими извѣстіями, которыя, хотя и не прямо указываютъ на дворецъ, тѣмъ не менѣе очень хорошо знакомятъ съ деревянными хоромами того времени; а основныя черты этихъ хоромъ, при единствѣ обычаевъ и образа жизни, были общи для всего населенія Московскаго Государства, начиная съ простолюдина и оканчивая Великимъ Княземъ.

Такимъ образомъ, чтобы составить хотя поверхностное понятіе о деревянномъ дворцѣ Вел. Князя, узнать составъ и расположеніе его хоромъ, мы должны прежде всего заглянуть въ жилище его подданнаго, которое не такъ бѣдно въ отношеніи извѣстій, сохранившихся въ лѣтописяхъ и древнихъ, особенно юридическихъ, актахъ.

Изба, древняя *истьба*, *истопка*, [6] была единственнымъ жилищемъ древняго Русскаго человѣка. Противъ этой избы, обыкновенно *поземной* и *черной*, т. е. курной, съ *волоковыми* окнами, семьянистый и зажиточный простолюдинъ ставилъ *клѣть*, такую жъ избу, только безъ печи, холодную, также съ волоковыми окнами, и соединялъ ту и другую *сѣньми*. Подъ клѣтью, которая въ иныхъ мѣстахъ называлась *повалушею*, былъ почти всегда глухой *подклѣтъ*, иногда *мшаникъ*, въ которыхъ помѣщался скотъ. Вотъ жилище простолюдина. Мы беремъ только главныя черты, не упоминая о разныхъ принадлежностяхъ крестьянскаго *двора*, потому что всѣ эти принадлежности съ незапамятныхъ временъ и до нынѣ существуютъ почти безъ измѣненій.

У людей другихъ сословій, у богатыхъ гостей, дворянъ и наконецъ у бояръ, постройка и расположеніе хоромъ измѣнялись по мѣрѣ потребностей, вытекавшихъ изъ

Digitized by Google

жизни каждаго лица, хотя въ главныхъ чертахъ, и сохраняли первобытный типъ избы и клѣти простолюдина.

Вмѣсто черной, поземной избы здѣсь ставилась *изба бѣлая*, также поземная; впрочемъ большею частію она строилась на подклѣтѣ, почему и называлась *горницею*, какъ верхній, горній покой въ отношеніи къ этому подклѣту, и была всегда съ *красными* [7] косящетыми окнами, при которыхъ однакожъ допускались и малыя *волоковыя*, располагаемыя обыкновенно по сторонамъ красныхъ. Въ непосредственной связи съ горницею были *комнаты*, число которыхъ простиралось иногда до трехъ. Что же касается до подклѣтовъ, то это были нижніе этажи древнихъ хоромъ; въ нихъ помѣщались людскія кладовыя и проч.; въ первомъ случаѣ они были *жилые* съ волоковыми окнами, во второмъ — *глухіе*, т. е. не жилые, безъ оконъ.

Обширныя *сѣни* соединяли горницу съ *повалушею*, которая ставилась противъ горницы также на жиломъ или глухомъ подклѣтѣ и названіе которой частію однозначительно съ горницею и произошло отъ слова *валъ*, волокъ, то же что накатъ, бревенчатый потолокъ. Клѣть, выстроенная на этомъ накатѣ или на этомъ валу, называлась *повалушей*, точно такъ, какъ внутренняя сторона наката, обращенная въ жилой покой, именовалась *подволокой* или, какъ теперь, потолкомъ. Кромѣ горницы и повалуши, въ составъ старинныхъ хоромъ входили еще *свѣтлица* и *сѣнникъ*. Свѣтлица та же горница, съ одними только красными косящетыми окнами, которыхъ въ ней было больше, нежели въ горницѣ, и которыя, разумѣется, давали болѣе *свѣту*, нежели окна горницы и всякаго другаго покоя. Сѣнникъ или сѣнница [8], холодный покой, безъ печи, большею частію съ волоковыми окнами, служившій лѣтомъ спальнею; отъ теплыхъ хоромъ онъ отличался особенно тѣмъ, что на досчатомъ или бревенчатомъ потолкѣ его, какъ и на потолкѣ сѣней, никогда не насыпалась земля, что необходимо было при устройствѣ теплаго покоя. Отъ этого сѣнникъ получалъ весьма важное значеніе во время древнихъ свадебъ; въ немъ обыкновенно устроивалась брачная постель; а древніе обычаи не допускали, чтобъ у ново-

Digitized by Google

брачныхъ надъ головами была земля, какъ такой предметъ, который, среди радостей жизни, могъ подать поводъ къ размышленію о смерти, по крайней мѣрѣ такъ объясняетъ этотъ обычай Англичанинъ Коллинсъ, посѣщавшій Москву при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

Сѣнями же назывались всѣ части хоромъ, которыя расположены были предъ входомъ въ жилые и нежилые покои, соединяя всѣ отдѣльныя *хоромины*, какъ говорили тогда, т. е. горницы, повалуши, клѣти, свѣтлицы и пр. Сѣни, находившіяся внѣ общей кровли, непокрытыя или покрытыя однимъ навѣсомъ, назывались *переходами*, или *крыльцомъ*, если при нихъ была лѣстница со двора. Въ горницахъ и повалушахъ, а преимущественно въ сѣняхъ, устроивались *чуланы* и *каморки*. Надъ сѣньми иногда дѣлался *верхъ* или *вышка*, свѣтелка, а внизу *подсѣнье*. Верхній этажъ древнихъ хоромъ составляли свѣтлые *чердаки* и *терема*, которые, если не были тѣ же чердаки, то по крайней мѣрѣ не многимъ отъ нихъ отличались. Какъ тѣ, такъ и другіе устроивались подъ самой кровлей зданія, были со всѣхъ сторонъ открыты, почему и пользовались обширнымъ видомъ. Къ нимъ пристроивались иногда *смотрильни*, небольшія башенки, съ которыхъ смотрѣли на окрестность. Отличительною чертою теремовъ и чердаковъ были частыя окны.

Въ заключеніе этого поверхностнаго обзора древнихъ деревянныхъ хоромъ нужно упомянуть, что въ большихъ хоромахъ расположеніе частей не было подчинено ни какому особенному, общепринятому плану; они ставились совершенно произвольно, смотря по удобству и различнымъ требованіямъ, которыя условливались значеніемъ строившаго лица, многочисленностію его семьи, и т. д. [9]

Таковы были общія черты старинныхъ деревянныхъ построекъ въ Московскомъ Государствѣ. Эти же самыя черты, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, повторяются и въ хоромахъ Великаго Князя. Мы упоминали уже о теремѣ, средней горницѣ, столовой гриднѣ и повалушахъ. По этимъ названіямъ можно судить и о прочихъ частяхъ Великокняжескихъ хоромъ: они были совершенно подобны

Digitized by Google

описаннымъ выше. Уклоненія отъ общаго характера были весьма незначительны и условливались тѣми требованіями, которыя вытекали собственно изъ значенія Великаго Князя среди семьи народной. Вообще Великокняжескія хоромы, какъ древнѣйшія, такъ и строенныя во времена Царей, сообразно назначенію ихъ въ домашнемъ быту Государя, можно разсматривать какъ три особыя отдѣленія.

Во-первыхъ хоромы *постельныя*, собственно жилыя или, какъ называли ихъ въ XVII вѣкѣ, *покоевыя*. Они были не обширны; три, много четыре комнаты, въ одной связи, служили весьма достаточнымъ помѣщеніемъ для Государя; одна изъ этихъ комнатъ, обыкновенно самая дальняя, служила постельною, опочивальною, ложницею; подлѣ нея устроивалась *крестовая* или моленная; другая, средняя, имѣла значеніе теперешняго кабинета и называлась собственно *комнатою*, и наконецъ, первая по входѣ, именовалась *переднею*, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это слово теперь: эта передняя была собственно пріемною; нынѣшней же передней въ древности соотвѣтствовали сѣни, которыя въ Государевыхъ хоромахъ почти всегда были теплыя. Чуланы и каморки, устроиваемые въ сѣняхъ или даже въ самыхъ комнатахъ, были также, вмѣстѣ съ подклѣтами, необходимы въ домашнемъ быту Государя. Надъ хоромами тѣ же свѣтлые чердаки и терема съ частыми окнами, съ башенками, узорочно украшенные рѣзьбою. Сѣнникъ и мыльня, принадлежавшіе также къ постельнымъ хоромамъ, стояли всегда отъ нихъ отдѣльно. *Княгинина половина*, хоромы Государевыхъ дѣтей и родственниковъ, ставились отдѣльно отъ жилыхъ хоромъ Государя, и съ небольшими измѣненіями во всемъ походили на послѣднія. [10]

Ко второму отдѣленію мы относимъ хоромы *непокоевыя*, назначенныя собственно для торжественныхъ собраній. Въ нихъ Государь, слѣдуя тогдашнимъ обычаямъ, являлся только въ важныхъ торжественныхъ случаяхъ среди бояръ и духовныхъ властей. Въ нихъ происходили духовные и земскіе соборы, давались праздничные и свадебные Государевы столы, однимъ словомъ, это были парадныя залы

Digitized by Google

въ деревянныхъ хоромахъ, которымъ соотвѣтствовали разныя палаты выстроеннаго впослѣдствіи каменнаго дворца. Сообразно такому назначенію хоромы этого отдѣленія были обширнѣе прочихъ и стояли впереди хоромъ постельныхъ, которыя помѣщались обыкновенно въ глубинѣ двора. Что же касается до названій, то эти хоромы не носили особенныхъ именъ, за исключеніемъ развѣ *грядни*, а были извѣстны подъ общими именами столовой избы, горницы и повалуши.

Къ третьему отдѣленію принадлежали всѣ хозяйственныя постройки, располагаемыя почти всегда особыми дворами или дворцами, которымъ и давали названія, смотря по ихъ значенію въ дворовомъ обиходѣ Государя. Извѣстны дворцы конюшенный, житный, кормовой или поваренный, хлѣбенный, сытный, и пр.

Что же касается до Великокняжеской казны, заключавшейся обыкновенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, драгоцѣнныхъ мѣхахъ, матеріяхъ и тому подобныхъ предметахъ, то Великій Князь, слѣдуя весьма древнему обычаю, основаніемъ котораго были частые, опустошительные пожары, сохранялъ эту казну бо̀льшею частію въ спояхъ и подвалахъ или подклѣтахъ каменныхъ церквей. Такъ изъ лѣтописей узнаёмъ, что казна Вел. Князя Іоанна III хранилась прежде въ церкви Св. Лазаря, а его супруги, В. Кн. Софьи Ѳоминишны, подъ церковью Іоанна Предтечи, что у Боровицкихъ воротъ. [11]

Мы уже сказали, что общепринятаго, однообразнаго плана въ древнихъ большихъ постройкахъ не было; почему и дворецъ Великокняжескій носилъ тотъ же самый характеръ, представляя огромную массу зданій, раскиданныхъ безъ всякой симметріи въ планѣ. Единственный и любопытнѣйшій памятникъ, который даетъ самое полное понятіе о древнихъ деревянныхъ хоромахъ, знакомитъ съ ними наглядно — это фасады и планы Коломенскаго дворца, сохранившагося отъ временъ Царя Алексѣя Михайловича, изданные въ Москвѣ, въ 1809 году при книгѣ: «Историческія свѣдѣнія, изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій

Digitized by Google

изустныхъ извлеченныя, о селѣ Коломенскомъ.» Этотъ дворецъ служитъ превосходнымъ образцемъ древней Русской архитектуры; въ немъ выразилось все искусство нашихъ старинныхъ самоучекъ-архитекторовъ, т. е. плотничьихъ старостъ, какъ ихъ называли въ то время. Общій видъ этого дворца весьма оригиналенъ и красивъ; крыты гонтомъ въ чешую шатровыя кровли или *шатры*, огромныя *бочки*, [12] т. е. кровли, сведенныя въ видѣ бочекъ, съ мѣднымъ золоченымъ гребнемъ на верху, много-ярусные терема—все это вмѣстѣ съ рѣзными узорочными дверьми, красными и волоковыми окнами, съ рѣзными подзорами у кровель — дѣлаетъ особенное впечатлѣніе и вполнѣ знакомитъ съ нашею стариною.

Таковъ, вѣроятно, былъ и Кремлевскій деревянный дворецъ первыхъ Великихъ Князей. Сомнѣваться въ этомъ не представляется ни какой возможности, если взглянемъ на нашу жизнь до Петра Великаго, гдѣ вовсе нельзя допустить большихъ измѣненій, особенно въ отношеніи зданій, строившихся всегда по преданію, такъ, какъ строили отцы и дѣды, безъ нововведеній. Даже архитектура каменнаго дворца, занесенная къ намъ Итальянцами, не произвела и не могла произвести ни какого вліянія на наши деревянныя постройки; они все также возводились по старинѣ и держались до преобразованій Петра Великаго.

Познакомивъ читателей, сколько позволили доступныя намъ свѣдѣнія, съ деревяннымъ дворцомъ, мы должны перейдти теперь къ дворцу каменному, который заложенъ былъ въ концѣ XV вѣка, В. К. Иваномъ Васильевичемъ III.

Исходъ XV вѣка дѣлаетъ блестящую эпоху не только въ исторіи Государева дворца, но и вообще въ исторіи Кремля. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было въ Кремлѣ такой напряженной дѣятельности въ поновленіяхъ и постройкахъ. Соборы и церкви, палаты Государевы, городскія ворота, стѣны, стрѣльницы съ тайниками — все это быстро воздвигалось при помощи Итальянскихъ зодчихъ, нарочно для того вызванныхъ, и не болѣе какъ въ 20 лѣтъ наружность Кремля совершенно измѣнилась. На мѣстѣ

Digitized by Google

прежнихъ деревянныхъ зданій были уже новыя каменныя, болѣе обширныя и болѣе прочныя. Зубчатыя стѣны съ стрѣльницами, окруженныя глубокими рвами, придали Кремлю грозный, величественный и красивый видъ, который еще съ бо́льшею яркостью обрисовывался на темномъ грунтѣ деревянныхъ построекъ тогдашней Москвы и на зелени ея безчисленныхъ садовъ или, правильнѣе, огородовъ, находившихся почти при каждомъ домѣ.

В. К. Иванъ III началъ постройку новаго каменнаго дворца съ Церкви Благовѣщенія, что̀ на сѣняхъ. Въ 1484 году, разрушивъ ее до основанія, онъ заложилъ новую, на каменномъ подклѣтѣ, который обвелъ *казною*, т. е. палатами для своей казны. Кромѣ того съ восточной стороны этой церкви, между ею и Архангельскимъ соборомъ, заложилъ кирпичную палату также съ казнами и съ большимъ бѣлокаменнымъ погребомъ, извѣстную въ послѣдствіи подъ именемъ казеннаго двора.

Такимъ образомъ, слѣдуя древнимъ обычаямъ, Вел. Кн. и въ каменномъ дворцѣ устроилъ свою казну подлѣ церкви.

Почти въ то же время (1487 г.) съ западной стороны Благовѣщенской церкви, на дворѣ Вел. Ки., вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ набережный теремъ, Фрязинъ Марко Руфъ заложилъ каменную палату, которая послѣ называлась набережною [13].

Въ Августѣ 1489 года Благовѣщенская церковь на сѣняхъ была уже освящена. Между тѣмъ постройка каменныхъ зданій на дворѣ Великаго Князя продолжалась. Въ 1491 г. Марко Руфъ и Петръ Антоній выстроили *на площади большую палату*, которая сохранилась до нашего времени подъ именемъ Грановитой; а въ 1492 году Великій Князь, переѣхавъ со всѣмъ семействомъ изъ своего стараго двора въ новыя хоромы Князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшія подлѣ церкви Іоанна Предтечи, у Боровицкихъ воротъ, повелѣлъ свой «старый деревянный дворъ разобрать и нача ставити каменный дворъ.» Но начало это было весьма неблагополучно.

Digitized by Google

28 Іюля 1493 года, въ воскресенье съ утра, случился одинъ изъ тѣхъ страшныхъ, опустошительныхъ пожаровъ, которые были не рѣдки въ древней столицѣ и которые истребляли ея деревянныя постройки почти каждый разъ съ конца въ конецъ. Загорѣлось за Москвою рѣкою и при ужаснѣйшей бурѣ въ одинъ мигъ «нечислено нача горѣти въ многихъ мѣстехъ.» — Въ Кремлѣ прежде всего загорѣлся новый деревянный дворъ Великаго Князя у Боровицкихъ воротъ, въ которомъ онъ только что поселился. Потомъ занялись житницы на подолѣ Кремля, оттуда новый каменный дворъ Великаго Князя, который только что начали строить, и все это вмѣстѣ съ другими близъ лежащими частями Кремля выгорѣло до-тла. Лѣтопись, описывая этотъ пожаръ, говоритъ въ заключеніе, что «по лѣтописцамъ и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, таковъ пожаръ не бывалъ.» Вел. Князь выѣхалъ изъ опустошеннаго Кремля на Яузу, къ Николѣ Подкопаеву, поселился въ крестьянскихъ избахъ и стоялъ тамъ до Ноября; въ это время онъ переѣхалъ къ Кремль, въ новыя хоромы, выстроенныя для него на пожарищѣ.

Опустошеніе, произведенное этимъ пожаромъ было чувствуемо долго. Въ нѣсколько часовъ Москва превратилась въ огромное пожарище, жители остались безъ имущества, безъ крова, болѣе двухъ сотъ человѣкъ погибло въ пламени. При такихъ обстоятельствахъ Великому Князю вовсе нельзя было думать о сооруженіи новаго каменнаго дворца. Нужно было прежде всего обстроить столицу и устроить ея жителей, которые всѣ, болѣе или менѣе, пострадали отъ пожара.

Точно такъ и было. Лѣтописи этого времени не говорятъ ни о какихъ значительныхъ постройкахъ, ни въ самомъ Кремлѣ, ни на дворѣ Великаго Князя. Напротивъ, въ нихъ находимъ одни только распоряженія Вел. Князя, касавшіяся болѣе городскаго благоустройства. Еще послѣ пожара, случившагося въ Кремлѣ въ этотъ же годъ весною, Вел. Князь велѣлъ очистить отъ строеній и деревей Занеглименье, близость построекъ котораго всегда угрожала Кремлю, и на этотъ разъ вѣроятно была причи-

Digitized by Google

ною его опустошенія. Не смотря на жалобы и неудовольствія нѣкоторыхъ лицъ, осуждавшихъ за это Великаго Князя, всѣ хоромы и церкви отнесены были отъ Кремлевской стѣны на разстояніе ста десяти саженъ. Послѣ Іюльскаго пожара, который начался за Москвою рѣкою, Вел. Князь велѣлъ также очистить отъ строеній часть Замоскворѣчья, лежавшую противъ Кремля, и развелъ тамъ садъ, называвшійся въ XVII ст. Государевымъ краснымъ садомъ.

Къ сооруженію каменнаго дворца приступили не прежде, какъ чрезъ шестъ лѣтъ послѣ описаннаго пожара. Въ 1499 году Вел. Князь снова заложилъ «дворъ свой каменъ, палаты каменныя и кирпичныя, а подъ ними погребы, ледники, да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ.» Постройка поручена, была новому Итальянскому артитектору, Фрязину Алевизу, отъ града Медіолама. Но Вел. Князь не дождался окончанія этихъ палатъ, на которыя положилъ столько горячихъ заботъ и трудовъ. Въ 1505 году онъ умеръ. Дворецъ былъ готовъ чрезъ три года послѣ его смерти, и въ Маѣ 1508 года, сынъ его, Вел. Князь Василій, переѣхалъ на житье въ эти новыя хоромы.

Достойный преемникъ всѣхъ начинаній своего отца, особенно въ отношеніи новыхъ построекъ и разныхъ улучшеній, Вел. Князь Василій Ивановичь, довершивъ неоконченный дворецъ, великолѣпно украсилъ его вмѣстѣ съ церковью Благовѣщенія на сѣняхъ, которую «повелѣ (въ 1508 г.) подписати золотомъ, иконы всѣ обложити серебромъ и златомъ и бисеромъ: деисусъ, праздники и пророки, — и верхъ церковный покрыть и позлатить.» Кромѣ того онъ воздвигнулъ на старыхъ мѣстахъ двѣ новыя каменныя церкви, одну во имя Рождества Бородицы, на сѣняхъ, съ придѣломъ св. Лазаря,[14] въ 1508 г., и другую въ 1527 г., во имя Спасова Преображенія, на дворцѣ, также съ придѣлами.

Расположеніе каменнаго Іоаннова дворца весьма трудно опредѣлить съ тою точностію, которая могла бы удовлетворить наше любопытство. Не много мимоходныхъ краткихъ указаній на разныя палаты этого дворца даютъ весьма сбивчивое понятіе о его составѣ. Болѣе всего въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи замѣчательна и въ высшей степени любопытна дополнительная статья къ свадебному разряду Вел. Князя Василія, бывшему въ 1526 году, т. е. спустя 18 лѣтъ послѣ отстройки дворца.[15] Вникнувъ хорошенько въ эту статью, можно положительно сказать, что первоначальный каменный дворецъ XVI вѣка, не смотря на пожары и безпрестанныя перестройки и передѣлки, въ главныхъ чертахъ своихъ нисколько не измѣнился въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, и, покинутый Царями въ началѣ XVIII столѣтія, устоялъ, хотя и въ развалинахъ, до временъ Императрицы Елисаветы Петровны и даже до начала нынѣшняго столѣтія.

Руководствуясь свѣдѣніями, предлагаемыми этимъ любопытнымъ актомъ, мы постараемся, сколько будетъ возможно, указать мѣстность по крайней мѣрѣ главныхъ частей этого первоначальнаго дворца.

Передній фасадъ дворцовыхъ зданій, или лице дворца обращено было къ площади между Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ соборами и церковью Іоанна Лѣствичника, что подъ колоколы, на мѣстѣ которой въ XVII вѣкѣ воздвигнутъ Иванъ Великій и пристройка Патріарха Филарета. На эту площадь выходили двѣ дворцовыя палаты, *большая*, стоявшая на самой площади, нынѣ Грановитая, и *средняя*, находившаяся между большою и Благовѣщенскимъ соборомъ, къ западу отъ нихъ, на дворцѣ или дворѣ Великокняжескомъ. Предъ среднею палатою было *красное крыльцо* или *переднie переходы*, на которые съ площади вели три лѣстницы. Одна была какъ и теперь у стѣны большой или Грановитой палаты, — это та, которую мы неправильно называемъ краснымъ крыльцомъ, другая средняя лѣстница, теперь несуществующая, третья Благовѣщенская паперть. Между лѣстницею подлѣ Грановитой палаты и среднею были вороты, которыя, посредствомъ проѣзда подъ краснымъ крыльцомъ и среднею палатою, вели «*сб дворца*, т. е. со внутренняго двора государева *на площадь*.» Средняя лѣстница прямо чрезъ крыльцо вела въ сѣни средней палаты, которая почти съ этого же времени называлась среднею золотой и просто золотой,

Digitized by Google

потому что была росписана внутри золотомъ. Изъ этихъ же сѣней двери вели въ *столовую избу*, мѣстоположеніе которой весьма трудно опредѣлить; въ позднѣйшее время она стояла съ западной стороны средней палаты. Подлѣ столовой была лѣстница внизъ, на дворъ къ Спасу; крыльцо предъ этою избою, бывшее продолженіемъ краснаго, соединяло ее съ двумя набережными палатами, [16] *малой*, упоминаемой съ 1514 года и стоявшей противъ западныхъ вратъ Благовѣщенскаго собора, и *большой*, находившейся также къ западу отъ малой. За этими палатами, къ Москвѣ рѣкѣ, стояли *чердаки* или терема. Противъ этихъ набережныхъ палатъ, на противоположной сторонѣ Государева двора, посреди котораго стоялъ Спасскій Преображенскій соборъ, что на Бору, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь теремный дворецъ, находились *постельныя* или *жилыя хоромы* Вел. Князя и за ними *княгинина половина*, примыкавшая къ церкви Рождества Богородицы. [17] Здѣсь была *западная* палата, названная въ 1547 году *заднею*, и палата Великой Княгини, что у Лазаря святаго, упоминаемая въ 1536 году. [18] Изъ западной палаты были двери на *постельное крыльцо*, которое примыкало къ сѣнямъ Грановитой палаты и соединялось дверью, между этихъ сѣней и сѣней средней палаты, съ передними переходами или краснымъ крыльцомъ. Лѣстница съ постельнаго крыльца вела на дворецъ, къ Спасу. Хоромы Великой Княгини стояли, какъ упомянуто выше, подлѣ церкви Рождества Богородицы, соединяясь съ нею крыльцомъ. При нихъ было еще заднее крыльцо съ лѣстницею на поваренный дворецъ, линія котораго шла отъ сѣверной стороны Рождественской церкви.

Вотъ все, о чемъ упоминается въ этомъ любопытномъ актѣ и въ другихъ, ему современныхъ, которыми мы пользовались при составленіи этого, не совсѣмъ удовлетворительнаго въ отношеніи полноты, обзора.

Таковъ былъ каменный дворецъ, заложенный Вел. Княземъ Иваномъ Васильевичемъ III. Воздвигнутый Итальянцами по мысли или, покрайней мѣрѣ, при сильномъ вліяніи супруги Великаго Князя, Софьи Ѳоминишны Палео-

Digitized by Google

логъ, этотъ дворецъ не могъ уклониться отъ Итальянскаго характера, который прежде всего отразился въ его архитектурѣ. Что же касается до его внутреннихъ украшеній, то, вообще можно полагать, что вкусъ Великой Княгини Софіи, воспитанной въ Италіи среди своихъ единоземцевъ Грековъ, и вкусъ довершителя дворца, Великаго Князя Василія, воспитаннаго Софіею, внесли въ новый дворецъ много такихъ вещей, которыхъ не знала простая жизнь прежнихъ Великихъ Князей и которыя были необходимы при новомъ значеніи Московскаго Великаго Князя, какъ Царя.

Такимъ образомъ Василій оставилъ малолѣтному сыну своему, Іоанну, дворецъ, вполнѣ устроенный и украшенный.

Въ 1547 году 21 Іюня, этотъ дворецъ сдѣлался жертвою новаго ужаснѣйшаго пожара, который равнымъ образомъ истребилъ и всю Москву. «Загорѣся храмъ Воздвиженія Честнаго Креста, говоритъ лѣтописецъ, за Неглинной, на Арбатской улицѣ, на островѣ, и бысть буря велика и потече огнь якожъ молнія и пожаръ силенъ прямче во единъ часъ Занеглименье. И обратися буря на градъ больший (Кремль.)»[19] Здѣсь на царскомъ дворѣ вспыхнули кровли на палатахъ и деревянныя избы Великаго Князя. Потомъ занялись и каменныя палаты, украшенныя златомъ; сгорѣли также казенный дворъ съ царскою казною, оружничая палата съ воинскимъ оружіемъ, постельная палата съ казною, царская конюшня и даже въ погребахъ подъ палатами выгорѣло все, что только было въ нихъ деревяннаго. Не устояла и церковь Благовѣщенія златоверхая. Въ ней погибли невозвратно деисусъ письма знаменитаго иконописца Андрея Рублева, обложенный золотомъ, и всѣ иконы Греческаго письма древнихъ Великихъ Князей, собранныя отъ многихъ лѣтъ и украшенныя также златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ.

Лѣтописецъ въ заключеніе снова замѣчаетъ, что «прежде убо сихъ временъ памятныя книги времяни пишутъ, таковъ пожаръ небывалъ на Москвѣ, какъ и Москва стала именоватися Великими Князьями, славна и честна быти по государству ихъ.» Опустошивъ весь Кремль пожаръ пере-

Digitized by Google

шелъ и въ другія части города, и свирѣпствовалъ съ такою силою, что, по выраженію лѣтописца, «желѣзо яко олово разливашеся и мѣдь яко вода растаяваше.»

Государь выѣхалъ въ село Воробьево и жилъ тамъ все время, пока въ Кремлѣ ставили для него новыя деревянныя хоромы и возобновляли распавшіяся отъ огня палаты. Для украшенія Благовѣщенскаго собора иконами и царскихъ палатъ стѣнописаніемъ собраны были изъ Новгорода, Пскова и другихъ городовъ иконописцы, которые и возстановили прежнее благолѣпіе царскаго дворца.

Возобновивъ такимъ образомъ дворецъ, Царь увеличилъ его впослѣдствіи новою пристройкою. Въ 1560 году онъ повелѣлъ устроить для своихъ дѣтей «особный дворъ и хоромы, позади большой набережной палаты, на *взрубѣ*» съ храмомъ Срѣтенія Господня. Потомъ въ 1565 году, учреждая опричнину, Царь задумалъ было свой особый, *опричный*, дворецъ выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, тамъ, гдѣ были хоромы Великой Княгини и гдѣ стоялъ поваренный дворецъ съ разными приспѣшными палатами, съ погребами и ледниками, по самые Куретныя ворота, которыя вели на поваренный дворецъ.

Но предположеніе это осталось предположеніемъ, потому, вѣроятно, что не совсѣмъ согласовалось съ духомъ опричнины, который требовалъ совершеннаго удаленія отъ стараго порядка вещей, между тѣмъ какъ предполагаемый дворецъ долженъ былъ стоять подлѣ Кремлевскихъ палатъ, оставленныхъ за земщиною. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что Царь повелѣлъ выстроить себѣ дворецъ внѣ Кремля, за Неглинною, на Вздвиженкѣ, противъ Кремлевскихъ Ризположенскихъ (нынѣ Троицкихъ) воротъ, тамъ, гдѣ теперь Горное Правленіе, въ который онъ и переѣхалъ въ Январѣ 1567 года; [20] но жилъ въ немъ не долго, потому что любимымъ его мѣстопребываніемъ съ этого времени была Александрова слобода, изъ которой онъ пріѣзжалъ въ Москву только для пріема иноземныхъ пословъ, и весьма рѣдко по другимъ причинамъ. Покинутый Царемъ, этотъ опричный дворецъ вскорѣ сгорѣлъ,

Digitized by Google

именно во время нашествія Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея, истребившаго Москву ужаснѣйшимъ пожаромъ, жертвою котораго былъ и дворецъ Кремлевскій. Это было въ Маѣ 1571 года. Лѣтопись съ такимъ же сѣтованіемъ описываетъ страшныя бѣдствія этого пожара; его испугался даже самъ Девлетъ-Гирей и удалился въ село Коломенское.

Для насъ любопытны извѣстія собственно о Кремлевскомъ дворцѣ; лѣтописецъ говоритъ, что: «въ грановитой и въ проходной и въ набережной и въ иныхъ полатахъ прутье желѣзное толстое, что кладено крѣпости для, на связки, перегорѣло и переломалось отъ жару.»

Само собою разумѣется, что Царскій дворецъ не оставался въ такомъ положеніи и вскорѣ былъ возобновленъ хотя объ этомъ не говорятъ ни лѣтописи, ни акты, доселѣ извѣстные.

Въ остальные годы царствованія Ивана Грознаго о дворцѣ почти не упоминается. Изъ позднѣйшихъ извѣстій знаемъ только, что его хоромы были гдѣ-то подлѣ средней золотой палаты и состояли изъ переднихъ сѣней, передней палаты и двухъ комнатъ, которыя извѣстны были подъ именемъ чердака (терема). Царицы Настасьи Романовны, потому вѣроятно, что эта добродѣтельная супруга Грознаго жила въ нихъ прежде.

При Царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ становится извѣстною золотая палата супруги его Царицы Ирины, что̀ заставляетъ думать, что эта палата была выстроена въ это же время. Въ XVII вѣкѣ ее называли *женьшею и Царицыною* золотою палатою; она сохранилась до нашего времени.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, во время голода, бывшаго въ 1601 и 1602 годахъ, повелѣлъ, «чтобы людемъ питатися», воздвигнуть большія каменныя палаты *на взрубѣ*[91], гдѣ были Царя Ивана хоромы, построенныя имъ для дѣтей, и надъ которыми въ XVII столѣтіи находимъ набережный красный садъ. Здѣсь же, кажется, были и деревянныя жилыя хоромы Царя Бориса, сломанныя по повелѣнію Самозванца.

Digitized by Google

При Самозванцѣ большихъ перемѣнъ въ составѣ дворца не могло произойдти, по кратковременности его пребыванія въ царскихъ палатахъ. Извѣстно только, что онъ выстроилъ для себя новыя хоромы, весьма красивыя, по свидѣтельству его современниковъ, въ Польскомъ вкусѣ. Они находились подлѣ Срѣтенскаго собора и лицемъ обращены были къ Москвѣ рѣкѣ [22]. Передъ этими хоромами, на сѣняхъ, Самозванецъ поставилъ огромнаго мѣднаго цербера, которому, какъ невиданному дотолѣ, и особенно въ царскихъ палатахъ, чуду, удивлялся народъ и прозвалъ его *адомъ* [23]. Въ хронографахъ есть описаніе этого ада, которое помѣщаемъ здѣсь для любопытныхъ.

«И сотвори (Самозванецъ) себѣ въ маловременней сей жизни потѣху, а въ будущей знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Россійскомъ государствѣ, ни во иныхъ, кромѣ подземнаго, ни кто же его на земли видѣ, *адъ* превеликъ зело, имѣюще у себя *три главы*; и содѣла обоюду челюсти его отъ мѣди бряцало веліе. Егда же разверзетъ челюсти своя, извну его яко пламя предстоящимъ ту является и веліе бряцаніе изходитъ изъ гортани его, зубы же ему имѣюще осклаблени и ногти его яко готови на ухапленіе и изо ушію, якожъ пламеню распалившуся. И постави его проклятый онъ прямо себѣ, на Москвѣ рѣцѣ, себѣ во обличеніе, даже ему изъ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нань всегда и готову быти, въ некончаемый вѣкъ, въ онь на вселеніе, и съ прочими единомысленники своими.» [24]

Изъ этихъ же хоромъ Самозванецъ, преслѣдуемый по всѣмъ комнатамъ разъяренною толпою, выскочилъ въ окно и упалъ на Житный дворъ, который расположенъ былъ на подолѣ Кремля, подъ самымъ дворцомъ Самозванца. За нѣсколько часовъ прежде, по тому же самому пути отправленъ былъ смѣлый обличитель его, дьякъ Тимофей Осиповъ. Изрубленный Нѣмецкою стражею на сѣняхъ Лжедимитріевыхъ хоромъ, онъ былъ сверженъ оттуда внизъ, гдѣ стояли житницы. [25]

Царю Василью Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцемъ. Онъ выстроилъ только для себя но-

Digitized by Google

выя брусяныя хоромы, потому что жить въ опальномъ дворцѣ Лжедимитрія было неприлично новому Царю.

Послѣ Шуйскаго настаютъ времена великаго шатанія Русской земли, настаетъ Московская *розруха*, которая не истребила царскихъ палатъ страшнымъ пожаромъ, какъ было при Іоаннахъ, но за то поругала ихъ такъ, что при вступленіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича, дворецъ представлялъ самую грустную картину опустошенія, произведеннаго пребываніемъ буйной Польской шляхты. Отъ прежняго великолѣпія, которому такъ дивились посѣщавшіе насъ иностранцы, остались одни только голыя стѣны, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

«На царскомъ дворѣ, говоритъ рукопись Филарета, во святыхъ Божіихъ церквахъ и въ палатахъ и по погребомъ, все стояху Литва и Нѣмцы, и все свое скаредіе творяху.» Такъ, напримѣръ, въ Грановитой палатѣ стоялъ извѣстный Маскевичъ, оставившій намъ такую живую картину Московскихъ происшествій этого времени. «Лошади наши, говоритъ онъ, стояли въ дворцовыхъ сѣняхъ, чего прежде вѣроятно не случалось: не только конь, но и думный боярин, безъ царскаго дозволенія, не смѣлъ войдти въ сей дворецъ, со страхомъ Бога видѣти.»

Слѣды такого пребыванія Поляковъ въ царскихъ палатахъ оставались до Царя Михаила Ѳеодоровича. При вступленіи его на престолъ, всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей, такъ что юному Царю не гдѣ было поселиться. [26] Отправившись въ Москву, въ концѣ Апрѣля 1613 года, онъ повелѣлъ земскому совѣту изготовить къ своему пріѣзду Золотую палату Царицы Ирины Ѳедоровны, супруги Царя Ѳеодора, съ проходными сѣнями, о которой мы говорили выше; еще другую палату съ сѣньми же и всѣ такъ называемыя мастерскія палаты до самой церкви Рождества Богородицы, которыя впослѣдствіи составили нижній этажъ каменныхъ хоромъ, существующихъ до нынѣ подъ именемъ Теремнаго дворца. Для своей матери, иноки Марѳы Ивановны, Царь велѣлъ устроить деревянныя хоромы су-

Digitized by Google

пруги царя Василья Шуйскаго. — На исправленіе этихъ палатъ и хоромъ употреблены были, за недостаткомъ лѣсу, брусяныя хоромы Царя Василья. Между тѣмъ, еще до царскаго указа, земскій совѣтъ приготовилъ для новаго Царя палаты: среднюю Золотую, Грановитую и старыя хоромы, въ которыхъ живалъ Царь Иванъ Васильевичъ, — что *слылъ чердакъ* (теремъ, см. выше) первой супруги его, Царицы Настасьи Романовны. Все это, разумѣется, дѣлалось наскоро, при недостаткѣ денегъ, плотниковъ и лѣсу. Но не смотря на такія затрудненія, дворецъ былъ приведенъ въ возможное устройство, и юный Царь поселился въ немъ съ матерью въ концѣ Апрѣля 1613 года.

Трудно было Царю Михаилу возстановить прежнее благолѣпіе дворца. Московское Государство, котораго онъ былъ избранникомъ, въ теченіе десяти лѣтъ постоянно тратило свои силы, и къ концу было вовсе разорено, такъ что въ началѣ его царствованія не давало даже малыхъ средствъ къ возстановленію прежняго порядка не только въ Государствѣ, но и въ самой Москвѣ, которая, какъ представительница Русской жизни въ то время, была также или до-тла выжжена или разграблена до нитки. Царь Михаилъ, по выраженію одного старинаго акта, «царствующій градъ Москву одни стѣны взялъ и тѣ разорены.»

Предки наши очень вѣрно назвали эту несчастную эпоху въ исторіи Москвы — *Московскою розрухою.*

Такимъ образомъ постепенно, по мѣрѣ средствъ, которыя были еще незначительны, Царь возстановлялъ разрушенное Царство, не забывая и своего дворца, который также постепенно возобновлялся и устроивался.

Въ 1615 году иконники Ивашка да Ондрюшка Моисеевы росписывали уже въ *новыя* Государевы хоромы, выстроенныя еще въ 1614 году, *подволоки* или плафоны.

На другой годъ въ этихъ новыхъ хоромахъ сдѣлана серебряными мастерами литая *вислая подволока.* Потомъ надъ Золотою (меньшею или Царицыною) и надъ проходною палатами и на постельномъ крыльцѣ устроены новыя кровли, дѣланныя котельными мастерами, что заставляетъ думать, что эти кровли были мѣдныя.

Digitized by Google

1619 года Февраля 14, въ Царскихъ хоромахъ случился пожаръ, послѣдствія котораго неизвѣстны; но можно догадываться, что Царскія деревянныя хоромы были истреблены, потому что въ 1620 году дворцовый плотничій староста Первой Исаевъ выстроилъ для Государя *новыя хоромы, новую столовую избу и постельную комнату*, которыя на другой годъ были украшены иконописью, извѣстнѣйшими въ то время иконописцами: Прокопьемъ Чиринымъ, Назарьемъ Савинымъ, Иваномъ Паисеинымъ, Осипомъ Поспѣевымъ, травникомъ Лукою Трофимовымъ, и др.

Въ 1624 году Государь прибавилъ къ своимъ хоромамъ двѣ *мыленки, избушку* и *сѣнничекъ*, а въ 1625, возобновилъ церковь Рождества Богородицы; на сѣняхъ съ придѣломъ Св. Лазаря. Въ томъ же году, за дворцомъ, сдѣланы были каменные ледники и пивоварни, устроена надъ дворцовыми Куретными воротами палата мастерицамъ золотныхъ дѣлъ и бѣлымъ швеямъ, которыя въ ней дѣлали Государевы дѣла, и для которыхъ подлѣ этой палаты выстроено было также нѣсколько деревянныхъ свѣтлицъ на подклѣтахъ. [27]

Но только что дворецъ приведенъ былъ въ возможное устройство, какъ снова губительный пожаръ опустошилъ его въ 1626 году 3 Мая. Въ Кремлѣ, кромѣ монастырей Вознесенскаго и Чудова, «дворъ государевъ и Патріаршій и въ приказехъ каменныхъ всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы всѣ, и всѣ *жила* государевы погорѣша.» Но въ то же лѣто, вскорѣ послѣ пожара, дворцовый плотничій староста (такъ звали нашихъ старинныхъ архитекторовъ) Первуша Исаевъ поставилъ Государю новыя жилыя, покоевыя хоромы, въ которыхъ, 17 Сентября, Царь справлялъ уже новоселье въ новой *передней избѣ*. Потомъ, въ 1627 и 1628 годахъ, тотъ же плотничій староста выстроилъ новую брусяную *столовую избу*. 23 Ноября 1628 г. въ ней, по обычаю, было также новоселье: Царь угощалъ бояръ обѣдомъ, а они, на новоселье, били ему челомъ хлѣбомъ да солью, да парою, или даже цѣлымъ сорокомъ собольихъ мѣховъ, смотря по достатку. [28]

Digitized by Google

Между тѣмъ какъ Русскій плотникъ Первуша Исаевъ работалъ Государю новыя деревянныя хоромы, иностранный архитекторъ, палатный мастеръ Джонъ Талеръ, въ 1627 году, возобновлялъ Срѣтенскій соборъ и строилъ на сѣняхъ Царицы новую каменную церковь во имя Вмч. Екатерины, [29] вѣроятно на мѣстѣ прежней деревянной, сгорѣвшей въ пожаръ, о которомъ мы упоминали выше. Вообще послѣ этого пожара каменныя постройки слѣдуютъ одна за другою непрерывно. По указу Государя собраны были въ это время изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣлоозера и другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палатныхъ каменныхъ дѣлъ; вызванъ былъ также «Голанскія земли нѣмчинъ, кирпичный мастеръ, Рудирикъ Мартысъ», который въ кирпичныхъ сараяхъ подъ Даниловскою слободою «сдѣлалъ кирпичную ожигальную печь и надъ печью деревянный шатеръ по своему Нѣмецкому образцу и кирпичь дѣлалъ.» [30]

Въ 1631 году каменныхъ дѣлъ подмастерья Антипа Константиновъ да Трефилъ Шарутинъ выстроили на Кормовомъ дворцѣ каменную поварню, на которую вода проведена была съ Москвы-рѣки посредствомъ водоподъемной машины. Въ 1633 году часовой и водовзводнаго дѣла мастеръ Христофоръ Галовей взвелъ воду съ Москвы рѣки въ Свиблову башню, «а изъ башни тое воду привелъ на государевъ на сытной и на кормовой дворецъ въ поварни.» [31] Съ этого времени башня стала называться водовзводною, отъ *водянаго взвода* или машины, въ ней устроенной и съ такимъ удобствомъ доставлявшей тогда еще чистую и здоровую воду на царскій обиходъ.

Въ 1635 и 1636 годахъ подмастерья каменныхъ дѣлъ Баженъ Огурцовъ, Антипа Константиновъ, Трефилъ Шарутинъ и Ларя Ушаковъ надстроили надъ меншею или царицыною золотою палатою новую церковь во имя Спасова Нерукотвореннаго образа съ придѣломъ Іоанна Бѣлоградскаго, тезоименитаго Царевичу Ивану Михаиловичу, а надъ мастерскими палатами три этажа каменныхъ хоромъ Государя (нынѣшній теремъ), изъ которыхъ два верхніе наз-

Digitized by Google

начены были для малолѣтныхъ Царевичей Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся на нихъ до нынѣ.[32]

Самый верхній этажъ этихъ хоромъ, заключающійся въ одной свѣтлой комнатѣ, назывался въ то время чердакомъ и теремомъ, а въ началѣ XVIII вѣка золотымъ теремкомъ, отъ чего и теперь все это зданіе называется теремнымъ дворцомъ. Можно съ достовѣрностію полагать, что этотъ теремъ есть образецъ, представитель древнихъ теремовъ, не смотря на то, что они большею частію были деревянные. — На другой годъ (1637) эти новыя каменныя хоромы были отдѣланы окончательно: какой-то конюхъ Иванъ Осиповъ наводилъ уже въ это время сусальнымъ золотомъ, серебромъ и разными краскаѳи на кровлю рѣпьи, «да въ тѣже хоромы, во всѣ окна, дѣлалъ опроче чердака (терема), слюденыя окончины.»[33]

Въ одно время съ этими хоромами и тѣ же самые мастера выстроили надъ дворцовыми Куретными воротами, вмѣсто старой, новую каменную свѣтлицу для царскихъ золотошвей и другихъ мастерицъ.

Въ послѣдніе три года своего царствованія Михаилъ выстроилъ еще какія-то дворцовыя палаты и устроилъ новыя хоромы на Цареборисовскомъ дворѣ для Датскаго королевича Волдемара, за котораго хотѣлъ выдать дочь свою Ирину.[34]

Такимъ образомъ Царь Михаилъ въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ своего царствованія съ неутомимою дѣятельностію успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличить его новыми каменными и деревянными постройками, которыя выростали по мѣрѣ потребностей царской жизни, получившей болѣе простора послѣ смутнаго времени. Его сыну, Царю Алексѣю Михайловичу, оставалось не много дѣла въ отношеніи устройства дворца. И дѣйствительно, во время его царствованія мы не встрѣчаемъ значительныхъ построекъ на царскомъ дворѣ. Онъ возобновлялъ только старое, передѣлывалъ и украшалъ зданія, построенныя его предками.

Такъ въ 1660 г. возобновлена была дворцовая палата, въ которой помѣщался аптекарскій приказъ и которую

Digitized by Google

въ это же время знаменщикъ (иконописецъ) Иванъ Соловей украсилъ стѣнописаніемъ. [35]

Въ 1663 году подмастерье каменныхъ дѣлъ Никита Шарутинъ починилъ обветшавшую церковь на сѣняхъ у Государя во имя Спасова Нерукотвореннаго образа и сдѣлалъ въ ней наново трапезу. [36]

Еще въ 1660 году, вмѣсто старой столовой избы, также вѣроятно обветшавшей и построенной, какъ мы уже говорили, Царемъ Михаиломъ, Государь выстроилъ новую, по *вымыслу* инженера и полковника Густава Декенпина. Рѣзныхъ дѣлъ мастера и живописцы, большею частію Поляки, призванные въ Москву во время Польской войны, Степанъ Зиновьевъ Иванъ Мировской, Степанъ Ивановъ, Степанъ Петровъ, Андрей Павловъ, Юрій Ивановъ съ учениками, украсили окна, двери и подволоку (плафонъ) этой избы, искусною рѣзьбою, которую вызолотили, а подволоку росписали. [37]

Подобнымъ же образомъ были украшены и новыя деревянныя постельныя хоромы, выстроенныя Царемъ въ 1674 году; на трехъ плафонахъ этихъ хоромъ Государь велѣлъ написать *притчи* пророка Іоны, Моисея и притчу о Есѳири.

Кромѣ возобновленій и новыхъ, впрочемъ незначительныхъ, построекъ, Царь Алексѣй Михайловичь устроилъ еще дворецъ потѣшный, на дворѣ своего тестя, боярина Ильи Даниловича Милославскаго, умершаго въ 1668 году.

Въ 1669 году этотъ дворъ съ церковью Похвалы Богородицы поступилъ въ число царскихъ хоромъ и соединенъ былъ съ ними у церкви Рождества Богородицы деревянными переходами. Этотъ Кремлевскій потѣшный дворецъ назначенъ былъ для новыхъ, только что появившихся тогда въ Москвѣ, потѣхъ, именно для комедій и разныхъ театральныхъ представленій, въ составъ которыхъ входили также фокусничество, балансерство и тому подобныя нѣмецкія штуки, которыми забавлялся Государь съ семействомъ и со всѣми боярами.

Digitized by Google

Ко времени Царя Алексѣя можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотвореннаго образа, на сѣняхъ царскихъ сестеръ, Татьяны и Ирины, хоромы которыхъ стояли назади Государева дворца, у Куретныхъ дворцовыхъ воротъ, находившихся со стороны Троицкаго подворья. Церковь эта упоминается съ 1671 года. [88]

Въ исторіи Государева дворца царствованіе Алексѣя Михайловича замѣчательно болѣе потому, что съ этого времени въ Царскій дворецъ вошло много нововведеній и разныхъ улучшеній, которыя дотолѣ или весьма мало или даже вовсе не были извѣстны въ быту Царей. Важныя послѣдствія въ этомъ отношеніи принесла Польская война 1654—1667 годовъ, когда Царь самъ лично «поволилъ идти на недруга своего и супостата, Польскаго и Литовскаго Короля Яна Казимера, за его многія неправды и за крестопреступленье.» Счастливое начало этой войны довольно извѣстно. Войска наши, воодушевляемыя личнымъ присутствіемъ Царя, взяли — кромѣ многихъ другихъ, менѣе значительныхъ городовъ — Смоленскъ, Витебскъ, Могилевъ, Полоцкъ, Вильно, Ковно, Гродно; пребываніе Царя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, и особенно въ Смоленскѣ и Вильнѣ, познакомило его съ образомъ жизни совершенно для него новымъ. По свидѣтельству Коллинса, Царь съ этого времени, подражая Польскому Королю, сталъ преобразовывать дворъ, завелъ потѣшный дворецъ на Европейскій ладъ, въ которомъ давались, какъ мы уже сказали, театральныя представленія, называвшіяся въ то время комидіями и дѣйствами.

Вызвавъ изо всѣхъ, посѣщенныхъ имъ, городовъ многихъ ремесленниковъ и художниковъ, онъ употребилъ ихъ искусство и труды особенно на украшеніе своего дворца; почему причислилъ ихъ всѣхъ къ замѣчательному въ то время царскому ремесленному заведенію, извѣстному подъ именемъ Оружейной Палаты, изъ которой они получали весьма достаточное содержаніе. Отдалъ имъ Русскихъ учениковъ, которыхъ они обязались выучить всему, что сами знаютъ.

Digitized by Google

Съ этого времени характеръ украшеній дворца во многомъ измѣнился: вмѣсто иконописи, украшавшей до того времени царскія палаты и комнаты — появилась живопись, которая болѣе нравилась Царю и потому сильно распространилась, и коснулась даже самыхъ иконъ и церковной стѣнописи. Внутри дворца появились обои и разнаго рода мебель, хотя еще и не въ большомъ количествѣ, но гораздо болѣе прежняго. Самыя зданія строились красивѣе, что можно заключить и изъ той тщательности, съ какою была отдѣлана брусяная столовая изба, выстроенная по вымыслу инженера Декенпина, о чемъ мы уже говорили.

По смерти Царя Алексѣя Михаиловича достойнымъ продолжателемъ всѣхъ его начинаній въ отношеніи устройства и украшенія дворца въ новомъ характерѣ, былъ юный сынъ его, Царь Ѳеодоръ, который въ недолгое царствованіе, продолжавшееся съ небольшимъ шесть лѣтъ, по выраженію надписи на его портретѣ, *преизрядно обновилъ* дворецъ и расширилъ новыми большею частію деревянными пристройками.

Новыя пристройки были необходимы. Царь Алексѣй оставилъ послѣ себя многочисленное семейство, которое еще при немъ требовало болѣе обширнаго помѣщенія. По вступленіи же на престолъ сына его Ѳеодора, который, какъ Царь, занялъ жилище своего отца — потребовалось особое отдѣленіе для вдовствующей Царицы Наталіи Кириловны, съ малолѣтнымъ ея сыномъ Царевичемъ Петромъ. Деревянныя хоромы, назначенныя для ея помѣщенія, выстроены были въ 1677 г., на бывшемъ дворѣ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева [39]. Этотъ дворъ, занимавшій 104 сажени въ окружности, стоялъ подлѣ Царскаго и Патріаршаго дворовъ, не далеко отъ церкви Ризъ Положенія, и обращенъ былъ двумя сторонами на улицу, противъ Троицкаго подворья и противъ дворцовыхъ каменныхъ житницъ, а двумя другими сторонами примыкалъ къ конюшенному двору Патріарха и къ Симоновскому подворью. Такимъ образомъ новыя хоромы, построенныя на этомъ мѣстѣ, примкнувъ къ патріаршему двору, соединили сѣнныя церкви Царицы, Екатерининскую и Воскресенскую, и во-

Digitized by Google

обще нынѣшній теремъ съ хоромами Царевенъ, возлѣ Троицкаго подворья у Куретныхъ дворцовыхъ воротъ, гдѣ была и церковь во имя Спасова Нерукотвореннаго образа.

Потомъ въ 1680 году Государь какъ для себя и своей супруги, такъ и для своихъ сестеръ, *меньшихъ* и *большихъ* Царевенъ, выстроилъ новыя деревянныя хоромы, вмѣсто старыхъ, которыя были разобраны. На сѣняхъ у Царевенъ онъ возобновилъ церковь Спасова Нерукотвореннаго образа, и построилъ тамъ, надъ Куретными воротами, новый храмъ во имя Успенія Богоматери, освященный въ день Успенія, 15 Августа, 1680 года.[40]

Въ то же время (съ 1679 г.) обновилъ и свои каменныя хоромы, нынѣшній Теремный дворецъ, со всѣми церквами, которыя были на сѣняхъ этихъ хоромъ въ связи съ Спасскимъ соборомъ; присоединилъ, къ этимъ церквамъ новый небольшой придѣлъ въ честь Распятія, украсивъ его мѣднымъ иконостасомъ. Потомъ, среди верховыхъ церквей, между храма св. Евдокіи, который въ 1681 г. освященъ былъ во имя Живоноснаго Воскресенія, и между придѣла Верхоспасскаго собора во имя Іоанна Бѣлоградскаго (нынѣ Іоанна Предтечи), Государь повелѣлъ устроить *голгофу*.[41]

Въ узкомъ корридорѣ, который раздѣляетъ эти церкви, живописецъ Дорофей Ермолаевъ сдѣлалъ алебастровый сводъ или пещеру, которую ученики его расписали *черепашнымъ аспидомъ*, т. е. подвели подъ мраморъ. Въ этой пещерѣ на каменной горѣ, росписанной также красками, поставлено было на большомъ бѣломъ камнѣ кипарисное распятіе, сохранившееся, кажется, до нынѣ и вырѣзанное рельефно старцемъ Ипполитомъ, искуснѣйшимъ рѣзчикомъ того времени.

Пещера эта была украшена алебастровыми колоннами на тумбахъ и съ гзымзомъ; посреди этихъ колоннъ, противъ голгофной горы поставлена была плащаница или гробъ Господень, надъ которымъ висѣли, на проволокѣ, шестьдесятъ алебастровыхъ херувимовъ, росписанныхъ красками, по подобію, съ золоченными по гунфарбѣ, нетлѣнными вѣнцами и крыльями. Около гроба Господня, у стѣнъ, стояли живописныя картины, изображавшія Евангельскія

Digitized by Google

Притчи: Сошествіе во адъ, Воскресеніе, Вознесеніе и «Христосъ явися Маріи Магдалыни.» Эти картины, писанныя на полотнахъ живописцемъ Ив. Салтановымъ, вышиною были по 3 ар., шириною, въ свѣту, по 1½ ар.

Въ 1679 году Государь возобновилъ и церковь Похвалы Богородицы *на новомъ потѣшномъ дворѣ*, который также былъ передѣланъ и увеличенъ деревянными хоромами съ теремомъ. Въ то же время Государь съ особеннымъ стараніемъ устроилъ *верхній* красный садъ, разведенный еще Царемъ Алексѣемъ и находившійся на внутреннемъ дворѣ, подлѣ Кормоваго дворца и нынѣшняго терема, такъ что изъ верховой церкви Воскресенія была лѣстница въ этотъ садъ. [42]

Вскорѣ послѣ смерти Ѳеодора, въ Ноябрѣ 1682 года, часть обновленнаго имъ дворца, примыкавшая ко двору Патріарха, сдѣлалась жертвою пожара: сгорѣли деревянныя хоромы Царя Петра Алексѣевича и хоромы Царевенъ; потомъ занялся и Успенскій соборъ, на которомъ сгорѣла кровля и въ главахъ оконницы, такъ что всѣ значительныя иконы и мощи чудотворцевъ вынесены были въ это время, на случай опасности, въ Архангельскій соборъ. [43] Чрезъ три года, на мѣстѣ погорѣвшихъ хоромъ выстроены были новыя деревянныя хоромы для Царя Петра и его матери Наталіи Кириловны, а для Царевенъ Софіи, Екатерины, Ѳеодосіи и Наталіи, жившихъ послѣ пожара на потѣшномъ дворѣ, построены каменныя палаты, о трехъ житьяхъ, изъ которыхъ въ нижнемъ устроена была комната, «*гдѣ сидѣть сѣ боляры — слушать всякихъ дѣлъ*» — явленіе не совсѣмъ обыкновенное на женской половинѣ Царскаго дворца, и особенно на половинѣ Царевенъ, но весьма понятное, если мы скажемъ, что эта думная комната сдѣлана была по назначенію Царевны Софьи Алексѣевны. [44]

Въ одно время (1684) съ этими палатами построена на Кормовомъ дворцѣ, возлѣ верхняго краснаго сада, новая церковь, во имя св. Апостолъ Петра и Павла, тезоименитыхъ юному Царю Петру Алексѣевичу.

Кромѣ этихъ построекъ, въ правленіе Царевны Софіи никакихъ значительныхъ перемѣнъ въ составѣ дворца не

Digitized by Google

произошло; можно прибавить только, что въ 1683 году въ меньшей золотой палатѣ, для подкрѣпленія Верхоспасскаго собора, подъ своды подведены были крестообразно каменныя *перетепья*, которыя хотя и обезобразили эту древнюю палату, но за то сберегли ее отъ неминуемаго разрушенія; [45] потомъ въ палатахъ Грановитой, золотой, отвѣтной *или* набережной и др. исправлены всѣ ветхости и возобновлено также красное крыльцо.

Ив. Забѣлинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Впрочемъ въ древнихъ актахъ, Государевымъ дворцомъ (дворикомъ) въ Кремлѣ, называлось собственно мѣсто среди Царскихъ палатъ и хоромъ, гдѣ стоитъ и до нынѣ соборъ Спаса на Бору.

[2] Это мѣсто въ актахъ прошлаго столѣтія названо *хребтомъ Кремлевскихъ горъ!* Статист. Опис. ч. 1. М. 1841.

[3] И. Г. Р. Карамзина. Изд. 5. т. VI. 48. пр. 103.

[4] И. Г. Р. Изд. 5. т. VI. пр. 347.

[5] Лѣтописецъ Архангелогородскій. М. 1781. стр. 170.

[6] См. Лѣтописи XI и XII в.

[7] Красными, въ смыслѣ красивыхъ, отличныхъ, назывались больши окна съ оконницами или рамами, въ отличіе отъ малыхъ, волоковыхъ, слѣд. неимѣвшихъ оконницъ.

[8] Лѣтопись Ипатьевская въ Полн. Собр. Русс. Лѣт. 1150 г.... Борисъ пьяшетъ въ Бѣлѣгородѣ, *на сѣньници*, съ дружиною своею и съ попы.... стр. 56. сравн. также стр. 21.

[9] Считаемъ не лишнимъ также указать на тѣ источники, которые послужили намъ при составленіи этаго обзора. Кромѣ лѣтописей, которыя впрочемъ не отличаются особенными подробностями въ описаніи домашняго быта нашихъ предковъ, мы пользовались древними актами, преимущественно юридическими — этимъ богатымъ рудникомъ для исторіи нашего внутренняго быта, какъ напечатанными уже (Акты Юрид. Изд. Арх. Ком. Спб. 1838), такъ и хранящимися въ архивѣ Ор. Пал. Въ нихъ, по разнымъ случаямъ, съ бо́льшею опредѣленностію означены всѣ части старинныхъ деревянныхъ хоромъ и ихъ расположеніе. Такъ напр. въ купчей 1568 г. (А. Ю. № 85) описанъ губный дворъ слѣдующимъ образомъ:.... *а во дворѣ*

Digitized by Google

хоромовъ: двѣ горницы съ комнатами, три повалуши на подклѣтѣхъ, промежъ горници и повалуши сѣни, и пр. — Въ купчей 1579 г. № 91. ....*а хоромъ на томъ дворѣ: горница большая на подклѣтѣ, а связи у той горници сѣни съ подсѣньемъ, да клѣть на подклѣтѣ, да горенка на мшаникѣ*.... Въ другой 1583 г. № 94. ....*горница столовая бѣлая на подклѣтѣ съ сѣньми на подсѣньи, да горница съ коллатой на подклѣтѣхъ, да сѣни на подсѣньи, да повалуша на подклѣтѣ.... да сушило съ перерубомъ.... а подъ сушиломъ погребъ да ледникъ, да мыльня на струбѣ*.... Въ заемной 1579 г. № 249.... *а въ дворѣ хоромъ: горница, да повалуша, а межъ ихъ сѣни, да изба, да мыльня съ передмыленьемъ, да клѣточка*.... Въ купчихъ, второй половины XVII ст., хранящихся въ архивѣ Ор. Пал. упоминаются: *изба черная съ сѣньми, сѣни съ вышкою.... Горница бѣлая на жиломъ подклѣтѣ, повалуша о трехъ жильяхъ, межъ ими сѣни, въ сѣняхъ каморка; въ нижнихъ сѣнехъ чюланъ, подъ повалушею погребъ.... Изба бѣлая поземная, да сѣнцы покрыты на одинъ скатъ.... Изба на глухомъ подклѣтѣ, противъ повалуша о трехъ житьяхъ, межъ ими сѣни.... Изба съ сѣньми, сѣни съ перильцомъ, съ полатми и съ чюланомъ.... Изба на глухомъ подклѣтѣ, сѣни съ верхомъ въ сѣняхъ чюланъ да крыльцо.... Изба на глухомъ подклѣтѣ съ сѣньми и съ чердакомъ,...*

[10] Очень любопытныя свѣдѣнія о составѣ Царскихъ деревянныхъ жилыхъ хоромъ, служащія подтвержденіемъ и всему сказанному нами вообще о древнихъ хоромахъ, мы заимствовали изъ расходной (матеріальной) книги Казеннаго Приказа, 7155 года, хранящейся въ архивѣ Ор. Пал. подъ № 1067. Въ ней между прочимъ записано слѣдующее: «По Государеву указу.... въ Московскомъ уѣздѣ въ дворцовомъ селѣ Островѣ, въ Государевыхъ хоромехъ обиваны двери и окна и втулки, а обито въ комнатѣ двои двери, двѣ втулки въ красныхъ окнахъ большихъ, да два окна волоковыхъ; въ середней, трои двери, двѣ втулки большихъ да четыре окна волоковыхъ; въ передней, одна дверь, да втулка большая, да два окна волоковыхъ; да въ двоихъ сѣнехъ и въ повалушѣ и въ чердакѣхъ у девятерыхъ дверей, подъ крюки и подъ красное гвоздье, суконъ по-

Digitized by Google

шло на обивку 39 аршинъ безъ чети.... Да въ селѣ въ Хорошовѣ, въ Государевыхъ хоромехъ обито, въ комнатѣ, трои двери, да втулка большая, да два окна волоковыхъ; да въ задней комнатѣ окно волоковое; въ середней дверь, да двѣ втулки большихъ, да четыре окна волоковыхъ; въ передней дверь, да втулка большая, да два окна волоковыхъ; да въ сѣнникѣ дверь, да шесть оконъ; да въ сѣнехъ и на переходехъ; у пятерыхъ дверей, да въ повалушѣ у двоихъ дверей, подъ крюки; да въ мыленкѣ дверь, да шесть оконъ волоковыхъ; да на переходехъ и въ чуланехъ у пятерыхъ дверей, подъ крюки; да во всѣхъ хоромехъ подъ красное гвоздье и подъ плащи, суконъ пошло 65 арш. 6 вершк..... Далѣе сказано: ..... А обивати сукномъ (багрецомъ) въ Царицыныхъ хоромехъ, въ передней и въ середней и въ сторонней комнатахъ, и въ казенной избушкѣ и въ сѣнникахъ, шестеры двери, да два красные окна, да двадцать пять оконъ волоковыхъ.

[11] См. Лѣтописецъ 6714 — 7042. М. 1784. стр. 297. Русскій Временникъ ч. 2. 169. М. 1790.

[12] *Бочками* называются и тѣ архитектурные члены, которые нерѣдко встрѣчаемъ на древнихъ каменныхъ церквахъ, и которые почти всегда расположены въ нѣсколько ярусовъ подъ шеями церковныхъ главъ.

[13] Карамзинъ отнесъ 1487 годъ къ заложенію Грановитой палаты, которая была окончена постройкою въ 1491 году. Но въ лѣтописи подъ 1487 годомъ сказано, что Марко Фрязинъ заложилъ палату *на дворѣ* Вел. Князя, *гдѣ теремъ былъ*, а подъ 1491 г. упомянуто о совершеніи большой палаты *на площади*. Основываясь на этомъ различіи мѣстности, *на дворѣ* и *на площади*, и припомнивъ древній набережный теремъ, мы должны были отнести 1487 годъ къ заложенію не Грановитой, а набережной палаты. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ году заложена если не набережная, то можетъ быть средняя или какая-либо другая, но только не Грановитая.

[14] Каменная церковь Рождества Богородицы построена въ 1393 г. супругою Димитрія Донскаго, Вел. Кн. Евдокіею, на мѣстѣ малой деревянной церквицы св. Лазаря, которая вошла въ новопостроенную, какъ ея придѣлъ. И. Г. Р. т. V. пр. 254.

[15] Дополн. къ Акт. Истор. Т. I № 24.

[16] И. Г. Р. т. X пр. 111 и т. IX пр. 26.

Digitized by Google

[17] Древніе свадебные разряды.

[18] Царственная книга. Спб. 1769. стр. 57.

[19] Царственная книга. Спб. 1769.

[20] И. Г. Р. т. IX пр. 137, 138 и 268.

[21] Лѣтопись о многихъ мятежахъ. М. 1788. стр. 64.

[22] Чтенія И. О. И. и Д. Р. 1847. N° 9 стр. 25. — И. Г. Р. XI. 131 пр. 402. 552. Сказан. совр. о Димитріи Самозванцѣ. т. IV. стр. 164.

[23] И. Г. Р. Из. 5. т. XI. стр. 131. пр. 403.

[24] По свидѣтельству тѣхъ же хронографовъ въ этомъ *аду* сожжено было и тѣло Лжедимитрія, «на мѣстѣ, нарицаемомъ Котлѣ, отъ града яко седмь поприщь.» См. главу *о созженіи сквернаго тѣла ростригина и со адомъ сотвореннымъ отъ него.*

[25] Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1847. N° 9. Сказаніе и повѣсть еже содѣяся....

[26] Описаніе Разряднаго Архива *П. Иванова.* стр. 258 и слѣд.

[27] Расходныя книги Казеннаго Приказа, хранящіяся въ Архивѣ Оружейной Палаты подъ NN 898, 7124 г., 905 — 7125 г., 909 — 7127 г., 916 — 7130 г., 921 — 7133 г., 923 — 7134 г., и Расходная книга Царициной Мастерской Палаты 7133 г. N 738.

[28] Разрядная книга библіотеки П. Ѳ. Карабанова. См. Разряды 7135 и 7137 годовъ — и Расходн. книга Казеннаго Приказа 7137 г. хран. въ Архивѣ Ор. Палаты подъ N° 912.

[29] Расходн. книга Казеннаго Приказа въ Арх. Ор. Палаты 7136 г. N° 930.

[30] Подобная же книга 7141 г. N° 1089.

[31] Расходная ки. Каз. Приказа, въ Арх. Оруж. Пал. 7139, N° 756 и 7141 г. N° 1089.

[32] Такая же книга 7144 г. N° 957.

[33] Расходная книга 7145 г. N° 958 въ Арх. Ор. Пал.

[34] Расходн. книги Казеннаго Приказа 7151 г. N° 979, 7152 г. N° 1073 и 792. 7153 г. N° 986.

[35] Расходн. книга Казеннаго Приказа 7168 г. N° 1015.

[36] Расходная Книга Казеннаго Приказа 7169 г. N° 1083.

[37] См. N° 1083.

Digitized by Google

[38] Выходы Царей и пр. изд. И. Н. Царскимъ, подъ редакціею П. М. Строева. М. 1844.

[39] Книга Приказу Большаго Дворца о расходѣ лѣсныхъ матеріаловъ, разныхъ лѣтъ, въ 4. хран. въ Арх. Дворцовой Конт. — Столбцы архива Оруж. Палаты.

[40] Дѣла Оружейнаго Приказа, въ числѣ столбцовъ архива Ор. Пал.

[41] Дѣла Оружейн. Приказу въ арх. Ор. Пал.

[42] Книга Приказа Большаго Дворца о расходѣ лѣсныхъ матеріаловъ 7192 г. въ арх. Дворцовой Конторы.

[43] Древ. Рос. Вивліоѳ. ч. X. стр. 94.

[44] Дѣла Оружейн. Приказа въ столбцахъ арх. Ор. Палаты.

[45] Дѣла Оружейнаго Приказа въ столбцахъ архива Оруж. Палаты.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ОТЧЕТА ПО УПРАВЛЕНІЮ ЦАРСТВОМЪ ПОЛЬСКИМЪ ЗА 1844 ГОДЪ. — Народонаселеніе Царства составляло слишкомъ 4 м. 700 т. душъ. Родилось болѣе 200 т., умерло слишкомъ 130 т. чел. Иностранцевъ, временно пребывавшихъ въ Царствѣ, находилось почти 27½ т. чел.

Городскіе доходы (кромѣ г. Варшавы) составляли слишкомъ полмилліона рубл. сер. Доходы же Варшавы простирались до 770 т. р. с. Народонаселеніе ея состояло болѣе нежели изъ 150 т. чел., (въ томъ числѣ 40 т. Евреевъ).

Мануфактурная промышленность. Въ 1844 г. на фабрикахъ шерстяныхъ издѣлій находилось ткацкихъ становъ до 2½ т., а работниковъ слишкомъ 9 т. ч.; выработано сукна до 670 т. локтей. На фабрикахъ бумажныхъ издѣлій было становъ болѣе 9 т., а рабочихъ слишкомъ 18 т. ч.; выдѣлано разныхъ тканей болѣе 22½ милл. локтей. Цѣнность сихъ тканей простиралась болѣе нежели до 2 милл. р. с. Выдѣлкою льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій занималось болѣе 5½ т. ткачей, и слишкомъ 26 т. крестьянъ вырабатывали холстъ на продажу. Издѣлій этого рода было всего слишкомъ 3½ милл. локтей. На частныхъ заводахъ выработано: желѣза, цинка и олова до 290 т. цент. Сверхъ того, на разныхъ фабрикахъ выработано: сахару, пива, уксусу обоевъ, ковровъ, экипажей, волосяныхъ издѣлій, фаянса, бронзы, вещей изъ накладнаго серебра, и проч., всего на сумму слишкомъ 10,870,000 р. с. Вообще и число рабочихъ на всѣхъ этихъ фабрикахъ и цѣнность выработанныхъ произведеній превзошли предшествовавшій годъ, не смотря даже на то, что производство шерстяныхъ издѣлій, при

Digitized by Google

затруднительномъ сбытѣ ихъ внѣ Царства, ограничивается съ нѣкоторыхъ поръ почти одною только внутреннею потребностію края сего.

Благотворительныя заведенія. Всѣхъ больницъ было 46; богадѣленъ для старцевъ и калекъ, равно рабочихъ домовъ для пріюта нищихъ и поощренія ихъ къ работѣ, 6. Кромѣ нихъ, устроенъ былъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ Варшавѣ, при больницѣ Младенца Іисуса, временный пріютъ въ зимніе мѣсяцы, для приходящихъ на ночь людей, не имѣющихъ пристанища. Въ 1844 г. имѣли тамъ пріютъ слишкомъ 5 т. чел. Воспитательныхъ заведеній было 6; въ нихъ воспитывалось обоего пола дѣтей болѣе 4 т. Дѣтскихъ пріютовъ въ Варшавѣ считается 6 и въ Калишѣ 1; въ первыхъ получили въ теченіе года пищу и денной пріютъ почти 68 т. дѣтей.

Вѣроисповѣданія. Всѣхъ жителей, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру, въ 1844 г. считалось слишкомъ 3,700,000; православнаго и греко-уніатскаго до 250 т.; евангелическаго и друг. христіанскихъ вѣроисповѣданій около 260 т.; еврейскаго слишкомъ 540 т.; кромѣ того, въ Царствѣ находится небольшое число магометанъ и Цыганъ.

По части народнаго просвѣщенія. Варшавскій Учебный Округъ состоитъ изъ 5 губерній Царства Польскаго. Въ теченіе 1843—44 года числилось всѣхъ вообще учебныхъ заведеній слишкомъ 1300; въ нихъ учащихся обоего пола до 75 т.

По части Правительственной Коммиссіи Финансовъ. Въ 1844 г. окладныхъ доходовъ поступило болѣе $2\frac{1}{2}$ милл. р. с., неокладныхъ слишкомъ 7,870,000 р.—Привозная торговля простиралась до $8\frac{1}{2}$ милл. (болѣе противъ предшествовавшаго года слишкомъ на 1 милл.), а отпускная до 9 милл. (менѣе противъ 1843 г. на 1 м. 300 т.) Наиболѣе привезено и отпущено товаровъ по торговлѣ съ Пруссіею.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИЗЪ КАЗАНИ.

(Письмо къ Редактору.)

Нынѣшній отчетъ мой будетъ заключать въ себѣ извѣстія о двухъ засѣданіяхъ здѣшняго Общества Любителей Словесности, двухъ диспутахъ, и еще о двухъ-трехъ предметахъ, которые, надѣюсь, не назовете вы «общими мѣстами.» Въ хронологическомъ порядкѣ эти событія слѣдовали такимъ образомъ:

Въ началѣ Февраля прибыли въ Казань члены новой Пекинской Духовной Миссіи, и, пробывъ здѣсь съ недѣлю, выѣхали 9-го Февраля въ Иркутскъ. Настоящая Миссія состоитъ подъ начальствомъ Отца Архимандрита *Палладія Кафарова*, бывшаго уже въ Пекинѣ въ санѣ Іеродіакона, съ 1840 по 1846 годъ. Онъ урожденецъ Казанской губерніи и воспитанникъ здѣшней Духовной Семинаріи, а окончательное образованіе получилъ въ Александро-Невской Академіи. — Члены же этой Миссіи суть: Іеромонахи: *Евлампій Ивановъ* и *Павелъ Цвѣтковъ*; Іеродіаконъ: *Иларіонъ Оводовъ*; студенты: *Николай Успенскій* и *Михаилъ Храповицкій*; всѣ пятеро воспитанники той же Академіи; агрономъ и астрономъ: *Константинъ Скачковъ*, воспитанникъ Ришельевскаго Лицея; врачъ: *Степанъ Базилевскій*—воспитанникъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи; художникъ: *Иванъ Чумутовъ* изъ воспитанниковъ Петербургской Академіи Художествъ. Кромѣ того, въ Иркутскѣ долженъ присоединиться къ нимъ еще одинъ человѣкъ. Миссія до весны пробудетъ въ Иркутскѣ, а въ Іюнѣ или Іюлѣ выступитъ съ караваномъ изъ Кяхты въ Монголію. Отъ Кяхты Миссію сопровождаетъ отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ особаго Пристава, которымъ нынѣ назначенъ извѣстный «странствователь по сушѣ и морямъ», *Е. П. Ковалевскій*, только-что возвратившійся изъ богатой

Digitized by Google

результатами экспедиціи въ Египетъ. — Члены прежней Миссіи, находящейся въ Пекинѣ съ 1840 года, возвратятся въ Россію съ тѣмъ же конвоемъ казаковъ не ранѣе половины будущаго 1850 года, и тогда возвратится въ Казань и состоящій при Миссіи Магистръ здѣшняго Университета, *В. П. Васильевъ*, предназначенный къ занятію каѳедры Тибетскаго языка.

15 Февраля было засѣданіе нашего Общества Любителей Отечественной Словесности. Дѣйств. Членъ *П. И. Вагнеръ* прочиталъ статью «*Объ алмазѣ.*» Въ ней изложилъ онъ описаніе алмаза какъ минеральнаго тѣла, сообщилъ исторію открытія алмазныхъ копей въ Индіи и въ Бразиліи, также способы разработки ихъ и правила каратной или кратной оцѣнки алмазовъ въ торговлѣ; а въ заключеніе перечислилъ всѣ замѣчательнѣйшіе по величинѣ алмазы, извѣстные на земномъ шарѣ.

6-го Марта происходило въ Университетѣ публичное защищеніе диссертаціи подъ заглавіемъ: «*Рудеки, Дакики и Фердоуси,*» представленной для полученія степени Доктора Восточной Словесности Адъюнктомъ Армянскаго языка, Магистромъ *С. И. Назарьянцемъ*.

Содержаніе этого разсужденія состояло въ біографическо-литературномъ очеркѣ трехъ древнѣйшихъ поэтовъ Персіи и опредѣленіи значенія послѣдняго изъ нихъ, Фердоуси, въ исторіи Персидской литературы. Положенія, выведенныя авторомъ изъ диссертаціи, были слѣдующія: 1) Восточный міръ не менѣе достоинъ вниманія науки, чѣмъ такъ называемый древне-классическій. 2) *Зендомъ* надобно почесть и названіе приписываемой Зороастру священной книги древнихъ Персовъ и языкъ, на которомъ она составлена. 3) Пареы, не смотря на недостатокъ дѣйствительныхъ памятниковъ древней литературы, не были чужды ни бытописанія, ни поэзіи задолго до христіанской эры. 4) Не одинъ фанатизмъ Арабовъ, но и слѣпое благоговѣніе мусульманской Персіи къ языку Корана и пристрастіе къ арабизму отдалили возрожденіе Персидской литературы до X столѣтія. 5) Рудеки должно считать считать отцемъ ново-Персид-

Digitized by Google

ской поэзіи; онъ жилъ прежде, а не послѣ Дакики. 6) Дакики принадлежитъ слава перваго эпика Персіи; я утверждаю, что онъ былъ современникомъ Фердоуси. 7) Неблагопріятные отзывы Фердоуси о трудахъ Дакики неосновательны, противорѣчатъ сами себѣ и выказываютъ малодушную зависть къ славѣ перваго Персидскаго эпика. 8) Фердоуси началъ *Шахъ-Намэ* задолго до воцаренія Султана Махмуда, содѣлавшагося въ послѣдствіи покровителемъ предпріятія поэта. 9) «Книга Царей» Фердоуси, при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, не свободна отъ недостатковъ. 10) Сравненіе Фердоуси съ Гомеромъ, не смотря на различныя точки соприкосновенія между ними, неумѣстно. Принадлежа различной національности, Гомеръ и Фердоуси могутъ только быть справедливо оцѣняемы каждый въ своей собственной сферѣ.

Диспутъ этотъ *во своемъ родѣ* былъ *первый* во всей Россіи. Доселѣ еще нигдѣ не было диспутовъ докторскихъ по Восточной Словесности, и Г. Назарьянцу отнынѣ будетъ принадлежать имя *перваго* Доктора по этому разряду, учрежденному со времени Высочайшаго утвержденія, въ 1844 году, новаго положенія о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней. Но и независимо отъ этого обстоятельства, настоящій диспутъ былъ также замѣчателенъ и по своему одушевленію, съ какимъ онъ былъ веденъ. Не смотря на то, что предметы спора были слишкомъ спеціальны, касались исторіи, древностей и литературы народа не всѣмъ знакомаго; не смотря также и на то, что оппоненты и докторантъ подтверждали свои мнѣнія безпрестанными цитатами на языкахъ древне-классическихъ, восточныхъ и новыхъ Европейскихъ, — обѣ спорящія стороны умѣли заинтересовать всѣхъ посѣтителей, и многихъ даже вовлечь въ преніе. Поэтому, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, Орд. Проф. Русской Словесности *К. К. Фойгта* и Э.-Орд. Проф. Турецко-Татарской Словесности *И. Н. Березина*, приняли очень дѣятельное участіе въ спорѣ и Профессоры другихъ факультетовъ, юристы, врачи, естествоиспытатели и нѣкоторыя постороннія лица.

Digitized by Google

8 Марта Общество Любителей Словесности имѣло второе засѣданіе, въ которомъ, по выслушаніи оффиціальныхъ бумагъ, прочитана была Дѣйств. Членомъ *К. К. Фойгтомъ* статья подъ названіемъ: «*Мысли при чтеніи сказки В. А. Жуковскаго объ Иванѣ-Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ.*»

Статья эта, безъ всякаго сомнѣнія, появится скоро въ печати, и потому я, не желая и не смѣя преждевременно нарушить интересъ ея, не буду излагать ее въ подробности. Но при всемъ томъ, не могу отказать себѣ въ краткомъ замѣчаніи о содержаніи ея.

Чтеніе новаго произведенія вѣчно-нестарѣющаго нашего старца поэта, В. А. Жуковскаго, пробудило въ авторѣ упомянутой статьи желаніе разгадать настоящій смыслъ этой сказки «Объ Иванѣ-Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ»; и объяснить причины, почему поэтъ передалъ ее не въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна всѣмъ намъ съизадѣтства; почему онъ многое, находящееся въ настоящей сказкѣ, выпустилъ, а другое внесъ изъ своей фантазіи или изъ другихъ сказокъ? И притомъ всѣ эти особенности, какъ видно, допущены были поэтомъ не безъ цѣли?

Внимательное разсмотрѣніе сказки привело наконецъ автора «Мыслей» къ счастливому сближенію событій всей исторіи Русскаго Царства съ подвигами сказочнаго Царевича.... Повторяю; чтобы не уменьшить интереса статьи, я не стану разсказывать, какъ сдѣланы эти сближенія и въ чемъ состоятъ они, но замѣчу только, что все объяснено весьма удачно и остроумно. Если самъ поэтъ и не имѣлъ такой преднамѣренной цѣли, какую видитъ въ его сказкѣ Г. Фойгтъ, тѣмъ не менѣе объясненіе, сдѣланное имъ, даетъ новое значеніе этому произведенію музы В. А. Жуковскаго.

Вы просите вашихъ корреспондентовъ, чтобы они не извѣщали о балахъ, концертахъ, спектакляхъ и тому подобныхъ «общихъ мѣстахъ»; но какъ угодно вамъ, а я все-таки имѣю честь сообщить, что у насъ было *три* концерта. Умалчивая о первомъ и послѣднемъ, скажу объ одномъ второмъ. Онъ данъ былъ 6 Марта, въ залѣ Университета, любителями музыки, съ благотворительною цѣлію.

Digitized by Google

А вотъ вамъ извѣстіе и о другомъ благотворительномъ подвигѣ, совершенномъ въ тайнѣ, но заслуживающемъ громкаго прославленія. Кто-то, — проѣзжавшій или проѣзжавшая чрезъ Казань въ городъ Сарапулъ, — соболѣзнуя объ участи жителей Казани, пострадавшихъ во время бывшихъ въ ней пожаровъ, и въ особенности о тѣхъ семействахъ, которыя послѣ свирѣпствовавшей эпидемической болѣзни остались сиротами,—доставилъ Казанскому Градскому Головѣ А. К. Месетникову 300 р. серебр., съ тѣмъ, чтобы сумма эта была роздана, по усмотрѣнію его, самымъ бѣднѣйшимъ и нуждающимся въ пособіи людямъ. Воля неизвѣстной особы была исполнена. Губернское начальство публиковало объ этомъ благотворительномъ поступкѣ. Надѣюсь, что Москвитянинъ также не умолчитъ объ немъ.

27 Марта былъ магистерскій диспутъ учителя законовѣдѣнія въ Пензенскомъ Дворянскомъ Институтѣ, Кандидата *Я. Резанова*. Представленная имъ диссертація носила заглавіе: «*Объ очистительной присягѣ въ дѣлахъ уголовныхъ.*»

Прилагаю его тезисы: 1) Суду людей, а слѣдовательно и закона положительнаго, подлежатъ дѣйствія человѣческія болѣе въ ихъ внѣшнемъ явленіи, чѣмъ во внутреннемъ, психическомъ ихъ началѣ. 2) Судъ человѣческій не можетъ не признавать религіозныхъ средствъ къ узнанію истины, особенно тамъ, гдѣ весь составъ ея скрывается во глубинѣ нашей души и гдѣ доказательства pro и contra суть равносильныя (aequipollentia). 3) Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ очистительная присяга, которая, какъ судебно-религіозное учрежденіе, не имѣетъ ничего общаго съ средневѣковыми ордаліями. 4) Употребленіе очистительной присяги совершенно умѣстно тамъ, гдѣ наказаніе за преступленіе, очищаемое присягою, можетъ быть меньше, или, по крайней мѣрѣ, равно наказанію, которому долженъ подвергнуться подсудимый, если въ послѣдствіи времени откроется, что онъ далъ ложную клятву. 5) Многія изъ-Западно-Европейскихъ законодательствъ отвергаютъ употребленіе очистительной присяги потому единственно, что въ нихъ клятвопреступленіе считается только проступкомъ, и

Digitized by Google

притомъ легкимъ, а не тяжкимъ преступленіемъ. 6) Очистительная присяга, по своей идеѣ, должна имѣть одинаковую силу, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Допускать ее, какъ доказательство дополнительное, въ гражданскомъ судопроизводствѣ и отвергать въ уголовномъ значитъ противорѣчить себѣ. 7) Условія допущенія подсудимаго къ очистительной присягѣ должны опредѣляться мѣрою и степенью опасности клятвопреступленія. 8) Очистительную присягу нельзя, по примѣру многихъ криминалистовъ, называть пыткою человѣческаго духа. 9) Полному развитію законодательства объ очистительной присягѣ, во весь древній періодъ исторіи Русскаго права, до Іоанна IV и даже нѣсколько позднѣе, препятствовало употребленіе судебнаго поединка, весьма часто замѣнявшаго въ сомнительныхъ дѣлахъ очистительную присягу. 10) Вообще, очистительная присяга, какъ учрежденіе, приспособленное къ нравственному характеру Русскаго народа, образовываясь по началамъ обычнаго права, подъ вліяніемъ Церкви, установилась и выразилась въ формѣ необходимаго закона только при Петрѣ Великомъ. 11) Желательно, чтобы находящіяся въ дѣйствіи постановленія Свода Законовъ объ очистительной присягѣ восполнены были: a) опредѣленіемъ мѣры и степени вѣроятности преступленія, b) обозначеніемъ рода дѣлъ, которыя могутъ быть очищены присягою, c) указаніемъ на лица, которыя могутъ быть къ ней допущены и d) согласненіемъ съ каноническимъ правомъ.

Болѣе всего вызвали возраженій положенія 1-е, 2-е, 4-е и 6-е. Оффиціальными оппонентами были Э.-Орд. Профессоры *Г. Л. Фогель* и *Д. И. Мейеръ* и Кандидатъ *Ф. В. Рудаковъ*. Кромѣ ихъ, жаркимъ и ловкимъ противникомъ магистранда явился студентъ 4 курса Г. *Берви*. Донынѣ въ нашемъ Университетѣ студенты не оппонировали на публичныхъ диспутахъ, и этотъ дебютъ былъ выдержанъ Г. Берви съ честію для юридическаго факультета.

20 Марта скончался Статскій Совѣтникъ *Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ*, бывшій нѣсколько лѣтъ Адъюнктомъ въ здѣшнемъ Университетѣ, а послѣ Директоромъ Гимна-

Digitized by Google

зій Астраханской и Пензенской. Онъ въ 1832, 1833 и 1834 годахъ издавалъ въ Казани журналъ: «Заволжскій Муравей.» Въ 1834-мъ же году напечатана имъ въ 2-хъ частяхъ «Исторія Казани,» а потомъ, въ 1843-мъ, изданы «Записки объ Астрахани.» Кромѣ того, онъ помѣщалъ многія мелкія статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Ал. Артемьевъ.

1849, Марта 30,
Казань.

КОСТРОМА И ОДЕССА. — Живущимъ въ коренной Руси всѣмъ извѣстна святая чудотворная икона Ѳеодоровскія Божіея Матери, празднуемая Церковію 14-го Марта. Явленіе иконы послѣдовало въ 6747 году, въ Костромѣ. Мы еще въ дѣтствѣ слышали много сказаній о изцѣленіяхъ и чудесахъ, которыя явлены были притекавшимъ къ ней съ вѣрою. Тоже свидѣтельствовалъ покойный родитель мой: по бытности его въ Костромѣ (лѣтъ 50 тому назадъ), изъ особаго усердія его и въ благодарность за избавленіе отъ тяжкаго недуга, былъ имъ пріобрѣтенъ точный списокъ самаго древняго письма съ чудотворной иконы, который и доселѣ хранится какъ семейная драгоцѣнность. Изображеніе такъ живо и такъ сберегло, что, кажется, икона написана теперь. Мы спишемъ здѣсь надпись (она же лучше объяснитъ и самую исторію иконы), которая вычеканена, вязью, на древнемъ ея серебряномъ, украшенномъ камнями, окладѣ: «Сей святый образъ списанъ съ чудотворнаго «образа Пресвятыя Богородицы, нарицаемаго Ѳеодоровскія, «яже во градѣ Костромѣ. Явленіе того цѣлебнаго образа «бысть въ лѣто 6747, Августа въ 16 день. Празднованіе тому «чудотворному образу и о явленіи предложено въ прологѣ, «мѣсяца Марта въ 14 день. — Явися той святый чудотвор«ный образъ Благовѣрному и Великому Князю Василію «Георгіевичу, рекомому Квашнѣ, Костромскому и Галиц«кому, сыну Благовѣрнаго и Великаго Князя Георгія Яро«славича Владимірскаго, брату же преподобнаго и Благовѣр«наго Великаго Князя Александра Невскаго.»

Digitized by Google

Преосвященный Гавріилъ (нынѣ Архіепископъ Тверскій), родомъ изъ Костромы, въ бытность свою здѣсь, пожелалъ украсить городъ Одессу святою иконою Ѳеодоровскія Божіея Матери: для чего выписано было имъ изъ Костромы самое вѣрное ея подобіе, и въ богато украшенной кіотѣ поставлено въ лѣвомъ придѣлѣ, ея же святому имени посвященномъ, здѣшняго дѣвичьяго Михайловскаго монастыря, основаннаго имъ же, въ 1841 году.

Такимъ образомъ святыня древней Руси усвоена новой, и каждогодно, 14 Марта, въ обитель Михайловскую стекается множество усердствующихъ. Сегодня совершена литургія и молебенъ Преосвященнымъ Греческимъ Митрополитомъ Агаѳангеломъ, временно здѣсь пребывающимъ. Отъ молитвы благодарная мысль наша неслась на берега Волги къ незабвенному Іерарху, оставившему здѣсь такъ много благихъ учрежденій на пользу святой Церкви. — Конечно, святыня вездѣ остается ею, гдѣ бы она ни была; но все же заѣзжему сюда съ Сѣвера человѣку, а ихъ бываетъ тутъ много, радостно встрѣтить такой предметъ, который прошелъ цѣлые вѣка и котораго слава пронеслась по всей Русской землѣ.

(*Сообщено.*)

14 Марта, 1849 г.
Одесса.

Извѣстіе о публичной библіотекѣ въ селѣ Ивановѣ, о которой напечатано было письмо не оказалось не справедливымъ, по письму самаго Г. Гарелина.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОСВЯЩЕНІЕ НОВАГО МОСКОВСКАГО ДВОРЦА ВЪ КРЕМЛѢ.

Въ то самое время, когда на всемъ необъятномъ пространствѣ отъ береговъ Сѣвернаго океана до Чернаго моря и отъ подножія Карпатовъ до священныхъ вершинъ Арарата, вся семья Русскаго народа славила Святое Воскресеніе, — сердце ограждаемаго и хранимаго Провидѣніемъ Царства радостно билось, торжествуя Свѣтлый Праздникъ вмѣстѣ съ Отцемъ и Матерію Отечества и Ихъ Благословеннымъ Семействомъ.

Въ то же время совершалось и торжество освященія новыхъ Царскихъ Чертоговъ посреди завѣтнаго Кремля, посреди благолѣпной купы Божіихъ храмовъ, обителей Св. Угодниковъ Московскихъ и усыпальницъ Великихъ Князей и Царей — потомковъ рода Рюрика и рода Богоизбраннаго Михаила.

Слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ, Святый Митрополитъ Петръ, освятивъ новоселье Великокняжеское на Москвѣ, предрекъ будущее величіе новой Столицѣ и потомству Іоанна. Его предреченіе граду: «руки его взыдутъ на плеща враговъ» — исполнилось; его предреченіе Іоанну: «родъ твой возвеличится» — сбылось.

Тогда какъ на помраченномъ Западѣ совершается размирье и рушеніе, и примѣнилось къ нему слово древняго Русскаго пѣвца: «тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы,» — мы подъ кровомъ Зиждущаго крѣ-

Digitized by Google

ность, благоденствіе и славу. Подъ этимъ кровомъ, здѣсь на Москвѣ, зиждется храмъ возблагодаренія общимъ голосомъ всей Россіи Бога-Спаса, за побѣду надъ врагами ея; здѣсь создался уже новый Домъ Царства Царю, на основаніи прародительскаго Его Дома.

Всѣ слышали о готовящемся торжествѣ освященія его. Оно совершилось: Отецъ Царства, Глава народа, Хозяинъ Россіи, Державный Домовладыка, призвалъ всю Московскую семью свою на общую молитву освященія Златоверхаго Кремлевскаго Новоселья.

Кто бы не пожелалъ знать событіе во всемъ его величіи; но описаніе слабо предъ дѣйствительностію, и его предупредилъ общій голосъ всѣхъ присутствовавшихъ на торжествѣ, — вѣсть пронеслась уже далеко.

Святой часъ полуночи былъ близокъ; благоговѣйно готовилось все на Москвѣ къ встрѣчѣ Воскресшаго Спасителя; Иванъ Великій увѣнчался огнями, на первопрестольную Столицу какъ будто опустилось все звѣздное небо; Новый Дворецъ озарился, Дворцовые великаны — гренадеры, какъ будто возставшіе Русскіе богатыри, стали у преддверій его на стражу; въ Кремль тянулись ряды экипажей, народъ стекался къ святынѣ, переполнилъ собою храмы, затопилъ площади. Между тѣмъ чины и вельможи Русскіе — Члены Государственнаго Совѣта, Придворныя, Военныя и Гражданскія особы были уже въ предназначенныхъ для съѣзда къ Высочайшему Двору, блистательныхъ Дворцовыхъ Залахъ, и ожидали Высочайшаго выхода изъ *Золотой Палаты*.

За нѣсколько мгновеній до полуночи, движеніе онѣмѣло, слово смолкло, взоры устремились на путь шествія, — и посреди этой тишины Государь Императоръ съ Государыней Императрицей и всѣмъ Августѣйшимъ Своимъ Семействомъ, прошли въ Грановитую Палату. Снова ожиданіе, — и вдругъ благовѣстный царь-колоколъ подалъ голосъ, грянули торжественные выстрѣлы. Послѣдовалъ Высочайшій выходъ изъ Грановитой Палаты чрезъ Владимір-

Digitized by Google

скую Залу въ храмъ Спаса за Золотою Рѣшеткою, въ торжественномъ сопровожденіи всего Императорскаго Двора.

Давно уже этотъ древній храмъ молитвъ Семейства Царскаго, сооруженный Іоанномъ III во славу Нерукотвореннаго образа Спаса, перенесеннаго нѣкогда изъ Эдессы въ Царьградъ, и потомъ Греческою Царевною Софіею, супругою Іоанна, въ Москву, не оглашался подобной торжественной Литургіей, во услышаніе Самому Царю, Царицѣ и Семейству Царскому. Когда священнодѣйствующій Духовникъ Ихъ Величествъ возгласилъ: Христосъ Воскресе! воздухъ заколебался отъ благовѣстнаго звона тысячь колоколовъ; казалось, между небомъ и землей текло море звуковъ, твердь дрогнула отъ торжественнаго грома орудій на высотахъ Кремля. Заутреня совершилась, Государь христосовался съ Государынею и съ Семействомъ Своимъ.

По окончаніи Литургіи наступило шествіе изъ храма на освященіе новаго Дома Царя-Хозяина. Въ пространныхъ, озаренныхъ великолѣпными люстрами въ тысячи огней, блистающихъ золотомъ и эмалью, залахъ, стояли уже браные столы съ освященнымъ Пасхальнымъ хлѣбомъ, для гостей безъ числа.

Члены Государственнаго Совѣта собрались въ Екатерининской Залѣ, Военные въ Андреевской, Городскія дамы въ Александровской, прочія особы въ Георгіевской; а Владимірская Зала предназначена была для участвовавшихъ при строеніи Дворца, украшенныхъ уже золотыми медалями, съ изображеніемъ на одной сторонѣ новаго зданія, а на другой слова: «*благодарю*» и вензловаго имени Государя Императора.

Духовенство изъ Верхо-Спасскаго собора, въ преднесеніи запрестольнаго креста и запрестольной иконы Донскія Божіей Матери, и въ предшествіи хора пѣнія: «Христосъ Воскресе,» совершало крестный ходъ по заламъ. По стезѣ освященія и окропленія Высокопреосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, святою водою, шествовалъ Государь Императоръ съ Государынею Импера-

Digitized by Google

трицею, въ сопровожденіи Его Свѣтлости Министра Двора, и Дежурныхъ: Генералъ-Адъютанта, Свиты Его Величества Генерала и Флигель-Адьютанта.

За ихъ Величествами — Государь Наслѣдникъ, съ Государыней Цесаревной, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичь и Государыня Великая Княгиня Александра Іосифовна.

Государи Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

Государыня Великая Княгиня Марія Николаевна.

Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, Его Королевскимъ Высочествомъ Наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ.

Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій.

Его Королевское Высочество Принцъ Александръ Гессенскій.

Статсъ-Дамы и Фрейлины, по старшинству, по двѣ въ рядъ.

Государыня Императрица, Великія Княгини и всѣ Придворныя Особы женскаго пола были въ Русскихъ торжественныхъ нарядахъ.

Когда шествіе вступило въ Андреевскую Залу, и хоръ запѣлъ: «Спаси, Господи, люди Твоя», Высокопреосвященный Митрополитъ остановился предъ Тономъ и послѣ эктеніи, возглашенной Протодіакономъ, произнесъ молитву:

«Господи Іисусе Христе Боже нашъ, Царю Царствующихъ, уготовавый Домъ Царства Царю по сердцу Твоему Давиду во Іерусалимѣ и Соломону Домъ Царевъ и еламъ престоловъ создати въ лѣпоту и въ славу даровавый, и домъ Аведдара пришествіемъ Кивота Твоего благословивый, и во днехъ плоти твоея смиренный домъ Закхея благодатнымъ Твоимъ посѣщеніемъ обновивый и рекій: днесь спасеніе дому сему бысть. Пріиди и нынѣ благодатію Твоею и сей новосозданный Домъ Благочестивѣйшаго, Самодержав-

Digitized by Google

нѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Николая Павловича, всей Россіи благословеніемъ Твоимъ благостынным осѣни, утверди, сохрани въ роды родовъ, всякаго блага и мира исполни, и въ немъ Державному Домовладыцѣ, и роду Его во благочестіи и добродѣтели и благоденствіи и славѣ жити благоволи, и да будетъ Царственный Чертогъ сей и иже въ немъ престолъ — утвержденіемъ и веселіемъ сего Царствующаго Града и всего Царствія Россійскаго.

«Яко Ты еси благословляяй и освящаяй всяческая, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

По окончаніи молитвы, шествіе продолжалось въ Екатерининскую Залу, чрезъ Кавалергардскую, гдѣ стоялъ Фронтъ кавалергардовъ—великановъ, въ парадной одеждѣ, въ шлемахъ съ двуглавыми серебряными парящими орлами поверхъ оныхъ.

Изъ Екатерининской Залы Императорская Фамилія, предшествуемая Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ, вошла въ парадные внутренніе покои Ихъ Императорскихъ Величествъ.

По освященіи всего верха Дворца, крестный ходъ и шествіе слѣдовало чрезъ Андреевскую, Александровскую, Георгіевскую и Аванъ-Залу, а оттуда по парадной лѣстницѣ въ нижній этажъ, во внутренніе покои Ихъ Величествъ.

По окропленіи всѣхъ комнатъ святою водою, Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Августѣйшимъ Семействомъ и особо-приглашенными, разгавливались въ гостиной. Чины Двора въ Столовой Комнатѣ, а всѣ прочіе въ Георгіевской и Александровской Залахъ.

Былъ уже четвертый часъ утра Великаго Праздника, когда торжество Государева Новоселья заключилось общей душевной молитвой и желаніемъ многолѣтія, здравія и благоденствія Державнымъ Хозяевамъ.

Digitized by Google

Кому уже неизвѣстны щедроты, излитыя Государемъ на всѣхъ участвовавшихъ при строеніи Дворца, этого изящно-великолѣпнаго, возсозданнаго по собственной мысли, Прародительскаго Его Дома.

Изъявляя въ Высочайшемъ Рескриптѣ благоволеніе и признательность Его Свѣтлости Господину Министру Двора, Князю Петру Михайловичу Волконскому, за руководство созиданія Дворца, и даруя выбитыя въ память событія, осыпанныя алмазами, золотыя медали Его Свѣтлости и содѣйствовавшимъ ему, Государь Императоръ соизволилъ сказать: «Кремлевскій Дворецъ Мой, изящное произведеніе зодчества, будетъ новымъ достойнымъ украшеніемъ любезной Моей древней Столицы, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ окружающимъ его зданіямъ, священнымъ для Насъ и по соединеннымъ съ ними воспоминаніямъ вѣковъ минувшихъ и великихъ событій Отечественной Исторіи.»

Александръ Вельтманъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПѢСНЯ А. А. БАРАЙОВА, 1799 ГОДА.

Умъ Россійской промыслы[1] затѣялъ,
Людей вольныхъ по морямъ разсѣялъ[2]
Мѣста познавати, выгоды искати,
Отечеству въ пользу, въ монаршую честь. (bis)

Богъ всесильный намъ здѣсь помогаетъ,
Русскую отвагу всюду подкрѣпляетъ,
Только обозрѣли, вскорѣ обселили
Полосу важну земли матерой.

Составляя общества, союзы,
Намъ не нужна пышна Эллинъ муза,
Только бы учило природы простыя
Слѣдовать правамъ и чтить той законъ.

Стройтесь зданья въ частяхъ нова свѣта;
Россъ стремится, — Нутка[3] его мѣта,
Дикіе народы, варварской природы,
Сдѣлались многіе друзья намъ теперь.

Петръ Великій! еслибъ ты проснулся,
То бъ увидѣлъ, что не обманулся.
Вблизи землю чая, важны пользы зная,
Открыли потомки, и стали въ ней жить.

Аргонавты блескомъ обольстились,
Шкуры позлащенной искати пустились;
Служить бы имъ можно, отечеству важно,
Еслибъ то знали про здѣшній они край.

Digitized by Google

Здѣсь златорунныхъ кожъ хотъ не ведется,
Но драгое злато къ намъ отвсюду льется,[4]
Кабы не пришельцы — други Европейцы,[5]
Былъ бы съ избыткомъ нашъ рискъ награжденъ.

Сухарева башня Москву украшаетъ,
Колоколъ, Царь-пушка народъ удивляетъ.
Дива тамъ толики, какъ Иванъ Великій,
Но здѣся намъ пользы въ томъ нѣтъ никакой.

Честію, славой сюда завлеченны,
Дружбою братской здѣсь соединенны,
Станемъ создавати, дальше занимати,
Русскимъ полезенъ Америки край.

Здѣсь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа[6],
Но выгоды важны, отечеству нужны —
Сносными дѣлаютъ скуку и трудъ.

Въ свѣтѣ новомъ, въ странахъ полунощныхъ,
Мы стоимъ въ ряду къ славѣ людей мощныхъ.
Народы мирятся, отваги боятся
Бодрствуйте други — *Русаки бо есть.*

Намъ не важны чины, ни богатство,
Только нужно согласное братство,
То, что сработали, какъ ни хлопотали,
Умъ патріотовъ уважитъ потомъ.

---

1. Подъ словомъ *промыслы* донынѣ въ колоніяхъ разумѣютъ всю промышленность пушными мѣхами; отсюда *промышленникъ*, названіе, подъ которымъ Сибиряки разумѣютъ всѣхъ служащихъ въ Россійско-Американской Компаніи, не смотря на то, что вообще всѣ нанимающіеся въ колоніи никогда не участвуютъ съ самомъ производствѣ лова, развѣ только въ качествѣ прикащиковъ.

2. Здѣсь Барановъ подразумѣваетъ всѣ первоначальныя вольныя компаніи, дѣйствовавшія каждая отдѣльно, до соединенія въ одну общую Россійскую Американскую.

3. Островъ Королевы Шарлотты.

4. Барановъ разумѣетъ пушные мѣха.

5. Т. е. Англичанъ и подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ.

6. Не смотря на вводимое съ 1841 года христіанство, принимаемое многими туземцами охотно, доселѣ еще у Колошъ не искоренился обычай, по смерти кого-либо изъ тоеновъ убивать по нѣсколько рабовъ для услуженія ему на томъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Въ послѣднее тридцатилѣтіе мудрое правительство по обширному Царству Русскому разставило много глаголовъ, для нашихъ потомковъ, въ памятникахъ, не только отдѣльныхъ, важныхъ событій, какъ битвы Бородинская, Полтавская и другія; не только въ такихъ памятникахъ, какъ избавителю Россіи и Европы, Александру Благословенному и Князю Пожарскому и Минину, но и въ памятникахъ отдѣльнымъ лицамъ. Такъ, въ моей странической жизни удалось мнѣ въ Иркутскѣ поклониться праху Г. И. Шелехова — основателя Россійско-Американской компаніи; въ Красноярскѣ незабвенному для Амер. Комп. и истинному патріоту Н. П. Резанову; въ Тобольскѣ праху Ермака Тимоѳеевича, въ его памятникѣ, спицъ котораго въ небо вонзается, по выраженію Сибиряковъ; въ Казани Державину; въ Симбирскѣ Н. М. Карамзину; наконецъ на берегахъ Невы: Князю Смоленскому, Барклаю, и въ ту пору еще не отосланному на мѣсто, памятнику общаго нашего дѣдушки, И. А. Крылова. Кромѣ этого охота и служба заносили меня на самый сѣверъ украйны Россіи, въ наши Американскія колоніи. Безспорно, эти полтора милліона квадратныхъ верстъ материка Америки есть подарокъ Россіи отъ перваго главнаго правителя колоній, Каргопольскаго купца — впослѣдствіи Коллежскаго Совѣтника — Александра Андреевича Баранова; но, памятникъ дѣлъ его можно ли считать въ его жизнеописаніи, написанномъ въ 1835 году К. Хлѣбниковымъ, по образцу біографій прошлаго столѣтія, безъ всякой исторической критики? Прочтя это жизнеописаніе, вы не познакомитесь ни съ домашней жизнью, ни съ задушевными мыслями и чувствами человѣка, обрекшаго себя на 28-ми лѣтнее отлученіе съ родины, имъ пламенно любимой, въ край совершенно новый и дикій въ ту пору для всей Европы.

Изъ Новоархангельска — Ситхи, — при новомъ ходѣ дѣлъ и новыхъ потребностяхъ исчезли сподвижники Баранова и память о немъ держится только у проживающаго подъ крѣпостью туземнаго племени, но на граняхъ извѣстнаго міра, обозначенныхъ къ сѣверному полюсу стопою Русскаго, въ такъ называемомъ подвижномъ редутѣ или *Одиночкѣ*, состоящей изъ курной избы или зачастую землянки; тамъ гдѣ признается полезнымъ углубиться въ неизслѣдованныя тундры сѣверо-западной Америки, тамъ вмѣстѣ съ бѣлой полярной лисицей вы встрѣтите убѣленнаго сѣдинами старца, который дрожащимъ отъ лѣтъ голосомъ, но полнымъ энергіи и увлеченія, поразскажетъ вамъ про свои

Digitized by Google

походы съ Алексѣемъ Андреевичемъ, или споетъ вотъ эту пѣсенку, имъ составленную и записанную мною въ бытность, въ 1843 году, въ экспедиціи для астрономическаго опредѣленія вершины рѣки Кускоквима.

Изданіемъ этой пѣсни, сложенной первымъ главнымъ правителемъ Русскихъ колоній въ Америкѣ, я имѣю цѣлью указать не столько на поэтическія способности и образованіе Александра Андреевича, въ ту пору рѣдкое въ томъ классѣ, къ которому онъ принадлежалъ, сколько на глубину мыслей, силу выраженія и вѣрный его взглядъ на тѣ государственныя выгоды, которыми воспользовались по частямъ мы, Англія и, въ настоящее время занятіемъ Калифорніи — Соединенные Штаты.

Пѣсня сложена въ 1799 году, при первомъ основаніи крѣпости Новоархангельска — въ Ситхинскомъ заливѣ.

Л. Загоскинъ.

МАРЬѢ ПЕТРОВНѢ СУПОНЕВОЙ.

Отвѣтъ Г. Р. Державина на приглашеніе, писанное на Французскомъ языкѣ.

По волѣ вашей, къ вамъ
Мы будемъ завтра кушать;
Но больно какъ ушамъ
Французски рѣчи слушать
Отъ толь почтенныхъ дамъ,
Прекрасныхъ разумомъ, душою.
Пора намъ жить собою,
Своимъ языкомъ говорить
И Русь любить.

Digitized by Google

НОВАЯ ОТРАСЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ АМЕРИКИ: ТОРГОВЛЯ ЛЬДОМЪ. — Вся Пеласгическая кровь, весь духъ промышленныхъ Пеласговъ, о которыхъ исторія въ продолженіи уже нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, сосредоточился и возникъ теперь въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Даже промышленная въ высокой степени Англія не надивится предпріимчивому генію промысла Америки. Все что только можно пустить въ ходъ, все изъ чего можно извлечь выгоды, развивается тамъ не по днямъ, а по часамъ. Есть надежда, что скоро Американцы будутъ торговать чистымъ воздухомъ своихъ степей и развозить его по всѣмъ рынкамъ земнаго шара. Но покуда не изобрѣтенъ еще способъ накачивать его тоннами и грузить на корабли, они развили промыслъ прекраснымъ Американскимъ льдомъ.

Торговля льдомъ *обязана началомъ* своимъ Фридерику Тюдору, въ Бостонѣ, который замыслилъ въ 1805 году грузить ледъ на корабли и отправлять въ Западную Индію, Антильскіе острова и сосѣднія набережныя; но всѣ тогдашніе корабельщики посмотрѣли на него какъ на сумасшедшаго, покачали головой, и сказали, что такого товару они не возятъ. Тюдоръ не оробѣлъ, завелъ свой корабль, нагрузилъ льдомъ и отправился въ Мартинику, или, назовемъ по туземному, въ *Мадіану* или *Маданину*, которая изобилуетъ сахаромъ, кофеемъ, хлопчатой бумагой, финами, бананами, змѣями, черепахами, и всѣми произведеніями и роскошью природы, но нуждается въ прекрасномъ произведеніи мороза, именно во льдѣ. Тюдоръ понялъ цѣну льда тамъ, гдѣ его нѣтъ, но первый привозъ его былъ неудаченъ; ледъ не перенесъ жаркаго климата, надо было принять много предосторожностей, чтобъ сохранять его. Тюдоръ понесъ 22 тысячи франковъ убытку; но и это его не обезкуражило; въ 1815 году онъ пустился со льдомъ въ Гаванну; потомъ началъ поставлять его въ Чарльтонъ, Саванны, въ Новый-Орлеанъ; въ 1833 году въ Калькутту, и наконецъ въ Мадрасъ, въ Бамбай. До этого времени мало кто слѣдовалъ еще его примѣру; мало было охотниковъ грузить этотъ товаръ на корабли. Но теперь это уже отрасль торговли. Изобрѣтены машины колоть ледъ, устроены ледники и запасы деревянныхъ опилокъ, въ которыхъ его перевозятъ куда угодно. Бостонъ обратился въ главный депо льднаго промысла; повсюду, гдѣ только морозъ его производитъ, заведены льдяные запасные магазины. Озеро *Венхамъ* прославилось уже *брилліантовымъ* льдомъ,

Digitized by Google

который извѣстенъ уже въ Лондонѣ; туда ежегодно отправляется его до 2,000 тоннъ. Въ 1847 году, въ пристани Бостона, нагружались льдомъ 353 корабля. Цѣны льду различны, по различію потребностей и дороговизны провоза. Въ Гаванѣ фунтъ льду стоитъ 6 копѣекъ, — дороже чѣмъ у насъ хлѣбъ въ дорогое время; въ Новомъ-Орлеанѣ до 3 копѣекъ; въ Калькуттѣ почти тоже. Въ Лондонѣ *Американскій ледъ* продается девять франковъ 100 фунтовъ. *Ледяной магазинъ*, или ледникъ Американскій, устроенъ у Верфи Св. Екатерины, откуда его и продаютъ въ разницу.

ИТОГЪ ЗАБОТЪ ОБЪ ЭМАНСИПАЦІИ ЖЕНЩИНЪ. — Искони законъ писалъ *одинъ для всѣхъ*, но нѣкій Peuple-roi рѣшилъ, что законы должны писать *всѣ для одного*. Рѣшилъ, пишетъ и печатаетъ. Но кто такой этотъ *одинъ*—рѣшительно тайна, даже для самаго Peuple-roi, или для 34 милліоновъ законодателей. Всѣмъ извѣстно, какіе многотрудные *бинольы* рѣшали эти же мудрые законодатели обоихъ половъ, взглянувъ на женскій полъ съ особенной точки, и именно съ той точки опоры въ эѳирѣ, съ которой Архимедъ хотѣлъ своротить съ мѣста, поставить вверхъ дномъ весь Земной Шаръ. Положивъ въ основаніе, что $x = y$, какъ аксіому не требующую доказательствъ, они стали замѣнять иксъ игрекомъ, игрекъ иксомъ, по произволу, при рѣшеніи задачъ для вывода формулъ для всѣхъ обстоятельствъ: семейныхъ, гражданскихъ, политическихъ, военныхъ, законодательныхъ, исполнительныхъ, въ теоріи и практикѣ, на чердакѣ, въ бель-этажѣ и въ подвалѣ. За сводъ всѣхъ запутанныхъ выводовъ, гдѣ *данные* обратились въ *неизвѣстные*, и неизвѣстные въ данные, взялся Г. Эрнестъ Легуве, и написалъ: Histoire morale des femmes. Этому сочиненію возданы хвалы и Академіей и большинствомъ голосовъ; оно слѣдовательно законодательное, въ немъ должно быть что-нибудь новое, изведшее бѣдныхъ женщинъ изъ женскаго состоянія, снявшее съ нихъ обязанности дочернія, супружескія, материнскія. Посмотримъ. Г. Легуве имѣлъ цѣлью «открыть женщинамъ *новый* карьеръ, къ которому призываютъ ихъ *исключительныя свойства и достоинства* ихъ пола, усовершенствовать со всѣхъ сторонъ нравственныя и матеріяльныя условія ихъ существованія.» Цѣль исполнена и признана всѣми законодателями.

Посмотримъ.

Digitized by Google

«Posterior dies prioris est discipulus» говоритъ, эпиграфъ книги, т. е. «сегодняшній день ученикъ вчерашняго,» или все равно: *опытъ есть лучшій учитель нашъ*; и вотъ что вывелъ Г. Легуве изъ этого опыта, величая женщинъ членами-гражданками — membres de la cité: «Призвать женщинъ, говоритъ онъ, въ соревнованіе съ мужчинами для исполненія мужскихъ обязанностей, — значитъ уничтожить *другимъ только образомъ* достоинство ихъ; подвергнуть новой подчиненности и чиноначалію. *Надо, чтобъ онѣ дѣлали то, чего не дѣлаютъ мужчины или дѣлаютъ плохо.*». Исторія безмездный свидѣтель въ томъ, до какой степени была печальна, гибельна и даже постыдна роль женщинъ въ дѣлахъ политическихъ. Г. Легуве приводитъ въ примѣръ нѣсколько образцовъ, между прочимъ Г-жу Роландъ, какъ пародію на государственнаго человѣка, Г-жу Теруань-де-Мерикуръ, какъ пародію на солдата; Г-жу Розу Лакомбъ, какъ пародію на члена клуба, и Олимпію де Гужъ — журналистку.

«Все что можно поручить женщинамъ, говоритъ Г. Легуве, состоитъ: въ надзорѣ и уходѣ за больными въ госпиталяхъ, надзорѣ въ женскихъ тюрьмахъ, и главное, въ предсѣдательствѣ, — въ заботахъ о воспитаніи образованіи дѣтей женскаго пола.»

Вотъ новое открытіе Г. Легуве въ обязанностяхъ женщинъ-гражданокъ; но вѣдь это мы уже знали до открытія пороха.

Призывая женщинъ (разумѣется своихъ соотечественницъ) къ строгому исполненію обязанностей дочернихъ, супружескихъ и материнскихъ, Г. Легуве жалуется однакоже на эгоизмъ мужчинъ, въ отношеніи познаній; отъ чего говоритъ онъ, не учить дѣвушекъ по-Гречески, по-Латынѣ, математикѣ, философіи, физикѣ, химіи, и un peu, т. е. чуть чуть медицинѣ, ботаникѣ, натуральной исторіи и гигіенѣ? — Женщины, говоритъ онъ, при знаніи химіи гораздо лучше бы дѣлали конфекты (feraient mieux des confitures); а еслибъ знали философію, то понимали бы Декарта, и не понимали бы Петра Леру.»

На это прочіе законодатели отвѣчали, что они, любя конфекты, рады бы были, чтобъ женщины изъучили для этого дѣла всѣ науки; но нужно ли, чтобъ изъ женщинъ вышли ученые in utroque, готовые выдерживать и оспоривать свои диссертаціи и тезы in omni re scibili et quibusdam aliis? Не будетъ ли изъ этого новая комедія: *ученыя женщины?*

Г. Легуве упрекаетъ *le Code*, законы Франціи, что по нимъ, каждая дѣвушка въ 15 лѣтъ отвѣчаетъ сама за свою честь, и никому до ея чести нѣтъ дѣла: «toute séduction est impunie».

Digitized by Google

«Такого безучастія къ общественному цѣломудрію, говоритъ онъ, не встрѣчается ни у одного народа, не только образованнаго, но и у дикарей.»

Законодатели однакоже не согласились на этотъ выводъ къ отвѣту за соблазнъ. Эта отвѣтственность имъ очень не понравилась, и въ опроверженіе они придумали ловкій софизмъ: «помилуйте, Г. Легуве, сказали они, законы могутъ преслѣдовать только соблазнителей ex professo; но какимъ же образомъ законъ, обязанный наказывать виноватаго, соблазнителя, узнаетъ, кто изъ двухъ падшихъ настоящій соблазнитель, мужчина или женщина?»

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ законодатели слагаютъ всю вину на дьявола....

Г. А. ДЕ ЛАМАРТИНЪ, ИЗДАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ СВОИХЪ ТВОРЕНІЙ. — Великій поэтъ издаетъ самъ себя въ свѣтъ! Вотъ что объявляетъ онъ почтеннѣйшей публикѣ при письмѣ къ издателю «la Presse». «Проспектъ избранныхъ твореній Г. де Ламартина; «Въ обстоятельствахъ благоуваженія къ писателю, друзья Г. Шатобріана, и друзья *высокой* литературы, образовали изъ себя общество издателей, и купили его сочиненія, чтобъ обнародовать его геній. Г. де Ламартинъ не имѣетъ достоинствъ на право пользоваться подобными щедротами націи и дружбы. Если бы они были ему предложены, онъ бы отказался, по чувству воздержанія себя отъ этой чести и по скромности. Онъ предпочитаетъ обратиться къ самому себѣ и къ своимъ собственнымъ силамъ. Мы живемъ подъ закономъ труда; признать этотъ законъ и покориться ему торжественно и всенародно, не значитъ унижать себя, но сообразоваться съ современной эпохой. Въ слѣдствіе этого, Г. де Ламартинъ, *нисходя* къ свободѣ отъ дѣлъ публичныхъ, и будучи въ состояніи уже заняться собственными дѣлами, неукоснительно, и въ пользу другихъ, принимаетъ на себя изданіе собственныхъ своихъ твореній. Онъ обращается къ публикѣ не такъ какъ писатель, а какъ издатель своихъ книгъ.» За симъ слѣдуетъ исчисленіе извѣстныхъ уже твореній Г. де Ламартина, revues, corrigées et augmentées прологами и комментаріями, всего 14 томовъ, по 6 франковъ томъ. Потомъ обращеніе къ друзьямъ словесности въ Парижѣ, въ департаментахъ и за границей, что Г. де Ламартинъ «*издатель сего великаго изданія избран-*

Digitized by Google

ныхъ сочиненій проситъ ихъ относиться прямо къ нему съ подпиской: 82, rue de l'Universit. à Paris, — и обѣщаетъ для пересылки избрать путя самые дешевые. Въ этомъ и состоитъ «prospectus ci-joint de ses oeuvres choisies, retouchées, augmentées, commentées et *éditées* par lui-même.»

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ НАПОЛЕОНА. — Газета la Presse отъ 6-го Февр. (н. с.) извѣщаетъ, что на набережной Орсая (близъ Версаля выгружается уже привезенный изъ Финляндіи надгробный камень на могилу Наполеона. Этотъ розовый гранитъ 5½ метровъ въ длину, 3 въ ширину и 1 метръ въ толщину.

Кто бы могъ предвидѣть въ 1812 году, что со временемъ, одна и та же Русская скала удѣлитъ отъ себя на памятникъ Александру I, и на надгробный камень Наполеону?

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КАЛИФОРНІИ. — По Американскимъ журналамъ, *золотая лихорадка* Калифорніи распространяется страшнымъ образомъ. Коммодоръ Джонсъ, командующій эскадрой Тихаго Океана, извѣщаетъ, что всѣ находящіяся тамъ суда Англіи, Соединенныхъ Штатовъ и торговыя суда въ бѣдственномъ положеніи. Всѣ матросы, всѣ офицеры, ушли на пріиски золота. Безпорядки, раздоры, злодѣйства, убійства, болѣзни, до того дошли, что надо употребить какія-нибудь особенныя *силы*, чтобъ прекратить золотую лихорадку. Еще не успѣетъ корабль завидѣть берега Калифорніи, всѣхъ пассажировъ бьетъ уже золотая лихорадка; глаза лѣзутъ вонъ изъ орбиты, руки тянутся, — не успѣютъ причалить къ берегу, все бросается въ воду, плыветъ, бѣжитъ въ перегонку къ пріискамъ. Какіе же употребить силы, чтобъ прекратить эту лихорадку? — Войско? но оно точно также заражается, забываетъ и дисциплину и страхъ, бѣжитъ взрывать берега Сакрѣменто, искать золота, умирать съ голоду.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА КАЗАНСКАГО КЪ М. П. ПОГОДИНУ. О НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РУССКОЙ ИСТОРІИ. ....Въ первой книжкѣ Москвитянина за 1849 годъ, вы бросили Славяно-Норманскую перчатку. Не принадлежа ни къ Славянофиламъ, ни къ Скандинавоманамъ, я не намѣренъ состязаться съ вами на этомъ полѣ. Позвольте предложить вамъ нѣсколько ходовъ игры въ

Digitized by Google

дѣлѣ, вамъ столько же знакомомъ, какъ и вопросъ о Скандинавствѣ первыхъ Князей, именно, вопросъ о писателѣ первой лѣтописи. Вопросъ не новый, но онъ послужитъ, можетъ быть, для васъ поводомъ высказать новыя мысли.

Съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ слѣжу я за вашими изслѣдованіями о древнихъ городахъ Русскихъ. Это дѣло необходимое для объясненія нашихъ лѣтописей. Дивлюсь только, что ни вы, ни ваши ученые, почтенные рецензенты, не обратили вниманія на источникъ, которымъ, по моему мнѣнію, во многихъ мѣстахъ можно бы объяснить древнюю Географію, именно на акты юридическіе, акты Археографической Комиссіи и акты историческіе, также на собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Эти изданія, снабженныя указателями, и полезны и необходимы даже въ такомъ дѣлѣ. Чтобы составить полную Географію древней Руси, чтобы разгадать всѣ мѣста, упоминаемыя въ лѣтописяхъ, по моему, нужно было обнародовать семильные акты столбовыхъ нашихъ дворянъ. Тутъ въ грамотахъ жалованныхъ, въ мѣновыхъ, купчихъ перечислены подробно всѣ селенія, съ означеніемъ уѣздовъ; тоже должно сказать и о жалованныхъ грамотахъ монастырямъ. Впрочемъ и то, что обнародовано, уже можетъ послужить значительнымъ пособіемъ для отысканія положенія многихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ.

Еще позвольте выразить свое несогласіе съ мнѣніемъ вашимъ касательно новаго труда Г. Строева: «Описаніе рукописей Царскаго.» Безспорно, это дѣло изумительнаго терпѣнія, но тутъ работа чисто-механическая. Г. Строева, при его обширныхъ познаніяхъ, нужно просить, возбуждать, чтобы онъ не былъ такъ скупъ въ дѣлежѣ своихъ познаній. По обнародованнымъ у насъ каталогамъ рукописей можно уже судить, что новаго еще не много встрѣтится. Отъ человѣка, столь знакомаго съ древней нашей литературой, мы бы желали видѣть результаты его изслѣдованій, его мыслей и замѣчаній объ этомъ дѣлѣ, результаты его знакомства съ этимъ предметомъ. Безъ знакомства съ содержаніемъ рукописей, безъ оцѣнки ихъ достоинства, онѣ — мертвый капиталъ для насъ. Новыя описанія библіотекъ будутъ повтореніемъ стараго. Мы узнаемъ, что въ такой-то библіотекѣ есть рукопись такого-то оглавленія, и т. д. Но что изъ этого? Хочется выслушать мнѣніе объ этихъ рукописяхъ человѣка, знакомаго съ ними; хочется знать оцѣнку ихъ изъ устъ человѣка, такъ много изучавшаго памятники древней нашей литературы. Вы не раздѣляете скептическаго направ-

Digitized by Google

ленія Г. Строева; но мысль ученаго человѣка, у котораго есть свое добросовѣстное убѣжденіе — всегда пріобрѣтеніе для науки. Не скептическому ли направленію обязаны мы тѣми прекрасными изслѣдованіями, которыя мы имѣемъ о древней нашей Исторіи? Скептицизмъ заставляетъ насъ глубже входить въ предметъ, обращать вниманіе на тѣ стороны, которыя ускользали отъ насъ.

По этому, мнѣ кажется, напрасно вы такъ горячо нападаете на такъ называемую вами новую школу Исторіи Русской. Если и есть тутъ одностороннность, за то сколько новыхъ, свѣжихъ мыслей брошено въ сокровищницу свѣдѣній о нашей древней Руси. Хотя бы и всѣ эти мысли были несправедливы, но не они ли заставляютъ васъ, ветерановъ науки, вновь переизслѣдовать многія стороны жизни Русской, на которыя прежде не такъ много обращали вниманія? А развѣ это маловажная заслуга? Взглядъ разширяется, открываются новыя стороны, и истина восторжествуетъ. Стало быть, есть слабыя стороны и въ старой школѣ, когда она подвергается нападеніямъ; аксіомы не станутъ опровергать. Укрѣпите эти слабыя стороны, объясните неясное еще, и нападенія, если они неосновательны, падутъ сами собою. — Руководимый этимъ желаніемъ разъяснить темное, подкрѣпить нетвердое, я и посылаю вамъ свои сомнѣнія о писателѣ первой лѣтописи. Если вы пришлете мнѣ въ книжкѣ своей отвѣтъ, буду продолжать и далѣе игру, если съ перваго раза не дадите мата. *Петръ Казанскій.*

1849 г. Янв. 23 дня.

отвѣтъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаю ваше письмо, столь обильное дѣльными замѣчаніями, и спѣшу отвѣчать по пунктамъ.

Сомнѣніе ваше о тождествѣ перваго лѣтописателя съ лицемъ Нестора, сочинявшаго житіе Ѳеодосіево, препроводилъ я въ наше Общество Исторіи, гдѣ оно и будетъ напечатано. Я знаю твердо лѣтопись, а Г. Кубаревъ знаетъ житіе Ѳеодосіево. Онъ вѣроятно и разрѣшитъ тамъ ваше сомнѣніе; я же здѣсь не противъ вашего удара, а съ другой стороны, скажу только мимоходомъ, что Поликарпъ Печерскій (1228) въ посланіи своемъ къ Архимандриту Акиндину говоритъ: «точно такъ Несторъ написалъ въ Лѣтописцѣ о Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исакіѣ,».... а эти самыя житія, и въ этомъ самомъ порядкѣ, встрѣчается въ лѣтописи, слѣдовательно лѣтопись принадлежитъ Нестору, сочинителю житія Ѳеодосіева. Поликарпъ называетъ Нестора лѣтописателемъ еще въ житіи Св. Никиты.

Digitized by Google

Вы удивляетесь, почему я въ своемъ опытѣ древней Русской Географіи не пользовался актами? Потому что акты всѣ позднѣе періода моихъ изслѣдованій 1054 — 1240. Я употреблялъ только современныя свидѣтельства, т. е. лѣтописи и нынѣшнія карты. По актамъ можно и должно будетъ дополнить ихъ въ слѣдующихъ періодахъ.

Вы называете сочиненіе каталоговъ работой механической. Въ томъ-то и состоитъ ея достоинство. Новый верхоглядъ или скорохватъ возмется построить вамъ двадцать системъ скорѣе, чѣмъ предпринять подобное описаніе. Мертвымъ капиталомъ назвать его нельзя; когда библіотеки наши будутъ такъ описаны, тогда всѣ изслѣдователи будутъ знать, чего гдѣ искать имъ должно. Каталоги дѣлаются теперь повтореніемъ одного и того же — это правда, и новые описатели, во избѣжаніе повтореній, должны принять ваше замѣчаніе на видъ.

Кстати—вотъ еще работа механическая, за которую однако можно будетъ назвать работника благодѣтелемъ: разобрать, изъ всѣхъ каталоговъ (Толстаго, Румянцова, Царскаго, и проч.) всѣ слова (Златоустаго, Григорія Богослова, и проч.) по азбучному порядку, напр. Іоаннъ Златоустъ. Его сочиненія по подлиннымъ изданіямъ суть:.... Переведены на Славянскій языкъ слѣдующія — и здѣсь должны помѣститься онѣ по началамъ ихъ, въ азбучномъ порядкѣ. При каждомъ словѣ легко прибавить: находится въ сборникѣ Г. Царскаго, нумеръ такой-то, такой-то и проч., древнѣйшіе списки находятся тамъ-то. Здѣсь вы увидите Исторію нашей переводной литтературы и вмѣстѣ нашего образованія, по вѣрнѣе чѣмъ въ Исторіи Г. Милюкова и Хрестоматіи Г. Галахова. При описаніи новыхъ библіотекъ можно будетъ только ссылаться на это сочиненіе, и трудъ облегчится много. Такую работу я посовѣтовалъ бы Гг. Профессорамъ Русской Словесности въ Университетахъ и Академіяхъ предлагать для своихъ студентовъ. Молодые люди нарабстали бы въ одинъ годъ кипу.

Касательно желанія вашего, чтобъ Г. Строевъ дѣлился съ нами плодами своихъ безпримѣрныхъ трудовъ, я совершенно согласенъ.

Согласенъ съ вами и касательно пользы скептицизма. Соглашусь, можетъ быть, даже въ пользѣ новой школы, — но все таки въ пользѣ отрицательной (какъ и отъ скептицизма), т. е. она можетъ побуждать другихъ къ разсмотрѣнію Исторіи съ другихъ сторонъ. Можетъ быть, я слишкомъ горячо нападаю на нее, но вина въ ея наглости: безъ всякихъ основаній, на-обумъ, зажмурив глаза, не имѣя силы ни на одно положеніе, чтобъ сказать только что-нибудь

Digitized by Google

новое, она покусилась коверкать Русскую Исторію, точно какъ покойный Полевой: тотъ закричалъ, напримѣръ, что Мономахъ никуда не годится, потому только, что всѣ считали его добродѣтельнымъ Княземъ; тотъ вздумалъ честить Шемяку, потому только что всѣмъ служилъ онъ пословицей беззаконія, безъ всякихъ другихъ основаній. Точно такъ и теперь: раздѣленіе Руси было для насъ аксіомой — намъ говорятъ, что удѣловъ не было, и періодъ удѣльнымъ называть не должно; мы проклинали Монголовъ — намъ говорятъ, что они не имѣли на Русь почти ни какого вліянія. Сынъ шелъ на отца, отецъ на сына, братъ на брата, племянникъ на дядю, за власть, за владѣніе, за волости, — намъ говорятъ, что родовыя отношенія играли у насъ главную роль. Грозный слѣдовалъ старой системѣ, а Сильвестръ былъ нововводителемъ — намъ говорятъ на оборотъ, вопреки всѣхъ свидѣтельствъ. Читать, слышать такія вещи, признаюсь, я не могу безъ негодованія и безъ желчи.... Дайте только мнѣ издать 4, 5 и 6 томъ Изслѣдованій, я раздѣлаюсь съ этими удалыми молодцами Русской Исторіи покрѣпче, чѣмъ съ покойными скептиками, и выведу ихъ на чистую воду, если они не уймутся. И вотъ слово на миръ! Уймись они, покажи въ своихъ писаніяхъ хоть слегка (я пощажу ихъ самолюбіе и нестану доводить ихъ до крайности), что они начинаютъ раскаеваться, признаваться въ опрометчивости своихъ заключеній, я готовъ забыть все прошлое, и идти съ ними вмѣстѣ, рука въ руку, по прекрасному полю Русской Исторіи, работать такъ, какъ предлагалъ въ предисловіи къ первому тому....

М. Погодинъ.

P. S. Вы пишите прямо, что я бросилъ перчатку о Норманствѣ: бросилъ ее Скандинавоманъ.

О ЗНАЧЕНІИ СЛОВА ПОСАДНИКЪ. — Нѣкоторые обратились ко мнѣ съ вопросомъ о древнемъ значеніи слова посадникъ и значеніи этого чина въ древней Руси при Великихъ Князьяхъ. Исполняю желаніе, тѣмъ болѣе, чтобъ опровергнуть мнѣніе, будто посадники только были въ Новгородѣ и Псковѣ, и будто это званіе зависѣло отъ вечевыхъ выборовъ.

Слово посадникъ происходитъ изъ семейныхъ обычаевъ; оно тоже что *посаженый отецъ*, то есть замѣщающій отсутствіе *роднаго отца*. Соотвѣтственно этому и въ древнемъ гражданскомъ быту, это

Digitized by Google

званіе было тоже, что новѣйшее *намѣстникъ* — занимающій мѣсто настоящаго правителя. Какъ посаженый отецъ избирался самимъ роднымъ отцомъ *въ себѣ мѣсто*, такъ и посадники назначались въ древней Руси Великими Князьями.

Когда Новгородцы испросили у Святослава въ Князья себѣ Владимира, тогда *Добрыня*, дядя его, былъ назначенъ посадникомъ, — то же что губернаторомъ, *правителемъ города*; и въ другихъ городахъ, были другіе, также великокняжескіе посадники; ибо Ярополкъ «посади свои *посадники* въ Новгородѣ, бѣ владѣя единъ въ Руси.»

Что посадники, или правители городовъ, назначаемые Великими Князьями, были повсемѣстны, приводимъ изъ лѣтописей и изъ изслѣдованій М. П. Погодина, выписки:

«И иде Глѣбъ къ Чернигову, 1148 г., а оттуду къ отцу, а Ростиславъ иде въ Городецъ, а по городомъ посадники посади свои.»

«1116. К. В. Володимеръ посла Ивана Войтишича и посажа посадниковъ *по Дунаю*.»

1146. Изяславъ же пославъ брата своего Ростислава отъя у него городы опять и посадники исковавъ приведе....

Подъ тѣмъ же годомъ, въ новѣйшей вставкѣ въ лѣтопись, названіе *посадникъ* замѣнено *намѣстникомъ*:

«И тогда предашась Путивльцы, и посади (В. К. Изяславъ) у нихъ *намѣстники* своя Кіевскія.»

1147. «Выбѣгоша посадники Володимера и Изяславли изъ *Вятичъ*, изъ *Брянска* и изъ *Мьченьска*, и изъ *Блове*.»

Этого, кажется, довольно. *В.*

ЛѢТОПИСЬ ПОГОДИНСКАГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА *.

Въ Ноябрѣ пріобрѣтено: Сборникъ XVI вѣка, отличнаго письма, въ коемъ помѣщено почти полное собраніе словъ Митрополита Григорія Цамблака.

---

* Нѣкоторые охотники до древностей, которыхъ число безпрестанно умножается, часто изъявляли мнѣ свое желаніе, чтобъ я извѣщалъ о своихъ пріобрѣтеніяхъ, и я рѣшился наконецъ исполнять ихъ желаніе, хотя вкратцѣ, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ всего, что попадаетъ въ Москву въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что я по тридцатилѣтнимъ связямъ своимъ получаю свѣдѣнія самыя вѣрныя и скорыя.

Digitized by Google

Ларчикъ лубочный, разкрашенный, очень древній.

Нѣсколько мѣдныхъ образовъ новаго дѣла, то есть лѣтъ по 100 и по 150.

Въ Декабрѣ: Харатейный псалтирь толковый, не позднѣе 14 вѣка, отличнѣйшая, рѣдчайшая рукопись (харатейныхъ толковыхъ псалтирей неизвѣстно нигдѣ).

Харатейная Постная Тріодь 15 вѣка.

Греческая псалтирь.

Полууставъ Петра Могилы, прекрасный экземпляръ.

Въ Январѣ: семь подлинныхъ патентовъ съ собственноручными подписями Генералъ-Фельдмаршаловъ Князя Трубецкаго, Голицына, Долгорукаго, Миниха, Лассія, Гиссена, Геннина, и проч.

Подлинный морской регламентъ, Петра I, Моск. изданіе 1724 г.

Подлинное письмо Графа Андрея Артамоновича Матвѣева.

Складень Фряжскаго письма, въ рѣзномъ мѣдномъ футлярѣ.

Складень Московскаго письма, царскихъ временъ.

Рѣзная доска съ изображеніями костяными всей церкви, или чина. Нѣсколько костяныхъ фигуръ потеряно и приписано. Рѣзьба древняя, 177 лѣтъ.

Нѣсколько Рѣчей Москов. Профессоровъ — Шадена и другихъ, въ 4000 годахъ.

Извѣстныя всѣмъ охотникамъ: толковый псалтирь Максима Грека, отличный, почти современный списокъ, печатный Патріарха Филарета катихизисъ, и рукописная Степенная книга, за кои въ продолженіе трехъ лѣтъ спрашиваемо было 5 тысячь руб. сереб., теперь отдаются за 2, но также никто не даетъ.

Филаретова катихизиса отыскался еще одинъ экземпляръ, еще полнѣйшій, который принадлежитъ теперь нашему ревностному собирателю Т. Ѳ. Большакову. Онъ проситъ за эту книгу, кажется, 500 руб. серебромъ.

У другаго тоже дѣятельнаго антикварія, Д. В. Пискарева, есть псалтирь Царя Ивана Васильевича Грознаго, съ отличнымъ выходомъ, за которую онъ спрашиваетъ 420 руб. асс.

Digitized by Google

ДВА СЛОВА О ПРАВОПИСАНІИ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Какъ терзаютъ собственныя имена и Русскій слухъ наши реформаторы, жалость да и только! Они непремѣнно хотятъ заставить насъ, coute qui coute, и свистать и шипѣть, и щелкать по-Нѣмецки, по-Французски, по-Испански, по-Санскритски. Милостивые государи! Англичане выговариваютъ нашу Россію — Раша, и благоденствуютъ! Французы произносятъ Рюси, и бѣгутъ ошибче нашего! Нѣмцы говорятъ Русландъ, а на педантизмъ ихъ вѣдь взять! Нѣмцы напишутъ пожалуй Huikot, а выговорятъ все-таки Кисо̀, и проч. Милостивые государи! За чѣмъ же отнимаете вы у насъ Мексику, къ которой мы привыкли? Зачѣмъ измѣняете вы намъ Донъ-Кишота, который подъ именемъ Донъ-Кихота право не сталъ смѣшнѣе, хотъ и удѣлилъ ему частицу этого достоинства? Зачѣмъ награждаете вы насъ Бэкономъ, котораго читали же вы не больше прежняго Бакона?

Былъ въ Гренів, и очень долго, Резидентомъ Англійскимъ нѣкто Г. Ліонъ, и подъ этимъ именемъ нѣсколько лѣтъ сряду знали его читатели газетъ. Вдругъ начали нѣкоторыя газеты называть его Г. Лейонсомъ, а иногда, по старой памяти, опять Ліономъ — просимъ разобрать. Ботвель, любовникъ Маріи Стуартъ, является теперь Ботуэллемъ, а какъ Лорда Говика, Howick, назвали, право и повторить совѣстно! На бѣду же этотъ Лордъ вздумалъ года съ два тому назадъ оратор-ствовать часто въ Парламентѣ, и имя его должно было употреблять безпрестанно и въ разныхъ падежахъ. И между содѣйтвіемъ эти господа думаютъ, что производятъ великую реформу въ литературѣ, ствуютъ прогрессу, и распространяютъ цивилизацію! Новыя имена пишите, какъ вы заблагоразсудите, а старыя оставьте въ покоѣ. Una tyrannus.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

БАЛЫ ВЪ ПАРИЖѢ. — Такъ какъ въ Парижѣ теперь все уже идетъ au rebours, à contre-poil, наперекоръ и навыворотъ; то очень естественно, что и карнавалъ прошелъ великимъ постомъ, а постъ сталъ масленицей. Теперь тамъ все на́-веселѣ: и политика, и администрація, и министерія, и избиратели, и представители, и прекрасный, и не прекрасный полъ. Отъ подвала до чердака, во всѣхъ этажахъ балы,—отъ первой замарашки, до послѣдней министерши, — на всѣхъ Французское золото, не уступающее въ цѣнѣ Калифорискому, *безцѣнные* камни, накладныя прически, на всѣхъ настоящія Французскія ткани, настоящій Французскій кашемиръ, настоящая Французская индѣйская кисея, словомъ, все Французское, все національное. Послѣдовавшее постановленіе Національнаго Собранія, что въ число избирателей народныхъ: «Adultère point ne seras»

Et que tout charmant séducteur,
Quand il aura commis.... la chose
Qui fait que d'un mari l'on cause,
Ne pourra plus être électeur.

Имѣло большое вліяніе на балы, хотя и сдѣлали слѣдующее замѣчаніе:

Des maris le nombre est immense,
Et celui des amants est tel
Qu'on va voir, d'un seul coup, en France
Rayer la vôte universel.

Вѣроятно, боязнь быть исключеннымъ изъ числа избирателей, и лишиться права голоса, была причиною, что волокитство, какъ будто вещь опошлившаяся и вышедшая изъ моды, не занимало никого *изъ балующихъ*.

Дамы и дѣвушки, во Французской кадрили, въ полькѣ и канканѣ, требовали, чтобъ кавалеры занимали ихъ не иначе, какъ политикой, и совѣщались съ ними о дѣлахъ Франціи.

Digitized by Google

Замѣчательнѣйшіе изъ баловъ общественныхъ, по извѣстіямъ журналовъ Парижскихъ, были: въ одномъ изъ верхнихъ этажей, у отставнаго банкира М-г J.... гдѣ все общество состояло изъ артистовъ; и въ одномъ изъ нижнихъ этажей, у отставнаго тенора М-г Р.... гдѣ все общество состояло изъ негоціантовъ. Эти балы были блистательны, великолѣпны; уподоблялись Франкфуртскому сейму, гдѣ засѣдали дипломаты въ кружевахъ. Здѣсь очаровательная блондинка разсуждала съ толпой кавалеровъ о планѣ кампаніи Іеллачича; тамъ двѣ брюнетки защищали Папу; далѣе — три — ни то ни сё, доказывали, что мужчины не имѣютъ права разсуждать о женщинахъ, а тѣмъ болѣе обладать ими; что такъ какъ любовь есть оковы, то любовь должна быть изгнана изъ сердца, что отъ любви всѣ бѣды на свѣтѣ, и т. д.

На всѣхъ этихъ балахъ и особенно на министерскихъ, говорятъ журналы, было замѣтно однакожъ отсутствіе посланниковъ другихъ государствъ и иноземныхъ гостей: лордовъ, бояръ, магнатовъ. Ихъ какъ будто замѣняло безчисленное множество наѣхавшихъ изъ департаментовъ провинціаловъ. Они отличались отъ всего Парижскаго общества болѣе нежели иностранцы, и въ подражаніе общей свободѣ и безцеремонности, были необыкновенно свободны въ обращеніи: отдувались, пыхтѣли, отирали съ лица потъ, обмахивались платками, когда чувствовали жаръ, и становились, отворотивъ фалды противъ каминовъ и подлѣ печей, когда чувствовали холодъ.

— Ну, ты, Парижанинъ, — сказалъ одинъ провинціалъ старому знакомцу своему, остановивъ его за руку, — я думаю, что я не отсталъ отъ вашихъ приличій? а? — Какъ ты думаешь?

— Не знаю, какъ думать; постой, провэкзаминую: ну, какимъ образомъ ты вошелъ въ залу?

— Какимъ образомъ? разумѣется, поклонился каждому изъ гостей; потомъ положилъ свою шапку.

— Ну вотъ видишь, надо было войдти, кивнуть головой, взглянувъ на всѣхъ, или лучше ни на кого не смотря, и потомъ носиться въ своей шляпой въ продолженіе всего вечера.

— Неужели?

— Ну, а за столомъ, что ты сдѣлалъ съ своей салфеткой?

— Что разумѣется, развернулъ ее, закрылъ грудь и затянулъ въ петлю....

— Вотъ видишь, надо было просто положить на колѣни.

— Хмъ! закапать себя супомъ!

Digitized by Google

— Не супомъ; здѣсь не говорится супъ, а потажъ.... Ну, не говоря о мясномъ, что потомъ подавали?

— Какое мясное? ты хочешь сказать: вареную говядину?

— Ну кто говоритъ — вареная говядина!

— Потомъ была птица....

— Птица! птица на заднемъ дворѣ, а не за столомъ; за столомъ бываетъ пулярдка, каплунъ.... нечего ужъ и говорить о хлѣбѣ: ты вѣрно его разрѣзывалъ на ломтики.

— Разумѣется.

— Прекрасно! Здѣсь просто отламываютъ. Недостаетъ того чтобъ ты еще макалъ куски въ соусѣ.

— И очень; а какъ же иначе?

— И кофе пили съ блюдечка?

— Конечно.

— Безподобно! довольно!

НОВОЕ ПА, ИСПОЛНЕННОЕ M-lle MARIA, ВЪ ПАРИЖѢ. — Въ Парижѣ, во время прошедшей масленицы случилось великое происшествіе — un grand événement, которое описано и передано рѣзцомъ славнаго Тони Жоганно потомству; а именно, прыжокъ танцовщицы M-lle Maria, во время такъ называемаго *дивертисемента*; прыжокъ, превосходящій всѣ извѣстные доселѣ балетные прыжки, и неуступающій Левкадскому прыжку; прыжокъ съ высоты сцены въ пучину оркестра, на плечо музыканта, Г. Тольбека. Этотъ прыжокъ тѣмъ удивительнѣе, что онъ исполненъ безъ подготовки, изученія и даже безъ репетиціи. Случилось это великое происшествіе слѣдующимъ образомъ, какъ пишутъ политическія газеты Франціи. Въ *дивертисементѣ* оперы «la Jerusalem delivrée» M-lle Maria летала бабочкой; отъ лампы ли, около которой она взвилась, или отъ пламенныхъ сосредоточенныхъ на ней взоровъ любителей *бабочекъ*, только вдругъ одно изъ ея крылышекъ вспыпнуло; она такъ испугалась этого необыкновеннаго случая, что *полетѣла* въ оркестръ, и сѣла, при громѣ рукоплесканій, на плечо Г. Тольбека, какъ на цвѣтокъ.

Digitized by Google

Снѣжная зима. — Снѣжная зима, по Русскому народному повѣрью, обѣщаетъ богатый урожай. И это повѣрье повсемѣстно: приводимъ въ примѣръ Итальянскія народныя повѣрья:

Anno nevoso
Anno fruttuoso.
Т. е. «снѣжная зима, плодоносная зима.»
Другое: Sott'aqua fame,
E sotto neve pane.
«Подъ водой (или подъ дождемъ) голодъ,
«А подъ снѣгомъ хлѣбъ.»

Нѣсколько историческихъ замѣчаній по поводу драмы графа Сологуба и романа М. Н. Загоскина.— Изящная словесность наша обращается болѣе и болѣе къ старинѣ, а Исторія, занятая слишкомъ долго глубокою древностью, не приготовила еще, не очистила для нея матеріаловъ, такъ что самые простые вопросы не могутъ быть иногда рѣшены безъ предварительныхъ справокъ, если не изслѣдованій. Недавно спросили меня въ обществѣ, по поводу новой драмы Графа Сологуба, бывали ль у насъ прежде неровные браки (mesalliances). Вдругъ я могъ отвѣчать только, что вѣроятно они не считались унизительными, потому, что у насъ особенно по нужѣ жена, а не мужъ по женѣ; потому, что самые Цари вступали въ бракъ всегда съ дѣвицами не изъ знатныхъ первыхъ, родовъ, а наоборотъ. Начнемъ съ послѣдняго: Петръ женатъ былъ на Лопухиной. Ѳедоръ на Грушецкой и потомъ на Апраксиной. Царь Алексѣй Михайловичъ на Милославской, и потомъ на Нарышкиной, прежде хотѣлъ взять Всеволожскую.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ на Стрѣшневой, а прежде хотѣлъ взять Хлопову.

О Шуйскомъ и Самозванцѣ говорить нечего. Ѳедоръ Ивановичъ женатъ былъ на Годуновой. Между женами Грознаго была одна, купеческаго рода, Мелентьева.

Василій Ивановичъ женатъ былъ на Сабуровой (это знатный тогда родъ), и потомъ на иноплеменницѣ Глинской.

Только первый нашъ Иванъ Васильевичъ женатъ былъ на Тверской Княжнѣ, и потомъ на Греческой Царевнѣ, да Иванъ Алексѣевичъ на Салтыковой.

Digitized by Google

Перебирая послѣ въ памяти браки частныхъ людей, я вспомнилъ Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго (брата Царева) и Бориса Ѳедоровича Годунова, женатыхъ на дочеряхъ Малюты Скуратова, который былъ только временщикомъ при Грозномъ, да одного Романова, женатаго на Шестовой.

Частный вопросъ повелъ меня и къ общимъ размышленіямъ — объ источникахъ Русской Исторіи. Лѣтописи теперь намъ всѣ болѣе или менѣе извѣстны. Оффиціальныхъ документовъ множество. Духовное и церковное управленіе также богато источниками. Теперь чередъ до частной жизни, о коей до сихъ поръ мы должны были довольствоваться извѣстіями иностранцевъ. Гдѣ же брать сьѣдѣнія объ ней! Въ фамильныхъ архивахъ, или, лучше, въ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ сундукахъ, съ старыми бумагами, по древнимъ боярскимъ селамъ, кои теперь часто находятся у пятыхъ и десятыхъ владѣтелей. Ни объ одномъ родѣ я не слыхивалъ, чтобъ онъ берегъ и хранилъ документы до него относящіеся, что въ чужихъ краяхъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, даже Франціи, считается самою священной обязанностію. На этихъ шпаргалахъ основывается аристократическая гордость. У насъ ея нѣтъ, и не бывало, и уже слишкомъ, потому что отъ того и пропали, пропадаютъ драгоцѣнные историческіе матеріалы. Только въ недавнее время, и то въ исполненіе литературныхъ и ученыхъ, личныхъ своихъ потребностей, нѣкоторыя лица принялись собирать сказанія о своихъ родахъ. Назовемъ съ благодарностію Князя П. В. Долгорукаго, Д. П. Голохвастова, Г. Головина, Н. Д. Иванчина-Писарева. Послѣдній хотѣлъ дать своимъ документамъ еще литературную занимательность, и тѣмъ повредилъ своему собранію. Можемъ извѣстить еще своихъ читателей, что извѣстный любитель, собиратель и знатокъ нашихъ древностей, Н. Г. Головинъ собралъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи своего древняго, знаменитаго рода, которые издать намѣренъ по частямъ. Князь М. А. Оболенскій занимается также уже давно собраніемъ матеріаловъ о своемъ родѣ, родѣ Михаила Черниговскаго. Слышалъ я давно и о Князѣ Н. П. Трубецкомъ. Вообще о дворянскихъ родахъ трудились Новиковъ и всего болѣе Спиридовъ, и въ послѣднее время К. М. Бороздинъ. О нѣкоторыхъ родахъ писалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія монахъ Ювеналій Воейковъ; о фамиліи Строгоновыхъ нѣсколько документовъ издано Г. Устряловымъ. А Голицыны, Щербатовы, Гагарины, Трубецкіе, Пушкины и прочіе, и прочіе, остаются безъ біографій! Не считаю нужнымъ прибавлять, что я съ своей стороны

Digitized by Google

готовъ служить изъ своего древлехранилища чѣмъ могу для всѣхъ, кому угодно. Съ другой стороны, прошу доставлять мнѣ, если у кого отыщутся подобные документы. Но возвратимся къ неровнымъ бракамъ.

Что же мы узнаемъ объ нихъ изъ фамильныхъ архивовъ? По *рядныямъ* мы увидимъ ясно всѣ родственныя связи дворянскихъ родовъ между собою. Завѣщанія помогутъ также.

A priori судя, неровныхъ браковъ быть у насъ не могло, потому что браки рѣшались преимущественно родителями, а родители, уважая родъ и службу, не могли имѣть ни мысли, ни повода къ неровнымъ бракамъ.

Романисты, драматисты, должны быть очень осторожны, основывая свою завязку, или развязку на такихъ вопросахъ, не очищенныхъ критикою. Они проиграютъ, отказываясь отъ Европейской случайной любви, но за то могутъ выиграть съ другой стороны, и совершенно новой и оригинальной, сводя людей, обрекая молодыхъ на вѣчную жизнь вмѣстѣ безъ всякаго предварительнаго знакомства, не только желанія. Здѣсь мѣсто для очень оригинальныхъ сюрпризовъ. Талантъ найдетъ вездѣ средство показать себя.

Но точно ли бракъ рѣшался одними родителями? Не принадлежитъ ли эта мысль къ числу прочихъ, не провѣренныхъ критикой? Вотъ, напримѣръ, изъ напечатаннаго Домостроя, мы видимъ, что даже люди средняго сословія жили у насъ довольно открыто и вели хлѣбъ-соль между собою.

Тогда же прочелъ я въ Пчелѣ о содержаніи пролога къ новой драмѣ Г. Сологуба: онъ заставляетъ Князя Мстиславскаго преклониться предъ Княземъ Ромодановскимъ, по приговору суда о мѣстахъ. Помилуйте! Мстиславскіе были первыми родовыми боярами, и съ ними никто спорить не смѣлъ. Да и всего на все ихъ было шесть: Михайло Ивановичь, Ѳедоръ Михайловичь, Иванъ Ѳедоровичь, Василій и Ѳедоръ Ивановичи. А Ромодановскіе «разошлись отъ прародителей далече,» давно «худы стали.» Перемѣните лучше роли, и Мстиславскаго оборотите Ромодановскимъ, а Ромодановскаго Мстиславскимъ.

Романъ М. Н. Загоскина, помѣщенный въ Москвитянинѣ, возбудилъ во мнѣ также нѣсколько историческихъ вопросовъ и сомнѣній: онъ выводитъ на сцену Князя Шелешпанскаго, у котораго было будто четыре тысячи душъ. Не думаю я, чтобъ богатство въ ту эпоху

Digitized by Google

считали у насъ душами. Да тогда, кажется, онѣ еще и считаны вообще не были, потому что первая ревизія была въ 1719 году. Душами начали у насъ считать, вѣроятно, со временъ Екатерины.

М. Н. Загоскинъ повторяетъ также часто, что у Князя Шелешпанскаго было много помѣстій. Думаю, что этого также нельзя было сказать, какъ теперь нельзя сказать, что у такого-то Генерала много жалованій. Теперь Генералъ получаетъ свое генеральское опредѣленное жалованье; тогда бояринъ или окольничій получалъ такой-то окладъ, такое-то помѣстье, къ которому за службу, въ рѣдкихъ случаяхъ, прибавлялось особое новое жалованье. А у недоросля никакихъ помѣстьевъ быть не могло, особенно въ Московскомъ уѣздѣ, разпредѣленномъ преимущественно между сановниками.

Князю Шелешпанскому можно предоставить только нѣсколько отчинъ, и то не слишкомъ много, потому что по многу было весьма не у многихъ.

Я задумался даже вотъ надъ чѣмъ: живали ль въ деревняхъ наши помѣщики.... но нельзя сказать здѣсь помѣщики. Помѣщикъ — въ этомъ смыслѣ есть слово новое. Когда мы говоримъ теперь помѣщикъ, мы разумѣемъ владѣльца крестьянъ и земли, главное понятіе здѣсь владѣніе; а тогда человѣкъ, имѣвшій помѣстье, служилъ, и помѣстье было жалованьемъ; главное понятіе — служба. Надо сказать: живали ль у насъ въ старину по деревни? Мало и рѣдко; служивымъ людямъ некогда было жить въ деревняхъ. Князь Пожарскій жилъ въ деревнѣ, лечась отъ ранъ, притомъ когда въ городахъ не было безопасности; Богданъ Матвѣевъ Хитровъ, и кажется, Борисъ Ивановичь Морозовъ жили въ деревняхъ, въ 1654 г. (какъ видно изъ письма, помѣщеннаго въ 1 книгѣ Временника), во время мороваго повѣтрія. При Петрѣ впрочемъ дворяне (особенно жильцы) по деревнямъ живали, что видно изъ свидѣтельства Посошкова, и жизнь по деревнямъ, я думаю, собственно и начинается съ его времени.

Еще напрасно посадилъ авторъ Прокудина или Рокотова въ царскую думу. Думными дворянами пожаловать ихъ можно, а царская дума, состоявшая изъ извѣстныхъ бояръ, для нихъ была слишкомъ высока, и права романиста не простираются такъ далеко.

(Надѣюсь — читатели и авторъ извинятъ мои ошибки, если здѣсь онѣ найдутся, не потребуютъ отъ меня полныхъ изслѣдованій въ летучей журнальной статейкѣ, которая пишется по тому или другому случаю, безъ всякихъ справокъ, и прямо набѣло, только къ соображенію.) *М. П.*

Digitized by Google

О мѣстѣ кончины Новикова. — Москвитянинъ (въ 4 кн.), смѣшавъ два пожертвованія, Чихачева и Лопухина, въ пользу Московскихъ благотворительныхъ учрежденій, ошибся, указавъ на село Алмазово, пожертвованное покойнымъ Чихачевымъ, какъ на мѣсто кончины славнаго Новикова: онъ скончался въ селѣ Тихвинскомъ, пожертвованномъ чрезъ Лопухина. Вотъ что сообщаетъ Редакціи, по своей благосклонности, одинъ изъ нашихъ достойныхъ друзей добра и словесности:

«Извѣщая о вновь устроенной въ селѣ Алмазовѣ богадѣльнѣ, вы упомянули, что въ этомъ селѣ провелъ, будто бы, послѣдніе годы своей жизни и умеръ Н. И. Новиковъ, извѣстный подвигами своими въ распространеніи у насъ просвѣщенія. Нѣтъ! Онъ доживалъ свой вѣкъ уединенно въ имѣніи своемъ, Бронницкаго уѣзда, селѣ Тихвинскомъ, Автодьино тожъ; тамъ онъ скончался и погребенъ въ приходской церкви. По смерти его, село Тихвинское продавалось, въ уплату долговъ, съ аукціоннаго торга, и куплено Статсъ-Дамою Заборовскою, которая при кончинѣ своей завѣщала племяннику своему, Генералъ-Маіору Лопухину, устроить въ этомъ селеніи богадѣльню съ больницей. Наслѣдникъ, при жизни своей, не успѣлъ исполнить сего завѣщанія, и умирая, передалъ богоугодное это порученіе своей супругѣ, а та, съ Высочайшаго соизволенія, возложила его на Комитетъ, учрежденный въ Москвѣ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни, съ предоставленіемъ и самаго села Тихвинскаго въ его собственность.— Тамъ, на берегу небольшой рѣки Сѣверки, сохранился еще домъ, гдѣ жилъ, замѣчательный по многимъ отношеніямъ, помѣщикъ съ достойнымъ другомъ своимъ С. И. Гамалѣемъ, — и въ этомъ домѣ, послѣ необходимыхъ исправленій, предполагается устроить и содержать доходами съ имѣнія богадѣленное убѣжище для безпріютныхъ престарѣлыхъ людей и небольшую больницу для тамошнихъ и сосѣднихъ крестьянъ.»

Литературныя новости.— Знаменитый собиратель отечественныхъ древностей, знатокъ Русской Исторіи, другъ покойнаго Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, достопочтеннѣйшій нашъ согражданинъ, Павелъ Ѳедоровичъ Карабановъ, обладающій богатымъ собраніемъ древнихъ *вещей*, скоро издастъ ихъ описаніе. Изданіе будетъ великолѣпное. Рисунки снималъ А. Д. Бѣлясвъ, и его снимки не уступаютъ

Digitized by Google

Солнцевскимъ. Что можно сказать имъ болѣе въ похвалу! А молодой художникъ безпрестанно идетъ впередъ. Отпечатывать ихъ будетъ тотъ же мастеръ, который доказалъ свое искусство Древностями Россійскаго Государства. Текстъ пишетъ А. П. Филимоновъ.

Ѳ. Б. Миллеръ, котораго пріятный талантъ, правильный, обработанный стихъ, столько знакомъ читателямъ Москвитянина, скоро подаритъ публику полнымъ собраніемъ своихъ стихотвореній, гдѣ переводы изъ Шиллера, Гёте, Уланда, Гейне, займутъ прекрасное мѣсто. Въ Москвѣ поютъ еще музы.

Во второй книгѣ *Временника* будутъ помѣщены: разсужденіе И. Д. Бѣляева о древнихъ боярахъ, М. П. Погодина о междоусобныхъ войнахъ,— Разрядная книга 1616 и 1618 годовъ—богатые запасы для Исторіи.

Въ одной Нѣмецкой литературной газетѣ объявляютъ о Бѣдныхъ людяхъ Г. Достоевскаго, которые выйдутъ скоро на Нѣмецкомъ языкѣ.

Вышелъ Нѣмецкій переводъ повѣстей Г. Павлова, и вотъ что пишутъ къ намъ объ нихъ изъ Лейпцига: «Недавно случилось мнѣ говорить съ однимъ Нѣмецкимъ литераторомъ, который самъ занимаетъ почетное мѣсто между повѣствователями Германіи. — «*Милліонъ* Павлова», сказалъ онъ мнѣ — «лучшая повѣсть изо всѣхъ, читанныхъ мною въ послѣдніе годы. Если Русская публика не съ особеннымъ участіемъ произноситъ имя этого замѣчательнаго поэта, то, видно, не понимаетъ его. Это талантъ, одаренный особенною мѣткою наблюдательностію и благороднымъ стремленіемъ къ истинѣ.» Лучшія библіотеки для чтенія взяли по два экземпляра повѣстей Павлова, переведенныхъ В. Вольфзономъ—а это много значитъ въ Германіи. Ихъ читали вслухъ въ разныхъ литературныхъ кругахъ Берлина, Дрездена и Лейпцига.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПАЯЦОВЪ ИЗЪ МЯКИНЫ. — Опять новое словопроизводство! «Паяцъ—говоритъ Сѣв. Пч. N 31, 1849»—(съ Итальянскаго Pagliaccio, что значитъ *соломенникъ*, т. е. мѣшокъ набитый соломою), это тоже, что въ нашихъ Русскихъ

Digitized by Google

сказкахъ *умный дурачекъ*, или *шутъ*, скрывающій подъ маскою простоты лукавство и остроуміе.»

Нѣтъ! Pagliaccio значитъ совсѣмъ не соломенникъ, а *изрубленная солома*. Ну есть ли возможность изъ рубленой соломы, или мякины, сдѣлать *умнаго дурачка*? Самъ хитроумный Одиссей, построившій одинъ разъ изъ дерева дивнаго коня, разумѣется, не такой красивой наружности, на какомъ гарцуютъ уланы, бедуины или черкесы, — и въ другой разъ на часъ назвавшійся «*Никѣмъ*,» — самъ «хитроумный» не выдумывалъ еще *изъ соломы* сдѣлать *шута*. Мы думаемъ, что и Пчела утверждаетъ это *шутя*, такъ какъ Библ. для Чт. нѣкогда увѣряла, что *баллада* происходитъ отъ Италіянскаго глагола *ballare*, плясать! И то и другое неправда. Русское слово *паяцъ* перенначено нами изъ pazzo, что̀ буквально значитъ *глупецъ*, а не мѣшокъ соломы. Солома и глушца, въ особенности же *умнаго*, не пропитаетъ. Онъ умретъ какъ всякая скотина, если ее будутъ кормить одною рубленною соломою (pagliaccio).

Изъ этого видно, что паяцъ сотворенъ изъ глупца, отчасти вздорнаго малаго, отчасти сумасброднаго сорванца, и вообще слабоумнаго негодяя. Дѣйствительно, паяцъ рожденъ подъ небомъ Италіи, которая кормила, да и до сихъ поръ кормитъ, ни за что ни про что, толпу изступленныхъ пролетаріевъ, даромъ получавшихъ «panem et circenses!» Судьбамъ угодно было показать это порожденіе, это изчадіе тунеядцевъ доброму Русскому народу, который очень хорошо понимаетъ, что »голь хитра на выдумки.« Осклабляясь и ухмыляясь при видѣ кривлянья, головохожденія и кувырканья, и съ самодовольнымъ смѣхомъ слушая и смекая прибаутки паяца, даже и простоватый Ѳедюха, почесывая въ затылкѣ (а это *Русскій задній умъ*), скажетъ съ полуотвращеніемъ и полунасмѣшкою, что «колпакъ шитъ по колпаку; обезьянство да и только!» А дѣйствительно, колпакъ — необходимая принадлежность паяца, какъ черное платье Италіянскаго buffo.

Н. Г.

НЕВОЗНАГРАДИМАЯ ПОТЕРЯ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ, случившаяся на дняхъ не должна остаться незамѣченною. Вотъ она: «Ѳ. С. Кузмичевъ, двадцать пять лѣтъ занимающійся сочиненіемъ разныхъ книгъ литературнаго, нравоучительнаго и теологическаго содержанія,

Digitized by Google

покорнѣйше проситъ если кѣмъ будутъ найдены и кому представлены, *потерянныя* имъ на Тверской улицѣ, три сочиненныя имъ *рукописи:* 1) Историческая ораторія Наполеонъ; 2) Торжество души въ чудесахъ природы, и 3) Возношенія души къ Богу, возвратить ему въ домъ Россійскаго Благороднаго Собранія, за что онъ съ своей стороны готовъ будетъ вознаградить доставившаго, по его желанію.» Такъ, слово въ слово, прочли мы въ объявленіи, напечатанномъ съ Моск. Полиц. Вѣдомостяхъ (NN 49 и 50), и нелицемѣрно пожалѣли о дорогой потерѣ. Пусть будущій историкъ литературы Русской, исчисляя ея богатства, отмѣтитъ эту утрату, понесенную авторомъ »сыномъ природы,« какъ называлъ себя въ тридцатыхъ годахъ заслуженный Ѳ. С. Кузмичевъ, и да не придетъ ему (т. е. историку) на память эпиграмма Дмитріева....

Поправка. Въ предъидущей книгѣ Москвитянина, въ Смѣси, при переверсткѣ, вкралась слѣдующая опечатка: на стр. 15, крайнія слова строки 19, слѣва, попали въ 21 и наоборотъ: т. е. должно читать: *рѣзьба древняя, 400 лѣтъ,* — и рѣчи.... *въ 1770 годахъ.*

МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 14-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПРАЗДНИКЪ ФРАНЦІИ — FÊTE DE LA FRANCE. — Тогда какъ мы, сохраняя на вѣки завѣщанный намъ святой обычай, совершивъ покаяніе, будемъ праздновать въ храмахъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, — Парижъ будетъ праздновать въ *зимнемъ саду* (Jardin d'Hiver) новоязыческій *праздникъ Франціи, въ честь національной гвардіи и арміи, подъ предсѣдательствомъ значительныхъ лицъ политики, магистратуры, арміи, искусствъ, наукъ, коммерціи и промышленности.* Объявленія объ этомъ событіи сообщаютъ, что это будетъ изъ всѣхъ праздниковъ праздникъ, по своему великолѣпію, изъ всѣхъ представленій представленіе. Вотъ программа декорацій: *1-я часть*, садъ: въ глубинѣ сада *величественно* появится огромная картина *Франціи;* вправо и влѣво будутъ толпиться, или группироваться *искусства, земледѣліе, магистратура, миръ* и *война*, по образцу фронтона Пантеона. Подъ Франціей близъ водоема и водопадовъ, будетъ колыхаться иллюминованный *корабль или судно города Парижа*, съ флагами. *Безконечная* цѣпь перловъ и серебряныхъ звѣздъ протянется по всей верхней галлереѣ, и будетъ озарять надъ каждой колонной крестъ Почетнаго Легіона. Между каждыми двумя колоннами блестящіе глобусы будутъ изображать департаменты. Для вѣнчанія этой картины, *три колоссальныхъ люстры въ тысячу цвѣтовъ*, будутъ висѣть на кристальномъ сводѣ, посреди деревъ и зелени, и разольютъ потоки свѣта по всему пространству сада. *2-я часть*: украшенія залъ и полукружія: 500 люстръ, изливающія *тьму неслыханнаго свѣта*, будутъ озарять танцовальную залу. Четыре гронадныхъ трофея представляющіе аттрибуты *мира, войны, земледѣлія* и *коммерціи*, увѣнчаютъ четыре главные угла полукружія; вокругъ нихъ будутъ переплетаться великолѣпныя *алмазно-огненно-златыя* гирлянды, украшенныя сверхъ того лучезарными цвѣтами. Верх-

Digitized by Google

ныя галлерея, великолѣпно-убранная, будетъ предназначена для Президента республики, для Маршаловъ Франціи, главныхъ командировъ національной гвардіи, генераловъ и полковниковъ. Роскошные амфитеатры, расположенные на видныхъ мѣстахъ, предназначаются для дамъ.

Цѣна подписки, до 10-го Апрѣля, назначается 10 франковъ съ персоны; 15 съ кавалера и дамы; 30 за билетъ на семейство въ 4 особы. Первая тысяча билетовъ подписки пользуется правомъ на даровой нумеръ лоттереи (Lotterie de Petit-Bourg).

Съ 11-го же числа билетъ за входъ будетъ въ 15 франковъ.

PLUS DE CHEVEUX BLANC! — Такъ восклицаетъ M-me J. Albert, живущая въ Парижѣ въ улицѣ Шуазель, объявляя въ газетахъ, что она умѣетъ красить, не болѣе какъ въ часъ времени, какой угодно цвѣтъ волосъ въ какой угодно цвѣтъ волосъ.

Въ старину шарлатаны кричали на улицахъ, теперь они кричатъ въ газетахъ.

LA GRANDE MACHINE ARITHMÉTIQUE. (ТО ЕСТЬ СЧЕТЫ), НОВѢЙШЕЕ (!) ИЗОБРѢТЕНІЕ МОРЕЛЯ И ЖАЙЭ.

Въ la Presse, отъ 6-го Марта, съ восторгомъ объявлено объ изобрѣтеніи Гг. Maurel и Jayet, ариѳметической машины, представленной въ Парижскую Академію Наукъ.

Описаніе этой *машины* слѣдующее:

«Составъ машины надъ которой Гг. Морель и Жайэ сидѣли и думали 10 лѣтъ, не слишкомъ отличается отъ изобрѣтенной Паскалемъ.* Построеніе ея заключается также въ замѣненіи всѣхъ цифръ посредствомъ *ладовъ* (touches) и кружечковъ, означающихъ цифры отъ единицы до десяти. — Одинъ рядъ кружечковъ изображаетъ единицы, другой десятки, третій сотни и т. д.»

Въ дополненіе описано, какъ передвигать эти кружки посредствомъ рукоятки, и какъ употреблять ихъ.

---

* Блэзъ Паскаль, между 1642 и 1645, изобрѣлъ также машину счисленія. Она хранится въ Консерваторіи искусствъ и художествъ.

Digitized by Google

Вотъ новое открытіе, въ которомъ, кажется, не трудно узнать наши *счеты*, можетъ быть съ нѣкоторою разницею, а главное съ manivelle вмѣсто употребленія указательнаго пальца для передвиганія кружковъ.

«И такъ, восклицаетъ журналъ, великая проблема, которую не рѣшилъ до сихъ поръ и Г. Баббажъ, членъ Лондонскаго королевскаго общества, рѣшено двумя юными Французами! Наши славные изобрѣтатели достигли до цѣли въ бѣдности, истощенные, одежда въ лохмотьяхъ, ноги избиты, и пр. и пр. Ихъ, прежде всего слѣдуетъ возвратить къ жизни, возстановить, извлечь изъ бѣдности, пріобрѣтя на счетъ казны ихъ великую машину (leur grande machine),» и т. д.

Не вѣдаемъ, кто въ древности изобрѣлъ *счеты*; но подъ варварскимъ названіемъ *stschety* они не перешли въ Европу: тамъ вновь открыли эту grande machine arithmétique, и можно полагать, что въ скоромъ времени эта машина вытѣснитъ счеты, и въ лѣтописяхъ великихъ открытій XIX вѣка запишутъ имена Мореля и Жайэ, посвятившихъ на это изобрѣтеніе десятилѣтнюю думу и трудъ, истощившихъ все свое состояніе, здоровье, силы, и пр. и пр.

ПЕЧАТАЮЩІЙСЯ ТЕЛЕГРАФЪ. — Г. Бриттъ, изобрѣтатель, подводнаго электрическаго телеграфа, прибылъ въ Парижъ. Опыты, произведенные имъ въ Англіи, удостовѣрили о возможности провести электрическій телеграфъ чрезъ море. Г. Бриттъ дополнилъ свое изобрѣтеніе новымъ изобрѣтеніемъ печатать легчайшимъ способомъ получаемыя чрезъ телеграфъ свѣдѣнія. Онъ предложилъ соединить Америку съ Англіей посредствомъ *океаническаго телеграфа*. По увѣренію газетъ, это такъ легко и такъ удобно, что можно весь земной шаръ опутать электро-телеграфической сѣтью.

Мы вѣримъ этому и полагаемъ, что при устройствѣ этой сѣти, никому уже не нужно будетъ двигаться съ мѣста: всѣ возможныя *сообщенія* замѣнитъ телеграфъ.

НЕЗКОРЫСТІЕ ЧУВАШЕЙ. — Въ Ноябрѣ прошлаго 1848 года, въ Симбирское Губерское рекрутское присутствіе привели въ отдачу, Чуваша, удѣльнаго крестьянина Буинскаго уѣзда. Предсѣдатель приказалъ ставить его въ мѣру. «Сдѣлай милость, сударь, не брей меня

Digitized by Google

теперь, упрашивалъ рекрутъ: чрезъ недѣлю самъ приду, — а теперь пускай меня домой». — «Это для чего?» спросилъ его предсѣдатель.— «Да я, сударь, обошелъ медвѣдя, такъ пусти меня убить его, а какъ только убью, тотчасъ же приду, вотъ тебѣ Св. Никола порукой.» Само собою разумѣется, что присутствующіе улыбнулись при этой просьбѣ, и роковое *лобъ* было произнесено. Недѣли черезъ три, когда рекруты были уже выгнаты изъ Симбирска, къ батальонному командиру явились три Чуваша изъ той деревни, откуда поступилъ рекрутъ, и принесли ему 12 руб. серебромъ, прося эти деньги переслать ихъ земляку, только что отданному въ солдаты. «Вы родня его?» спросилъ ихъ баталіонный командиръ. — Нѣтъ, сударь, не родня. — «Ну такъ какія же это деньги?» — А вотъ какія: онъ обошелъ медвѣдя и мѣтки клалъ на деребьяхъ, гдѣ мишка лежитъ; мы по этимъ мѣткамъ добрались и убили медвѣдя, а за шкуру и сало выручили эти деньги.» «Вы убили медвѣдя, такъ и деньги ваши,» сказалъ имъ баталіонный командиръ. — Нѣтъ, сударь, ваше благородіе, нехитро убить медвѣдя, — а хитро найти его. Онъ нашелъ и не отдай его въ солдаты, такъ онъ бы и убилъ его; значитъ, что и деньги его.» Деньги эти тогда же были пересланы рекруту.

При этомъ разсказѣ сдѣлаю только одно замѣчаніе. Прошлаго годъ у насъ въ Симб. Губ. былъ совершенный неурожай хлѣба и сѣна, такъ что за солому для корма скота, мужики платили 10 и 12 коп., сереб. за пудъ; слѣдовательно 12 руб. въ подобную невзгоду были бы значительнымъ подспорьемъ для крестьянина.

Симбирскъ.

О СУЩЕСТВОВАНІИ РАЗЛИЧІЯ ПОРОДЪ ВЪ КАЖДОМЪ РОДѢ ХЛѢБНЫХЪ РАСТЕНІЙ, И СОВЕРШЕНСТВОВАНІИ ПОРОДЪ ПОСРЕДСТВОМЪ ОТБОРНЫХЪ КОЛОСЬЕВЪ. — Во всѣхъ царствахъ природы замѣтно вырожденіе породъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ посреди общаго вырожденія являются виды, которые природа производитъ какъ будто для возрожденія, или возстановленія породъ. До сихъ поръ производились почти безотчетно, но видимо успѣшно, опыты возрожденія породъ надъ нѣкоторыми изъ домашнихъ животныхъ, преимущественно надъ породами лошадей и овецъ. Мы видимъ явное наслѣдіе силъ и свойствъ въ лошадяхъ, видимъ и вырожденіе силъ отъ истощенія ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и появленіе личностей рослыхъ,

Digitized by Google

крѣпкихъ, посреди вырожденныхъ, происходящее отъ случайнаго, незамѣчаемаго возвышенія силъ какой-нибудь личности. Рослые производятъ рослыхъ, крѣпкіе крѣпкихъ.

До сихъ поръ обращено было вниманіе только на введеніе постороннихъ силъ для возстановленія вырожденнаго рода; но не обращено вниманія на выборъ изъ собственныхъ породъ.

Всѣ эти положенія нельзя не примѣнить и къ растительному царству. Мы полагаемъ что и въ немъ посредствомъ выбора лучшихъ видовъ можно возвышать родъ, и увеличивать до возможной степени; а посредствомъ выбора мелкихъ видовъ, сокращать величину растительности; все это зависитъ отъ сортировки сѣмянъ и зеренъ.

Извѣстно искусство Японцевъ доводить породы большихъ деревъ и плодовъ, отъ обычной величины до возможно-малѣйшей. Искусство произведенія деревъ-карликовъ для насъ тайна. Но можно полагать навѣрное, что эта тайна заключается въ постепенномъ воспроизведеніи сѣмянъ изъ малорослыхъ плодовъ. Такъ напримѣръ: выбравъ малорослое яблоко, посадить сѣмена его и возрастить яблоню, которой плоды будутъ соотвѣтствовать величинѣ выбраннаго; изъ этого перваго сокращенія избрать снова плодъ меньшій; и такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ сокращеній можно понизить обыкновенную породу деревъ и плодовъ до породы карловъ.

То же самое слѣдовательно можно производить и обратно, т. е. посредствомъ выбора большихъ сѣмянъ увеличивать размѣръ породы до возможной степени; и восходитъ снова отъ сокращенной породы до естественной.

Основываясь на этихъ положеніяхъ, думаемъ, что малорослыя и малозерныя колосья хлѣбныхъ растеній, въ сравненіи съ породами великорослыми и тучными, суть ни что иное какъ выродки, которые можно довести снова до естественной силы.

Это возведеніе и должно состоять ни въ чемъ другомъ какъ въ отборѣ многозерныхъ и тучныхъ колосьевъ, которые и должны служить разсадникомъ новой породы, которая въ свою очередь подверженная отбору, дастъ еще болѣе возвышенную, многозерную и тучную породу.

Во Франціи, въ 1838 году, былъ сдѣланъ случайный опытъ Г. Базиномъ, который отыскалъ въ полѣ два тучныхъ колоса, заключав-

Digitized by Google

шіе въ себѣ до 90 зеренъ, посѣялъ эти зерны и получилъ колосья улучшенной породы. На это однакоже не было обращено особеннаго вниманія, и выписка готовыхъ зеренъ высокой породы была предпочтена труду совершенствованія выродившейся собственной породы хлѣбныхъ зеренъ.

Для этого именно необходимо положить труды, заботы и время, чтобъ возвести обыкновенную породу хлѣба отъ нѣсколькихъ избранныхъ колосьевъ на цѣлые посѣвы. *Ал. В.*

МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 31-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

РУССКОЕ СЕРДЦЕ *.

ДЯДЯ ТИМОѳЕЙ. — Въ 45 верстахъ отъ города Орла стоитъ сельцо Горохово (Подлѣсное тожъ). Каково оно теперь — богато или скудно, разрослось или обезлюдѣло — этого не знаю; а лѣтъ за пятьдесятъ тому, по словамъ тамошнихъ старожиловъ, любо было глядѣть на него. Не то, чтобъ оно было больно красиво, щеголяло избами, или крестьяне его жили зажиточнѣе всѣхъ по округѣ; нѣтъ: въ сосѣдствѣ стояли и деревни казистѣе, и народъ былъ побогаче; да за то не найдешь, бывало, нигдѣ такого согласія, какъ между Гороховскими мужичками. Они то кумятся между собою, то сватовство заводятъ, то брагу учащаютъ сосѣдъ у сосѣда пить; о взаимныхъ послугахъ и говорить нечего. Все хорошо. Однако человѣкъ вѣдь не ангелъ; на всякій часъ не спасешься; иной кротокъ и миролюбивъ, да другіе подмутятъ его на зло. — Случалось и въ Гороховѣ не мало ссоръ. Бывало, жаркое зайдетъ дѣло изъ-за того, что какой-нибудь бабѣ вздумается мочить пеньку въ сосѣдской ямѣ, или косари одной семьи захватятъ полсажени чужаго луга, — такое жаркое, что спорщики иногда возьмутся и за волосы. — «Стой, не озорничай! крикнетъ вдругъ

---

* Такое заглавіе я далъ собранію небольшихъ разказовъ, *основанныхъ на истинныхъ происшествіяхъ*, въ которыхъ является свѣтлая сторона нашей народной жизни. Выставлять же изнанку, тѣни этой жизни — есть много охотниковъ и безъ меня.

Digitized by Google

одинъ изъ враждующихъ, давъ хорошаго тумака своему противнику:— стой, не обиждай бѣдныхъ людей. Пойдемъ-ка къ дядѣ Тимоѳею: вотъ онъ тебя, разбойника, усовѣститъ!»—«Пойдемъ, казанская сирота! Вижь, притворился какимъ горемыкой, выжига продувная! Что-то загутаришь ты на правомъ судѣ!» — И пойдутъ они къ дядѣ Тимоѳею, который былъ ни староста, ни выборный, а такой же крестьянинъ, какъ прочіе.— «Что, братцы?» спрашиваетъ ихъ почтенный, но бодрый старичекъ.— «Да къ твоему здоровью, дядя Тимоѳей. Разсуди. Вотъ такъ и такъ...» начнутъ оба въ одинъ голосъ излагать предметъ своего спора. Терпѣливо выслушаетъ ихъ избранный посредникъ, дастъ простыть разгорѣвшемуся гнѣву, истощиться взаимнымъ перебранкамъ, — погладитъ свои длинные усы (бороды у него и подъ старость не было), и примется усовѣщивать то того, то другаго; а какъ станутъ доходить враждебникамъ до сердца убѣжденія разсудка, — тутъ и скажетъ имъ пряниковое слово на миръ, праваго оправитъ, виноватаго пристыдитъ. Поклонятся ему спорщики, обоймутся, побранятъ бабъ, большею частію зачинщицъ ссоры, — и, запивая мировую, не надивятся, отчего не поладили они промежъ себя. — «Лукавый, видно, попуталъ, напустилъ такое затмѣніе, а дядя Тимоѳей отогналъ его,» — молвятъ они наконецъ.

И не только между чужими другъ другу рѣшалъ ссоры дядя Тимоѳей: къ нему же шла искать суда и добраго совѣта несогласная семья; жена жаловалась на мужа, невѣстка на свекровь, младшій братъ на старшаго; къ нему же бѣжала въ слезахъ семилѣтняя дѣвочка, разобиженная въ игрѣ своей ровесницей. Съ послѣдними просительницами дѣло рѣшалось нерѣдко въ ущербъ справедливости. — «А что у тебя отняла Настька-то?» скажетъ судья, усадивъ просительницу къ себѣ на колѣни. — «Лоскутокъ, дядя, да какой ... ухъ какой, желтенькій!» отвѣчаетъ та, продолжая плакать. — «Вотъ мы ее ужо высѣчемъ, славную баню зададимъ. А посмотри-ка, это что? — и съ этимъ словомъ дядя Тимоѳей вынимаетъ изъ кармана своего полукафтанья медовую сосульку или горсть орѣховъ: — а? что скажешь? Возьми-ка себѣ.» — Дѣвочка осклабляетъ зубки, радостно схватываетъ ручонками дорогой подарокъ, — и побѣжитъ какъ встрепанная, и готова опять уже сама завести ссору, и опять жаловаться щедрому судьѣ.

Вотъ какой былъ человѣкъ *Тимоѳей Павловъ*, по прозвищу *Лебедь*. Богъ благословилъ его всѣмъ — и семьей и достаткомъ, и

Digitized by Google

никто не слыхалъ отъ него отказа въ какой бы то ни было нуждѣ — требовались ли деньжонки, или подмога при уборкѣ хлѣба, или когда-больной старичокъ по деревнѣ хотѣлъ послушать его разсказовъ о житіяхъ святыхъ угодниковъ.... А дядя Тимоѳей, даромъ что не зналъ грамотѣ, а бывало не хуже любаго начетчика скажетъ, когда какого святаго и какое его житіе....

Терпѣть онъ не могъ сутяжничества, и если кто хоть однажды ходилъ жаловаться, тому трудно было ждать милости отъ дяди Тимоѳея. Не потакалъ онъ обманщикамъ, и стоило два раза измѣнить своему слову, чтобы потерять навсегда его довѣріе. Крѣпко не жаловалъ онъ и пьяницъ, даромъ что былъ усердный хлѣбосолъ. Лишь два раза въ годъ измѣнялъ онъ своему характеру въ послѣднемъ отношеніи: въ приходскій праздникъ и на Свѣтлой Недѣлѣ. Въ это время пей и ѣшь у него кто хочетъ, и другъ и недругъ. — «Въ такіе дни у Бога всѣ равны, возразитъ онъ женѣ, которой подъ-часъ станетъ жаль подчивать иныхъ гостей: — теперь никому не грѣхъ повеселиться. Доброму ты подноси для добра, а худому для худа.»

И страсть одна была у добраго старика. Любилъ онъ голубей и водилъ ихъ у себя тысячи. Кормить ихъ, сидя на завалинкѣ своей избы, въ ясные дни, сдѣлалось почти единственнымъ занятіемъ Лебедя, когда не стало у него болѣе силъ работать. Рано утромъ скличетъ онъ, бывало, своихъ гулекъ, окинетъ ихъ взглядомъ, и бѣда внучку Гришѣ, который исправлялъ должность смотрителя за пернатыми любимцами дѣдушки, если во всей стаѣ не окажется особенно дорогихъ ему. — «А что я не вижу двухохлой съ крапинками голубки?» спроситъ дѣдушка. — «Да на яйцахъ сидитъ. Я еще позавчерась докладалъ тебѣ, дѣдушка.» — «То-то же смотри, у меня держи ухо востро; не скажи по онамеднишнему, какъ тульскаго козырнаго задралъ ястребъ.»

И надобно было (не говорю о разбирательствѣ ссоръ) случиться какому-нибудь чрезвычайному происшествію, чтобы отвлечь дядю Тимоѳея отъ обычнаго его занятія. Выдался какъ-то подобный разъ.

Не успѣлъ Лебедь наговориться вдоволь съ своими гульками, наслушаться ихъ воркованья, какъ вдругъ — глядь — запыхавшись, бѣжитъ младшій сынъ его Лукашка, который стерегъ лошадей въ

Digitized by Google

ночную. — «Угорѣлъ что ли ты, пострѣлъ, всѣхъ сизяковъ спугнулъ?» закричалъ Лебедь гнѣвно. — «Бѣда, батюшка!» — «Какая дуракъ?» — «Да кони-то, что братъ Антонъ въ Коремную купилъ, сгинули въ ночь.» — «Гнѣдко да воронои? Ахъ разбойники! А у чего же ты-то былъ, ротозѣй? А? Чего смотрѣлъ?» — «Да, знать, не спроста это, батюшка: всѣ баятъ, что ворогъ мертвой костью обвелъ насъ съ Мишуткой; и не чукнули мы.» — «Ври больше. А слѣда нѣтъ?» — «И, николи....» — «Ну, тебя я поучу вечеркомъ; ты однимъ глазомъ спи, а другимъ сторожи. А теперь запряги мнѣ чалую.»

Поѣхалъ Лебедь. Куда же? Верстъ за десять, къ одному мужику, котораго всѣ знали какъ отъявленнаго мошенника. Если пропадала у кого по округѣ лошадь или корова, кто не досчитывался пятка гусей въ стадѣ — то хоть и къ ворожеѣ не ходи, а навѣрно не миновало это Прошкиныхъ рукъ. Ужъ, видно, такой зародится человѣкъ, что ему только и сладко одно чужое добро, и ежечасно чешутся у него руки стянуть что-нибудь.

Переполошился конокрадъ, увидѣвъ Лебедя; не знаетъ гдѣ посадить, чѣмъ подчивать. — «Да не суетись, Прохоръ, сказалъ нежданый гость: я не пировать къ тебѣ пріѣхалъ, а самъ знаешь за чѣмъ. — Иль уёму на тебя нѣтъ и совѣсти у тебя не осталось ни на денежку? Боишься ли ты Бога, стыдишься ли глядѣть на добрыхъ людей? Сегодня укралъ, завтра смошенничалъ, день пьянъ, другой безъ просыпу на печи лежишь. И весь вѣкъ хочешь промаячиться такъ? А идетъ ли тебѣ въ прокъ неправедно нажитая копейка? Да во всемъ крестьянствѣ не найдешь ни одной души горемычнѣе тебя. Только слава что тягло. Изба вросла въ землю, лошадёнка всего на все одна, да и ту Богъ возьметъ, какъ отнялъ у тебя послѣднюю корову. Самъ ты ни сытъ ни голоденъ, ломтя хлѣба про запасъ не имѣешь; а ребятишки-то чуть-чуть по міру не ходятъ. Лучше бы не родила ихъ мать на свѣтъ; чай, плачется она теперь, голубушка, на своихъ сиротъ. Выростутъ — никто не захочетъ и знаться съ ними: они, дискать, воровское отродье,— и по неволѣ пойдутъ они по батюшкѣ, учнутъ нечестнымъ промысломъ жить. Вотъ и загубилъ ты четыре неповинныя души, и большой отвѣтъ дашь за нихъ на страшномъ судилищѣ. Свою душу ты ужъ давно запродалъ лукавому; такъ пожалѣй хоть ребятишекъ. Чѣмъ провинились они? Пожалѣй душу отца съ матерью, царство имъ небесное! томятся они теперь тяжкими муками, что возростили сына-разбойника....

Digitized by Google

Эхъ, братъ Прохоръ, покайся! Смерть не за горами; пошли же Богъ всякому христіанскую кончину, а не околѣть какъ псу смердящему....

— Батюшка, Тимоѳей Павлычъ, не буду! завопилъ Прохоръ: — то есть такъ тошно, руки на себя готовъ наложить. Помилосердуй, не кляни.... Дѣтки пищатъ, хлѣбушка не родится. И берешь грѣхъ на душу. Окаянный такъ и нашептываетъ въ уши: все твое, все твое. Охъ, дядя Тимоѳей, давно не былъ я на исповѣди ... Вотъ вчера, иду я просѣкою, вижу, пасутся твои кони, этакіе ражіе, доброѣзжіе. Сторожа въ повалку спятъ. Ночь темная. Такъ и ударило мнѣ въ голову. Полсотни рублевъ навѣрнякъ....

— Я, братъ, двухъсотъ за нихъ не возьму, прервалъ Лебедь.

— Отецъ родной, и не говори. Легче бы мнѣ сію минуту провалиться сквозь землю, чѣмъ глядѣть на тебя. Ты же выручилъ меня въ голодный годъ, а я, разбойникъ, вотъ какъ отплатилъ тебѣ за всѣ милости....

— Меня это не разоритъ, молвилъ дядя Тимоѳей: — кому же ты передалъ лошадокъ?

— Не успѣлъ, нынче только сбирался. Цѣлехоньки. Завтра чѣмъ свѣтъ будутъ на старомъ мѣстѣ. Да мнѣ-то какъ быть, какой я послѣ этого жилецъ на сёмъ свѣтѣ? И мать сыра земля не приметъ меня окаяннаго. Утоплюсь или петлю накину, проговорилъ Прохоръ съ отчаяніемъ.

— Перекрестись, другъ. Опять прельщаетъ тебя врагъ человѣческій. Помолись, Проша, попроси, чтобъ и съ того свѣта родители благословили тебя, чтобъ Богъ послалъ тебѣ ангела-хранителя. Праздникъ будетъ на небѣ, какъ заплачешь ты о своихъ грѣхахъ....

— Батюшка, благодѣтель.... едва могъ промолвить Прохоръ, всхлипывая.

— Слава-те, Господи, есть слезы, не пропала еще навѣки вѣковъ правда и совѣсть. Смотри же, братъ Проша, не будь по прежнему волкомъ въ овечьей шкурѣ, не готовь себѣ тьмы кромешной....

Утѣшилъ Лебедь, какъ могъ, раскаявающагося Прохора, и поѣхалъ домой. А ужъ вечерѣло. Призываетъ онъ къ себѣ старшаго сына и наказываетъ ему на завтра чѣмъ свѣтъ насыпать возъ муки да возъ ржи и отвезти ихъ къ Прохору. — «А по дорогѣ, прибавилъ онъ: заверни на пастбище да стреножь коней, что проглядѣлъ Лукашка. Они всю ночь шатались по лѣсу.»

Digitized by Google

Сынъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на отца, но противорѣчить и спрашивать не посмѣлъ, потому что не любилъ этого дяди Тимоѳея.

И что же? Вѣрно въ добрый часъ усовѣстилъ Лебедь Прохора: какъ рукой сняло съ нашего парня всѣ шалости, и сталъ прежній забулдыга честнымъ и исправнымъ крестьяниномъ.

Пожилъ дядя Тимоѳей какъ истинный христіанинъ, и съ миромъ отошелъ въ вѣчность. Всѣ окрестныя селенія пришли отдать ему послѣднее цѣлованіе. Плакали старый и малый. Когда понесли гробъ, священникъ долженъ былъ останавливаться почти у каждаго дома. — «Отслужите, батюшка, панихиду по нашемъ благодѣтелѣ: онъ помогъ отстроить мнѣ избу.... За меня подушныя заплатилъ....» слышалось со всѣхъ сторонъ. И нѣсколько часовъ однимъ селеніемъ тянулось похоронное шествіе. Горевалъ признательный человѣкъ, проливалъ непокупныя сердечныя слезы; но были и другіе провожатые у дяди Тимоѳея: вплоть до самой церкви надъ гробомъ его вилась стая любимыхъ голубковъ, которымъ онъ былъ столь близокъ по простотѣ своей жизни и незлобію сердца.

Можетъ быть, изъ Гороховскихъ стариковъ рѣдкій укажетъ теперь заглохшую могилу дяди Тимоѳея: но кто прожилъ вѣкъ свой честно и оставилъ по себѣ добрую память, тотъ уже воздвигъ себѣ памятникъ, къ которому можно отнести стихи Державина:

....Металловъ тверже онъ и пирамидъ....

ЧУЖОЕ ДОБРО. — Деньги — пробный камень человѣка, и рѣдко кто не споткнется на немъ. Одного соблазнитъ копейка, другаго рубль, а иной покривитъ душой не менѣе какъ изъ-за тысячи. Ведется это изстари, а кончится развѣ только тогда, какъ, по пословицѣ, денегъ и куры не станутъ клевать. Но за то, съ другой стороны, нерѣдко бываютъ и такіе случаи, когда обольстительный соблазнъ, соединенный въ добавокъ съ возможностью обдѣлать дѣло шито и крыто, когда онъ разбивается въ прахъ о крѣпкую совѣсть и ту правду, что ясиѣе солнца и которою держится весь свѣтъ. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ позвольте разсказать вамъ.

Тому ни мало, ни много времени, а ужъ богатъ былъ Петербургъ, какъ пришли въ него для заработокъ двое Коломенскихъ крестьянъ, Степанъ да Гаврило. По деревнямъ они были сосѣди — одинъ изъ Болотова, другой изъ Горъ — и на чужой сторонѣ со-

Digitized by Google

шлись вмѣстѣ, поступили въ одну биржевую артель. Живутъ они годъ, и два, и пять лѣтъ, зашибаютъ хорошую копейку, работа идетъ все прибыльная. Пора пришла однако и въ побывку: легко сказать, не были на родинѣ пять лѣтъ! Домашніе, чай, ждутъ не дождутся. Собрались было они оба, какъ слѣдуетъ, да вдругъ вышелъ такой случай, что парню изъ Горъ, Гаврилѣ, никакъ нельзя ѣхать. Хозяинъ ждетъ изъ-за моря кораблей, и не на кого ему болѣе расположиться при выгрузкѣ товаровъ, какъ на Гаврилу; прибавляетъ онъ жалованья испытанному артельщику, проситъ повременить отъѣздомъ. Чтожъ, нельзя не уважить хорошаго человѣка, надобно подождать хоть до первозимья. — „Дѣлать нечего, братъ Стёпа, говоритъ Гаврило своему товарищу: поѣзжай одинъ. Да ужъ сдѣлай милость, исправь за меня что слѣдуетъ. Батюшка прислалъ онамедни грамотку, приказываетъ насчетъ денегъ, ты и доставь ему мою казну; вотъ тутъ ровно три тысячи ассигнаціями. Да сестренкамъ свезешь по платку, еще кое-какого гостинку. Кланяйся, дружище, всѣмъ, а Митюхѣ особенно; скажи ему, чтобы, дискать, и тебѣ въ Питеръ; житье-то здѣсь важнительное. Ну, съ Богомъ, братъ.“ — Распростились земляки, и отправился Степанъ ко дворамъ. Ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли — не знаю, только въ дорогѣ ничего особеннаго съ нимъ не приключилось. Вотъ блеснулъ передъ нимъ и куполъ родной церкви, замелькали знакомые поля, лѣсочки, послышался отголосокъ пѣсни косцовъ, ѣдущихъ на работу, начали встрѣчаться то Ѳедюха съ Антономъ, то тетка Дарья съ сынишкой — и весело и легко стало на сердцѣ у Степана, и самъ онъ затянулъ »не одну-то во полѣ дороженьку«... А ужъ что было дома, какъ переступилъ онъ за порогъ своей избы, и разсказать нельзя: слезы, обниманья, смѣхъ, аханья и опять слезы. Разспросамъ не было конца. Не насмотрятся другъ на друга, не наговорятся: до Гаврилиныхъ ли порученій тутъ — успѣются и завтра. Не видала обрадованная семья, какъ начало и вечеретъ, и на покой идти пришла пора. Стихло въ домѣ и на селѣ.

Вдругъ въ глухую полночь, какъ молнія, пронесся по селу страшный крикъ: *пожаръ, пожаръ!* и переполошилъ всѣхъ. При спопутномъ вѣтрѣ, быстро заиграло пламя по соломеннымъ крышамъ сплошныхъ строеній, мигомъ обхватило полдеревни, и спалило все до-тла. Съ трудомъ отстояли другую сторону. Врасплохъ застигнутые бѣдою, крестьяне не въ состояніи были спасти почти ничего изъ своего имущества; многіе едва могли выскочить лишь такъ, въ чемъ

Digitized by Google

спали. Въ числѣ этихъ бѣднягъ была и Степанова семья; самъ онъ только-что успѣлъ схватить кафтанъ, лежавшій въ изголовьи, да вывести со двора пару лошадей.

Солнце стояло ужъ высоко, когда окончился пожаръ. Изъ лишенныхъ крова, одни принялись отрывать на своихъ пепелищахъ полуобгорѣлый домашній скарбъ, другіе, собравшись въ кучу, мерекали межъ собой, какъ бы пособить горю; а иные, понуривъ голову, сидѣли въ печальномъ раздумьи. Больно было смотрѣть на этихъ послѣднихъ, повидимому, совершенно обезнадеженныхъ несчастіемъ, а болѣе всѣхъ на Степана. Нѣсколько часовъ состарили его десяткомъ лѣтъ. Долго сидѣлъ онъ въ глубокой думѣ, не отвѣчая ни слова на разспросы родныхъ; наконецъ перекрестился со слезами, всталъ и пошелъ — къ Гаврилиному отцу. Полторы версты долго ли пройдти!

— Богъ на помочь, дядя Григорій! молвилъ онъ бодрому старику, который сидѣлъ на лавочкѣ у воротъ своей избы.

— А, Стёпа любезный! Здоровъ ли? Какими это судьбами? Чтожъ, безъ Гаврюши?

— Да вотъ такъ и такъ. Прислалъ онъ тебѣ и всѣмъ по низкому поклону. Самъ-то развѣ къ Николину дню пріѣдетъ....

— Ну, оно не совсѣмъ ладно. А грамотки нѣту?

— Нѣту; писать было нѣколи.... проговорилъ Степанъ съ какимъ-то смущеніемъ.

— Слышалъ я, братъ, про вашу бѣду, сказалъ старикъ послѣ минутнаго молчанія, — и самъ видѣлъ — здѣсь было свѣтлѣе дня— да мнѣ что-то попритчилось, не въ силахъ былъ подняться съ мѣста, а послалъ парнишекъ на подмогу. Что дѣлать? Божья воля! Уцѣлѣла ли твоя-то изба?

— Какъ есть, ни единаго бревна. Мы повыскакали почесть нагіе....

— И скотина погорѣла?

— Лишь двѣ лошадки остались живехоньки.

— Жаль, сердечно жаль. Послѣ эвтакой бѣды не скоро оправишься. Ну, я чай, ты привезъ изъ Питера кое-какія деньжонки, такъ на постройку-то и хватитъ....

— Какъ не привезти: безъ малаго двѣ тысячи рублевъ. Да видно быть грѣху такому. Положилъ я ихъ позавчерась въ ларецъ, да въ сумятицѣ и изъ ума вонъ захватить

Digitized by Google

его съ собой. Выскочилъ, опамятовался; глядь — а изъ избы рѣкою пышетъ полымя. Вотъ оно дѣло-то какое! За грѣхи прогнѣвался на насъ Господь.... Онъ далъ, Онъ и взялъ.... Вѣстимо, ноетъ сердце по трудовой копейкѣ, потомъ да кровью достадась она: а повѣришь, дядя Григорій, инда ужасть взяла меня давича, какъ хватился я твоихъ денегъ. Что свои — наживное дѣло, Богъ съ ними; а за чужія дашь отвѣтъ и на сёмъ свѣтѣ добрымъ людямъ, да и на томъ спросится. Вѣдь это не что другое. А честь-то, извѣстное дѣло, сама по себѣ, дороже всего.... Вотъ, какъ выбѣжалъ я, напережъ всего спохватился денегъ: нѣтъ ничего ни при мнѣ, ни на мнѣ; какъ есть въ одной рубашкѣ. Туда-сюда, изметался во всѣ стороны, не обронилъ ли какъ, опрошалъ своихъ, не бралъ ли кто ларца — нѣтъ какъ нѣтъ, все съѣлъ огонь. Сердце такъ и замерло у меня. Батюшки свѣты, какъ мнѣ быть! Что скажу я дядѣ Григорью, съ какими глазами покажусь къ нему, чѣмъ уплачу этотъ долгъ?... Ужъ знать, память-то всеё у меня отшибло страхомъ, затмѣніе нашло на разумъ. И не подумаю, дурацкая голова, что твою-то казну я положилъ въ кафтанъ, а онъ у меня торчитъ подъ мышкой. Ощупалъ я карманъ, вынулъ бумажникъ перечелъ ассигнаціи — всѣ до одной цѣлехоньки: ну, слава Богу, какъ гора у меня съ плечъ, ожила душа. А письмо, вѣрно, затерялось — дорогой, али на пожарищѣ — ужъ не вѣдаю. Давича сказать тебѣ было совѣстно. Сдѣлай милость по обезсудь, дядюшка Григорій!

— Да про какія деньги наладилъ ты? Я въ толкъ не возьму.

— Да про твои же, говорю, что посылаетъ тебѣ Гаврило. Мои сгорѣли, а твои Богъ помиловалъ. Вотъ онѣ, принимай счетомъ: копейка въ копейку три тысячи ассигнаціями.

Можете представить радость и изумленіе старика; ужъ онъ обнималъ, обнималъ честнаго Стёпу, — насилу тотъ освободился отъ его ласкъ.

.....

Прошло нѣсколько лѣтъ. Послѣ пожара, у Степана словно все какъ хмылъ взялъ. Изъ зажиточнаго крестьянина онъ сдѣлался почти самымъ бѣднѣйшимъ по деревнѣ. Обстроился послѣдними крохами, задолжалъ кругомъ; а тутъ пошли дѣти, и что ни годъ, то несчастье: то хлѣбъ не родится, то послѣдняя коровенка падетъ, то безпутный волкъ зарѣжетъ молодую ярочку. Словомъ, бѣда да и только. Идти опять въ Питеръ или Москву онъ не рѣшился: опостылѣла чу-

Digitized by Google

жая сторона; случится попросить помощи у кого-нибудь изъ сосѣдей— всѣ богаты лишь сожалѣніями, или на посулѣ какъ на стулѣ, а на дѣлѣ и зерна ни отъ кого не дождешься. Всѣ близкіе и родные обѣдняли послѣ пожара; всякому было лишь до себя.... И такъ бился Степанъ, какъ рыба объ ледъ, лѣтъ десять. И изба у него вросла въ землю, и самъ онъ сгорбился, и жена сдѣлалась старухой.... Вотъ однажды,—а зимой это было, предъ Рождествомъ, подъ вечеръ,—крѣпко пораздумался онъ о своей судьбинѣ: подходитъ такой большой праздникъ, а ему съ семьею почти нечѣмъ разговѣться; тамъ и Новый годъ стоитъ у дверей — подушныя надобно платить. Вездѣ горе горькое, вездѣ нужда лѣзетъ черезъ вороты, и надежды нѣтъ никакой, чтобъ сѣяла ее хоть одна какая радость. Долго думалъ Степанъ; ужъ и пѣтухи пропѣли, и разсвѣтать стало, — а онъ еще и глазъ не смыкалъ, все кручинился. Только не придумалъ ничего: чѣмъ дальше забирался, тѣмъ больше черныхъ мыслей вспадало на умъ. «Господи помилуй, неужели руки на себя наложить?» молвилъ Степанъ, очнувшись изъ тягостнаго забытья и вставая съ палатей: — Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Гореваньемъ не поможешь. Пойду покучусь дядѣ Онисиму; авось дастъ свининки на разговѣнье.» — Только что вышелъ онъ изъ воротъ, на встрѣчу ему староста. Сердце такъ и ёкнуло у нашего мужика. «Вѣрно за оброкомъ, подумалъ онъ: — ахъ ты, участь моя безталанная!» — Но что за диковина: не успѣлъ онъ, въ торопяхъ шапки снять, какъ староста поклонъ и привѣтъ ему отдалъ, и почтенѣйшимъ назвалъ. Да что же такое случилось, отчего произошла эта перемѣна? Да тысячу рублей прислали откуда-то горемычному Степану: узналъ объ этомъ староста въ почтовой конторѣ, и, забывъ прежнюю спѣсь, самъ пришелъ объявить ему о неожиданной радости. Кто такъ кстати подоспѣлъ къ бѣднягѣ на помощь, окажется изъ слѣдующаго письма, при которомъ присланы были деньги:

«Милостивому Государю, Степану Ильичу, отъ Гаврилы Григорьева Коняева наше почтеніе. О себѣ увѣдомляю, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ также желаю. Нахожусь въ столичномъ городѣ Москвѣ и производжу торговлю бакалейными товарами. Батюшка мой, Григорій Кузьмичь, волею Божіею, приказалъ долго жить, Октября мѣсяца сего года въ 20 день. Передъ смертью крѣпко наказывалъ онъ мнѣ свидѣться съ тобою, Степанъ Ильичь, да дѣла все были необстоятельныя, ждали подвозу товаровъ. За что и просимъ не взыскать. Пріѣзжай какъ можно скорѣе къ намъ, будемъ торговать вмѣстѣ, и

Digitized by Google

парижику старшаго привози: станетъ съизмаленьку къ лавкѣ привыкать. А на проѣздъ посылаю тысячу рублевъ ассигнаціями. За симъ, пожелавъ вамъ отъ Бога всякихъ благъ и добраго здоровья, съ отличнымъ моимъ почтеніемъ навсегда пребуду Гаврила Коняевъ, Московскій 2-й гильдіи купецъ.»

И. Кокоревъ.

Опіумъ. — *Курители опіума въ Китаѣ. — Мнѣнія двухъ Китайскихъ сановниковъ о вліяніи его на судьбу Небесной имперіи.*

Упоительное, а вмѣстѣ и убійственное куреніе опіума, такъ распространилось въ Китаѣ, что правительство Срединнаго царства, въ огражденіе 150,000,000, если не вдвое больше, жителей, отъ услажденія этимъ ядомъ, запретило ввозъ опіума. Жалко ли стало Англичанамъ большой половины человѣчества, которому запретили безмолвное и неподвижное наслажденіе, или стало жалко потери огромныхъ мильоновъ, только опіумъ былъ и причиной и предлогомъ, извѣстныхъ въ военныхъ лѣтописяхъ міра сего, недавнихъ событій.

Воздѣлываніе опіума составляло значительную монополію Индійской компаніи. Правительству Бенгальскому опіумъ доставлялъ до 25,000,000 руб. ежегоднаго дохода.

До 1767 года ежегодный ввозъ опіума въ Китай не простирался болѣе 200 ящиковъ *, и это вещество употреблялось въ то время какъ средство лекарственное.

Но извѣстно, что всѣ наркотическія средства, возбуждающія или усыпляющія душу человѣчества, въ началѣ всегда прикидывались лекарствомъ. Тоже, что случилось съ водкой, табакомъ, чаемъ и кофе, тоже случилось и съ опіумомъ.

Въ 1795 году ввозъ опіума въ Китай простирался уже до 1,000 ящиковъ, въ 1800 до 2,000 тысячъ.

Въ 1800 году Китайскій Императоръ наложилъ строгое запрещеніе на опіумъ; но, не смотря на это, по мѣрѣ увеличенія мако-

---

* Въ каждомъ ящикѣ около 134 фунт.

Digitized by Google

выхъ плантацій въ Индіи, увеличивались и потребители этого произведенія въ Китаѣ.

Въ 1802—3 году Калькутта препроводила въ Китай 2033 ящ.

— 1818..... слишкомъ 3,500 ящ.

Чрезъ десять лѣтъ пропорція привоза изъ Калькутты, Бомбея и Дамауна возрасла до 13,132, еще чрезъ десять до 40,000 или даже до 50,000 ящиковъ.

Такимъ образомъ торговля опіумомъ, поражаемая нѣсколько разъ запрещеніемъ, и въ заключеніе бывшая причиной достопамятной войны, процвѣтаетъ теперь какъ нельзя лучше. — Не смотря на то, что для нея нѣтъ открытыхъ портовъ, контрабанда устроила свои склады въ окрестностяхъ этихъ портовъ. Въ этихъ-то плавучихъ складочныхъ магазинахъ или *депахъ* опіума, Китайскіе контрабандисты закупуютъ его, и безъ таможенной помѣхи, развозятъ по Срединному царству.

Въ слѣдствіе ли запрещенія курить опіумъ, или для неприкрашиваго ничѣмъ наслажденія, Китайцы обыкновенно курятъ его въ укромнѣйшихъ углахъ домовъ своихъ; окруженные безмолвіемъ и сумракомъ, они разваливаются на низенькихъ диванахъ и упиваются пьянымъ дымомъ. Тутъ передъ ними столикъ, на столикѣ лампадка, банка съ опіумомъ, нѣсколько деревянныхъ трубокъ и проволочныхъ прутиковъ. Раскаливъ ихъ на огнѣ, они нанизываютъ опіумомъ отверстіе трубки, и потомъ, наложивъ табаку, курятъ.

Дѣйствіе опіума различно, смотря по количеству его употребленія, по сложенію, силамъ и возрасту. Часто, начинаютъ къ нему привыкать съ юныхъ лѣтъ: сначала изъ любопытства, потомъ изъ подражанія господствующему обычаю, который сталъ почитаться признакомъ высшаго вкуса; а наконецъ, втягиваясь, до страстной необходимости постояннаго упоенія. — Проявленіе вредныхъ послѣдствій также неопредѣленно. Иные испытываютъ бѣдовое вліяніе послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ, другіе позже. Многіе выкуриваютъ отъ двухъ даже осьми *кандаринъ*, и увѣряютъ, что пріятное ощущеніе опьяненія продолжается отъ шести до осьми часовъ. Опіумъ дѣйствуетъ подобно крѣпкимъ напиткамъ, порождаетъ веселое расположеніе духа и возбуждаетъ мозгъ; но восторженное состояніе, хмѣль, бредъ и сильное раздраженіе нервовъ, постигаютъ только предающихся этой страсти запоемъ.

Digitized by Google

Покуда длится періодъ наслажденія, доставляемаго опіумомъ, каждый куритель льститъ себя надеждою, что избѣгнетъ вредныхъ послѣдствій, несмотря на повторяющіяся вокругъ него доказательства противнаго. Скоро однако же зловѣщіе признаки разрушаютъ эту надежду, хотя и не вдругъ настаютъ страданія. Сперва чувствуется одно нерасположеніе и тягость въ членахъ, требующія безпрестаннаго возбужденія органовъ, безъ чего они лишаются способности отправленія. То, что составляло наслажденіе, обращается въ необходимость, и тогда уже становится невозможнымъ отказаться отъ привычнаго употребленія: слабость, безсонница, головныя боли, повсемѣстная ломота, раздраженіе пищеварительныхъ органовъ и тошнота, требуютъ похмѣлья.

Второй періодъ послѣдствія также длится нѣсколько лѣтъ. Наконецъ наступаетъ третій, который не такъ уже продолжителенъ, какъ два первыхъ. Совершенное истощеніе тѣла поддерживается только одними опіумомъ. Побужденіе къ пищѣ совершенно исчезаетъ, желудокъ варитъ съ трудомъ, постоянная боль во всѣхъ костяхъ, поносы не прекращаются, кровь едва течетъ, нравственныя силы изнемогаютъ, ноги не служатъ, память теряется, глаза тускнѣютъ, зубы портятся. Бѣдность и недостатки, какъ будто по обычаю, не замедляютъ присоединиться къ этимъ недугамъ, и страдалецъ становится въ тягость и самому себѣ и семьѣ, не видитъ ничего спасительнаго впереди кромѣ смерти, и часто, въ припадкахъ отчаянія, вызываетъ ее преждевременно.

Всѣ посѣщавшіе страны, гдѣ въ обычаѣ курить опіумъ, удостовѣряютъ единогласно въ гибельныхъ послѣдствіяхъ этого куренія, разрушающаго здоровье, силы, юность и красоту; и нѣтъ страсти, которая бы такъ овладѣвала человѣкомъ и пожирала его. Это, можно сказать, путь чрезъ временныя наслажденія къ вѣчнымъ мукамъ.

Прежде нежели приняты были крайнія мѣры, бывшія причиною войны Великобританіи съ Китаемъ, Китайское правительство дѣлало испытанія и тщательно собирало свѣдѣнія о разрушительномъ дѣйствіи опіума. Многіе Китайскіе ученые составили любопытныя разсужденія объ этомъ предметѣ. Читая ихъ, ясно видишь правоту той стороны, которая противилась ввозу.

Въ 1800 году, Императоръ Кса-Кингъ, воспретивъ ввозъ опіума, предложилъ Индійской компаніи не отправлять этого продукта для продажи въ Китаѣ. Въ 1809 году, купцы — повѣренные въ Кантонѣ

Digitized by Google

обязаны были выдавать судамъ, выгружающимъ въ *Вампу*, свидѣтельство, что въ числѣ товаровъ нѣтъ опіума. Потомъ предписаны были мѣры крайней строгости съ продающими опіумъ внутри государства. Въ 1830 и 1831 годахъ императорскіе указы, сравнивая зло, производимое опіумомъ, съ распространяющимся пожаромъ, узаконили наказаніе 100 ударами бамбуковой тростію и трехъ-лѣтнее изгнаніе каждому, кто покусится не выдать торговца опіумомъ. Тѣ же указы обязывали всѣхъ областныхъ и мѣстныхъ правителей отбирать отъ подчиненныхъ подписки, которыми они отрекались отъ употребленія опіума. Въ 1832 году правитель Кантона издалъ воззваніе, изъ котораго представляемъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія.

« .... Опіумъ есть самый тончайшій пагубный ядъ. Ввозъ его былъ строго запрещаемъ; но, не смотря на это, чужеземцы продолжаютъ торговать имъ на судахъ, которыя останавливаются близъ острова Линь-тинь.

«Объ этомъ было представлено Императору, и приняты строгія мѣры для искорененія зла въ корнѣ. Теперь подтверждается вновь всѣмъ *хонгамъ* * сообразоваться съ этимъ постановленіемъ, и предложить неуклонно чужеземцамъ различныхъ народовъ, впредь не ввозить опіума, если они хотятъ торговать въ Кантонѣ. Если они не будутъ повиноваться, то имъ запретится продажа, и купля, и въ ознаменованіе наказанія они лишатся права торговли. Хонги обязаны всѣми мѣрами стараться о прекращеніи тайнаго ввоза опіума. Если же окажутъ малѣйшее невниманіе къ этой обязанности, и если откроется ввозъ опіума, то съ ними поступлено будетъ какъ съ преступниками, — безъ оправданій. Таково повелѣніе.“

---

* Правительство Китайское, для вѣрнаго ли таможеннаго сбора, или для сосредоточенія отвѣтственности, не дозволяетъ Китайскимъ торговцамъ частнаго и произвольнаго сношенія съ иностранными купцами въ Кантонѣ; веденіе иностранной торговли дозволяется только получающимъ на то право гуртовой торговли. Эти-то торговые люди называются Англичанами *хонгъ*, Французами *ханистами*, по-Китайски же компанія ихъ называется Гунъ-Ханъ. — Замѣчательно, что это почти тоже, что называвшіеся у насъ въ старину *гости* — купцы, получавшіе за царскую службу при таможенныхъ сборахъ, право торговой личности съ иностранцами. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было ихъ 30 человѣкъ, и каждый изъ нихъ велъ торгъ на капиталъ до 100,000 рублей. У Китайцевъ въ Кантонѣ, или Гуанчжеу-фу, считается до 18 человѣкъ хонговъ.

Digitized by Google

Въ 1836 году, членъ законодательнаго судилища Гу-му-чжи представилъ Императору замѣчательный докладъ, которымъ онъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ доказывалъ необходимость разрѣшенія ввоза опіума, на нѣкоторыхъ условіяхъ.

«Чѣмъ строже было запрещеніе ввоза опіума, — говоритъ онъ,— тѣмъ болѣе этотъ ядъ распространялся. Это обстоятельство требуетъ особеннаго вниманія, и представитель доклада осмѣливается просить о тайной повѣркѣ сказаннаго..... Въ царствованіе Императора Кіэн-лунга, былъ объявленъ тарифъ, въ которомъ заключался и опіумъ. Въ первый годъ царствованія Кэа-кинга, куреніе опіума объявлено было преступленіемъ и наказываемо было колодкой, заключеніемъ, палками, ссылкой и даже смертію; но это не воздержало быстро-возростающаго числа курителей.

«При Имп. Кіэн-лунгѣ, опіумъ по осмотрѣ таможеннымъ выдавали хонгамъ, какъ и всякой другой товаръ, и мѣняли на чай и прочія произведенія земли. Теперь же, послѣ строжайшаго запрещенія ввоза, торговцы покупаютъ его тайно, на чистыя и невозвратимыя деньги. Прежде одинъ *таэль* серебра саицы (заїсі) стоилъ 1000 качей, нынѣ онъ стоитъ отъ 1200 до 1300. Продавцы соли, получая за соль мѣдную монету, и вымѣнивая ее на серебро, для уплаты повинностей, подвергаются большой потерѣ, что и имѣетъ вліяніе на упадокъ многихъ отраслей промышленности.

«Говорятъ, что можно уничтожить зло съ корнемъ, запретивъ торговлю съ иностранцами. Безъ сомнѣнія, что Небесное государство ничего не возчувствуетъ отъ потери нѣсколькихъ мильоновъ дохода, но справедливо ли, чтобъ Португальцы и другіе чужеземцы, имѣющіе торговыя сношенія съ Китаемъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ вѣковъ, потерпѣли за Англичанъ?....

«Иностранныя суда приходили къ берегамъ Фо-Кіэна, Чже-Кіанга, Кіангана, Шантунга, съ цѣлію продавать тамъ опіумъ. Они были не допущены начальствомъ, но не менѣе того достовѣрно, что въ порты этихъ провинцій ввезено тайно значительное количество опіума. Такимъ образомъ прекращеніе торговли въ Кантонѣ не послужитъ средствомъ къ прекращенію тайныхъ ввозовъ.

«Чиновникамъ правительства поручено строго наблюдать за набережными; но ихъ усердіе слабо, и тайный ввозъ ежегодно увеличивается; подкупность болѣе дѣйствуетъ на чиновниковъ нижняго раз-

Digitized by Google

ряда, нежели страхъ отвѣтственности. Чѣмъ строже запрещеніе, тѣмъ болѣе распространяется нарушеніе ихъ, и тайные промышленники становятся ухищреннѣе.

«Народонаселеніе нашего обширнаго государства увеличивалось годъ отъ году .... но теперь, когда несчастная привычка курить опіумъ распространяется повсюду, жизнь сокращается, средства жизни уменьшаются, народное богатство исчезаетъ. Необходимо подумать о средствахъ къ прекращенію зла; и потому слѣдуетъ дозволить ввозъ опіума, и не поддерживать запрещеній, которымъ не повинуются; но, по мнѣнію моему, должно наложить на чужеземныхъ купцовъ пошлину за ввозъ опіума, выдавать его хонгамъ, какъ статью мѣновую, и запретить продажу на серебро. Вывозъ этого металла долженъ быть строжайше воспрещенъ.

«Слѣдуетъ воспретить строжайше куреніе опіума воинамъ и всѣмъ чинамъ правительства; кто нарушитъ это запрещеніе, строжайше наказывать; народу же дозволить покупать, продавать, и курить по желанію. Всѣ вообще люди знаютъ, что кромѣ опіума, есть и другіе пороки, которые раждаютъ не менѣе гибельныя послѣдствія, и не смотря на это, во всѣ времена предавались имъ.

«Когда будутъ мѣнять товаръ на товаръ, правительство не будетъ нести убытковъ; а это главное, это должно соблюдаться съ твердою настойчивостію, иначе государство подвергнется бѣдѣ неизцѣлимой.

«Представляющій докладъ сей почтительно проситъ Ваше величіе, подвергнуть его обсужденію государственныхъ совѣщателей и начальству Кантона.»

Это мнѣніе Гу-му-чжи было рѣшительно опровергнуто Чуж-Тзуномъ, другимъ членомъ законодательнаго судилища.

«— Въ пользу ввоза опіума подали голосъ, основываясь на примѣрахъ нарушенія законныхъ запрещеній; но какъ будто всѣ прочія законныя постановленія не преступались. Если и постановленія на счетъ опіума были иногда нарушаемы, слѣдуетъ ли изъ этого необходимость ихъ уничтожить? Если случается временная порча желудка, нужно ли совершенно отказаться отъ пищи?

»Предлагаютъ дозволить ввозъ опіума, какъ статью мѣновую, наложить пошлину и запретить продажу на серебро, для предупрежденія вывоза этого металла. Но возможно ли, не нарушивъ прави-

Digitized by Google

тельственнаго достоинства, открыть пристани, послѣ всѣхъ мѣръ противъ тайнаго ввоза?.... Если въ нашихъ силахъ воздержать вывозъ серебра, отъ чего же не можемъ воздержать ввозъ опіума? Достигнувъ до того и другаго, мы прекратимъ вдругъ два зла вмѣсто одного.

»..... Гибельное вліяніе опіума на Китайскій народъ составляетъ предметъ важнѣйшихъ соображеній; потому что народъ есть сущность государства. На достоянія основывается благосостояніе народа; недостатки могутъ пополняться; обѣднѣвшій народъ можно возвратить къ благосостоянію; но нѣтъ средствъ спасти народъ разслабленный роскошью. Ввозя въ Китай опіумъ, Англичане имѣютъ цѣлію ослабить Срединное царство. Если мы не возчувствуемъ угрожающей намъ опасности, то скоро дойдемъ до окончательной эпохи распаденія. Благоговѣйно читая священныя наставленія вашего предка, Государь, добродѣтельнаго Канги, я встрѣтилъ въ нихъ слѣдующее замѣчаніе: »Надо опасаться, чтобъ чрезъ нѣсколько сотъ или тысячу лѣтъ, Китай не подвергнулся бѣдамъ отъ различныхъ западныхъ народовъ, которые посылаютъ въ него свои корабли.... «— Не болѣе какъ черезъ два вѣка послѣ этого предсказанія, мы уже видимъ начало этой бѣды. Хотя не возможно вдругъ прекратить торговли, но по крайней мѣрѣ необходимо, предвидѣть опасность и предупредить ее.

»Необходимо учредить строжайшее наблюденіе надъ пристанями разныхъ провинцій, и въ благотворное предостереженіе, *наказать* нѣкоторыхъ.

»Со времени восшествія вашего, Государь, на престолъ, припоминалось правило предковъ вашего блистательнаго рода, что кавалерія и стрѣльцы составляютъ прочную его опору. Но если привычка къ опіуму распространится между воинами, руки ихъ будутъ дрожать, ноги подгибаться, то какимъ образомъ образуется изъ нихъ сильное и страшное войско?

»Предлагаютъ запретить употребленіе опіума чиновникамъ, ученымъ и военнымъ, а дозволить народу: но откуда же изходятъ чины государства и воины, какъ не изъ среды народа? Не пополняются ли отдѣлы войскъ новобранцами изъ того же народа?

»Въ настоящее время, по всему пространству царства, духъ народа подверженъ величайшей опасности. Слабѣйшіе духомъ, соблазняемые различными ученіями, впадаютъ въ смуту суевѣрій, отъ которыхъ не могутъ избавиться. Головы умнѣйшихъ, помраченныя упо-

Digitized by Google

требленіемъ опіума, кружатся какъ вихрь, и ихъ не приведешь къ разсудку. Тщетно искалъ я цѣлебнаго средства противъ этихъ золъ. — Но, если законы царства будутъ поддержаны, простымъ и честнымъ поселянамъ внушится, чего имъ должно опасаться, — и они будутъ отклонены отъ всего зловреднаго; если образованные и умные поймутъ зло, — они воздержатся отъ него. Если же запрещеніе снимется, и тотъ поступокъ, который правительство признавало преступнымъ, вдругъ разрѣшится, то какимъ образомъ простой, невѣдающій ничего народъ пойметъ, что въ самомъ этомъ поступкѣ заключается зло?

«Опіумъ будутъ курить посреди бѣлого дня, безъ стыда и опасенія, привыкнутъ къ нему, какъ къ пищѣ и питью; но когда добродушіе и страхъ исчезнутъ, послѣдствія, нарушившія благочестіе и духъ народный, будутъ ужасны....»

Этотъ докладъ Чжу-тзу имѣлъ большое вліяніе на рѣшительное запрещеніе торговли опіумомъ, и на строжайшія мѣры противъ виновныхъ. — Въ 1837 году, императорскимъ указомъ, повелѣно неотлагаемо удалиться отъ береговъ Китая всѣмъ иностраннымъ судамъ, нагруженнымъ опіумомъ.

Здѣсь начинается и предлогъ войны Англичанъ съ Китайцами. Теперь запретительный законъ ввоза опіума не уничтоженъ; но онъ сталъ мертвой буквой. Сами мандарины способствуютъ кознямъ. Теперь употребленіе опіума не составляетъ уже и роскоши; это уже просто необходимость. Бѣдные и нищенствующіе также стараются добывать себѣ этого ядовитаго лакомства, чтобъ хоть минуту поблаженствовать въ упоительномъ дыму и забыть печальную существенность. Начиная съ мандарина съ красной запонкой, до полунагаго *кули*, всѣ курятъ теперь опіумъ.

НОВОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ТУШЕНІЯ ПОЖАРОВЪ. — Г. Годенъ (Gaudin) предложилъ Парижскому Обществу Поощреній изобрѣтенное имъ средство къ скорѣйшему потушенію огня. Это средство испытано и оказалось болѣе полезнымъ, нежели простая вода, хотя это также вода; но съ растворомъ нѣкотораго количества осадочныхъ солей, напримѣръ квасцовъ, или хлористой извести. Простая вода испаряется, и облитое мѣсто воспламеняется снова, между тѣмъ какъ хлористая осадка мѣшаетъ воспламененію.

Digitized by Google

ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ ВЪ РОССІИ ВЪ 1849 ГОДУ считается — газетъ и вѣдомостей 100, журналовъ 56. Изъ нихъ 110 выходитъ на Русскомъ языкѣ, 8 на Французскомъ, 30 на Нѣмецкомъ, 3 на Англійскомъ, 1 на Италіянскомъ, 1 на Польскомъ * и 3 на Латышскомъ. Но много ли изъ этой значительной цифры достается на долю собственно литературы? Исключивъ изъ 110 журналы и газеты спеціальные (духовные, медицинскіе, хозяйственные, торговые, дѣтскіе, музыкальные и проч.), потомъ издаваемые правительствомъ, наконецъ губернскія вѣдомости, содержащія въ себѣ исключительно мѣстныя распоряженія начальства, мы получимъ всего на все 8 газетъ и 7 журналовъ; да изъ этихъ послѣднихъ два (Сѣверное обозрѣніе и Репертуаръ) существуютъ только въ объявленіяхъ....

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ. — Только что получены здѣсь вышедшія въ Петербургѣ: *Путешествіе по Африкѣ*, Е. И. Ковалевскаго, и *Обозрѣніе экономической статистики*, И. Я. Горлова. Обѣ эти книги составляютъ капитальное пріобрѣтеніе литературы.

Въ Петербургѣ же вышелъ *Литературный Сборникъ Современника*, въ которомъ, между прочимъ, помѣщена драма Графа Соллогуба: «Мѣстничество.»

Профессоръ Срезневскій, какъ мы слышали, приготовляетъ къ изданію первый выпускъ своего важнаго труда: *Памятники Славянскихъ нарѣчій, объясненныхъ филологически и археологически.*

Г. *Доброхотовъ* печатаетъ описаніе Владимірскаго Собора. Какъ пріятно это извѣстіе! Пора Владиміру взять примѣръ съ Новагорода.

Профессоръ *Новоструевъ* оканчиваетъ подробное описаніе Симбирской Епархіи.

Профессоръ *Елисѣевъ* приготовилъ историческое описаніе трехъ чудотворныхъ иконъ Казанской губерніи. Этотъ почтенный ученый уже

---

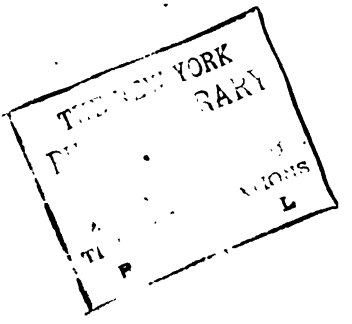
* Выходящій въ Вильнѣ Kurier Wilenski есть только переводъ издаваемой тамъ газеты на Русскомъ языкѣ.

Digitized by Google

пріобрѣлъ себѣ имя прекраснымъ своимъ трудомъ о Кязанскихъ угодникахъ, Германѣ, Гуріи и Варсонофіи.

Въ Одессѣ скоро долженъ выйдти переводъ книги: Galerie de rtix Montyon, которая имѣла блистательный успѣхъ во Франціи, и считается классическою для чтенія средняго возраста. Мы видѣли очень хорошіе отрывки изъ этого перевода.

Подъ одной статейкой Москвитянина въ Смѣси (No 5, с. 30) подписано имя автора *Н. Г.*, и потому напрасно Сѣверная Пчела приписала ее Редактору.



МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 14-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

R 1 2 1983

Digitized by Google

Digitized by Google